

Казахстанский институт
стратегических исследований
при Президенте Республики Казахстан

Мурат Лаумулин

**ИСТОРИЯ КАЗАХСТАНА
И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
В МИРОВОЙ ОРИЕНТАЛИСТИКЕ**

(к 550-летию Казахского ханства)

Часть II

**Древняя и средневековая история
Центральной Евразии
в трудах зарубежных востоковедов**

Астана 2015

УДК 94 (574)
ББК 63.3 (5 каз)
Л 21

*Утверждено к печати Ученым советом
Казахстанского института
стратегических исследований при Президенте РК*

Автор:

Лаумулин Мурат Турарович, доктор политических наук, профессор

Рецензенты:

Абусейтова М.Х., доктор исторических наук, профессор
Сыроежкин К.Л., доктор политических наук, профессор
Байзакова К.И., доктор исторических наук, профессор

Лаумулин М.Т.

Л 21 История Казахстана и Центральной Азии в мировой ориенталистике (к 550-летию Казахского ханства). — Астана: КИСИ, 2015. — 592 с.

ISBN 978-601-7476-13-7

Часть II. Древняя и средневековая история Центральной Евразии в трудах зарубежных востоковедов

ISBN 978-601-7476-15-1

В книге рассматриваются древние и средневековые источники по истории Центральной Азии и ее народах, автохтонные источники, мусульманская историография, а также китайские источники; изучаются основные направления в исследовании средневековой истории региона: концепции номадизма и культурологии кочевничества, тюркология, алтаистика и языкознание, турфанские исследования и уйгуроведение, кипчаковедение (куманология). Также представлена проблематика крупных кочевых империй Евразии в древности и средневековье: гуннов, древних тюрков, монголов и эпигонов Монгольской империи, империи Тимура; дан анализ влиянию на регион и культуру Центральной Азии таких мировых религий, как буддизм, христианство и ислам, показана роль суфизма в распространении и укреплении ислама в регионе. Отдельным вопросом выделен ислам в Средней Азии и исламское культурное наследие в Центральной Азии.

Книга адресована широкому кругу специалистов по истории, историографии и востоковедению, международным отношениям, безопасности, геополитике, политологии и рекомендуется в качестве учебного пособия для факультетов и кафедр востоковедения, истории, политологии, международных отношений.

**Издание не предназначено для продажи
и распространяется бесплатно**

**УДК 94 (574)
ББК 63.3 (5 каз)**

**ISBN 978-601-7476-13-7 (общ.)
ISBN 978-601-7476-15-1 (ч. II)**

© Лаумулин М.Т., 2015
© КИСИ при Президенте РК, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Часть II. Древняя и средневековая история Центральной Евразии в трудах зарубежных востоковедов

Глава I. Древние и средневековые источники по истории

Центральной Азии	5
§ 1. Древние авторы о народах Центральной Азии	5
§ 2. Средневековые источники по Центральной Азии ...	8
§ 3. Автохтонные источники	40
§ 4. Мусульманская историография	55
§ 5. Китайские источники	71

Глава II. Основные направления в изучении

средневековой истории региона	95
§ 1. Концепции номадизма и культурологии кочевничества	95
§ 2. Тюркология, алтаистика и языкознание о ранней и средневековой истории региона.	154
§ 3. Турфанские исследования и уйгуроведение	209
§ 4. Кипчаковедение/куманология.....	261
§ 5. Чагатайские исследования	296

Глава III. Империи степей.....

§ 1. Гунны и их преемники	307
§ 2. Монголы.....	335
§ 3. Золотая Орда и ее наследники	390
§ 4. Тимур и тимуриды	445

Глава IV. Мировые религии и культуры

в Центральной Азии	472
§ 1. Буддизм и христианство.....	472
§ 2. Исламология и изучение мусульманской цивилизации в Средней Азии.....	481
§ 3. Роль суфизма в распространении и укреплении ислама.....	487
§ 4. Ислам в Средней Азии.....	517
§ 5. Исламское культурное наследие в Центральной Азии.....	525
ҚСЗИ туралы ақпарат	584
Информация о КИСИ	586
Information about the KazISS	588

Глава I. Древние и средневековые источники по истории Центральной Азии

На современном этапе в источниковедении можно выделить следующие направления: поиск источников (эвристика), изучение графики письменных памятников (палеография), изучение формуляра (дипломатика), установление текста и истории создания (текстология), познание достоверности информации памятников письма (историческая критика), публикация источников и т.д.

§ 1. Древние авторы о народах Центральной Азии

Западная историографическая традиция упоминает в качестве самых первых информационных источников о народах Центральной Евразии (по Синору) «Одиссею» Гомера, где говорится о «сумрачных киммерийцах». Тем самым первые сведения о народах — культурных и цивилизационных предшественниках кочевников евразийских степей западные авторы относят к 1200 г. до н.э. Д. Синор считает, что скифы вышли на историческую арену в 750—700 гг. до н.э. В VIII в. до н.э. скифы контактировали с Ассирией, где остались следы о них в письменных источниках; в VI—V вв. скифы фигурируют в ахеменидских настенных надписях (**Sinor, 1969, pp. 79—83**). Своим названием «скифы» эти народы обязаны Геродоту, который около 516—513 гг. до н.э. совершил экспедицию в Северное Причерноморье и оставил первые в европейской науке сведения об этих народах. В персидских источниках они фигурируют в качестве «саков». Ряд ученых, в том числе и крупнейший знаток древней Персии Р. Фрай, считают, что саки отличались от своих оседлых соседей в основном образом жизни (кочевым), сохраняя в то же время этническую и лингвистическую близость (**Frye, 1962, p. 43**). Синор утверждает, что в многочисленных персидских источниках,

описывающих войны Дария и его преемников с саками и массагетами, нашло отражение первое в истории восприятие кочевых народов как воинственных в отличие от оседлых «мирных» — земледельческих. В дальнейшем эта традиция нашла продолжение в гениальном эпосе Фирдоуси «Шах-наме» в виде вечной дихотомии Иран — Туран.

Сравнивая описания похорон у скифов, даваемые Геродотом, с описаниями похорон у тюрков и монголов, зафиксированных в китайских хрониках, Д. Синор находит общее в некоторых деталях, что может служить подтверждением культурной преемственности этих кочевых обществ¹. Самым выдающимся знаковым символом скифской цивилизации, своего рода ее визитной карточкой, Синор вполне обоснованно называет т.н. звериный стиль в изобразительном искусстве. Он пишет, что «этот стиль распространился, оказывая свое влияние, на всем пространстве от Западной Европы до Китая» (**Sinor, 1969, p. 83**). Этот автор считает, что очень немногие народы, сменявшие на протяжении тысячелетий скифов на степных просторах Евразии, смогли достичь сравнимого с ними технологического и культурного уровня.

Страбон одним из первых античных авторов в своей «Географии» описывает военную стратегию скифо-сакских кочевников в отношении земледельческих и городских цивилизаций: «Эти народы согласились платить кочевникам дань, которая состояла в дозволении в определенное время совершать набеги на страну и уносить добычу. Но когда они дерзко нарушали договор, начиналась война, затем опять примирение, а потом снова военные действия. Такова жизнь и прочих кочевников; они постоянно нападают на своих соседей и затем примиряются с ними»².

---

¹ Эта мысль о культурном и цивилизационном родстве саков с тюркскими кочевниками нашла блестящее подтверждение применительно к казахам в монографии А. Акишева. — См.: Акишев А.К. Искусство и мифология саков. — Алма-Ата: Наука, 1983.

² Страбон. География. — М., 1994.

Д. Синор, обращаясь к Страбону и ряду других греческих источников, пишет, что некоторые племена, которые контактировали с Бактрией и, возможно, одновременно входили в ее состав, можно идентифицировать как саков, или же *тохаров*, которые затем попали в состав имперских образований хунну. Речь идет о народе, расселявшемся в южном Семиречье и фигурировавшем у Птолемея как *тохарой*, в индийских источниках — как *тухара* и в китайских — как *юй-джи*. В контексте международных отношений второй половины II в. до н.э. тохары, давшие Бактрии название Тохаристан, стали причиной гибели эллинистического государства в Средней Азии и завоевания саками северной Индии, как делает вывод Синор (Sinor, 1969, p. 91). В 139 г. до н.э. китайский император Вути сделал попытку заключить союз с тохарами против хунну. Эта попытка осталась неудачной, но известно, что в течение долгого правления этого императора Китай вел военные действия в местности Та-юань, которую Синор идентифицирует как Фергану.

В хрониках Прокопия Кесарийского о войнах с персами и вандалами сохранилась информация, что Византия платила гуннам Аттилы до 700 фунтов золота в год. Это было для Константинополя выгоднее, чем содержать большие гарнизоны на границе³.

Другой византийский автор Константин Багрянородный описывает печенегов и характеризует их как «ненасытными и жадными до подарков». По-видимому, в его «Управлении империей» нашла отражение схема взаимоотношений, которую кочевники успешно применяли в отношении земледельческих обществ⁴.

Среди источников на латинском языке собственно документы римской эпохи, содержащие сведения по Центральной Ев-

---

³ Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. — М., 1993. — С. 36, 48, 113, 188, 341, 352.

⁴ Константин Багрянородный. Об управлении империей. — М., 1989. — С. 43, 55.

разии, очень малочисленны. Синор называет «Германию» Тацита, в которой есть отдельные сюжеты по народам уральской группы. Отдельной подгруппой Синор выделяет документы христианских авторов: «Гетику» Иордана (ок. 550), важную для изучения гуннов и содержащую отрывки из утраченных трудов Кассиодора и Приска; «Историю франков» Григория, епископа Турского (538—594), также содержащую много информации о гуннах.

§ 2. Средневековые источники по Центральной Азии

Некоторые ученые, в частности Д. Синор, считают, что история обширных пространств Внутренней Азии (Центральной Азии, Сибири, Монголии, Китая, Тибета, Среднего Востока), Кавказа и Восточной Европы должна прочитываться в едином контексте на всем протяжении исторического периода с момента выхода кочевых народов на авансцену мировой истории. Для более точного обозначения единства истории этого ареала Синором предлагается термин «Центральная Евразия» (**Sinor, 1969, pp. 1—5; Sinor, 1970**). Характерно, что Синор считает, что вводимый им термин отражает в большей степени культурологический характер, чем географическое единство этого суперрегиона. Однако в своей книге «Внутренняя Азия» Синор, считая, что единый культурологический тип Центральной Евразии базировался на схожем типе хозяйства и вытекавшем из него социально-иерархическом строе, невольно возвратился в своих рассуждениях к идее географического детерминизма, довлевшего над пространствами Центральной Евразии в течение почти всей истории, известной по существующим источникам. Согласно Синору, именно резко континентальный климат является причиной появления культурно-хозяйственного феномена, который он подразумевает под термином Центральная Евразия (**Sinor, 1969, p. 8**).

Однако у этого термина существует еще один аспект — лингвистический. Как отмечалось выше, Д. Синор является одним из вернейших адептов алтайской теории. В духе этой концепции он пытается найти еще одну общность помимо культурной и географической и находит ее. С оговорками Синор фактически подводит читателей к мысли, что Центральная Евразия — это ареал, населенный преимущественно народами, говорящими на языках алтайской группы и близкой им уральской. В более детальном виде алтайская теория была сформулирована немецким профессиональным лингвистом Н. Поппе (**Poppe, 1965**). В качестве еще одного культурологического критерия общности алтайских народов Синор рассматривает алфавит как наиболее объединяющий цивилизационный фактор. Однако перечисление употреблявшихся на протяжении нескольких тысячелетий видов письменности (рунической, уйгурско-монгольской, арабской, кириллицы) не дает возможности исследователю прийти к какому-либо определенному выводу. Очевидно, что смены алфавитов были сами результатом более глубоких социально-культурных процессов.

Д. Синор также одним из первых в американской историографии сделал историографический обзор ранней истории Центральной/Внутренней Евразии. Основными языками, на которых зафиксированы эпизоды истории народов региона и главные события, потрясшие Евразию, были китайский, персидский, турецкий, латинский, греческий, русский, монгольский и позднее тюркские языки. В качестве досадного для историков факта Синор называет малое количество оригиналов среди дошедших до нас источников; в большинстве своем это копии, причем не первые. В меньшей степени это относится к китайским источникам, так как китайцы практиковали печатание уже с VIII в. Синор подчеркивает далее важность критического анализа древних и средневековых источников для современных исследователей. Еще одним

изъяном является фрагментарность дошедших до нас источников: безвозвратно утеряны многие уникальные источники, известные нам только в переложении, причем не всегда корректном. Это касается источников по истории гуннов, готов и волжских булгар. Переложение, заимствование, плагиат, цитирование и пересказ древних источников более поздними эпигонами породили другую беду: искажение в именах собственных и географических названиях, ошибки и даже хронологические сдвиги.

В связи с этим аспектом критического прочтения источников возникает ряд топонимических и ономастических проблем. Исследователями замечено, что самоназвания народов зачастую не совпадают с тем, как называют или называли ранее данный народ его соседи. Более того, в разные эпохи названия того или иного народа менялись или один народ получал имя другого. В Европе это произошло с немцами и венграми, в Азии — с татарами, казахами, кипчаками, возможно, гуннами, жуань-жуанями, китайцами и мн.др. Однако Синор подчеркивает еще одну особенность источников по истории Центральной Евразии, которая состоит в том, что чрезвычайно важное значение для нее имеют неписьменные источники и устная традиция. Несколько бегло говорит этот автор об археологических источниках и их значении для науки; однако это объяснимо тем фактом, что для западных востоковедов археология играла существенно меньшую роль, чем для советских историков, прежде всего в силу недоступности материальных источников для них (Sinor, 1969, pp. 51—56).

Д. Синор классифицирует письменные источники по истории Центральной Евразии по их происхождению: источники собственного происхождения или местные, западные, дальневосточные и исламские. К первой категории, которую этот востоковед считает чрезвычайно важной, относятся в первую очередь надписи на древнетюркском и уйгурском язы-

ках VIII и IX в., написанные т.н. руническим письмом на каменных стеллах. Географически древнетюркские источники разделяются на две группы. К первой относятся собственно рунические памятники т.н. орхо-енисейской культуры, Монголии и Алтая; ко второй — обширная группа религиозных, административных и коммерческих документов, относящихся преимущественно к Восточному (Китайскому) Туркестану. Однако данные документы не гомогенны в лингвистическом отношении; часть из них была написана на иранском и ирано-согдийском языках.

В качестве выдающегося источника Синор называет «Сокровенное сказание монголов» — памятник, относящийся к середине XIII в. и принадлежащий неизвестному автору, который представлял собой в оригинале документ объемом 120—150 страниц современного формата в виде хроники. К сожалению, пишет Синор, оригинал был утерян, а копия XIV в. представляет собой китаизированный с точки зрения транслитерации документ. Предполагается, что оригинал был написан употреблявшимся в эпоху Чингис-хана и первых чингисидов монгольским письмом, базировавшимся на уйгурском шрифте. «Сокровенное сказание монголов» является главным источником, проливающим свет на происхождение Чингис-хана и создание Монгольской империи. В нем мало внимания уделяется военным походам монголов, а основное внимание уделяется внутривосточной жизни монгольского государства, что делает источник еще более ценным. «Секретное сказание монголов» является уникальным документом, так как ни один другой источник этой эпохи монгольского происхождения не сохранился.

Начиная с XIV в., в источниковом комплексе преобладали двуязычные китайско-монгольские описания, которые излагают историю эпохи династии Юань, т.е. период монгольского владычества. До второй половины XVII в. «Секретное сказание монголов» оставалось единственным чисто мон-

гольским источником. Последующие исторические летописи, такие как «Саган сечен» (1662), носили вторичный характер с сильным буддистским влиянием и пересказывали то же самое «Сокровенное сказание», которое предназначалось для устного поэтического пересказа в духе традиционной кочевой культуры.

В качестве других важных источников Д. Синор называет такие тюркофонные источники, как «Бабур-наме» на чагатайском языке и близкую ему семантически «Генеалогию туркмен» и «Генеалогию тюрков» Абулгазы Бахадур-хана. «Бабур-наме» — главный источник по истории тюрков Могулистана во главе с Бабур-шахом (1483—1530) и их завоеванию Индии; труды властителя Хивы Бахадур-хана (1603?—1663) являются основными источниками по истории Шейбанидов (Гл. 1; Гл. 2. § 1). Последние тесно связаны в культурном и историографическом плане с османской исторической литературой, однако Синор выносит этот сюжет за рамки своего обзора. В качестве местных источников Синор называет т.н. Джученьские надписи, по-видимому, на тунгузском языке, однако до сих пор нерасшифрованные. К группе монгольских источников Синор относит также т.н. «Староманьчжурские анналы» (1606—1637), представляющие в большинстве своем более поздние переводы с китайского на маньчжурский язык уже в эпоху Цин. Такой источник цинской эпохи, как «Достоверные записи» (*Yargian-i kooli*), был записан на трех языках — маньчжурском, монгольском и китайском (*Shih-lu*). Коллекция данных летописей насчитывает 3800 томов, которые представляют собой биографии знаменитых людей и детальное описание военных кампаний. Для нас наибольший интерес представляет 171 том, относящийся к войнам с джунгарами (1716—1761). Данные источники подтверждают, что еще в XVIII в. языком армейской переписки оставался маньчжурский. К этой группе относятся документы по договорам с Россией — Нерчинским и Кяхтинским, ко-

торые были зафиксированы на трех языках: маньчжурском, русском и латинском.

К наиболее используемым переводам этих источников следует отнести перевод «Сокровенного сказания», сделанный А. Уэли (переиздан в сборнике с другими древнетюркскими источниками в 1966 г.; **Waley, 1966**), однако в течение нескольких десятилетий специалисты пользовались английским переводом Э. Денисон-Росса с датского, принадлежавшего В. Томзену. Другие монгольские источники издавались в переводах К. Боудена и Р. Крюгера (**Bawden, 1955; Krueger, 1967**). Существует классический перевод «Бабур-наме» Э. Бевериджа, изданный в Лондоне в 1922 г. (**Beveridge, 1922**). События в Восточном Туркестане в XVIII в. стали доступны благодаря немецкому (ГДР) переводу (Э. Крафт) «К джунгарской войне в восемнадцатом веке: сообщения генерала Фуниинги» (**Kraft, 1953**). Кроме того, многие тюркологи свободно оперировали русским переводом А. Кононова «Родословной туркмен» Абулгазы-хана 1958 г.

Анализируя источниковый комплекс европейского происхождения по истории Центральной Евразии, Синор подчеркивает, что он не столь гетерогенен, как восточные источники. Европейские сведения не только написаны на разных языках, но и представляют собой различные культурные традиции. Синор выделяет из них три группы: источники на греческом, латинском и различных западноевропейских языках. Греческие источники, в свою очередь, делятся на две группы: первые, начиная с Геродота, относятся к античности и содержат сведения о Селевкидах, Парфии, Бактрии и эллинизации Средней Азии и Восточного Туркестана. Характерно, что источники эллинистической эпохи коррелируют с аналогичными китайского происхождения. Вторая группа источников — это документы византийской эпохи. Хотя они написаны на греческом языке, в культурологическом плане это продукт другой цивилизации, подчеркивает Синор.

Хронологически они охватывают период с V по XVI в. На протяжении всего этого периода Византия непосредственно контактировала с народами и государствами центральноевразийского пространства и в итоге была ими поглощена. В историографической традиции Византии переплелись традиции античной, восточно-христианской и римской культур. К этой эпохе относится утверждение термина «история» в современном понимании. Чрезвычайно важным признаком византийской историографии была персонификация истории и индивидуализация исторических персонажей. Любопытно, что Синор относит византийское пространство — Восточную Европу к западной части Центральной Евразии как ее политическую и цивилизационно-культурную составную уже с IX—X вв. (Sinor, 1969, p. 73).

В европейских хрониках VI—X вв. можно найти сведения о венграх и аvaraх. Хроники эпохи крестовых походов (XII—XIV вв.) содержат обширную информацию о сельджуках. Существенное значение приобретают источники XIII в.: «Большая хроника» Мэтью Пэриса (1259) и «Спекулум историале» французского доминиканца Венсана де Бове (1190—1264), отразившие вторжение монголов в Европу. Труды Плано Карпини и Вильгельма Рубрука, ставшие центральными в европейском монголоведении, представляют собой в силу своей уникальности совершенно особую и самодостаточную группу источников. В эпоху Ренессанса источники на латинском языке по Центральной Евразии — это в первую очередь описания Московской Руси, такие как «Комментарии к московским делам» Зигмунда фон Герберштейна (1549), «Трактат о сарматском крае» Матвея Михова (1517), которые отличались небрежностью, как отмечает Синор, в передаче сведений по уральским и алтайским народам, входившим в состав Московского государства.

Западноевропейские источники не на латинском языке принадлежат, как правило, к более поздним периодам. Сре-

ди документов на французском языке Синор выделяет в первую очередь труды Марко Поло и армянского монаха Хайтона (или Хетума) и его «Расцвет истории Востока» (1307), в котором нашли отражение обширные сведения о монголах. Особняком во французской литературе стоит группа армянских по своему происхождению источников, к которым принадлежат «История народа лучников» Григория Аканского, «История армян» Киракоса Ганьяка, в последнем нашло отражение путешествие армянского царя Хетума через Центральную Азию в 1254—1255 гг.

Отдельной группой стоят экклезиастические истории, восходящие к сирийской исторической традиции. Труды Захария Риторика и Иоанна Эфесского (VI) содержат информацию о современных им варварах. Наиболее важным источником, считает Синор, являются биографии Раббана Шаумы и несторианского патриарха Явалаха III с описанием их путешествия в Европу, предпринятому по поручению монголов в 1287—1288 гг. Последним великим сирийским хроникером был Бар Хебрейский, описавший захват Алеппо монголами в 1259—1260 гг. и сообщивший множество интересных для науки фактов монгольского вторжения в Малую Азию.

Русские источники, считает Синор, как правило, более поздние. Он называет в качестве начинающих русскую историографическую традицию «Летопись» Нестора и такой сомнительный с точки зрения происхождения и датировки памятник, как «Слово о полку Игореве». Но в целом Синор считает русские летописи наиболее ценным, но не уникальным информационным ресурсом по истории северных народов Центральной Евразии начиная с XII в. и до наших дней. Ценность русских источников необычайно возросла после начала экспансии России на восток. Как считает Синор, российские архивы содержат наиболее ценные сведения по истории западных монголов — калмыков и ойратов, а также по новой истории Туркестана.

Исторические летописи всегда писались личностями и были ориентированы на личности. Созданный при дворе Газан-хана под патронажем Рашид ад-Дина «Сборник летописей», или универсальная хроника Монгольской империи, задает иную перспективу восприятия мировых событий, нежели фрагментарная история монголов, изложенная в энциклопедии Винченца из Бове. Тема происхождения власти монгольского императора в восприятии Марко Поло, вполне разделявшего установки китайских царедворцев, существенно расходится с изложением этой темы в записках его современника, странствующего францисканца Одорико де Порденоне, который прошел пешком Китай и Тибет. Армянские средневековые источники демонстрируют поразительную эволюцию в восприятии азиатских кочевников, начиная событийный ряд с апокалиптических картин и заканчивая восхвалением новых владык мира, разрушивших в 1258 г. политическую и культурную столицу мусульманского мира Багдад.

В распоряжении исследователей имеется несколько категорий текстов, описывающих феномен Монгольской империи. В этих текстах при желании можно вычленить некоторые взаимосвязи социального или военно-политического характера между лидерами, кланами или государствами. Источники, отражающие историю рождения Монгольской империи, условно можно разделить на две группы (по критерию «внутренние» — «внешние»). В первую входят тексты, созданные внутри империи. Как правило, в этих текстах описываются не столько «исторические события», сколько заданные сценарии событий. Ключевым пунктом для понимания содержательной стороны названных текстов является их идеологический или программный характер. Иными словами, эти сочинения отражают доминирующие интересы элитарных групп либо же борьбу и соперничество между правящими группами.

Вторая группа текстов включает описания, созданные авторами из «наблюдающих культур». Эти тексты носят оценочный характер, что также ставит под сомнение их объективность. Для ответа на вопрос о различении мнимых и действительных сообщений следует выделить ряд основных системных единиц и сравнить их характеристики во «внутренних» и «внешних» источниках. В результате мы получим «нейтральный» фонд сведений и оценочную шкалу этих сведений, зависящую в первую очередь от позиции или статуса того или иного средневекового автора.

Кажется очевидным, что образ Монгольской империи, воссозданный на основе латинских или древнерусских источников, будет существенно отличаться от концепции Монгольского всемирного государства, реализованной в официальных сочинениях персидских историков XIII — начала XIV в. Так, по сей день оценка катастрофических последствий монгольского вторжения в Восточную и Западную Европу опирается на апокалиптическое видение ситуации средневековыми интеллектуалами середины XIII в. Подобного рода оценки сомнительны сами по себе и к тому же не имеют надежной точки опоры.

Имя францисканца Иоанна де Плано Карпини хорошо известно в истории и историографии. Его знаменитое описание дипломатического путешествия по просторам империи Чингис-хана сегодня переведено почти на двадцать языков мира. Донесение брата Иоанна остается одним из самых ярких документов эпохи монгольского триумфа в Евразии. Предыстория появления данного источника такова⁵.

5 марта 1245 г. в Лионе Папа Иннокентий IV подписал буллу к «царю и народу тартарскому». Доставить это послание адресату было поручено францисканцу Иоанну де Плано Карпини, который в связи с возложенной на него миссией по-

---

⁵ См.: Христианский мир и «Великая Монгольская империя». Материалы францисканской миссии 1245 г. — СПб.: Евразия, 2002. — 478 с.

лучил широкие полномочия папского легата. Брату Иоанну шел шестьдесят четвертый год. Скорее всего, что дипломатическое путешествие в Центральную Азию не планировалось. Папа не передал с послами ни одного подарка. Посланник должен был доехать до ближайшего монгольского войска и для этого был выбран путь через Восточную Европу. Участники миссии покинули Лион 16 апреля и направились в Богемию. По пути в Польшу к ним присоединился брат Бенедикт Поляк.

Брат Бенедикт проявил самый живой интерес к различным аспектам жизнедеятельности Монгольской империи, а его фиксация полученных сведений отличается меньшим количеством оплошностей и ошибок. В 1965 г. американский историк Г.Д. Пейнтер опубликовал по латинской рукописи XV в. текст «Истории Тартар» брата Ц. де Бридиа, которая является не чем иным, как сокращенным переложением донесения брата Бенедикта. Более правильным будет утверждение, что брат Ц. де Бридиа тщательно и без сокращений переписал ту часть донесения, где излагалась вымышленная история рождения империи Чингис-хана (которую принято называть «Романом о Чингис-хане»), но опустил сведения о вооружении, одежде кочевников, женских головных уборах и прочие подробности, показавшиеся ему не столь полезными.

Иоанн де Плано Карпини назвал свое донесение *Liber Tartarorum* («Книга о Тартарах»). Один из ученых переписчиков XIV в. уточнил это название, и получилось следующее: «История Монгалов, именуемых нами Тартарами» (*Historia Mongalorum quos nos Tartaros appellamus*). В 1247 г. брат Ц. де Бридиа, переписавший с сокращениями донесение брата Бенедикта Поляка, дал своему труду название «История Тартар» (*Historia Tartarorum*). Энциклопедист Винцент из Бове (ум. 1264) почти целиком использовал донесение брата Иоанна, когда работал над составлением своей энциклопедии «Историческое зеркало» (*Speculum historiale*).

Известно, что дипломаты согласились с требованием Бату-хана отправиться в Центральную Азию, чтобы участвовать в курултае, связанном с выборами нового великого хана. Полномочий на такую поездку у францисканцев не было, как, впрочем, не было и запрета. Римская курия не могла предугадать такое развитие событий. Выбор в пользу поездки был сделан лично братом Иоанном и братом Бенедиктом, что, возможно, свидетельствует об осознании ими значимости такой поездки для реализации контактов на высшем уровне и сбора материалов. К слову сказать, параллельная миссия доминиканцев во главе с братом Асцелином, направленная в Малую Азию в 1245 г., наотрез отказалась от аналогичного предложения монголов. Таким образом, брат Иоанн и его спутник и переводчик брат Бенедикт оказались при дворе великого хана. Они стали первыми европейцами, владевшими наиболее полной информацией о монголах, и изложили свои наблюдения и полученные сведения в форме исторических описаний. Все, что было известно о монголах в Европе до этого момента, пронизано апокалиптическим видением мира и не может претендовать на объективность. Донесения францисканцев удивительным образом не стыкуются с предшествующей западной традицией, что отмечено большинством исследователей, но оставлено без каких-либо разъяснений.

Истинной целью, как считают современные исследователи, полуторалетнего странствия папских посланников был сбор достоверных сведений, касающихся происхождения, верований и образа жизни кочевых орд, а также намерений их предводителей. Путешествие западной миссии к границам познанного мира призвано было раздвинуть занавес неизвестности и снять напряжение ожидаемой вселенской катастрофы. Дипломатическое путешествие францисканцев не имело характера престижной поездки. Папа не передал великому хану ни одного подарка, потому что не был уверен

в благополучном исходе миссии. Францисканцам предстояло открыть неизвестный и враждебный мир, о котором в Европе ходили самые невероятные слухи. Это была разведка, преследующая ряд конкретных целей.

Сведения францисканской миссии 1245 г. разительно отличаются от европейских апокалиптических описаний азиатских кочевников, собранных в «Великой хронике» бенедиктинского монаха Матфея Парижского, имевшего доступ к архиву английского короля Генриха III. Францисканцы принесли в Европу новую картину Монгольской империи, которая во многом совпадает с собственным монгольским мифом. Заключительный аккорд этой темы особенно ярко прозвучит в книге Марко Поло. Один из парадоксов миссии 1245 г. заключается в том, что францисканцам были известны обе картины: и «европейская», и «монгольская». Культурная задача миссии была связана со сменой ирреальной картины новой картиной, основанной на наблюдениях и сведениях, полученных на территории империи. Францисканцы справились с этой задачей.

Отчеты францискацев содержат богатейшие материалы о племенах, вошедших в состав Монгольской империи. Сведения францисканцев о местоположении земли найманов достоверны, что лишний раз свидетельствует о надежной ориентации путешественников в пространстве Центральной Азии. Найманы — один из крупнейших монгольских племенных союзов в предчингизову эпоху. Слово *найман* по-монгольски означает «восемь» — некоторые исследователи полагают пережитком древнетюркских числовых обозначений перед названиями крупных племенных союзов и возводят найманов к монголизированным тюркским племенам огузов. Среди найманов было распространено несторианство, и они считались одним из самых культурных монгольских племен. Именно через найманского чиновника Та-та-тун-а, по происхождению уйгура, захваченного в плен Чингис-ханом в 1204 г., монго-

лами было воспринято уйгурское письмо. Основной этнической территорией найманов был Монгольский Алтай. Только после разгрома и подчинения найманов в 1204 г. Чингис-хан смог утвердить свою власть над большей частью территории Монголии.

Маршрут миссии лежал через города Хорезма и Мавераннахра, «страну Биссерминов», как называет ее Карпини. Посольство должно было переправиться через великие среднеазиатские реки — Аму-Дарью и Сыр-Дарью (в отчете упомянуты обе реки, но о переправе через них не говорится) и остановиться в Янгикенте. Дальнейший путь пролегал вдоль предгорий Тянь-Шаня, по краю пустыни Джунгарии, через земли кара-китаев, где путешественники видели город Эмиль. На землях от реки Эмиль до Иртыша находилась орда хана Угедея. Чань-чунь, проезжавший здесь в 1221 г., упоминает о дороге через Алтай, проведенной во время прохода монгольского войска по приказу Угедея. По дороге, идущей вдоль берега озера Ала-Куль, францисканцы попали в горную страну найманов. Их путь лежал по долине реки Алтай, в пределах горного хребта Хангай к северу от Алтая. Дальше находилась земли Монголии.

Этим же маршрутом в 1254 г. проехал армянский царь Летум, направляясь в ставку великого хана в Каракорум. Из столицы Киликийской Армении, города Сиса, царь проехал на Волгу в ставку Батые. Там ему был оказан большой почет и гостеприимство. Потом его послали в долгий путь на тот берег Каспийского моря к Менгу-хану. Путешествие армянского посольства от ставки Батые на Волге до Каракорума в Монголии длилось четыре месяца, обратный путь в Киликийскую Армению через Среднюю Азию и Персию, по свидетельству Киракоса, занял более восьми месяцев.

В отчетах также рассказывается о киданях (кара-китаех). Первые известия о киданях относятся к IV в. н.э., а в середине IX в. окончательно складывается их государство — империя

Ляо, которая включала юго-восточную и центральную части Монголии и значительные территории Северного и Северо-Восточного Китая. Во время своего господства в Китае кара-кытай дали своей династии название Ляо, и под этим именем она известна в китайской истории. У мусульманских историков этот народ носит название *хытай*. Династия Ляо, может быть, более других чужеземных династий, правивших в Китае, усвоила китайскую культуру; последним представителям ее, однако, пришлось уйти из Китая, когда в Маньчжурии усилились *чжурчжэни*, народ тунгусского происхождения. Династия Ляо пала в 1125 г. под натиском чжурчжэней, которые заняли ее место в Северном Китае. Часть китаев ушла на запад, другие остались в Китае, подчинились чжурчжэням и потом, во время усиления Чингис-хана и его войны с чжурчжэнями, подняли против них восстание. Мусульманские источники впоследствии дают одно и то же название (*кара-кытай*) как кытаям, ушедшим на запад, так и кытаям, подчинившимся власти чжурчжэней. Успешным было движение другой части кара-кытаев, которые прошли северным путем через Западную Монголию и земли киргизов в верховьях Енисея и основали город Эмил в районе Чугучака.

Францисканцы описывают империю как высокоорганизованный социальный мир, а не мир хаоса, в чем были убеждены их западные современники. Любопытно, что земли, подвластные монголам, именуются францисканцами Команией, по имени прежних владельцев этой территории — команов (кипчаков). В пути от Киева до лагеря Бату-хана на реке Итиль (Волге) послы провели более пяти недель. Это свидетельствует, на взгляд сторонних наблюдателей, о включенности этих территорий в политическое пространство Монгольской империи. Западные дипломаты отмечают два обстоятельства. Во-первых, произошла смена кочевых элит: то, что раньше принадлежало кипчакским ханам, теперь находится в распоряжении монгольских ханов и царевичей.

Кочевая орда Бату-хана совершала сезонные перемещения вдоль восточного берега Волги, а вдоль западного берега кочевала орда Сартака, сына Бату-хана. Другие члены рода Джучи кочевали со своими ордами вдоль Дона и Яика⁶.

Все описанные францисканцами ритуалы совершались в ханской орде. Орда была политическим, административным и сакральным центром, доминантой, организующей жизненное пространство кочевого мира. Не случайно папские послы включили это слово в свой обиходный словарь (наряду с двумя другими терминами: титулом *кан*, толкуя его как «император», и самой крупной войсковой единицей, обозначенной как *тумен*, тюрк, и монг. *tumen* «десять тысяч»). «Кан» (хан), «орда» и «тумен» — три термина, которые сразу же обрели свое место в донесениях средневековых европейских дипломатов.

Кара-кытай, букв. «черные кытай», — часть племенного союза кытаев (киданей), бежавших в Семиречье после разгрома государства Ляо чжурчжэнями. В 1130 г., овладев Семиречьем, они создали там свое государство со столицей в городе Баласагуне, их глава именовался «гур-хан». В результате успешных походов на запад кара-кытай поставили в зависимость от себя среднеазиатские владения Караханидов. В 1141 г. от кара-кытаев потерпел поражение, в степи к северу от Самарканда, султан Санджар. Это поражение могущественного сельджукского султана в борьбе с неверными произвело сильное впечатление на современников; темные известия о нем дошли до крестоносцев, которые в то время вели борьбу с мусульманами в Палестине и Северной Месопотамии. Событие 1141 г., по-видимому, способствовало созданию в Европе легенды, будто с востока нападает на мусульманский мир и идет на соединение со своими единоверцами в Палестине христианский царь — священник Иоанн.

---

⁶ Юрченко А.Г. Францисканская миссия 1247 г. во владениях Бату-хана // Тюркологический сборник. — М.: Наука, 1986. — С. 111—129.

В действительности кара-кытай тогда остановились на Амударье; их верховной власти подчинился весь мусульманский Туркестан до Бухары включительно и Хорезм. Гур-ханы принесли с собой китайские принципы управления и продолжали пользоваться в делопроизводстве китайским языком. Существовал, как впоследствии у монголов, термин *пайцза* для обозначения должностных знаков и грамот. Впоследствии в империи Чингис-хана именно кытай возьмут на себя роль переводчиков в администрации и армии монголов.

Соперником гур-хана выступит хорезмшах Ала ад-дин Мухаммад б. Текеш (1200—1220). При нем государство хорезмшахов достигло предела своего могущества и значительно расширило свои владения; после разгрома кара-китаев были присоединены Мавераннахр, Герат и нынешний Афганистан (**Рашид ад-Дин. Т. I. Кн. 2. С. 182 и др.**). Интересно, что по имени этого народа главная культурная страна Дальнего Востока до сих пор носит у русских, монголов, тюрков и отчасти у мусульман название Китай, хотя господство в этой стране кытаев прекратилось уже в XII в., а народ и его язык, вероятно, прекратили свое существование в эпоху Монгольской империи. В тюркских рунических надписях *кидане* называются двояко — либо *qytan*, либо *qytai*. Перенос этнонима с киданей на китайцев мог произойти лишь со второй половины X в., когда кидане распространили свое влияние на Северный Китай. Именно это наименование китайцев было воспринято теми средневековыми европейскими путешественниками, которые проникали в Китай через Восточный Туркестан.

В книге Марко Поло термин *Cathay* употребляется как географическое название для обозначения Северного Китая, Южный Китай фигурирует под названием Манзи. К XIV в. относятся наиболее ранние упоминания о Китае в русских источниках (в Софийской второй летописи) в форме «Китай» (ПСРЛ. Т. 4. С. 125). Западноевропейские топонимы

(фр. *Chine*, англ. *China* и т.п.) восходят к арабо-персидскому названию *Чин* (китайская династия Цинь), поэтому долгое время европейские географы полагали, что существуют две разные страны — Чин и Катай. Ибн-Баттута также называет Южный Китай Сином, а Северный — Хатаем. Лишь после путешествия из Кашмира в Западный Китай Бенедикта Гоэса (ум. 1607) окончательно стало ясно, что в обоих случаях речь идет об одной и той же стране.

Параллельное место о найманах и монголах у Платона Карпини выглядит так: «Когда найманы прослышали, что Чингис настолько возвысился, они возмутились. Ибо сами они имели императора, который был чрезвычайно решительным и которому платили дань все вышеперечисленные народы. Когда он исчерпал страдания земной юдоли, ему наследовали его сыновья, но были они юны и глупы и не могли удерживать народ, а наоборот, разделились и раскололи [страну]. Вследствие этого вышеозначенный Чингис тем временем сильно возвысился. Однако, невзирая на это, они совершали набеги на вышеуказанные земли, убивали мужчин, женщин и детей и захватывали их имущество. Чингис, прослышав про это, собрал всех подчиненных себе людей. Найманы, а также кара-китаи, то есть черные китаи, сошлись с обратной стороны в той же узкой долине, расположенной между двух гор, которую и мы пересекли по пути к их императору. И завязалась битва, в которой найманы и кара-китаи были разбиты монголами. И большая часть из них была убита, остальные же, которым не удалось спастись бегством, были обращены в рабство» (ЛТ. V. 4—5).

Перед вторжением в Венгрию Бату-хан направил венгерскому королю послов с письмами и требованием подчиниться. Содержание одного из таких посланий известно из донесения брата Юлиана. Венгерский король Бела IV, опасаясь вторжения монголов, послал несколько доминиканских и францисканских групп для разведки. На территорию Вен-

грии монгольские войска прошли через Верецкий перевал в Карпатах в начале марта 1241 г. Бату-хан разделил армию: одна часть направилась в центр королевства, другая пошла на юг, через Трансильванию. В апреле 1241 г. в битве при Шайо монгольская армия Бату-хана разбила 60-тысячное венгерско-хорватское войско. Монголы взяли Пешт, разорили левобережную Венгрию, а также находившуюся под властью Венгрии Словакию. Далее монголы переправились через Дунай и двинулись на Адриатическое побережье с целью захвата венгерского короля. Покинули они страну лишь в марте 1242 г.

Сведения о монгольском вторжении в Великую Венгрию в донесении брата Иоанна отнесены ко времени завершения похода в Западную Европу. Первое загадочное сообщение о покорении монголами Великой Венгрии сохранилось в хронике Матфея Парижского и отражает известие посольства исмаилитов, прибывшего с Ближнего Востока. В географическом разделе энциклопедии «О свойствах вещей» Бартоломея Английского (1250) говорится о двух Венгриях, Великой и Малой, а земля Баскарт не упоминается.

В польской «Великой хронике» в главе «О первых татарах, которые проникли в Польшу и Венгрию» сообщается, что в начале 1241 г. монгольские войска, перейдя через Карпаты, вторглись в Польшу. Они вышли к Висле, захватив города Люблин и Завихост, а в феврале взяли важную крепость Сандомир. Вслед за Сандомиром 28 марта 1241 г. после упорной обороны пал Краков. Укрепленный Вроцлав монголам взять не удалось. Оставив этот город в тылу, монголы подошли к Легнице, где 9 апреля они столкнулись с объединенными польско-немецкими силами, потерпевшими в этой битве полное поражение. После Легницы монгольская армия направилась в Венгрию на соединение с основными силами, которыми командовал Бату.

В «Истории Тартар» список покоренных народов завершает историю фантастических походов Чингис-хана и воен-

ных кампаний эпохи хана Угедея. Список стран, входящих в Монгольскую империю, предваряется пророчеством о грядущей гибели монголов. Появляется загадочное число — 18 лет, в течение которых они будут непрерывно сражаться. В следующем за Списком параграфе заявляется, что окончено описание происхождения монголов и войн, которые они вели. В донесении брата Иоанна Список находится в седьмой главе, посвященной землям и странам, которые монголы подчинили своей власти.

На сегодняшний момент проблема выглядит так: 1) Список заимствован францисканцами из какого-то неизвестного источника; 2) в процессе перевода на латынь в Списке появились названия, которых заведомо не могло быть в первоначальном варианте; 3) в перечне реальные названия земель смешаны с фантастическими. Каждый из этих трех аспектов требует отдельного анализа. Перед нами разноплановый текст, совмещающий в одной плоскости реальную этногеографию Центральной Азии и вымышленные страны, причем в процессе перевода с неизбежностью возникли смысловые изменения. Отдельной проблемой является выяснение исходной этногеографической номенклатуры (монгольской, тюркской, персидской, древнерусской и латинской), отразившейся в Списке. В известном смысле Список является производной от замысла Чингис-хана покорить все доступные и недоступные миры.

Таким образом, донесения францисканской миссии 1245 г. являются литературными сочинениями, призванными ответить на ряд ключевых для Запада вопросов, где доминирующее положение занимает тема божественной санкции на существование ранее неизвестных Западу народов. Материалом для них послужили самые разнообразные сведения, полученные на территории империи от весьма осведомленных лиц, и лишь отчасти — собственные наблюдения францисканцев. Вновь открытая культура носила ярко выражен-

ный имперский характер, где управление было построено по военно-административной вертикали. Отчеты миссии являются своеобразным зеркалом, в котором отразились разнообразные проявления имперской культуры. Поскольку францисканцы являлись «наблюдателями», представляющими интересы другой культуры, то созданные ими сочинения с необходимостью являются текстами-посредниками, призванными обрисовать реальность азиатского мира в категориях, понятных их европейским адресатам.

Из многочисленных изданий труда Плато Карпини обращает на себя внимание уже упомянутое выше французское издание текста и перевода Д'Авезака в 1839 г., английское издание Бизли в 1903 г. Бизли изучил и сопоставил все рукописные и первопечатные тексты сочинения Плато Карпини, снабдив их ценными критическими замечаниями. Следует отметить также издание А. ванден-Вингарта, вышедшее в 1929 г. В этом издании собрано десять описаний путешествий на Восток, начиная с Плато Карпини⁷.

Отметим также небольшую, но весьма ценную работу блестящего французского сиолога и монголиста Поля Пелльо *Les Mongols et la Papauté*, первая глава которой посвящена письму Гуюк-хана, привезенному Плато Карпини Папе Иннокентию IV. Письмо считалось утраченным, и о нем было известно лишь из отдельных упоминаний и латинского перевода, сохранившегося у средневекового автора XIII в. Адама Салимбене в его «Хронике». Но в 1920 г. подлинник письма на персидском языке был обнаружен в архивах замка св. Ангела в Ватикане. Изучению этого письма и посвящена работа Пелльо. Да и в других сочинениях Пелльо имеется немало ценных замечаний о путешествии Плато Карпини.

---

⁷ D'Avezac. Relation des Mongols ou Tarfares par le frere Jean du Plan de Carpin. — Paris, 1839. (Recueil de Voyages et de Memoires publie par la Societe de Geographic. V. IV. libr. 2.); Beazley C.R. The text and versions of John de Plano Carpini and William de Rubruquis. — London, 1903.

Н. Шастина пишет: «Через несколько лет после возвращения Плано Карпини из далекого и трудного путешествия ко двору Великого хана монголов из Европы в Центральную Азию была отправлена еще одна миссия, состоящая также из монахов, принадлежавших к ордену Миноритов. Но задачи, стоявшие перед этой миссией, были несколько иного рода. Кроме вопроса о возможности проповеди христианства среди монголов, миссия должна была выяснить возможность союза с Великим ханом в борьбе против ислама, союза крестоносцев с монголами в затянувшихся войнах на территории Малой Азии. Европейским государям казалось весьма заманчивым превратить монголов, ведших также войны в Малой Азии, в своих союзников, особенно после того, как французский король Людовик IX, отправившийся в Шестой крестовый поход в 1248 г., потерпел основательное поражение от «неверных сарацин» в битве при Мансуре. И это поражение, и пленение самого короля, и продолжительное пребывание его в Азии, после того как за него был выплачен большой выкуп, упорное сопротивление мусульманских государств — все эти обстоятельства заставляли Людовика искать новых возможностей вести войну. Одной из таких возможностей и был хитро задуманный план вовлечения монголов в войну в качестве союзников.

Для выполнения этого плана Людовик IX и отправил в Монголию особую дипломатическую миссию, во главе которой был поставлен хорошо ему известный монах-минорит, участник Шестого крестового похода, энергичный, умный и широко образованный Гильом Рубрук.

Описание путешествия в Монголию в 1253—1255 гг., составленное им, очень значительное сочинение, важное не только для истории монголов, но и для истории географических знаний. Путешествие Рубрука дало много новых для своего времени сведений о странах, им посещенных, а его наблюдательность позволила ему заметить множество

ценных и важных подробностей из жизни монголов XIII в. Сочинение Рубрука по справедливости считается одним из серьезных источников по истории Востока, имеющих в западноевропейской литературе позднего средневековья.

Более образованный, чем его предшественник Плато Карпини, Рубрук, кроме того, был лучше подготовлен к своему путешествию хотя бы уже потому, что оно не было первым, а результаты предыдущих путешествий, вероятно, были ему известны. Поэтому в сравнении с Плато Карпини он смог дать более значительное и по объему, и по содержанию описание. Сочинение Рубрука занимает одно из первых мест среди описаний путешествий на Восток в Средние века, уступая, пожалуй, по своему значению только книге Марко Поло.

Биографические сведения о Рубруке очень скудны и извлечены, главным образом, из его собственного сочинения. Даже фамилия путешественника сохранилась в довольно неустойчивой форме, так как существует до 11 различных ее написаний. Его прозвище или фамилия «Рубрук» произошло от названия одной деревни во Фландрии, откуда, по-видимому, он происходил. Долгое время в исторической литературе его именовали Рубруквис, что представляет собой латинизированную форму прозвища. Собственное же имя его было Биллем, или Гильом, — французский вариант этого фламандского имени. Последнее довольно прочно вошло в литературу, вероятно, потому, что Рубрук прожил многие годы во Франции и находился на службе у французского короля. Точные годы его жизни не установлены, он родился между 1215-м и 1220 г., умер около 1270 г. Свое знаменитое путешествие он совершил в расцвете сил, в возрасте до 40 лет. Это был человек стойкий и выносливый, легко перенесший невзгоды длинного и утомительного путешествия и даже удивлявший монголов своим пренебрежением к самым необходимым удобствам.

Хотя сведения о жизни Рубрука и очень скудны, но все же известно, что он встречался со знаменитыми людьми своего времени. О встречах с Рубруком пишет английский ученый Роджер Бэкон, познакомившийся с ним в Париже. Бэкон, по его собственному признанию, «прилежно просмотрел книгу» Рубрука. Он использовал данные его путешествия для географического обозрения и описания современного ему положения Центральной Азии. Сравнение текста сочинения Бэкона с текстом Рубрука, а также терминология, употребляемая английским ученым, позволяют считать, что основным материалом для указанной части *Opus Majus* был отчет нашего путешественника. Рубрук был близок к королю Людовику IX и его матери Бланке Кастильской, которая была одной из образованнейших женщин своего времени.

Рубрук сопровождал Людовика IX во время Шестого крестового похода, и можно предположить, что именно при нем ко двору Людовика прибыли монгольские послы военачальника Илчигидая и был отправлен в 1249 г. в Монголию Андрэ Лонжюмо, о путешествии которого он сам неоднократно упоминает. Упоминает Рубрук и о Филиппе де Туей, с которым виделся, по-видимому, в Цезарее. Это был своеобразный человек, аристократ и крестоносец, ради политических целей женившийся на команской (т.е. половецкой) княжне и хорошо знавший жизнь команов. Он в числе нескольких рыцарей был отправлен к хану команов императором Болдуином II. От него Рубрук мог получить достоверные сведения о дорогах через степи Дешт-и-Кыпчака.

Прежде чем отправиться в свое путешествие, Рубрук, по-видимому, провел несколько лет на Ближнем Востоке. Он получил назначение послом в Монголию в то время, когда находился в городе Акконе (Палестина), и именно оттуда и начал свое знаменитое путешествие. Из Акконы он прибыл в Константинополь, где пробыл довольно долго, готовясь к длительному путешествию, и в мае 1253 г. на корабле отпра-

вился в Крым, откуда продолжал свой путь на Восток. Его спутниками были монах-минорит Бартоломео из Кремоны, молодой клирик Гильом Госсель, малообразованный и несообразительный толмач (на то, что он недостаточно владеет языками, Рубрук жалуется в своем сочинении) и молодой отрок Николай, купленный им в Константинополе; таким образом, вся миссия состояла из пяти человек. Высадившись в Солдае, крупном торговом городе Южного Крыма, Рубрук со спутниками двинулся на север уже по суше. Пройдя через Перекоп, южнорусские степи, он двинулся на Восток в лагерь Сартака, а затем и на Волгу в лагерь хана Бату, откуда был отправлен в Каракорум к Мункэ-хану.

Бату не считал себя вправе позволить Рубруку проповедовать христианство среди монголов, как того добивался Людовик IX, и отправил его для разрешения этого вопроса к самому Мункэ-хану. В конце 1253 г. Рубрук был уже в Монголии. Прежде чем дойти до Каракорума, Рубрук почти три месяца кочевал вместе с ханской ставкой и только в апреле попал в блестящую столицу Монголии.

Рубрук был единственным европейцем, описавшим подробно Каракорум, хотя там побывало немало жителей различных государств Европы. Но ни один из них не оставил письменного свидетельства о монгольской столице. Марко Поло же, давший сведения о Каракоруме, скорее всего, писал о нем с чужих слов — ему не удалось посетить монгольскую столицу. Рубрук же побывал в Каракоруме в лучшие годы его существования. Описание, им составленное, служит весьма ценным источником по истории города, куда некогда стекались товары со всего мира, съезжались послы и купцы из многих стран и который через столетие с небольшим был разрушен и забыт.

Во время пребывания Рубрука при дворе Мункэ-хана состоялся любопытнейший диспут между представителями и проповедниками различных религий. Только из описания Ру-

брука мы узнаем о подобном предприятии монгольского хана, пожелавшего выслушать миссионеров разных вероисповеданий. Анализируя материал описаний и сопоставляя его со сведениями китайских источников, можно прийти к выводу, что христианская проповедь потерпела у монголов неудачу, а буддизм, по-видимому, восторжествовал.

В Каракоруме Рубрук провел около двух месяцев и в июне 1254 г. отправился в Европу, описав обратный путь значительно более кратко, чем передний. Через год после возвращения в Акру он закончил описание своего путешествия. В дальнейшем о его жизни известно очень немного. Он долго жил в Сирии, но затем, получив разрешение Провинсиала — главы францисканцев в Сирии, отправился в Париж⁸.

Сочинение Гильома Рубрука издавалось много раз. Современных ему рукописных списков до нас дошло немного. Один из них лег в основу наиболее ранней публикации описания путешествий Рубрука, осуществленной только в 1600 г. Хэклеитом. Через четверть века появилась другая публикация, основанная на более полной рукописи, обнаруженной в Кембридже, — путешествие Рубрука вошло в знаменитое собрание путешествий Перкиса, называвшегося *His Pilgrims*. Французский перевод путешествия был опубликован Бержероном в XVII в. С тех пор труд Рубрука издавался неоднократно на многих европейских языках. Одним из лучших изданий является книга В. Рокхилла под названием *The Journey of William of Rubruck to the Eastern parts of the World*. Рокхилл снабдил перевод сочинения Рубрука многочисленными и подробными примечаниями, представляющими большое достоинство его книги. Заслуживает внимания и упомянутая уже книга Бизли, изучившего все важнейшие рукописи Рубрука и ранние печатные издания и снабдившего

---

⁸ Шастина Н. Вступительная статья // Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. — М.: Государственное издательство географической литературы, 1957. — С. 3—20.

их ценными и интересными примечаниями. Из других классических изданий Рубрука можно упомянуть книгу Хербста, в которой дан доброкачественный перевод латинского текста Рубрука на немецкий язык. Комментарий же Хербста основан, главным образом, на работах Рокхилла и Фр. Шмидта, установившего маршрут Рубрука. По сравнению с этими работами Хербст дает не очень много нового⁹.

«Книга о разнообразии мира» Марко Поло рассказывает о путешествии, которое, по определению крупнейшего мирового авторитета в области истории географических открытий немецкого ученого Рихарда Хеннинга, «среди всех средневековых путешествий, несомненно, по праву считается самым замечательным» и «поистине выдающимся событием». Более важным, определяющим фактором успеха труда Марко Поло является характер содержащихся в нем сведений, их объем и разнообразие. Марко Поло описывает не одно, а два путешествия в Китай, первое из которых совершили его отец и дядя — Никколо и Маффео Поло в 1254—1269 гг., во втором (1271—1295) участвовали все трое¹⁰.

«Книга» Марко Поло принадлежит к числу редких средневековых сочинений — литературных произведений или научных трудов, которые читаются и перечитываются в настоящее время. Она вошла в «золотой фонд» мировой литературы. Она переведена почти на все европейские и на многие другие языки. Она издается и переиздается в большинстве стран мира. Чем больше времени проходит с года составления первой записи «Книги» (1298), тем больший интерес она возбуждает не только у специалистов-геогра-

---

⁹ London: Printed for the Hakluyt society, 1900; Beazley C.R. The texts and versions of John de Plano Carpini and William de Rubruquis, as printed for the first time by Hakluyt in 1598 together with some shorter pieces. — London, 1903; Herbst H. Der Bericht des Franziskaners Wilhelm de Rubruk uber seine Reise in das innere Asien in den Jahren 1253—1255. — Leipzig, 1925; Schmidt Fr.M. Uber Rubruk's Reise von 1253—1255 // Zeitschrift der Gesellschaft fur Erdkunde zu Berlin, 1885. T. XX. S. 217—255; Olschki Leonardo. Guillome Boucher. A French Artist at the court of the Khans. — Baltimore, 1946.

¹⁰ См.: Книга Марко Поло. Серия: Путешествия. Открытия. Приключения. — Алма-Ата: Наука, 1990. — 352 с.

фов, историков, этнографов и филологов, но и в широкой читательской массе.

«Книга» Марко Поло резко отличается от позднейших сухих компиляций, подобных «Практике торговли» Бальдуччи Пеголотти, — не менее резко, чем от предшествующих отчетов францисканских дипломатических миссий. Это различие объясняется, прежде всего, тем, что «Книга» в большей своей части составлена по личным наблюдениям, в остальном же (за малыми исключениями) — по рассказам встречных людей, а не по литературным материалам. Это различие объясняется также тюремной обстановкой, в которой создана была «Книга», тем, что она была записана другим узником, пизанцем Рустичано как цепь живых рассказов, обращенных к непосредственным слушателям. Отсюда и характерный для Марко Поло стиль и пестрота содержания «Книги».

Описанием путешествия (в прямом смысле этого выражения) является лишь короткий «Пролог» — первые девятнадцать глав «Книги», а также немногие из остальных ее глав. В основном «Книга» — все три ее части — заполнена описаниями различных азиатских стран, областей, районов, городов, нравов и быта их жителей, двора великого хана монголов и китайского императора Хубилая. В настоящий географический (в широком смысле этого слова) материал, представляющий наибольший интерес и для первых слушателей, и для средневековых и современных читателей «Книги», вставлены исторические главы, из которых наименее интересны трафаретные описания битв и две-три новеллы-легенды.

Несомненно, что Марко Поло пользовался не только теми материалами, которые он лично собрал, но и материалами «старших Поло». Они же (его отец и дядя) не один раз, как сам Марко, а трижды пересекли Азию, причем два раза с запада на восток и один раз в обратном направлении — во время своего первого путешествия. Комментаторы «Книги» Марко Поло с величайшим усилием пытались установить

хотя бы приблизительный маршрут старших Поло от реки Волги до ставки великого хана. Очень мало опорных пунктов для составления этого маршрута давала скупая, конспективная манера изложения рассказчика «Пролога».

Комментаторы могли оперировать только косвенными показаниями, разбросанными в «Книге». Они использовали также сочинения арабских географов, описания католических миссионеров и послов, путешествовавших в XIII в. в ставки татарских ханов, и другие исторические материалы.

От Средней Волги, где были расположены посещенные ими приволжские пункты — временные ставки золотоордынского хана Берке и Увек (Укек), братья Поло двинулись на юго-восток через земли Золотой Орды, пересекли закаспийские степи, а затем через пустынное плато Устюрт прошли к Ургенчу. Братья шли с послом «на север и северо-восток» целый год, избрали, следовательно, северный путь, хорошо известный кочевникам Средней и Центральной Азии. В обоих случаях братья Поло продвигались дальше на восток по предгорьям Восточного Тянь-Шаня, затем вышли к оазису Хами, важному этапу на северной ветви Великого Шелкового пути из Китая в Среднюю Азию. От Хами братья Поло шли на юг, на оазис Шачжоу. Обратный их маршрут неизвестен. Свое второе путешествие с запада на восток через всю Азию купцы Поло вместе с Марко начали в приморском городе Акка.

После годичного пребывания в Ганьчжоу венецианцы двинулись дальше на юго-восток, через «Тангутскую большую область, где много царств», в том числе через то «царство», которое Марко (в Гл. LXXII) называет «Ергигул». Комментаторы «Книги» не могли объяснить происхождение этого названия. Посетил Марко и Тибет. Но нет оснований предполагать, что он пересек все Тибетское нагорье с востока на запад или хотя бы значительную его часть.

Пробыв много лет на службе у великого хана, семья Поло решила, наконец, вернуться на родину. Китайские морские торговые суда, плававшие в Индиго, казались венецианцам гораздо крепче и удобнее арабских, которые они видели у Ормуза. Вероятно, поэтому путешественники решили отправиться морем из Китая к берегам Персидского залива вместе с монгольской царевной Коке-чин-хатун, которую они сопровождали по поручению великого хана в столицу ильханов — Тебриз.

В «Книге» Марко Поло описываются или упоминаются не только местности, посещенные им лично или старшими Поло, но и другие страны, иногда очень отдаленные. Марко старался дать своим слушателям представление обо всей Азии, о Северной Европе и об африканских странах, прилегающих к Индийскому океану.

В XIV—XV вв. «Книга» Марко Поло служила одним из руководств для составления географических карт Азии. Географическая номенклатура, заимствованная у Поло, в значительной части повторяется на знаменитой Каталонской карте мира 1375 г. и других картах, в том числе на известной круговой карте Фра-Мауро 1459 г.

В основной своей части «Книга» Марко Поло представляет огромный интерес для истории монголов и некоторых других народов Центральной и отчасти Передней Азии: она дает очень важный материал для характеристики их быта, экономики, военного искусства и т.д. Однако, высоко ценя основную часть «Книги», историки-востоковеды (за редкими исключениями) были не очень высокого мнения о ряде т.н. исторических глав. Оригинальная версия Рустичано на старофранцузском языке дошла только в одном списке — в рукописи, хранящейся в Парижской национальной библиотеке. Издана она была впервые в 1824 г. Парижским географическим обществом.

Марко Поло был освобожден из генуэзской тюрьмы и вернулся на родину в 1299 г. Почти все данные, приводимые био-

графами о его последующей жизни в Венеции, основаны на ходячих рассказах, из которых иные относятся даже к XVI в. Документов же XIV в. о самом Марко Поло и его семье до нашего времени дошло очень мало. Известно только, по дошедшим до нас точным данным, что Марко Поло доживал свой век как состоятельный, но далеко не богатый венецианский гражданин. Во всяком случае прозвище *Milione* («Миллион») ему было дано вовсе не из-за богатства (как предполагали раньше некоторые его биографы). Умер он в 1324 г.

Несомненно, Марко не раз повторял свои рассказы и в последние 25 лет своей жизни и эти рассказы записывались и переводились на другие языки. До нашего времени дошло более 80 списков. Их тексты иногда значительно расходятся в частностях; некоторые главы встречаются лишь в немногих рукописях или только в одной какой-нибудь, но в основном дается один и тот же материал, проводится одинаковый порядок изложения и сохраняется своеобразный стиль рассказа. По мнению наиболее компетентных комментаторов, такое совпадение вряд ли можно объяснить тем, что все списки восходят к одному, первоначальному оригиналу, в первую очередь к записям Рустичано: скорее всего, Марко Поло составил для себя определенный план изложения и для венецианских слушателей имел под руками те же материалы, что и в генуэзской тюрме.

Отношение современников к информации Марко Поло не было однозначным. Так, многие его соотечественники, представления которых об окружающем мире в то время порой граничили с невежеством, восприняли рассказы путешественника как вымысел, высмеивали его, а когда Марко Поло умирал (предполож. 1324), то церковники и даже друзья требовали, чтобы он «для облегчения совести» отрекся от «обманов», содержавшихся в устных рассказах и рукописных вариантах его «Книги». Однако в последней четверти XIII в. и в первые десятилетия XIV в. произошло расширение знаний по геогра-

фии, что вызвало интерес к сообщениям Марко Поло, а впоследствии и издание его работы.

Ученые отмечают самостоятельное значение трех основных редакций многочисленных вариантов его рукописи: редакция 1298 г. на старофранцузском языке (первоначальный вариант рассказа Марко Поло, записанный в геновской тюрьме его сокамерником пизанцем Рустичано); вариант, переданный самим Марко Поло в 1307 г. французскому рыцарю, также на старофранцузском; запись рассказов Марко Поло в последние годы жизни, которая в 1320 г. была переведена со староитальянского на латынь и в таком виде сохранилась и до наших дней.

Первые издания «Книги» появились после смерти Марко Поло. Так, в 1477 г. в Нюрнберге был опубликован немецкий перевод. Известно антверпенское издание «Книги» на латыни, датируемое примерно 1485 г. Именно этим изданием пользовался Христофор Колумб. По одним данным, в 1553 г., по другим — в 1559 г., Рамузио издал «Книгу» в Италии на итальянском языке, использовав вариант рукописи на латинском.

Первый русский перевод «Книги» Марко Поло, сделанный Шемякиным, печатался в 1861—1862 гг. в «Чтениях в Обществе истории и древностей российских при Московском университете» и вышел через год отдельным изданием. Первый, действительно научный перевод «Книги» на русский язык, был сделан в 1880-х гг. профессором И.П. Минаевым.

Академик В.В. Бартольд, редактор и комментатор лучшего перевода сочинения Марко Поло на русский язык, выполненный И.П. Минаевым и изданного в 1902 г. Русским географическим обществом под названием «Путешествие Марко Поло», писал: «Труд Марко Поло занимает совершенно исключительное место среди произведений средневековых путешественников и географов. Путешествие в Китай сухим путем и возвращение оттуда морем, сведения о более

северном пути, полученные от отца и дяди, высокое положение на службе у монгольского императора — все это давало ему возможность сообщить множество новых сведений как о Восточной, так и о Южной и Западной Азии».

§ 3. Автохтонные источники

Тюркские и монгольские источники составляют особую и весьма важную группу источников по истории Центральной Евразии, считает Д. Синор. К этой группе автор относит тюркские рунические, или орхонские, надписи. Они отражают становление тюркского государства в VIII в. По своему содержанию орхонские надписи могут быть отнесены к политико-дидактическим эссе; по форме, отмечает Синор, эти надписи демонстрируют чрезвычайно высокий уровень литературности для той эпохи и для тех условий. Однако последующее молчание тюркской литературной традиции может означать только то, что она прервалась и была безвозвратно утрачена. Возрождение тюркской письменной традиции связано с дидактической поэмой «Кутадгу Билик», созданной около 1070 г. Хотя ее можно отнести к автохтонной тюркской литературе — источник написан на одном из средневековых диалектов Средней Азии, в культурном отношении поэма испытала сильное влияние аналогичных исламских образчиков.

Вопрос о происхождении древнетюркского рунического письма поставил в одноименной статье британский востоковед Дж. Клосон (Гл. II. § 2). Он утверждал, что рунический алфавит тюрков был создан по образцу уже какого-то существовавшего одного или нескольких алфавитов. Древние тюрки не были слишком религиозны, считает Клосон. Некоторые из них в разное время были обращены в христианство, буддизм, манихейство или ислам. Но у них не было своего духовенства, которое постоянно нуждалось бы в письме. Это

означает, делает вывод автор, что алфавит не играл религиозной роли. Также древние тюрки никогда не считались торговой нацией. Согдийцы и китайцы, которые осуществляли торговлю в тюркском ареале, имели собственные алфавиты. Таким образом, делает вывод Клосон, тюркский алфавит был составлен по приказу некоего тюркского правителя для нужд управления, и скорее для коммуникативных, чем прокламативных целей.

Известно, что после дешифровки надписей, найденных в Хакасии и Туве, они были отнесены к V—VI вв. Однако более поздние археологические данные (1960) доказали, что они должны быть датированы более поздним периодом. Следовательно, Клосон предлагает считать наиболее ранним образцом тюркской руники надпись Тоньюкука, т.е. второе десятилетие VII в. Памятники Кюль-Тегина и Бильге-Кагана следует относить к началу 830-х гг. В конечном итоге Клосон предлагает считать время формирования тюркского алфавита период между серединой VI и началом VIII в. Относительно источников влияния на происхождение алфавита автор рассматривает несколько версий. На юге тюрки с древних времен были связаны с Тибетом. Так, тибетский властитель отправлял на похороны тюркских каганов своих представителей. Но тибетский алфавит не существовал до второй четверти VII в. В середине VII в. западной частью территории, контролировавшейся тюрками, правил ябгу Истеми, который вступил в дипломатические отношения с сасанидским царем Хосровом Ануширваном и совместно с ним сокрушил государство эфталитов. Маловероятно, считает Клосон, что Истеми мог вести такую сложную дипломатию без письменности. Таким образом, предлагает автор, можно предполагать, что рунический алфавит был составлен по его распоряжению в третьей четверти VII в.

Новый алфавит быстро распространился по всей территории, занятой тюркоязычными племенами. С помощью этого

алфавита составлялись надгробные надписи правителей не только Второго Тюркского каганата, но и Первого Уйгурского каганата. Истеми, помимо этого нововведения, создал канцелярию, которая ведала его корреспонденцией и, что более важно, создал системы обучения своих чиновников письму и чтению, что было потом повторено при Чингис-хане. Относительно личности создателя тюркского алфавита можно предполагать, что это должен был быть высокообразованный человек с отличными фонетическими способностями и владевший искусством передавать звуки буквами. Вероятность того, что это был тюрк, исключается. Если бы это был высокообразованный тюрк, то он мог бы получить образование в то время только в Китае. Однако в этом алфавите отсутствуют любые китайские заимствования. Вероятнее всего, это мог быть чиновник одного из побежденных народов (возможно, из эфталитов) или купец. В любом случае этот человек должен был уметь писать и читать более чем на одном языке, чтобы на базе своих знаний создать тюркский алфавит, который был бы нетруден в употреблении.

Далее Дж. Клосон продолжает: ни один из бытовавших в Центральной Азии в середине VII в. алфавитов не подходил тюркам хотя бы потому, что расчетливые дипломаты учитывали тот фактор, что их послания должны были быть непонятны неадресатам. Не исключено, что вначале имел место приказ создать нечто вроде тайнописи. Но английский востоковед абсолютно уверен, что составитель опирался на уже знакомый ему алфавит. Без сомнения, что он пытался применить элементы иранского (первоначально арамейского) письма. На начальном этапе это не представляло трудности для составителя. Различие между согласной структурой тюркского языка и современных ему среднеперсидского, хорезмийского и согдийского диалектов были невелики. Однако проблему создал чрезвычайно ограниченный знаковый потенциал иранских письменностей семитского (арамейского) происхождения, ко-

того не хватало для использования в тюркском языке. Здесь Клосон делает предположение, что у составителя возникла «блестящая мысль» использовать, наряду с иранским алфавитом, некоторые буквы из греческого (письменность эфталитов и византийцев). Основной функцией греческих букв являлась демонстрация того, что данная буква нового алфавита является гласной переднего ряда. Подтверждением концепции Клосона служат собранные и проанализированные им материалы из четырех источников: 1) памятники Внешней Монголии; 2) письменные документы; 3) надписи и рисунки из Хакасии; 4) надписи и рисунки из Тувы. Дж. Клосон сделал также прекрасный и подробный сравнительный анализ букв тюркского, греческого и иранского алфавитов (**Clauson, 1970**).

Проблему численности древнетюркских племен поднял в своем исследовании венгерский тюрколог К. Цегледи. Он поставил целью на основе сравнительного анализа комплекса орхонских, китайских, тибетских, уйгурских и арабских источников опровергнуть распространенное мнение, «будто надежные сведения о числе восточно-тюркских племен отсутствуют» (**Czegledi, 1972, p. 276**). Первые сведения в этой области можно найти на надгробном памятнике дочери кагана Капгана, относящемся к 691 г., когда последний был избран каганом восточных тюрков. В источнике он именуется «каганом тридцати племен». Конфедерация подвластных Капгану племен состояла, согласно орхонским надписям, из 9 огузских (токуз-огузы) племен и 12 тюркских. Термин «девять племен», встречающийся в китайских источниках и равнозначный термину «токуз-огузы», должен, по мнению Цегледи, обозначать в реальности 18 огузских племен. В свою очередь, как вытекает из уйгурских и других источников, данная конфедерация состояла из 9 уйгурских племен, 8 огузских и 1 неогузского. Таким образом, пришел к выводу Цегледи, такие понятия, как «он-уйгур» и «токуз-огуз», обозначали и отражали систему, существовавшую от хунну

до монголов и отражавшую деление на десять племен и два крыла. Эта древняя родовая организация токуз-огузов существовала до IX—X вв. В отношении восточных тюрок в источниках (тибетских и китайских) традиционно применяется термин «двенадцать племен».

Число восточнотюркских и огуз-уйгурских племен и их языковое родство нашли своеобразное отражение в генеалогической легенде восточных тюрок. Из анализа легенды следует, что к состоявшей ранее из двух крыльев (в каждом — по десять племен) конфедерации примкнули позднее племя эфталитов и одно нетюркское племя. Таким образом, общее число восточных тюрок после 557 г. достигло двенадцати. У западных тюрок осталось первоначальные десять племен (он-ок, или десять стрел в орхонских надписях). Статья Цегледи позволила более точно интерпретировать прочтение стелы Кюль-Тегина, в частности то место, где говорится о токуз-огузах и которое не мог до конца объяснить В. Томсен.

Труд Махмуда Кашгари «Диван лугат ат-тюрк» продолжает традиции тюрко-мусульманской средневековой историографии. По-видимому, считает Синор, дошедший до нас сборник тюркских наречий являлся продолжением или даже обобщением целого ряда лингвистических трудов, призванных облегчить контакты между тюрками и арабами. Труд Махмуда Кашгарского Синор считает родоначальником целого направления в литературе алтайских народов, которое просуществовало вплоть до XIV в. и получило продолжение в XVII—XVIII вв. при маньчжурах, которые составляли самые различные словари (маньчжурского, монгольского, тибетского, тюркского, китайского языков) по схеме, когда-то предложенной Махмудом Кашгарским в его «Диван лугат ат-тюрк». Это означало, что лексические единицы расставлялись не в алфавитном порядке, а по смысловым категориям: общественные службы, администрация, человек, семья, военное дело и т.д. (Sinor, 1969, pp. 246—247).

Подробный анализ словаря Махмуда Кашгарского проделал в 1975 г. американский историк Р. Данкофф. Несмотря на уникальное значение этого источника, составленного, по-видимому, в 1072—1074 гг., как единственного памятника тюркской диалектологии раннего периода, долгое время отсутствовала литература по систематической обработке материалов религии и верованиях древних тюрков. Первым и долгое время единственным трудом в этой области была книга немецкого тюрколога Брокельмана «Этнографические материалы древнего Туркестана». По мнению Данкоффа, «Диван» является основным источником информации о народных верованиях во времена политического господства тюркских династий не только доисламского периода, но и тогда, когда ислам начал проникать в духовную жизнь тюркских племен. Не вызывает сомнения тот факт, что «Диван» написан по образцу арабских словарей. Махмуд Кашгарский был потомком династии Караханидов, поэтому сведения в его словаре в основном относятся к тем кочевым и оседлым тюркским племенам, которые подчинялись Караханидам, правившим в то время в Мавереннахре и Центральной Азии.

Данкофф структурировал материал «Дивана» в девяти разделах: 1) исламизация — в «Диване» отразились два направления ислама той эпохи: суфизм и гази; 2) празднества, жертвоприношения и пиры — влияние и синтез чужих религий древними тюрками; 3) судьба — анализ и семантика слова *qut* — судьба, удача; 4) счастье и хорошие приметы — тюрки считали хорошими признаками и знаменьями апельсиновый цвет, число девять, сияние луны, предвещающее дождь и т.д.; 5) плохие приметы и бедствия — гриф, пронзительно кричащий в лицо человека; красное облако, появляющееся при восходе солнца; 6) призраки и духи — наиболее распространенное верование среди древних тюрков; Данкофф обращает внимание на семантическую связь между английскими словами *guest* и *ghost* и находит аналогичное значение

в словаре Махмуда Кашгарского; 7) демоническая власть и злой глаз — арабское слово *сафах* со значением «демоническая власть» или «дьявольский удар» встречается в словаре 14 раз; 8) шаманство — тюрки были широко известны среди арабских авторов своим магическим искусством; у Махмуда Кашгарского слово *кам* (духовное лицо) имеет две функции: предсказание будущего (*ирк*) и использование заклинаний как магических средств; 9) чудодейственные камни, растения и животные — слово *кас*, обозначающее камень, защищающий от грома, молнии и утоляющий жажду. Однако, как считает Данкофф, внимательный анализ «Дивана» приводит к противоречивым выводам относительно религиозной веры древних тюрков в домонгольский период (**Dankoff, 1975**).

Очевидно, что «Диван тюркских языков» Махмуда Кашгари — ценнейший источник по языку древних тюрков — дает множество редких сведений по истории, географии и этнографии тюркоязычных народов и племен. Одним из таких источников является древняя географическая карта, сохранившаяся в словаре М. Кашгари. Подробное описание карты называет все указанные на ней города, села, реки, озера, границы государств. Исследователи приходят к выводу, что многие тюркские народы (туркмены, азербайджанцы, узбеки, уйгуры, т.е. представители огузско-карлукской группы, а также казахи, башкиры, татары, киргизы — представители кыпчакской группы) занимают и сейчас территории, обозначенные на карте М. Кашгари, составленной в XI в. Отсюда нетрудно понять, что нашествие монголов в XIII в. не могло изменять границы занимаемых тюрками территорий, а содержащаяся в карте этнотопонимика пополнила словарный состав казахского литературного языка.

Описание тюркских племен у М. Кашгари начинается с истории голубых тюрков, с созданий ими сильной империи. С объединения тюркских групп в союз, или конфедерацию, в Монголии слово «тюрк» стало символизировать тюркскую

общность, этническую основу которой обеспечили многие племена. М. Сабир подробно останавливается на характеристике некоторых из них, показывает их историческую роль в средневековой Центральной Азии¹¹.

При описании Уйгурского каганата, населявших его народов, религии, обычаев отмечается лояльность и верность таким племенам, как сир-тардуш, туба, куриган, бугу, тонгра, эдиз, и враждебность к басмылам и карлукам. Прослеживается развитие отношений с китайцами, сначала недружественных, но с последующим зарождением культурно-торговых контактов.

В 932—1212 г. было создано государство караханидов. Опираясь на мнения отдельных ученых, автор придерживается взгляда о их карлукском происхождении. Караханидские правители основали сильное государство после захвата огромных территорий, объединив Западный и Восточный Туркестан. Правители его покровительствовали пропаганде ислама среди буддийских тюрков в целях сохранения национального языка и государства.

Переходя к анализу языка тюркских народов, М. Сабир пишет, что «Диван» Кашгари полон тюркскими словами, терминами, пословицами, грамматическими правилами. Он обращает внимание исследователей на то, что Кашгари исключил из своего труда семь букв, которые не участвуют в написании, но играют определенную роль в произношении. Приводится ряд примеров. Также подчеркивается, что тюрки использовали 150 букв и символов в своем енисейском письме до эры голубых тюрков; последние сократили их количество до 38. Уйгуры использовали уйгурский шрифт, который фактически стал тюркским, с определенными модификациями.

М. Кашгари в своем труде уделяет внимание вопросу о разноязычии и различных диалектах тюркских народов. Рассматривая языки племен киргизов, кипчаков, тухси, ягма,

---

¹¹ Sabir M. Turk races, their language // Central Asia. — Peshawar, 1983. N 12. Pp. 91—120.

чигил, для которых тюркский язык был родным, он отмечает, что огузский среди них самый легкий, более правильные — языки тухси и ягма. Некоторые диалекты имели вариации и частично видоизменялись. Так, например, огузы и кипчаки изменили букву *y* в глаголах и именах существительных; верблюды у тюрков пишется *yughdu*, в огузском и кипчакском — *jughdu*. Буква *m* в начале слова изменяется в огузском и кипчакском в *b*: у тюрков — *men bardim* (я сходил), у кипчаков и огузов — *ben boro* и т.д.

Более детально анализируется раздел книги Кашгари о количественном составе тюркских племен, их географическом расселении. На представленной карте, кроме тюркских, показаны и сопредельные с ними страны. Несмотря на некоторые ошибки, неточности, пропуски в воспроизведении по вине переписчика «Дивана», автор подчеркивает огромное значение этой карты для исследования географического расселения тюркских племен. В заключение отмечается, что «Диван-лугат-ат-тюрк» является подлинным и достоверным документом по истории и культуре тюркского народа и ценным источником по тюркологии.

Наряду с древнетюркскими надписями, уже пятьсот лет существует памятник монгольского происхождения — «Сокровенное сказание монголов», созданное, по-видимому, в середине XIII в. Настоящий источник является родоначальником аналогичного ряда монгольских летописей, которые составлялись по образцу и подобию «Сокровенного сказания». Эта традиция была нарушена только с появлением «Алтан Тобчи» («Золотая пуговица»), который относят к периоду между 1649-м и 1736 г. и, безусловно, назван оригинальным трудом. Его автором считают монгольского принца Саган Сечена, который внес в него заметный буддистский элемент, положив тем самым начало новой буддистской традиции в монгольской литературе. Маньчжурские хроники также подверглись сильному влиянию буддизма.

Новый этап в развитии оригинальной тюркоязычной литературы Синор связывает с творчеством Алишера Навои во второй половине XIV в. Параллельно с письменной традицией в Центральной Азии развивалась мощная устная традиция. В этой связи Синор называет «Легенду об Огуз-кагане», появившуюся в XIII или XIV в. Для всех устных эпических произведений характерно комбинирование новых и архаичных элементов, что чрезвычайно усиливает их историческую и познавательную ценность. Не является исключением и великий киргизский эпос «Манас». В этом грандиозном эпосе на протяжении нескольких сот тысяч строф переплетаются сведения о контактах киргизов в древние времена (шаманистические элементы) и более поздние, что нашло упоминание о китайцах, мусульманах и даже русских. Эпос «Алпамыш» является продуктом общей для казахов, узбеков и каракалпаков традиции устного творчества, отражает реалии XVI и XVII в., но содержит и более поздние пласты. Сравнимые с ними эпосы на монгольском языке — «Джангар» ойратов и калмыков и «Аламчи мерген» бурятов (Sinor, 1969, pp. 248—249).

Французский тюрколог Ж.П. Ру исследовал знаменитую тюркскую рукопись XIV—XV вв. «Китаби Деде Коркуд» («Книга моего деда Коркута»), отражающую еще доисламские верования древних тюрков и шаманские ритуалы Центральной Азии. Ру обращает внимание на два основных вопроса, которые, по его мнению, составляют суть религиозных проблем алтайских общностей. Во-первых, поклонение древних тюрков различным силам природы, божествам и духам гор, деревьев и воды. Следы этого политеизма сохранились в молитвах и поэмах, вошедших в «Китаби Деде Коркуд». Ру проделал тщательный разбор отдельных частей эпоса и пришел к выводу, что они представляют собой не только поэтические картины, но и изображают важные события из жизни людей: рождение, путешествия, возвращение.

Ученый пришел к выводу, что древние тюрки жили в полной гармонии с природой, поскольку их судьба зависела от нее. Этим он объясняет поклонение и почитание человеком сил природы, пронизывающих поэму. Во-вторых, важное место в эпосе занимает культ животных. Поклонение животным древние тюрки объясняли силой и их превосходством над человеком. В эпосе чаще всего фигурируют лошадь, верблюд и баран, что еще раз указывает на их решающую роль в экономической жизни кочевников. Ру считает, что эти верования явились предпосылками для возникших позже некоторых культовых направлений в центральноазиатском исламе (Roux, 1976).

В качестве одного из последних памятников и источников кочевой эры следует назвать памятник монгольского права: «Восемнадцать степных законов», составленных на съездах халхаских князей в конце XVI — первой трети XVII в. Памятник является уникальным источником для характеристики сословной структуры халхаского общества, а также административного устройства Халхи и монгольского средневекового права, его эволюции и особенностей. Содержащиеся в нем законы явились непосредственным источником для более поздних монгольских уложений¹².

«Восемнадцать степных законов» были приняты на съездах крупнейших князей Северной Монголии в конце XVI — первой трети XVII в. Это ценный памятник средневековой монгольской историографии, который мало использовался в мировом монголоведении.

История Монголии XVI—XVII вв. интереснейшего периода, оказавшего существенное влияние на весь последующий ход эволюции монгольского общества, до сих пор является одной из самых малоизученных тем в современном

---

¹² Восемнадцать степных законов: Памятник монгольского права XVI—XVII вв. — Монгольский текст, транслитерация монгольского текста. Перевод монгольского текста, комментарии и исследование А.Д. Насилова. Ответственный редактор Е.И. Кычанов. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2002. — 160 с.

востоковедении. Можно с уверенностью утверждать, что «Восемнадцать степных законов» являются уникальным документом для изучения истории, языка и быта монголов конца XVI — начала XVII в. История изучения монгольского права насчитывает более двух столетий. Точкой отсчета следует считать 1776 г., когда был опубликован первый перевод на русский язык одного из крупнейших памятников — «Великого уложения 1640 г.», выполненный В.М. Бакуниным.

О существовании и применении Ясы Чингис-хана мы узнаем из «Секретной истории монголов», из «Сборника летописей» Рашид-ад-Дина, а также из работ арабских историков XIII—XV вв. Джувейни и Макризи. Рашид-ад-Дин, рассматривающий Ясу как письменный законодательный памятник, сообщает, что после победы над Ван-ханом Чингис-хан, созвав великий курултай для своего утверждения на престоле, издал строгие законы (**Рашид-ад-Дин, 1952, с. 135**). Сохранившиеся в летописи фрагменты Ясы содержат нормы административного, уголовного, гражданского права, положения об охоте, особенности быта монголов в период образования империи.

На следующих памятниках целесообразно остановиться подробнее. Во-первых, и «Великое уложение 1640 г.», и «Цааджин бичиг», и «Халха Джирум» полностью сохранились и являются самыми крупными из известных юридических памятников Монголии. Во-вторых, время составления этих законодательств наиболее близко времени принятия «Восемнадцати степных законов». В-третьих, именно они послужили основным материалом при работе над текстом исследуемого памятника. «Восемнадцать степных законов» явились непосредственным письменным источником для составления «Великого уложения 1640 г.» и в определенной мере «Цааджин бичиг» и сборника «Халха Джирум».

«Великое уложение» (монголо-ойратские законы) было принято на съезде ойратских и халхаских князей в 1640 г.

Этот съезд был созван по инициативе джунгарского Эрдэни Батур-хунтайджи и имел своей целью урегулирование взаимоотношений между монгольскими князьями и создание условий для объединенной борьбы против маньчжуров. Текст законов был составлен на монгольском языке, а затем переведен на ойратский алфавит, который был принят в 1648 г.

Съезд монгольских князей состоялся в то время, когда халхасцы и ойраты после многолетней вражды должны были признать необходимость совместных действий перед лицом растущей военной угрозы со стороны маньчжуров. Поэтому в принятых на съезде законах ярко выразилась идея создания единого монгольского государства.

Как известно, Маньчжурское государство сложилось в конце XVI в. В 1616 г. правитель маньчжуров Нурхшиди объявил себя ханом маньчжурского государства. После успешных походов против соседних племен маньчжурские завоеватели устремили свои взоры на независимые монгольские аймаки. Исследователи внешней политики маньчжурского государства Цин выделяют следующие этапы подчинения Южной Монголии. Вначале (с конца XVI в. до 1619 г.) мирным путем — посредством завязывания посольских связей и заключения брачных союзов между правящим маньчжурским домом и родоплеменной верхушкой соответствующих монгольских племен, а позднее (с 1619 г.) военными средствами.

В 1960-х гг. Государственная публичная библиотека МНР и Государственный исторический архив МНР начали планомерную работу по изысканию древних законодательных актов. Для этой цели были созданы археологические экспедиции, в состав которых входили крупнейшие историки, археологи, ежегодно работавшие в полевых условиях в местах древних культурных центров.

В 1970 г. группа под руководством старшего научного сотрудника Института истории АН МНР Х. Пэрлээ и советского археолога Э.В. Шавкунова, входящая в состав совет-

ско-монгольской историко-культурной экспедиции, сделала чрезвычайно интересную находку. В развалинах субургана селения Харбух, находящегося недалеко от центра сомона Дашинчилэн Булганского аймака, была обнаружена коллекция берестяных книг.

Всего были найдены более десяти видов книг. Листы имеют размеры от 4 x 7 до 4 x 15 см. Все они написаны от руки, почерк имеет особенности, присущие почеркам писцов XVII в. Размер листов в одной книге строго одинаковый, на некоторых видно графление, текст заключен в рамку. Исписаны обе стороны листа. Пагинация обозначена только на левом краю передней стороны листа. Наибольший интерес у авторов находки вызвали уникальные юридические документы. На берестяных листах оказались рукописные копии восемнадцати монгольских законодательств, позднее получивших название «Восемнадцать степных законов». Эти документы, а также транслитерация текста и комментариев были опубликованы Х. Пэрлээ в серии *Monumenta Historica* в 1974 г.

Из орфографических особенностей можно отметить, что падежные окончания слов, гласные переднего и заднего ряда, твердые и мягкие согласные отчетливо не показаны. Аффиксы родительного, винительного и дательного-местного падежей, видимо, под влиянием разговорного языка, присоединены к слову или записаны небрежно. Часто наблюдается смешение форм родительного и винительного падежей. В источнике практически не различается написание *c* и *j*, что характерно для многих средневековых рукописей. Беспорядочно употреблены диакритические знаки: так, две точки перед твердым *y* ставятся не всегда, чаще всего совсем не ставятся. Не ставится точка и перед буквой *n*, стоящей впереди гласной. Знаки препинания в соответствии с грамматикой также не ставятся.

В результате того, что субурган разрушился и грабители, видимо, неоднократно рылись в книгах и разбрасывали их,

некоторые листы оказались утеряны. Так, сохранился лишь первый лист «Великого закона года земли-зайца». Кроме того, из-за частого пользования рукописью многие листы настолько истерлись и истрепались, что прочитать на них текст стало невозможным.

Все законы записаны по одной форме. Каждый предваряется своеобразной преамбулой, в которой указывается, где, когда и кем был принят тот или иной закон. Тексты законов различны по объему. Среди них выделяются два наиболее крупных, это «Закон Шести хошунов», состоящий из 65 статей, и «Великий закон», состоящий из 92 статей. Большинство законов состоят из шести, восьми или десяти статей. Имеются два закона, состоящих из одной статьи.

По своему содержанию законы носят смешанный характер. Подряд, без всякого выделения, идут статьи о воровстве, об обязанностях простолюдинов, о семье, о военной обязанности и пр. Лишь трижды были составлены «тематические» законодательства, о чем сказано самими авторами. Это — закон о воровстве, религиозный закон, закон для монахов.

Из 18 имеющихся текстов законов исследователи имеют в своем распоряжении точные даты составления для 14. Эти даты, согласно китайскому лунному календарю, зафиксированы в преамбулах законов, в некоторых случаях указывается даже месяц и день. Как уже говорилось, первые листы «Закона Шести хошунов» из-за их порчи прочитать невозможно, поэтому нельзя точно определить дату его составления. В трех других законах составители не дают даты их принятия.

Для того чтобы определить даты составления законов по европейскому календарю, Х. Пэрлээ пришлось проделать большую кропотливую работу. Основной опорой ученого послужили в этом случае имена известных монгольских князей, принимавших участие в принятии законов.

§ 4. Мусульманская историография

Начиная с XVII в., средневековые памятники мусульманской историографии стали объектом исследования, однако они носили эпизодический характер. Только после того, как в научный оборот вошли классические публикации арабских географических и исторических сочинений, в XIX — начале XX в. возникли предпосылки для появления качественно новых исследований, касающихся, в частности, и тюркских народов Средней Азии.

Важный вклад в изучение арабских и персидских нарративных источников внесли И. Маркварт, В. Минорский и В. Бартольд, заложившие прочный источниковедческий фундамент для исследования истории средневековья Центральной Азии. Различные вопросы этой истории нашли отражение в работах иностранных и советских ученых: П. Пельо, К. Босворт, Л. Рашоньи, К. Цегледи, К. Менгес; А.Ю. Якубовский, Н. Бернштам, С.П. Толстов, А.Л. Маргулан, М.И. Артамонов, Л.П. Потапов, Н.А. Баскаков, С.А. Плетнёва, Л.Р. Кызласов, Г.А. Федоров-Давыдов, Л.Н. Гумилёв, С.Г. Кляшторный, С.Г. Агаджанов, Р.Г. Кузеев, К.Ш. Шаниязов, Ю.А. Зуев, Б.Е. Кумекон, С.М. Ахинжанов и др.

С образованием Арабского халифата и вовлечением в его орбиту различных по истории, культуре, языку, обычаям и традициям народов складывается мусульманская синкретическая культура. Представителей торговли и мусульманской религии ислама привлекали «крайние пределы» северо-восточной Европы, Центральной Азии и Дальнего Востока. Необходимость закрепления арабами завоеванных земель в Средней Азии и обеспечение внешней безопасности от воинственных кочевых племен способствовали изучению их средневековыми историографами. Так накапливалась информация о народах и племенах, в том числе о кыпчаках, отражаемая в произведениях того времени.

Следует сказать, что большинство средневековых восточных авторов опирались в своих повествованиях на более ранние источники, но не ссылаясь на них, широко используя метод компиляции, невольно насыщая свои труды различного рода анахронизмами и явными ошибками в атрибуции отдельных фактов. Таким образом, зная, кем были авторы или передатчики данных сообщений, степень их зависимости друг от друга при передаче информации, эпоху, политические и социальные условия создания произведений, можно отделить аутентичные сведения от компилированных, заслуживающие доверия от сомнительных, и в результате получить реальную картину исторического развития кыпчакского народа. Иначе говоря, данные средневековых источников требуют от современного исследователя кропотливой и тщательной источниковедческой работы.

К группе мусульманских источников относятся исторические сочинения на арабском, персидском, турецком и тюркских языках. Это более изученная группа источников, чем дальневосточная, так как со средних веков европейские архивы располагают оригинальными документами и летописями мусульманских авторов; к тому же в Европе давно сложилась традиция чтения и интерпретации мусульманских сочинений. Синор считает, что начало мусульманской историографии по Центральной Евразии относится к трудам Табари (X) в арабоязычной и Гардизи (XI) в персоязычной историографии. С точки зрения достоверности, Синор вслед за Бартольдом высоко оценивает исторические труды Джувейни, которого можно назвать единственным среди персоязычных историков, получивших информацию из первых рук. Кроме этих авторов, Синор рекомендует источник «Части света» («Худуд аль-алам»), написанный на персидском языке неизвестным автором в X в., труды Марвази и Ибн-Фадлана (Sinor, 1969, pp. 67—69).

История завоевания Средней Азии арабами известна в основном, и что естественно, именно по арабским и частич-

но персоязычным источникам. Основная характерная черта этого блока мусульманской историографии — апологетика ислама и джихада арабов в Трансоксиании. Он состоит из выдержек или оригиналов таких авторов, как Ибн-Хазым, «Азд-Рабийя» Баладхури в изложении Якуби, «Бахалитэ» неизвестного автора в переложении Табари, «Динавари» неизвестного автора, выдержек из Наршаки в изложении Табари, выдержек из Баладхури в изложении Абу-Убайды. Только данный источник носит антиарабский характер (**Gibb, 1923, pp. 11—14**).

Большое значение для изучения домусульманской и раннеисламской истории региона Средней Азии и всего мусульманского Востока имеет «История Бухары» Наршаки. Она была переведена с персидского и издана в 1954 г. американским иранистом Р. Фраем (Ч. I. Гл. I. § 5). Р. Фрай дает сравнительный анализ рукописи Наршаки, ее влияние на место в мусульманской историографии, особенности персидского текста и отличия от арабского оригинала, историю изучения этого источника европейской ориенталистикой, приводит данные об имеющихся переводах рукописи Наршаки, в том числе русского и т.д. (**Frye, 1954**).

Крупным источником по раннетюркской истории является «Зайн аль-Ахбар» персидского историка Гардизи. В Европе известны т.н. кембриджская (1523—1524) и оксфордская (1781) копии. В 1968 г. иранский исследователь Хабиби принял наиболее полное издание сочинения Гардизи, снабдив его многочисленными приложениями и добавлениями с использованием всех известных рукописей. На основе этого издания венгерский востоковед К. Цегледи сделал попытку источниковедческого анализа текста Гардизи. Цегледи считает, что только часть этого сочинения является авторским произведением Гардизи, так как большая часть книги — это перевод арабских текстов (например, «Китаб аль-Масалик» Гайхани). К тому же из-за плохого знания тюркского языка Гардизи не-

верно истолковывает в ряде случаев некоторые фразы, этнонимы и топонимы. Наиболее важной частью сочинения является третья часть книги, в которой можно найти сведения по генеалогии, этиологии и расселению тюркских племен. Гардизи дает сведения или упоминает об огузах, карлуках, кимаках, ягма, киргизах, басрханах, китайцах, хазарах, волжских булгарах, маньчжурах, аланах, а также саклабах, русах и сарирах. В основе этой части сочинения Гардизи лежат заметки, сделанные им со слов персидских и арабских купцов, побывавших у степных народов Центральной Азии, в Тибете и Китае. Первая часть главы в книге Гардизи, повествующая о «степных народах», посвящена огузам, в которой приводится легенда о происхождении тюрков. Эта же глава представляет собой своеобразное введение к общему описанию тюркских племен. К Гардизи восходит этиологическая легенда о том, что среди тюрков встречаются голубоглазые и светловолосые люди. Гардизи считал, что западные тюрки (тогуз-огузы, карлуки, кимаки, ягма) играли ведущую роль среди всех других тюркских племен. Третьим последним персидским автором уделено особое внимание. Без существования «Зайн аль-Ахбар» было бы невозможно воссоздание истории ранних тюрков, с чем согласен современный критик Гардизи Цегледи (**Czegledy, 1973**).

На X в. приходится наивысший расцвет арабской географической литературы. Ярким представителем этой эпохи является арабский географ и путешественник ал-Истахри (перв. пол. X в.), выходец из Центрального Ирана. Его труд «Книга путей государств» («Китаб масалик ал-мамалик») является обработкой и дополнением более раннего, не дошедшего до нас географического труда ал-Балхи. В книге имеются интересные сведения о Восточной Европе, где описываются русы, хазары, болгары, буртасы. Значительный фактический материал содержится о кимаках, огузах, карлуках, расселившихся на территории современного Казахстана. «Что касается всех тюрков, — констатирует ал-Истахри, — /таких/ как тогуз-огу-

зы, хырхызы, кимаки, огузы и карлуки, то язык у них один, и каждый из них понимает друг друга». Труд ал-Истахри, в свою очередь, был отредактирован и дополнен в конце X в. Ибн Хаукалем и назван «Книга путей и государств» («Китаб ал-масалик ва-л-мамалик»). Ибн Хаукал происходил из северной Месопотамии, много путешествовал. Историко-этнографические сведения о тюркских племенах во многих случаях совпадают с сообщениями ал-Истахри. Интересна лингвистическая характеристика, данная тюркским племенам: по его словам, все они говорят на одном языке. Важной частью трудов ал-Истахри и Ибн Хаукаля являются географические карты «Лик земли» («Сурат ал-ард»), где показаны места локализации тюркских племен¹³.

В X в. через территорию будущего Казахстана пролегал путь арабского путешественника Абу Дулафа. Он был родом из портового города на берегу Красного моря, с течением времени стал придворным саманидского эмира в Бухаре Насра II. В 942 г. Абу Дулаф совершил поездку в Китай и Индию и у своих современников приобрел славу путешественника. Свои воспоминания о путешествиях Абу Дулаф изложил в двух «Записках» («Рисала»). В первой заключены важные сведения о хозяйстве, религии и быте кимаков, огузов, карлуков, чигилей и др. К сообщениям об увиденном добавлено немало слышанного без разграничений¹⁴.

Ценным историческим документом является сочинение арабского географа и историка ал-Масуди (X), родившегося

¹³ Ал-Истахри. Ал-Масалик, ва-л-мамалик. — Каир, 1961. — С. 18; Материалы по истории киргизов и Киргизии. — М., 1973. — Вып. 1. — С. 16, 25; Агаджанов С.Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX—XIII вв. — Ашхабад: Ылым, 1969. — С. 74—79; Ibn Haukal. Opus Geographicum. Liber imaginis terrae. — Lugduni Batavorum, 1938—1939 (BGA). Т. I—II; Ахмад Суса, Ал-Ирак фи-л-хаварит ал-кадима. — Багдад, 1958. Карты N 15—19; Кумеков Б.Е. Государство кимаков IX—XI вв. по арабским источникам. — Алма-Ата: Наука, 1972. — С. 62—64.

¹⁴ Пантусов Н.Н. Сведения арабских географов о Средней Азии // Известия общества археологии, истории и этнографии при императорском Казанском университете. — Казань, 1909. — Т. XXV. — Вып. 5. — С. 125—131; Rohr Sauer A. Des Abu Dulaf Bericht über seine Reise nach Turkestan. China und Indien. — Stuttgart, 1939; Кумеков Б.Е. Государство кимаков... С. 17, 67.

в городе Багдаде. Основным источником его знаний явились путешествия от Индии до стран Атлантического океана, от Красного моря до Каспийского и живое общение с представителями самых разнообразных слоев. Его исторические и географические сочинения «Промывальни золота и рудники самоцветов» («Мурудж аз-захаб ва-маадин ал-джа-вахир»), «Книга наставления и пересмотра» («Китаб ат-ганбих ва-л-ишраф») включают в себе ценные историко-этнографические сведения о кимаках, огузах, карлуках, барсханах, хазарах, токуз-огузах и данные по исторической географии раннесредневекового Казахстана. Значительный интерес вызывает краткое упоминание об исторических событиях второй половины IX в., когда огузские вожди в союзе с казаками (? — *М.Л.*) и карлуками сумели овладеть долиной Сыр-Дарьи и приаральскими степями, нанеся поражение обитавшим здесь кангаро-печенежским племенам. Любопытные сведения об обряде гадания по огню и цветовой символике у тюрок приводит в другом своем труде ал-Масуди. Он сообщает: «У царя тюрок определенный день, когда для них /тюрок/ разводят огромный огонь. Царь идет и становится /возле огня/ и пристально смотрит на его и говорит, бормоча, пока не поднимется огромное пламя. Если пламя становится зеленого цвета, то будет дождь и плодородие; если оно становится белого цвета, то будет засуха; если оно красного цвета, то будет кровопролитие, если же желтого цвета, то болезни и чума, а если оно становится черного цвета, то /это/ указывает на /близкую/ смерть царя или его далекий военный поход. Когда случается такое, царь спешит отправиться в поход и вернуться обратно»¹⁵.

---

¹⁵ Macoudi. Les Prairies d'or. — Paris, 1861—1877. Т. I—IX; Al-Masudi. Kitab at-tanbin wa-l-ischraf. — Lugduni Bataavorum, 1894 (BGA, VIII). Ал-Масуди. Китаб ат-танбих ва-л-ишраф (BGA, VIII). — С. 180—181; Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. — М., 1964. — С. 177—178; Агаджанов С.Г. Очерки истории огузов... С. 129; Кумеков Б.Е. Государство кимаков... С. 58—59; Golden P.B. The people // Archivum Eurasiae Medii Aevi, 1975. В. 1. Pp. 21—35; Pritsak O. The Pecenegs. Ibid. P. 9; Ал-Масуди. Ахбар аз-заман. — Каир, 1938. — С. 76; ср. Ибн Васиф-шах. Аджаиб ад-дунйа. Рукописи. ИВ АН СССР (В-613). Л. 486; Шахиб ал-Харрани. Джамии ал-фунун ва салват ал-махзун. Рук. ИВ АН СССР (В-792). Л. 151 б.

Историко-географические данные, основанные на личных наблюдениях, занимают еще более важное место в сочинении ал-Мукаддаси (947—1000). Арабский географ и путешественник, уроженец Иерусалима ал-Мукаддаси объездил почти все мусульманские страны Востока. Его сочинение «Лучшее разделение для познания климатов» («Ахсан ат-такасим фи марифат ал-акалим»), составленное около 985 г., дает полное и систематическое описание стран и областей, содержит ценные сведения о Средней Азии и Казахстане, о племенном составе населения, городах и поселениях, торговых путях и предметах торговли, хозяйстве и религиозных воззрениях, языке и обычаях. Любопытно упоминание о том, что города мусульманских областей Туркестана — Сауран и Шагильджан были пограничными с кимацкими племенами, т.е. и с кыпчаками¹⁶.

Перу персидского географа второй половины XII в. Ахмеда Туси принадлежит первое космографическое сочинение на персидском языке «Чудеса творений» («Аджаиб ал-махлукат»), где также широко использованы сведения из предшествующих источников Ибн ал-Факиха, Ибн Фадлана, Абу Дулафа и др. Приводятся ценные лингвистические определения, подтверждающие единство языков кыпчаков, кимаков, токуз-огузов, карлуков, огузов, печенегов, кыргызов в отличие от языка Чина (Китая) и Тибета¹⁷.

К оригинальным сочинениям по истории кочевых народов Азии, в частности кыпчаков, относится сборник документов, составленных при дворе хорезмшаха Текеша, датированных 1182—1184 гг. Автор этих документов, глава хорезмшахской канцелярии ал-Багдади, назвал сборник «Книгой искания, доступа к деловым сношениям» («Китаб ат-тавассул ила-т-тарассул»). В нескольких документах приводятся ин-

¹⁶ Al-Mokaddasi. Descriptio imperii moslemici... — Lugduni Batavorum, 1877 (BGA, III). P. 274; МИТТ. Т. I. С. 185; Агаджанов С.Г. Очерки истории огузов... С. 74; Кумекоев Б.Е. Государство кимаков... С. 67—68.

¹⁷ Ахмад Туси. Аджаиб ал-махлукат ва гараиб ал-мауджудат. — Тегеран, 1968. — С. 201.

тересные сведения о взаимоотношениях Текеша с кыпчаками¹⁸, имеется важный материал о брачных связях между династийным родом кыпчаков и домом хорезмшахов, о поступлении на службу к хорезмшаху отрядов кыпчаков и вхождении их в лоно ислама, о междоусобной борьбе как между кыпчакскими ханами за власть в степи, так и между совместно выступающим контингентом войск хорезмшаха и кыпчакским ополчением против неверных кыпчакских ханов, о наличии письменной традиции у кыпчаков.

Позднейшим образцом сельджукской придворной историографии XII в. является труд ал-Хусейни «Сообщение о сельджукидском государстве» («Ахбар ад-даулат ас-салджукия»), в котором излагается преимущественно история правящей династии сельджукидов. Несмотря на компилятивный характер, сочинение ал-Хусейни содержит ряд ценных оригинальных сведений по истории соседних с сельджукидами династий (Караханидов, Хорезмшахов) и народов, включая кыпчаков¹⁹.

В поэме персидского поэта Низами (1140—1202) «Книга об Искандере» («Искандер-наме») содержатся любопытные факты, связанные с религиозными обрядами кыпчаков, поклонением их каменным статуям: «Все кыпчакские воины, приходящие сюда, кланяются этому изображению; приходит ли с дороги конный или пеший, все с благоговением поклоняются статуе. Всадник, проезжающий мимо, кладет стрелу из колчана в честь нее; пастух, прогоняющий здесь стадо, приносит перед ней в жертву барана²⁰».

Непосредственно перед монгольским нашествием творил Мубарак-шах Марверруди (ум. 1206), живший при дворе

---

¹⁸ Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Тексты. — СПб., 1898. — Ч. 1. — С. 23—47; Багдади. *Китаб ат-тавассул и ла-т-тарассул*. — Тегеран, 1315 х. (1936); Бартольд В.В. Соч. Т. 1. — С. 403—407.

¹⁹ Садр ад-дин Али ал-Хусейни. *Ахбар ал-даулат ас-селджукийя (зубдат ат-таварих фи ахбар ал-умара ва-л-мулук ас-селджукийя)* (Сообщения о сельджукском государстве, Сливки летописей, сообщающих о сельджукских эмирах и государствах). — М., 1980.

²⁰ Низами. *Искандер-наме*. — Баку, 1940. — С. 315—318. (ср. изд. Баку, 1983); Бартольд В.В. Соч. — М., 1966. — Т. IV. — С. 39.

гуридского правителя Афганистана и Северной Индии. Им написана «Книга о генеалогии» («Китаб ал-ансаб»), где имеются интересные и важные сообщения о племенах тюрков, их языке, письменности, быте, культуре и некоторые этнографические данные. Особенно важен подробный список тюркских племен, где упоминаются кыпчаки. Хотя этот пространственный список был введен в научный оборот в 1920-е гг., однако он не был подвергнут тщательному этноисторическому анализу. В состав тюркских племен, согласно Марверруди, входили: «турк, иймак, киркиз, карлук, чикиль, анмур (аймур), харлух, киник, йаги, салук, халдж, угуз, хита, гай, урус, кай, уран, нухси (гухси), тибат, кара тибат, саклай (саклаб), кимджи, кимак, хазар, кара хазар, кифджак, алтай, куджат, биджинак, угул, сатик, сутук, татар, кара татар, канклы, баргу, гуз, кара гур, тогузгуз, ягма и агма, аракун (аракир), кайк, салгир, йазгиз (йазгир), рукур, байандур, алайатшулук, угур, тугрик, байат, гутурга, дуджиран, сукйк, йабагу, афшар, бекдиз, бандали, икба, аткук, луузгара, урул (урал), ларталак, басмил, ильбарсхан».²¹

Знаменитый сирийский ученый-энциклопедист Якут (1179—1229), живший в Сирии, затем в Багдаде, часть жизни провел в путешествиях. В его большом географическом словаре «Перечень стран» («Муджам ал-булдан») содержатся довольно обширные сведения по географии, истории, этнологии, лингвистической и описательной географии, фольклору и литературе, материальной и духовной культуре народов Востока и Запада. Достаточно подробны и любопытны факты из жизни кочевых народов Туркестана и Поволжья до начала XIII в., в том числе и кыпчаков, основанные преимущественно на погибших сочинениях из мервских руко-

²¹ Tarikh-I Fakhr ud-Din Mubarakshn being the historical introduction to the Book Genealogies of Farhruddin Mubarakshn Marvarrudi completed in A.D. 1206. — London, 1927. — Pp. XII—XV, 47; Умняков И.И. «История» Фахрединна Мубарякшаха // ВДИ. — 1938. — Т. 1 (2); Ахмедов Б.А. Значение письменных памятников в изучении истории узбеков // Материалы к этнической истории населения Средней Азии. — Ташкент, 1986. — С. 25.

писных собраний. Именно Якут впервые довольно подробно описал поход через Дербент и Западный Дашт-и Кыпчак монгольских войск, захвативших земли кыпчаков, аланов, болгар и область Саксин, вплоть до Крыма²².

Единственным дошедшим до нас историческим сочинением, созданным в эпоху Чагатаидов в Средней Азии (середина XIII — начало XIV в.), является «Прибавление к словарию «Ас-Сурах» («Мулхакат ас-Сурах») Джамала ал-Карши, известного филолога, историка и путешественника из восточно-туркестанского города Алмалыка. Он родился в 1230 г. Отец его был уроженцем Баласагуна. В зрелом возрасте Джамал ал-Карши совершил ряд путешествий в Среднюю Азию и на берега низовьев Сыр-Дарьи, в частности в 1273—1274 гг. он побывал в южно-казахстанских городах Барчкенде и Дженде, где сочинил эпитафию для могилы шейха Камал ад-дина ас-Сыгнаки, ученика и последователя известного суфийского шейха XIII в. Наджим аддина Кубры. Этот труд является одним из основных источников по истории Мавераннахра и Туркестана накануне и после монгольского завоевания. В нем содержатся важные сведения о последствиях монгольского нашествия для культуры городов бассейна Сыр-Дарьи, населенных кыпчаками и другими тюркскими племенами²³.

Большой космографический труд «Выборка времени о диковинках суши и моря» («Нухбат ад-дахр фи аджаиб ал-бар ва-л-бахр») принадлежит перу сирийца ад-Димашки (1301—1349), питавшему симпатии к суфизму. Его сочинение в значительной своей части основано на сочинениях арабских авторов традиционного направления IX—XI вв. Вместе с тем в нем приводятся ценные историко-этнографические сведения о тюркских народах и их расселении. Значительный интерес представляют данные об этногра-

²² Yacuts s geographisches Wörterbuch. — Leipzig, 1886—1873. В. I—VI; Бартольд В.В. Соч. Т. 1.

²³ Джамал Карши, Мулхакат ас-сурах. Рук. ИВ АН СССР (В-514. 430 а); Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Тексты. Ч. 1. — С. 128—152.

фии, религиозных воззрениях кыпчаков и их этническом составе. Ад-Димашки приводит следующий состав кыпчакских племен: барлу, туксоба, ийтаба, барат, аларис, бурджу-глу, манкуруглу, иймак и более мелкие племена: таг, башкурт, куманлу, бузанки, баджана, карабурклу, аз, джарган и др.²⁴ Как показывает текстологический анализ, приведенный список племен относится к ветви кыпчакского объединения к востоку от Волги.

Историческая «Книга назиданий в сборнике начала...» («Китаб ал-ибар ва диван ал-мубтада...») была написана Ибн Халдуном (1332—1406)²⁵. Родился он в Тунисе, в 1382 г. переселился в Египет. В сочинении приводятся интересные сведения о кыпчаках, народные предания о распрях между династийными родами кыпчаков и других тюркских племен, об их социальной структуре, хозяйстве степных областей севернее и западнее Средней Азии. По сообщениям автора, кыпчаки занимались улучшением породы коней. В связи с нашествием монголов на западные земли Дашт-и Кыпчака, Ибн Халдун приводит рассказ о старинной вражде двух кыпчакских племен — токсоба и дурут. Сюжет его прямо указывает на большие внутренние неурядицы в кыпчакском обществе. Глубоко зашедшие династийные распри и междоусобицы не утихали даже перед столь губительной внешней опасностью, какой было монгольское завоевание.

В «Китаб ал-ибар» приводится притча о двух змеях, широко бытовавшая в тюрко-монгольской среде. В ней содержится информация о действительной исторической судьбе многочисленных монгольских родов, объединенных ханской властью, с одной стороны, и о раздираемых противоречиями

---

²⁴ Mehren A.F. *Cosmographic de Chems-ed-din Abou Abdallah Mohammed ed. Dimichqui. Texte arabe.* — SPb., 1866.

²⁵ Ибн Халдун. *Китаб ал-ибар ва диван ал-мубтада ва-л-хабар фи аям ал-араб ва-л-аджам ва-л-барбар.* — Булак, 1867—1868. — Т. 1—7; Ibn Khaldun. *The Muqad-dimad. An Introduction to History.* — New York, 1958. V. 1—3.

кыпчакских племенах — с другой²⁶. Ибн Халдун резюмирует в одном из рассказов: «Ход рассказа указывает на то, что племя дурут из кыпчаков, а племя токсоба из татар, что перечисленные племена не от одного рода». Такой вывод ставит под сомнение утверждение о моноэтническом составе кыпчакских племен из-за наличия в нем монгольского компонента, на что обратили внимание И. Маркварт, В. Бартольд, А. Поляк и Р. Кузеев. Ибн Халдун однозначно относился к этнической атрибуции татар как тюрков. Но даже с учетом этой «поправки» к сведениям Ибн Халдуна нельзя отрицать сложность состава кыпчакских племен. Что касается заключения Ибн Халдуна о татарском происхождении племени токсоба, то оно не находит подтверждения в других известных нам источниках. Более того, токсоба всюду выступает как тюркоязычное племя. Отдельные факты, заключенные в средневековых нарративных памятниках, прямо указывающие на отголоски реалий этнокультурных и этнополитических контактов между кыпчакскими и татарскими племенами, в исследовательской литературе не нашли научного объяснения. Причинные рычаги в механизме центральноазиатских связей кыпчаков оставались невыясненными. Ценнейшие сведения Ибн Халдуна проливают свет на кыпчакско-татарские историко-культурные связи, а также на тюркский этногенез и социальные отношения.

Ибн Халдун сообщает: «У кыпчаков издревле была тесная связь с народом (татар) этого султана (Чингис-хана) и его домочадцами. По большей части кыпчаки роднились с татарами по женской линии, беря их (татар) дочерей. Поэтому Чингис-хан считал их (кыпчаков) однородцами». Здесь отмечены уходящие в глубь веков по преимуществу патрилокальные связи кыпчаков с татарами. Согласно степным

---

²⁶ Ибн Халдун, *Китаб ал-ибар...* Т. 5. — С. 372; Ср. аналогичные сюжеты рассказов о змеях, в которых подчеркивается роль и значение верховной власти у Джувейни (*The History. Vol. I. Pp. 41, 181*) и в *Алтай тобчи* (Луб-сан данзан. Золотое сказание). — М., 1973. — С. 39, 192.

кочевническим традициям, отношения свойства как «союз мира и родства» на разных уровнях межплеменных связей имели исключительно важное значение, а функциональная роль этого института заслуживает особого внимания. В двух местах своего труда Ибн Халдун приводит список тюркских племен, среди которых упоминаются кыпчаки. Он отмечает: «Мы перечислили их (тюрков) в начале книги, (это) токуз-огузы, а они татары, хитай, находившиеся на земле Тамгач, карлуки, гузы, халаджи, гуры, хазары, кыпчаки, (говорят — хифшах), иймеки, аллаки, ширшеши (тюргеши) и азкиши». Следует отметить отсутствие какой-либо критики источников, легших в основу приведенного списка племен. Проявилась недостаточная этническая осведомленность Ибн Халдуна. Атрибуция ар-рус, аллак, хитай, татар как тюрков — характерная ошибка для значительного круга средневековой историко-географической литературы. Автор приводит также пространный список кыпчакских племен, почти идентичный ан-Нувайри; в свою очередь, к редакции Ибн Халдуна восходит аналогичный перечень списка племен, воспроизведенный в историческом сочинении Ибн Дукмака (ум. 1407).

После того, как монголы в 1258 г. покорили столицу Арабского халифата — Багдад и включили в состав улуса Хулагу Иран, на монгольскую службу были взяты многие персидские чиновники, опытные финансисты, использовавшиеся для сбора налогов и управления государством. К их числу принадлежали два брата Шамс ад-Дин и Ала ад-Дин из местности Джувейн в восточном Иране. Ала ад-Дин Джувейни был назначен наместником Багдада (его брат стал сахиб-диваном — министром финансов); ему удалось быстро восстановить разрушенный город. Джувейни по роду своей деятельности много путешествовал по территориям, завоеванным монголами, и беседовал со многими очевидцами их походов. Таким образом, он собрал уникальный материал о правлении Чингис-хана и его наследников и истории его

походов. Эти сведения Джувейни изложил в книге «Тарих-и джихангушай» (История покорителя Вселенной), в которой разворачивается панорама событий первой половины XIII в. от Венгрии до Кореи. Многие подробности этой эпохи известны только благодаря сочинению Ала ад-Дина Джувейни.

Для историков эпохи Чингис-хана наиболее большую ценность, помимо богатого фактического материала, представляет изложение Джувейни о характере созданного им государства, знаменитой Ясе — своде законов Монгольской империи, о военном искусстве монголов и структуре их войска. Джувейни подчеркивает, что многие установления Чингис-хана согласуются с шариатом, что было, по-видимому, частью идеологического заказа со стороны правящего дома хулагидов. Автор подчеркивает религиозную терпимость Ясы, но, с другой стороны, отмечается запрет, введенный Чингис-ханом на свободное перемещение своих подданных без разрешения властей. К Джувейни также восходит описание системы коммуникаций (ям), созданной великим завоевателем. Сам автор подчеркивает, что количество установлений так много, что он не смог изложить их все в подробности.

Отдельным сюжетом у Джувейни выступает описание монгольского войска. В его сочинении впервые излагается структурная, десятичная система монгольской армии. Однако Джувейни употребляет при идентификации системы военачальников близкий ему термин «эмир» (эмир тумена, тысячи и т.д.). В целом сочинение Джувейни является одним из наиболее важных источников по монгольской эпохе. Среди европейских источниковедов, занимавшихся переводом труда Джувейни и его комментированием, следует назвать британского востоковеда Дж. Бойла (**Boyle, 1958; 1962**), который в 1958 г. осуществил полный двухтомный перевод «Истории покорителя Вселенной», а также опубликовал ряд статей по мусульманским источникам монгольской эпохи.

Важным источником по истории тюрков, а также Среднего Востока и Южной Азии является «Бабур-нама» Захируддина Мухаммада Бабура (1483—1530), основателя империи Великих Моголов. Возникновение этого источника относят к периоду между 1520—1530 гг., когда он первоначально был известен как «События» («Ваки-ат-и Бабури»). Бабур происходил родом из Андижана; его отцом был Умар Шейх Мирза, младший сын султана Абу Саида Мирзы из рода тимуридов, который держал в качестве апанажа Ферганскую долину с центром в Андижане. Многие события из юной жизни Бабура, которые не нашли отражения в его знаменитой книге, известны из трудов персидского хрониста Гиязаддина Хандамира, который сообщает, что Бабур получил блестящее по тем временам образование в доме своего отца, пытавшегося сравнить по уровню культуры и науки Андижан с Самаркандом, где правил его старший брат Султан Ахмад Мирза. Бабур рос в окружении изящных науки и искусств. По-видимому, эта атмосфера определила его склонность к литературному творчеству, сочетавшемуся с военным талантом.

В этом ряду стоит такой источник, как «Акбар-наме» — монументальный труд историка и политического деятеля Индии XVI в. Абу-л Фазла Аллами. Его труд — это повествование о жизни и эпохе падишаха Акбара, фактически создавшего империю Великих Моголов. История знает немало книг, равных «Акбар-наме» по грандиозности замысла и исполнения. Но немного найдется в истории и личностей, равных по масштабу падишаху Акбару, фактически создавшему государство.

Кроме того, это памятник дружбе двух удивительных людей — падишаха Акбара и его везира Абу-л Фазла — был создан не просто придворным историком, а соратником в нелегком государственном труде. Абу-л Фазл был представлен ко двору в 1574 г. в первую очередь как ученый и поэт. Абу-л Фазл Аллами и сам был неординарной личностью, подстать

падишаху Акбару. Его семью можно считать как довольно типичной для Индии первой половины XVI в., так и достаточно необычной. Абу-л Фазл считал главной задачей своей жизни не просто поддерживать Акбара в нелегком труде реформатора, но и сохранить его деяния для потомков. Это был грандиозный замысел и грандиозный труд. По сути дела, как историк Абу-л Фазл один из первых провел поиск и сбор архивных документов.

Работая вместе с братом и другими учеными над переводами с санскрита на фарси, он подчеркивал, что люди должны читать священные книги на понятных им языках, ибо «невежественные богословы» искажали их смысл. Эти слова прямо перекликаются с лозунгами европейского протестантизма, выступавшего за право читать Библию не на латыни, а на языках, понятных населению. И хотя Абу-л Фазл не оставил после себя крупных философских трактатов, эта и многие другие идеи сближают его с такими мыслителями, как Эразм Роттердамский, Джордано Бруно, Гольбах. Как и они, Абу-л Фазл считал религиозный фанатизм и религиозную рознь плодами ограниченности и невежества. Призывы Абу-л Фазла к религиозной терпимости, к единству всех жителей Индии, независимо от их вероисповедания, к отказу от деления людей на «истинно верующих» и «неверных» и сегодня актуальны для многих районов Северной Индии и Бенгалии.

Абу-л Фазл Аллами умер от изнурительной астмы в 1595 г., не осуществив многих грандиозных замыслов. После смерти в его библиотеке насчитали около 4000 рукописей на фарси, арабском, санскрите, тюркских и новоиндийских языках. Нельзя забывать о той острейшей полемике, которая шла вокруг религиозной реформы Акбара, вокруг провозглашенной им «Божественной веры» — *дин-и илахи*, с помощью которой Акбар пытался объединить всех своих подданных. Книга Абу-л Фазла была одним из орудий в этой политической борьбе. «Акбар-наме» — не традиционная придворная

хроника, призванная восхвалить достоинства правителя и умалить его недостатки, а скорее ответ противникам реформ Акбара и разъяснение потомкам.

Нас данный источник интересует в первую очередь в той части, которая касается описания событий, связанных с монгольской и тимуридской эпохами (Абу-л Фазл Аллами, 2003, с. 4—14).

Лучшим библиографическим сборником, включающим персо- и тюркоязычные письменные сочинения (всего 34), содержащие материалы по истории и культуре Казахстана и Центральной Азии XIII—XVIII вв. (Средней Азии и Восточного Туркестана) в форме обзоров, охватывающих широкий круг тем и данные о самом авторе, времени создания, социально-политической обстановке соответствующей эпохи, по оригинальности (уникальности) информации, а также научному значению каждого произведения, является совместная работа казахстанских востоковедов М.Х. Абусеитовой и Ю.Г. Барановой²⁷.

Таким образом, непосредственное изучение арабоязычных, персоязычных и тюркоязычных памятников во всем их многообразии и полноте, равно как и системный подход в изучении источниковедческих проблем, позволят прийти к важным выводам не столько по частным, сколько по самым общим вопросам истории тюркских народов Центральной Евразии (см. также обзор источников по истории кипчаков — Ч. II. Гл. II. § 4.).

§ 5. Китайские источники

Историография истории Центральной Евразии, которую Синор называет дальневосточной, является практически на

---

²⁷ Абусеитова М.Х., Баранова Ю.Г. Письменные источники по истории и культуре Казахстана и Центральной Азии XIII—XVIII вв. (библиографические обзоры). — Алматы: Дайк-Пресс, 2001. — 426 с.

сто процентов китайской. Первый китайский аннал, характеризующий этот сюжет, Синор относит примерно к 100 г. до н.э. Это знаменитый источник «Ши-чи», также т.н. «Описания весны и осени» (*Ch'un-ch'iu*). Синор выделяет следующие характерные черты китайской историографии: долгая историческая традиция, консерватизм, неспособность к инновациям и методологическому обновлению, бюрократический характер, господство клише (*топой*), конфуцианская традиция, что на деле означало запись не того, что произошло, а что должно произойти согласно принципу «актеры меняются, а время течет бесконечно». На деле описывались одни и те же события, менялись только имена. В связи с этим Синор призывает чрезвычайно осторожно обращаться с китайскими источниками. Однако справедливости ради следует заметить, что по этому принципу, по-видимому, создавалось «Слово о полку Игореве», в котором описываются события не XII в., а три столетия спустя; московский математик Фоменко выступил в начале 1980-х гг. вслед за известным анархистом XIX в. Морозовым с обвинениями в адрес античной и европейской средневековой историографии, что они описывают одни и те же события по циклическому признаку.

Синор приводит выдержки из китайских источников о кочевниках: «...это варвары, которые передвигаются только в поисках пастбищ и воды; они озабочены только собственным пропитанием и понятия не имеют о собственности и праве» и т.д. В общем, делает вывод Синор, кочевники в китайской летописной традиции делают все, что противоречит конфуцианской морали; и, говоря современным языком, они играют роль «плохих парней» (**Sinor, 1969, pp. 63—64**). Однако у китайских анналов, отмечает Синор, есть одно достижение, которое трудно переоценить, это разработка основ исторической методологии в стиле т.н. «Стандартных историй» (*чен-ши*), которых насчитывается 24. Это позволило сохранить преемственность в китайской историографии, несмотря

на многочисленные исторические потрясения и благодаря принципу «государство разрушено, но его история сохранена». «Стандартные истории» состоят, как правило, из следующих разделов: базовые анналы (*пень чи*), таблицы (*пяо*), договоры и мемуары (*ли-чуань*). Последняя категория и представляет главный интерес для историков, так как в мемуарах содержатся биографии и описания других народов. Зачастую они дополнялись «Правдивыми записями» (как правило, после смерти очередного императора) и «Ежедневными описаниями трудов и отдыха» (*Ch'i-chü-chu*). Согласно Г. Франке, специалисту в области китайского источниковедения, чрезвычайный интерес для историков представляют китайские анналы с конца I тысячелетия до середины XIV в., т.е. до времен крушения монгольского господства в Поднебесной.

Китайская историческая традиция позволяет также пролить свет на роль кочевников в истории Китая благодаря старательным записям о чужеземных династиях. Согласно Синору, по меньшей мере пять династий алтайского, т.е. тюрко-монгольского, происхождения правили Поднебесной в течение 950 лет. Несмотря на все претензии со стороны современной синологии к китайским анналам, обоснованные с точки зрения уровня современной науки, Синор подчеркивает значение этих источников для первых Китаеведов (Гл. 2. § 1). Собственно говоря, многие события ранней истории кочевников Центральной Азии удалось реконструировать благодаря исключительно китайским анналам. Кроме того, благодаря переводу на китайский язык, сохранились некоторые уникальные монгольские хроники, такие как, например, «История походов Чингис-хана».

Эпоха хунну известна исключительно благодаря группе китайских источников. Это главы древнекитайских династических хроник «Ши Цзи» («Исторические записки Сыма Цяня»), «Хань Шу» («История династии Хань») Бань Гу, «Хоу Хань шу» («История поздней династии Хань») Фань Е, «Шицзин» («Кни-

га песен»). Данные тексты собраны в сборнике 1958 г. «Лидай гэцзу чжуаньцзи хуйбянь» («Собрание сведений о народах различных исторических эпох», т. 1, Пекин)²⁸. Сыма Цянь, автор знаменитых «Исторических записок», первым в истории изложил на примере хунну стратегию кочевников в борьбе против Китая: «Когда они видят противника, то устремляются за добычей подобно тому, как слетаются птицы, а когда попадают в трудное положение и терпят поражение, то рассыпаются, как черепица, или рассеиваются подобно облакам»²⁹. Перевод на английский язык основных китайских источников от Ши Чи до Сыма Цяня осуществил с собственными комментариями Б. Уотсон (**Watson, 1961**). Династийные хроники Хань представлены в двухтомном кембриджском издании М. Лева (**Loewe, 1967**).

В то время как саки, или скифы, вышли на мировую арену в качестве влиятельного компонента международных отношений в Центральной Евразии, оказывающего импульсы на государства Среднего и Ближнего Востока и Средиземноморья, другой народ играл аналогичную функцию на востоке Центральной Евразии. Д. Синор считает, что хунну сыграли для Китая ту же роль, что и скифы на Западе. Как цитирует Б. Ватсон китайские источники, «хунну были источником постоянной заботы и опасности для Китая» (**Watson, 1961, p. 155**). Все западные авторы опираются в своих изысканиях относительно хунну на труды Сыма Цяня и хроники эпохи Трех Царств (264—220). Однако отрывочные китайские и последующие орхоно-енисейские источники дают только фрагментарные сведения об этом народе. До сих пор неясно, отмечает Синор, точное местонахождение этого народа: некоторые источники позволяют идентифицировать его на террито-

²⁸ См. также: Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. — М.; Л., 1950.

²⁹ Цит. по: Крадин Н.Н. Кочевники и земледельческий мир // Восток-Oriens. — 2000. — N 3. — С. 8.

рии современного Афганистана с центром власти севернее Аму-Дарьи (**Sinor, 1969, p. 89**).

Согласно отрывочным сведениям из китайских хроник, хунну уже к концу IV в. до н.э. активно оперировали к западу от китайской ойкумены. По-видимому, именно против хунну китайский император Чень Ши Хуандзи начал строительство в 221—210 гг. Великой стены. Б. Уотсон приводит отрывки из китайских источников, в которых воспроизводится тактика боя хунну. Это типичная для кочевников маневренная система ведения боя, точнее его избегания и навязывания своих условий противнику (**Watson, 1961, p. 165**). У исследователей всегда существовало искушение идентифицировать хунну с саками, однако речь идет, скорее всего, о разных народах. Доказано, что саки относились к восточно-иранской языковой группе; есть основания полагать, что хунну принадлежали к алтайской языковой группе; некоторые казахстанские ученые считают их уже тюрками.

В течение двух столетий китайские хроники отражают чередование войн, набегов, заключение мирных договоров между хунну и китайцами. В документе, датированном 162 г. до н.э., китайский император обращается к шаньюю хунну как к равному; из других документов хозяйственного характера становится ясно, что ханьцы платили дань своим кочевым соседям. Территориальная экспансия хунну не ограничивалась Китаем; они подчинили во II в. до н.э. территории современной Монголии и Синьцзяна и установили свой протекторат над Бактрией. Синор считает, что под китайским термином *Ta-hsia* следует понимать именно Бактрию (**Sinor, 1969, p. 89**). Можно определенно утверждать, что империя хунну стала прообразом тех гигантских кочевых образований, которые затем последовательно сменяли друг друга на территории Центральной Евразии, в том числе и на территории будущего Казахстана, и которые Р. Груссе назовет «империями степей».

Венгерской ученой Х. Эцеди удалось на основе изучения ряда китайских хроник выявить некоторые структурные и исторические особенности политического устройства в Тюркском каганате. К периоду 552—744 гг., являющемуся эпохой расцвета Тюркского каганата, Эцеди относит следующие источники — «Чжоу-шу» («История династии Чжоу»), «Суй-шу» («История династии Суй»), «Бей-ши» («История северных династий»), «Синь Таншу» («Новая история династии Тан»), «Тан-гуй-яо» («Обозрение Танской империи»). Все эти источники дают достаточно материала для воссоздания социальной структуры древних тюрков. В первых кратких сообщениях китайских историков о них, относящихся к середине VI в., ядро тюркских племен описано китайскими социальными терминами. Тюркское объединение состояло из нескольких сот семей (*цзя*), принадлежащих к роду (*син*) Ашина по женской линии (*ши*). Последнее обстоятельство явилось причиной того, что древние тюрки воспринимались китайскими летописцами как образец матрилинейного общества. В позднейших источниках они описывались только термином *було*, который в применении к инородцам обозначал патриархальную группу, возглавляемую вождем. Примечательно, что эта линия социального развития (семья — матрилинейная, род — патрилинейная) подтверждается источниками, упоминающими более раннюю стадию истории тюрков, когда они жили родами после отделения от хунну («Чжоу-шу»).

Таким образом, считает Эцеди, содержащиеся в китайских источниках краткие сведения рисуют следующую картину развития социальной структуры древних тюрков: патрилинейность (как правило, в период могущества) — матрилинейность (временно, в период слабости) — вновь патрилинейность (после преодоления слабости и в период возрождения). Термин *цзя* (семья) не является обычным в китайских источниках для описания кочевников; чаще употребляется

термин *чжан* — шатер, особенно для количественной характеристики. Как полагает Эцеди, первый термин служил для обозначения не только родственных, но и экономических связей: большая семья представляла собой возможную экономическую ячейку кочевого общества (Ecsedy, 1972). Термин *син* (род по женской линии) являлся общепринятым в китайских источниках для обозначения ячейки — родственной структуры кочевников независимо от степени и характера действительной политической организации, замеров кочевой империи и т.д. Родственные группы, обозначаемые термином *син*, сохраняли связи с женской линией рода в случаях, когда родственные связи замужней женщины, т.е. ее род, приобретали особое значение (например, в борьбе за титул кагана). Этот тезис подтверждается реальными событиями из истории Тюркского каганата: борьба за верховную власть после смерти кагана Мукана в 572 г. между его сыном и младшим братом имела в качестве формального предлога «низкое» происхождение матери наследника, что является в то же время свидетельством тесной связи между экзогамными группами древних тюрков и, в свою очередь, подтверждается легендой о происхождении последних.

В соответствии с этими данными Эцеди ставит проблему основной ячейки древнетюркского общества, по размеру и качеству отличной от племени (*було*), т.е. о структурной единице, обозначаемой в китайских источниках как *син*, который можно интерпретировать как род в смысле экзогамной патрилинейной родственной группы. Эцеди пришла к выводу, что эта основная на протяжении всего периода существования каганата структурная единица социальной организации древних тюрков функционировала, как правило, скрытно, под структурой политической организации в периоды могущества правящего рода, но как отражение родственных связей вновь выступала на первый план в периоды ослабления центральной власти, например в период распада Тюркского

каганата. Таким образом, сеть связанных между собой родов-син являлась прочной основой древнетюркского общества. Эта гипотеза подтверждается не только пережитками родового строя у казахов и других тюрков, но и источниками: в письме к императору Суй Янди каган восточных тюрков характеризует свой народ как «сто родов» (*син*) тюрков. Весь комплекс экономических и социальных особенностей способствовал интеграции довольно разнородного населения в кочевую империю каганата. Эта способность к определенной степени интеграции отразилась в китайских источниках, где каганат назван страной — *тюкю*, а иногда даже государством — *гуо*. Между этим номинальным и мобильным объединением, каковым был Тюркский каганат, и родственными группами (родами) должна была существовать единица социальной организации, способная противостоять родовой системе и определять политическое развитие каганата. Китайские источники использовали для обозначения этой наиболее крупной единицы древнетюркского общества термин *було*, не отражающий родственных связей. Анализ содержания этого термина на основе скудных и косвенных данных позволяет интерпретировать его как племя.

Относительно признаков, определяющих племя, Эцеди отмечает, что ими по разным причинам не могут быть ни самоназвание племени (оно характерно для начального периода существования племени, а после экспансии распространяется на всю кочевую империю и становится этнонимом), ни занимаемая территория (она не была постоянным фактором), ни родственные отношения (хотя племя базировалось на родственных группах), ни приверженность к той или иной религии или культуре (они иногда перерастали в религию или культ конгломерата племен или кочевой империи). Каждый из этих факторов играл важное и даже исключительное значение, но только на определенных этапах развития племени; однако во времена каганата уже трудно по этим признакам иденти-

фицировать кочевое общество. История Тюркского каганата показывает, что племя, лишившись занимаемой территории и вождя, переставало самостоятельно существовать. Это означает, что решающим фактором, определявшим племя, были, наряду с домашним скотом, составлявшим экономическую основу племени, занимаемая им территория и мужская боееспособная часть племени. Именно на него ложилась ответственность за защиту как территории племени, так и принадлежавшего ему скота во время военных столкновений с другими племенами. То что скот в такие периоды был общим достоянием племени, подтверждается, согласно китайским источникам, наличием единого клейма, прежде всего для лошадей.

Из китайских источников следует, что хунну переживали в I в. до н.э. период междуусобных волнений, в которые активно вмешивались ханьские властители. В 58 г. до н.э. они привели к власти шанюя Ху Ханье, который признал китайский сюзеренитет и консолидировал с их помощью свою власть на территории современной Монголии. Боровшиеся с ним за власть племена Чень-кун и Тин-лин стали, как делает предположение Синор, предками уйгуров и киргизов. Вероятно, считает Синор, отделившиеся в этот период западные хунну стали известны в Европе впоследствии как гунны. В начале новой эры хунну пережили политический и культурный ренессанс; это подтверждается находками их захоронений в Монголии в 1922 г. Культурологические находки из захоронений относятся к «звериному стилю»; антропологически черепа хунну идентифицируются как принадлежавшие представителям кавказской (европеидной) расы. Ряд находок подтверждает китайское (зеркала) и греко-бактрийское (керамика) культурное влияние. В 307 г. хунну частично завоевали Китай и провозгласили своего шанюя Лю Йюня императором; в 311 г. они стерли с лица земли столицу Китая Ло-юан (в бактрийских источниках — Сараг). В бактрийских

источниках того периода хунну называются как *хун* (гунны), что послужило основанием для появления теории рассматривать их как предшественников гуннов. Однако, учитывая тот факт, что китайцам удалось к 155 г. подорвать господство хунну в Монголии и обезопасить свой северный фланг, возможно, речь идет о разных народах и следует отделять хунну от гуннов, завоевавших в IV в. Китай и обрушившихся затем на Европу.

Д. Синор пишет, что народ *цинь-пи* стал инструментом для разрушения Северной империи хунну в 155 г., что создало вакуум власти на территории Монголии на ближайшие два с половиной столетия. Он был заполнен только с созданием около 400 г. новой кочевой империи *жуань-жуаней*. Сведения об этом народе черпаются только из китайских источников, что заставляет многое из информации о жуань-жуанях принимать с оговоркой (Sinor, 1969, p. 98). Китайские источники выдвигают две версии о происхождении жуань-жуаней: согласно одной, они ответвление хунну, по другой — они потомки народа тун-ху, т.е. восточных варваров. Любопытно, что все негативные клише китайской исторической традиции в отношении кочевников были в полном объеме впервые применены в описании жуань-жуаней. Синор подчеркивает такой важный момент, что, в связи с жуань-жуанями, впервые возникает термин *татар* (от имени властителя Татаня (414—429). В 555 г. жуань-жуани исчезли с исторической сцены в Восточной Азии (Sinor, 1969, p. 99).

Анализ китайских источников позволил Эцеди выделить основные признаки племени скотоводов-кочевников: а) общая территория; б) объединенный (общий) вооруженный отряд; в) скот, содержащийся сообща. Эти признаки говорят об определенном единстве, даже если оно достигалось в экстремальные периоды и было временным. Поэтому, отмечает Эцеди, кочевые племена Тюркского каганата выступали, главным образом, как экономические единицы, и экономи-

ческая сторона их жизни и их значение находились в прямой зависимости от реальных условий кочевой экономики. Вместо образования замкнутых групп, они функционировали как открытые системы, объединяя всех желающих жить в рамках экономической и культурной сферы племени (Ecsedy, 1972, p. 269). Китайские источники не позволяют судить о количественном составе племени у кочевников, хотя размеры племени, несомненно, влияли на его судьбу: чрезмерный количественный рост племени толкал его на экспансию, а сокращение ниже определенного уровня грозило гибелью.

Австралийский китаист Колин Макеррас осуществил в 1968 г. перевод разделов тех глав китайских хроник, где речь идет об уйгурах — «Цзю Таншу» («Старая хроника династии Тан») и «Синь Таншу» («Новая хроника династии Тан»), которые относятся к периоду 744—840 гг., и снабдил его примечаниями. Макеррас отмечал в введении своего издания «Уйгурская империя по танским династийным хроникам», что одной из важнейших задач внешней политики Китая на протяжении веков было сдерживание воинственных кочевых народов Центральной и Северной Азии и их использование в своих интересах, когда представлялась возможность. В VII—IX вв. таким народом были уйгуры, которые сыграли важную роль в судьбе династии Тан. Этим объясняется то значительное место, которое отведено им в хрониках династии. Важнейшими из них являются «Цзю Таншу» и «Синь Таншу», дающие хронологическое описание политической истории раннесредневековых уйгур. «Синь Таншу», кроме того, содержит еще сведения о некоторых племенах, связанных с уйгурами или входивших в состав Уйгурского каганата, о енисейских киргизах, разгромивших уйгуров в 840 г. «Синь таншу» написана позднее «Цзю Таншу», на которой она основывается и которую дополняет.

Другими важными источниками по истории уйгур являются «Тан гуйяо» и «Цэфу юаньгуй», дополняющие пре-

дыдущие династийные хроники. Особое место Макеррас отводит крупнейшему историческому сочинению «Цзычжи тунцзянь» («Всеобщее зеркало, управлению помогающее»), написанное Сыма Гуаном в X в. Оно изобилует сведениями об уйгурах, и Макеррас считает, что точность датировки, связность и ясность изложения материала, полнота охвата событий и подробность их изложения делают это сочинение незаменимым при работе над историей этого народа. Макеррас отмечает, что все более поздние источники базируются на первоначальных материалах «Ши-лу» («Достоверные сообщения»), представляющих собой историю правления отдельных императоров династии Тан; их авторы получали информацию непосредственно от придворных историографов, в чьи обязанности входило фиксировать все, что касалось связей Китая с другими народами. Таким образом, Макеррас выявил многоступенчатый характер китайских источников, что исследователям нужно иметь в виду, оценивая их надежность. Этот вывод относится в полной мере и к истории Уйгурского каганата в 744—840 гг. Макеррас подчеркивает специфику китайских источников: они содержат сведения о других народах, важные для истории Китая, но порой второстепенные для истории этих народов. Например, очень много внимания в династийных хрониках было уделено участию уйгур в подавлении восстания Ань Лушаня, что для самих уйгуров было событием второстепенным, но ни слова не говорится о принятии ими манихейства — одном из важнейших событий в их истории.

Эти недостатки китайских источников, тем не менее, восполняются полнотой и подробностью содержащихся в них сведений. Ввиду относительной скудости других источников, они являются базовыми для изучения истории уйгуров периода каганата. Отношения между уйгурами и Китаем, как они отражены в хрониках, выглядят достаточно сложными. Хотя уйгуры выступали в роли союзников династии Тан и

неоднократно спасали ее от гибели, их отношения с Китаем не всегда были дружественными. Своими грабежами и насилием они сеяли среди китайцев ненависть к себе, и те продолжали смотреть на них, как на варваров, несмотря на то, что за почти вековой период существования каганата уйгуры утратили многие черты своего чисто кочевого прошлого. Фактически отсутствовали отношения вассалитета, которых требовал Китай. С крушением каганата история уйгуров не закончилась, но этот народ никогда уже не достигал больше такого могущества, считает Макеррас. В своем издании он дал переводы фрагментов хроник параллельно. В переводах и примечаниях издания содержатся также материалы о других племенах уйгурской конфедерации: карлуках, восточных тюрках, тибетцах, тангутах, шато, согдийцах, енисейских киргизах. В качестве приложения Макеррас включил список уйгурских каганов за период с 744-го по 840 г. с указанием титулов, присвоенных им китайскими императорами; словарь китайских официальных терминов; список уйгурских титулов тюркского происхождения; китайские источники по проблеме до 1911 г., японские источники, а также большой научно-справочный материал (**Mackerras, 1968**).

История уйгуров не закончилась с крушением Уйгурского каганата в 840 г., что убедительно доказала монография немецкого исследователя Э. Пинкса «Уйгуры Ганьчжоу в ранний период эпохи Сун (960—1028)». Именно тот факт, что уйгуры занимали промежуточное положение между кочевыми и оседлыми народами, представляет особый интерес, поскольку он может помочь лучше понять многое, как, например, некоторые события, предшествовавшие монгольскому периоду, историю развития элементов сельского хозяйства в кочевых империях, различные формы отношений, связывавшие оседлые и кочевые общества. Э. Пинксу пришлось проделать особо кропотливую работу, так как сообщения об уйгурах в китайских источниках относятся, главным образом,

к периодам их военного и политического могущества. Работа Пинкса стала ценным справочником по китайским источникам, относящимся к 960—1028 гг. Книгу Пинкса можно считать как бы продолжением исследований Дж. Гамильтона и Лю Мао-цзя. В первой части книги автор дал описание использованных китайских источников и анализ официальных письменных источников. Пинкс разделил источники на т.н. первичные (соответствующие главы и небольшие отрывки из «Сун хуайяо као», «Шуй цзы-чжи-тунцзянь чжанбянь», «Ляо ши», «Сун мо вэнь») и вторичные (наиболее значительные источники «Сун ши», «Юй хай», «Вэньсянь тункао», «Шань тан као-оо», «Сися цзи»). Пинкс снабдил все используемые источники текстовыми и практическими замечаниями.

Наиболее ценную часть книги Пинкса представляет вторая часть книги, содержащая переводы главы об уйгурах из «Сун хуайяо као» и перевод описания уйгуров из «Сун мо цзи вэнь». Материал из «Сун хуайяо као» дополнен материалами из других источников, расположен хронологически, снабжен текстовыми комментариями и ссылками, представляя тем самым логичное и связное изложение истории уйгур в период Сун. В третьей части Пинкс отразил события от 960 г. до вторжения тангутов в 1028 г. и расположил материал тематически: вопросы культуры, обычаи, одежда, ремесла и материальная культура. Однако некоторые рецензенты, и в частности венгерская ориенталист Х. Эцеди, считают, что главным недостатком книги Пинкса является отсутствие комплексного исторического анализа представленного материала соответствующего периода. Так, Эцеди упрекала Пинкса в проблематичности многих предложенных им вариантов транскрипции уйгурских и других не китайских имен, а также в том, что немецкий источниковед не привел китайскую хронологию в соответствие с хронологией всеобщей истории. Тем не менее исследование Пинкса стало событием в уйгурском источниковедении и является наиболее полным комплексом по указанному периоду.

Выше уже отмечалось значение летописи «Юань-ши» («История династии Юань») — официальной династийной истории, составленной по приказу основателя династии Мин императора Тайцзу (Ч. I. Гл. VI. § 4.). «Юань-ши» включает 210 цзюаней и состоит из четырех больших частей «Бэньцзи» («Основная хронология, главы 1—47), «Чжи» («Описание», главы 48—104), «Бяо» («Генеалогические таблицы», главы 106—113) и «Лечжуань» («Биографии и описания», главы 114—210).

В «Бэньцзи» даны сведения о всех 13 монгольских императорах и, в зависимости от материалов, имеющих у авторов, по годам, месяцам, а иногда и по числам (в основном начиная с правления Хубилайхана) кратко описаны или упомянуты события из жизни императоров, а также основные политические события, происходившие при них.

«Чжи» содержит описания; «Тянь-вэнь» («Астрономия»), «У-син» («Пять стихий», т.е. описание метеорологических условий по годам, месяцам, реже — по числам), «Ли» («Календарь»), «Дили» («География», т.е. регистрация изменений в политической географии империи, главным образом, административное устройство империи), «Хэцзюй» («Реки и каналы», т.е. сведения об ирригационных сооружениях и водных путях), «Юй-фу» («Парадные экипажи и одежды»), «Сюань-цзюй» («Отбор и выдвижение», т.е. о государственных экзаменах при отборе чиновников на государственные должности), «Богуань» («Сто чиновников», т.е. описание политического управления империей, перечень государственных учреждений и установленных должностей с кратким изложением их функций), «Ши-хо», (описание фискальной системы и государственных финансов империи, перечень административных мер по увеличению государственных доходов и т.д.), «Бин» («Войско», т.е. описание вооруженных сил империи, их численности, системы их комплектований и снабжения, ямской службы, военных поселений) и «Син-

фа» (уголовное законодательство), позволяющая изучить систему правосудия и его классовый характер (например, неравенство перед законом лиц из различных социальных и этнических групп).

«Бяо» состоит из генеалогических таблиц императорской фамилии и знати. «Лечжуань» («Биография и описания») состоит из биографий членов императорской фамилии, а также кратких описаний соседних стран.

Применительно к истории тюрок самый богатый материал содержится в разделе «Лечжуань»³⁰, где можно найти жизнеописания многочисленных тюркских чиновников, военачальников, деятелей культуры — выходцев из Центральной Азии и Казахстана. К ним можно отнести биографии карлуков Каратая, Баяна, Темечи (Темайчи), Ягантегина, Сади (Ша-ди), Худутимура, Тхайхая; канглы Тото, Асанбуки, Тимур-таша, Таштимура, Тухулу (Туглука), Волосы (Ороса), Есу-дара, Аймао (Айбая), Тарикчи, Мингана, Кама; кыпчаков Тутуха, Чжанура, Яньтимура, Хэшана (Хасана), Тайбуки, Ваньчжэду (Ульчейбадура), Сидура, Ботэмура (Байтимура), Байзяна (Бакана); киреитов Чжэньхая, Хасанна, Есенбуки, Ажуна, Богусы, Далимачжили, Хуайду, Сугэ; найманов Шаосы (Чаоса), Юелимассу, Хэшана, Наньцзятая, Чаханьтимура; уйгуров Барчука арт-тегина и его потомков, Бильгебуки, Юелиньтимура, Карабуки, Сацису (Саргиса), Сяююньши-тохулиня (Севинч-тогрила), Халаи-хачи-пэйлу (Кара-инах-буйрука), Мэнсусы (Мунгуза), Цзегэшу (Такацука), Торе-хайя, Есяная, Юрунчхайя, Цзялунадассу (Карунадаса), Ар-гунсали, Алихайя, Булатхайя, Табына, Тататунга (Тататун-а), Толишигуаня, Танжэньцэу, Алабарса; онгутов Мацзучана, Алахушадигит-хури, Чаошияня.

Большинство этих тюрок было привлечено монгольскими завоевателями к управлению завоеванным ими Китаем, соз-

---

³⁰ Юань-ши (История династии Юань). Серия Соинь, бонабэнь, эр-ши-сы-ши (24 династийные истории). — Шанхай; Пекин, 1958.

дав своеобразный «многонациональный» по своему составу управленческий механизм монгольского владычества. В Китае тюрки с представителями ряда других этносов составили при монгольском господстве особое привилегированное сословие, т.н. *сэму* (цветноглазых). Как видно из биографий вышеупомянутых тюрков в «Юань-ши», они были влиятельной административной и военной силой в Китае при монгольской династии, а также в известной мере и интеллектуальным резервом монгольских правителей Китая. Примером этого может служить личная карьера кыпчаков Чжанура, Яньтимура; канглы Кама, Асан-буки и Иналтото, карлука Каратая, киреита Чжэньхая, найманов Наньцзятая и Чаханьтимура, уйгуров Алихаия, Санга, Аргунсали, которые достигли высот власти на административном и военном поприще при дворе монгольских правителей Китая, карлуков Баяна, Худутимура, канглы Бухуму, Наонао, кыпчаков Тайбуки, Хасана, Боланьи, онгутов Мацзучана, Чаошияня, уйгуров Карундаса, Танжэньцэу — видных деятелей китайской культуры XIII—XIV вв.

Среди известных тюркских деятелей, внесших достойный вклад в развитие китайской культуры этого времени, «Юань-ши» упоминает несколько десятков уйгуров, карлуков, кыпчаков, канглы, онгутов, аргынов, найманов и киреитов. Если среди первого поколения тюрков, пришедших в Китай с монгольскими завоевателями, преобладали военные и государственные деятели, не затронутые влиянием китайской культуры, то их дети, столкнувшись с проблемой управления Китаем, страной с высокой культурой земледелия, с разработанной системой государственной власти, были вынуждены активно овладевать достижениями китайской цивилизации. Как свидетельствуют данные «Юань-ши», приобщение тюрков к китайской культуре вытекало не из преклонения перед китайской ученостью, а из практических потребностей правящего класса Монгольской империи, частью которого

были тюрки, видевшие свою главную цель в эффективной эксплуатации порабощенного Китая. Тем не менее, испытав влияние китайской цивилизации, тюрки внесли свой определенный вклад в развитие китайской и монгольской культуры этого времени.

«Юань-ши» показывает две тенденции в политике монгольских завоевателей по отношению к оседлому населению Китая, юга Казахстана и других стран, а также позицию тюркской знати на монгольской службе по этому вопросу. Большинство тюркской служилой знати выступало против политики тех представителей монгольской правящей верхушки, которые были враждебны оседлой жизни, земледелию и городам и являлись сторонниками беспорядочной, хищнической эксплуатации, даже уничтожения оседлого населения. Политика тюркского окружения монгольских правителей характеризуется стремлением к созданию централизованного государства с сильной ханской властью, сближению с господствующим классом завоеванного Китая, покровительству городской жизни и торговли, восстановлению земледельческого хозяйства и точной фиксации податей и повинностей крестьян и горожан, обузданию сепаратизма монгольской удельной знати. Причем тюрки из ближайшего окружения монгольских государей старались убедить последних в первую очередь обратиться к урокам предыдущей истории Китая и воспринять опыт правления династий некийтайского происхождения, основанных выходцами из кочевых народов. Об этом красноречиво свидетельствуют биографии Бухуму и Наонао³¹.

Политическая и духовная знать Китая периода монгольской династии Юань была в этническом отношении довольно пестрой, пишет западногерманский китаевед Г. Франке. Из неханьцев, наряду с монголами, к ней принадлежали пред-

---

³¹ Ogel B. Sino-Turcica. — Taipei, 1964.

ставители тюркских народов, которые играли значительную роль в самых различных областях политической жизни империи³².

Среди тюрков, состоявших на службе у монголов в Восточной и Центральной Азии, равно как и среди буддийского духовенства, преобладали уйгуры, но встречались также представители и других тюркских народов, в частности карлуки. На примере нескольких поколений одной карлукской семьи автор прослеживает карьеру ее представителей при дворе великого хана в Китае. Ее связь с монголами восходит к началу XIII в., когда Арслан, хан карлуков, признал верховную власть Чингис-хана. Члены этой семьи принадлежали к ближайшему окружению Арслана. По существовавшему тогда обычаю сыновья знати союзных или покоренных народов и племен отправлялись заложниками ко двору монгольских ханов. Таким заложником был и представитель упомянутой карлукской семьи, который воспитывался вместе с будущим великим ханом Угэдэем.

Позже он получил придворную должность «баурчи», которую унаследовал его сын при дворе великого хана Хубилая, основателя монгольской династии Юань в Китае. В дальнейшем при преемниках Хубилая представители этой семьи продолжали занимать высокие придворные должности. Они участвовали не только в решении важных вопросов, но и в дворцовых интригах. За свою службу монгольским правителям Китая они получали щедрое вознаграждение.

Вышесказанное позволило автору сделать несколько замечаний общего характера. Он считает приведенный пример типичным для тюркской, особенно уйгурской, знати, добровольно связавшей свою судьбу с монголами. Взятые в качестве заложников мальчики воспитывались при дворе вместе

---

³² Franke H. Eine Qarluq-Türkische familie; im Dienste der mongolischen Grosskhane // Scholia. Beiträge zur Türkologie und Zentralasienkunde. — Wiesbaden, 1981. S. 64—79.

с сыновьями хана и затем поступали на придворную службу, занимая порой, как в описанном случае, довольно высокие наследственные должности и становясь влиятельными сановниками. Они выполняли различные административные функции в столицах и провинции. При этом решающим фактором была близость к великому хану, умение завоевать его доверие. По мнению автора, карлукские сановники, о которых идет речь, представляли при монгольском дворе в Китае «простепенную» партию и в очень незначительной степени подверглись китаизации. Таким образом, среди неханьцев в монгольской администрации именно тюрки добились значительных успехов на службе у великих ханов, заключает этот автор.

В «Юань-ши» помещена биография видного конфуцианского ученого карлука Баяна: «Он видел свое назначение в том, чтобы распространять учение Конфуция. Достиг полного понимания основных принципов этого учения. Участвовал в составлении династийной истории Цзинь. Более тысячи человек со всех концов страны учились у него. В своем преподавании он исходил не из того, чтобы удовлетворить требования официальных экзаменов, а преследовал цель использовать полученные знания на практике. Он был одним из тех, кого древние звали «цзюнь-цзы» (благородным мужем, т.е. человеком, достигшим совершенства во всех отношениях согласно канонам конфуцианства)». Среди известных юаньских ученых находился Худутимур, сын военачальника карлука Темечи (Темайчи).

Деятели юаньской культуры были выходцы из онгутов Мацзучан, Чаошиянь, Мадэ и Мацзюнь — поэты, пишущие по-китайски. Они были христианами несторианского толка. При Хубилайхане трое онгутов стали членами академии Ханьлинь. В поздний период эпохи Юань есть данные об 11 онгутах — членах академии, причем 9 из них достигли степени Цзиньши, о чем сообщает «Юань-ши».

Из кыпчаков одним из известных ученых конфуцианцев в империи Юань был Тайбука (Тайбухуа) (1304—1352). «Его отец Табутай был военачальником императорской охранной гвардии, Вэньцзун (император Тугтимур) учредил Гуйчжаньгэ-сюеши-юань (академия двора) и назначил Тайбухуа чиновником, ведающим делопроизводством в этой академии. Тайбухуа участвовал в написании трех династийных историй Ляо, Сун и Цзинь, был искусен в древней каллиграфии. Написал книгу в десяти цзюанях, исследовал и исправлял иероглифы в исторических трудах и трудах конфуцианских классиков. Он имел свой стиль и внес ряд собственных трактовок в толкование различных классических текстов. Участвовал в составлении государственной истории (истории династии Юань), а затем ведал орошением земель».

В биографии кыпчакского военачальника Кутуза, участника монгольских завоеваний, есть упоминание о его внуке Бобохуа, который достиг степени цзиньши и входил в комиссию по составлению государственной истории.

Среди деятелей юаньской культуры «Юань-ши» отмечает кыпчаков Ульчейбадура (Ваньчжэду), Яньтимура, Танкиша (Таньциши), Хасана (Хэшан) и Боланьши. Ульчейбадур проявлял интерес к учебе и «очень любил слушать чтение исторических сочинений», Яньтимур — влиятельный политический и военный деятель империи Юань выполнял функции «ведающего записями важнейших дел войска и государства, являлся ответственным по проверке составления государственной истории, был ученым и членом академии Ханьлинь и возглавлял личную канцелярию императора по делопроизводству». В феврале 1330 г. он стал главным редактором «Цзинь-ши да-дянь». Племянник Яньтимура Танкиш занимал должность чиновника, ответственного за правильность исторических записей. Хэшан собрал 10 тысяч цзюаней книг и под его руководством был построен (конфуцианский) храм у горы Литань. Прославился и тем, что обучал детей погиб-

ших воинов. Его пятый сын Боланьи достиг степени цзинь-ши и принимал участие в работе комиссии по составлению государственной истории.

В китайских источниках приводятся сведения и о канглы — видных деятелях юаньской культуры. Значительный интерес представляет история знатного рода канглы, наиболее известным представителем которого в империи Юань был Бухуму. Он являлся видным конфуцианским ученым и был в числе доверенных лиц Хубилайхана. Дед Бухуму Кайранбай (Хайланьбо) сражался под началом правителя киреитов Ван-хана с монголами. Отец Алчин (Яньчжэнь) был активным участником монгольских завоеваний и военачальником императорской гвардии. И Алчин, и Бухуму получили китайское конфуцианское образование.

Сын Бухуму Наонао также был видным конфуцианским ученым, поэтом, писателем и каллиграфом. Специалисты по китайской каллиграфии высоко оценили успехи Наонао. «Кто при династии Юань лучший каллиграф? На севере — Нао...». Он был искусен во всех видах китайской каллиграфии. Знатки скорописи считали, что он смог овладеть тонкостью письма древних каллиграфов. Бумага с исписанными им иероглифами ценилась как золото и яшма. С детства Наонао учился в государственной школе и хорошо изучил классическую конфуцианскую литературу.

В «Юань-ши» также помещены биографии выходцев из канглы Ороса и Тарикчи. Их отцы и сами они участвовали в монгольских завоеваниях и были военачальниками в монгольском войске. Отец Ороса Минлитимур служил чиновником по делопроизводству в канцелярии Хубилайхана. Канглы Орос и Тарикчи находились под сильным влиянием юаньской культуры. Орос в академии Ханьлинь являлся членом комиссии по написанию государственной истории. В китайских источниках упоминаются также деятели культуры канглы Туглук (Тухулу), Тимурташ, Бука, Кара (Хала).

«Гухулу вместе с Бухуму изучил законы правления миром, которые существовали при трех древних династиях, и неоднократно делал весьма существенные замечания по вопросу о принципах умиротворения хаоса в древности и в настоящее время <...>

Тимурташ занимался подбором учащихся для государственных учебных заведений. Его природные дарования были огромны. При чтении классической китайской конфуцианской литературы он очень тонко воспринимал смысл, заключенный в книгах... Несколько раз назначался главой Либушаншу. Император советовался с ним о путях правления».

Канглы Бука был христианином несторианского толка, служил в провинции Хайбэй. Он добился больших успехов в изучении китайской литературы и каллиграфии. Кара (Хала) также исповедовал христианство несторианского толка, был писателем и каллиграфом и достиг степени цзиньши.

Первым человеком, открывшим монголам секрет средневековой уйгурской письменности — важного инструмента государственной организации, давшего ключ к многовековой и высокоразвитой тюркской культуре, был уйгур Тататунг, который служил правителю Найманского улуса хану Даяну, а затем стал доверенным лицом Чингис-хана по распространению уйгурского письма среди монголов в ранний период становления монгольского государства. «Чингис-хан приказал Тататунг-а обучить монгольских царевичей писать на своем языке уйгурскими буквами».

В заключение хотелось бы отметить некоторые особенности китайских источников. Основная особенность материалов, посвященных тюркам и содержащихся в «Юань-ши», «Синь Юань-ши», «Мэнуэр-шицзи» и других источниках, связана с унаследованным монгольскими правителями Китая от китайцев взглядом на историю как науку управления государством. Поэтому, исходя из этих чисто практических

интересов, в китайских источниках основное внимание уделяется политическим и военным событиям и а меньшей степени — аспектам собственной жизни тюркских народов. Совершенно очевидно, что в китайских источниках приводится огромное число данных, свидетельствующих о том, что могущественная империя Чингис-хана была в значительной степени создана на базе тюркских племен Центральной Азии, частью которой являются степи Казахстана.

В дореволюционном Китае тюркологии как официально признанной науки не существовало, и ее развитие после революции серьезно тормозилось происходившими в КНР в 1960—1970-е гг. сложными внутривнутриполитическими процессами. Лишь после периода «культурной революции» у китайских тюркологов появилась возможность заняться изучением современных тюркских языков на территории КНР и были опубликованы первые работы в этой области. В 1980-е гг. на страницах журнала «Миьнцзу яньцзю» («Национальные языки и литературы»), доступного для зарубежных тюркологов, стали появляться интересные статьи по современным тюркским языкам и диалектам Северо-Восточного Китая, в основном по уйгурскому, а также казахскому, киргизскому, тувинскому, саларскому и югурскому языкам³³.

---

³³ Hahn R.F. Modern Uighur language research in China: four recent contributions examined // Central Asiatic Journal. — Wiesbaden, 1986. V. 30. N 1-2. Pp. 35—54.

Глава II. Основные направления в изучении средневековой истории региона

§ 1. Концепции номадизма и культурологии кочевничества

Одним из первых о кочевниках Евразии писал Геродот в V в. до н.э., представляя идеализированный портрет коченика-скифа. В дальнейшем эту традицию развил Эфор и продолжили стоики и киники. Классическими и копирующими друг друга описаниями кочевников являются труды Геродота о скифах, Диодора о набатеях, Сима Цяня (Ши Цзи) о сюнну, Аммиана Марцелла о сарацинах и гуннах, Марвази о тюрках. Варрон пытался включить кочевников в свою схему трех стадий развития человечества. В «Авесте» и «Шах-наме» заметно четкое противопоставление Ирана и Турана.

У Страбона замечено описание кочевников евразийских степей и их сезонного кочевания — «зимой в болотах, летом на равнинах». Плано Карпини в своих путешествиях писал про кочевников Золотой Орды, что зимой они спускаются к морю, а летом уходят в горы.

Для таких авторов, как Рашид ад-Дин и Ибн Халдун, кочевники были не только объектом исторического описания, но и элементом политической жизни. Оба мусульманских автора первыми поставили вопрос о связи номадизма с определенной экологической средой. Рашид ад-Дин был первым в историографии, кто серьезно обратил внимание на значение родственных и генеалогических связей у кочевников. В трудах этих ученых и других представителей мусульманской историографии кочевники предстали в качестве необходимой и естественной части человеческой истории. Ибн Халдун ввел кочевников в качестве необходимого элемента своей циклической концепции цивилизации.

Феномен кочевничества пытались анализировать или комментировать еще древние авторы. Важным сюжетом,

содержащимся в «Ши Цзи» Сыма Цяня, является история об основателе государства сюнну — Маодуне. Согласно свидетельству китайского летописца, у сюнну уже тогда было четкое понимание территории как политической и экономической основы кочевого государства.

Ибн Халдун в своей книге «Мукаддима» писал о роли кровнородственных связей у кочевников, которые, на его взгляд, являются основой их государственности. Защита и нападение у тюрок могли быть реализованы только на основе общего происхождения (**Ibn Khaldun, 1863, I, p. 275**).

Аль-Омари сообщал в XIV в. о реципрокации у кочевников Золотой Орды. Он подробно описал механизм взаимопомощи и перераспределения скота в кочевой татарской общине.

Рашид ад-Дин одним из первых заметил, что после монгольских завоеваний судьбы тюркоязычных и монгольязычных кочевников оказались тесно переплетены друг с другом, после чего они стали искать модели совместного общего происхождения. Рашид-ад Дин писал о значении генеалогии у монголов, имея в виду всех евразийских кочевников, в том смысле, что генеалогия у них заменяла религию и религиозное воспитание.

В Новое время европейские ученые продолжили попытки оценить историческую роль кочевников. Философ Монтескье обращал внимание на эталитарный характер кочевых обществ. Экономисты А. Фергюссон и А. Смит в большей степени подчеркивали развитие дифференциации у кочевников. И. Кант искал истоки государственности в конфликте между кочевниками и земледельцами. Г.В.Ф. Гегель относил кочевников ко второй доисторической стадии развития, для которой характерно наличие общественных противоречий, но не создание государства. К XIX в. еще не возникло разделения собственно кочевников от скотоводов. Центральной идеей этих представлений была мысль, что кочевники являются фактором общечеловеческого развития, а не этнографи-

ческим феноменом. В конечном итоге в европоцентристской историографии номунизму отводилась роль побочного продукта развития цивилизации, точнее его антипода.

Самый интригующий вопрос истории Великой степи — это причина, толкавшая кочевников на массовые переселения и разрушительные походы против земледельческих цивилизаций. В современной историографии насчитывается ряд концепций, или теорий, пытающихся объяснить этот феномен мировой истории. В самом обобщенном виде их можно свести к следующим тезисам:

- разнообразные глобальные климатические изменения (эту концепцию впервые ввел в научный оборот А. Тойнби, который в качестве причины называл усыхание; эта концепция была поддержана Г. Грумм-Гржимайло; Л. Гумилёв, наоборот, предложил в качестве причины массового передвижения кочевников чрезмерное увлажнение);

- воинственная и жадная природа кочевников (эта точка зрения восходит к китайской историографии (Ч. П. Гл. I. § 5);

- перенаселенность степи;

- рост производительных сил и классовая борьба, ослабленность земледельческих обществ вследствие феодальной раздробленности (это классическая марксистская концепция советской историографии);

- необходимость пополнения экстенсивной скотоводческой экономики посредством набегов на более стабильные земледельческие общества;

- нежелание со стороны центров оседлой экономики торговать с номадами, переизбыток продуктов скотоводства;

- личные качества предводителей степных обществ;

- этноинтегрирующие импульсы (пассионарность — по Л. Гумилёву)³⁴.

---

³⁴ См.: Крадин Н.Н. Кочевые общества (проблемы формационной характеристики). — Владивосток, 1992; его же: Номады // Родина. Лес и степь. IX—XVI вв. Неизвестные страницы. — 1997. — N 3-4. — С. 17—18.

Следует отметить, что в каждой концепции есть свое рациональное зерно. Однако все они в той или иной степени страдают преувеличением своего фактора. Так, современные палеографические данные не подтверждают прямой связи между глобальными периодами усыхания или увлажнения с подъемом или упадком кочевых империй. Марксистский тезис о классовой борьбе в кочевом обществе также оказался несостоятелен. Демографический фактор из-за недостатка источников не совсем ясен. Что касается воинственной природы кочевников, то история оседлых цивилизаций демонстрирует, что именно оседлые народы создали в конечном счете наиболее эффективные военные технологии и инфраструктуры.

Замечено, что государственность в форме кочевых империй и других политических образований развивалась у кочевников только в тех регионах, где они имели постоянные и интенсивные политические и экономические контакты с более высокоорганизованными земледельческими и, особенно, городскими обществами. Этот тезис иллюстрируется следующей дихотомией:

- скифы и античные государства;
- гунны и Римская империя;
- тюрки и Китай, тюрки и Древняя Русь, тюрки и Хорезм;
- арабы, турки и Византия и т.д.

У степных империй существовала двойственная природа: снаружи они напоминали классические деспотии Востока с функцией добывания прибавочного продукта вне степи, однако внутри кочевые империи оставались основанными на племенных связях без устойчивой налоговой системы и классической феодальной иерархии, подразумевающей эксплуатацию скотоводов. Авторитет степного владыки основывался на обычном праве, умении организовывать военные походы и перераспределять доходы от торговой дани и набегов на соседние страны. Эта,

в общем, огрубленная схема применима в основном к до-монгольской эпохе.

Считается, что в своих отношениях с оседлыми территориями кочевники использовали несколько стратегий:

- стратегия набегов и грабежей (сяньби, тюрки и монголы в отношении Китая; Крымское ханство в отношении Украины, Польши и Московского государства и др.);

- подчинение земледельческого общества и взимание с него дани (скифы и сколоты, хазары и славяне, Золотая Орда и Русь), а также контролирование торговых путей (тюрки и Великий Шелковый путь, казахи и торговые пути между Средней Азией, Китаем и Сибирью);

- завоевание оседлого государства, инфильтрация кочевников, создание новой династии, нового правящего класса и нового государства с последующей ассимиляцией кочевников (тоба, кидани, чжурчжени и манчжуры в Китае; монголы в Китае, Хорезме и Иране, казахи в Бухаре и т.д.);

- тактика чередования набегов и сбора дани; практически ее использовали на разных этапах — до или после полного завоевания все крупные кочевые образования, начиная с хунну в Китае и заканчивая тюрками и монголами позднего средневековья).

Исследователями был замечен тот факт, что, как правило, кочевники не стремились к полному завоеванию земледельческих территорий, предпочитая «управлять с коней», т.е. довольствоваться доходами от походов, дани, сборов от торговли; при этом кочевники зачастую вмешивались во внутреннюю борьбу в подчиненных государствах с целью стабилизации ситуации (Золотая Орда и Русь, уйгуры и Танская империя). Однако данная система политических и экономических отношений отличалась в исторической перспективе неустойчивостью. Постоянные контакты кочевников с оседлыми обществами приводили вольно или невольно к размыванию и трансформации кочевого образа жизни, что наиболее ярко

выразилось в истории казахов. Как замечал Р. Груссе, «вакуум засасывал номадов внутрь аграрного общества» (**Grousset, 1948**).

Военный историк С. Уолкер (см. ниже), говоря об исторической роли Чингис-хана, отмечает, что кочевники и цивилизация не могли не противоречить во всем друг другу. И для той, и для другой исторической формы существования было характерно взаимное неприятие форм жизни друг друга. Между двумя формами жизни существовал глубокий антагонизм. Таким образом, для Чингис-хана было совершенно естественным и очевидным пытаться уничтожить то, что, как он справедливо полагал, может уничтожить его самого. Ничего другого он просто не знал. С. Уолкер обращает внимание на последствия монгольских походов в контексте развития цивилизаций. Через 50 лет Китай, объединенный политически, достигнет неведомого доселе могущества. Будет прорыт Великий Китайский канал, вырастет Пекин, правители стран от Бирмы до Балтики будут платить дань Хубилаю, цивилизованному императору Китая. Китайцы проникнут на Яву, Борнео, в Индийский океан, достигнут Африки и Мадагаскара. Между Дальним Востоком и Крайним Западом разовьется оживленная торговля. Монголы вместе с фундаментом старой цивилизации уничтожили ее предрассудки, старый патриотизм, национализм и консерватизм, политический и философский вздор, мешавший возведению более просторного, эффективного и великого общественного сооружения. Один из внуков Чингис-хана совершил с Россией то, что его дед совершил с Китаем. Через три столетия Русь объединяется и строит такое будущее, в котором ей уже некого бояться³⁵.

В силу того факта, что кочевые цивилизации оставили мало материальных памятников, очень большое значение

---

³⁵ См.: Уолкер С.С. Чингиз-хан / Пер. А.И. Глебова-Богомолова. — Ростов н/Д.: Феникс, 1998. — С. 257—259.

приобретают те свидетельства искусства, которые дошли до исследователей. С точки зрения памятников архитектуры, кочевые цивилизации оставили мало собственных оригиналов. Д. Синор называет в качестве немногочисленных таких оставшихся памятников деревянный дворец гуннов в Венгрии (**Sinor, 1969, p. 124**). В качестве важного элемента знаковой культуры кочевников Синор называет т.н. *каменные бабы*. Синор отмечает влияние на материальную культуру кочевников со стороны их оседлых соседей: Китая, эллинистических государств, Ирана, Индии. Это влияние нашло выражение в многочисленных дошедших до исследователей письменных памятников буддистской и манихейской письменности. Синор отмечает, что настоящее искусство кочевников Центральной Евразии нашло отражение в искусствах т.н. малого порядка (украшения, культовые и повседневные предметы). Величайшего искусства кочевники достигли в обработке металла. Это в первую очередь относится к т.н. звериному стилю, который затем как часть знаковой культуры нашел отражение в искусстве тюрков и казахов. Синор считает, что стиль, который на Западе известен как звериный, нельзя считать исключительно скифским; он — имманентная часть всего культурного пространства Центральной Евразии (**Sinor, 1969, pp. 124—125**).

Наиболее фундаментально в Германии исследовал эпоху ранних кочевников Центральной Евразии немецкий ученый Карл Йеттмар. Свою концепцию ранних кочевников он изложил в таких работах, как «Металлургия в раннестепную эпоху» (**Jettmar, 1954, 1971**) и ряде других (Ч. I. Гл. III). Наиболее концептуальное воплощение его взгляды нашли в книге «Ранние степные народы: евро-азиатский звериный стиль» (1964).

Известный британский культуролог, философ и историк А. Тойнби в своей классической работе «Изучение истории»

пришел к выводу, что «кочевники живут без истории, и их вывод на поля истории случаен» (Toynbee, 1949, p. 169).

Марксистская, в первую очередь советская, наука также пыталась найти место для кочевников в своих схемах. Большое место в марксистской историографии занимал вопрос о т.н. кочевом феодализме. Советские, а с их подачи и восточногерманские, монгольские и частично венгерские историки активно разрабатывали концепцию «кочевого феодализма», суть которой состояла в том, что если, согласно марксистскому учению об общественно-экономических формациях, Европе в средневековье соответствовал феодальный тип отношений, то это было обязательным и для Азии. Для кочевых народов, сыгравших столь значительную роль в истории Старого Света, был специально введен термин «кочевой феодализм», при котором отношения между простыми членами общины, племени и рода, с одной стороны, и знатью, вождями и лидерами племен — с другой, трактовались как отношения между зависимыми общинниками и феодалами. Труднее было найти место в этих отношениях для феодальной ренты, однако марксистские ученые искали и находили ее в различных видах податей, налогов, устанавливаемых кочевниками в завоеванных странах для оседлого населения, и даже в обязанности кочевников нести военную службу под началом племенных лидеров.

Марксисты отстаивали свою коллективную точку зрения на 14-м международном конгрессе историков в Сан-Франциско в 1975 г. Это была вторая по размаху и интенсивности дискуссия о кочевниках после прошедшей в начале 1950-х гг. в Советском Союзе на страницах журнала «Вопросы истории». Сердцевиной марксистского видения кочевого феодализма стала концепция, согласно которой на основе дифференциации собственности на скот возникли отношения эксплуатации и зависимости, которые вели к социальному расслоению кочевого общества. Однако эта дифференциация не всегда вела к образованию четко разграниченных

классов, так как особенности скотоводства требовали от скотоводов сохранения в своих руках собственного хозяйства и средств производства. По мнению некоторых марксистских историков, в частности Э. Вернера (ГДР), роль катализатора классового расслоения сыграли экспансия кочевников и последовавший за этим переход обширных пастбищ во владения родовой знати, что вело, по его мнению, к феодализации номадов (например, огузов в X в.). Однако такое простое накопление богатства стимулировало иное распределение его внутри кочевого общества. Отсутствие существенных изменений в использовании богатства задержало качественное превращение кочевого общества, что имело следствием сохранение патриархально-феодалных отношений.

К особенностям процесса феодализации у кочевых народов Э. Вернер отнес появление господствующих и зависимых родов и замедленный процесс закрепощения скотоводов-воинов. Отработочная рента являлась у них преобладающей формой феодальной эксплуатации. После упрочения раннефеодалных отношений к ней добавилась продуктовая рента (например, у огузов и туркмен в XI в.). В основе экономического и внеэкономического принуждения лежало монопольное владение родовой знати пастбищами и скотом. Другой особенностью кочевого феодализма являлось сохранение патриархально-родовых отношений, что обуславливало большую гибкость социальных отношений. Стремление новой знати к обогащению усиливало присущую кочевникам жажду экспансии, считает Вернер, за счет земледельцев, что влекло за собой переход кочевников к оседлости и тем самым усиление феодального гнета, его приближение к классической форме, как это было у тюрков в Османской империи. Немецкий ученый пришел к выводу, что термин «кочевой феодализм» имеет такое же право на существование, как и понятия «византийский феодализм» или «исламский феодализм» (Werner, 1976, S. 297).

Другой стороной социальных процессов в кочевом обществе, отмечает Вернер, является их роль в создании средневековых феодальных государств. Создание феодальных государств у кочевников тормозилось незрелостью феодальных отношений, отсутствием четкого социального и классового расслоения. Этот феномен можно объяснить объективной сложностью процесса феодализации кочевого общества, который противоречил кочевой экономике: последняя могла существовать и нормально функционировать только при условии, что большинство скотоводов-кочевников имели собственные хозяйства и средства производства. В периоды экспансии, когда кочевники создавали свои обширные империи на руинах земледельческих государств, процесс феодализации кочевого общества ускорялся и стабилизировался. По мнению Вернера, принятие новой религии отражало более высокую степень дифференциации, как это было с принятием ислама огузами. Роль кочевников в создании средневековых государств сводилась в основном к тому, что они являлись их военной опорой. Стремление кочевников к созданию своего специфического государства, основанного на экспансии и взимании дани с покоренных земледельческих народов, в конечном счете оборачивалось их участием в качестве ударной силы в создании феодальных государств азиатского типа. В качестве примера к своему тезису Вернер приводит роль туркмен в создании эмирата Данишмендидов в восточной Малой Азии, Конийского султаната и государства Сельджуков. Это были не государства кочевников, а аграрные зоны с проникшими туда ордами кочевников, управляемые тюркскими династиями. Характерно, что интересы кочевников-скотоводов и феодальных государств находились в противоречии. Приверженность первых своему образу жизни и традиционному ведению хозяйства отрицательно влияла на развитие феодальных отношений в этих государствах. Этим Вернер объясняет стремление феодальных правителей ускорить переход

кочевников к оседлости через стадию полукочевничества, как поступила, например, династия Османов с юрюками. Свою роль в экспансии кочевников сыграл ислам у огузов и туркмен и при создании азербайджанского государства Сефевидов в начале XVI в. (Werner, 1976, S. 299—302).

До конгресса в Сан-Франциско в ГДР имел место чрезвычайно полезный коллоквиум восточногерманских историков и этнографов в рамках изучения первобытного общества. На этом коллоквиуме (1973) немецкие ученые поставили под сомнение многие основополагающие тезисы прежней сталинистской историографии относительно т.н. кочевого феодализма. В первую очередь исследователи отметили отсутствие единства взглядов на термин «кочевничество»; в зависимости от определенных географических, экономических и других особенностей данная дефиниция то расширяется, то суживается (полное, частичное, горное и полукочевничество). В основе определения номадизма должны лежать не отдельные факторы, а их совокупность. В. Кёниг предложил считать кочевое скотоводство новой формой производственной специализации (Grünert, König, 1974, S. 455).

Ученые ГДР подчеркнули культурно-историческое значение кочевничества: освоение пустынь, степей и горных районов Азии и Африки, расширение границ Ойкумены. В материальной культуре кочевников отражены торговые и прочие связи номадов с соседними народами. В основе общественной организации номадов лежала экономически самостоятельная семья — это главный вывод, к которому пришли участники коллоквиума. Ввиду господствовавших политических, экономических и географических условий, семьи объединялись по генеалогическому принципу (клан, подрод, род, семья, племя, объединение племен). Такая организация оказалась исключительно устойчивой и воспроизводимой, а в условиях кочевого образа жизни и экономики, которые исключали в значительной степени организацию общества

по территориальному типу, она была единственно возможной. Основа социальной структуры кочевников — частная собственность на пастбища и источники воды. Однако она не вела к четкому социальному и классовому расслоению ввиду специфики кочевого скотоводства. Роль стимулятора социальной дифференциации играли войны и грабительские набеги в период становления и существования кочевых империй, отмечают немецкие ученые. Распад этих империй вел к постепенному восстановлению социально-экономических законов кочевого скотоводства, т.е. к социальному выравниванию. Таким образом, пришел к выводу В. Кёниг, к характерным признакам кочевого скотоводства относится мобильность социально-экономических отношений (**Grünert, König, 1974, S. 460**).

Немецкие ученые пришли к выводу, что именно с проникновением капитализма в районы кочевого скотоводства происходило углубление и обострение процесса имущественной дифференциации внутри кочевого общества и в конечном счете к постепенному исчезновению кочевого скотоводства как самостоятельного хозяйственно-культурного типа. По уровню социально-экономического развития, считают немецкие ученые, кочевники-скотоводы находились на стадии, которая характеризуется прогрессирующим распадом первобытнообщинных отношений. По их мнению, кочевое общество не развилось ни в рабовладельческое, ни в феодальное, несмотря на интеграцию элементов того и другого. Благодаря общинной собственности на землю, в основе объединения кочевников лежал организационный принцип, характерный еще для доклассового общества, т.е. генеалогический принцип. В. Хартвиг не видит принципиальной разницы между союзом семей скотоводов-кочевников и земледельческой общиной.

Таким образом, отличаясь принципиально от земледелия как культурно-хозяйственный тип и как специализиро-

ванная форма производства, кочевое скотоводство в то же время соответствовало ему в уровне развития господствующей социально-экономической структуры (**Grünert, König, 1974, S. 462**). По определению Э. Хоффмана, хозяйственно-культурный тип, в данном случае кочевничество или кочевое скотоводство, является вспомогательным средством типологической классификации, а не социально-экономической категорией. Таким образом, ученые ГДР не смогли прийти к единой точке зрения на типологизацию номадизма. Одни отнесли ее к последней стадии первобытнообщинной формации, другие признали, что номадизм мог генерировать феодальные отношения, т.е. эволюционировать в феодальную формацию, а третьи отказали номадизму в обобщении как сравнительно устойчивого хозяйственно-культурного типа, а тем более в попытке придать ему форму проявления социально-экономических общественных формаций. Относительно роли физико-географических факторов немецкие ученые выступили с критикой географического детерминизма К.А. Виттфогеля, настаивая на том, что эти факторы способствовали формированию кочевого образа жизни, но их роль не была решающей.

С археологической точки зрения можно только предполагать, что кочевничество зародилось в позднем палеолите. По мнению Б. Грамша, кочевничество было активной реакцией древних людей, знакомых с земледелием и скотоводством, на изменения климатических условий. В полной мере это относится к Центральной Азии. Х. Кленгель считает, что письменные источники по Ближнему Востоку позволяют говорить об интенсивном развитии кочевничества в конце тысячелетия до н.э. По мнению И. Зелльнов, всемирно-историческое значение номадизма характеризуется как положительными (расширение ойкумены), так и отрицательными (переход от более к менее продуктивной форме землепользования) чертами. Историческое значение кочевничества состоит в воз-

никновении и развитии форм эксплуатации (ссуда скота) и как следствие — в социальной дифференциации. Однако, с точки зрения Зелльнов, отношения эксплуатации и зависимости не вели к возникновению антагонистических противоречий. В этом следует искать причину того, что кочевникам нигде не удалось создать собственную государственность на базе кочевого хозяйства. Другая причина состоит в том, что скот у кочевников не использовался в производственной сфере, а был лишь средством потребления и накопления богатства (**Grünert, König, 1974, S. 466**).

Большинство восточногерманских ученых пришли к выводу, что кочевники-скотоводы в своем развитии достигли и представляли стадию прогрессирующего распада первобытнообщинных отношений. Этот вывод происходил на фоне оживленной дискуссии в среде советских историков, которые не пришли к однозначному мнению, и звучал диссонансом с выводом монгольских ученых, в частности Ш. Нацагдоржа, который характеризовал монгольское общество времен Чингис-хана как феодальное. Г. Левин находит элементы сходства между социальными отношениями у кочевников и т.н. докапиталистической общественной формацией в Китае, при которой лично свободные производители облагались налогом со стороны государства (азиатский способ производства). По мнению Х. Крайссига, кочевничество могло развиться в мировом масштабе только в эпоху классового общества, поскольку кочевники нуждались в симбиозе с оседлым населением. Однако другие немецкие ученые отвергли этот тезис.

Так, В.А. Харвиг (Музей этнографии в городе Лейпциге) выступил с резкой критикой многих основных положений своих коллег. По его мнению, при использовании понятия «скотоводы-кочевники» как специфической формы хозяйства возникает возможность распространения теории хозяйственно-культурных типов как экономически детерминированной

теории или принципа классифицирования на социальные факторы, характер производственных отношений и на институты надстройки, особенно политическую организацию, что неизбежно приводит к выделению специфического кочевого общества (Hartwig, 1974, S. 621—627). Хартвиг считает, что социально-экономическая структура кочевого общества полностью укладывается в концепцию Карла Маркса об общественном развитии, в которой кочевое общество вполне соответствует уровню развития на пороге раннеклассового общества, т.е. земледельческой общине. Основной тезис Хартвига состоит в том, что ячейкой кочевого общества является не семья скотовода-кочевника, как доказывает Кёниг, а территориально и экономически детерминированный коллектив (например, «тире» у туркмен, «хотон» у монголов). Исторически обусловленное объединение их в крупные военные и политические союзы происходило по генеалогическому принципу, свойственному еще доклассовому обществу. Однако этот принцип не является присущим исключительно кочевым народам. Таким образом, делает вывод Хартвиг, кочевое скотоводство и земледелие в корне отличаются как хозяйственно-культурные типы и специализированные формы производства, однако их социально-экономическая структура обнаруживает многочисленные принципиальные соответствия, что делает правомерным отнесение к одной стадии всеобщего социально-экономического развития.

К кочевому обществу трехтипная модель власти (традиционная, бюрократическая, харизматическая), предложенная М. Вебером, применима в относительной мере.

Группа ученых (Латтимор, Кредер, Шинкевич) рассматривают историю кочевников евразийских степей как единый поступательный процесс, а период с VI по XII в. — как время однолинейного развития с точки зрения социальной организации номадов, против чего выступает Хазанов (см. ниже). Э. Бэкон и Л. Кредер выдвинули концепцию, что со-

циальная организация тюрко-язычных и монголо-язычных кочевников представляет собой конический клан. Более того, Кредер предлагает искать у евразийских кочевников генеалогическое ранжирование на основе примогенитур.

Кредер пишет: «Клановая генеалогия является средством, при помощи которого демонстрируется происхождение от общего предка и устанавливается кровное родство. Оно также является средством, устанавливающим соответствующий социальный ранг. Все линии происхождения коллатерально ранжированы в соответствии с порядком происхождения основателя каждой линии. Генеалогия указывает на членство индивида в группе и узаконивает его притязания на определенный ранг» (**Krader, 1963, p. 369**). В то же время у казахов, как отмечает Хазанов, были представления о старшинстве отдельных орд и их подразделений, но практического значения это не имело. По мнению автора, у кочевников евразийских степей господствовали различные сегментарные системы, которые к тому же не оставались неизменными.

Американский исследователь Дж.М. Смит (Калифорнийский университет, Беркли) рассмотрел налогообложение у кочевников, начиная с времен Чингис-хана и до казахов XIX в. Смит опирался на широкий круг средневековых источников и труды В. Радлова, В. Минорского, Н. Поппе и др. Ученый пришел к выводу, что кочевой образ жизни соответствующим образом откладывал отпечаток на имущественные отношения у кочевников. Этим объясняется существование «предметного» обложения налогами (на дождь, траву и т.д.). Эти налоги автор характеризует как «случайные», т.е. взимаемые время от времени. У кочевников существовали также и постоянные, регулярные налоги. К ним Смит относит, например, налог в пользу муллы, при котором каждый казах в независимости от имущественного положения должен был отдавать мулле каждую десятую овцу ежегодно. Кочевники обычно противились сбору налогов. Если идеалом жизни

кочевников, пишет Смит, была экономическая самостоятельность, отсутствие всякой организации, препятствующей свободному передвижению, то система налогов мешала достижению этого идеала; более того, она не соответствовала самому номадизму, находилась в противоречии с ним (**Smith, 1970, p. 61**).

Далее он продолжает, что если со стороны «вождей» наблюдалось постоянное желание повысить величину налогов, то простые кочевники были заинтересованы в сокращении налогов, в установлении различных лимитов на налогообложение. Сборщики налогов, в свою очередь, имели свои причины поддерживать низкий уровень сбора, поскольку часто при непомерных налогах номады оказывали сопротивление или же просто откочевывали. Экономически самостоятельный, способный легко передвигаться кочевник платил налоги только на добровольной основе. Обычно это был военный налог. У монголов в позднеимперский период государство не смогло преодолеть трудностей, обусловленных необычностью и сложностью налогообложения кочевников, что привело его к кризису. На смену государству как организующей силе пришел буддизм, который смог частично справиться с проблемой налогообложения со стороны монастырей (**Smith, 1970, p. 68**).

Д. Синор в одной из работ подошел к проблеме номадизма с точки зрения роли лошади и пастбища в его истории. Синор попытался выявить взаимосвязь между разведением лошадей и экономикой и политикой у кочевников; созданием великих конных армий и возвышением и падением великих кочевых империй. Синор считает, что выносливость, неприхотливость, приспособленность к суровым климатическим условиям, отличавшие центральноазиатскую лошадь, давали ей неоспоримое превосходство перед другими породами боевых коней со времен скифов и до Второй мировой войны. Однако разведение такой породы лошадей было всеобщим

для Центральной Азии на всем протяжении ее истории, и только некоторые скотоводческие народы сумели создать государства непреходящего значения.

Синор, опираясь на источники, ставит под сомнение устоявшийся стереотип о том, что тюркские, а затем монгольские племена имели неограниченное количество лошадей. В доказательство Синор приводит ряд письменных источников, в которых подтверждается факт нехватки лошадей для кочевых армий и наличие в ее контингенте пеших войск. Синор уверенно доказывает, что тюрко-монгольские государства не имели достаточный и постоянный источник лошадей. При этом ученый опирался на следующий ряд заключений: экономика кочевого скотоводства носит экстенсивный характер и требует разбросанности населения; количество лошадей, которое может прокормиться на одном квадратном километре степи, зависит от множества факторов, в том числе от погодных условий. Не было заменителя лошади; в боевых действиях использовалась только лошадь. Количество табунов регулировалось как путем естественного отбора, так и самим человеком. Одновременно шел процесс улучшения породы. Для кочевников Центральной Азии лошадь являлась также долговременным продуктом широкого потребления. Ее потребительская стоимость не возрастала в прямой зависимости от численности табунов; избыток лошадей, не использовавшихся на внутреннем рынке, обменивался на товары, не производимые в степи.

Главный тезис Синора: мирный обмен товарами и грабительские набеги кочевников зависели от количества и качества лошадей. В свою очередь, эти факторы зависели от наличия пастбищ. Используя эту логику, Синор пытается объяснить, например, внезапный отход войск Бату-хана из Венгрии в 1241 г., так как пастбищные условия Среднедунайской низменности (Альфёльд) не могли предоставить достаточно корма для лошадей завоевателей. В сущности, если

следовать логике Синора, это было причиной сворачивания всей европейской кампании монголов (**Sinor, 1972**).

Крупным исследователем номадизма и раннетюркской истории является Петер Голден. Он стал известен в научном мире благодаря опубликованному в 1980 г. историко-филологическому эссе о происхождении хазар. В 1982 г. увидела свет его интересная работа «Имперская идеология и истоки политического единства у дочингизидовых номадов Западной Евразии» (**Golden, 1982**), носившая концептуальный характер. В ней автор попытался выделить основные типологические черты кочевых государств и номадизма как культурной и политической модели. Наиболее крупной работой Голдена является книга «Введение в историю тюркских народов: этногенез и образование государств в Средние века и в начале Нового времени в Евразии и на Среднем Востоке» (**Golden, 1992**). В ней Голден обнаруживает прямую зависимость между формированием этнических общностей у кочевников Центральной Евразии и выработкой каждым народом своей модели номадизма, приспособленной к климатическим и географическим условиям своего региона. Для Голдена этногенез неотделим от создания государственности.

Венгерская исследовательница Х. Эцеди (Ч. I. Гл. IV. § 1) на основе изучения истории Тюркского каганата по китайским источникам (Гл. I. § 2) ставит вопрос о роли племени как единицы кочевого общества в его истории и правомерности использовать в отношении номадизма понятие «племенное общество». Автор делает вывод, что в Тюркском каганате можно выделить три элемента социальной структуры: 1) систему экзогамных патрилинейных родственных группировок, характеризующихся значительной общей и социальной мобильностью; 2) отдельные, территориально обособленные экономические единицы-племена, опирающиеся на систему родов и являющиеся объединениями экономического харак-

тера; 3) политическую власть, в основе которой лежит военное превосходство одного или нескольких племен. В результате взаимодействия этих элементов социальной структуры политическое развитие кочевого общества шло при благоприятных условиях по пути интеграции: группа преуспевающих родов объединялась в племя, племена объединялись в кочевую империю. Система родственных отношений по мужской и женской линии обеспечивала межплеменную мобильность и способствовала более широкой интеграции. В то же время, отмечает Эцеди, в Тюркском каганате, как и в других кочевых империях, вследствие неизменного характера экономики, политическая интеграция, опирающаяся на военную силу, обеспечивала сохранение родоплеменной структуры кочевого общества.

Эцеди предлагает более широко применять термины «племя» и «племенное общество». «Племя» является адекватной характеристикой изучаемого общества, а «племенное общество» является обозначением исторической стадии. Иногда целесообразно применять термин «племя» в определенной социальной сфере с целью обозначения целого общества, допуская при этом существование других социальных образований — политических, религиозных и др. В случае с кочевниками доминирующим фактором их экономики стало кочевое хозяйство, на основе которого складывалось племя. Из анализа кочевых обществ Эцеди представляется очевидным, что термин «племенное общество» подходит для обозначения догосударственной исторической стадии, при этом вовсе не обязательно, чтобы она состояла на всем протяжении из обществ, организованных экономически, политически и т.д., как племена в течение всего своего исторического прошлого, либо в единичной устаревшей форме в наше время (**Ecsedy, 1972, p. 262**).

В другой работе Х. Эцеди рассматривает племенную структуру Тюркского каганата с точки зрения ее значения

для тюрков и подчиненных им народов. Для ведущих тюркских племен — ядра кочевых империй — племенная форма организации кочевого общества имела важное значение для территориальной экспансии, для захвата, защиты и использования новых земель. Благодаря ей, отдельное племя или союз племен выступали как мобильная организованная военная сила. По мнению Эцеде, «союз тюркских племен являлся идеальной и высшей формой социально-экономической структуры кочевого общества» (Ecsedy, 1977, p. 1). Присущую их обществу племенную структуру тюрки навязывали в качестве образца социальной организации народам, входившим в состав каганата. Эцеде обращает внимание на взаимосвязь между архаичной племенной структурой Тюркского каганата и существовавшей в нем системой налогообложения. Эта система косвенным образом закрепляла племенное деление, так как облегчала тюркским племенам сбор дани, и поэтому они были крайне заинтересованы в его сохранении. Развитие и усовершенствование системы налогообложения, как и укрепление государственной власти, вело к созданию громоздкого административного аппарата по образцу развитых земледельческих государств Азии. Согласно Эцеде, великие кочевые империи (особенно Монгольская империя), достигли высшей ступени развития архаичного государства с племенной структурой и развитой системой налогообложения. Такой архаичный тип государства Эцеде считает естественной и даже конечной формой существования конфедерации племен кочевников-скотоводов при благоприятных условиях. Венгерская исследовательница подчеркивает, что в разной мере реализуют свои исторические возможности, но чтобы реализовать их полностью, им пришлось бы изменить свой образ жизни, экономическую основу и военную организацию. Это привело бы, в свою очередь, к уподоблению более земледельческим цивилизациям, как показывает пример тобийцев, каракитаев, монголов и маньчжур в Китае.

Всю социальную организацию кочевников Эцеди предлагает рассматривать в контексте влияния кочевой империи как ее высшей формы. Эцеди доказала существование у тюрков экзогамных родов, которые играли роль контролирующего органа при соблюдении норм обычного права и распределения военной добычи, собранной дани и должностей; значительной также была их роль при решении вопроса о порядке наследования престола в каганате. Обобщая все сведения о роде как структурной единице кочевого общества, Эцеди пишет: «Итак, в Тюркской империи род, особенно большой и могущественный род ведущего племени (ведущих племен), представлял собой организацию, связанную узами кровного родства, которая обеспечивала порядок в обществе. Она осуществляла патриархальное распределение как власти, так и приобретенного имущества» (Ecsedy, 1977, p. 13). Открытый характер кочевого хозяйства способствовал количественному росту и усилению тюркских родов и образованию новых родов. Рост их могущества позволял тюркам навязывать свой социальный порядок подчиненным или союзным народам, который автоматически становился законным порядком в Тюркской империи. В своих выводах Эцеди пришла к тому, что такие важные факторы, как локальное ограничение, локальные рамки родоплеменного деления, препятствовали превращению патриархального по своей сути кочевого общества, характеризуемого языковой и этнической общностью, в общество нового типа. Этот фактор препятствовал общности ведущих родов разорвать племенные, «азиатские» рамки и стать государством, способным к современному развитию, т.е. типом общества, которое можно рассматривать как предтечу нации. Этот ограничивающий фактор, считает автор, был фатальным с точки зрения будущего развития кочевого общества, так как родоплеменное деление всегда несет в себе опасность воспроизводства примитивной племенной формы организации, лежащей в основе создания кочевых империй

— «азиатского» государства, социальная структура которого напоминает пирамиду.

Опираясь на собственный анализ китайских источников, преимущественно хроники династий Чжоу и Суй' (Чжоу-шу, Суй-шу), Эцеди в другой работе касается некоторых аспектов погребальных обрядов древних тюрков. В основном речь идет о западных (голубых, алтайских) тюрках периода Западного Тюркского каганата. По мнению ряда ученых, культурно-этническое единство древних тюрков, опирающееся на общность языка и экономики (кочевое скотоводство), должно было найти также отражение в их погребальных обрядах. Однако внимательное изучение письменных источников позволяет говорить о существовании определенных различий в этой сфере их жизни³⁶.

К мысли о единообразии погребальных обрядов у древних тюрков некоторые ученые пришли на основе чтения китайских династийных хроник, согласно которым погребение у тюрков было связано обычно с кремацией. Это подтверждается и археологическими данными. Поэтому погребение с жертвоприношениями (без кремации), также встречавшееся на территории Тюркского каганата, рассматривается ими как редкое исключение либо как погребальный обряд врагов древних тюрков и (или) покоренных ими народов. Об одном случае такого погребения сообщается в китайских хрониках: в 576 г. при погребении видного вождя западных тюрков «были убиты четыре гуннских пленника, которых похоронили вместе с ним, с его лошадьми и драгоценностями». Эцеди называет этот тип погребения, встречавшийся в I—II тысячелетиях до н.э. и I тысячелетии н.э. по всей Евразии, «скифским». По ее мнению, он является отголоском очень древнего обряда торжественного погребения, т.е. особым типом погребального обряда, который нес определенную

---

³⁶ Ecsedy I. Ancient Turk (T'U-Chüeh) burial customs // Acta orientalia Hungarica. — Budapest, 1984. Т. 38., fasc. 3. Pp. 263—287.

идеологическую нагрузку. Нельзя его также рассматривать, считает Эцеди, типично западнотюркским (алтайским) погребальным обрядом в отличие от восточнотюркского (орхонского), так как восточным тюркам был известен «скифский» тип погребения, о чем свидетельствует сообщение в хронике династии Тан (Синь Тан-шу).

В Восточной Азии этот тип погребения был впервые зафиксирован китайцами у сюнну (хунну) в сообщении, относящемся к 90 г. до н.э. Не затрагивая дискуссионного еще вопроса о языковой и (или) этнической принадлежности сюнну, пишет автор, есть все основания говорить о культурно-исторической преемственности между сюнну и древними тюрками, о чем свидетельствует древний погребальный обряд с жертвоприношениями. В пользу этого предположения говорят результаты археологических раскопок, проведенных на территории Северо-Западного Китая. Они позволяют установить связь между погребальным обрядом сюнну и погребением вождя западных тюрков как его отголоском, что дало повод некоторым ученым назвать этот тип погребения «алтайским».

В период упадка Тюркского каганата в VIII в. у древних тюрков на смену «скифскому» типу погребения приходит «китайский», что нашло отражение в возведении надгробных памятников в китайском стиле. Примером может служить воздвигнутый в 731 г. китайскими мастерами надгробный памятник Кюль-тегину, племяннику Бильге-кагана. Это позволило одному из императоров династии Тан Тайдзуну (637—650) упрекнуть тюрков в измене своим традициям.

Таким образом, погребальные обряды древних тюрков были менее всеобщими и единообразными, чем полагают некоторые ученые. Встречающиеся в китайских династийных хрониках сообщения позволяют говорить о некоторой преемственности между погребением одного из западнотюркских вождей с человеческими жертвоприношениями в

576 г. и погребальными обрядами древних тюрков до времен Тюркского каганата и их предшественников в Центральной Азии — сюнну, одним из культурных и, возможно, этнических компонентов империи которых были древние тюрки. Другим отклонением от погребения с кремацией, наиболее распространенного в период Тюркского каганата, является погребение «китайского» типа, встречающееся у восточных тюрков под влиянием китайской культуры.

С другой стороны, попытки делать обобщающие выводы касательно погребальных обрядов древних тюрков на всей территории их расселения только на основе китайских источников кажутся Эцеди неоправданными, поскольку погребения с кремацией и человеческими жертвоприношениями могли быть заимствованы также нетюркскими племенами, входившими в состав Тюркского каганата, наряду с сохранением своих погребальных обрядов.

Э. Трыярский, профессор, известный польский специалист в области тюркологии, в своей статье «К вопросу о некоторых параллелях в ритуальных погребениях у древних тюрков и китайцев» (1981) подробно освещает вопрос о наличии сходных черт в ритуальных погребениях древних тюрков и китайцев. Между тюрками и китайцами существовали многочисленные военные и торговые контакты. Тюркских кочевников интересовали изделия искусных китайских мастеров: драгоценности, оружие, шелковые ткани, рабы.

Китайцы никогда не оказывали тюркам сильного военного сопротивления, а вели умелую и хитрую политику, в которой важную роль играли идеологическое давление и подкуп «диких варваров». Взаимные контакты между тюрками и китайцами протекали как в материальной, так и духовной сфере³⁷.

Тюркские обычаи ритуального погребения умерших были хорошо знакомы китайцам. Из источников известно, что обе

---

³⁷ Tryjarski E. Zur Frage einiger Parallelen zwischen den Bestattungsritualen der Alt-Türken und Chinesen // Central Asiatic Journal. — Wiesbaden. 1981, Vol. XXV. N 1-2. S. 147—158.

стороны посылали многочисленные официальные посольства и миссии различного рода, среди которых были послания с выражением соболезнования по случаю траура или уведомления о смерти собственного господина. Так, общеизвестны послания китайского императора в первой половине VIII в. н.э. по случаю смерти тюркских правителей Кюльтегина и Билге-кагана. Подобные послания зафиксированы в источниках и в период первого появления тюрков на китайской границе. Из китайских хроник известны пышные послания с дарами для выражения соболезнования. Прибывшие на похороны почетные гости посвящались во все детали местных ритуалов погребения.

Исследование обычаев погребения и их возможных заимствований, считает автор, следует проводить во взаимосвязи с религиозными представлениями двух народов. Нельзя не учитывать ряда параллелей между религиозными представлениями древних тюрков и китайцев, например понятий и практики молитвы, которые у большинства религиозных систем общеприняты.

Ученый описывает сходные элементы в религиозных представлениях: культ неба, обожествление определенных сил и явлений природы, а также культ предков. Одним из примеров культурной конвергенции между тюрками и китайцами является культ умерших. Его начало восходит к периодам неолита и палеолита. Культ состоял в выполнении определенных обычаев и в принесении жертв духам мертвых с двойной целью: поддержать жизнь этих духов и получить их помощь и защиту. Р. Фицджеральд считает, что культ мертвых был единой верой, которой все китайцы оказывали внимание и которая прочно укоренилась во всех классах общества.

Китайцы были знакомы с культом умершего у тюрков. Хроника Вей-шу свидетельствует, что каган тюрков каждый год приносил жертву в культовой пещере. У некоторых тюркских народов культ умершего сохранился и до наших дней,

но этот вопрос не отражен в научных исследованиях. Враждебное отношение буддизма к культу умершего как у тюрков, так и у китайцев не оказало на него никакого влияния.

Исследуя сооружения балбалов, этот автор отмечает их тюркское происхождение, однако и здесь возможность влияния китайских обычаев еще полностью не выяснена. Так, исследователь сообщает, что у могилы второго императора династии Тан были сооружены 14 статуй тюркских принцев, побежденных императором. В большинстве случаев ряды балбалов строились не по прямой линии, а отклонялись в сторону. По его мнению, это отклонение должно было защищать могильные сооружения от злых духов, которые могли двигаться только прямо.

Тесные связи между китайцами и тюрками подтверждаются памятниками скульптуры местности Дариганга на китайско-монгольской границе. Трыарский дает описание 17 статуй. Он связывал эти памятники с тюрками, хотя не знал, кочевали ли они когда-нибудь в окрестности Дариганги. Казакевич разделил статуи на две группы и высказал предположение, что одна из них выполнена китайскими мастерами. Трыарский подтверждает это предположение, анализируя характерные детали скульптур и выделяя элементы китайской культуры: изображение драконов на шелковой ткани, которую носили только члены императорской семьи, китайский тип обуви, венок из роз, в котором имеются 20 шариков, стулья-троны, на которых сидят каменные фигуры. Аналогичные скульптуры, найденные в Центральной Монголии, не обладают подобными деталями, что подтверждает принадлежность скульптур Дариганги к китайской культуре.

Известный польский тюрколог В. Котвич описывал статуи подобного типа и считал их китайского происхождения. Очевидно, мотивы китайского искусства тюрки использовали преимущественно в статуях. Обычай делать жертвоприношения существовал как у древних тюрков, так и у китай-

цев. В Китае этот обычай был связан с верой в бессмертие души. В погребениях периода неолита были найдены оружие, одежда, предметы домашнего обихода, продукты питания и др.

У тюрков этот обычай принял разнообразные формы. Некоторые тюркские племена приносили в дар своим умершим статуэтки и миниатюрные модели определенных предметов. Эти вещи наделялись магической силой и должны были помочь умершим в потустороннем мире. Автор подчеркивает, что аналогичные предметы встречались и в Китайских погребениях. Тюрки сооружали выдающимся людям после их смерти памятники; в постройке таких сооружений участвовали и китайские специалисты. В Китае сооружение обелисков было старым и широко распространенным обычаем.

Большинство исследователей придерживаются мнения, что обычай ставить памятные камни на каменных черепахах относится к китайской культуре. Черепаха у китайцев была символом долголетия и мудрости. Государственные чиновники перед важнейшими мероприятиями просили совета у черепахи.

Ритуальные обычаи, согласно сообщениям источников, имели место у гуннов и ранних тюрков. Так, объезд верхом на лошади вокруг юрты умершего и его могилы относится к кочевой тюркской культуре. Однако обычай стричь или распускать волосы умершего, обмывание, выбор места погребения с помощью шаманов, лам, пышные похоронные угощения находят аналогию в китайских ритуалах. Похоронные церемонии у тюркских аристократов и каганов начинались не сразу, а спустя несколько месяцев после смерти. Этот момент ученые пытаются объяснить религиозными и практическими обстоятельствами: необходимо было время для прибытия отдаленных родственников и гостей, а также для сооружения памятников. Этот же обычай наблюдался и у китайцев.

Существует предположение, что в начале VII в. тюрки отказались от обычая сжигать трупы или оставлять их в открытой степи и перешли под влиянием китайцев к новому обычаю погребать трупы или кости. С другой стороны, известно, что сжигание трупов распространилось в Китае только в X в. Древние тюрки сравнивали душу человека с птицей — орлом или соколом. На многих могильных памятниках встречаются изображения птиц. То же самое имело место в Китае. В заключение Трыярский отмечает, что многие вопросы еще нуждаются в уточнении и корректуре. Сооружения в Дариганге, Бугуте или Севрее требуют скрупулезнейших археологических исследований.

Немецкий (ГДР) востоковед Б. Брентьес считает, что для раскрытия феномена номадизма с точки зрения культурологии необходимо анализировать древнее искусство кочевых народов Центральной Азии. Для выявления культурологических закономерностей развития номадов Брентьес исследовал изобразительное искусство народов степной зоны от Средней Азии до Кореи со II в. до н.э. по XV в. н.э. Оно прошло, как считает ученый, в своем развитии три периода. Для первого характерно наскальное искусство, существовавшее до конца II в. до н.э. Во втором периоде (до IV в. н.э.) был распространен сакско-сибирский «звериный» стиль. Однако определение третьего периода, обращает внимание Брентьес, является сложной проблемой. Искусство этого периода принято считать китайским провинциальным искусством или искусством «варваров» китайского содержания. «Северные народы», или варвары, владели в этот период большей частью Китая и их искусство тесно соприкасалось с китайским. Согласно синоцентристской традиции, эти кочевые народы не имели искусства и не могли влиять на развитие китайской культуры. Рассматривая китайское искусство раз-

личных периодов, Брентьес пришел к выводу, что для него чуждо изображение животного, конкретного ландшафта и человека, столь характерное для кочевых народов, вторгавшихся в Китай с севера на протяжении всей его средневековой истории.

Кочевые народы степной зоны Центральной Азии в VII—VI вв. до н.э. частично перешли к земледелию. Особенностью искусства этого периода является изображение человеческих лиц с живой мимикой. Лучше всего известно искусство кочевых народов раннего скифо-сарматского периода. В этот период определяющим видом искусства были работы по благородным металлам, на которых изображались преимущественно животные и люди. Затем следует тюрко-монгольский период (IV—XV), для которого характерно наличие рукописей и рисунков в захоронениях. У находок от Туркестана до Кореи, считает Брентьес, имеется много сходных с китайским искусством элементов. Для восточно-туркестанского искусства характерны три черты: 1) преобладание изображения человека, часто обнаженного; 2) изображение человека в динамике (мимике); 3) трактовка природы как дополнительной художественной детали, а не в качестве основного элемента изображения реальности. Именно последний признак позволяет отличить искусство кочевых народов Центральной Азии от китайского. Рассматривая изобразительное искусство Кореи и Японии, автор также находит в них элементы искусства кочевников. Это подтверждает анализ миниатюр из Центральной Азии: 1) миниатюры, связанные с именем Мехмед Сиях Каоама; 2) группа миниатюр с изображениями кочевников; 3) миниатюры с китайскими знаками, выполненные бамбуковым пером. Во всех этих миниатюрах преобладают характерные особенности кочевого искусства. Таким образом, считает Брентьес, можно выделить характерные черты искусства кочевых народов на обширном пространстве от Туркестана до Кореи. Оно базируется на сибирско-скифском

«зверином» стиле. В нем изображение природы является только дополнительным элементом, а преобладают изображения человека и животных, причем в динамике. Искусство номадов оказало существенное влияние на китайское искусство, сравнительный анализ которых и позволил выделить данные типологические черты (**Brentjes, 1974**).

Из последних исследований западных ученых следует выделить концепцию американского ученого Т. Барфилда, изложенную им в книге «Беспокойные границы: кочевые империи и Китай», в которой автор подробно рассмотрел основные компоненты хуннской внешнеполитической доктрины по отношению к Китаю, но и зафиксировал те или иные элементы в других степных империях Евразии. Данная стратегия, считает Барфилд, включала в себя три главных компонента: 1) умышленный отказ от завоевания разграбленных китайских земледельческих территорий даже после больших побед; 2) грабительские набеги, производимые с целью запугивания китайского правительства; 3) чередование войны и мира для того, чтобы увеличивать размер подарков и торговых привилегий от Китая. Пограничная стратегия хунну, к которой восходит вся дальнейшая военная политика кочевников Евразии, была основана на преимуществах подвижного образа жизни, способности наносить неожиданные удары по китайской территории и столь же стремительно отступать в глубь степи. Т. Барфилд вводит в своей работе термин «дистанционная эксплуатация» в отношении характера военных и экономических отношений между кочевниками и земледельцами. Совершая быстрые кавалерийские набеги, номады концентрировали на одном направлении большое количество всадников. Это давало им определенные преимущества в сравнении с менее маневренными китайскими пешими войсками. Когда подходили основные силы ханьцев, кочевники уже были далеко. Не имея городов и мощных фортификационных укреплений, хунну были недосыгаемы

для китайцев у себя дома. Вместе со всем имуществом и стадами они легко ускользали от преследователей (**Barfield, 1992, p. 47**).

В результате этот автор, с которым согласен российский ученый Н. Крадин, приходит к выводу, что в своей истории кочевники последовательно применяли против земледельческих цивилизаций пять пограничных стратегий: 1) стратегия постоянных набегов и грабежей; 2) мирные обменные связи с земледельцами и участие номадов в посреднической торговле между оседло-городскими цивилизациями; 3) подчинение земледельческого общества и взимание с него дани; 4) завоевание оседло-городского государства и переселение номадов на его территорию; 5) политика чередования набегов и вымогания дани и подарков. Автор исходит из того, что ксенократическая природа степной империи предполагала милитаризованный характер жизни кочевников и в известной степени пограничной политики номадов. Особое внимание обращается на стратегию вымогательства, которую автор не идентифицирует с институтом дани. По сути, «дистанционная эксплуатация» и «данничество» — это разные явления. «Данничество» предполагает политическую зависимость данников от взимателей дани, в то время как Китай ни разу не был завоеван хунну и политически от них не зависел. В то же время «дистанционную эксплуатацию» нельзя отождествлять с контрибуцией, которая имеет разовый характер в отличие от циклически повторяющейся пограничной политики кочевников.

Придя в Европу, гунны/хунну воспроизвели старый механизм внешнеполитического и экономического давления. Сначала шел набег, после которого поступало предложение о заключении мирного договора, который предполагал богатые подарки. Византия платила Атилле до 700 фунтов золота в год. Это, вероятно, было выгоднее, чем содержать большие гарнизоны на границах. Гунны Прикаспия практиковали ту

же модель взаимоотношений со своими соседями — набеги, вымогание субсидий, раздача добычи воинам. В дальнейшем эта традиция получила продолжение в политике эксплуатации аграрных обществ последующими кочевыми образованиями. Тюрки практиковали ту же модель «дистанционной эксплуатации», чередуя набеги с мирными посольствами. В несколько измененном виде практика эксплуатации земледельцев существовала у уйгур и монголов. Они заставляли китайцев нести обременительные расходы по содержанию многочисленных посольств, в ходе которых кочевники вели себя не как гости, а как завоеватели. Военная помощь со стороны кочевников центральному китайскому правительству в борьбе против сепаратистов также принимала форму грабежа мирного населения и захвата пленников. Уйгуры превращали торговый обмен в замаскированную эксплуатацию, поставляя китайцам старых и слабых лошадей. Фактически это была плата за мир на границе.

Далее в исторической ретроспективе данная схема воспроизводится у некоторых авторов в отношении древнерусских княжеств и половцев, Византии и печенегов, Московской Руси и Золотой Орды, Литвы и Крымского ханства. В то же время стереотипы европейской цивилизации в отношении кочевников как вандалов, варваров и разрушителей являются серьезным заблуждением. Дикарям было бы не под силу создать мощную политическую организацию, способную противостоять густонаселенным земледельческим цивилизациям. Кочевники смогли разработать хитроумную политику, позволявшую выживать в суровых природно-климатических условиях и пополнять экономику своего общества дополнительными источниками существования. Т. Барфилд пишет: «Далеко не такие простые варвары, какими их часто изображают, сюнну открыли классическую модель великих кочевых империй, которые следовали за ними. Поняв сюнну, можно намного яснее представить себе

большую часть более поздней истории Степи» (**Barfield, 1992, p. 59**).

Огромный вклад в изучение номадизма внесла работа профессора Висконсинского университета Анатолия Хазанова «Кочевники и внешний мир»³⁸. Данная работа представляет собой, без всякого сомнения, выдающееся и во многом уникальное исследование по номадизму. Хазанов стал первым в науке, кто попытался охватить весь комплекс проблем исторического, социоантропологического, социологического, этнографического, экономического, географического, экологического и частично лингвистического характера.

Хазанов, берясь за универсальное исследование кочевничества, поставил перед собой цель доказать, что специализация означает более сильную зависимость. Этот тезис он расшифровывает следующим образом: чем более специализированы подвижные скотоводы, тем более они зависимы от внешнего мира. Центральной посылкой, от которой отталкивается Хазанов, является тезис, что номадизм представляет собой особый вид производящей экономики. Это позволяет ему отделить бродячих охотников и собирателей от подвижных скотоводов; именно последних он считает настоящими номадами. Главным достоинством первой части книги является предложенная Хазановым классификация форм скотоводства, которую автор дает на основе географических и экологических условий. Это означает, что каждому региону была свойственна своя форма скотоводства. Применительно к Казахстану это означает, что казахстанские степи представляли собой один из немногочисленных регионов на планете, где наблюдалось кочевое скотоводство в его чистом виде. По геогра-

---

³⁸ Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. 3-е изд. — Алматы: Дайк-Пресс, 2000. — 604 с. Эта книга, подготовленная к печати в 1979 г. в Москве, впервые увидела свет на английском языке в 1984 г. в США, была переиздана в 1994 г. и впервые вышла на языке оригинала только благодаря третьему — казахстанскому изданию 2000 г. Причем для этого пришлось ее в основном вновь переводить, но уже с английского на русский язык.

фической классификации казахстанские степи относятся им к евразийскому степному типу.

Автор подробно и внимательно останавливается на проблеме нестабильности и неавтаркичности кочевого хозяйства, что неизбежно в ходе исторического процесса ставило кочевников перед дилеммой: или оседать, или приобретать у оседлых обществ необходимые для жизни продукты различными способами (торговлей или силой). Главный вывод в этой части исследования, который делает Хазанов, состоит в том, что адаптация кочевого скотоводства к природно-географическому окружению является неполной; номады вынуждены также адаптироваться и к внешнему миру. Именно этот тезис определил название и главное направление книги Хазанова.

Автор затрагивает в своей книге и главный вопрос, над которым билось и бьется не одно поколение историков и этнографов — происхождение номадизма. Хазанов исходит из того, что противоречивый характер номадизма проявляется во всех его аспектах, в том числе и в генезисе. Ученый выделяет три неперемennых условия перехода к номадизму: хозяйственно-технологические предпосылки (одомашнивание определенных видов животных, изобретение колеса, создание особых видов жилища и т.д.); конкретный побудительный стимул, или триггер; благоприятный социально-политический фон. В качестве запускающего механизма (триггера) в большинстве случаев могли выступать климатические сдвиги. Кратко говоря, Хазанов, в отличие от многих своих предшественников, ставит на первый план природные, а не социокультурные факторы. В то же время Хазанов оставляет возможность для другого способа распространения номадизма — хозяйственной экспансии.

Хазанов выступает против всех устоявшихся концепций и трактовок кочевничества: экологической, марксистской, экономической и антропологической, т.е. номадизм, по Ха-

занову, не является ни особой социально-экономической формацией, ни особым способом производства и не сводится только к адаптации кочевого скотоводства к природному окружению. В качестве ключа к раскрытию этого исторического феномена автор предлагает выбрать специфику взаимоотношений (т.е. адаптации) кочевников с внешним миром. Именно этот тезис Хазанов кладет в основу своего исследования.

Исследователь выделяет два основных типа адаптации кочевников к внешнему миру — экономический и социально-политический. При этом он отказывается от номадизма в том, что до него почти все исследователи считали аксиомой — в относительной автаркичности кочевого хозяйства. Внешний мир выступает по отношению кномадам не пассивным фоном, а активной силой взаимодействия, вызывая рост социальной дифференциации и имущественного неравенства среди номадов. Основные формы взаимодействия номадов и оседлых обществ общеизвестны: это седентаризация (оседание), торговля и торговое посредничество, политическая зависимость (вхождение оседлых обществ в состав кочевых государств и наоборот).

Хазанов выделяет три основных пути эволюции симбиоза кочевых государств и оседлых обществ. В первом случае оседлые территории отпадают, или же гибнет городская культура; происходит вторичная примитивизация социально-политических отношений. Второй путь предполагает усиление и конечное возобладание седентаризационного процесса, в результате чего кочевое общество перестает быть самим собой, т.е. исчезает. Третий вариант характеризуется сочетанием единой социально-экономической и политической систем кочевого и оседлого обществ, в основе которого лежит разделение труда. Социальная стратификация такого симбиотического общества совпадает с экономической специализацией и этническими различиями (на-

пример, самый распространенный вариант в Центральной Евразии — правление кочевой аристократии монгольского или тюркского происхождения).

Этот вариант является переходной стадией к одному из предыдущих и ведет к вынужденному решению дилеммы — оседать или оставаться кочевниками. Обычно, отмечает автор, эта дилемма возникала перед правящим классом, представленным кочевой аристократией или кочевой династией: сосредоточить свое внимание на правлении государством в целом и его оседлого субобщества или же сохранить свое прежнее положение в кочевом субобществе, а значит — идти против интересов государства.

«Неисторичность» кочевников, по его мнению, проявляется в том, что они не создали ни одной из мировых религий (а как же ислам? — *М.Л.*), хотя активно участвовали в их распространении. Сомнительным, по мнению Хазанова, остается убежденность в том, что именно кочевники внесли выдающийся вклад в развитие конницы и ее военных артефактов. Те же допуски он делает и в отношении культурных заимствований оседлых обществ у кочевого, которые с таким же успехом могли быть заимствованы до этого кочевниками. Даже в отношении знаменитого звериного стиля и рунического алфавита древних тюрков Хазанов считает, что они возникли в результате адаптации кочевниками достижений оседлого мира.

Признавая грандиозную роль кочевников в политической истории Евразии и Африки, автор и здесь отмечает, что завоевания номадов были возможны только благодаря ослаблению и дезинтеграции оседлых государств. Справедливости ради Хазанов обращает внимание на тот факт, что тезис об опустошительности вторжений кочевников нуждается в тщательной проверке в каждом отдельном случае. «Слишком часто для объяснения экономического упадка в оседлых странах кочевникам отводится роль козлов отпущения» — с этим

выводом автора нельзя не согласиться. Особенно это было характерно для российской (потом — советской), венгерской, польской, румынской историографии и других исторических школ Восточной Европы. Следствием этого стал миф о «татаро-монгольском иге» и исторической роли этого региона, якобы выступавшего плотиной против варваров и спасшего западную цивилизацию.

Обращаясь к роли степной традиции в истории Руси, Хазанов отнюдь не считает, что русская автократическая модель была заимствована у Орды (главный тезис евразийцев). Главными здесь были, по мнению Хазанова, византийские традиции и влияние собственных внутрироссийских факторов, пока еще недостаточно изученных. И, вообще, считает Хазанов, после распада СССР история кочевников вновь стала заложником необъективного и идеологизированного подхода с большим налетом национализма. Это характерно как для России, Монголии и Китая, так и для молодых независимых государств Центральной Азии.

В своей конечной оценке исторической роли кочевников Хазанов опирается на собственные выводы в отношении всего исторического процесса на планете. При этом он отрицает и эволюционизм, и марксизм. Все важнейшие прорывы в истории человечества, резюмирует Хазанов, были результатом уникальной комбинации различных факторов и происходили считанное количество раз или только однажды. Это касается и возникновения кочевого скотоводства.

Хазанов в то же время критикует, хотя и вскользь, сторонников концепции стагнации и заблокированного развития, которые ищут зачастую причину этого во вторжениях кочевников. Причем критикует их он не из-за предвзятого отношения к исторической роли номадов, а из-за того, что западно-европейская модель воспринимается естественной для всех других регионов и обществ.

Здесь Хазанов остается верен своей «концепции уникальности» исторического развития. Исходя из нее, он завершает свое исследование следующими словами: «...кочевники нигде не были единственным или даже самым важным из множества тех факторов, которые определяли долговременные тенденции регионального развития», т.е. Хазанов просто отказывает кочевникам в каком-либо существенном вкладе в историю человечества, попросту выталкивая их из нее³⁹.

К. Кун в своей книге «История Среднего Востока» предложил для крупных подразделений кочевников (племен и конфедераций) т.н. скелетную модель государственной организации, которая используется в случае необходимости. С ним, однако, не согласен А. Хазанов (с. 256), который считает, что высшие звенья социополитической организации кочевников не являются постоянными тенденциями. К политической интеграции кочевников относятся потребности рационального использования и распределения ключевых ресурсов, установления и регулирования маршрутов перекочевков, стабилизации внутреннего порядка, а также производственная необходимость, вопросы обороны, борьба за скот и пастбища, миграции и войны, особенности взаимодействия с внешним миром и т.д. Таким образом, кочевое племя одновременно или с акцентом в соответствующем направлении может выступать как этнолингвистическая, территориальная и политическая единица. Хазанов считает, что племя у кочевников — это, прежде всего, политическая организация, а потом уже все остальное.

В качестве причин возникновения социального неравенства у кочевников Хазанов называет три: внутренние организационные и административные потребности, взаимоотно-

---

³⁹ Номадизм и кочевники всегда были предметом исследования со стороны трех дисциплин: истории, этнографии и лингвистики. А. Хазанов не является представителем в чистом виде ни одной из указанных наук. Его этнографический опыт, по-видимому, ограничивается некоторыми районами бывшего СССР, где в рудиментарном виде сохранилось кочевое хозяйство, и Монголией.

шения с другими кочевыми обществами, взаимоотношения с оседлыми обществами. В этих условиях руководящий слой превращается в аристократический наследственный стратум. Но он считает, что этот процесс может быть обратимым и не слишком интенсивным. В некоторых случаях он вызывает к жизни стратифицированное общество, но никогда — государство (с. 275).

Фундаментальная книга А. Хазанова является примером того, как обогащается наука при использовании новых методик и концепций. Книга Хазанова дает всем интересующимся отечественной историей широкое, а специалистам и детальное представление не только о феномене номадизма, но и о его центральноевразийской модели, т.е. непосредственно, хотя и фрагментарно, касается истории казахов и Казахстана.

В МНР уделялось большое внимание, по вполне понятным причинам, проблеме номадизма и вопросу о т.н. кочевом феодализме. Монгольские ученые полностью и догматически адаптировали советскую (сталинистскую) концепцию кочевого феодализма с его классовый борьбой и феодальной эксплуатацией. Крупнейшим специалистом в этой области в народной Монголии был Ш. Нацагдоржа, который изложил свою выдержанную в строгом соответствии с партийными канонами точку зрения на международном конгрессе историков в 1975 г. в США. Следует сказать, что его ортодоксальный доклад вызвал критику со стороны коллег из других социалистических государств, в частности со стороны ученого из ГДР Э. Вернера.

Монгольские историки, этнические казахи, занимавшиеся историей и происхождением казахов (в основном на примере Баян-Улугэйского аймака МНР), опубликовали в 1968 г. книгу по этому сюжету. Историей, генеалогией и этнографией монгольских казахов занимался И. Кабышулы, опубликовавший в 1978 г. работу «Керейлер керуени».

Среди монгольских историков следует назвать Н. Сэр-Оджава, специалиста по раннетюркской истории, который одним из первых сделал попытку сравнительного анализа монгольского и казахского обществ.

Центральноазиатские кочевники сыграли решающую роль в распространении номадизма на Среднем Востоке (в Малой Азии, Иране и Афганистане). Французский исследователь де Планоль называет этот процесс «средневековой бедуинизацией» Анатолии и Персии. С ним согласен Хазанов, предложивший термин «средневековая номадизация» (с. 198) для этих регионов. В целом кочевники евразийских степей оказали большее влияние на номадизм Ирана и Афганистана, чем бедуины Аравии, которые завоевали эти регионы в период экспансии ислама.

Тюрки Центральной Евразии оказали влияние также на процесс вытеснения и формирования номадизма у полукочевых народов Северной Евразии (**Хазанов, с. 209**). Тибетский номадизм также сложился под влиянием местной скотоводческой экономики и степной евразийской модели, в чем согласны и Хазанов (с. 212), и Латтимор (1967, 211—121). Этот процесс нашел отражение в формировании кочевого хозяйства киргизов в VIII — начале IX в. в районах, прилегающих к Тибету, Кашмиру и Хотану.

Латтимор (1967, pp. 227—364) выдвинул концепцию, согласно которой предки кочевых скотоводов Внутренней Азии сначала имели смешанную экономику на границах с Китаем, но были оттеснены в степь и переходили к номадизму по мере того, как китайцы расширяли свою земледельческую территорию. По-видимому, нападения кочевников на китайские княжества стимулировали процесс преодоления политической раздробленности Китая в V—III вв. до н.э. Строительство Великой стены в IV—III вв. до н.э. следует считать подтверждением того, что уже в это время Китай имел дело со сплоченными и мощными конфедерациями кочевых племен.

Роберт Шимон — венгерский востоковед, который занимался проблемами кочевничества, остановился на проблеме симбиоза кочевого и оседлого населения. По его мнению, специфические природные условия Среднего Востока привели к «уникальному симбиозу» кочевого и оседлого населения этого региона. Для анализа этого явления автор взял в качестве исходного пункта разграничение трех исторически связанных форм кочевничества: пастушества (овцы и козы), кочевого верблюдоводства и кочевого скотоводства (лошади, крупный рогатый скот). Историко-географические и археологические исследования убедительно показали, что земледелие как продукт цивилизации эпохи неолита и бронзы получило значительное развитие на Среднем Востоке. Этот процесс включал одомашнивание диких овец, коз и кабанов. По мнению Шимона, результаты исследований по Среднему Востоку опровергают гипотезу, согласно которой кочевое скотоводство (пастушество) — более древняя и, следовательно, более примитивная форма хозяйства, чем земледелие; напротив, последнее было предпосылкой развития первого. В эпоху бронзы на основе орошаемого земледелия возникла средневосточная цивилизация с разделением труда и взаимосвязанным развитием земледелия и пастушества. До одомашнивания одnogорбого верблюда (середина или конец II тысячелетия до н.э.) пастушеское хозяйство основывалось на разведении овец и коз, сочетаясь, как правило, с земледелием. Даже при специализации отдельных племен в одной из форм хозяйства столкновения между ними носили неантагонистический характер; в мирное время отношения между кочевниками-пастухами и земледельцами базировались на взаимной помощи и сотрудничестве. Известный исследователь по кочевничеству М.Б. Роутон характеризовал эту форму симбиоза кочевых племен и оседлого населения как «внутреннее кочевничество» (*enclosed-nomadism*). По его определению, этот вид пастушества — экологически обусловлен-

ный подтип номадизма, распространенный преимущественно в Западной Азии. Он существенно отличается от кочевого скотоводства Центральной Азии (лошади, крупный рогатый скот.), Аравии и Северной Африки (верблюды), охарактеризованного Латтимором как «внешнее кочевничество»⁴⁰.

Симбиоз пастухов и земледельцев Среднего Востока тянется с начала II тысячелетия до н.э. до начала XX в., что дает уникальную возможность проследить данное явление в одной местности на протяжении четырех тысячи лет. Материалы археологических раскопок на территории современного Ирака и Сирии дают ценные сведения о древних скотоводах-кочевниках. Экологические условия Верхней Месопотамии и Северной Сирии способствовали возникновению особой, узаконенной и регулируемой государством формы сотрудничества (симбиоза) пастухов и оседлого населения. Это было крайне важно, так как пути сезонных миграций овцеводов и козеводов из степных районов в горные и обратно пролегли через земледельческие районы.

Связующим звеном между кочевыми племенами и оседлым населением служили древние города. Кочевая знать селилась в них и представляла интересы своего племени или конфедерации племен. Так возник «диморфный» (по определению Роутона) институт вождей племен, служивший и государству, и племенам. В периоды расцвета государства он представлял его (вожди кочевых племен нередко становились основателями местных династий), а в периоды упадка — наоборот, племя.

Вехой в истории кочевничества было одомашнивание одногорбого верблюда; благодаря ему появилась та форма номадизма, которую практикуют бедуины. На этой стадии развития кочевничества экономическое и социальное сотрудничество, на котором основывался симбиоз древних

---

⁴⁰ Shimon R. Symbiosis of Nomads and Sedentaries. On the Character of the Middle Eastern Civilization. — Acta Orient. Hung. — Budapest, 1981. Т. 35. Fasc. 2-3. Pp. 229—242.

номадов и земледельцев, сменилось хозяйственной обособленностью, зависимостью кочевников от оседлого населения и военными столкновениями между ними. Взаимоотношения двух групп населения зависели от соотношения сил в данный исторический момент. Они носили характер преимущественно мирных торгово-экономических связей, когда земледельческие общества доминировали в военно-политическом отношении, и экономического принуждения со стороны кочевников, когда те добивались военно-политического господства над оседлым населением.

Третья форма номадизма — кочевое скотоводство Центральной и Средней Азии. Оно также существенно отличается от пастушества Среднего Востока. Сезонный ритм меридионального кочевания в Центральной Азии либо полностью исключал занятие земледелием и возникновение городов, либо обуславливал их второстепенный характер, тогда как сезонный ритм миграций бедуинов на Аравийском полуострове не совпадал и, следовательно, не приходил в столкновение с хозяйственным ритмом оседлого населения и поэтому оно по своему экономическому и политическому значению не уступало кочевникам. Отсюда автор делает вывод, что завоевания типа монгольских, «чисто кочевнических» по своей природе, были исключительно центральноазиатским явлением, невообразимым на Среднем Востоке, тогда как ислам — явление средневосточное.

Определенное внимание автор уделяет взаимосвязи кочевничества и ислама, возникшего на основе традиционного племенного общества. Анализируя происхождение ислама, следует учитывать два основных элемента — города и окружающие их кочевые племена. Земледельцы стали играть существенную, но подчиненную роль после арабских завоеваний. Отсюда можно заключить, что ислам был не религией, мировоззрением, образом жизни или социально-интегрирующим принципом крестьянства, а скорее продуктом

специфического развития городов как центров торговли и политической власти, поддерживавших связи с кочевниками. Таким образом, сущность традиционного мусульманского общества можно свести к доминирующему городскому (торговому, военному и политическому) элементу, составляющему конфликтующее, но единое целое с кочевым элементом; земледельцы стоят обособленно в качестве неорганической экономической основы общества.

В другой своей работе «Кочевники в истории и исторических исследованиях» Ильдиго Эцеди вновь обращается к проблемам кочевничества. По ее мнению, кочевое скотоводство достигло полного развития еще во II тысячелетии до н.э., когда для его широкого распространения не существовало непреодолимых преград в виде государственных границ или укрепленных линий. Однако сведения об образе жизни скотоводов-кочевников накапливались и детализировались преимущественно в последние десятилетия. К этому времени географическая и историческая сфера их деятельности значительно сузилась и имеющиеся данные уже не могут адекватно отразить историческую роль и природу кочевничества ввиду существенно изменившихся условий жизни кочевников. Фрагментарность и скудость сообщений о ранних скотоводах-кочевниках усложняют реконструкцию их исторического прошлого. Для его изучения необходимы совместные усилия историков, этнографов, филологов и археологов; другими словами, к проблеме кочевничества нужен комплексный подход⁴¹.

Судьба кочевников всегда определялась их способностью выходить за пределы своей исторической области. В географическом плане это выражалось в территориальной экспансии, освоении новых земель, в экономическом — в усвоении новых методов хозяйствования (не угрожавших, однако, их

---

⁴¹ Ecsedy I. Nomads in History and Historical Research — Acta Orient. Hung. — Budapest, 1981, Т. 35. Fasc. 2-3. Pp. 201—227.

первоначальному образу жизни), в политическом — в установлении своего господства над другими обществами, порой с иным типом хозяйства, вплоть до создания кочевых империй по соседству с древними земледельческими цивилизациями. При оценке природы и значения деятельности скотоводов-кочевников, игравших определенную роль в истории своего региона, задача исследователя усложнялась их активным участием в исторических событиях за пределами этого региона, которое не всегда отражалось в исторических хрониках того времени. Кочевники Центральной Азии играли важную историческую роль также в земледельческих районах, вступая в контакт с чуждыми им цивилизациями, например китайской, и устанавливая с ними торговые и культурные связи, что делает необходимым тщательное изучение этих цивилизаций в экономическом и социальном плане — для реконструкции прошлого кочевых обществ.

Появление кочевников на исторической арене первыми отметили соседние земледельческие народы, для которых они были чуждой и враждебной силой. Это, естественно, отразилось в исторических хрониках, изобиловавших применительно к скотоводам-кочевникам такими эпитетами, как «воинственные», «агрессивные», «разбойничьи» и т.п. Автор объясняет это тем, что земледельцы сталкивались только с нацеленными на экспансию сильными племенами или конфедерациями племен и не имели сведений о более отдаленных мирных, т.е. слабых или еще недостаточно сильных кочевых обществах. Исследователь особо подчеркивает специфику сведений о кочевниках в китайских исторических хрониках.

Наиболее полное развитие кочевничество получило на необозримых просторах евро-азиатских степей, где географические и экологические условия благоприятствовали его расцвету. Разнообразие природных условий определило разнообразие форм кочевничества, что требует дифференцированного подхода к их изучению. Ввиду прямой зависимости

от природных факторов скотоводы-кочевники в значительной мере были подвержены влиянию соседних земледельческих народов; их роль в исторических событиях и будущее были тесно связаны с уровнем их экономического и социального развития. Это подчеркивает необходимость учитывать при интерпретации древних или современных источников по кочевникам хронологические и географические рамки и действительное место кочевых народов на данном историческом этапе или в данном регионе. По мнению этого автора, сведения о периферийных кочевых обществах, например скотоводах-кочевниках Африки, не могут служить основой для обобщающих выводов.

Представители могущественных кочевых династий, потомки кочевников-завоевателей, связанные с развитыми и богатыми земледельческими цивилизациями, не всегда склонны признавать свое родство с соседними или подчиненными мирными и бедными кочевыми племенами. В этом Эцеди видит одну из возможных причин того, что исторические хроники содержат порой мало сведений о происхождении и этнической принадлежности основателей кочевых династий. Поэтому от исследователей требуется глубокое знание исторических источников для установления социально-этнических связей господствующих кочевых племен с их слабыми предшественниками.

В общих чертах рассматривается роль кочевого скотоводства как экономической основы кочевого образа жизни и кочевников-наездников как организующего и стимулирующего экономического, социального и политического фактора в своем регионе (развитие земледелия, ремесел и торговли, социальной организации кочевников по генеалогическому принципу, экзогамный брак в межродовых, межплеменных и межгосударственных отношениях). Эцеди отмечает трудности, возникающие перед исследователями при определении точной величины и численности того или иного племени, за-

нимаемой им территории ввиду открытого характера кочевого общества. Значительное внимание венгерский ученый уделяет племенной организации кочевников-наездников, патриархально-родовой природе демократических форм их социальной организации, в частности военной демократии, социальной специфики кочевых империй.

Эцеди указывает на различие между кочевыми обществами в период их расцвета и упадка, а также в зависимости от региона (Евразия, Средиземноморье, Африка), что требует дифференцированного подхода к их изучению. При этом, подчеркивает исследовательница, необходима осторожность при сопоставлении исторических данных и результатов современных исследований по кочевникам, особенно это касается роли скотоводов-кочевников в истории. Ею подчеркнута значимость письменных и устных источников, поставлены проблемы их интерпретации.

Из последних работ, посвященных кочевничеству, следует назвать книгу российского ученого Н.Н. Крадина «Кочевники Евразии»⁴². Монография включает в себя цикл наиболее известных публикаций и докладов на международных конференциях за 2000—2006 гг.

В работе поднимаются теоретические вопросы кочевниковедения (кочевники в свете современных исторических концепций, общественный строй номадов и его динамика, уровень сложности политической организации номадов и др.), уделяется внимание отдельным историографическим сюжетам, на примере ряда крупных номадных политий рассматриваются особенности кочевых империй, подробно показана методика палеосоциологических исследований археологических памятников хунну в Забайкалье, согласно антропологическим теориям анализируется функционирование власти при Чингис-хане и его потомках в Монгольской им-

---

⁴² Крадин Н.Н. Кочевники Евразии. — Алматы: Дайк-Пресс, 2007. — 416 с.

перии, даны результаты этнологического изучения скотоводства в агинских степях. Объектами конкретно-исторических исследований Крадина служат хунну, жуань-жуани, кидани, монголы и Монгольская империя, современные агинские буряты и многие другие кочевые общества. Таким образом, хронологические рамки монографии охватывают более двух тысячелетий⁴³.

Сравнивая власть у кочевников и оседлых народов, Крадин отметил, что ее экономическая основа у номадов, в отличие от земледельцев, крайне слабая. Если «в земледельческо-городском обществе» экономическая сила власти покоилась на «контроле и перераспределении прибавочного продукта», то «прибавочный продукт кочевничества (скот) нельзя эффективно концентрировать и накапливать», так как существовала угроза превышения ресурсных возможностей пастбищ, а значит, их истощения. В связи с этим в кочевых образованиях отсутствовало регулярное налогообложение, а роль кочевого правителя в экономике была невелика. Компенсировать недостаток ресурсов кочевые лидеры могли только за счет внешних источников, и поэтому в тех кочевых политиях, чьи лидеры получали более или менее регулярные доходы извне, возникала «стабильная структура власти» (с. 264—265). Все это определяло и основные функции правителей, прежде всего связанные с получением даней, подарков, военной добычи и ее распределением среди кочевников и элиты. Асимметрия властных полномочий между внешними и внутренними задачами вела к тому, что внутри кочевой империи большинство решений принималось не на уровне центрального «правительства», а племенными и клановыми вождями. Стоявший во главе империи каган (хан) вынужден был согласовывать свою политику с ними и завоевывать их лояльность с помощью раздач. Наряду с этим, правитель обладал

---

⁴³ См.: Васютин С.А. Кочевники Евразии // Восток-Oriens (ИВ РАН). — 2008. — N 6. — С. 171—177.

сакральностью, магическими свойствами и выполнял функцию посредника между номадами и божественным миром. Однако Крадин подчеркивает, что значение религиозно-идеологического фактора в степи нельзя переоценивать: «...правитель кочевой империи не мог быть только «Сыном Бога», издали взирающим на копошащихся у его ног подданных», он «должен был обладать реальными талантами военного предводителя или же организатора... чтобы повести за собой номадов к успеху на поле брани и обеспечить затем своих сторонников богатствами оседлых народов» (с. 269).

Более высокий уровень комплексных исследований Крадина прослеживается, прежде всего, в исторических разделах монографии. Их характеризует не только системный взгляд на объект исследования (как правило, они охватывают основные подсистемы — экономику, социум, власть, ментальность и т.д.), но и широкое использование достижений различных наук в духе междисциплинарного синтеза. Такой подход в рассматриваемой монографии нашел наиболее яркое отражение в изучении державы Хунну. Автор в первую очередь показывает специфику социально-политического развития номадов применительно к классической однолинейно неозволюционистской схеме (локальная группа — община — племя — вождество — раннее государство). По словам ученого, отнюдь не все из перечисленных форм были характерны для кочевников-скотоводов. Поэтому он предложил более адаптированную к кочевым реалиям типологию кочевых объединений: 1) акефальные сегментарные клановые и племенные политии; 2) «вторичное» племя и вождество; 3) кочевые империи и «квазиимперские» пасторальные политии меньших размеров. Отметим он и чередование процессов интеграции и дезинтеграции у номадов. Объясняется это не только низкой локальностью кочевых групп, детерминированной экологическими условиями аридных степей, но и крайней неустойчивостью крупных образований ко-

чевников, которые гораздо чаще шли не по пути усложнения управленческой системы, а по пути ее распада и смены новыми объединениями кочевников. Как полагает Крадин, у кочевников наблюдалось «немалое число промежуточных форм между вожжеством и государством». Одной из таких «промежуточных» форм он считает кочевые империи, оценка которых весьма дискуссионна в историографии. Именно на выяснение характера политической организации кочевых империй на примере державы Хунну и направлена соответствующая 7 глава его монографии.

Рассматривая предпосылки образования империи Хунну, исследователь отметил, что «ведущие внутренние предпосылки политогенеза (экология, система хозяйства, демографический оптимум)» у кочевников, в отличие от оседло-земледельческих обществ, «не способствовали складыванию государственности». Он указывает, что «централизованная организация власти у кочевников возникала исключительно для решения внешних задач» (с. 117). Поэтому концептуально логична его следующая установка — жесткая корреляция между объектом экспансии кочевников и величиной самого кочечевого общества. Именно центральноазиатские кочевники, соседствовавшие с китайской земледельческой цивилизацией, вынуждены были адаптироваться к ней в форме кочевых империй, под которыми Крадин понимает «сложное общество, организованное по военно-иерархическому признаку, занимающее относительно большое пространство и получающее необходимые скотоводческие ресурсы, как правило, посредством внешней эксплуатации...» (с. 118). Развивая данное определение, исследователь выделяет следующие признаки кочевых империй: 1) многоступенчатый иерархический характер социальной организации, пронизанный на всех уровнях племенными и надплеменными генеалогическими связями; 2) дуальный (крылья) или триадный (крылья и центр) принцип административного деления

империи; 3) военно-иерархический характер общественной организации «метрополии», чаще всего по «десятичному» принципу; 4) ямская служба; 5) специфическая система наследования власти (империя — достояние всего ханского рода, институт соправительства, курултай); 6) особый характер отношений с земледельческим миром (с. 118—119).

Крадин подразумевает наиболее сложную модель кочевой империи, поэтому не все указанные им признаки универсальны. Например, ямская служба неизвестна во многих кочевых империях (сяньби, жуань-жуани, тюрки и др.). Не имеет однозначной оценки такой признак, как «военно-иерархический характер общественной организации метрополии». Подразумевала ли «военно-иерархическая» организация жесткое социальное деление? Существовала ли такая «военно-иерархическая организация» в большинстве империй постоянно либо только в период военной напряженности? Ограничивалась ли ставкой в большинстве империй постоянная «военно-иерархическая организация» или охватывала все степные территории? Несомненно, более четко и точно должен быть прописан последний признак об особом характере отношений кочевников с земледельческим миром, тем более что сам Крадин считает главной целью централизации империй получение с земледельцев их ресурсов. Поэтому в контексте его представлений данный признак должен занимать центральное место в характеристике кочевых империй. Еще более неопределенно звучит такой признак, как «многоступенчатый иерархический характер социальной организации, пронизанный на всех уровнях племенными и надплеменными генеалогическими связями».

Возникают также вопросы: Насколько многоуровневой была такая иерархия? Являлись ли ступени иерархии условиями или определенными стратами? Означала ли эта иерархия зависимый или несвободный статус для наиболее непрестижных кланово-племенных групп? Имели ли пле-

мена нижней части иерархии доступ к военной добыче?.. и др. Часть обозначенных исследователем признаков отсутствовала в целом ряде крупных объединений кочевников или не имела постоянного характера. Далеки от характеристики ученым кочевой империи: Первый Тюркский каганат в период завоеваний (550—570), держава Хунну в период стагнации и раскола, Жуань-жуаньский каганат, Кимакский каганат. Отсутствует большинство названных признаков в таких централистских объединениях кочевников, как гуннская держава Аттилы и Аварский каганат. При этом дискуссионным является и их имперский статус.

На примере империи Хунну Крадин значительно детализирует картину генезиса, расцвета и политической трансформации кочевой империи. Главной причиной объединения хунну в «империю» на рубеже III—II вв. до н.э. он называет создание единого централизованного китайского государства — империи Цинь (затем Хань), ее агрессию в заселенный хуннами Ордос (с. 119—120) и указывает на субъективный фактор — основателю империи необходимо было обладать удачей, организаторским талантом, политическим чутьем, т.е. яркими индивидуальными способностями. Только такой лидер был способен сплотить кочевников для набегов на Китай с целью получения добычи и откупов и создавать имидж постоянной угрозы для земледельцев, чтобы кномадам поступали регулярные дары. По мнению исследователя, шаньюй (каган, хан) должен был быть выдающимся воином, обладать авторитетом в военизированной среде номадов. Не случайно Крадин считает «основой доминирования хунну в Центральной Азии» отлаженную военную систему. Уточняет он и еще одну характеристику: в периоды могущества Хуннская держава не только была типичной кочевой империей, но и использовала в качестве инструмента эксплуатации дань, которой облагались народы «Западного края» и Саяно-Алтая.

Взаимоотношения хунну и Китая рассматриваются Крадиным через призму мир-системного подхода, обусловившего довольно однозначную трактовку взаимодействия мир-империи (Китай) и пасторального общества (Хуннская империя). В их основе — различные способы получения пасторальной империей китайских ресурсов, которые играли ключевую роль в «цементировании» кочевой империи и поддержании авторитета степного правителя. «Престижная экономика» (раздача даров соратникам и вождям племен) обеспечивала как лояльность племенных вождей, так и поддержку рядового населения. В военной области были задействованы такие инструменты власти, которые в пределах этой узкой сферы управления давали возможность принятия и реализации единоличных решений (мобилизация воинов, беспрекословное подчинение нижестоящих, оправданное военными условиями право на жестокие наказания за любые проступки, показательные казни целых подразделений за дезертирство и нарушение военных норм и т.д.). Недостаточно, на мой взгляд, раскрыты другие функции шаньюя — культовые, судебные. Все это говорит о необходимости более сбалансированной оценки роли кочевых лидеров.

В целом Крадин характеризует Хуннскую державу как суперсложное вождество, но гораздо более близкое к раннему государству, чем к сложному вождеству, аргументируя свою точку зрения указанием на площадь и численность населения, большими чем соответствующие показатели простых и сложных вождеств. Он обратил внимание на зачатки урбанистического строительства и делопроизводства у хунну. По всей видимости, стоит признать двойственный (некоторые структуры суперсложного вождества могли развиваться до раннегосударственных форм) характер Хуннской империи. Но надо внести ряд важных корректив, которые создадут более объективную картину характеристики кочевых империй.

Во-первых, не стоит ограничивать роль управленческих институтов только организацией внешней экспансии и эксплуатации. Так, мы наблюдаем и внутреннюю интеграцию на религиозно-культурной, военной и обычно-правовой основе. Их значение в традиционных обществах всегда очень весомо. Суд и наказание за военные и «политические» преступления, например, становятся одной из привилегией шаньюя и «центрального аппарата». Особая тема — это восприятие кочевых лидеров, вокруг которых и происходит объединение кочевников.

Во-вторых, в Хуннской империи существовала сложная иерархия племен и кланов, многие из которых были обязаны элите данью и военной службой. Трудно себе представить, что многочисленные походы хунну на север, восток и запад против аборигенного населения Забайкалья, Южной Сибири, Восточного Туркестана, Джунгарии и Семиречья заканчивались мирным установлением покорности населения данных территорий хунну без каких-либо обязательств в отношении последних. Эти отношения господства и подчинения могли, кстати, быть совершенно не отражены в китайских источниках.

В-третьих, структуры империи цементировались жесткой военной системой, призванной также обеспечивать лояльность племен и линиджей верховному правительству. Достаточно вспомнить, что Второй Тюркский и Уйгурский каганаты большую часть своего существования вели борьбу не с Китаем (в этом направлении чаще поддерживались мирные и даже союзнические отношения), а с регулярно поднимавшими восстания подчиненными племенами (тюркешами, кыргызами, карлуками и т.д.), выступления которых пресекались только с помощью военных разгромов.

Все это показывает достаточно сложный и неоднозначный характер политических институтов в кочевых империях и не исключает того, что, наряду со структурами имперского вожества, получали развитие и некоторые элементы ранней государственности.

Следующий уровень комплексного анализа связан с применением разных методологических подходов, о чем уже шла речь выше. Продолжая эту тему, добавлю, что в последних публикациях (рецензируемая монография не исключение) Крадин обращается к таким направлениям, как мир-системный и кросскультурный подходы, многолинейные теории, повседневная история, сравнительный анализ цивилизаций и др. Интересным представляется опыт работы автора с кросскультурными технологиями (Гл. 4). Стратегическая задача данного исследования заключалась в сопоставлении разных кочевых обществ на основе формализованных кросскультурных критериев. Данные критерии сложности общественных систем были разработаны Дж. Мёрдок и К. Провостом⁴⁴. Эти авторы собрали информацию по 186 обществам из всех регионов мира и типологизировали их на основе целого ряда показателей культурной сложности — письменность, оседлость, земледелие, урбанизация и т.д. При этом каждая переменная оценена по пятибалльной шкале от 0 до 4. Составленная база данных позволила выявить существенный разрыв по данным критериям между различными обществами и цивилизациями. Опираясь на эти разработки, Крадин провел сравнение восьми кочевых империй (Хунну, Сяньби, Жужани, Тюрки, Уйгуры, Ляо, Монголы в 1206 г., Золотая Орда). Итоговые суммы баллов особенно выделяли Ляо (35 баллов), Золотую Орду (25) и Уйгурский каганат (20). Другие номадные империи «набрали» от 17 до 19 баллов (с. 72, табл. 2).

Данная программа не учитывала конкретно-исторических срезов, а «оценивала» кочевые общества за весь период их существования. В связи с этим многие из оценок носят достаточно условный характер. Например, показатели степени оседлости или уровня урбанизации могут быть существенно уточнены, если учесть, что в период возвышения держа-

---

⁴⁴ Murdock G. and Provost C. Measurement of Cultural Complexity // *Ethnology*. 1972. 12 (4). Pp. 379—392.

вы Хунну, Первого Тюркского каганата, Западно-Тюркского каганата и других объединений в их состав входили значительные территории с оседлым населением и городами. Более того, в Уйгурском каганате существовала сеть военных крепостей и торговых городов, поэтому оценивать уровень урбанизации уйгуров на «0» не совсем правильно. Тем не менее общая картина исторического развития, выраженная в баллах, представляется вполне адекватной историческим данным и показывает существенные различия между кочевыми объединениями.

Полученные результаты заставили Крадина вернуться к проблеме типологии кочевых обществ. По мнению ученого, можно говорить о нескольких уровнях культурной сложности: 1) сегментарные акефальные общества скотоводов (менее 10 баллов); 2) вторичные племенные образования (10—13 баллов); 3) вожества и кочевые империи (от 13 до 22 баллов); 4) кочевые империи «даннического» и «завоевательного» типов с разным сектором оседло-городской экономики (от 25 до 35 баллов). Эти выводы можно рассматривать как один из главных результатов кросскультурных сравнительных исследований.

И к числу новейших изданий по данной крупнейшей проблеме исторической науки следует отнести работу Ю. Дробышева «Человек и природа в кочевых обществах Центральной Азии (III в. до н.э. — XVI в. н.э.)», которая посвящена истории взаимодействия с окружающей средой кочевых народов Центральной Азии: хунну, сяньби, жуаньжуаней, древних тюрков, уйгуров, киргизов, киданей, монголов. Данное исследование нацелено на малоизученные в мировой науке вопросы адаптации материальной и духовной культуры кочевых народов к сложным природно-климатическим условиям. Автор рассматривает проблему с двух методологических платформ — гуманитарной и естественнонаучной, что позволило существенно расширить спектр исследуемых вопро-

сов и найти ряд новых решений. На большом фактическом материале Дробышевым показана специфика кочевого скотоводства как основы жизнеобеспечения кочевников, освещены охота, земледелие и градостроительство кочевников. В книге также обсуждается роль религиозного фактора в природопользовании и отношении людей к природе, много внимания уделяется идеологическим аспектам кочевых государств⁴⁵.

В 1978 г. под эгидой Международного союза антропологических и этнологических наук была создана Комиссия по кочевым народам под председательством профессора Ф. Зальцмана. На нее была возложена задача привлечь внимание ученых к проблеме современных кочевых народов, стимулировать изучение динамики изменений в кочевых обществах. Комиссия разработала программу, предусматривающую синтез имеющихся сведений и теорий по кочевым обществам, анализ происходящих в них изменений, обобщение результатов исследований и вытекающих из них практических предложений. Для информации ученых, занимающихся данной проблематикой, начал издаваться журнал *Nomadic Peoples* («Кочевые народы»).

По предложению Ф. Зальцмана, в рамках Международного конгресса антропологических и этнологических наук, состоявшегося в Дели в декабре 1978 г., была организована конференция по теме «Изменение и развитие в кочевых обществах» с участием специалистов из 15 стран, преимущественно США, Советского Союза и Индии. Представленные доклады отличались разнообразием теоретических подходов к проблеме и отражали интерес ученых к положению кочевых и пастушеских народов в современном меняющемся мире.

Важным направлением в познании событий истории и особенностей культуры древних и средневековых кочевников

---

⁴⁵ Дробышев Ю.И. Человек и природа в кочевых обществах Центральной Азии (III в. до н.э. — XVI в. н.э.). — М.: ИВ РАН, 2014. — 608 с.

степного пояса Евразии является целенаправленное изучение военной сферы жизнедеятельности кочевого общества. С.А. Нефедов (Екатеринбург) считает, что каждое успешное завоевание было основано на изобретении нового типа оружия. К числу таких изобретений он отнес и монгольские луки, которые, по его представлениям, по силе натяжения вдвое превосходили венгерские луки и стреляли на более длинную дистанцию, чем тюркские. Никто, кроме самих монголов, считает ученый, не был в силах стрелять из монгольских луков. С их помощью монголы смогли осуществить свои завоевания. Данная гипотеза вызвала возражения у ряда специалистов, непосредственно занимавшихся изучением военного дела средневековых монголов. Они отмечают, что луки «монгольского типа» появились у кочевников Центральной Азии еще в эпоху раннего средневековья, а в монгольскую эпоху получили очень широкое распространение.

Специалист по истории военного дела древних народов Средней Азии В.П. Никоноров (Санкт-Петербург) проанализировал вклад центральноазиатских кочевников в развитие военного дела стран античной цивилизации на примере Ирана парфянской эпохи. По оценке исследователя, вся ударная мощь парфянского войска заключалась в панцирной кавалерии. Парфянское войско включало отряды конных лучников и панцирных всадников. Катафракты формировались из аристократии и составляли не более десятой части парфянской кавалерии. Слово «всадник» у парфян означало «знатный человек». Парфянская армия была поделена по десятичной системе, подобной той, которая существовала у кочевников.

Л.А. Бобров и Ю.С. Худяков (Новосибирск), изучая особенности военного искусства казахов XVII—XVIII вв., делают предположение, что распространение среди казахских воинов боевых топоров на длинных рукоятях — ай-балта могло быть вызвано необходимостью пробивать металлическое покрытие защитного вооружения джунгарских и среднеазиат-

ских воинов. По мнению Т.Т. Далаевой (Алма-Ата), основной функцией ханской власти у казахов была организация вооруженных сил для защиты от внешних врагов⁴⁶.

В западной этнографии утвердился стереотип кочевого общества, который характеризуется такими чертами, как консерватизм, экономическая и культурная автономия, замкнутость, коллективизм и эталитаризм, натуральная форма хозяйства. По мнению специалистов, этот стереотип более не соответствует действительности⁴⁷.

Таким образом, большинство исследователей номадизма с теми или иными оговорками приходят к выводу, что номадизм является результатом специализации и адаптации к определенному природному окружению с ограниченными возможностями для инноваций. В то же время такой ряд авторов оговаривает, что адаптационная пассивность кочевого скотоводства является относительной. Изменения уже сформировавшихся типов кочевого скотоводства в направлении дальнейшей специализации кочевого хозяйства он предлагает называть инволюцией. Активная адаптация кочевнической модели включает три основных условия: хозяйственно-технологические предпосылки, конкретный стимул перехода к номадизму или толчок, и благоприятный социально-политический фон. Как правило, в роли толчка выступали климатические изменения.

§ 2. Тюркология, алтаистика и языкознание о ранней и средневековой истории региона

В отношении появления тюрков и их точной идентификации ранние источники не дают полной картины, убежден Синор. Не ясно, говорили ли они именно на тюркском

---

⁴⁶ См.: Худяков Ю.С. Роль номадов евразийских степей в развитии мирового военного искусства // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность (ИБ РАН). — 2011. — N 2. — С. 163—166.

⁴⁷ Change and development in nomadic and pastoral societies / Ed. by J. Galaty and Ph. Salzman. — Leiden, 1981. — 173 p.

языке. Можно только предполагать, что их язык совпадал с языком жуань-жуаней. Известно также, что киргизы были вовлечены на службу тюркских властителей; язык киргизов и тюрков можно идентифицировать как диалектно близкие. Сведения о материальной культуре тюрков дают полное основание считать, что они добывали и производили железо. Все их кочевые предшественники в степях Центральной Азии пользовались до появления тюрков на исторической арене бронзой. Таким образом, выход тюрков на авансцену означал новый технологический переворот. Этот факт непосредственно связан с территорией Центрального Казахстана, где сохранились с этого времени остатки древней металлургической деятельности кочевников, которых предположительно можно идентифицировать с VI в. как тюрков. В греческих, китайских и буддистских источниках именно железо фигурирует как основной компонент отношений с тюрками.

Источниковая база по тюркской истории опирается на многочисленные европейские (причем из первых рук), китайские документы и собственно тюркские памятники, написанные т.н. руническим письмом, которые идентифицируются с VIII в. Источником чрезвычайной важности считается письмо кагана Бильге, адресованное его брату Кюль-тегину и министру Тоньюкуку. С этого памятника ведет свое начало термин *тюрк*; в китайских источниках он адаптирован как *тю-чюй*. Синор подчеркивает, что лингвистическое различие привело многих исследователей к путанице двух народов вместо одного.

Основателем первого государства тюрков был Бумин (Тумень в китайских источниках), после смерти которого тюркское государство распалось на восточную часть во главе с его сыном Муханом (553—572) и западную во главе с братом первого кагана Иштеми. Восточная часть концентрировалась в основном на территории Монголии и сохранила все

признаки центрального домена. Синор подчеркивает, что именно Монголия оставалась на протяжении последующих столетий генерирующим ядром кочевых империй. Из источников известно, что Мухан завоевал киданей и киргизов и установил свою власть от озера Ляо до Байкала. Его дядя продолжал экспансию на запад за реки Чу и Или и вошел в соприкосновение с империей эфталитов. Все эти победы тюрков нашли отражение в орхонских надписях. Тюркам удалось установить союзнические отношения с сасанидским Ираном и сокрушить эфталитов в 560 г. Тюрки получили новую границу с Ираном на Аму-Дарье; логика международной обстановки той эпохи подталкивала их к установлению прямых отношений с Византией и контроля над Великим Шелковым путем. Это стало причиной миссии тюркского посла Маньяха в 567 г. ко двору Юстиниана II. Как отмечают византийские источники, послание тюрков носило «скифский характер». За миссией Маньяха последовало ответное посольство Византии, достигшее ставки Западно-Тюркского каганата, чье пребывание осложнило отношения тюрков с Ираном. Благодаря деятельности византийского посольства во главе с Земархосом, в западных источниках впервые начинает фигурировать термин *киргиз*, против которых начали новую кампанию тюрки к моменту прибытия посольства.

Причина, побудившая тюрков и византийцев заключить более тесные отношения, имела коммерческий характер. Оба государства стремились взять в свои руки контроль над транзитом шелка из Китая на Запад. Положение осложнялось еще тем фактом, что Византия должна была выплачивать дань Персии, которая ревниво следила за любыми дипломатическими маневрами Константинополя. По подсчетам Синора, между 567-м и 576 г. имели место регулярные обмены посольствами между тюрками и византийцами (Sinor, 1969, p. 106). В дальнейшем отношения между ними испортились во многом из-за экспансии тюрков на запад и

спора вокруг сюзеренитета над т.н. псевдоаварами. Одновременно восточные тюрки продолжали вторгаться в Китай и подчинять различные соседние племена. Синор ссылается на орхонские надписи, которые отразили именно этот период: тюркские каганы подчинили, как сообщает неизвестный автор, китайцев, тибетцев, отуз-татаров, китаев, татаби и др. Этот же автор сетует на то, что их каган принял китайский титул, начал говорить на китайском языке и передал свои владения китайцам. По-видимому, источник отразил именно период, когда побежденный побеждал победителя и который Р. Груссе охарактеризовал как ситуацию, «когда вакуум засасывает кочевников внутрь». Более того, Китаю удалось установить свое господство собственно над тюркскими землями. Остатки сохранивших чувство национального самосознания и независимости тюрков ушли в труднодоступные горные районы, откуда продолжали набеги на китайцев, которые называли их в своих хрониках «бандитами».

Только в 716—734 г., когда правителями тюрков стали Бильге-Каган и его брат Кюль-Тегин, тюркское государство восстановилось в прежнем величии, к нему присоединились три мощных племени — басмил, карлук и уйгур. К 745 г. административное управление и властные институты перешли к уйгурам, которые дали название новому объединению. Синор настаивает, что в лингвистическом отношении уйгуры отличались от тюрков (**Sinor, 1969, p. 111**). Смерть последнего тюркского кагана вызвала ликование китайского двора; император отразил это событие в специальных церемониальных стихах.

Говоря об историческом значении тюркского государства, Д. Синор пишет, что в течение 80 лет тюрки играли ключевую роль в Центральной Евразии, оказав неизмеримый эффект на дальнейшее развитие истории. Их правление характеризовалось интенсивным взаимодействием различных цивилизаций. Тюркская империя соприкасалась с четырьмя

цивилизациями — византийской, иранской, индийской и китайской. И это было больше, чем просто обычный обмен духовными и материальными ценностями. Эти контакты означали смешение различных элементов (культурных, этнических, военных, технологических и т.д.), и все это нашло отражение в тюркской цивилизации. В большей степени это касается западных тюрков, включает Синор; восточные же тюрки оставались носителями национального духа. С исторической перспективой тюрки заняли место скифов и саков, представляя в своем лице оседлым цивилизациям «варварскую» стихию. При них начался процесс, имевший стратегические последствия для всей Евразии — тюркизация степи и оседлой ойкумены. И, наконец, этноним *тюрк* стал самоназванием многих народов, символом общего языка и культуры на многие столетия (Sinor, 1953, p. 434).

Наиболее важной для исторических знаний о древних тюрках частью тюркологии являлись исследования рунических надписей. Английский лингвист Дж. Клосон блестяще доказал, что в основе тюркской руники лежала компиляция из арамейского (иранского) и греческого алфавитов. Датский языковед У. Ховдауген выделил основную проблему, возникающую при дешифровке орхонских надписей. Она состоит в том, что отклонения от общепринятых норм в текстах Кюль-Тегина и Бильге-Кагана чрезвычайно затрудняют процесс дешифровки. Особенно остро эта проблема встает в том случае, если надписи являются единственным имеющимся материалом, как это имело место в течение долгого времени в отношении этих памятников. При их расшифровке, как считает датский исследователь, возникли два ошибочных — толкователя текстов иногда принимали всю надпись как «завершенный» материал, включающий все знаковые формы исследуемого языка. Причиной тому служило недостаточное понимание текста надписи. С другой стороны, слишком большая уверенность в понимании текста приводила зачастую к

появлению т.н. призрачных форм, включенных в грамматическое описание материала.

Все это подтвердилось при изучении указанных памятников. Ховдауген в своей новой интерпретации пришел к выводу, что оба текста в большей своей части идентичны. Причем сходные части надписей имеют в своей основе либо один и тот же источник, либо один из текстов является копией другого. Однако предыдущие исследователи орхонских надписей (Томсен, Радлов, Текин) не обращали особого внимания на различия между текстами. В своем исследовании датский ученый опирался на фотографии и тексты 1892 г. издания, а также на тексты надписей, опубликованных Томсеном в 1896 г. Ховдауген отказался от некоторых выводов, к которым пришли его предшественники и которым он не нашел подтверждения в надписях. Он предпринял анализ текстов с точки зрения транслитерации, фонологии, морфологии, стилистики и др. и пришел к выводу, что наиболее значимые расхождения между текстами можно отнести за счет расстановки пунктуации, причем во втором тексте (Бильге-Кагана) ее применение более последовательно. Имеются также различия в написании гласных и согласных звуков. Кроме того, стиль второй надписи положительно отличается от стиля первой. Ховдауген пришел к двум основным выводам: а) орфография двух орхонских надписей ясно и убедительно доказывает, что вряд ли они были написаны одним писцом; индивидуальная орфография не могла заметно измениться за четыре года; это означает, что автор второго текста был, несомненно, грамотнее; б) морфологические, синтаксические и стилистические расхождения могут быть объяснены двумя путями.

Возможно, было два различных автора, каждый из которых составил свой текст надписи. В этом случае авторы текстов были и писцами. Но автором обоих текстов, считает Ховдауген, мог быть и один человек, который изменил свой

первый текст, исправив ошибки и улучшив стилистику. Главным аргументом в пользу второго вывода служит тот факт, что второй текст явно создан на основе первого и представляет собой исправленный вариант первого, поскольку события, относящиеся к Кюль-Тегину, выпущены и внимание заострено на деятельности Бильге-Кагана. С другой стороны, некоторые грамматические и стилистические неточности, допущенные во второй надписи, могут быть легко объяснены, если предположить, что каждая надпись имеет своего автора. Вероятно, текст был вначале составлен, потом повторен по памяти и только после этого был записан не очень грамотным писцом. Что касается второй надписи, делает вывод Ховдауген, то здесь дело обстоит сложнее. Возможно, автором текста также являлся Бильге-Каган, но эта надпись с литературной точки зрения обработана более тщательно. Очевидно, что автор имел перед собой вариант первой надписи и затем подготовил текст второй, исправив ошибки и отклонения в конструкциях. Хотя все это носит гипотетический характер, Ховдауген призывает тюркологов учитывать его выводы в дальнейшей реконструкции событий, относящихся к раннетюркской истории (**Hovdhaugen, 1974**).

Известный французский тюрколог Луи Базен в статье «Кюль-Тегин или Коль-Тегин?» поднимает вопрос о такой правомочности названия древнетюркского памятника, как «Коль-Тегин». Прежде всего, он отмечает, что ни графика древнетюркских надписей, ни китайская транскрипция не дают нам каких-либо точных указаний, когда пишется гласная *o* или *u* спорного слова. Кроме того, он опровергает мнение, что в основе данного наименования лежит слово *kül* с разными значениями — *цветок, пенел, зола*, считая, что единственно верное объяснение дал М. Кашгари, который не мог фонетически спутать *kül* с *köl* и правильно прочел: *Köl Irkin* и *Köl Bilgähan*. По аналогии он заставил нас также правильно прочесть надпись *Köl Tegin*, в основе которой ав-

тор видит слово *озеро*. Это мнение Базен подтверждает тем, что караханиды в XI в. произносили *озеро* только как *köl*, поскольку все формы данного слова подчеркивают в Центральной Азии «водные пространства», часто обширные, такие как Аральское море (см. *Aral gölü* — озеро Арал) или Байкал (*Bay-köl* — богатое озеро, большое) (с. 7). Таким образом, автор заключает, что теперь в орхонских надписях будем читать *Köl Tegin* (Коль-Тегин), допуская символику *озеро* как показатель неисчерпаемых интеллектуальных и духовных возможностей человека⁴⁸.

Турецкий ученый А. Темир в статье «По поводу тюркского имени Куль-Тегин и монгольского Отчигин» пишет, что это слово орхонских памятников следует читать не как *köl-göl* (*озеро*), как утверждают некоторые тюркологи и историки, опираясь на «Диван лугат-ит тюрк», *a küil*. В таком случае *küil* можно объединить со словами *огонь* и *очаг* и принять его как слово, связанное с культом огня и близко похожее на *otcigin*, употребляемое в этом же смысле в монгольском (с. 196—197). Автор дает следующее объяснение этому явлению.

Монголы, находясь под большим влиянием тюркской культуры, особенно в период шаманизма и буддизма, заимствовали из тюркского языка много слов и выражений. В XIII—XV вв. наблюдался также обратный процесс заимствования из монгольского. Монгольское *otcigin* (*ot-tigin*) является тюркским по происхождению и выражает культ огня. Хотя в древних тюркских источниках не встречается утверждение, что *ot* (*огонь*) образовалось от *ates* (*огонь*), автор уверен в существовании в языке на протяжении длительного времени и первого, и второго слова. В орхонских надписях, появившихся на пять столетий раньше монгольских источников, оно предстает как *Kül-tigin*. Позже это словосочетание получило форму *Ottigin* и так перешло в монгольский. Главную причи-

⁴⁸ Bazin L. Kül Tegin ou Köl-Tegin? // Scholia. Beiträge zur Turkologie und Zentralasienkunde. — Wiesbaden, 1981. B. 14. Pp. 1—7.

ну сходства выражений *Kül-Tegin* и *Otcigin* и определения их как *ates-ocak-kül prensi* (*принц огня*) Темир видит в том, что в монгольском языке *Otcigin* употребляется и как *Kül-Tegin* в орхонских надписях для второго имени самого младшего сына правителя.

В заключении автор отмечает, что в орхонских надписях, уйгурских источниках и «Диване» М. Кашгари все имена и названия со словом *Kül* могут иметь в основе только *kül*. Но надо различать значения этого слова в период шаманизма и ислама. Если не принимать во внимание культ огня, то Кашгари прав, связывая основу слова с *köl, göl* (*озеро*). Имя Куль-Тегин, которое дается младшему сыну правителя и передает понятие *ates, ocak — kül prensi* (*огонь, очаг — принц огня*), позже приняло форму *Ot-tigin* и перешло так в монгольский язык. Таким образом, все тюркологи и исследователи, считает турецкий лингвист Т. Текин, как бы они ни читали это слово — *öze* или *üze*, едины в одном — оно образовалось от глагола *ös* или *üs*⁴⁹.

В ряду рунических памятников стоит также надпись из Тоньюкука. Памятник является частью погребального комплекса, а его малая изученность объяснялась недостатками существовавшего воспроизведения текста и трудностями интерпретации. Эта надпись была открыта в 1897 г. и впервые ее исследует Е. Клеменц, затем В.В. Радлов, который в 1898 г. публикует текст памятника и делает первый перевод. В дальнейшем надпись исследовали Т. Рамстедт (1909), Б.Я. Владимирцев (1925), П. Аальто (1957), Е.И. Убрятова и В.М. Наделяев (1960). О. Серткая внесла некоторые уточнения в толкование первой строки надписи. До нее это пытались сделать В. Радлов, В. Томпсен, С. Малов, П. Аальто, И. Стеблова, Т. Текин, Г. Айдаров, С. Кляшторный, А. Щербак, П. Циме, Г. Хазаи и

---

⁴⁹ Temir A. Türkce Kül-Tigin ve mogolca Otcigin adlari üzerine // Scholia. Beiträge zur Turkologie und Zentralasienkunde. — Wiesbaden, 1981. B. 14. S. 194—200; Tekin T. Üze zarfi hakkında // Besincü Milletler arasi türkoloji kongresi. — Istanbul, 1985. C. 1. S. 253—260.

Дж. Клосон. Серткая предложила считать, что первая строка содержит не два предложения, как считалось раньше (*Бильге Тоньюкук, бен озюм, Табгач илинге килиндым — Я, Тоньюкук, родился в Китае; Тюрк бодун Табгачка кюрюр ерты — Тюрки подчинялись Китаю*). Серткая пришла к выводу, что следует читать надпись в трех предложениях: Я Тоньюкук (оставил эту надпись). Я родился в Китае. Тюрки тогда подчинялись Китаю (**Sertkaya, 1979**). Изучением надписи из Тоньюкука занимался также турецкий востоковед С. Тезджан, который выявил общие закономерности и причины разночтений в толкованиях надписи. Турецкий лингвист при изучении данного памятника использовал метод сравнения глагольных основ и проведения параллелей между древнеуйгурским и современными тюркскими языками (**Tezkan, 1975—1976**).

Пристальное внимание ученых продолжает привлекать также один из главных источников описательной грамматики караханидского языка — «Кутадку билиг». Турецкий ученый М. Эрдал в статье «Измененные слова и выражения в Кутадку билиг» отмечает, что, в отличие от словаря Кашгари, «Кутадку билиг» написан не только хорошим поэтом, но и очень добросовестным лингвистом, о чем свидетельствует наличие большого материала по грамматике караханидского языка. Из этого источника видно, насколько разнообразными могут быть формы одних и тех же слов или выражений. Им анализируются слова, измененные формы которых были вполне закономерными для языка памятников караханидского периода. В средневековом тюркском языке форма *tariglag* отсутствует, осталась лишь *tarlag*. По использованному автором «Кутадку билиг» двум различным формам одного слова (древней и более поздней) можно заключить, что его язык относится к периоду между древним и средневековым тюркским языком. Несомненно также и то, что, как утверждает Эрдал, люди из окружения поэта были свободны в выборе этих двух форм.

В «Кутадку билиг» много таких слов. Однако подобное изменение, которое свободно происходит в тех подлинниках, где не столь важно слоговое оформление, в оригинале «Кутадку билиг» получило новое решение: из 300 случаев употребления в тексте *kilik* (*kilk*) в 90 процентах в конце первой формы следует гласный, в конце второй — согласный. Автор отмечает лишь 27 случаев несоответствия данному грамматическому правилу, вызванного размерами стиха.

Интересную закономерность обнаружил автор в употреблении и некоторых лексических пар (*birlä* и *bibä*, *bärk* и *bäk*) с выпадающим согласным *r*: Хотя это исторически правомерно, многое зависело от быстроты речи говорящего. Далее автор останавливается на морфологических особенностях оформления слов или выражений в «Кутадку билиг». Здесь отмечается частое употребление аффикса настоящего длительного времени — *r*, а не *ur*, что также подтверждает близость данного языка среднетюркскому. По мнению Эрдала, употребление двух форм времени даже в одной мысле ничего не меняет в смысловом отношении, но расширяет поэтические рамки произведения. Кроме того, в работе широко используются аффиксы желательного наклонения и различные формы падежных аффиксов.

Автор отмечает, что в караханидском языке, как и в современном турецком, имена, передающие значение частей человеческого тела, а также некоторые слова постоянно теряют свою вторую гласную, хотя и здесь встречаются исключения. Проведенные исследования позволили сделать вывод, что любое произведение одного автора способно донести до нас историю развития языка целого общества. Именно в поэзии существует возможность выразить одно понятие в нескольких формах. Эрдал заключает, что одни грамматические правила претерпевают в поэтических произведениях определенные изменения, другие же не допускают их вообще⁵⁰.

⁵⁰ Erdal M. Kutadgu Biligde degiskin ekler ve kelimeler // Besinici Milletler arasi türkoloji kongresi. — Istanbul, 1985. С. 1. S. 89—94.

Турецкий ученый А. Эргиласун отмечает, что первые три строки северной стороны памятника Куль-Тегину и Бильге-Кагану одинаковы, поскольку составляют вступительную часть к тексту памятника. Последняя группа слов *bodke olurtum* переводится исследователями в основном как «в это время жил, взошел на престол». В таком объяснении автор видит анахронизм, поскольку тексты памятника написаны после смерти Куль-Тегина в 731—732 гг. Царствование Бильге-Кагана относится к еще более раннему периоду — 716 г. Данная группа слов никак не может передавать значение взойти на престол, восшествие на престол⁵¹.

Проблема возникновения тюркских рун так же стара, как и открытие самого вида этого письма. Польский востоковед Е. Трыарский пишет в статье «Старое и новое в возникновении тюркского рунического письма», что, как известно, по этой проблеме существует множество гипотез, которые можно разделить на три группы теорий: о местном происхождении рун, о заимствованном происхождении, о смешанном характере рунического письма.

Главным представителем первой группы считается Н.А. Аристов, который полагал, что рунический алфавит тюрков образовался из *тамгов*, широкоизвестных знаков собственности как тюркских, так и алтайских племен, путем их различных комбинаций. Такого же мнения придерживался и Ф. Альтхайм, рассматривая тамги первоначальной ступенью позднего, древнетюркского рунического письма. Но вскоре эта теория была поставлена под сомнение, вытеснена гипотезами о заимствованном происхождении рун.

Интересно мнение представителей третьей группы, которые в некоторых знаках тюркского рунического алфавита видят пиктограммы. Так, А. фон Габен предполагает, что, по крайней мере, три знака (*oq* — *стрела*, *ya* — *лук* и *a* — *юрта*,

⁵¹ Ergilasun A.B. Bilge Kagan BengüTasinin kuzey cephesinin ilk üç satiri üzerinde bazı düşünceler // Besinci Milletler arası türkoloji kongresi. — İstanbul, 1985. С. 1. S. 69—74.

палатка, дом) являются идиограммами. Однако Альтхайм подверг критике это предположение, указав на несовпадение предложенного решения с реальной жизнью алтайских народов: например, в знаке *oq* нельзя предусматривать значение *стрела*, так как этому противоречит тот факт, что гунны и авары не знали стрел с наконечниками.

Несмотря на подобные замечания, предложение Габен было принято большинством тюркологов и даже, пишет автор, таким «критическим индивидуалистом», как Дж. Клонсон. К теориям, которые следует отвергнуть, продолжает далее Трыярский, следует отнести те, которые говорят о возможных связях между тюркскими и индогерманскими, особенно готическими и скандинавскими рунами. Признано, что обе системы не имеют ничего общего, хотя похожи внешне. Некоторые ученые, в частности Е. Минс, указывают на схожесть обеих рун, исходя из того, что они якобы были нацарапаны на деревянных палочках. Однако Трыярский скептически относится к такому выводу, поскольку известно, что с тюркской стороны имеется лишь единственный предмет (деревянная палочка из долины Таласа), в основном же надписи были сделаны на камнях, о чем свидетельствуют находки из Монголии.

Выяснение других общих черт между тюркскими и германскими рунами, по мнению этого автора, сделать трудно, так как до сих пор еще не ясны происхождение и хронология этих двух систем. Трыярский считает, что следует прислушаться к мнению О. Прицака о существовании между германскими и степными тюркскими племенами контактов в древние времена, особенно на Дунае, между Доном и Днестром, севернее Крыма. С германской стороны это были племена готов, вандалов, лонгобардов; номады были представлены племенами иранской языковой группы — сарматами, аланами и др. и алтайской — гуннами, аварами, протоболгарами и тюрками. Как свидетельствуют источники, контакты

эти носили различный характер: от разбойничьих нападений до совместных поселений, что, пишет автор, не было редкостью. Так, на монетах, сделанных в Испании, были изображены рунические знаки, идентичные с центральноазиатскими тюркскими руническими знаками. Все это, по мнению автора, загадочно и труднообъяснимо.

Говоря о происхождении тюркского рунического письма, следует обратить внимание на подобное письмо у гуннов, подчеркивает далее автор. Но полной уверенности, что это руническое письмо, у Трыярского нет. По источникам, руническое письмо унаследовано тюрками от гуннов и модифицировано.

Исследуя подобные письма, встречающиеся у других народов, Трыярский обращает внимание на согдийское письмо, которое в то время играло роль *lingua franca*. При этом отмечается, что как раз согдийцы и могли быть посредниками в передаче рунического письма между различными племенами. Однако эта старая гипотеза до сих пор не подтверждена.

Вторую группу теорий Трыярский начинает анализировать с теории происхождения рунического письма тюрков от арамейского (таким образом, семитского) алфавита. Эта теория была широко признана учеными, и, как считает автор, в этом, прежде всего, заслуга авторитетного тюрколога В. Томсена. Во время расшифровки рунического письма им было замечено, что некоторые знаки сходны с буквами семито-пахлевийского алфавита. Ему удалось в 23 из 38 существующих рунических знаках установить генетическую зависимость от соответствующих арамейских. Он заявлял, что арамейские знаки были преобразованы и подходили к фонетической структуре тюркского языка, в то время как место отсутствующих букв заняли знаки другого происхождения.

Арамейская теория была развита благодаря находкам новых материалов. Так, в 1906 г. А. Стейн обнаружил в Дуньхуане (Восточный Туркестан) документы на неизвестном языке неизвестного алфавита. Позже ученые определили, что

они написаны на согдийском языке и согдийским письмом и представляют вариант арамейского алфавита, послуживший образцом рунического письма. Однако возникли трудности хронологического плана: речь шла о существенном временном расхождении между двумя алфавитами, который составил отрезок в шесть веков. Позже, однако, этот отрезок был уточнен и сократился на два века. Это позволило принять теорию.

Совершенно новое предположение выдвинул Клосон: изобретатель тюркского рунического письма взял за исходный пункт иранский алфавит и отсутствующие знаки дополнил частично греческими, частично выдуманными им собственными пиктограммами.

Известный советский иранист В.А. Лившиц возникновения рунического письма, фигурировавшего в текстах V и VI в., связывает с согдийским курсивным письмом. К появлению подобной мысли, пишет автор, привело открытие каменной стелы в местности Бугут на территории Центральной Монголии. Стела является единственным памятником тюркской письменности периода Первого каганата. Эта старейшая запись была сочинена на двух языках: на согдийском — согдийским письмом и на санскритском — письмом брахми. Санскритская часть до сих пор не расшифрована. Стела показала, прежде всего, что придворные тюркского кагана использовали согдийский язык и согдийское письмо: вероятно, у них еще не было своего письма. Таким образом, именно согдийское письмо на Бугутской стеле могло бы, по мнению автора, прояснить проблему происхождения тюркских рун. Но и в «согдийской гипотезе» встречаются некоторые неувязки.

Сенсационное открытие было сделано во время раскопок кургана Иссык (в окрестностях города Алма-Аты) в 1970 г. — на серебряной чаше имелась руноподобная надпись из 25—26 знаков, многие из которых значительно отличаются от всех до сих пор известных видов тюркского руническо-

го письма. Трыярский вынужден был признать, что какой-то вид руноподобного письма использовался в ранний период в Центральной Азии. Он полагает, что речь идет о неизвестном алфавите⁵².

В публикации известного казахстанского тюрколога А.С. Аманжолова о руноподобной надписи на серебряной чаше предлагается следующее прочтение. Анализируя эпиграфические находки, Аманжолов выдвигает новое предположение относительно хронологии и происхождения тюркских рун, заключая, что тюркский рунический алфавит, прошедший весьма длительный путь развития, по видимому, непосредственно восходит к древнейшему общему источнику алфавитных письменностей. Таким источником могло быть какое-то раннее логографическое или алфавитное письмо III—II тысячелетий до н.э.⁵³

В статье И. Бенцинга «Заметки по двум названиям богов» приводятся соответствующие *bir tanri* — термины в анатолийско-тюркской поэзии XIII—XIV вв., а также в чагатайском языке — *bir* и *bar* «единственный и действительный бог». Имеются такие соответствия и в караханидском, что подтверждают многочисленные примеры.

Исследования по этой проблеме свидетельствуют о наличии у тюрков выражения *byr tkry*. Бенциг делает некоторые замечания по транскрипции отдельных тюркских слов в транслитерации. Так, *byr*, по его мнению, должно, очевидно, передаваться *bir* (с долгим *i*), произношение подтверждается благодаря орхонотюркскому *bir*; у Кашгари *byr* (реже также *br*), туркменскому *bir-bir* и якутскому *bir*. Вопрос о транскрипции *tkry* более трудный. Его можно принимать как *tanri* или *tänri*; к *tanri* относятся некоторые формы, используемые в западных ареалах тюркского языкового ре-

⁵² Tryjarski E. Altes und Neues zur Entstehung der türkischen Runenschrift // Rocznik Orientalistyczny. — Warszawa, 1986. Т. XLV. З. 1. S. 59—79.

⁵³ Аманжолов А.С. К генезису тюркских рун // Вопросы языкознания. — 1978. — N 2. — С. 85.

гиона (осман *tanrı*, азерб. *tanrı*, чув. *tugä* — *tanrı*, кыпчак. *tayrı*), а к *tänri* сводится большинство тюркских языков: коман — *tenri*, *teneri* (XIV), татар — *tänrë*. Приведенная в проповедях Куеса форма *bir-tenger* заслуживает особого внимания, считает автор, так как в команском языке перед падежными суффиксами вместо *ten(e)ri* можно найти *tener* + *tenir*.

То есть религиозные убеждения и обычаи тюрков до буддизма, манихейства и ислама связаны с шаманизмом. Многие современные тюркские народы, в частности якутские и другие в южной Сибири, веруют в шаманизм в «классической форме»; шаманские обычаи соблюдаются среди киргизов, казахов, туркмен и т.д. Таким образом, по мнению автора, вероятнее предположить, что шаманизм является истинной тюркской системой верований⁵⁴.

Лингвистические источники служат большим подспорьем в изучении древнетюркского шаманизма. Шаман в древнетюркских языках имеет несколько терминов. Чаще всего встречаются *gām*, *yātci* и *bügü*. Их исследованию посвятил свою статью А. Молнар. Автор дает точное значение этих терминов в древнетюркских источниках VII—XI вв. Он пытается ответить, в чем заключались действия шаманов, определить их социальный статус и политическую роль в тюркском кочевом обществе.

Термин *gām* впервые встречается в древнетюркских текстах, написанных уйгурским и манихейским письмом. В тюркском переводе буддийской сутры *Säkiz Yükmä* он упоминается вместе с *yäk* и *ičgäk*, производные от которых многочисленны. Из контекста ясно, что *gām* — это исцелитель, вызывающий к духам. В «Диване» М. Кашгари *gām* выражен арабским *al-kahin*, означающим предсказатель будущего и исцелитель при помощи духов.

---

⁵⁴ Benzing J. Bemerkungen zu zwei türkischen Cottesbezeichnungen // Scholia: Beiträge zur Turkologie und Zentralasienkunde. — Wiesbaden, 1981. B. 14. S. 8—12.

Оба значения данного термина, вытекающие из древнетюркских (целитель и предсказывающий), нашли отражение в средневековых и более поздних источниках. При этом отмечается, что буддизм и манихейство отрицательно относились к человеку — *qām*. Манихейские древнетюркские литературные памятники по природе тесно связаны с принятием манихейской религии. Автор предполагает, что *gam* в манихейских текстах относится к деятельности манихейских миссионеров. Это заключение, вытекаемое из анализа древнетюркских текстов, подтверждается сообщением Джувейни о религии уйгуров, где говорится, что уйгуры, большие знатоки в искусстве магии, назывались *gam*. Они «сообщали обо всех вещах», которые Молнар предлагает считать гаданием. Более того, излечивали больных. Так, Джувейни упоминает те же самые функции этого слова у уйгуров, как это отмечалось выше у других народов. Имеются также сообщения о *qām* как волшебниках. Согласно Си Таньшу, в походе против тибетцев уйгуры имели волшебников, которые вызывали ветер и снег. Арабский путешественник Тамим ибн Бахр, посетивший уйгурскую столицу Карабалгасун в 821 г., сообщает о чудесах в этой стране и о волшебниках, вызывавших дождь, снег и холод по желанию. Неизвестно, пишет автор, можно ли их связать с *qām*. Ответ следует искать в «Диване» М. Кашгари. Вызывание дождя широко известно в тюркском мире и называлось *yat*, а волшебник, вызывающий дождь, — *yātci*. Оба термина впервые встречаются у Кашгари. Он дает им также арабские эквиваленты: вызывание дождя на арабском называется *kahana*, а лицо, выполняющее это, *al-kāhin*. Автор соглашается с мнением Данкоффа, который считает *yātci* особым классом *qām*. При этом следует отметить, что, как и в случае с *qām*, буддизм отрицательно относился к *yātci*.

Последним словом, анализируемым Молнаром, является *bügü*. Он подчеркивает, что это слово не означает «шаман» в

некоторых современных тюркских языках, поскольку тюркское *bügü* этимологически связано с глаголом *bügün* «узнавать, признавать, знать» и *cbügüs* «мудрость». Автор предполагает его связь с монгольским словом *böge* — «мужской шаман» и раннее заимствование из тюркского. Оно встречается в буддийских и манихейских текстах. Грамматически *bügü* может быть прилагательным или существительным с двумя значениями: мудрость; вид таинственной духовной силы. В древнетюркских текстах это слово как мудрый человек упоминается без каких-либо религиозных значений. В среднетюркских источниках *bügü* означает «волшебный».

Известно также наличие слова *bügü* в древнетюркских именах и титулах. Так, в начале VIII в. правил *Türk Bügü qagan*, в начале VIII в. знаменитым уйгурским правителем, принявшим манихейство в качестве государственной религии, был *Bügü qagan*. В одной из енисейских надписей упоминается *Orono Küllüg Tog Bügü Tärkän*. Таким образом, *bügü*, означавшее таинственную силу и лицо, обладавшее ею, было принято и одобрено древнетюркским обществом. Следовательно, это слово было одобрено и государственными религиями — буддизмом и манихейством.

С другой стороны, можно предположить, пишет автор, что всякого рода духовные силы приписывались древнетюркским правителям, что подтверждается и китайскими источниками. Монгольское *böge* — мужской шаман и венгерское *bu* — магический и *blocs* — мудрый человек являются эквивалентами древнетюркского *bügü* и *bügüci*. В заключение отмечается, что *gām*, не одобряемое буддизмом и манихейством и не встречающееся в древнетюркских титулах, не было заимствовано ни монголами, ни венграми, тогда как *bügü* положительно воспринималось ведущими религиями и было заимствовано как монгольским, так и венгерским языками. Молнер заключает, что функциями *qām* были предсказывание и исцеление с помощью духов,

Yātci были особым классом *qām*, специализировались в вызывании дождя и снега⁵⁵.

Открытие халаджского языка В. Минорским и исследование его Г. Дерфером относятся к значительным достижениям в истории тюркологии. Как известно, халаджский язык во всех отношениях консервативен, даже архаичен, не входит ни в одну из установленных групп тюркских языков и является самостоятельной ветвью группы. Так, известный алтаист Н. Поппе в статье «Халаджский и алтайское языкознание» писал, что, с одной стороны, это *adaq* — язык как древнетюркский и тувинский, с другой стороны, *taγ* — язык как турецкий, узбекский и т.д. И, наоборот, по отношению ко всем остальным известным тюркским языкам халаджский является *h*-языком и единственным тюркским языком, который постоянно сохранял *Kh*-. Халаджский словарь содержит приблизительно 350 слов с начальным *h*-, среди них есть и заимствования,

То обстоятельство, отмечает Поппе, что халаджский сохранил первоначальный *h*-, позволяет проверить многие ранее установленные этимологии. С помощью халаджских источников можно определить правильность данных этимологии или ошибочность таких сопоставлений. По мнению автора, исследования подтвердили верность некоторых этимологий. Многие слова с начальным *h*, считает Поппе, давно вышли из употребления, так как халаджский испытал сильное влияние со стороны персидского. Поэтому неудивительно, что не все слова — звуковые соответствия монгольским и тунгусским с начальным *h* можно найти в словаре. Но так как халаджский доказывает, что тюркские языки все-таки имели *h* (который лучше всего сохранился именно в халаджском), то такие отсутствующие в словаре слова можно реконструировать.

---

⁵⁵ Molnar A. *Qam, yatci and bügü: notes on old turkic shamanism // Besinci Milletler arasi türkoloji kongresi.* — Istanbul, 1985. Pp. 197—204.

Таким образом, некоторые этимологии стали более убедительными (верными) вследствие привлечения халаджских форм. Они же показали ошибочность некоторых из них. В халаджском языке в качестве основной синтаксической единицы выступает словосочетание. Причем каждое слово имеет конкретное значение и выполняет одну функцию⁵⁶.

Известный шведский ученый Г. Ярринг исследовал знаки собственности (*tamgha*) у тюркских народов Центральной Азии. Литературных сведений по данному вопросу достаточно, особенно это касается казахов, киргизов и народов Алтая и Южной Сибири. Существуют различные термины для обозначения одной категории знаков собственности, например, *en-in-im*, но они, в отличие от *tamy'a*, никогда не употреблялись в значении «клеить животных», а передавали понятие «надрез на ушах».

Автор приводит следующие термины:

- *en* (кирг.) — знак, надрез в ушах домашних животных, знак собственности;

- *in* (кирг.) — знак, вырезаемый в ушах домашних животных, считающийся знаком собственности при разделении родов;

- *im* (алт.) — знак собственности как отметка в ушах домашних животных.

Кроме того, встречаются: *solaq* (кирг.) — продольный разрез в ушах; *ungun u un y un* — знак, употребляемый для отметки крупного рогатого скота. Согласно Р.А. Будагову, киргизский термин *тамга* является одним и тем же для всей семьи или рода, тогда как *en-in* служит для отметки различных подразделений семьи. Это подтверждается в киргизском языке термином *endäs* (народ), имеющим то же самое *en*, *endäs* (кирг.), *en das* (знак собственности) — когда два человека имеют одни и те же знаки собственности, то и их называют *Endäs*.

---

⁵⁶ Poppe N. Chaladsch und die altaische Sprachwissenschaft // Central Asiatic J. — Wiesbaden, 1983. V. 27. N 1-2. S. 112—120.

Худсон по-своему трактовал использование *tamghas* внутри племени, не делал различий между «клеймом» и «надрезом», т.е. между *tamğa* и *en*. У Кашгари имеются ранние сведения, которые сообщают об их использовании среди тюрков, но без указания на то, где должно быть клеймо, а где надрез. Ярринг отмечал, что проблема изучения знаков собственности у тюрков Центральной Азии должна быть решена в ближайшем будущем⁵⁷.

В прошлом клеймо собственности (*тамга*) было широко распространено среди скотоводов-кочевников Казахстана, Киргизии, Алтая и Южной Сибири. Сведения о тамгах тюркских народов этих регионов часто встречаются в обширной русской, советской и зарубежной этнографической литературе. Но совершенно отсутствуют описания тамг у уйгуров Восточного Туркестана. Об известных ему источниках пишет крупный шведский тюрколог Г. Ярринг⁵⁸.

В современном уйгурском языке слово *тамга* имеет следующие значения: 1) клеймо собственности, которым метят лошадей или крупный рогатый скот; 2) печать; 3) штамп, штемпель, почтовая марка; 4) таможенная пошлина; 5) клеймо. Автор различает между штампами, которыми клеймят скот и которыми метят различного рода товары. Образцы тамг из Синьцзяна, попавшие в его поле зрения, обычно представляли собой метки на товарах, сделанные яркими красками; на деревянных изделиях встречались резные метки — тамги.

Во время пребывания Ярринга в Синьцзяне в 1935 г. он написал некоторые тамги, которыми была мечена собственность некоего Максуда Хаджи: + (крестик), ○ (кружок), * (звездочка), △ (треугольник), □ (прямоугольник), III (без наименования) и др.

⁵⁷ Jarring G. Owner's Marks among the Turks of Central Asia // Scholia. Beiträge zur Turkologie und Central-Asienkunde. — Wiesbaden, 1981. — S. 103—106.

⁵⁸ Ibid.

В других тюркских языках термин *тамга* встречается в чуть различающихся вариантах, но значения его не отличаются от вышеприведенных.

Наряду с описанными тамгами у тюркских народов данного региона имеется и другая более специфическая категория меток собственности. Речь идет о метках типа *en ~ in ~ im* в форме разреза в ушах животных. Кроме того, встречаются такие метки собственности, как *solaq (solak)* — продольный разрез в ухе животного и *unqun ~ un yun (onyun или oñyun)*, которые М. Рясянен связывает с *im ~ in ~ en*.

Согласно Л. Будагову, у киргизов *тамга* используется как клеймо собственности семьи или рода в целом, тогда как метка *en ~ in* — для обозначения собственности отдельных членов семьи. Это подтверждает наличие термина *endäs* (люди, пользующиеся одной и той же меткой *en*).

А.Э. Халсан много внимания уделил использованию тамг внутри данного рода, не различая, однако, клеймо и разрез, т.е. *tamga* и *en*. То же можно сказать о Махмуде Кашгарском, сообщившем первые сведения об использовании тамг тюрками, но не указавшем, идет ли речь о клейме или разрезе, что позволило автору прийти к выводу о необходимости дальнейших исследований по этому вопросу в скотоводческих районах Средней Азии. В словаре Кашгари «Диван лугат-ат тюрк» встречается 250 наименований растений. М. Ньери в своей статье проанализировал те из них, которые существуют в современном турецком языке и являются основой лексики, перешедшей в венгерский язык со времен проживания венгров по соседству с тюркскими народами Урала. Ньери отмечает, что продолжающиеся дискуссии вокруг правильного прочтения отдельных слов связаны с написанием их арабским шрифтом. Есть даже мнение, что сам Кашгари допускал ошибки в написании. Если учесть, что неточности возникали и при переписывании словаря, то становятся понятными трудности нахождения точных латинских соответствий арабским эквивалентам.

Все анализируемые слова Ньири делит на группы:

1. Фрукты (ягоды). В словаре Кашгари автор статьи выделяет названия фруктов, распространенные в Турции и поныне, особенно в отдельных районах страны. Подробному анализу подвергает автор слово *üzüm* (виноград). По Кло-сону, корень его был образован от глагола *üzmek* (мучить, терзать, износить, истрепать). В VIII в. в языке уйгуров пользовались выражением *kuruk üzüm suwi* (сок сушеного винограда), а также *kuru üzüm* (сухой, сушеный виноград), *it üzüm* (собачий виноград в значении «дикий»). О виноградном дереве писал в XIV в. в своем произведении Ибн-Мухаяна; куманы вместо *üzüm* говорили *yüzüm*, пользовались этим словом в XIII в. и кыпчаки, как утверждал в свое время Хоутгма. Это слово обнаружено нами в словаре «ад-Дурра ал-мудийа» в форме *jüzüm*. Ньири говорит о существовании более 50 разновидностей винограда. Его родина — Средиземное море и Передняя Азия. Виноград, как и зерновые, является самой древней возделываемой культурой. Сегодня известно пять тысяч его видов. *Üzüm* — слово тюркское. Впервые о нем стало известно из письменных уйгурско-тюркских памятников, в которых давалось описание лечебных свойств винограда. Как заметил в свое время Кашгари, тюрки были известными виноградарями и утверждали, что разведение винограда — работа очень трудоемкая и изнурительная. Именно поэтому и пользовались по отношению к его названию глаголом *üzmek*. Османский глагол *uzmek* имел также значение «уставать, много трудиться над чем-либо, заниматься».

2. Зелень, овощи. *Kabak* (тыква), *samursak*, *sarmusak* (*sarmisak*, *sarimsak*) (чеснок), *sogun*, *sogan* (лук). Последнее проникло в тюркские языки из монгольского и, начиная с VIII в., существует во всех тюркских языках и диалектах Среднего, Северного и Южного Востока. В современном турецком языке есть слово *pirasa* — в основе своей греческое.

В Древнем Египте в эпоху Мамлюкского государства пользовались словом *yava*. По мнению Кашгари, это старое тюркское наименование разновидности лука.

3. Зерновые. Автор выделяет из словаря такие культуры, как *bugday* (пшеница) и *agpa* (ячмень). Отдельную группу составляют наименования кормов для животных: *adhrik* (*adrik*) (специальный корм), *orinca*, *yorincga* (*yonca*) (клевер), *burc*, *ak nohut* (овечий горох). Кроме того, автор анализирует обнаруженные в словаре названия лекарственных трав, в целом полезных растений, а также деревьев, приводя большой сравнительный материал из многих тюркских языков⁵⁹.

В начале 1970-х гг. в Монголии работала экспедиция из ГДР, один из членов которой Дитмар Лауэр обнаружил в аймаке Баян-Хонгор, расположенном между Хангаем и Алтаем, значительное количество наскальных рисунков и надписей. Ученые ГДР опубликовали результаты своих находок, которые вызвали живой интерес западных тюркологов Э. Трыярского и Дж. Хамильтона. Им удалось по копии главной надписи Кутук-ула установить шесть рунических букв и прийти к выводу, что система рунического письма допускает наличие слогов с задними гортанными и зубными звуками (**Tryjarski, Hamilton, 1975**).

Немецкий тюрколог Х. Шенхардт применил синхронный метод в типологизации классификации тюркских топонимов, опираясь на работы турецких и советских ученых. Образец обычного тюркского топонима состоит из двух компонентов. В качестве классического примера Шейнхардт берет казахское название *Алмалы: Алмалы-сай*, затем *сай* (река) исчезло. Исследователь пришел к выводу, что такие термины, как *tau*, *tene*, *коль*, *сай* и другие появляются лишь в позиции

---

⁵⁹ Nyiri M. Kasgarli Mahmudun Divanu Lügati't Türk adli Sözlügündeki bitki adlari // Besinci Milletler arasi Türkoloji kongresi. — Istanbul, 1985. C. 1. S. 205—213.

основного слова. Шейнхардт также пришел к выводу, что морфологические и синтаксические аномалии некоторых топонимов являются результатом расширения первоначально эллипса (**Scheinhardt, 1979**).

Немецкий тюрколог Г. Дёрфер попытался выделить причины и нерегулярности изменения форм личных местоимений. Он установил общие древнетюркские формы местоимений, которые исчезли в современных тюркских языках. Исследования Дёрфера доказали правильность предположений Рясанена, Богородского и Менгеса о том, что суффикс дательного падежа древнетюркского языка первоначально состоял из гласного заднего ряда и оказывал регрессивно ассимилирующее действие. В результате немецкий ученый пришел к интересным выводам: суффикс дательного падежа во всех тюркских языках восходит к слову *qa* (близкий); нерегулярность при склонении личного местоимения объясняется ассимиляцией, т.е. генетического чередования гласных не существует; эта нерегулярность сохраняется в дательном падеже (**Dörfer, 1977**).

Турецкий тюрколог М. Эрдал предпринял в конце 1970-х гг. попытку дать хронологическую классификацию тюркских текстов или, по крайней мере, выделить основные типологические черты, которые позволили бы заложить базу для подобной классификации. Изучая памятники древнетюркской письменности, считает Эрдал, ученые используют в ряде случаев внелингвистические факторы датировки рукописей (внешний вид, происхождение бумаги, качество чернил, написание букв и т.д.). При этом следует помнить о поправках, внесенных некоторыми переписчиками. Основными критериями классификации древнетюркских текстов, приходит к выводу турецкий ученый, должны быть как географо-исторические, так и лингвистические. В свое время А.М. Габен и О. Прицак сгруппировали древнетюркские тексты по диалектам, но Циме и Хазаи считали, что предложенная мэтрами гер-

манской тюркологии классификация требует дальнейшего уточнения и углубления. Эту задачу взял на себя Эрдал, который разделил древнетюркские тексты на четыре группы, причем каждую из них он характеризует на основе описания ее фонологических, морфологических, лексических и синтаксических признаков. В каждой группе Эрдал выделяет девять признаков, которые перечисляются с указанием примеров. К первой группе Эрдал отнес такие источники, как «Кюль-Чор», «Кюль-Тегин», «Бильге-Каган», «Тоньюкук», «Ирк-битик», а к четвертой — «Диван лугат-ат-тюрк» М. Кашгарского и «Кутадгу Билиг» Ю. Баласагунского. Язык этих текстов, очевидно, более поздний, так как в них присутствуют иноязычные заимствования. В то же время по традиции русской и советской тюркологии эти тексты относятся к памятникам древнетюркской письменности, резюмирует Эрдал (Erdal, 1979).

Знаменитый немецкий тюрколог К. Менгес одну из своих работ посвятил славянским и западным заимствованиям в тюркских языках. До вхождения тюркских народов в Российскую империю число заимствований было незначительным. Наоборот, русский язык был насыщен тюркизмами. Только в языке куманов/половцев наблюдалось заметное проникновение среднерусских слов. В таком памятнике, как «Кодекс куманикус», имеются слова *овус* (овес), *урс* (рысь) и т.д. Менгес поставил задачу выделить географическое происхождение ряда заимствований. Так, например, заимствования, где передний слог имеет звук *a* (*салам*, *саман*, *паман* — солома), происходят из великорусского диалекта Северо-Кавказского региона. Слово *печь* попало в тюркские языки из южнославянских и венгерского языков; слово *кума* перекочевало из восточнославянского в уйгурский, а оттуда — в монгольский язык. Но не исключено, что оно было заимствовано из китайского языка. В отношении корня *кюни* (*кюн*, *гюню*, *кюндаш* — зависть, рабыня, соперница) Менгес пришел к выводу,

проводя параллели со старогерманским *qwenā* (жена, супруга), что в данном случае имеется первоначальное родство между старогерманскими и алтайскими языками, тем самым признавая ностратическую природу слова. Такое родство, по мнению Менгеса, наблюдается и в других этимонах. Так, в «Кодексе куманикус» встречается слово *карав*, а в русском языке — *карать*, *наказывать*. Долгое время русское слово *тюрьма* неправильно производилось от немецкого *Turm* (башня). Но прототип этого слова — *Тюрма* — встречается у Кашгари, который приводит синоним *тюрма* — *тюняк*, что означает место для ночлега и семантически близко к старославянскому *темница*. Соответственно семантике тюркского слова этимон *тюрма* должен означать *концентрационный лагерь*, делает вывод Менгес. В тюркских языках этимон *тюрма* был рано забыт и заменен иностранными словами (Menges, 1978).

Алтайская теория о единстве происхождения тюркских и монголо-тунгусских языков вызывала многочисленные дискуссии с первых дней своего существования. Споры то затухали, то разгорались с новой силой на протяжении 1950—1970-х гг. Очередная дискуссия о лексике алтайских языков была вызвана появлением монументальной работы немецкого ученого Г. Дёрфера о тюркских и монгольских заимствованиях в новоперсидском языке и лексико-статических исследованиях английского лингвиста Дж. Клосона. В 1974 г. к дискуссии подключился немецкий языковед Э. Шюц. Ученый коснулся одной из сторон этой сложной проблемы — личных местоимений и их роли в определении достоверности алтайской теории. Шюц подошел к проблеме с точки зрения выделения совокупности всех дейктических (первое и второе лицо) элементов. Как известно, анализ местоименных форм т.н. алтайских языков был начат еще во второй половине XIX в.

Шюц поверг сомнению такие многочисленные постулаты того времени, как, например, роль второго носового слога лич-

ных местоимений уральских языков. Шюц пришел к выводу, что сходство начальных звуков между индоевропейскими, финно-угорскими и языками алтайской группы послужило доказательством теории родства различного уровня. Шюц считает, что существование и применение губных и альвеолярных согласных как первейших единиц человеческой речи в различных языковых семьях является не просто совпадением. Однако различные части местоименных лексем являются следами разных эпох, т.е. стадий лингвистической эволюции. Корни личных местоимений и дейктические элементы относятся к стадии, предшествующей существованию или разделению языковых семей, а сходства, выделенные из психо-физиологической основы, которые, например, прослеживаются в ранних инстинктивных выражениях ребенка (теория детского языка), не могут служить доказательством родства отдельных групп языков или языковых семей. Этот вывод, считает Шюц, относится к сфере всей лингвистики. Относительно алтайских языков чередование начальных звуков или распространение новых во втором лице может служить предметом компаративного исследования. Выделение множественного числа из единственного у монголо-тунгусских языков, которое ранее служило доказательством их родства с тюркскими, также является, по мнению немецкого лингвиста, продуктом развития языков предшествующей эпохи. Таким образом, исследование Э. Шюца опровергло многие предшествующие базовые постулаты алтайской теории. Он фактически доказал, что принимаемые за общие для всех этих языков особенности словообразования местоимений свойственны или всем языкам, или имели место ранее (детский язык). Но Шюц оставляет открытым окончательный вопрос об общности алтайских языков (Schütz, 1974).

Многие дискуссионные вопросы алтайской теории вновь встали на повестку дня после публикации фундаментального труда Дж. Клосона «Этимологический словарь древнетюркского (до XIII в.) языка» (1973). Книга английского исследо-

вателя стала эпохальной в развитии тюркской филологии и лексикографии. Клосон поставил перед собой грандиозную задачу — учесть все слова, употреблявшиеся в тюркских языках в период до монгольского нашествия. Автор вставил в «Словарь» многочисленные цитаты из древних и средневековых текстов, снабдил их подробными пояснениями и ссылками на словари современных тюркских языков. Недостатком этого крупнейшего исследования является тот факт, что Клосон, использовавший первые три тома Дёрфера, проигнорировал ленинградское издание «Древнетюркского языка» (1969) и «Опыт» финского исследователя М. Рясненена (1969). В словаре открыто выражено отрицательное отношение английского лингвиста к алтайской теории. Так, Клосон объясняет многие монгольские слова заимствованием из тюркского. Клосон предлагает для каждого слова семантическую и фонологическую характеристику с примером из соответствующего текста, делает свою собственную интерпретацию основных рунических надписей, а также дает обстоятельную критическую оценку «Словарю тюркских наречий» Махмуда Кашгарского. Однако в работе над словарем проявилось отношение Клосона как османиста⁶⁰. Рецензировавший книгу Дж. Клосона французский филолог В. Менаж сравнил значение этой книги для тюркологии со значением «Оксфордского словаря» для изучения английского языка. Основным достоинством «Словаря» Клосона, благодаря которому он стал поворотным пунктом в развитии тюркологии, является тот факт, что он основан в первую очередь на материалах первоисточников, чем на других терминологических словарях, т.е. является не обобщающим или компиляционным трудом, а базовым (Clouson, 1973).

---

⁶⁰ Клосон в названии книги употребляет термин «турецкий» (Turkish), а не тюркский (Turkic) язык.

Статья Г.Ф. Майера «Проблемы, методы и аспекты сравнительной тюркологии» посвящена вопросам сравнительной фонетики и морфологии тюркских языков в контексте критического подхода к алтайской теории и состоит из двух частей. В первой части автор излагает предысторию сравнительно-исторических исследований в области финно-угорских, индоевропейских и тюркских языков. Эти исследования послужили основой для установления генетивных взаимосвязей языков, определения степени их родства. Они опираются не на случайные совпадения слов, а на некоторую морфологическую общность и идентичность определенных грамматических категорий⁶¹.

Рассматривая вопросы сравнительной тюркологии, автор отмечает, что одна из главных и противоречивых проблем — классификация тюркских языков. Для сравнения и классификации тюркских языков необходим максимум языкового материала одного временного среза. По мнению Майера, несмотря на многочисленные исследования русских, советских и зарубежных ученых, в тюркологии еще немало пробелов, например отсутствие словарей в некоторых литературных тюркских языках, а при сравнении тюркских языков не трудно установить определенные закономерности в фонетике, морфологии, лексике и синтаксисе. Более сложной задачей является включение тюркских языков в т.н. «алтайское» единство, в плане как методики, так и оценки сопоставительного материала. Алтайская гипотеза родства, сформулированная Р. Раском, А. Шоттом и М. Кастреном, основывается на установлении определенных сходных элементов в основном словарном составе языка. Наличие гласной гармонии, отсутствие начальных групп согласных, тенденция к открытому слогу, отсутствие префиксов, суффиксов, союзов, отно-

---

⁶¹ Meier G.F. Probleme, Methoden und Aspekte der vergleichenden Turkologie // Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung. — Berlin, 1981. Bd. 34. Hf. 5. S. 527—533; 1982. Bd. 35. Hf. 5. S. 278—286.

сительных местоимений считаются признаком этого принятого родства. Взгляды ученых-тюркологов в отношении этой гипотезы разделились. Спорна и дата распада алтайской языковой общности, точно она еще не установлена.

Для установления родства тюркских языков, считает Майер, достаточно сопоставить архаичные пласты лексики. К примеру, числительные в тюркских языках от 1 до 10, и даже до 100 и 1000, обнаруживают одинаковые элементы, что, несомненно, свидетельствует в пользу их родства. Майер сравнивает систему числительных в тюркских и монгольских языках, подчеркивая при этом, что числительные — надежный критерий при сравнении языков.

Во второй части своей статьи Майер анализирует морфофонемику, рассматривая ее в тесной связи с морфологией. Последняя претерпела значительные изменения в результате влияния заимствований из нетюркских языков (монгольского, арабского, персидского, русского и др.). Морфологические элементы маркируют строго определенные морфологические категории. Ученый выделяет в этой проблеме три аспекта, исследуя лишь третий, т.е. объяснение определенных, не подлежащих сомнению (в смысле их происхождения) форм, например форм притяжательного суффикса *im*.

Он считает, что отсутствие генитива в якутском языке не должно приводиться в качестве аргумента, так как нет древних якутских текстов, кроме того, в туркменских диалектах такие формы встречаются. Таковы некоторые аспекты сравнительной фонетики и морфологии тюркских языков. В заключение Майер отмечает, что методы, используемые в сравнительной тюркологии, не имеют еще единой методологии, подчеркивает, что морфология таит в себе много вопросов, требующих разъяснения: возникновение и функциональное развитие формы *ȳor*, *аориста*, т.н. аудитивной формы *mis*.

В сфере изучения тюркологии оказалось такое направление, как изучение тюркских заимствований в русском языке.

Этой проблеме посвятил ряд работ немецкий филолог Н. Поппе (Ч. I. Гл. III. § 1—3). Это его статья «Изучение тюркизмов в русском языке» (Poppe, 1966) и книга «Исследования тюркских заимствований в русском языке» (Poppe, 1970). Поппе выделил четыре этапа в развитии данного направления тюркологии. На начальном этапе (с 1854 г.) происходило накопление лексических исследований. Здесь неоспорима роль российских языковедов (Григорьев, Каземберг, Перов, Березин и др.). На втором этапе появились попытки обобщить тюркские заимствования во всех славянских языках, что первым сделал Ф. Миклошич в работе «Этимологический словарь славянских языков». Основными недостатками и ошибками этой работы является то, считает Поппе, что ее автор отнес большинство заимствованных тюркских слов к турецкому языку и проигнорировал внутриславянские заимствования тюркских элементов. Этот пробел восполнил Крелиц-Грайфенхорст, выделивший в отдельную группу арабские и персидские заимствования наряду с собственно тюркскими словами. Третий этап в этой области связан с исследованиями советскими, немецкими и польскими учеными в 1940—1950-е гг. «Слова о полку Игореве» (Мелиоранский, Корш, Малов, Менгес, Зайончковский). На этом этапе отчетливо прослеживаются тюрко-русские и славяно-алтайские связи. На четвертом этапе (1960—1970-е гг.), в связи с научной деятельностью Н. Дмитриева, перед всеми тюркологами встала необходимость изучения древнеславянских языков. На этом этапе многие исследователи повторили прежние ошибки, включив позднейшие турецкие заимствования в сербо-хорватском и болгарском языках в разряд собственно тюркизмов, включение которых в древнеславянский язык происходило значительно ранее.

В последующей публикации Н. Поппе вновь подключился к дискуссии по алтайской теории, сделав обзор докладов на алтаистической конференции в Ленинграде в 1972 г. Факти-

чески Поппе еще раз стал на сторону сторонников единства алтайских языков, а в качестве дополнительной аргументации привлек последние достижения таких советских лингвистов, как О.П. Суника, А.Г. Севортыана, С.Е. Яхонтова, Н.А. Сыромятникова, Г.П. Мельникова, В.И. Цинциус, В.Д. Колесниковой, О.А. Константиновой, К.А. Новиковой, Г.М. Васильевич, У.Ш. Байчуры и др. Немецкий ученый синтезировал все основные выводы и предложения, сделанные советскими исследователями, чтобы пополнить аргументы сторонников алтайской теории. Базой для возникновения алтайской теории является тот факт, что десять процентов и более тунгусо-маньчжурских слов имеют аналогии в тюркских языках. Они относятся к таким семантическим группам, где заимствование маловероятно. Необходимо также учитывать опыт индоевропейской лингвистики на предмет установления фонетических соответствий. Алтаистика развилась на основе простого метода, заключавшегося в трактовке лексических соответствий как результата слияния или заимствования; следующим и значительно более трудным этапом для алтаистов является установление общего происхождения сравниваемых языков и прослеживание их развития из общего языка, если оно в действительности имело место.

В качестве интересной гипотезы Поппе называет тезис советского индоевропеиста Герценбергера о том, что источником возникновения языковой семьи является слияние диалектов разнородного происхождения. Принятие этого тезиса означало бы переход алтаистики на качественно новый уровень. Таким образом, недостатки алтайской теории не так уж значительны, если подходить к алтайским языкам с позиций индоевропейских исследований, которые продвинулись далеко вперед по сравнению с алтаистикой и на своем опыте столкнулись со всеми сильными и слабыми сторонами сравнительной лингвистики. С другой стороны, концепция родства языков, взятая из арсенала индоевропеистики, может

быть неприемлема для других языковых групп. Перспективным является такой подход, при котором признаком родства языков следует считать не общее количество совпадающих слов, а характер их распределения по семантическим группам. Таких групп можно выделить три: 1) слова, относящиеся к культуре; 2) важнейшие слова семантической категории; 3) менее важные слова семантической категории. Результаты сравнения лексики алтайских языков в этом плане говорят не в пользу их родства. Однако Поппе отмечает, что большинство критиков алтайской теории ошибаются, считая заимствованным только такое слово, основа которого не встречается свободно в данном языке. Примеры соответствия японского и алтайского языков дают повод говорить о вероятной принадлежности японского языка к алтайской группе.

Основной чертой алтайских языков является их стремление к уменьшению количества вспомогательных элементов. Корень, например, может служить самостоятельным словом. Это означает, что алтайские языки генетически взаимосвязаны, а схема их развития выглядит следующим образом: тюркские языки целиком адаптированы по отношению к основным характеристикам системы, монгольские языки несколько отстают, а тунгусо-маньчжурские языки представляют собой начальную стадию адаптации. Таким образом, тюркские языки прошли путь упрощения значительно больший, чем другие алтайские языки, но все они являются частью одной языковой группы и подчинены одной системе, т.е. упрощению. Монгольские языки обладают большим количеством непродуктивных суффиксов, что является результатом потери правильного морфемного анализа сложных единиц, который происходит в тех случаях, когда количество говорящих на данном языке увеличивается за счет лиц, для которых этот язык не является родным. Если принять априори идею родства языков, которые относят к алтайским, то напрашиваются следующие выводы: алтайские языки имеют

различные ударения и интонации, но ударение имеет тенденцию перемещаться с последнего на первый слог по мере перехода от языков более восточных к языкам более западным; в некоторых языках имеют место совпадения интонации с динамическим ударением на одном и том же слоге; во всех алтайских языках длительность и ударение не зависят друг от друга, а ударный слог не становится длинным. Самой характерной общей чертой алтайских языков является наличие большого количества сложных суффиксов, хотя они встречаются и в других языковых группах. Но подтверждением родства алтайских языков служит идентичность их основных суффиксов (Poppe, 1972).

В другой статье Н. Поппе, сопоставляя тюркские и другие алтайские языки, приходит к выводу, что тюркские языки менее консервативны, чем монгольский и тунгусский, поэтому только прономинальное склонение в древнетюркском и среднетюркском языках сохранило двойные падежные формы, так как местоимения, будучи наиболее часто употребляемыми словами, лучше сохранили особенности древних языков. Тем самым Поппе подтвердил тезис, выдвинутый другой немецкой исследовательницей-тюркологом А. фон Габен, который гласил, что тюркский падежный суффикс представляет собой окончание, которое может быть прибавлено к любому существительному. Подобные аналогии наблюдаются в монгольском языке, т.е. падежные суффиксы функционируют так же, как и производные суффиксы. Из этого следует, что некоторые падежные формы представляют собой фактически существительные, несущие специальные значения. Такие существительные и двойные падежные формы представляют собой следы прошлого, когда окончание (склонение) существительного охватывало большое количество вторичных существительных, являвшихся производными от первоначальных слов таких существительных, как притяжательных, так и комитативных и локативных. Поппе сделал предполо-

жение, что в древнеалтайском праязыке творительный падеж (*аблятив*) происходит от существительного, обозначающего предмет, который служил исходным пунктом. Тем самым еще раз косвенно подтверждалась правота алтайской теории (Рорре, 1977).

Английский филолог Э. Хэмп считает, что носовые и плавные звуки алтайских языков образуют естественный класс, который, однако, еще недостаточно изучен как когерентная группа. Хэмп не занимает определенную позицию в спорах вокруг общности алтайских языков, а строит свою систему доказательств их генетической общности на фонетических соответствиях парных лексем или формантов. Но Хэмп пошел дальше и доказал, что, наряду с аргументами, основанными на аналогах (фонетических, лексемных и формантных), необходимо иметь в виду генетическую связь, базирующуюся на непрерывности специфических особенностей языка в процессе его развития, т.е. на предполагаемых отличительных фонологических особенностях праязыка. Свой метод Хэмп применил в первую очередь на примере тунгусского и монгольского языков (Hamp, 1974).

Датский тюрколог Л. Йохансон исследовал настоящее время (*презенс*) северо-западных и среднеазиатских тюркских языков, во многом еще не решенную проблему тюркологии. Йохансон доказал, что никакого обновления презенса посредством герундия не могло быть. В древнетюркском и в караханидском языках он состоял из обновленного аориоста. В современном татарском языке сохранилась эта тенденция к гласно-переменному аористу. В узбекском и новоуйгурском языках, где унификация касается только аористного гласного, со временем образовалась поддифференция и появилась необходимость дальнейших обновлений презенса (Johanson, 1976). В другой работе рассматривает проблему каузатива в тюркских языках (Johanson, 1976—1977). В древнетюркских надписях простой суффикс встречается чаще других вариан-

тов каузатива. На следующей ступени развития тюркского языка последовала постепенная замена простого суффикса сложным. Ойхансон пришел к выводу, что отношение между простым и сложным вариантами каузативных суффиксов в тюркских языках является алломорфным. Простой суффикс постепенно заменяется сложным и является первичной основой фонологической природы языка.

В 1974 г. немецкие филологи Б. Атзиц и Г. Кисслинг издали «Собрание тюркских идиоматических выражений». Это была первая попытка в западной лингвистике отразить всю пестроту тюркской идиоматики. Сложность проблемы состояла в том, что идиоматические выражения в лингвистическом отношении являются обособленными и не входят ни в словари, ни в грамматики. С одной стороны, они характеризуются синтаксической комплексностью, а с другой — они отличаются от синтагм тем, что их значения не производятся непосредственно из значений их составных частей и синтаксических связей. Главной заслугой этого сборника, несмотря на ряд библиографических, систематизационных и орфографических упущений, о которых справедливо писал рецензент книги Л. Йохансон в 1978 г., является то, что составители использовали компаративный принцип и выявили общие для всех или большинства тюркских языков выражения (**Atsiz, Kissling, 1974**).

Тот же рецензент сделал анализ изданного в 1975 г. в ГДР «Обратного словаря тюркского языка» немецких авторов Г. Вицке, Л. Ценкера и И. Варнке. Это был первый словарь такого рода, в основу которого был положен казахский словарь. Сравнение одной леммы с другой начинается с конца слова, что дает возможность для операций при текстологических работах филологов, при разгадке зашифрованных текстов и т.д. Обратный словарь тюркского языка является лингвистически ценным, наиболее оптимальным порядком грамматических признаков и ясным изложением морфоло-

гии. Он вносит ясность в проблему словообразования, так как позволяет осуществлять морфемную сегментацию. В языках с постоянной структурой прибавления суффиксов обычный словарь объединяет леммы в гнезда слов, а в обратном словаре эти слова с теми же суффиксами стоят вместе. Имеются также сведения о распределении суффиксов. Такой подход позволил также исследовать сложное позиционное поведение суффикса. Тюркское слово характеризуется высокой степенью синтеза и двойственности комбинаций. Основной акцент в своей работе авторы сделали на сравнении словообразования в тюркских языках и немецком (**Vietze, Zenker, Warnke, 1975**).

Американский лингвист И. Лауде-Сиртаутас исследовала в том числе и взаимосвязь модальности и будущности в тюркских языках. Времена или времена-наклонения в тюркских языках развивались от отглагольных существительных, к которым присоединялись личные морфемы, т.е. личные местоимения или притяжательные суффиксы. Однако это был не механический процесс, а постепенный и избирательный. Тюркское отглагольное существительное во всех его функциях неличное, как это ярко прослеживается в казахском языке. Автор считает, что развитие суффиксации временных форм тюркского языка происходило на основе выражения модальности в древнетюркском с помощью отглагольных существительных в функции атрибута с модально-будущней коннотацией. Полная суффиксация для всех лиц была достигнута только в хорезмском тюркском в XIII—XIV вв. Вербальные существительные, выражающие модальность, будущее, желательное и возможное, характерны для огузов и кипчаков в XI в. Временная формация древнего суффикса сохранялась в языке желтых уйгуров. Следы этой функции можно найти в литературных языках — татарском, азербайджанском и турецком. Следовательно, приходит к выводу Лауде-Сиртаутас, тюркские языки прошли тот же путь, что

и индоевропейские, в которых существовала в древности тесная связь между модальностью и будущностью (**Laude-Cirtautas, 1978**). Большое внимание в своих исследованиях Лауде-Сиртаутас уделяла также и казахской филологии.

В качестве одного из сюжетов бурной средневековой истории Центральной Азии Д. Синор приводит историю двух народов — киданей и джурдженей, «которые имели много общего: оба происходили из Манчжурии, оба представляли собой т.н. лесную цивилизацию, оба народа завоевали Китай, и только один народ мог с ними справиться — монголы», — пишет о них Синор (**Sinor, 1969, p. 127**). С точки зрения лингвистики установлено, что кидани говорили на языке, диалектном по отношению к монгольскому; джурджени говорили на тунгусском языке. История киданей подразделяется на три периода: в ходе первого они группировались в Маньчжурии; на втором этапе кидани завоевали Китай и правили в нем, приняв имя династии Ляо (947—1125); после падения династии уцелевшие кидани переместились на запад и создали там государство каракитаев, которое просуществовало до завоевания его монголами. Термин *кидань* впервые упоминается в V в. в китайских летописях; в VII в. кидани входят в столкновение с Тюркской империей, терпят поражение и упоминаются в орхонской надписи в качестве данников тюрков. Синор отмечает, что легенды и предания киданей отличаются от мифов других алтайских народов. Экономика киданей также отличалась от других кочевых племен и находилась на более высоком уровне развития; кидани могли координировать и использовать в политических целях свое экономическое превосходство; в конечном счете это позволило им завоевать высокоразвитый Китай. Расцвет киданей приходится на период царствования А-Пао-чи (872—926), считает Синор. В XII в. киданям, уже известным как каракитаи, удалось отвоевать территорию долины Чу у государства Караханидов, где они создали новую династию. На некото-

рое время (1124—1143) каракитаям удалось распространить свое господство над обширной территорией, включавшей в себя Трансоксианию, Южную Сибирь и простиравшуюся от Западного Китая до Аральского моря. Синор считает, что история киданей заслуживает внимания: небольшой лесной народ, говоривший на монгольском языке, сумел сначала завоевать Северный Китай и править им длительное время, а затем создать огромную кочевую империю с населением, говорившим на тюркских и иранских языках. Безусловно, что в дальнейшем кидани/каракитай тюркизировались. От них остался след в истории: их именем (китай) называют китайцев их тюркские соседи, русские и в эпоху Возрождения — англичане (*Cathay*).

История джудженей, тоже небольшого лесного племени охотников, почти так же драматична, как и история киданей. Джуджени также завоевали Китай, свергли династию киданей Ляо и создали свою, вошедшую в историю как династия Чинь (1122—1234). Однако после ее свержения монголами джудженям не удалось создать новое государство. В ходе управления Китаем джуджени пытались сохранить свою национальную идентичность; они создали свой собственный шрифт, приняли меры, чтобы сохранить живым свой язык и старались не смешиваться с местным населением. Однако после разгрома Китая монголами кидани неизбежно китайизировались.

Д. Синор останавливается также вкратце на истории авар, небольшого кочевого народа, но оставившего заметный след в исторической памяти восточноевропейских народов. Авары создали свой первый союз на Кавказе и затем послали посольство в Византию. Его результатом было соглашение о союзе между аварами и императором Юстинианом; авары использовались последним против болгар. Сведения, относящиеся к 598 г. и исходящие от Теофилакта Симокатта, содержат информацию о том, что авары были

разгромлены тюрками и что в Европе имели дело с другим народом, который для устрашения использовал их имя; это т.н. псевдо-авары. По другой версии, как отмечал выше Синор, авары идентифицировались с жуань-жуанями. В любом случае, несмотря на их происхождение, те, кого называли аварами, сосредоточились к 562 г. у северных границ Византии. Центром сосредоточения аваров стала Добруджа, откуда они в скором времени распространили свой контроль над Трансильванией и закарпатскими регионами. В 567 г. авары, заручившись союзом с ломбардами, установили свое доминирование над Хорватией. Имя одного из каганов авар — Баяна (ок. 568—582) показывает, что авары, возможно, имели алтайское происхождение. Синор ссылается также на тот факт, что 30 000 могильников аварской эпохи в Венгрии, несомненно, подтверждают центрально-евразийское происхождение авар. Согласно венгерским источникам, Аварская империя в период расцвета (670) распалась на две части: западную с центром в Венгрии и восточную со ставкой близ современной Украины (**László, 1955**). В союзе с Персией авары пытались завоевать Византию, но безуспешно. В дальнейшем авары вошли в столкновение с франками, шарлеманами и до начала IX в. сопротивлялись проникновению на Карпаты германцев. Историческое значение авар состояло в том, как считает Синор, что они своим завоеванием Паннонии создали неславянский анклав в Центральное Европе и обеспечили перманентный барьер, которым в будущем воспользовались венгры, между западными и южными славянами, помешав тем самым созданию грандиозной славянской империи в Европе (**Sinor, 1969, pp. 145—149**).

Отдельным сюжетом в истории Центральной Евразии стоит история хазар и болгар. Государство хазаров возникло во второй половине VI в. В период своей максимальной экспансии оно простиралось от Кавказа до Киева, включая Вол-

гокамский регион. На заре своей истории хазары выступали в качестве вассалов Западно-Тюркского каганата. В геополитической игре хазары выступили сдерживающим барьером для арабского продвижения к северу от Кавказа. В VII—IX вв. хазары имели тесные отношения с Византией; большинство греческих колоний в Крыму попали под власть Хазарского каганата, а между правящими династиями существовали брачные союзы. В X в. Киевская Русь способствовала упадку хазарского государства, а в XII—XIII вв. этноним хазар исчезает с политической карты Восточной Европы. Хазарский каганат дебютировал как классическая империя кочевников, однако в дальнейшем, особенно после принятия в 740 г. иудаизма, хазары эволюционировали в полуседлое общество с резко выраженной этнорелигиозной иерархией. Как считает Синор, главная историческая роль хазар состояла в том, что они сыграли роль барьера перед арабским завоеванием Восточной Европы (Sinor, 1969, p. 153).

В отношении болгар Синор придерживается точки зрения, что этнические корни этого народа следует искать в гуннскую эпоху. В дальнейшем на болгарский субстрат накладывалось сильное тюркское и финно-угорское влияние. После того, как в 680 г. отделившиеся во главе с ханом Аспарухом болгары оккупировали территорию современной Болгарии, начался процесс их интенсивной славянизации. В посольстве багдадского халифа в 921 г. к болгарам участвовал в качестве секретаря Ахмед ибн Фадлан, оставивший очень реалистичное описание болгарского государства, согласно которому волжские болгары разговаривали на тюркском языке. Синор предлагает считать современных татар и чувашей прямыми потомками средневековых болгар. Этот автор считает, что болгары напрямую связаны с древними венграми, которые под давлением тюрков-печенегов в конце IX в. ушли на Запад и завоевали Паннонию. Прародину венгров, считает Синор, следует искать именно во владениях волжско-камских

болгар, в государстве которых существовал тюрко-угрский билингвизм. Синор также находит много общего в языке и обычаях венгров и башкир, которые проживают на территории прародины венгров. Эту территорию Синор называет *Леведией*, из которой венгры затем переселились в *Этелькёз* (между Днестром и Прутом). Оба распространенных названия — *венгры* и *мадьяры* — несут в своем этногенезисе следы пребывания венгров в хазарском ареале и Волжском регионе (Sinor, 1958).

Польский исследователь Т. Нагродзкая-Майхшык в монографии «Возникновение городов у древних тюрков» (Ч. I. Гл. IV. § 2) показала генезис и развитие урбанистической традиции у тюркских народов на обширном географическом и хронологическом материале, однако при этом применила метод сравнительного анализа и сопоставления литературных и археологических данных. Она считает, что решающую роль в процессе урбанизации сыграли политические, экономические, социально-демографические и культовые функции городов. У тюрков потребность в центрах государственной и административной власти определялась, прежде всего, политическими факторами. Прообразом городов были ставки каганов — *орду*. Очевидно, что орда стала первым звеном в развитии городов у тюрков. Орда была одновременно и временным военным лагерем, ставкой кагана во время походов, и официальной резиденцией кагана и его двора. Орда выполняла одновременно политические и административные функции столицы. В орде существовали, по мнению автора, благоприятные условия для развития религии, торговли и ремесел. Орда стала тем самым важным исходным пунктом в процессе развития городов в условиях кочевого образа жизни. Сами тюрки не считали орду городом, поэтому впоследствии они прибавляли для обозначения города-столицы слово *балык*, а позднее — *кент*.

Уйгурский период, как считает Нагродзкая-Майхшык, сыграл важную роль в становлении городов у тюрков. Переняв у восточных тюрков традицию сезонной резиденции каганатов, уйгуры сделали важный шаг вперед, последовав примеру китайских императоров и построив на реке Орхон постоянную столицу Орду-Балык, ставшую позднее Карабалгасуном. Судя по данным археологических раскопок, на которые опирается польская ученая, это был крупный торговый, административный и ремесленный центр. Развитие торговли и ремесел стимулировало строительство новых городов, в частности Байбалыка на реке Селенге. Параллельно уйгуры оседали в городах Кашгарии и Джунгарии, а также захватывали города в ходе завоевательных походов. Расцвет городской цивилизации уйгур пришелся на X—XII вв. в уйгурских княжествах, возникших в Турфане после падения Уйгурского каганата. Центрами городской жизни стали Бешбалык, Карачар, Куча и ряд других. Археологические раскопки показывают, что это были хорошо укрепленные города с монументальной архитектурой и художественным оформлением интерьера зданий. Интенсивная экономическая жизнь этих городов, как один из наиболее важных факторов их развития, получила отражение в уйгурских юридических документах Турфана (Ч. II. Гл. II. § 3).

У западных тюрков, пришедших в Среднюю Азию во второй половине VI в., процесс урбанизации протекал иначе, несмотря на схожие политические и экономические условия. Они уже застали здесь города, состоявшие из крепостей-резиденций местных правителей и предместий, где селился простой люд. Обе части такого города были обнесены стеной. Завоеватели вскоре адаптировались к городской жизни. Со временем их правители переносили резиденции в города, как это имело место в Бухаре и Ташкенте. В Семиречье оседавшая и городская цивилизация не получила такого развития, как в оазисах Средней Азии. Тем не менее принадлежность

таких городов, как Суяб и Тараз, тюркам не вызывает у автора сомнений, опирающегося, прежде всего, на археологические данные. В первой половине VII в. Суяб был резиденцией ябгу-кагана западных тюрков, а позднее стал крупным торговым центром. К концу своего существования, вероятно в X в., он состоял из цитадели, собственного города (шахристана) и предместья (рабада). Тараз же всегда был политическим, административным и экономическим центром. В VII в. он имел такую же структуру, как Суяб. Таким образом, делает вывод Нагродзкая-Майхшык, западные тюрки, соприкоснувшись в ходе исторического развития с оседлым населением, сразу же включились в процесс урбанизации, что было необходимым условием их будущего существования. Этот процесс стимулировался общим развитием производственных отношений, вызванных феодализацией мусульманской Средней Азии. Принятие ислама западными тюрками в X в. и приобщение к мусульманской цивилизации также способствовали развитию городов. Караханидская эпоха X—XII вв. характеризуется, прежде всего, развитием поселений городского типа в Семиречье.

У таких тюркских народов, как енисейские киргизы и сырдарьинские огузы, которые жили в некотором отдалении от центров оседлой цивилизации, процесс урбанизации не получил развития. В этом сказались отсутствие благоприятных политических, экономических и культурных факторов. У хазар и волжско-камских булгар города достигли достаточно высокой степени развития. Благодаря своему выгодному географическому положению, их столицы стали международными торговыми центрами. На процесс урбанизации у древних тюрков, несомненно, оказали влияние оседлые цивилизации, в частности китайская, иранская, согдийская и арабская, что нашло отражение в архитектуре тюркских городов. В свою очередь, тюрки наложили отпечаток на города народов, с которым входили в соприкосновение, придав им

своеобразный тюркский колорит (**Nagrodzka-Majchrzyk, 1978**).

Данный сюжет об укрепленных городах древних и средневековых тюрков продолжил известный турецкий тюрколог Эмель Эсин, который выступил на 23-й Постоянной международной конференции по алтаистике, затронув в основном архитектурные аспекты. В тюркской эпиграфике и текстах слова *балык* и *орду* встречаются с VIII в., Махмуд Кашгарский дал им следующее определение: орду — укрепленный замок и город правителя, город, из которого управляют государством; балык — замок и город, слово употреблялось преимущественно уйгурами в доисламский период; при этом он указал на генетическую связь между словами *балык* и *бал*, *балчык* (глина).

Первая часть доклада была посвящена возможным предшественникам укреплений типа *балык* и *орду*. В своих более ранних исследованиях Эсин пришел к выводу, что первое могло быть связано с глинобитными стенами, а второе — с бытовавшими у китайцев в I тысячелетии до н.э. представлениями об идеальном городе правителя: состоящее из четырех частей прямоугольное укрепление, в центре которого возвышался дворец или храм.

Прототипом *орду* могли быть города из глинобитных построек, обнесенные такими же стенами, встречавшиеся в северном Китае со времен эпохи Шан. Основные черты *орду* можно обнаружить в погребениях правителей из династии Шан и пиктограммах, относящихся к 1339—1027 гг. до н.э. Между ними наблюдается определенное соответствие: пиктограмма, состоящая из вписанного в квадрат креста с добавлением древообразного знака, обозначает государство или его столицу. Указывающие на юг линии должны подчеркнуть доминирующий характер южного направления. На одной из пиктограмм квадрат разделен на девять частей, что напоминает планировку столицы периода династии Чжоу.

Китайские историки периода Хань приписывают концепцию столицы и небесного алтаря династии Чжоу. Ее некитайское происхождение, равно как различные гипотезы о культурных и, возможно, даже этнических связях Чжоу с тюркоязычными народами, позволяет, по мнению автора, строить предположения о происхождении тюркских укреплений типа *орду*. Если, как полагает В. Эбергард, чжоуская столица — центральноазиатского происхождения, то ее планировка, как и планировка тюркского *орду*, могла быть отражением расположения огороженного лагеря, на протяжении многих веков встречавшегося у кочевых тюркских народов.

Идея чжоуской столицы, состоящей из двух концентрических линий укреплений, была отражением космологических представлений, согласно которым Земля рассматривалась как четырехугольное пространство со срединной горой в месте пересечения главных направлений, окруженной по краям горами и морями. Внутреннее укрепление располагалось на тройной платформе, представляющей срединную гору, и символизировало трон правителя мира, который в качестве первосвященника неба совершал культовые отправления на круглом алтаре.

Уже с конца периода Чжоу верхняя часть храма неба имела куполообразную форму. На нижних платформах находились алтари божеств главных направлений или созвездий и звезд. Число угловых башен, башен по обеим сторонам ворот и рвов указывало на ранг правителя и соответствовало четырем главным вершинам мира и окраинным океанам. Центральный храм располагался на одной оси с жилищем бога неба, т.е. Полярной звездой, вокруг которой вращается весь небосвод. Четыре части круга, главные, и диагональные направления представляют основные части света и времена года.

Во времена хунну китайская архитектура и строительная технология проникли на земли древних тюрков. На территории современной Монголии строились укрепленные города

прямоугольной формы, обнесенные стенами и рвами, что говорит о принятии тюрками идеи *орду*. В отличие от китайцев, у тюрков главные ворота выходили на восток.

Существование в тюркских языках таких слов, как *чыт* (ограда, стена), *бал*, *балчык*, *титиг*, возможно, связанных с *балык* и обозначающих глину, строительный раствор, может быть, восходит к традициям Северо-Восточной Азии, где, как полагают, жили древние тюрки в период с III в. до н.э. по V в. н.э. На их связь с представителями Таштыкской культуры и другими полукочевыми народами Восточной Сибири указывает форма и символика куполообразного круглого шатра (*кереку*) и его компонентов (*эзмэ*, *очог*, *сирук*, *тю-тюнюк*). Об этом свидетельствует также сохранение круглой формы алтаря неба (*ягышлык*) в древнетюркских храмах неба (*тенгрилик*), которые в соответствии с традициями династии Чжоу и Тоба Вэй представляли собой прямоугольные укрепления с алтарем на возвышенном месте (*платформе*).

В период господства хунну среди древних тюрков, населявших территорию современной Монголии и Хакассии, получило распространение строительство жилищ из кирпича для высшей знати в виде китайских беседок. Касаясь представлений об идеальном *орду* в тюркском искусстве и литературе этого периода, автор отмечает, что, благодаря тесным контактам западных тюрков с хунну и табгачами, лежащие в основе концепции *орду* космологические идеи проникли в тюркскую культуру. В результате центральной идее китайской и буддийской космологии о резиденции правителя на срединной горе мира у тюрков соответствует представление о покрытой лесами горе *йыш* (*Отукен-йыш*). В соответствии с индийскими представлениями о Вселенной на рисунке кузнец изображен на фоне плоского круга с золотой горой в его центре, на вершине которой находится резиденция божеств; в уйгурских текстах она названа *тенгрилер ордуши*. *Орду* божеств изображено в виде китайской беседки.

Идея китайской столицы эпохи Чжоу с двумя линиями укреплений, расположенной на символической горе, нашло отражение в уйгурской версии легенды о драконе, жившем на золотой горе, в городе, окруженном семью рвами и двумя стенами. В этой легенде наружная и внутренняя линии укреплений названы соответственно *балык* и *орду*. Таким образом, можно утверждать, что *орду* обозначает собственно резиденцию правителя, а *балык* — линию укреплений в целом. Так полагал и М. Кашгарский. Тогда *орду-балык* означало, видимо, крупное поселение с двумя или более линиями укреплений, в котором жил правитель.

Данные археологических раскопок позволяют говорить о сохранении у тюрков примитивных линий укреплений типа *балык*, за стенами которых кочевники могли укрыться со своими стадами в случае опасности. Вдоль караванных путей возводились укрепления типа *яга*, состоявшие из стен и сигнальных башен (*каргу*), на которых зажигались огни, а также жилых построек барачного типа.

Укрепленные города типа *балык* в Центральной Азии отличались неплановой застройкой, отсутствием регулярной планировки. Примером может служить город, построенный в VIII в. в долине Чёрного Иртыша уйгурским каганом Боянчором; в Средней Азии — это Бухара, строительство которой приписывается западнотюркскому правителю (VI), и Янгикент — столица ябгу огузов (VI).

Такие города, как Ордубалык — столица уйгуров на реке Орхон, возникли вокруг ядра, которым служило *орду*. Концентрически расположенные пригороды и сады защищались стенами и рвами. Другой тип *орду* — несколько укрепленных поселений в одном оазисе (например, Отрар, состоявший из более ста отдельных поселений). Узкент, столица Караханидов, наряду с *орду*, включала еще два крупных укрепленных поселения, предназначенных для оседлого населения и для мечети с кладбищем. С распространением ислама значение

орду уменьшилось. Обращенные в ислам карлуки и огузы просто располагали свои шатры вокруг мечети; со временем такие поселения превращались в крупные города (Сюгкенд на Сыр-Дарье).

У тюрков понятие *орду* распространилось на священный город, построенный в честь какого-либо божества или усопшего члена царствующей династии. К этой категории *орду* относятся *тенгрилик* (храм неба), *эв-барк* (жилище души) членов правящего дома, *Буркан-орун* (буддийский храм). Как показывают данные археологических раскопок, при их возведении соблюдались архитектурные принципы *орду*: прямоугольная форма, правильная планировка, храм на возвышенном месте (платформе), жилища в форме круглого с куполом шатра или китайской беседки, угловые башни, крашенное или позолоченное дерево и цветная, порой покрытая глазурью черепица в качестве строительного материала. Это позволяет говорить о том, что идеал «орду», нашедший отражение в литературе и искусстве, воплощался иногда в действительности. И лишь на основе их функционального предназначения и соответствующего ему орнамента можно различить схожие памятники архитектуры подобного типа.

В Средней Азии укрепленные города типа *орду* появились в V—VI вв., во времена господства эфталитов, и получили дальнейшее распространение в VIII—X вв. в Западно-Тюркском каганате, уйгурских княжествах Восточного Туркестана и государстве Караханидов. Примером могут служить (с востока на запад): Вешбалык, Кочо, Ярхото, Чигилбалык, Баласагун, Тараз, Актепе, Сайрам, Кенгю-тарбан, Баба-ата и др.

С миграцией огузов в Хорасан и Малую Азию здесь появились города, в разное время служившие столицами династии Сельджукидов, в которых архитектура *орду* получила новое развитие. Резиденции огузских ханов имели восьми- или шестиугольную форму. После нашествия монголов сно-

ва возобладало восточное влияние: четырехугольное *орду* с шатром или беседкой в центре. Турки-османы унаследовали эту традицию (дворец султана Мехмеда II Завоевателя в Стамбуле). Вплоть до XVIII в. дворцы турецких султанов сохраняли черты центральноазиатского *орду*⁶².

Влияние ислама наложило, однако, отпечаток на традиционную архитектуру *орду*. Еще в период Караханидов, когда ислам распространился среди тюркских народов Семиречья и Восточного Туркестана, башни *орду* превратились в минареты мусульманских мечетей. Тем не менее основные черты тюркского *орду* сохранялись в среднеазиатских мечетях: возвышающийся в центре пирамидальный храм, символизирующий срединную гору, девять куполов, угловые башни-минареты.

Проблему происхождения тюркского слова *valiq* (город) затрагивал известный американский тюрколог Д. Синор, председатель Постоянной международной алтаистской конференции. Он отмечал, что письменные источники и археологические данные свидетельствуют о существовании в Центральной Азии постоянных поселений, как небольших, следы которых нелегко обнаружить, так и крупных центров торговли и ремесел. Некоторые поселения хазаров, уйгуров, киданей или монголов были настоящими городами. Но большинство алтайских народов не строили и не жили в городах. Можно предположить, что постоянные поселения не были существенной чертой их культуры и что алтайские языки достигли современного сходства в процессе развития в среде неоседлого населения Центральной Азии⁶³.

Анализ алтайских слов, обозначающих маленькие или большие постоянные поселения, показывает, что многие из них заимствованы из неалтайских языков. Эту точку зрения

⁶² Esin E. Balig and Ordu (The early Turkish Circumvallations, in architectural aspects) // Central Asiatic Journal. — Wiesbaden. 1983. V. 27. N 3-4. Pp. 168—208.

⁶³ Sinor D. The origin of turkic «Balig — Town» // Central Asiatic Journal. — Wiesbaden, 1981. Vol. XXV. N 1-2. Pp. 95—102.

автор иллюстрирует примерами. Так, персидское *šahr* (город) обнаруживается во многих современных тюркских языках: туркменском *šaxert кумык* — *šagar*, современном уйгурском *šəhər*, казахском *šəri*, киргизском *šäg*.

Арабское слово *kala* встречается в заимствованной форме в турецком *kale* (крепость), ногайском *kala* (город), татарском *kale* (город), казахском *qala* (деревня) и других тюркских языках.

Древнесогдийское *kent* (город) сохранилось в таких современных тюркских языках, как азербайджанский и кумыкский — *gent* (деревня), казахский *kent*. Это слово встречается в центральноазиатских топонимах: Ташкент, Самарканд, Озкент, Ордукент и т.д.

В тюркских языках существует слово, принадлежащее на первый взгляд к основному словарному запасу. В древне- и среднетюркском — это слово *balig*, общепринятое для обозначения понятия «город». Оно встречается как компонент таких тюркских топонимов, как Бешбалык, Канбалык, Янгибалык, а также топонима *Bakeğ pa lig* — *Bagir balig* (медный город) (в тибетском тексте VIII в. в транскрипции *palig*). За исключением архаического Сарыг-Югур, где, согласно Э.Р. Теншиеву, это слово встречается в значении «стена, изгородь» и халладжского *balug* (деревня) (ср. Г. Дёрфер), *balig* не является общепринятым в современных тюркских языках. Согласно автору, оно не принадлежит к основному общетюркскому словарному запасу, но это древнетюркское слово, проникшее в среднетюркский и не получившее широкого распространения в тюркских языках, поэтому нет основания считать его словом прототюркского происхождения.

Кашгари различал три одинаковых по форме, но разных по значению слова *balig* (рыба, ил, грязь, город). Можно предположить, что он находил смысловую связь между словами «ил» и «город». По мнению Синора, это не столь существенно, потому что этимологии Кашгари часто неточны.

Тюркское слово *balig* обычно приравнивается к классическому монгольскому *balyasun* (город). Крайнюю точку зрения выразил Н. Поппе, который выводил обе формы из алтайского *balaka* (город). Классическое монгольское *balyasun* появляется как *bala'asun* в «Сокровенном сказании» и, согласно Поппе, *balig* произошло от *balaka* через промежуточную форму *balg*. Между тюркскими и монгольскими словами Поппе постулирует генетическое родство, то же самое сделал и Г. Рамстедт. Последний приводит также классическую монгольскую форму *balyan* (здание, города), которая, видимо, не существует. М. Ряснен согласен с мнением Поппе. Другие (Клосон и Дёрфер) полагают, что *balyusun* является очень ранним тюркским заимствованием в монгольском языке.

Многие вопросы еще требуют ответа, заключает Синор, но с учетом поставленной задачи можно считать доказанным: в некоторых случаях тюркское *b* — продолжает протоалтайское *p*-, в других мы можем установить соответствие тюркского *b*-, монгольского *b*-, манчжурского *f*-, что может быть результатом скорее заимствований, чем генетического родства. К этой категории можно отнести и тюркское *balig*, мангольское *balvasun*, манчжурское *falga*. В этом случае вероятно, что манчжурское слово было заимствовано из монгольского, которым оно, в свою очередь, заимствовано из тюркского. Возникает вопрос о происхождении тюркского слова «балык». В древнетюркском есть ряд угорских и самоедских заимствований. Следовательно, тюркское слово является заимствованием из угорских языков.

Отдельным направлением в тюркологии является изучение языка ханских ярлыков Золотой Орды, литературных памятников той эпохи и др. В XIV в. на территории Египта и Золотой Орды создается не только литература богословного и дидактического содержания, но и художественная, делают-

ся переводы с арабского и персидского, развивались региональные литературные языки. Письменными памятниками этого периода исследователи называют «Юсуф и Зулейха», «Мухабат-наме», «Нахж-уль-Фарадис», «Гаашшук-наме», «Гулистан бит-турки», «Хусрау и Ширин» и др. Изучение периода Золотой Орды проливает свет на выяснение многих вопросов истории, культуры и языка тюркских народов. К этому же времени относятся и ханские ярлыки, написанные в XIV в. Поскольку по назначению это были деловые бумаги, то их немного и по количеству, и по объему. Но язык ярлыков с филологической точки зрения представляет большую ценность благодаря своеобразной структуре, древним грамматическим показателям и моделям. Отдельные лексические элементы этого языка вышли из употребления или утратили свое первостепенное значение, приобретя другое, и сохранились лишь в виде корневых морфем. То же относится и к некоторым аффиксам.

Язык ханских ярлыков относится к т.н. «средневековому письменному тюркскому языку». Он не был общенародным, доступным и понятным для всех. Это был письменный язык, которым пользовались лишь образованные люди, общий для группы тюркских языков, куда входили карлукский, огузский, кипчакский. Развитие его относят к периоду между XI и XV—XVII вв., т.е. до создания общенародных языков.

Язык художественной литературы в период средневековья был менее всего подвержен приукрашиванию, авторы произведений не выходили за рамки установленных норм и традиций. Однако по сравнению с древнетюркским языком исследователи считают язык средневековья более развитым и лексически более богатым. Авторы письменных памятников средневековья (ученые, поэты, секретари-писари) строго следовали нормам и правилам орфографии, никогда не употребляли устных разговорных форм.

Подробно анализируя язык ханских ярлыков, ученые приходят к выводу, что в этих документах наличествует больше элементов кипчакского языка, но есть и огузские глагольные аффиксы *-гил*, *-ын*, *-мыл*, направительный падеж на *-а*, винительный на *-ы+ны*, а также древнеуйгурская форма на *-лыр*. Последние встречаются в текстах ярлыков редко, что свидетельствует об изменениях традиционных норм этических каналов средневекового письменного языка в плане активного внесения кипчакских элементов. Хотя формы на *-ың*, *-мыш* вовсе чужды языкам кипчакской группы (казахскому, каракалпакскому, татарскому и др.).

Исследователи подчеркивают официально-деловой характер этих писем, судебных и канцелярских документов, на который указывает их лексико-фразеологический состав, морфологические способы и синтаксические обороты. Здесь было обязательным употребление определенных эпитетов в обращении к представителям власти, определенных слов и словосочетаний.

Исследователи делят ханские ярлыки, написанные в XIV в., по времени и месту возникновения на четыре группы. К первым они относят ярлыки Токтамыса и Темир-Кутлуга периода Золотой Орды, ко второй группе — написанные в Казанском ханстве ярлыки Ибрагима и Сахиб-Герее, к третьей — ярлыки Хажии-Герее, Менли-Герее и др. из Крымского ханства и, наконец, ярлыки, письма и деловые бумага Казахского ханства⁶⁴.

§ 3. Турфанские исследования и уйгуроведение

Первыми среди многочисленных эпигонов тюрок на центральноазиатском пространстве стали уйгуры, унаследовавшие от них крупное государство и административное управление. Этнонимически уйгуры зафиксированы в ки-

⁶⁴ См.: Ибатов А. XIV ғасырдағы хандар жарлықтарының тілі (Язык ханских ярлыков XIV в). — Алматы: Ғылым, 1990. — 151 б.

тайских источниках как *hui-ho* или *hui-hu*. С VI в. их с Китаем отношения описываются как дружественные.

Уйгуры впервые упоминаются в Орхонских надписях VIII в. В VII—VIII вв. «десять племен уйгуров», или *он-уйгур*, как они обозначены в Орхонских надписях, возглавляли крупнейшую племенную конфедерацию Центральной Азии *токуз-огузов*, т.е. «девяти племен Огузов». В эту эпоху племена токуз-огузов составляли основное население Тюркского каганата. В 844 г. уйгуры в союзе с другими токуз-огузскими племенами, а также карлуками и басмылами сокрушили власть тюркских каганов из династии Ашина и создали новую могучую центральноазиатскую державу — Уйгурский каганат, который возглавила династия Яглакаров. В 756—762 гг. уйгурские ханы помогли императорам династии Тан подавить восстание Ань Лу-шаня и его преемников, опустошившее Среднюю империю. В течение короткого периода уйгуры обладали всем Центральноазиатским регионом. Позднее уйгуры соперничали с тибетцами за власть над Восточным Туркестаном и в начале IX в. имели в этой стране преобладающее политическое влияние. После принятия уйгурами манихейства (762) большинство городов-оазисов Таримского бассейна, где эта религия была одной из преобладающих, признало протекторат уйгурских ханов.

Затяжная двадцатилетняя война уйгуров с енисейскими киргизами закончилась в 840 г. поражением уйгурских сил и разгромом ханской столицы — города Ордубалька на реке Орхон в Северной Монголии. Большая часть уйгуров вместе с другими огузскими племенами мигрировала на западную периферию своего государства — в Восточный Туркестан, где вскоре закрепилась первоначально в Джунгарии со столицей в городе Бешбалыке, а затем и в Таримском бассейне, где они создали государство Кочо со столицей в Турфанском оазисе. В европейской литературе это государство обычно называется Уйгурским Турфанским царством. Государство

Кочо в 1207 г. добровольно подчинилось Чингис-хану, а его государь (*идикут*) стал верным вассалом и союзником монгольских каганов. Уйгурские воины участвовали, в частности, в войне Чингис-хана против хорезмшаха. В 1275 г. уйгурское государство стало частью Чагатайского улуса. Свое автономное существование Уйгурское Турфанское государство прекратило в середине XIV в. Уйгуры сыграли решающую роль в приобщении монголов к письменной культуре. Именно уйгурская письменность, восходящая к согдийскому, а ретроспективно — к арамейскому курсивному письму, была принята монголами. Образованные уйгурские чиновники и писцы играли важную роль в государственном аппарате Монгольской империи. Брат Иоанн упоминает трех высокопоставленных чиновников-уйгуров, с которыми он непосредственно встречался при дворе Гуюка: несториан Чингая, Кадака и Бала. Брат Иоанн именует их *протонотариями*, т.е. составителями ханских посланий (по возвращении в Лион брат Иоанн был назначен на должность протонотария при папском дворе). Полиэтнические города Таримского бассейна, где господствовали уйгуры, были вместе с тем и важными центрами, где сосуществовали несколько мировых религий — буддизм, манихейство и христианство несторианского толка. Среди монгольских племен еще в дочингизову эпоху наибольшее распространение получило несторианство, заимствованное через уйгуров, и поэтому францисканцы пишут о стране уйгуров как о стране христиан-несториан.

И китайские, и персидские (Джувейни) источники приводят одну и ту же легенду о происхождении уйгур, в которой фигурируют священное дерево и рожденные от него пять детей, среди которых уйгуры выбрали себе правителя — Букухана (**Boyle, 1958, I, p. 57**). Структурно-культурологический анализ этой легенды показывает, что на центральноевразийском пространстве новая, алтаизированная, мифология уже вытеснила прежнюю — сакскую (индоевропейскую). Это оз-

начало не только изменение языкового ландшафта региона, но и полную смену мировоззренческой картины у кочевников Центральной Азии⁶⁵. Доказательством нового восприятия мира у уйгуров служит использование ими ложных имен для собственного обозначения, что, несомненно, говорит об их алтайском происхождении и что косвенным образом пытается отвергать Синор.

Он отмечает, что уйгурское государство достигло апогея в период между 759-м и 789 г., когда Китай сталкивался с серьезными трудностями и уйгуры активно вмешивались в его внутренние дела. При правителе Мо-ю произошло важное событие: в 762—763 гг. уйгуры перешли в манихейство. Это событие нашло отражение сразу в трех источниках в Карабалгасуне — на китайском, уйгурском и согдийском языках, что говорит не только о его исторической важности для современников, но и официальном трилингвизме уйгурского государства (**Mackerras, 1968**). В 840 г. уйгуры потеряли территорию Монголии, откуда их вытеснили киргизы. Синор считает, что уход уйгуров с исторической арены и усиление киргизов было исторически регрессивным явлением. После принятия манихейства уйгуры уже стояли особняком от других кочевых тюркских народов, придерживавшихся традиционной тенгрианской веры. Их особой роли способствовала также адаптация элементов китайской культуры, в первую очередь письменной (**Sinor, 1969, p. 116**). Манихейство стало также важной причиной антагонизма между китайцами и тюрками, продолжает Синор, так как означало утверждение у последних враждебной и чужой для китайцев идеологии. Эта враждебность особенно усиливалась, когда уйгурам удавалось устанавливать на какое-то время контроль над Китаем. Этот процесс активизировался после того, как киргизы стали теснить уйгуров. В IX—X вв. уйгуры в массовом по-

---

⁶⁵ См.: Галиев А.А. Этногенез и происхождение казахов. — Алматы: Ғылым, 1998.

рядке селятся и ассимилируются в Китае. Синор приводит такой факт, что их потомки, известные как «желтые уйгуры», до сих пор живут в провинции Каньсу.

Новый блистательный период в истории уйгуров начинается после их вторжения на территорию Восточного Туркестана, где они создают новое государство, просуществовавшее в течение пяти веков — с 850-го по 1250 г. (**Gabain, 1961**), столицей которого являлся сегодняшний город Кара-ходжа в Турфанском бассейне, носивший тогда название Хочо. Впоследствии изучение остатков этой культуры немецкими востоковедами А. Грюведелем и А. фон Лекоком привело к созданию отдельного направления в ориенталистике и тюркологии, известного как «Турфанские экспедиции» (**Le Coq, 1928**). Синор пишет, что уйгуры в Турфане полностью перешли к оседлому образу жизни. Этот исследователь пишет, что уйгурское государство не имело аналогов в средневековой Евразии: оно было мультирасовым, мультикультурным и мультилингвистическим и в нем мирно сосуществовали различные религии. У мусульманских историков осталась высокая репутация уйгуров как высокоразвитой оседлой нации, которая, благодаря своему транзитному положению, влияла через территорию Великого Шелкового пути на другие народы — монголов, китайцев, согдийцев и др. Многие из культурного наследия уйгуров было передано ими монголам. Еще в 1209 г. *идикут*, правитель турфанских уйгуров Барчук, добровольно присоединился к Чингис-хану. Уйгуры превратились в важный элемент монгольской администрации, однако, как отмечает Синор, они не могли долгое время сохранять свою национальную идентичность в рамках Монгольской империи. Последовала неизбежная ассимиляция с другими тюркскими племенами. Символом этого процесса стала исламизация тюркоговорящего населения Восточного Туркестана. Синор считает, что ни один из немусульманских тюркских народов не достиг того культурного уровня, кото-

рый существовал у уйгуров. Он заключает: «Они по праву считаются одной из самых светлых страниц центральноевразийской истории» (Sinor, 1969, p. 121).

По мнению австралийского ученого К. Маккераса, автора книги «Уйгурская империя», в китайской политике в отношении уйгур в концентрированном и отточенном виде нашла выражение формула сосуществования Поднебесной с кочевниками и «варварами» на протяжении столетий и тысячелетий. Маккерас пишет: «На протяжении веков одной из важнейших задач внешней политики Китая было сдерживание воинственных кочевых народов Центральной и Северной Азии и, когда представлялась возможность, использовать их в своих целях» (Mackerras, 1968, p. 17).

По-видимому, часть памятников рунической письменности на Орхоне повествует об уйгурах. К ним относится памятник из местечка Шине-Усу (сер. VIII), суджинский (сер. IX); первый текст повествует о кагане Моюнчуру и сообщает о победе над тюркским ханом Озмыштигином. После этой победы возникла первая кочевая империя древних уйгур, а создание надписей, как это имело место и с другими предшествующими руническими памятниками, было попыткой осмыслить важный этап собственной истории. После прихода уйгуров в Прииртышье в конце IX в. появилось значительное количество памятников различного содержания, написанных руническим и уйгурским шрифтами. Памятники Восточного Туркестана включают четыре надписи на стене древней постройки в Турфане и несколько крупных текстов на бумаге из Мирана и Дуньхуана. По жанровой принадлежности памятники представляют собой историко-библиографические тексты, восхваления деяний виднейших представителей тюркской, уйгурской и киргизской знати, магические и религиозные тексты, к которым относятся восточно-тюркские «руны на бумаге» — «Книга гаданий», трактат о магических свойствах камней, фрагменты трактата манихейского содержания и юридические документы.

Основной массив информации о древних и средневековых памятниках содержится в китайских летописях.

«Юань-ши» — единственный источник, свидетельствующий об истории заимствования монголами уйгурской письменности, к которому восходят остальные китайские работы. П. Пельо отмечал существенное различие между «Юань-ши» и «Юань-ши лэй-бянь» по вопросу о том, чему обучал Та-та-тун-а сыновей Чингис-хана: писать по-монгольски уйгурскими буквами, как сказано в «Юань-ши», или только по-уйгурски. Последнего мнения придерживаются А. Ремюза, Ю. Клапрот, В. Отель. Кэ Шаоминь также считает, что монголы писали по-уйгурски (но не указывает, на каком языке). Ту Цзи, наоборот, утверждает, что монголы писали на своем языке. Известно, что т.н. «Чингизов камень» и легенда на печати Гуюка 1246 г. были написаны на монгольском языке уйгурскими буквами. На основе этого можно сделать вывод, что более правдоподобной является версия «Юань-ши».

Появление монгольской письменности, зафиксировавшей монгольский литературный язык, относится к концу XII — началу XIII в., причем до сих пор не установлено, какое монгольское племя и при каких обстоятельствах ввело у себя письменность на основе уйгурского алфавита. Считается, что это могли быть найманы или керейты, наиболее культурные из монгольских племен, жившие в ту пору по соседству с уйгурами. Предполагается, что монгольский письменный язык возник именно у этих племен до эпохи Чингис-хана. Так, известно, что Чингисхан ввел для нужд своей державы уже готовый литературный язык, изображавшийся при помощи уйгурских букв. Ярким примером этому могут служить, как уже говорилось выше, «Чингизов камень» и легенда на печати хана Гуюка (1246), написанные на монгольском языке уйгурскими буквами.

Существует широко известное историческое предание о том, что в 1204 г. Чингис-хан, одержав победу над найманами, захватил в плен уйгура по имени Та-та-тун-а (Тататунг),

служившего хранителем печати у найманского Даян-хана. С помощью этого плененного чиновника и была введена Чингис-ханом письменность на уйгурской основе. Эта версия наиболее популярна среди исследователей. Однако никаких найманских памятников до сих пор не было обнаружено. Как известно, кереиты задолго до Чингис-хана приняли христианство несторианского толка, длительное время находились в культурных отношениях с уйгурами и другими народами Туркестана и Семиречья и опережали в своем развитии другие монгольские племена. Существует еще одна, третья, версия, связывающая происхождение письменного монгольского языка с семиреченскими киданями (кара-кытаями).

На протяжении жизни следующего поколения монголов ситуация с распространением письменности изменится. Персидский чиновник и автор «Истории завоевателя мира» Джувейни, путешествуя в 1248 г. по пути из Багдада в Монголию, узнал, что «император издал указ обучать монгольских детей уйгурскому языку». Наиболее древним образцом монгольской письменности на уйгурской основе является т.н. «Чингизов камень» (хранящийся в Эрмитаже), надпись на котором датируется приблизительно 1225 г. Приказы на золотых и серебряных пластинках — пайцзах — также писались по-монгольски буквами уйгурского алфавита. О распространенности уйгурского алфавита в XIII—XIV вв. на всем пространстве Великой степи свидетельствует следующий факт. В 1930 г. на левом берегу Волги близ села Терновки была найдена золотоордынская рукопись на бересте, датируемая началом XIV в. Рукопись была написана уйгурским алфавитом большей частью по-монгольски, меньшей — по-уйгурски. Берестяной свиток содержал лирические стихи.

По собственному свидетельству Марко Поло, он, проведя в Азии 26 лет в качестве ханского посла, «научился их языку и письменам; <...> четырем азбукам» (**Марко Поло**,

с. 51). В его книге, однако, осталось неразъясненным, какие это четыре азбуки. Со слов персидского историка Рашид ад-Дина известно, что при великом хане Хубилае должности по гражданскому управлению занимали представители четырех народов: таджики, китайцы, уйгуры и аркауны, то есть христиане-сирийцы. Так как главные должности, по словам Марко Поло, китайцам не поручались, то, возможно, четыре упомянутых им алфавита — это арабский, уйгурский, сирийский и *басына* (квадратное монгольское письмо, изобретенное при Хубилае).

Наряду с Тататунгом, в XIII в. среди уйгуров — учителей монгольских царевичей-Чингисидов упоминаются Кара-инах-буйрук, Сулохай и Абышка, потомки Тататунга, Саргис, секретарь Отчигина — младшего брата Чингис-хана, уроженец Кочо Еличу, исповедовавший христианство, помощник монгольского даругачи Шики-хутуху в Северном Китае (1235—1236) христианин Сибань или Шибан, служивший при Хубилайхане битикчи (секретарем), учитель Каши — внука Чингис-хана. Сибань стал членом юаньской академии Хань-линь. Учителем Хубилайхана в бытность его наследником трона был уйгур Толочу. Среди наставников детей Отчигина был Уйгуртай или Аринтимур, знаток уйгурского письма, прославившийся на поприще конфуцианской учености. Уйгуры Карабука (Халабухуа), Мунгуз «изучили старые уйгурские книги и исторические сочинения, Цзегэшу (Такацук) хорошо знал уйгурское письмо, в его переводах не имелось недостатков...».

Выходцы из Бешбалыка Юрунчхайя и его сын Чжирлахан славились как лекари. Юрунчхайя изготавливал лекарство для больных воинов из пшеницы, а Чжирлахан стал главным лекарем при дворе Хубилай-хана.

Среди деятелей культуры в эпоху Хубилай-хана (1260—1294) наиболее известными из уйгуров были буддисты Аньцзан (ум. 1293) и его сын Ордутегин — переводчики клас-

сической конфуцианской литературы и буддийских религиозных текстов с тибетского на монгольский язык уйгурским письмом. Из биографии Аньцзана видно, что уйгуры в Китае в эпоху монгольского владычества были проповедниками буддизма. Хубилайхан приказал перевести с китайского на уйгурский язык книги «Шагану», «Цзычжи-тунцзянь» и др. Среди тех, кто занимался переводом этих книг, был и Аньцзан. Уйгур из Бешбалыка Дачжэнтун — переводчик буддийских текстов, написанных уйгурским письмом, с тибетского на монгольский и на китайский языки — был учителем у монгольского царевича Ананьда, а при Тимурхане (Чэньцзуне) стал членом академии Ханьлинь. Дачжэнтун и Аньцзан были лучшими мастерами перевода и толкования буддийских текстов.

В качестве переводчиков известны уйгуры Читайсали, Силихала, Вэньшуну, Курил, Ясун, Цицжу, Таньжэньцзу и, особенно, Карунадас (Цзялунадассу). Вэньшуну и член академии Ханьлинь Таньжэньцзу приняли участие в создании новой письменности — «квадратного письма», которое в 1269 г. заменило уйгурское письмо в государственных канцеляриях империи Юань. Карунадас, кроме тибетского и санскрита, знал ряд языков народностей Индокитая, острова Суматры, привлекался Хубилайханом для обсуждения вопросов, связанных с учреждением законов, стал членом академии Ханьлинь. Карунадас был переводчиком уйгурского варианта буддийского сочинения «Маньджушри-намасамгити», изданного в 1302 г. Он прославился не только на ученом, но и на дипломатическом поприще, переводил Хубилайхану речи послов, прибывавших из различных стран.

Среди учителей монгольских правителей Китая в XIV в. китайские источники отмечают Ашитимура — наставника императоров Тимурхана и Хайсанхана, Тимурбука, Таньцзана — шаоцзина-аихучи, Таншзы — секретаря Джингима, сына Хубилайхана. Уйгуры, члены академии Ханьлинь,

Кутуртурмынш и Брантимур прославились как переводчики китайской конфуцианской литературы на монгольский язык. Известными китайскими литераторами и учеными — конфуцианцами стали уйгуры Ляньсисянь, Севинчхайя, Алчибука, члены академии Ханьлинь Таншу, Лачэнь, Бадам, рикхайя, глава академии Сатъямитра. Ляньсисянь за блестящее знание конфуцианских канонов получил от Хубилайхана титул Лянь-Мэнцзы в честь древнего философа Мэнцзы — одного из классиков конфуцианства.

47 уйгуров были членами академии Ханьлинь (26 из них имели ученые степени — цзиньши). Уйгурские ученые проделали большую работу по переводу буддийских текстов в юаньское время. Их переводческая работа в Китае подготовила почву для интенсивной литературной деятельности проповедников буддизма в последующую эпоху.

Уйгуры внесли весомый вклад в развитие монгольской и китайской науки и культуры. В 1271 г., согласно официальному указу Хубилайхана, образование членов императорской фамилии стало в основном прерогативой уйгуров. Китайские источники свидетельствуют о значительной роли уйгуров в формировании канцелярского стиля письменного языка.

В китайских источниках монгольской эпохи упоминается более 300 уйгуров, служивших монголам в Китае. Только в «Юань-ши» из 227 упоминаемых даругачи — монгольских наместников в Китае 34 были уйгурами. До 1260 г. китайские источники упоминают 12 уйгуров, занимавших должности наместников провинций — даругачи. Среди них — Уринтимур, главный даругачи в Хэнани и в других провинциях. Уйгур из Хами Аркиштимур был крупным военачальником во время правления Мункэхаля и принимал участие под командованием монгола Чжаларгая в походе на Корею. Сын Атай наследовал его пост, а затем был назначен Мункэханом даругачи в округе Синпин. Саргис после смерти Отчигина был назначен управляющим северной частью его владений

(удел Отчигина — брата Чингис-хана находился на землях современной Маньчжурии). Мунгуз, доверенное лицо Чингис-хана, в правление Мункэхана стал даругачи в Чжэндине. Сын Булатахайя Ляньсисянь (1231—1280), уйгур из Бешбалыка, начал служить монголам в окружении Хубилайхана, когда последний еще не был великим ханом. В 1254 г. он был назначен на ответственный пост в районе Даду (современный Пекин), а впоследствии стал первым министром в Государственном совете (Верховный исполнительный орган империи Юань).

Уйгуры, начиная с правления Хубилайхана (1260), становятся важной политической и военной опорой великих монгольских ханов — юаньских императоров в борьбе с сепаратизмом монгольской удельной знати, претендующей на великоханский трон, в подавлении выступлений китайского народа и его эксплуатации, проведении активной завоевательной политики. В правление основателя империи Юань Хубилайхана в китайских источниках были приведены данные более чем о 70 уйгурах, причем часть из них служила и при преемниках Хубилайхана. Из этого числа 60 человек находились на службе в центральной и провинциальной юаньской администрации (из них 21 человек был даругачи). Среди наиболее влиятельных высокопоставленных юаньских политических и военных деятелей при дворе Хубилайхана были Саргис, Мунгуз, Турмиш, Сайга, Уйгурсали, Аррунсали, Алихайя, Ляньсисянь, Есянай, Сибань, Атахайя. Именно на них опирался Хубилайхан в 1260 г., когда был провозглашен великим ханом. Впоследствии Саргис служил в Ляодуне и Корее, подавлял восстание в Китае и стал даругачи. Есянай и Си-бань приняли активное участие в походе на Арикбуку, соперника Хубилайхана в борьбе за великоханский престол. Уйгурсали имел титул сановника и занимал пост правого министра в Государственном совете. Аргунсали, средний из его сыновей, был советником при дворе, ведал назначениями на

ученые должности в юаньской академии Ханьлинь, исповедовал буддизм и являлся членом влиятельной политической группировки при дворе, которую возглавлял уйгур-буддист Санга, ставший в 1287 г. главным министром империи Юань и занимавший этот пост до 1291 г. В 1285 г. Аргунсали наследовал титул отца и его пост правого министра в Государственном совете.

Одним из прославленных полководцев армии Хубилайхана и главных организаторов успешных войн монголов с южнокитайской империей Сун был уйгур Алихайя. В биографии Алихайя сообщается о многочисленных сражениях, осадах китайских городов во время последней войны монголов с империей Сун, закончившейся в 1275 г. полной победой монгольских войск. Именно Алихайя в 1274 г. убедил Хубилайхана нанести окончательный удар по Сун при наиболее, как оказалось в дальнейшем, благоприятных для монголов обстоятельствах. Во время последнего похода против Сун под командованием Алихайя находилось 40-тысячное войско. Уйгур Такацук служил в охранной гвардии в столице, возглавлял войска во время подавления восстаний в Южном Китае. С 1264-го по 1295 г. он был даругачи в Личжоу. Есянай с 1278 г. занимал важный пост в монгольской администрации в Тибете, а в 1287 г. — в Юньнани. Сибань в 1260 г. стал даругачи в Чжэидине, ведал делами императорского дворца, воевал с Аригбукой, был послом Хубилая к Хайду, предводителю враждебной юаньскому трону коалиции. Атахайя сначала служил в охранной гвардии, а затем стал даругачи. Данные «Юань-ши» интересны тем, что свидетельствуют о наличии уйгурских общин в Китае в монгольскую эпоху. После монгольского нашествия в составе населения многих районов произошли значительные перемены, связанные с вольным и невольным переселением больших групп людей с востока на запад и с запада на восток. Уйгурские общины, скорее всего, появились в Китае после завоевания его северной части монголами из Восточного

Туркестана. Это обстоятельство очень важно для понимания роли уйгурских общин, так как известно, что уйгуры добровольно подчинились монголам и были у них в почете. Но из китайских источников ничего не известно о существовании уйгурских общин в Китае до монгольского нашествия. Однако не секрет, что после завоевания Китая монголами на его территории произошли значительные изменения в составе населения. Возможно, что именно в этот период и произошел приток в города Китая уйгурского и другого тюркского населения.

Китайские источники в конце XIII — начале XIV в., не позднее 1330 г., упоминают о 30 уйгурах на монгольской службе в Китае. В самый поздний период правления монголов в Китае есть также сведения о 170 уйгурах, не считая тех, кто служил еще при Хубилайхане. Наиболее влиятельные из них: Баянтогрил, бывший даругачи в городе Шичже, а затем начальник охраны императора Аюрбарвада (1312—1320), Ильчей (Ваньцзэ) в 1311 г. стал помощником министра в Государственном совете, а в 1317 г. занимал высокий пост в Юньнани, Ерантимур, советник императора Шидебала (1321—1323), Арслашайя, находившийся в ближайшем окружении императора Туктимура (1330—1332), Тимурбука, носивший титул идикута, но достигший самого высокого положения на монгольской службе в Китае. В 1328 г. Тимурбука являлся одним из руководителей заговора, который привел к восхождению на трон императора Туктимура, но в 1335 г., после смерти Туктимура, Тимурбука сам стал жертвой дворцовых интриг и был казнен. Уйгуры в этот период были самой многочисленной группой среди выходцев из других стран на монгольской службе в Китае, 60 процентов уйгуров занимали государственные посты в провинции (среди них 47 даругачи), а 20 процентов из них служили в столице. Скорее всего, это лишь часть уйгуров, в основном из числа тех, кто занимал наиболее высокое положение при дворе монгольских ханов.

Об этом свидетельствуют следующие данные «Юань-ши»: на 17-м году Чжи-Юань (1280) монгольская администрация приказала уйгурам основать поселение в Хэси, и в 1285 г. тысяча уйгурских воинов с семьями во главе с Сюетегиним была размещена на юге Китая в Юньнани; на 5-м году Да-Дэ (1301) уйгурские переселенцы получили земли в Хэнани, а в 1308 г. — 1-й год Чжи-Да — тысяча уйгуров из Юньнани была направлена в Тибет, а затем возвращена назад; в 1315 г. — 2-й год Янь-Ю — в Няомэн в Юньнани были созданы военные поселения уйгуров и китайцев, всего пять тысяч дворов для занятия земледелием. Военные поселения уйгуров были и на территории Тибета, подвластной династии Юань. Эти факты свидетельствуют о наличии в северо-западных и юго-западных пограничных районах юаньского Китая уйгурских переселенцев. Причинами бегства уйгуров в Китай были междоусобицы Чингисидов, тяжелые налоги монгольских властей династии Юань, стихийные бедствия и вследствие этого обнищание уйгурских земледельцев. «Юань-ши» сообщает о бедственном положении населения Хами в 1286 г. — 23-й год Чжи-Юань — в связи с голодом. В 1329 г. — 2-й год Тянь-Ли — 800 семей уйгуров просили власти Юань спасти их от голода, а ранее, в 1282 г., от стихийных бедствий (засухи, саранчи) пострадали посеы уйгуров в районе 300 ли к востоку от Бешбалыка.

С точки зрения истории Казахстана большой интерес представляют биографии Асанбуки, Тутуха, Бухуму. В «Юань-ши» их биографии содержат сведения, проливающие свет на проблемы государственности тюркских кочевников Казахстана, которые до сих пор являются предметом дискуссии в специальной литературе. Так, предметом обсуждения стали китайские термины, обозначающие различные формы социальной организации у кочевников, сохранившиеся в «Юань-ши». Применительно к рассматриваемой эпохе анализ соответствующей терминологии вызывает интерес ввиду

формирования раннефеодальных государств в предмонгольское и собственно монгольское время на территории Казахстана и Центральной Азии. Например, говоря о таких значительных союзах племен, как найманы и кирейты, в «Юань-ши» постоянно употребляется термин «То» — государство. Хорошо известно, что найманское и кирейтское племенные объединения были очень сложны по своим внутренним социальным связям и во многом подготовили создание общемонгольской государственности, а также сыграли заметную роль в этногенезе казахского народа в более позднее время. Поэтому определение тем же термином объединений кыпчаков и канглы представляется немаловажным для характеристики их уровня социального развития. В «Юань-ши» в биографии карлука Ягантегина приводятся данные, которые являются уникальным свидетельством о позднекараханидском княжестве в округе Узгенда, бывшей столице империи Караханидов, распавшейся накануне монгольского нашествия.

В биографиях Тутуха, Шади, Барчук-арт-тегина приводятся сведения по исторической географии, расселению тюркских племен на территории Казахстана и Центральной Азии, их миграциях. Так, сообщается, что кыпчаки накануне монгольского нашествия в начале XIII в. обитали и на землях Западного Казахстана в предгорьях Южного Урала. П. Пельо, комментируя этот факт, считает, что речь идет о племени байаутов, вошедших в состав кыпчаков. Это сообщение подтверждается и персидскими источниками. «Юань-ши» также свидетельствует, что в стране кыпчаков долины и степи ровны и широки, там хорошие травы и кустарники. Такое обилие трав способствует разведению лошадей. По своей природе люди этих мест воинственны и хладнокровны. Согласно «Юань-ши», огромные территории современного Казахстана в начале XIII в. занимали племена кыпчаков, канглы, карлуков, найманов. Район их расселения охватывал также и другие территории. Например, карлуки, обитая на землях пре-

имущественно Восточного и Юго-Восточного Казахстана, жили в Средней Азии и Восточном Туркестане, о чем свидетельствуют данные, содержащиеся в биографиях Ягантегина и Шади. Найманы, кроме Восточного Казахстана и Горного Алтая, занимали земли Северо-Западной Монголии — от верховьев Селенги и Орхона до Тарбагатай. Киреиты обитали в Северной Монголии, бассейне реки Толы и в районе среднего течения реки Онгин. Южными соседями найманов и киреитов были уйгуры, создавшие в Восточном Туркестане Турфанское княжество. Онгуты кочевали на землях Южной Монголии в непосредственной близости от Китая.

По данным «Юань-ши», можно составить представление о приобщении тюрок к мировым религиям: карлуков, кыпчаков, канглы — к исламу, найманов, киреитов, онгутов — к христианству и буддизму. «Юань-ши» позволяет уточнить сведения других источников о монгольском завоевании Казахстана, где подробно описывается подчинение Чингис-хану дипломатическими средствами карлуков, уйгуров, онгутов, упорное сопротивление завоевателю кайманов, киреитов, кыпчаков и канглы. Так, «Юань-ши» повествует о монгольском походе на кыпчаков Западного Казахстана, против кыпчакского вождя Бачмана. Большое количество данных приводится в «Юань-ши» об активном участии тюрок в монгольском завоевании Китая. В биографиях Бухуму и Чаоса (Шаосы) приводятся сведения об этногенетических и политических связях тюркских этносов Казахстана и Центральной Азии — канглы, киреитов, найманов, указывается на ту преемственность, которая существовала между тюрками XIII в., в частности канглы, и более древним населением Казахстана и Средней Азии на рубеже нашей эры. Таким образом, введение в научный оборот «Юань-ши» представляет интерес как с точки зрения истории Центральной Азии и Китая, так и истории Казахстана, поскольку эти тюркские племена средневековья участвовали в этногенезе казахского народа. Существует много изданий

«Юань-ши». По мере того, как ее первое издание периода Хун-У династии Мин становилось библиографической редкостью, оно переиздавалась. При каждом новом ксилографическом издании в тексте появлялись ошибки. Много их в изданиях Минской и Цинской эпох. Считается, что лучшим изданием текста «Юань-ши» является шанхайская публикация 1958 г. издательства «Шань-иньшугуань» в двух томах фотолитографическим способом уменьшенным форматом.

Необходимо отметить, что «Юань-ши» в передаче исторических фактов содержит много неточностей. Она была завершена менее чем за десять месяцев, а комиссия, работавшая над ней, собиралась на совместные заседания лишь дважды. Ошибки и пропуски в передаче фактов в «Юань-ши» были замечены сразу же после ее издания, и первый император династии Мин имел намерение заставить ученых пересмотреть эту историю. Большая работа по устранению неточностей и ошибок «Юань-ши» проводилась в Китае в период правления маньчжурской династии. Одна из главных причин активизации работы историков в данной области — повышенный интерес к истории некитайских династий, когда-либо правивших Китаем.

Первая попытка пересмотреть «Юань-ши» была предпринята историком Шао Юань-пином, написавшим в 1693 г. работу «Юань-ши лэй-бянь» («Тематически классифицированная история династии Юань»), состоящую из 42 глав. Хотя она по объему меньше «Юань-ши», в ней принят новый порядок расположения материала, и извлечения, сделанные автором из «Юань-ши», уточнены на основании первоисточников. «Основные анналы» им были написаны более кратко, чем в «Юань-ши», но в них он собрал воедино большое число императорских указов и высказываний. Были написаны новые биографии чиновников, в том числе и выходцев из Средней Азии в части «Лечжуань». В работу Шао Юань-пина, в отличие от «Юань-ши», были включены важнейшие доклады чиновников

императору. Но в «Юань-ши лэй-бянь» нет описания политических и экономических институтов эпохи Юань и генеалогических таблиц. К недостаткам труда Шао Юань-пина относятся тяжелый стиль повествования, обилие подзаголовков и ненужное употребление географических терминов эпох Хань и Тан по отношению к Средней Азии и Казахстану. Однако, несмотря на это, она представляет определенную ценность как источник по истории тюркских народов среднеазиатско-казахстанского региона в монгольскую эпоху.

Во второй половине XIX в. китайские историки обратили внимание на персо-арабоязычные источники, также на работы мусульманских авторов по истории монгольских ханов и их завоеваний на территории Средней Азии и Казахстана. Ученый и дипломат Хун Цзюнь (1840—1893), который в качестве посла Китая побывал в России, Германии, Австрии и Голландии в 1887—1890 гг., в бытность свою в Петербурге начал работу над переводом на китайский язык отдельных выдержек из персидских и арабских источников, таких как «Тарих-и-Джухангушай» («История завоевателя мира») Джувейни, «Джами ат-таварих» («Сборник летописей») Рашид-ад-дина, «Китаб» («Разделение стран и чередование веков») Вассафа и др., в основном по работам К.Д. Оссона и И.Н. Березина. Хун Цзюнь хотел написать труд из 30 глав, но закончил лишь 20. Работа «Юань-ши и-вэнь чжэн-бу» («Исправления и дополнения истории династии Юань переводными текстами») была опубликована в 1897 г. Это сочинение по тому времени дополняло «Юань-ши», в частности по истории завоевания монголами Средней Азии, по которой «Юань-ши» не располагает достаточно полными сведениями.

На рубеже XIX—XX вв. за пересмотр «Юань-ши» с целью дополнить ее взялся Ту Ци. Его работа «Мэнуэрши-ци» по замыслу автора должна была заменить «Юань-ши». При жизни автора в начале XX в. труд издавался несколько раз в 8, 10 и 14 томах. Эти издания, составляющие отдельные

части труда, были собраны и изданы в 28 томах в 1934 г. Из 160 глав большая часть посвящена «Бэньцзи» и «Лечжуань», 12 — «Бяо» и 1 — «Дили-чжи». Ту Цзи проделал кропотливую работу по изучению и сравнению «Юань чао би-ши» («Тайная история монголов») и литературы на европейских языках, в которой цитировались персидские и арабские источники, в частности труды К.Д. Оссона, Г. Ховорта. Кроме того, им было привлечено множество сочинений писателей-китайцев, современников монгольского владычества в Китае, не говоря уже об историях других династий, в частности Цзинь и Сун.

Ту Цзи внес значительные коррективы в «Юань-ши», пересмотрел изложение большинства событий и значительно дополнил ее. Весьма ценны для историка производимые Ту Цзи датировки событий в «Лечжуань», отождествление географических терминов с современными географическими пунктами, объяснение монгольских терминов. В труде Ту Цзи много сведений по политической истории монгольского государства в Китае, однако эта работа не была закончена⁶⁶.

«Синь Юань-ши» (257 глав) делится так же, как и «Юань-ши», на четыре большие части: «Бэньцзи» (главы 1—26), «Бяо» (главы 27—53), «Чжи» (главы 34—103) и «Лечжуань» (главы 104—257). Структура этих четырех частей была несколько изменена по сравнению с «Юань-ши», например, «Основной хронологии» предпослано введение, в котором кратко излагается предыстория рода Чингис-хана. В «Бяо» автор написал новый раздел «Таблица провинциальных правителей по городам». В разделе «Лечжуань» он произвел некоторые структурные перестановки, расположив биографии в более или менее хронологическом порядке. Но главное состоит в том, что автор, опираясь на труды своих предшественников, западноевропейские переводы персидских,

---

⁶⁶ Ту Цзи. Мэнуэр-ши-цзи (Исторические записки о монголах) (б.м.), 1934; Д. Оссон. История монголов от Чингис-хана до Тамерлана. — Иркутск, 1937. Т. 1.

арабских источников, а также китайские источники, не использованные составителями «Юань-ши», заново написал значительную часть истории династии Юань. Автор иногда переписывал целые абзацы из «Юань-ши», но при этом он располагал материалом в логической последовательности, датировал события. Кэ Шаоминь уточнил «Бэньцзи», сравнив все данные этого раздела с материалами из «Лечжуань». В отличие от «Юань-ши», здесь представлена более полная картина важных исторических событий первой половины XIII в., связанных со Средней Азией и Казахстаном. В разделе «Бяо» были заново составлены генеалогические таблицы ханов трех монгольских государств — дома Чагатая, ханов Золотой Орды и ильханов Ирана. Много дополнительных сведений внес автор в биографии исторических деятелей. Были включены и новые биографии, например, аргына Хаджи-Хасима, уйгура Кара-Арслан-уги, карлуков Дашмана, Найсяня, Чу-лука. Заново были написаны биографии 20 человек, в том числе и тюрок — выходцев из Центральной и Западной Азии — карлуков Каратая, канглы: Ороса, Тарикчи и др.

В «Синь Юань-ши» говорится о видном ученом-конфуцианце Найсяне, карлуке по происхождению. Сначала Найсян исповедовал ислам, затем стал буддистом. Сохранилось множество его стихов, имеются сведения о десяти наиболее крупных литературных произведениях. Среди юаньских поэтов и писателей китайские источники упоминают и брата Найсяна Дахая. Приводятся списки его литературных произведений.

Видными деятелями юаньской культуры были карлуки; Садаллах — писатель и художник, происходивший из знатной карлукской фамилии, Дашман, ставший в 1294 г. членом юаньской академии Ханьлинь, его сын Майну, который являлся членом академии Ханьлинь при правлении последнего юаньского императора Тогонтимура. Одним из юаньских по-

этов был карлук (кыпчак?) Тайбука Дацзицу, данные о котором приводятся в генеалогической таблице, повествующей о карлуках, достигший высшей ученой степени цзиньши в юаньской академии. «Синь Юань-ши» — один из наиболее ценных источников по истории Китая и тюркских народов Центральной Азии в эпоху монгольского владычества⁶⁷.

Переводы отдельных частей «Юань-ши» на другие языки были в свое время разобраны наряду с персо-арабоязычными и армянскими источниками в трудах В.В. Бартольда, Б.Я. Владимирцова. Из первых переводов «Юань-ши» в первую очередь необходимо отметить исследование Н.Я. Бичурина, которое знаменовало собой качественно новый этап в области изучения завоеваний Чингис-хана и его преемников в XIII—XIV вв. Н.Я. Бичурин принадлежал к плеяде тех европейских ученых-социологов, вышедших из миссионеров, которые опубликовали ряд трудов, специально посвященных кочевым народам, в том числе тюркам, их участию в монгольских завоеваниях XIII—XIV вв. и в жизни империи Юань.

Н.Я. Бичурин познакомил российского и европейского читателей с частью китайского источника, специально посвященной истории монгольских завоеваний и империи Юань. Здесь впервые был представлен полный перевод из раздела «Бэньци» кратких биографий Чингис-хана (по китайскому храмовому Тайцзу, 1206—1227 гг.), Угэдэя (Тайцзун, 1229—1241 гг.), Гуюка (Динцзун, 1246—1248 гг.) и Мункэ (Сяньцзун, 1251—1259 гг.), летописей их правления, включая 1242—1245 гг., когда правила вдова Угэдэя Дорегене. Автор дополнил краткие сообщения «Бэньци» ценными для историка выписками из сводного труда по истории Китая «Тун-цзянь-ганму» («Очерки по общей истории»), в котором события также излагаются в хронологическом порядке. Д'Оссон после опубликования «Истории первых четырех ха-

---

⁶⁷ Кэ Шаоминь. Синь Юань-ши (Новая история династии Юань). Серия «уншу-цзинчэн, эрши-у-ши» (25 династийных историй). — Шанхай, 1933. Т. 8.

нов...» был вынужден переработать вышедший в 1824 г. первый том своей «Истории монголов».

Из переводов последних десятилетий необходимо отметить монографию П. Рачневского «Юаньский кодекс», посвященную законодательству династии Юань. Помимо обстоятельного введения, целиком основанного на собственных переводах автора из китайских источников, данный труд содержит перевод 102 главы «Юань-ши», с огромным комментарием распоряжений правительства и императорских указов «Юань-дянь-чжан».

В начале XX в. Э. Бретшнейдер опубликовал библиографический обзор биографий представителей тюркских народов Центральной и Западной Азии, содержащихся в разделе «Лечжуань» в «Юань-ши». Л. Гамбис в 1945 и 1954 г. опубликовал переводы глав 107 и 108 «Юань-ши» («Генеалогические таблицы монгольских князей, живших в эпоху Юань, потомков Чингис-хана и родственников хана»). Эти переводы необходимы при работе над «Лечжуань» и «Бэньцзи». Из других переводов можно назвать работы П. Пельо, А. Гамбиса, Э. Хэниша, С.А. Козина, А. Вайли, Г. Франке, Ф.В. Кливза, Г.Ф. Шурманна.

В 1978 г. были опубликованы переводы Сяо Цинцин раздела «Бин-чжи» в «Юань-ши» о военной системе империи Юань. Это исследование представляется важным для истории тюрков, поскольку именно в военной системе монгольского государства в Китае тюрки — кыпчаки, канглы, карлуки, найманы, кирейты, онгуты, аргыны играли наиболее активную роль.

Следует отметить исследование Чэнь Юаня, переведенное Цзянь Синхаем и Л.К. Гудричем, основанное на привлечении обширного материала китайских источников юаньской эпохи и посвященное тем представителям тюркских народностей Центральной Азии и Казахстана, которые сыграли большую роль в развитии юаньской культуры⁶⁸.

---

⁶⁸ Ch' en Yuan. Western and Central Asians in China under Mongols. — Los Angeles, 1966.

В 1970—1980-е гг. появился ряд работ о роли некитайских (в частности, тюркских) народов сначала в Монгольской империи Чингис-хана, а затем в империи Юань. Важным вкладом в изучение истории и культуры Китая в позднюю юаньскую эпоху (XIV) является монография Д. Дардесса. На материалах китайских источников им дан анализ важнейших внутривосточных событий империи Юань этого периода, отражен характер явлений, присущих, прежде всего, позднему этапу юаньской истории, которые привели к падению монгольского владычества в Китае⁶⁹.

Интересными являются статьи И. де Рахевильца, особенно доклад «Роль тюрков в Китае при монголах», где очень подробно освещается вопрос о роли тюрков в системе монгольского владычества в Китае. Значительный интерес представляют статьи Г. Франке, в том числе последняя статья, где прослеживается история нескольких поколений карлукской фамилии, занимавшей высокое положение при монгольском дворе⁷⁰. Следует отметить работы, в которых поднимаются вопросы истории уйгуро-монгольских политических и культурных связей в эпоху Юань. Это труды Д. Кара, Ч. Далай. Работа Ч. Далай, на наш взгляд, имеет серьезные недостатки. В ней, в частности, автор умаляет, а подчас и отрицает ту роль, которую играли выходцы из тюркских народов Центральной и Западной Азии в Китае при династии Юань, считая их монголами. Из работ китайских ученых следует отметить фундаментальное исследование «История Юаньской династии» под редакцией Хань Жулиня⁷¹.

В советской историографии эпоха монгольского владычества в Китае и Центральной Азии была мало изучена. Кроме

---

⁶⁹ Dardess J.W. *Conquerors and confucians*. — New York; London, 1973.

⁷⁰ Rachewiltz I. de. *The role of turks in China under the Mongols. A preliminary investigation of turco-mongol relations in East Asia 10—13 centuries* (Conference under the sponsorship of the American council of Learned societies Issaquah. — Washington, July, 1978. Pp. 9—14; Franke H. *Eine Qarluq-Türkische Familie im Dienste der Mongolischen Gross Khane. Scholia. Beiträge zur Türckologie und Zentralasienkunde*. — Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1981. Band 14.

⁷¹ Кара Д. *Книги монгольских кочевников*. — М., 1972; *Уйгуро-монгольские литературные связи // Литературные связи Монголии*. — М., 1981; Далай Ч. *Монголия в XIII—XIV вв.* — М., 1984; Хань Жулинь. *Юань-чао ши (История Юаньской династии)*. В 2-х томах. — Нанкин, 1986.

работ Н.Ц. Мункуева, Т. Сагути и Т.Т. Алсена, посвященных отдельным периодам истории Китая и Центральной Азии в монгольскую эпоху, можно назвать лишь отдельные статьи, а проблема, касающаяся той роли, которую играли тюркские народы Центральной и Западной Азии в Китае при монгольском владычестве, вообще не затрагивалась в советской историографии⁷².

Самые первые упоминания об уйгурах в Европе восходят к работам Плано Карпини, Вильгельма де Рубрука и Марко Поло. Первые исторические сведения об уйгурах в европейскую историографию Нового времени попадают из китайских источников. Так, де Гинь в своей «Всеобщей истории гуннов, тюрков...» тщательно пересказывает те моменты в китайских анналах, которые касаются средневековых уйгур; К. Висделу в своей «Истории Татарии» добавил также раздел, посвященный этому народу, из «Синь таншу» («Новой хроники династии Тан»). До турфанских открытий в уйгуроведении лидировали французские ученые: Р. Гобиль, А. Ремюза, С. Жюльен, Э. Шаванн, А. Масперо, П. Пельо, Г. Кордье (Ч. I. Гл. I). Настоящий прорыв в уйгурском источниковедении произошел благодаря научной деятельности русского посланника И. Бичурина и французского сиолога С. Жюльена. Деятельность Бичурина и его вклад в науку хорошо известны у нас, добавим только, что работу Бичурина в этом направлении продолжили такие замечательные российские ученые, как В. Бретшнейдер, А. Казим-бек, В. Радлов, Н. Ядринцев, Д. Клеменц, М. Березовский, Н. Петровский,

⁷² Малявкин А.Г. Материалы по истории уйгуров в IX—XII вв. — Новосибирск, 1975; Кычанов Е.М. Сведения в «Юань-ши» о переселениях киргизов в XIII в. // Известия АН КиргССР. Серия обществ. наук. — Фрунзе, 1963. Т. 5. Вып. 1; Сагути Т. Монгорудзин сипай дзидай-но уйгуристан (Уйгуристан в эпоху монгольского владычества) Сигаку дзасси. — 1943. — Т. 54. — N 8-9; Мункуев Н.Ц. Заметки о древних монголах // Татаро-монголы в Азии и Европе. — М. 1970; Мелихов Г.В. Установление власти монгольских феодалов в Северо-Восточном Китае; Свистунова Н.В. Гибель государства Южных Сунов // Татаро-монголы в Азии и Европе. — М., 1977; Allsen T.T. The mongol grand qans and the uighurs of Turfan in the 13-th Century. Paper presented to conference of Multistate relations in East Asians, 10—13 centuries, 1977.

В. Григорьев и мн.др. Остановимся на европейской историографии.

С. Жюльен, в отличие от своих предшественников де Гиня и Висделу, не стал пересказывать китайские хроники, а дал дословный перевод подлинных текстов о тюркских народах, самым важным из которых считается отчет китайского посла Ван Янь-дэ о поездке в Уйгурское княжество в Турфане в последней четверти X в. Первой западноевропейской работой, в которой излагалась вся история уйгур, стала опубликованная в Калькутте в 1875 г. книга английского ориенталиста С. Белью, которую, однако, полностью заслонила блестящая работа русского востоковеда В. Григорьева. В конце XIX — начале XX в. в уйгуроведении устанавливается тип серийных источниковедческих сборников, таких как «Уйгурика» Ф.В. Мюллера, «Манихеика» А. Лекока, «Тюрко-турфанские тексты» В. Банга.

Большую роль в истории изучения ранней средневековой истории Центральной Азии сыграли находки в Турфанской низменности. В ходе экспедиций в начале XX в. в Таримском бассейне и, особенно, в Турфанском оазисе были найдены, помимо прочего, многочисленные тексты, написанные различным письмом. Изучение этих текстов Ф. Мюллером, А. фон Лекоком и Ф. Андреасом привело к открытию тохарского языка и пролило свет на многие неизвестные аспекты религиозной культурной истории региона. Тексты делятся на три лингвистические группы: тюркские, китайские и иранские. Тюркская группа содержит около шести тысяч фрагментов, большей частью религиозного содержания (буддистские, манихейские и христианские). Кроме того, в этой группе имеются юридические документы и личные письма. Именно тюркские турфанские тексты представляют собой основную группу источников для изучения сравнительной и исторической грамматики тюркских языков. Документы нерелигиозного содержания исследуются с

трудом, что было связано с объективными палеографическими трудностями. Религиозные тексты были написаны разборчивым, легко читаемым почерком (*шудьдуктусом*), а нерелигиозные — курсивным. Иранская группа Берлинского турфанского собрания содержит 4700 фрагментов. С религиозной точки зрения они подразделяются на манихейские, несторианские и буддистские. Самая обширная подгруппа — манихейские фрагменты, которые и позволили изучить манихейство как одну из религий Центральной Азии. Научную ценность представляют также согдийские и сакские тексты. Китайская группа источников долгое время представляла собой малоисследованную и практически неизвестную область турфаники. Это примерно шесть тысяч фрагментов, в основном буддистские тексты. Они представляют собой основной источник по истории буддизма в Центральной Азии (**Hazai, 1974**).

Заслуга расшифровки и перевода на французский язык свыше 600 документов из Дуньхуаня, Таримского бассейна и города Хара-Хочо принадлежит французскому синологу А. Масперо.

В 1971 г. начался выпуск серии берлинских текстов из Турфана. Анализ текста уйгурской сутры Инсади из Турфана посвящена работа турецкого исследователя С. Тезджана. Ученый предпринял изучение одного из наиболее трудных с точки зрения прочтения, написанного курсивным письмом текста Инсади, переписанного с Чизим-ту. Автор высказал предположение, что текст является переводом с китайского, содержанием которого является описание церемонии приглашения. Тезджан сосредоточился в основном на выявлении графических, фонетических и грамматических особенностей уйгурского текста и предложил новые трактовки и толкования этимологии ранее неизвестных слов, а также исследовал вокализмы древнеуйгурского языка и словаря. С исторической точки зрения текст представляет большую ценность благодаря наличию в нем топонимов (**Çagatay, Tezcan, 1974**).

Изучению турфанских рукописей уделяла большое внимание выдающийся немецкий ориенталист А.М. фон Габен (Ч. I. Гл. III. § 2). В частности, она поставила целью выявить исторические сведения о древних тюрках, причем не только из санскритских и сакских рукописей, но и древнетюркских. А.М. фон Габен отмечает, что, кроме единственной рукописи из Турфана, введенной в оборот Лекоком и Томсеном, ничего не известно о существовании исторической литературы у древних тюрков, что заставляло исследователей черпать информацию о них из китайских и других источников. Однако эти материалы не давали представления о географическом кругозоре древних тюрков, восприятию ими окружающего мира и их отношении с соседями (**Gabain, 1970, S. 115**). Исследуя топонимику региона по санскритским текстам, Габен пришла к выводу, что южное и северное направления караванных путей были заселены в основном выходцами из Индии, т.е. южная и, возможно, западная части Тарима. Однако этот факт можно объяснить распространенностью санскрита как языка буддийских религиозных текстов. Сакские рукописи, найденные в районах нахождения древнетюркских текстов, отличаются диалектально, что позволяло сделать вывод о нескольких этапах заселения Восточного Туркестана. В этих рукописях, относящихся к XI в., упоминаются тюрки-байырку, тардуши, толисы, уйгуры, татары, гунны, тибетцы, тангуты. Это означает, считает Габен, что в период, когда тюрки стали играть существенную роль в районе Тарима, саки еще жили здесь и находились в тесном контакте с тюрками.

Древнетюркские рукописи и ксилографы, найденные в Турфанском оазисе, содержат иные топонимы, чем санскритские тексты. В них фигурируют названия китайских (провинции Шаньси и Ганьсу), западнотюркских и западнотуркестанских городов (Алтун-Аргу, Барсхан, Каши, Нуч, Орду, Таласулуш) и бассейна реки Тарим. Габен интерпретирует топонимику следующим образом: Иль-балык — это близ

современной Кульджи, столица княжества Кочо; Камыл — современный Хами; княжество Кочо — Гаочан; Бишбалык — летняя резиденция уйгурских каганов; Отукен — место в Центральной Монголии; Китай — государство киданей. В них упоминаются такие тюркские племена, как басмилы, чигилы, огузы, тардуши, тюргеши и уйгуры. Вывод Габен сводится к тому, что древнетюркские рукописи указывают на широкий географический кругозор и хорошее знание северных караванных путей Тянь-Шаня. Ко времени уйгурского господства в Кочо южный караванный путь стал труднопроходимым из-за постепенного высыхания колодцев (**Gabain, 1970, S. 119**).

Габен также подошла к анализу древнетюркских рукописей из Турфана с другой стороны, сосредоточившись на религиозных текстах. Исходя из орфографических и графических особенностей, она заключает, что их переписывали саки или тохары, находившиеся в стадии тюркизации, но еще не овладевшие фонологической системой древнетюркского языка. Габен проводит также диалектный анализ текстов, которые она подразделяет на т.н. у-диалект и п-диалект. N-диалект чаще встречается в более ранних рукописях, а у-диалект — в более поздних (буддийских, несторианских и частично манихейских). Но один диалект не является предшественником другого, а оба существовали параллельно. Тот факт, что в этих рукописях наблюдается переход от п-диалекта к у-диалекту, позволяет предположить, что уйгуры, захватившие власть в Гаочане около 850 г., принесли с собой у-диалект, который стал преобладающей языковой нормой. Следовательно, к моменту прихода уйгур в середине IX в. в Гаочан здесь уже жили западные тюрки, т.е. аргу, гузы, кипчаки (**Gabain, 1970, S. 121**).

А.М. фон Габен обращается в своей работе к топониму «Куча». Она поддержала точку зрения Г. Бейли о том, что корень этого топонима следует искать в этнониме «кушан», а жившие на севере степные народы сохранили его как анахро-

низм уже после того, как кушаны переселились на юг. Сами уйгуры, считает Габен, являлись носителями традиции степи в тот период, когда они уже давно приняли обычаи и религии горожан и земледельцев. В частности, в манихейской рукописи фигурируют термины «тархан» и «тегин», которые были еще приняты во времена их пребывания в степи. Существуют еще другие доказательства тесных связей уйгур с кушанами, например элементы одежды — пояса с круглыми металлическими пластинками и шапки характерной формы (**Gabain, 1970, S. 123**).

Все турфанские исследования Габен сконцентрировались в монографии «Жизнь в уйгурском царстве Кочо: 850—1250», в которой она суммировала все сведения, обнаруженные в источниках ее коллегами и лично ею. Эта книга дала исчерпывающую и всестороннюю картину жизни в уйгурском царстве. При этом Габен исходила из того, что Кочо было одним из древнейших тюркских государств, о котором имеется достаточное количество сведений. Габен поставила целью воссоздать культуру этого района, включая не только литературу и философию, но и материальную культуру. Основной массив материалов, использованных Габен, приходится на период, предшествовавший приходу ислама. Работа состоит из двух томов, из которых первый включил материалы по структуре государственного аппарата, экономике и финансам, этнографии, письменности и религии. Во второй том Габен включила 235 репродукций, поясняющих первый том. Тем самым Габен создала не только историческое, но и источниковедческое исследование (**Gabain, 1973**).

А. Габен рассматривает также вопрос о соотношении коллективного и индивидуального в искусстве средневековых художников Восточного Туркестана. В Синьцзяне были найдены живописные работы с указанием авторов. Например, в Кизиле, одном из оазисов Кучи, были обнаружены три изображения Будды: два выполнены в китайско-уйгурском стиле,

одно — в тохарском; имена художников указаны на тохарском языке. Другой пример: в произведениях буддийской настенной живописи в Куче и Турфане бросаются в глаза изображенные по краям картины мужчины с кистями и красками, т.е. профессиональные художники. По мнению автора, создатели этих произведений надеялись таким образом приобщиться к благодати через священную религию и остаться в памяти людей. Поэтому наиболее крупные художники того времени были, видимо, известны. Но маловероятно, чтобы над крупными произведениями настенной живописи работал один мастер. По-видимому, полагает Габен, существовала какая-то специализация, как в мусульманской миниатюре. Как известно, в Стамбуле находилась академия живописи, которая готовила художников, специализировавшихся в выполнении отдельных видов работ. И только совместными их усилиями создавались великолепные миниатюры. Что касается техники настенной живописи, то, как отметили еще А. Лекок и Э. Вальдшмидт, эти произведения создавались с помощью шаблонов.

С проблемой коллективного и индивидуального в буддийской настенной живописи связан вопрос о допустимости копирования и возможностях варьирования при этом. Обнаруженные в турфане произведения живописи позволяют говорить о том. Автор заключает, что основным достижением средневековой живописи долины реки Тарим является композиция рисунка, включая цветовое решение, и тщательное выполнение деталей. Над картиной работал небольшой коллектив узких специалистов, каждый из которых мог свободно выразить себя в своей области; в результате такого сотрудничества возникало гармоничное художественное произведение⁷³.

Распространение ислама в Восточном Туркестане, по мнению некоторых исследователей, и сопутствующий ему рели-

---

⁷³ Gabain A. Kollektiv- und Individualkunst in der mittelalterlichen Malerei des Tarim-beckens // Central Asiatic Journal. — Wiesbaden. 1983. V. 27. N 1-2. S. 39—45.

гиозный фанатизм повлекли за собой уничтожение многих средневековых уйгурских рукописей. Сохранилась лишь незначительная их часть. Некоторые из них были обнаружены в ходе археологических раскопок в долине реки Тарим. Их изучение значительно обогатило ученых знаниями по истории, языку и культуре уйгуров после их переселения в Синьцзян. Особую ценность для изучения социально-экономических отношений в уйгурском обществе того времени представляют документы о купле-продаже рабов и земельных участков, займах денег и зерна, а также завещания и т.п. Они отражают степень социального и имущественного неравенства в этом обществе. Важны они и для изучения развития уйгурского языка и культуры.

В 1953 г. в Турфане китайские археологи обнаружили два уйгурских документа о купле-продаже рабов в уйгурском княжестве Кочо в период монгольской династии Юань. Оба документа были изучены и переведены на китайский язык профессором Фэн Цзяшеном. Значение этих документов для историков заключается, по мнению Гэн Шиминя, в следующем: а) они показали, что в средневековом уйгурском обществе существовала купля-продажа рабов; б) уважительное упоминание императора династий Юань (возможно, Хубилая) позволяет предположить, что управление уйгурскими княжествами в Синьцзяне осуществлялось непосредственно из Пекина; в) во втором документе упоминаются княжество Кочо и титул его правителя — идукут; это говорит о том, что уйгурский идукут еще правил в Кочо и официально, но не фактически, приравнялся к монгольским принцам; г) после падения династии Западная Ляо в 1201 г. некоторые из правивших ранее в Кочо киданей попали в рабство⁷⁴.

Этот же ученый рисует картину исторического развития региона в наиболее продолжительной исторической пер-

---

⁷⁴ Geng Shimin. A study of two Uighur contracts of the Yuan dynasty (1271—1368) // Zentralasiatische Studien. — Wiesbaden, 1984. B. 17. S. 3—10.

спективе. Более чем 2000-летнюю документированную историю Синьцзяна, пишет автор, можно разделить на два этапа: дотюркский (со II в. до н.э. до VIII—IX вв. н.э.); тюркский (с VIII—IX вв. до наст. вр.). В период примерно с VIII по XI в. переселившиеся в долину реки Тарим тюркские племена смешивались с местным ираноязычным населением, постепенно отюречивая его. В ходе исторического развития к концу XV — началу XVI в. здесь возникла новая этническая общность — уйгурский народ. Подробнее это выглядит следующим образом.

Долина реки Тарим (Таримская впадина, Кашгарская равнина) была населена с древнейших времен. Согласно китайским источникам, здесь жило оседлое население, достигшее сравнительно высокой культуры земледелия и значительной степени имущественного и социального расслоения. К этому времени относится начало проникновения буддизма и письменности в район Тарима и возникновение в оазисах отдельных городов-государств. В исторических хрониках государства Поздняя Хань сообщается, что в I в. н.э. в Южном Синьцзяне имелось 36 княжеств. Для управления ими императоры Ханьской династии создали соответствующий административный аппарат. После ослабления хунну здесь начались междоусобные войны, которые примерно в VII в. н.э. привели к усилению Чархлыкского, Ярекндского и Хотанского княжеств в Южном Синьцзяне и Турфанского, Карашарского, Кучанского и Кашгарского — в Северном. Численность их населения колебалась от ста до нескольких тысяч.

В III—V вв. продолжалось экономическое и культурное развитие Южного Синьцзяна, а в обращении появились деньги. В исторических хрониках династии Вэй содержатся некоторые сведения о налоговой системе, нравах и обычаях, мерах наказания за грабеж и убийство в княжестве Куча. В этот период началось массовое переселение китайцев в Турфанский оазис, что способствовало его экономическому развитию.

Для положения в Синьцзяне во времена правления династии Тан характерен пример Кучи. Согласно хроникам этого периода, здесь было развито орошаемое земледелие, добывали золото, медь, железо, свинец и олово, существовала довольно высокая культура и заимствованная из Индии модифицированная письменность, в обращении находились золотые, серебряные и медные монеты, имелось свыше сотни буддийских храмов и более пяти тысяч монахов. Относительно языков и письменности хроники династии Вэй сообщают, что в Турфанском оазисе, наряду с китайским языком и письменностью, имели хождение и другие. Это значит, что в V—VI вв., вследствие сильной китайской колонизации Турфана, китайский язык и письменность были общепринятыми, но сохранились еще туземные языки и письменность. Имеющиеся сведения позволяют предположить, что в южной части долины реки Тарим коренное население говорило на диалектах восточноиранского языка, родственного современному таджикскому; в настоящее время его называют древнехотанским. В Куче и Карашаре говорили на другом индоевропейском языке, называемом древнекарашарско-кучанским, и его диалектах, которые значительно различались. Его место в системе индоевропейских языков еще предстоит определить. Кроме того, во II—IV вв. в Синьцзяне имел хождение пракритский язык, один из древних диалектов северо-западной Индии, а в некоторых местностях к востоку от Хотана говорили на одном или нескольких тибетских или родственных им языках.

Что касается антропологической характеристики коренного населения долины реки Тарим, то китайские исторические хроники сообщают, что жители этих мест имели глубоко посаженные глаза и выступающий (большой) нос. Таким образом, в I тысячелетии н.э. на Кашгарской равнине жили народы со сравнительно развитой культурой, говорившие на различных языках и отличавшиеся определенным антропо-

логическим типом. В VIII—IX вв. в район Турфана и Кучи переселилось большое число уйгуров, а в район Кашгара — карлуков. В результате наплыва тюркоязычного населения этническая ситуация в Синьцзяне стала меняться.

Как известно, после разгрома Уйгурского каганата в 844 г. уйгуры разделились на три группы. Одна из них (13 племен, около 100 тысяч человек) бежала в окрестности Великой Китайской стены; там уйгуры постепенно смешались с китайцами и другими народами. Вторая группа переселилась на запад, на территорию современной провинции Ганьсу, где возникло уйгурское княжество Ганьджоу. Третья группа также направилась на запад, в район Бешбалыка, пересекла затем Тянь-Шаньский хребет в южном направлении и заняла Турфанский оазис, создав здесь уйгурское Турфанское княжество (середина IX в. — середина XIII в.); несколько позже оно распространило свою власть на район Карашар-Куча.

После переселения в Синьцзян под влиянием более высокой культуры уйгуры постепенно перешли на оседлость и на этой основе создали свою блестящую культуру. После прихода уйгур в Турфан новая уйгурская письменность стала постепенно вытеснять древнетюркское руническое письмо, а с их переходом на оседлость по мере развития ремесел и торговли уйгурский язык получил повсеместное распространение во всех областях общественной жизни. Со временем под влиянием местного населения уйгуры приняли буддизм и буддийские священные тексты стали переводить на уйгурский язык.

Что же касается карлуков, составлявших ядро государства Караханидов (X—XII вв.) и живших первоначально к юго-западу от Алтая и к северо-западу от Тянь-Шаня, занимая земли от Джунгарской равнины к юго-востоку от озера Балхаш и к востоку от реки Или, то на исторической сцене они появились после возникновения Тюркского каганата. Они состояли из трех племен. Вместе с басмилами и другими тюркскими племенами они сыграли значительную роль в его

разгроме. Во времена Уйгурского каганата карлуки откочевали на запад и были основными соперниками уйгуров на начальном этапе становления каганата. Под давлением уйгуров они вынуждены были двигаться все дальше на запад, и к середине VIII в. карлуки полностью доминировали в Семиречье и Ферганской долине. В IX в. они владели Кашгаром. Согласно арабо-персидским источникам, карлуки к этому времени перешли уже частично на оседлость, занимались земледелием, ремеслами и торговлей.

Как сообщают китайские исторические хроники, после разгрома Уйгурского каганата часть уйгуров бежала на запад к карлукам, в Семиречье. Однако неизвестно, что с ними стало затем, они могли расселиться в восточной части Семиречья, от районов Центрального Тянь-Шаня до долины реки Или и берегов озера Иссык-Куль. Их, видимо, было мало, и они подверглись ассимиляции карлуками.

Резиденция карлукского Бильге Кюль Кадырхана, первого из Караханидов, находилась первоначально в Баласагуне. В период исламизации населения государства Караханидов его столицей стал Кашгар. Упорное и длительное сопротивление насильственной исламизации оказывали уйгурские княжества в Турфане и Куче, где господствовал буддизм. С приходом ислама арабская письменность стала официальной письменностью государства Караханидов; усиливалось влияние арабского и персидского языков, культуры этих народов.

Такими образом, в период с X по XII—XIII вв. к северу и югу от долины реки Тарим существовали два тюркских государства: империя Караханидов на юге со столицей в Кашгаре и уйгурское Турфанское княжество на севере. В них тюрки доминировали в политическом и демографическом отношении над некогда коренным населением, и в результате слияния с ним тюркский язык постепенно стал господствующим в долине реки Тарим. Языки же коренно-

го населения выходили из употребления и отмирали. Но в процессе ассимиляции восточноиранские языки взаимодействовали с уйгурским: в результате возникли те основные особенности, которые отличают современный уйгурский от других тюркских языков.

Итак, к концу XI в. (не позже) тюркский язык получил широкое распространение в долине реки Тарим как язык межнационального общения. Тем не менее, согласно Махмуду Кашгарскому, коренное население продолжало пользоваться родным языком — согдийским, тибетским и хотанским.

Несмотря на происходившие процессы межэтнического взаимодействия, историческая обстановка в Синьцзяне в IX—XIII вв. не способствовала формированию единого народа. Этому препятствовали религиозные, культурные и политические противоречия между караханидским государством и Турфанским княжеством. Необходимые условия для этого возникли только в XIV—XV вв., когда тюрки Синьцзяна вошли в состав восточной части Чагатайского улуса — Могулистана. Свою роль в консолидации тюрков и возникновении уйгурского народа сыграла насильственная их исламизация в конце XIV в., хотя, согласно некоторым китайским и арабо-персидским источникам, население Турфана исповедовало буддизм еще во второй половине XV в.

В начале XVI в. политический центр Могулистана переместился из долины реки Или в Кашгар; здесь возникло Кашгарское (Яркендское) ханство, власть которого распространялась на всю долину реки Тарим. Что касается некоторых монгольских племен, переселившихся в Южный Синьцзян, то они не повлияли на этнический состав местного тюркоязычного населения и были оторчены еще в начале XIV в.⁷⁵

---

⁷⁵ Geng Shimin. On the fusion of nationalities in the Tarim basin and the formation of the modern Uighar nationality // *Materialia Turcica*. — Bochum. 1983. B. 7—8 (1981—1982). S. 168—190.

Традиции уйгуроведения продолжил в Турции ученик Габен С. Тезджан, который в своих работах (Ч. I. Гл. VI. § 2) сделал упор на сравнительный анализ уйгурских текстов и древнетюркских письменных памятников, в частности памятник Тоньюкука (**Tezcan, 1976**). Тезджану также принадлежит (совместно с С. Чатагай) заслуга в анализе, переводе и интерпретации уйгурской сутры Инсади из Берлинской коллекции. Тезджан проделал огромную работу при изучении трудночитаемых, написанных курсивом текстов и в результате предложил новые трактовки и этимологические толкования ранее неизвестных слов.

Османские исследования являются отдельным крупным направлением в мировой тюркологии. Для нас интересны только те исследования, которые предоставляют дополнительный материал к центральноазиатской проблематике. Венгерский и немецкий (ГДР) тюркологи Г. Хазаи и П. Циме предложили в 1970 г. собственную методику обработки тюркских письменных памятников. При этом ученые исходили из того, что в центре исследования должны находиться памятники письменности разных времен и разных мест. Точный статистический анализ всех явлений может дать данные, позволяющие получить географическую и временную характеристики отдельных явлений и их комбинаций. Для этого исследователи взяли для изучения два османско-тюркских памятника: транскрибированный текст XVII столетия и историческую хроника XVI в., написанную вокализированным арабским шрифтом. Анализ этих текстов ясно показал, что в области лабиальной ассимиляции была переходная ступень. Эти результаты подтвердили выводы П. Циме в отношении уйгурского языка турфанских текстов. Циме обращает внимание, что некорректно называть язык (или языки памятников этой эпохи) «древнетюркским». Памятники этой письменности представляют собой пеструю картину как в территориальном, так и в хронологическом плане. Главный

вывод ученых — не следует смешивать культурно-историческое единство памятников с языковым единством. Тексты, написанные манихейским и уйгурским шрифтами, можно подразделять на категории п-диалекта и у-диалекта очень условно и с большими ограничениями (**Hazai, Zieme, 1970**).

Большой вклад в изучение уйгурских рукописей внес Дж. Гамильтон, автор книг «Уйгуры в эпоху пяти династий по китайским хроникам» (1955) и «Уйгурские рукописи из Дунхуана» (1973). В «Пяти династиях» Гамильтон обобщил все сообщения об уйгурах, содержащиеся в таких источниках, как «Цзю Удай Ши» и «Удай Гуйяо». Кроме того, английский ученый перевел с китайского сведения, относящиеся не только к уйгурам, но и к тибетцам, тангутам и другим народам, с которыми соприкасались древние уйгуры.

Гамильтон издал Китайскую рукопись № 3509 из архива П. Пельо и т.н. «фрагмент А» с французским переводом, транслитерацией и транскрипцией, примечаниями и полным глоссарием в виде конкорданса с морфологическими объяснениями, таблицей соответствий транскрибированных и транслитерированных слов. Наиболее характерной чертой работ Гамильтона является доскональная точность, с которой он исследовал каждую букву рукописей. При этом автор использовал любую возможность, чтобы объединить значительное число этимологических гипотез и проследить процесс заимствования тюркским языком ряда слов из китайского, тохарского и иранского (сакского) языков. Фактически появление трудов Гамильтона стало революционным рывком в изучении уйгурских рукописей. Гамильтон опирался, в свою очередь, на работы Дёрфера «Тюркские и монгольские элементы в современном персидском языке» и корригировал свои выводы с результатами исследований Дж. Клосона (**Hamilton, 1955; Hamilton, 1973**).

Австралийский ученый К. Макеррас, о котором говорилось выше (Ч. II. Гл. III. § 2), выпустивший в 1968 г. работу

«Уйгурская империя» (744—840) в Центре восточных исследований Австралийского национального университета, широко опирался на китайские источники «Цзю Таншу» («Старая хроника династии Тан») и «Синь Таншу» («Новая хроника династии Тан»). Макеррас дал характеристику всех важнейших китайских источников по истории уйгур и обобщил их историю в период каганата на концептуальной основе, т.е. в ракурсе и привязке отношений с Китаем.

П. Циме сделал попытку обобщить исторический опыт отношений уйгуров с Китаем (**Zieme, 1973**) в период с конца VI до середины XIV в. Единственными источниками, содержащими сведения по этому вопросу, являются китайские, а древнеуйгурские, персидские и арабские источники практически не содержат таких сведений. Таким образом, данная большая тема полностью зависит от информации китайского происхождения, что следует учитывать при ее разработке. В ранний период, считает Циме, а это конец VI в. и до 745 г., в период Тюркского каганата, отношения сводились к отправке даннических посольств и неоднократному оказанию военной помощи династии Тан. В период Уйгурского каганата (745—840), когда уйгурские племена достигли максимального могущества, связи с Китаем приняли тесный и разнообразный характер и увеличилось число уйгурских посольств, что являлось скрытой формой эксплуатации Китая кочевниками. Циме называет эти отношения типично союзническими (**Zieme, 1973, p. 289**). Как и Э. Пинкс, автор считает, что Китай попал в своего рода зависимость от уйгур. Но и уйгуры испытали сильное влияние китайской культуры. Наиболее ценные сведения содержатся в путевых заметках китайского посла Ван Янь-дэ (981—984). Также китайское влияние заметно проявилось в религии, письменной культуре, книжном деле и правоведении.

Текстовые находки из центральноазиатских оазисов Турфана, Хами и Дуньхуана позволили составить более опреде-

ленное представление о литературе уйгуров доисламского периода. В статье П. Циме отмечается, что, наряду с огромным числом религиозных произведений буддистов, манихейцев и несториан, будь то оригиналы или переводы, очень мало сохранилось нерелигиозной, или светской, литературы.

Среди уйгурских текстов одной рукописи, которая содержит и монгольские тексты, два известны как песни. Как отмечает автор, они построены по тем же принципам, которые сохранились у многих тюркских народов до сих пор, например у тувинцев. Текстовый жанр, который не нашел отражения в прежних очерках древнетюркской истории литературы, — это памфлеты. Отмечается, что памфлеты (пасквильные песни) находят отражение у тюркских народов Алтая и у многих других и в наши дни. В одной из курсивных рукописей были найдены четверостишия, составленные строфной аллитерацией; Циме считает их памфлетами. Далее речь идет о рассказах. Автор пишет, что под видом религиозной передачи они имеют различное происхождение. Так, басни Эзопа через греко-иранское посредство находят путь к центральноазиатским народам.

Поминальные тексты также считаются жанром устной литературы, когда они были проанализированы в очерке древнетюркской литературы у А. Габен. Известно также, что они были широко распространены у тюрков. В качестве примера Циме указывает на древнетюркскую сутру «Золотого блеска»⁷⁶.

Эту тему продолжил итальянский автор М. Россабби в статье «Минский Китай и Турфан» (**Rossabi, 1972**). Автор видит в Турфане важный геополитический центр той эпохи, который его соседи — мусульманские государства Средней Азии, Китай и монголы пытались подчинить своему влиянию. Китай рассматривал Турфан как решающий фактор в защите своих северных границ. Первыми китайски-

---

⁷⁶ Zieme P. Einige Bemerkungen zur Profanliteratur der Uiguren // Besinci milletler arasi turkoloji kongresi. — Istanbul, 1985. С. 1. S. 277—282.

ми властителями, вступившими в связь с Турфаном, были представители ранней Хань. Им удалось даже на полвека установить свой контроль над регионом. В период с IX по XII в. Турфан попадает под влияние многих некитайских народов, расцветает торговля между Китаем, Персией, Индией и Средней Азией. Следствием этих процессов стало появление замечательного искусства, на которое наложили отпечаток буддизм, манихейство, несторианство и зороастризм. Тем самым Россабби считает, что важными источниками по истории Турфана являются данные археологии, попадающие в распоряжение палеографии, культурологии и религиоведения.

К. Цегледи в статье, посвященной числовому составу конфедерации древнетюркских племен, затрагивает вопросы истории древних уйгур. Путем сравнительного анализа китайских, орхонских, тибетских, турфанских и арабских источников ученый пришел к выводу, что древние «уйгуры» образовывали девять племен, или подплемен, которые входили в более обширную конфедерацию тюркских племен, состоявшую в общей сложности из 18 племен. Согласно сообщению арабского географа Ибн аль-Факиха, племена уйгуров не уступали по численности остальным восьми огузским племенам. Самоназвание «уйгур», согласно китайскому источнику «Цзю Таншу», возникло в 620 г. и было следствием доминирующего положения уйгур в конфедерации. Основная мысль, к которой пришел Цегледи путем сравнительного анализа источников, состоит в том, что термины «он-уйгур», «токуз-огуз» и даже «он-уйгур — токуз-огуз» обозначали, за исключением одного племени, одну и ту же группу племен (Czegledi, 1972, p. 280).

Направлением с давней исторической традицией является изучение буддийской аллитерационной поэзии древних уйгур. Проблемой происхождения аллитерации занимался еще В. Радлов. Интерес к данной теме возобновился после появ-

ления в 1965 г. книги *Eski Türk siiri* турецкого исследователя Р. Арата, лучшего знатока турфанских текстов. Эта книга позволила познакомиться с малоизвестными аллитерационными поэтическими произведениями древних уйгуров. Арат расположил материал в своей книге по четырем частям: в первой и второй частях были представлены стихотворения буддийского и манихейского содержания, в третьей — стихотворения позднейуйгурского периода, в четвертой — стихотворная проза. Восточногерманский ученый Циме опубликовал два буддийских аллитерационных стихотворения из Берлинского собрания турфаники. Подобные фрагменты были опубликованы Л. Тугушевой из Ленинградского собрания древнейуйгурских рукописей. С появлением аллитерации тюркологи связывают и другие важные проблемы. Некоторые ученые считают аллитерацию особенностью исключительно тюркской поэзии; другие считают, что на появление аллитерации в тюркском языке повлияла монгольская поэзия. П. Циме считает, что аллитерация имеется в поэзии других тюркских народов — в османском, киргизском, казахском и поэтическом наследии желтых уйгуров. Чаще всего аллитерация появляется там, утверждает Циме, где менее всего сказывается арабо-персидское влияние. Аллитерация в тюркской поэзии появилась еще в домонгольское время, что дает возможность давать раннюю датировку манихейских текстов. А. фон Габен относит манихейские тексты к X в. В этих текстах обнаруживается и тохарская древнетюркская часть. Принцип «алтайской аллитерации» состоит в том, что строчки одной строки обнаруживают одинаковый начальный звук. Аллитерация, встречающаяся внутри одной стихотворной строчки, как это имеет место в старогерманском стихотворении (например, в «Песне Хильдебранда»), имеется и в некоторых манихейских стихотворениях. Циме предложил слововую структуру стихов буддийского содержания, что обнаружило генетическое родство с тюркским стихосложением (Zieme, 1975).

Отдельно следует сказать об открытии и изучении древне-уйгурского текста *Maitrisimit nom bitig*. Первая и вторая рукописи этого буддийского текста были обнаружены в 1906 г. в одной из святых пещер в ущелье Сенгим-Агыз, а затем, в том же году, в соседнем ущелье Муртук в Турфане. В 1956 г. в горном районе Темерти, недалеко от города Комул, была обнаружена большая часть второй рукописи. В 1974 г. часть второй рукописи тохарского текста была найдена в Шикшиме, рядом с городом Карашар. В 2012 г. в небольшой деревне Нернаси, неподалеку от Темерти, было найдено большое количество мелких фрагментов, принадлежащих к первой обнаруженной рукописи из Темерти. Изучением *Maitrisimit nom bitig* занимались в течение многих лет: Фридрих Вильгельм Карл Мюллер и Анн-Мари фон Габен, Синаси Текин, Ганс Иоахим Клим-кайт, Цзи Сянлин, Гэн Шиминь, Иене Петер Лаут и Жорж-Жан Пино.

Со своей трактовкой истории средневековых уйгуров выступил в 1973 г. немецкий (ГДР) востоковед П. Циме в работе «Уйгуры и их отношения с Китаем». Циме считает, что подробная история уйгур еще не написана, хотя именно о них наука располагает наиболее многочисленными источниками (**Zieme, 1973, S. 282**). Немецкий ученый сделал попытку на основе сведений из китайских источников дать обзор истории уйгуро-китайских отношений с конца VI до середины XIV в. Несмотря на специфическое отношение китайцев к другим народам — «варварам», в них отражалось, считает Циме, то, что казалось важным именно с китайской точки зрения. Отношения раннесредневекового Китая с кочевыми народами характеризуются Циме как постоянное противоборство, в ходе которого Китай переходил от обороны к наступлению в зависимости от политической обстановки в стране. В ранний период истории уйгур (конец VI в. — 745 г.), т.е. в период Тюркского каганата, они входили в состав объединения племен теле (токуз-огузов) и их отношения с Китаем сводились

к отправке посольств и оказанию помощи династии Тан. В период Уйгурского каганата (745—840), когда уйгурские племена достигли наибольшего могущества, связи с Китаем приняли разнообразный и более тесный характер. Выросла интенсивность посольств; Циме подразделяет уйгурские посольства на четыре категории: даннические, военные (помощь династии Тан), связанные со смертью кагана и провозглашением нового, а также специального назначения. В этот период расширился торговый обмен между каганатом и Поднебесной; уйгуры меняли лошадей на китайский шелк, часто в принудительном порядке, являвшемся завуалированной формой сбора дани. Выросла также частная торговля в приграничных областях, уйгуры даже пользовались в этот период правом торговли в городах Китая. Для этого времени вторжения уйгур на территорию Китая нетипичны. Наоборот, уйгуры неоднократно оказывали военную помощь династии Тан, спасая ее от гибели (например, во время подавления восстания Ань Лушаня). Как считает Циме, ссылаясь на мнение Э. Пинск, «в действительности китайцы даже попали в своего рода зависимость от уйгур» (Pinks, 1968, S. 58). В этот период происходят первые шаги на пути перехода уйгур к оседлости, в чем трудно отрицать частичное влияние китайской цивилизации.

Циме останавливается также на роли манихейства. Согласно арабскому историку аль-Джахизу, отмечает Циме, манихейство ослабило отвагу и храбрость уйгуров и способствовало гибели каганата. Но Циме не согласен с точкой зрения, что распространению манихейства способствовали китайцы; учение оказало серьезное влияние на культуру уйгур, но не на политику. Могущество Уйгурского каганата внесло новый элемент в официальные отношения между Китаем и «варварами»; впервые они строились на принципе равенства. Выступая в качестве союзников Китая, уйгуры пользовались в северных областях империи привилегиями. Однако

засилье уйгур вызвало ненависть со стороны китайского населения. На основе китайских источников, отмечает Циме, трудно судить о степени культурных контактов между уйгурами и китайцами; влияние уйгурской культуры на Китай было незначительным, если не считать моду на уйгурскую одежду при китайском дворе. Гораздо более существенным было обратное влияние, особенно через китайских мастеров, участвовавших в строительстве Байбалька.

В период с середины IX в. до 1128 г. в Ганьсу и до монгольского нашествия в Турфане уйгуры поддерживали интенсивные отношения с Китаем. Торговля насчитывала 55 видов товаров. Уйгуры в Ганьсу играли роль торговых посредников между Передней и Средней Азией, с одной стороны, и Китаем — с другой. Сведения о Турфанском княжестве в китайских источниках довольно скудны. Наиболее ценные содержатся в путевых заметках китайского посла Ван Яньдэ (981—984). Развитие земледелия способствовало оседанию основной массы уйгуров. С начала XI в. между Турфанским княжеством и Китаем установился регулярный обмен посольствами. Именно для этого периода характерно сильное китайское влияние в области религии, культуры письма и книжного дела, правоповедения. Уйгурская культура, считает Циме, в этот период достигла самого высокого уровня в своем развитии. В дальнейшем уйгуры сыграли значительную роль уже в монгольский период, активно привлекаясь при династии Юань к управлению империей, а также в экономике и культуре. Проследивая историю уйгуро-китайских отношений, заключает Циме, можно выделить два существенных момента: в период Уйгурского каганата развивались в первую очередь экономические и политические отношения, тогда как в период Турфанского княжества преобладало культурное влияние Китая. Это отражает тот исторический путь, который проделали уйгуры от воинственных кочевников в начале VII в. до земледельцев и ремесленников в конце X в.

Позднему периоду в истории Турфанского региона и его отношениям с Китаем посвятил упоминавшийся выше М. Россаби (**Rossabi, 1972**). В статье «Минский Китай и Турфан» итальянский историк рассматривает историю взаимоотношений между Китаем и Турфаном в период с 1406-го по 1517 г. Россаби в своей исторической реконструкции эпохи исходит из того, что природные условия и экономика Турфанского оазиса позволяли обеспечить только небольшое количество населения. Тем не менее китайцы, монголы и народы Средней Азии считали Турфан важным политическим и экономическим центром. В этот исторический период по-прежнему шла борьба между государствами Центральной Азии за контроль над регионом, который оставался перевалочным пунктом для караванов, идущих из Персии и Средней Азии в Китай. Последний, в свою очередь, рассматривал Турфан как решающий фактор при защите своих северных границ. Первыми китайскими властителями, которые имели связи с Турфаном, были представители ранней династии Хань. Император Ву сумел подчинить Турфан во второй половине I в. всего на полвека. Падение поздней династии Хань во II в. положило конец присутствию китайцев в регионе. Регион последовательно попадает под власть тибетцев, а затем уйгуров. Именно уйгуры оставили самый замечательный след в истории региона, управляя им с IX по XIII в. Россаби считает, что уйгуры не преследовали чужеземцев и другие религии и не подавляли искусство, которое несло черты многих народов. В период уйгурского правления сосуществовали вместе буддисты, манихеи, несториане и зороастрийцы. С этнической точки зрения следует говорить об индийском, иранском и китайском влиянии в генезисе турфанской культуры. Население было чрезвычайно разноплеменным, что способствовало, считает автор, развитию связей и торговли с другими государствами. Завоевание Турфана монголами, последовавшее после падения династии Сун, дало новый им-

пульс развитию торговли в этом регионе. В целом монголы, как и их предшественники уйгуры, проводили толерантную политику.

Падение династии Юань в 1368 г. и усиление военных столкновений подорвали торговлю между Средней Азией и Китаем. Китайские и персидские источники не сообщают о торговых посольствах из Турфана в Китай в течение четырех десятилетий. Противостояние между Тимуром и восточными монголами, которые превратили Турфан в один из своих опорных пунктов, еще более осложнило возможность для регулярных связей с Китаем. Смерть Тимура резко изменила политическую обстановку в регионе, так как его преемник Шахрух Бахадур проводил примиренческую политику и позволил возобновиться отношениям между Китаем и Турфаном. Китай со своей стороны также вел политику стабилизации торговых связей с западными соседями. При императоре Ян-ло (1403—1424) были организованы миссии в Турфан в 1406 и 1407 г. и позже. В дальнейшем Китай ограничил число посольств в страну, чье содержание разоряло Китай. Так, Турфану было разрешено присылать посольство только один раз в три-пять лет. Это решение ускорило начало полувековой войны между Турфаном и Китаем. Описывая вторую половину XV в., Россابي столкнулся с проблемой идентификации личности правителя Турфана. Согласно китайским источникам, им был Хаджи Али, персидским — Юнус-хан, властитель Могулистана. Россابي пришел к выводу, что Юнус и Али — это одно и то же лицо. С восшествием на престол этого правителя все ограничения минского двора были преданы забвению, что означало конец вассальным отношениям между ними. Юнус-Али потребовал от Китая возобновить торговлю. После отказа минов турфанский правитель предпринял ловкий тактический ход: мобилизовав войска, он захватил Хами, важный торговый и стратегический пункт. Китай довольно быстро почувствовал на себе эту потерю.

Вражда продолжалась с 1475-го по 1478 г. Но торговые миссии из Турфана смогли проникать в Китай, что Россابي объясняет нуждой последнего в турфанских товарах.

В 1478 г. в Хами власть захватил вождь уйгурского племени Хан Шэн, однако новый турфанский лидер Ахмад вернул контроль над городом. В дальнейшем он неоднократно подвигал город к захватам, которые сопровождались грабежами и убийствами. Китай в своих попытках вернуть город прибег к политике экономической блокады. Эта стратегия, нацеленная на то, что другие племена и народы Таримского бассейна, испытывая нехватку в китайских товарах, вынудят Турфан уступить Хами, оказалась верной. В 1497 г. Ахмад вернул плененного властителя Хами и городскую печать. При сыне Ахмада Мансуре, которого отец воспитывал «как воина и мусульманина», Турфан был отобран у его дяди и брата и возвращен под власть этой династической линии. Затем Мансур оккупировал Хами и прилегающие к нему области. В итоге после ряда неудач Китай был вынужден признать суверенитет Турфана над Хами. В результате достигнутого компромисса в Китай хлынул поток торговых миссий. Как отмечал автор «Тарих-и Рашиди» Дуглат Хайдар, которого цитирует Россابي, каждый иностранец мог свободно перемещаться по Турфану. Таким образом, Турфан в своей политике в отношении Китая преследовал две цели: продолжать торговлю с Китаем и отделить от него оазис Хами. Китай, в свою очередь, стремился создать такую систему отношений, которая способствовала бы его экономическому и военному превосходству, а оазис Хами использовать как защитный буфер против внешних нападений и нежелательных посольств.

В 1977 г. увидел свет «Уйгурский словарь» Клауса Рёрборна, который ознаменовал собой полное освоение словарного материала турфанских тюркоязычных текстов. Он стал как бы продолжением «Этимологического словаря древнетюркского языка» Дж. Клосона и «Древнетюркского слова-

ря» ленинградских ученых. По своей сути это издание было тезаурусом всех слов, которые встречались в опубликованных и переведенных к тому времени уйгурских рукописях из Центральной Азии доисламского периода. К сожалению, в свое исследование Рёрборн не включил фрагменты рунического письма. Недостатком книги Рёрборна, как считает немецкий критик П. Циме, является то, что автор не соединил системы транскрипции и транслитерации в традициях Берлинской школы, а фактически создал свою систему. Таким образом, стало традицией, что каждый новый исследователь турфанских текстов каждый раз создает для себя новую систему транскрипции. Несмотря на это, труд Рёрборна стал вехой в развитии тюркологии и лучшим пособием для изучения истории тюркских языков (Röhrborn, 1977; Zieme, 1978).

Свой вклад в изучение древних уйгур внесла археология. Изучение развалин древних городов уйгурской эпохи позволило выявить влияние искусства и культуры мусульманской Средней Азии и Индии. Первыми о развалинах древнеуйгурских городов сообщали китайские путешественники, а в XIII в. развалины на Лоб-Норе описал Марко Поло.

Вклад древних уйгуров в развитие евразийской цивилизации емко охарактеризовал советский и казахстанско-российский ученый А. Кадырбаев: «Историческая роль средневековых уйгуров определилась еще до монгольских завоеваний. При Чингис-хане уйгуры открыли монголам секрет средневековой уйгурской письменности, этого важного инструмента государственной организации, давшего ключ к развитой в то время тюркской культуре. Уйгурская письменность, принятая Чингис-ханом, обеспечила функционирование монгольского языка в течение столетий, вплоть до 20-х гг. XX в. Влияние уйгуров оказалось заметным не только из-за уйгурского письма, которое было «ханьским» и использовалось не только в Китае, но и в Персии, Азербайджане, Афганистане. Многие уйгуры,

а точнее часть их правящей верхушки, приняли христианство несторианского толка еще в начале XII в. от сирийцев. В значительной степени именно от уйгуров христианство проникло затем и в род Чингис-хана, чьи представители правили Китаем до 1368 г. Такие степные племена, как киреиты, найманы, джалаиры, онгуты, татары, кипчаки, аргыны, еще в домонгольское время унаследовали многие традиции средневековой уйгурской культуры, а также христианство несторианского толка. Уже на первых порах ключевые посты в империи Чингис-хана в системе гражданской власти, наряду с киданями и чжурчженями, занимали и уйгуры. В правление Хубилая уйгуры были самой многочисленной группой среди «сэму» на монгольской службе в Китае»⁷⁷.

Шведский тюрколог Гуннар Ярринг в одной своей статье рассматривал некоторые вопросы перехода с арабского алфавита на латинизированный в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР с преобладающим тюркоязычным населением⁷⁸.

Ярринг дал краткий экскурс в историю принятия нового латинизированного алфавита для уйгурского и казахского населения района. В 1965 г. было ратифицировано решение о введении нового алфавита, основанного на латинизированном варианте китайского языка, названного *пин-йин*. Однако в последующие годы арабский алфавит оставался доминирующим; и только в 1974 г., когда новый латинизированный алфавит стал общепринятым, он становится единственным официальным алфавитом уйгурского языка в Синьцзяне. В эти же годы наблюдается увеличение публикаций на новом алфавите.

Латинизированный алфавит уйгурского языка состоит из 33 букв и дополнен несколькими словосочетаниями, которые

⁷⁷ Первая международная конференция по уйгуроведению: история, культура и общество // Восток-Oriens (ИВ РАН). — 2015. — N 1. — С. 162—171.

⁷⁸ Jarring G. The new romanized alphabet for Uighur and Kazakh and some observations on the Uighur dialect of Kashghar // Central Asiatic Journal (The Hague). 1981. N 3-4. Pp. 230—245.

используются, главным образом, в словах, заимствованных из китайского языка. Рассматривая систему гласных и согласных в новом алфавите, Ярринг отмечает определенные различия между ним и кириллицей советских уйгуров, а также различия в порядке букв по сравнению с латинским алфавитом. Это затрудняет чтение уйгурских текстов на новом алфавите для тех, кто привык к латинскому.

Автор высказывался по поводу возможных осложнений языковой ситуации Синьцзяна, связанных с введением в практику латинизированного алфавита на всех уровнях. В частности, одним из следствий нововведения явится неспособность молодежи читать без специальной подготовки источники с арабской графикой. Что касается латинизированного алфавита для казахов, также принятого в 1965 г., то он основан на тех же принципах, что и уйгурский, но с учетом специфики казахского языка. Киргизское же население Синьцзяна продолжает пользоваться арабской письменностью.

Определенное место отведено результатам лингвистических наблюдений автора над кашгарским диалектом. Отмечая лексические и фонетические особенности этого диалекта, он приводит примеры происходящих в нем процессов — заметное влияние китайского языка на словарный состав кашгарского диалекта, уменьшение влияния ислама на язык, обогащение словарного состава кашгарского диалекта уйгурского языка за счет большого числа современных слов и т.д. По мнению автора, за последние 50 лет в фонетической системе кашгарского диалекта не произошло заметных изменений.

Отдельной проблемой стоит вопрос об этногенезе уйгур, выявлении лингвистической, антропологической и культурно-цивилизационной преемственности между древними уйгурами, т.н. новоуйгурской народностью средневековья, и современными уйгурами (недавними *таранчи*).

По мнению казахстанских ученых советского периода (Г.С. Баранова, Г.М. Исхаков, Н.Э. Масанов), в результате мас-

совой тюркизации и исламизации оседло-земледельческого населения Восточного Туркестана и включения его в орбиту влияния мощного централизованного государства монголов, в частности Юаньской империи и Моголистана, имеют место процессы кристаллизации этнических признаков, в конечном счете и обусловившие сложение новоуйгурского этноса как самостоятельного этнического организма в середине II тысячелетия н.э. Таким образом, процесс этногенеза, уходящий корнями в эпоху бронзы и раннего железного века, вступил в завершающую стадию в связи с функционированием ряда государственных образований, возникших на развалинах империи Чингис-хана. В основе этногенеза уйгуров лежал, прежде всего, процесс этнизации хозяйственно-культурного типа поливного оседло-земледельческого хозяйства, на базе которого происходило накопление однородных этнических признаков. Сопутствующими явлениями были исламизация духовной культуры и тюркизация языка древнего иранского субстрата данного региона. И если основные закономерности и сам механизм этногенетического процесса очерчиваются достаточно ясно, то конкретно-историческая его сторона нуждается в специальном и всестороннем исследовании.

§ 4. Кипчаковедение/куманология

Первым из дошедших до нас сочинений, в котором упоминаются кыпчаки, является географический труд «Книга путей и государств» («Китаб ал-масалик ва-л-мамалик») Ибн Хордад-бега (820—912), перса по происхождению. Он описал маршруты торговых путей, указал расстояние между различными населенными пунктами, перечислил города и поселения вдоль тракта Великого Шелкового пути, проходившего по территории теперешнего Южного Казахстана и Семиречья. Вероятно, к VIII в. относятся многие сообщения о тюрках, в том числе и часто цитируемый список тюркских

племен, в котором перечисляются кыпчаки с огузами, карлуками, кимаками, азки-шами, тюркешами и др.⁷⁹ (источники по истории кипчаков см. также: Гл. I. § 4. наст. ч.).

Следует отметить, что в VIII—X вв. история кыпчаков была тесно переплетена с историей родственных им племен кимаков (имаков). Кыпчаки находились в политической зависимости от кимацкого хакана. Поначалу они входили в племенной союз, а затем в государство кимаков. В связи с этим в письменных источниках подчас упоминаются лишь кимаки как совокупный расширительный этноним, в составе которых следует разуметь и кыпчаков. Именно в этой связи В.В. Бартольд указывал, что «историческое значение кимаков состоит в том, что из их среды вышел многочисленный впоследствии народ кыпчаков, который первоначально был лишь одним из «племен кимаков»⁸⁰. Наконец, в отдельных сочинениях все тюркские племена, в том числе кимаки и кыпчаки, входят в более обобщенный термин — «тюрки».

Близким по жанру к труду Ибн Хордадбеха является сочинение историка и географа ал-Якуби (IX в.). Обширный историко-этнографический материал о тюркских племенах нынешнего Казахстана содержится в географическом сочинении «Книга стран» («Китаб ал-булдан»). Ал-Якуби, отличающийся широкой осведомленностью и сравнительно высокой точностью своих сообщений, упоминает о государственности у кимаков и других тюркоязычных народов: «Туркестан и тюрки делятся на несколько народностей (мамалик), в том числе: карлуки, токуз-огузы, кимаки и огузы. У каждого племени тюрков отдельное государство, и одни из них воюют с другими»⁸¹.

---

⁷⁹ Ibn Khordadbeh. *Kitab al-masalik wa-l-mamalik*. — Lugduni Batavorum, 1889 (BGA, VI). P. 101; МИТТ. Т. I. С. 144—145; Ибн Хордадбех. *Книга путей и стран*. — Баку, 1986. — С. 66.

⁸⁰ Бартольд В.В. *Соч.* — М., 1968. — Т. 5. — С. 549.

⁸¹ Al-Jakubi. *Kitab al-boldan*. — Lugduni Batavorum, 1892 (BGA, VII). P. 295; МИТТ. Т. I. С. 149; Агаджанов С.Г. *Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX—XIII вв.* — Ашхабад, 1969. — С. 132; Кумеков Б.Е. *Государство кимаков...* С. 116.

Среди рассматриваемого комплекса источников следует назвать «Книгу рассказов о странах» («Китаб ахбар ал-булдан») арабского географа Ибн ал-Факиха (конец IX — начало X в.). По-видимому, он происходил из города Хамадана в Иране. Ибн ал-Факих составил свою книгу, во многом базируясь на сочинениях предшествующих авторов ал-Джахиза, Ибн Хордадбега, ал-Джайхани. В ней содержится большой историко-географический материал о многих странах Азии и Восточной Европы. Исключительный интерес представляет глава о тюрках, где приводятся ценные сведения о кыпчаках, кимаках, карлуках, огузах и др., об их странах, городах, торговых путях, расселении, хозяйственной и культурной деятельности.

Арабский географ и филолог Кудама ибн-Джафар (X) написал географо-административное сочинение «Книга о харадже и искусстве секретаря» («Китаб ал-харадж ва санаг ал-китаба»). Он был арамейцем, жил в Басре и при написании широко использовал официальные документы, к которым имел доступ. Важные сведения заключены в его труде и о соседних с мусульманскими странами землях, где содержится фактический материал о тюркских племенах кимаках, карлуках, огузах, о торговых путях, городах, поселениях и о расстояниях между ними в пределах территории нынешнего Южного Казахстана и Семиречья⁸².

К последней четверти X в. относится одно из известных нам персоязычных сочинений по географии — анонимный труд «Пределы мира от Востока до Запада» («Худуд ал-алам мин ал-машрик ила-л-магриб»), написанный около 982 г. в Северо-Восточном Афганистане. Впервые эту рукопись в научный оборот ввел в 1892 г. А.Г. Гуманский. В.В. Бартольд охарактеризовал это сочинение и осуществил его фототипическое издание, на основе которого В.Ф. Минорский сделал

⁸² Kodama Ibn Djafar. Kitab al-Kharadj. — Lugduni Batavorum, 1889 (BGA, VI); Бартольд В.В. Соч. — М., 1963. — Т. II. — Ч. 1. — С. 242; М.; Л., 1964. — Ч. 2. — С. 124; Волин С. Сведения арабских источников IX—XVI вв. о долине реки Талас и смежных районах // Труды ИИАЭ АН КазССР. — 1960. — Т. 8. — С. 76—77.

английский перевод, снабдив его обстоятельными комментариями⁸³.

Наряду со сведениями раннесредневековых авторов, прежде всего из утраченного труда саманидского везира ал-Джайхани (первая половина X в.) «Худуд», имеются данные оригинального характера. Чрезвычайно важны сообщения о лояльных группировках кыпчаков, в частности о находящейся в стране кимаков «области Андар аз хифчак, чьи обычаи похожи на огузов». Существует несколько мнений в интерпретации термина «андар аз хифчак». Так, В.М. Минорский полагал, что название этой области могло обозначать «внутренние кипчаки»; Л.Р. Кызласов понимает под этим совокупность этнонимов «ондар», «аз» и «кыфчак»; рассматриваемую конструкцию С.М. Ахинжанов и Ю.Н. Трифонов восстанавливают как «внутриазовские кыпчаки» или «кыпчаки из племени аз». Однако ни одно из указанных объяснений не укладывается в нормы грамматики персидского языка. Исходя из целостного текстологического анализа сочинения «Худуд ал-алам», В.К. Шуховцов и Б.Е. Кумекоев усматривают в исследуемом пассаже *Lapsus calami* и предлагают чтение «андак» вместо «андар», что вполне объяснимо особенностями арабской палеографии, требующей в этом случае минимальной корректуры. В результате речь идет об области некоторой части кыпчаков, находившейся в северо-западных кочевьях кимаков, к северу и северо-западу от приаральских степей.

В вопросе локализации этой группировки иного взгляда придерживается А.Д. Маргулан, считавший, что «Андар аз хифчак» соответствует району Сырдарьинских Каратау,

---

⁸³ Туманский А.Г. Новооткрытый персидский географ X столетия и известия о славянах и руссах. — ЗВОРАО, 1897. Вып. X (1896); Бартольд В.В. Худуд ал-алам. Рукопись Туманского. — Л., 1930; Худуд ал-алам мин ал-машрик ила-л-магриб. — Тегеран, 1340 х.; Minorsky V. Hudud al-Alam. The Region of the World. A. Persian Geography 372, A.H.-982. A.D. — London, 1937 (GMS, XI); В. Минорский предполагает, что автором «Худуд ал-алам» был Ибн Фаригун, известный как автор небольшой энциклопедии «Джавами ал-улум» (Minorsley V. Ibn Parighun and the Hudud al-alam // A Locusts Leg Studies in Honour of S.H. Tagizadeh); МИКК. Вып. 1. — С. 35—45.

Сыгнака и низовьям реки Сарысу. Значительный интерес представляют сообщения о кыпчаках как о народе, отделившемся, но находившемся в политической зависимости от кимаков. «Царь кыпчаков» назначался (или утверждался) хаканом кимаков. Кыпчаки обитали к западу от кимаков и к северу от печенегов. Тема нахождения кыпчаков к северу (имеются также варианты к востоку) от печенегов достаточно широко представлена в последующих источниках (ал-Бакри, Гардизи, ал-Марвази, Ауфи, Шукруллах и др.). В «Худуд ал-алам» имеются сообщения и о другой западной группировке печенегов, расселявшихся в южнорусских степях. Это т.н. хазарские печенеги, к востоку от которых находилась гора Хазар, к югу — аланы, к западу — море Гурз, а к северу — Мирват. Что касается восточной группировки тюркских печенегов, то, по сведениям ал-Марвази, «их окружают со всех сторон многочисленные народы: с северной стороны находится страна кыпчаков, с юго-западной стороны — страна хазар, к востоку — страна огузов, а с западной стороны — страна славян. И эти народы нападают на печенегов, а печенеги нападают на них». Тюркские печенеги в VIII — начале IX в. жили в бассейне Сыр-Дарьи и приаральских степях⁸⁴.

Одним из немногих авторов X в., приводящих достаточно ценные сведения о кыпчаках и кимаках и других тюркоязычных племенах, является газневидский историк Гардизи, писавший на персидском языке. В историческом труде Гардизи «Украшение известий» («Зайн ал-ахбар»), написанном около 1050 г., кыпчаки впервые упоминаются как одно из семи племен кимаков — ими (эймур), имак, татар, байандур, кыпчак, ланиказ, аджлад. В генеалогической легенде о происхожде-

⁸⁴ Бартольд В.В. Худуд ал-алам. Л. 38а; Minorsky V. Hudud. Pp. 31, 160; Minorsky V. Sharaf al-Zaman Tahir Marvazi of China, the Turks and India. — London, 1942. P. 20; Храковский В. Шараф ал-Заман Тахир ал-Марвази // Труды сектора востоковедения АН КазССР. — 1959. Т. 1. С. 214; Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. — М., 1967. Кн. II — С. 73; Marquart J. Die Chronologie der Aittürkischen Insehriften. — Leipzig, 1903. S. 5, 10; Кляшторный С.Г. Древнетюркские памятники. С. 177—179.

нии кимаков от татар кыпчаки называются родственниками татар. Опираясь на эти сведения, И. Маркварт придерживался ошибочного мнения о монголо-маньчжурском происхождении кыпчаков, а хронологические рамки отделения кыпчаков от татар он относил к VII в. Несомненно, что у Гардизи содержатся сведения, относящиеся к наиболее раннему периоду этнокультурных взаимоотношений кыпчаков с татарами. Историко-источниковедческие исследования К. Цегледи текста легенды Гардизи, основанные на убедительных фактах и аргументах, позволили ему проецировать отраженные в ней исторические события на северо-западную часть Монголии (бассейн Кобдо) и отнести их к 750 г. Гардизи приводит также достаточно подробное описание торгового пути из Средней Азии через Фараб и Янгикенг (в нижней Сыр-Дарье) в Прииртышь. Относительно этого итинерария известны различные интерпретации, предложенные Марквартом, Минорским, Цегледи, Кумековым, Ахинжановым. Еще об одной дороге к кимакским племенам упоминает Гардизи — из страны енисейских киргизов в западном направлении к кимакам и карлукам⁸⁵.

В начале XI в. военно-политическая гегемония на основной территории расселения кимакских племен безраздельно переходит в руки кыпчакских ханов. С этого времени происходит движение больших группировок кыпчакских племен с востока на запад и с севера на юг, что привело к непосредственным их контактам с народами Средней Азии и Руси. Почти одновременно с сочинением Гардизи в Средней Азии появились описания путешествий и политические диваны известного Насир-и Хусрау (1003—1088). С продвижением кыпчаков с севера на юг и вытеснением ими огузских племен из приаральских и присырдарьинских областей связано появление в «Диване» Насир-и Хусрау названия «Степь кып-

---

⁸⁵ Гардизи. Зайн ал-ахбар. — Тегеран, 1333 х. (1954); Бартольд В.В. Соч. Т. VIII. — С. 27, 43; Czegledy K. Gardizi on the History, of Central Asia (750—780 A.D.) // Acta Orientalia Hungaricae. 1972. В. XXVII. Pp. 257—267.

чаков» («Дешт-и Кыпчак») вместо «Степь огузов» («Мафазаг ал-гузз»)»⁸⁶.

Определенный интерес представляет историческое сочинение уроженца округа Бейхак в Хоросане Абу-л-Фазла Бейхаки (ок. 996—1077) под названием «История Бейхаки» («Тарих-и Бейхаки»), в которой о кыпчаках говорится лишь дважды, но эти упоминания ценны тем, что сопровождаются подробным описанием политических событий, которые имели место в Средней Азии и Туркестане, о взаимоотношениях между сельджуками, караханидами, хорезмшахами и Кыпчакским улусом. Бейхак был первым историком средневековья, кто сообщает нам о присутствии кыпчаков в Хорезме⁸⁷.

Перу испано-арабского географа XI в. ал-Бакри (ум. 1094) принадлежит сочинение «Пути и государства» («Ал-масалик ва-л-мамалик»), в котором можно почерпнуть сведения об области расселения кыпчаков к Северу от печенегов, относящиеся к более ранней эпохе — IX в., а также о других тюркских народах, расселявшихся у Каспийского моря. Общеизвестно мнение Маркварта о расселении кыпчаков в это время в области Южного Урала. Полного критического издания текста произведения ал-Бакри пока нет⁸⁸.

Первоклассным источником, повествующим о кыпчаках XI в. и более ранней эпохи, является знаменитый лингвистический труд тюрка по происхождению, блестящего знатока различных языков и наречий, объездившего почти все доступные ему в то время области Центральной Азии, населенные тюркскими народностями, Махмуда ал-Кашгари «Свод тюркской лексики» («Диван лугат ат-турк»), составленный и

⁸⁶ Browne E.G. A Literary History of Persia. — Cambridge, 1902. Vol. 1. P. 277; Бартольд В.В. Соч. Т. V. С. 550.

⁸⁷ Абу-л-Фазл Бейхаки. История Масуда, 1030—1041. — Ташкент, 1962.

⁸⁸ Известия ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах // Статьи и разыскания А. Куника и барона В. Розена. — СПб., 1878 (Приложение к XXXII т.). — ЗИАН. — N 2. — С. 42—43 (текст), 59 (перевод); Fragments de Geographes et d'Historiens arabes et persans inedites, relatifs aux anciens peuples du Caucase et de la Russie meridionale // Journal Asiatique. — Paris, 1849. N 10. Pp. 8—9, 14—15; Marquart J. Über das Volkstum der Komanen. S. 138; Заходер Б.Н. Каспийский свод... Кн. II. — С. 72.

обработанный в Багдаде не позднее 1083 г. В «Диване» имеются ценные сведения по истории, филологии, этнографии и географии кыпчакских племен X—XI вв.⁸⁹ Для нас особенно важны сообщения ал-Кашгари о языке кыпчаков, их родстве с имаками (кимаками) и данные, позволяющие фиксировать наличие нескольких хозяйственных типов с преобладанием кочевого скотоводства, полукочевого или полuosедлого хозяйства тюркских племен и народностей. Труд Махмуда Кашгари можно назвать подлинной энциклопедией народной жизни тюрков раннего средневековья. По словам А.Н. Кононова, «он является часто единственным источником информации о жизни тюрков XI в.: о предметах их материальной культуры, реалиях быта, об этнонимах и топонимах, родоплеменном делении, о терминах родства и свойства, о титулах и наименованиях различных должностных лиц, названиях пищи-питья, о домашних и диких животных и птицах, терминах животноводства, о растениях и злаках, об астрологических терминах, народном календаре, названиях месяцев и дней недели, о географической терминологии и номенклатуре, о городах, о названиях болезней и лекарств, анатомической терминологии, о металлах и минералах, военной, спортивной и административной терминологии, об именах различных исторических и мифологических героев, о религиозной и этнической терминологии, о детских играх и забавах и др.»⁹⁰ Материалы «Дивана» все еще недостаточно всесторонне исследованы специалистами. Приложенная к сочинению Махмуда ал-Кашгари оригинальная круглая карта мира, составленная в 1074 г., привлекает внимание редкой для того времени детализировкой и необычным расположением географических объектов. Так, вме-

---

⁸⁹ Махмуд ибн Хусейн ал-Кашгари. Диван лугат ат-турк. — Стамбул, 1915—1917. — Т. I—III; *Divanü Lûgat-İt-Türk tercümesi*. — Ankara, 1940, С. I—III; Махмуд Кашгари. Диван лугат ат-турк. Факсимиле. — Анкара, 1941; Кошгарий Махмуд. Девону лугогит турк. — Ташкент, 1960—1963. Т. I—III; Ибрагимов С.К., Храковский В.С. М. Кашгарский о расселении племен на территории Казахстана в X в. // Вестник АН КазССР. — 1958. — N 1.

⁹⁰ Кононов А.Н. Махмуд Кашгарский и его «Дивану лугат ат-турк» // СТ. — 1958. — N 1. — С. 5.

сто привычной для мусульманской второй Мекки «центром мира» здесь называется Баласагун — одна из ранних столиц караханидов в Семиречье. На карте показано место расселения кыпчакских племен.

Следующим по времени создания из интересующих нас источников о кыпчаках и их соседях является труд придворного врача Сельджукидов ал-Марвази «Природа животных» («Табайи ал-хайаван»), написанный около 1120 г. Этот источник вошел в научный обиход только после того, как В. Минорский опубликовал главы о Китае, тюрках и Индии с английским переводом и подробными комментариями⁹¹. Несмотря на многочисленные ссылки на письменные источники, в том числе ал-Джайхани, «Природа животных» представляет большую историческую ценность благодаря оригинальным этнографическим сведениям о тюркских народах. Особо важны сведения о расселении кыпчакских, кимакских и огузских племен в начале XI в. Отзвуки грандиозной миграции племен слышны во многих средневековых источниках; арабо-персидских, русских, армянских, венгерских, византийских, сирийских. «Среди них (тюрков), — сообщает ал-Марвази, — есть группа людей, которые называются кун, они прибыли из земли Китай, боясь китайского хана. Они христиане несторианского толка. Свои округа они покинули из-за тесноты пастбищ. Из их (числа) Икинджи ион Кочкар Хорезм шах. Их /кунов/ преследовал народ, который называется каи. Они многочисленнее и сильнее их. Они прогнали их с тех пастбищ. (Тогда) куны переселились на землю таров, а тары переселились на землю туркменов. Туркмены переселились на восточные земли огузов, а огузы переселились на земли печенегов, поблизости от Армянского (Чёрного) моря»⁹². Сведения ал-Марвази о пересе-

⁹¹ Minorsky V. Sharaf al-Zaman Tahir Marvazi on China, the Turks and India. Arabic text (circa A.D. 1120) with an English translation and commentary. — London, 1942 (J.G-Forlong Fund). V. XXII; Храковский В. Шараф ал-Заман Тахир Марвази // ТСВ АН КазССР. — 1959. — Т 1. — С. 208—218.

⁹² Minorsky V. Sharaf al-Zaman... Pp. 29—30; Храковский В. Шараф ал-Заман. — С. 212.

лении племен были подвергнуты анализу. С. Толстов склонен датировать эти события V—VI вв., соотнося их с аварским движением. Ю. Зуев связывает движение племен с разгромом Уйгурского каганата в Монголии в 840 г. О. Прицак выделяет в переселении племен два этапа — с IX по XI в. Большинство исследователей (В. Бартольд, В. Минорский, С. Агаджанов, Б. Кумеков, С. Ахинжанов) связывают миграцию с политическими событиями первой половины XI в. — расширением границ киданской державы. Много полезных данных содержится в сочинении ал-Марвази для изучения обычаев и образа жизни тюркских племен IX—XI вв.

В середине XII в. арабским географом ал-Идриси (1100—1165) было написано самое крупное для арабского средневековья сочинение «Развлечение истомленного в странствии по областям» («Нузхат ал-муштак фиктирак ал-афак»). Автор родился в Сеуге, учился в Кордове, с юных лет много путешествовал. В труде подробно описываются страны Европы, Азии и Африки. Интересен экскурс в историю народов Восточной Европы, Кавказа, Средней Азии и Казахстана. Исключительно важные сведения содержатся о кыпчаках, куманах, кимаках, огузах, карлуках, тюргешах, азкишах, обитавших на территории средневекового Казахстана и сопредельных территориях их расселения, о хозяйстве, городах, торговых путях, ремеслах, о сочетании кочевого и оседлого образа жизни⁹³.

Нередко данные ал-Идриси уникальны, поскольку основаны на не дошедших до нас письменных источниках. Так, при описании страны кимаков он использовал книгу, напи-

---

⁹³ В Италии осуществлено издание критического текста сочинения ал-Идриси, основанное на десяти списках его рукописи: Al-Idrisi. Opus Geographicum sive «Liber ad eorum delectationem qui terras peragrare studeant». — Neapoli-Romal. 1970—1980. F. 1—9; Geographie d'Idrisi traduite de l'arabe en francais. — Paris, 1636—1840. T. I—II; Караев О. Арабские и персидские памятники IX—XII в. о киргизах и Киргизии. — Фрунзе, 1968. — С. 55—61; Караев О. Извлечения из географии ал-Идриси «Китаб нузхат ал-муштак фиктирак ал-афак» («Развлечение истомленного в странствии по областям») и некоторых тюркских племенах // Арабо-персидские источники о тюркских народах. — Фрунзе, 1973. — С. 49—59; Кумеков Б.Е. Государство кимаков... С. 21—29, 66—85; Кумеков Б.Е. Сообщение ал-Идриси (XII в.) о странах кимаков и карлуков // Казахстан в эпоху феодализма. — Алма-Ата, 1981. — С. 12—19; Агаджанов С.Г. Очерки истории огузов... С. 49—83.

санную уроженцем восточно-казахстанских степей, сыном кимакского хакана Джанахом ибн Хакан ал-Кимаки (X или XI в.). До сих пор не уделялось специального внимания интерпретации сведений ал-Идриси о кыпчаках. Исходя из целостного восприятия текстологического и картографического материала, следует, что страна кыпчаков (Билад хифшах) была размещена в двух разных, но прилегающих друг к другу 6 и 7 климатах (пояса земли). К западу и северо-западу от области обитания кыпчаков находилась «Опустошенная земля» («Билад ал-хараб») со следами разрушенных городов, представление о которой возникло в связи с рассказом о путешествии араба Саллама ат-Тарджумана (серед. IX в.). За «Опустошенной землей» следовала «Зловонная земля» («ал-Ард ал-мунтана»), пограничная с областью Внутренних Башкир (басджирт), расположенной к северо-востоку от Каспийского моря. С северной и восточной стороны от земли кыпчаков протянулась великая горная цепь Кукайа от моря Мрака до края обитаемого пространства, окаймляющая мифическую страну Яджудж и Маджудж на крайнем востоке. К югу от кыпчаков расселялось тюркское племя тюргешей. Восточные отроги горной системы Кукайа большинство исследователей идентифицируют с Алтаем. Так, ал-Идриси отмечает суровость климата страны кыпчаков с обильными осадками и сильными морозами. Сопоставляя географические сведения ал-Идриси с современной топонимикой, позволительно локализовать страну кыпчаков западнее Алтая — приблизительно в междуречье Иртыша и Тобола. Исследователями достаточно подробно интерпретированы сведения ал-Идриси о куманах, родственном племени кыпчаков, расселившихся между Волгой и Днепром, пределы которых на севере доходили до земли печенегов и болгар. На основании сообщений ал-Идриси с привлечением параллельных мест из более подробной информации, заключенной в трудах Ибн Саида (XIII) и Абу-л-Фиды (XIV), выявляется до сих

пор не отраженная в научной литературе область расселения куманов к востоку от Волги, на территории нынешнего Западного Казахстана⁹⁴.

Специальный интерес представляют содержащиеся в труде ал-Идриси географические карты «Лик земли» («Сурат ал-ард»), где отмечена область расселения кыпчаков. Вместе с тем на карте ал-Идриси к северу от Каспийского (Бахр ал-Хазар) и Аральского (Бухайрат ал-Хаваризм) морей расположены горы Аскасия (ср. ал-Хорезми, IX в.). Они описываются протянувшимися в меридиональном направлении с севера на юг с небольшим уклоном в сторону востока. Из этих гор вытекает несколько рек, в том числе, что особенно важно, Итиль (Волга), впадающая в море Хазар (Каспий). Описанные характеристики гор позволяют с уверенностью отождествить Аскасия с Уралом. На незначительном отдалении к юго-востоку от Аскасия в «Сурат ал-ард» показаны горы Тагура (ср. ал-Хорезми), изображенные также с севера на юг. Там помещает ал-Идриси город, называемый ал-Кумания. Горы Тагура в соответствии с реальной географической схемой сопоставимы с Мутоджарскими горами. Изучение ценных сведений ал-Идриси текстологического и картографического характера о тюркских племенах вообще и кыпчаках и куманах в частности далеко от завершения.

Абу Хамид ал-Гарнати (1080—1169) известен как путешественник, родом из Испании. В 1131 г. он через Каспийское море проехал к устью Волги. В течение последующих четырех лет трижды посетил Хорезм. Свои путешествия он осветил в сочинении «Подарок умам и выборки диковинок» («Тухфат ал-албаб ва нухбат ал-аджаб»). В нем содержатся данные об исторической географии региона обитания кып-

⁹⁴ Рыбаков Б.А. Русские земли на карте Идриси 1154 г. // Краткие сведения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. — М., 1952. Вып. 43; Плетнёва С.А. Половецкая земля // Древнерусские княжества X—XIII вв. — М., 1975. — С. 260—300; Бейлис В.М. Ал-Идриси (XII в.) о Восточном Причерноморье и Юго-Восточной окраине русских земель // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования. 1982 г. — М., 1984. — С. 208—228.

чаков в Западном Казахстане. Дешт-и Кыпчак, по данным ал-Гарнати, образуют многочисленные племена⁹⁵. Следует отметить, что в труде ал-Гарнати, наряду с описанием различных дикивинок, содержатся и реальные факты, позволяющие восстановить действительные исторические события из жизни средневековых племен и народов. Метод совмещения космографического жанра со всякими диковинками нашел применение в более поздних произведениях ал-Казвини, Ибн ал-Варди, ал-Макризи, Ибн Ийас и др.

Современником и близким знакомым Якута (см. выше) был видный арабский историк Ибн ал-Асир (1160—1234). Родился он в Месопотамии, затем переехал в Мосул, путешествовал по Аравии, Сирии, Палестине. Его перу принадлежит ряд историко-библиографических трудов, в том числе капитальная историческая хроника «Полное описание истории» («Аш-Камил фи-т-тарих»), где изложена история мусульманского мира до монгольского нашествия⁹⁶. Автор собрал огромный фактический материал, в ряде случаев им использовались письменные источники, не дошедшие до нас. Здесь содержатся первые по времени датированные упоминания о кыпчаках, относящиеся к 722 г. В этот год хазары совместно с кыпчаками нанесли жестокое поражение арабскому военачальнику Субайту ан-Нахрани в местности Мардж ал-Хиджара в Армении. Д. Данлоп скептически отнесся к сведениям Ибн ал-Асира, рассматривая упоминание о кыпчаках на Кавказе как анахронизм. К этому выводу он пришел умозрительно, без анализа совокупности сведений из письменных источников.

А Поляк, З. Буниатов, Б. Кумекоев считают, что имело место постоянное пребывание какой-то группы кыпчаков в VIII в. западнее Волги. В сочинениях арабских исто-

⁹⁵ Le Tuhfat al-albab de Abu Hamid al-Andalusi al-Ganati // JA. 1925. V. CCVII; Большаков О.Г., Монгайт А.Л. Путешествие Абу Хаида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131—1153 гг.). — М., 1971.

⁹⁶ Ibn-el-Athiri. Chronicom quod perfectissimum inscribitur. Upsaliae et Lugduni Batavorum, 1851—1876. V. I—XIV; Тизенгаузен В. Сб. материалов. Т 1; МИКК. Вып 1. С. 52—76.

риков X в. ал-Куфи и Балами находится краткое изложение означенного сражения, но противниками арабов выступают лишь хазары. Исторические сведения о кыпчаках в связанном контексте нашли отражение в более поздних источниках аз-Захаби, Ибн Халдуна, Хафиз-и Абри, Дахлана. В этой связи для решения рассматриваемого вопроса важен факт упоминания известным грузинским средневековым историком Леонтием Мровели (XI) и другими о пребывании кыпчаков в VIII в. на Кавказе. Следовательно, имеются определенные основания говорить о пребывании отдельной группировки кыпчаков в раннем средневековье в пределах Кавказа, однако появление там передовых кыпчакских отрядов, скорее всего, носило спорадический характер. Ибн ал-Асир достаточно подробно описывает отрицательные последствия монгольского нашествия, в частности, на кыпчакские земли. Автор приводит важные сведения о совместной борьбе кыпчаков и народа Руси против татаро-монголов. Вместе с тем у Ибн ал-Асира находим данные о кыпчакско-татарских историко-культурных связях на протяжении веков (ср. декларативную фразу в устах татар [т.е. монголов], адресованную кыпчакам в обстановке их конфронтации: «Мы и вы — одного рода») ⁹⁷. Огромное значение для истории средневекового Казахстана имеют сведения политического, этического, этнографического и культурного характера относительно кыпчаков, огузов, карлуков и древних тюрков.

Одним из авторов, писавших о кыпчаках в первой половине XIII в., был Ауфи (даты жизни неизвестны) — персоязычный литератор, уроженец Бухары, переселившийся в Индию накануне монгольского нашествия. Около 1228 г. им была составлена антология «Собрание рассказов и блески преданий» («Джавами ал-хикайат ва лавами ар-риваят»),

---

⁹⁷ Ибн ал-Асир, Тарих ал-камил. — Булак, 1301 х. Т. 12. С. 252; ср. Изречение кыпчакского султана в Египте: «...мы (кыпчаки) и татары — из одного рода, один от другого не отречется» (Ал-Умари. Ат-тариф би-л-мусталах ал-ариф). — Миср, 1312 х. С. 44.

посвященная делийскому эмиру Ильтутмышу (1210—1232). В сборнике содержатся зачастую очень ценные сведения по истории и географии народов Центральной Азии и Восточной Европы, в том числе о тюркских племенах Казахстана и Средней Азии⁹⁸. Представляют значительный интерес данные о миграции тюркских народов в начале XI в., вовлекшей в движение массив кыпчакских племен; имеются также сведения о расселении кыпчаков.

Современником Ауфи был арабоязычный историк ан-Насави (даты жизни неизвестны), выходец из Хорасана, придворный секретарь и биограф последнего хорезмшаха Джалал ад-дина (1220—1231). Его сочинение под названием «Жизнеописание султана Джалал ад-дина Манкуберти» («Сират ас-султан Джалал ад-дин Манкуберти») посвящено событиям в государстве хорезмшахов накануне и во время монгольской экспансии. Содержится ряд ценных сведений о внутренних и внешних делах Хорезма, имевшего в тот период постоянные тесные контакты с кыпчаками и другими соседними тюркскими племенами. В нем отражены также отдельные факты мирных контактов или же военных столкновений кыпчаков казахстанских степей с Хорезмом, а также приведены некоторые данные о внутреннем устройстве кыпчакского общества, его хозяйстве и быте⁹⁹.

Известия о кыпчаках начала XIII в., хотя и не слишком подробные, но достаточно важные, содержатся в работе «Насиры разряды» («Табакат-и Насири») ал-Джуджани (1193—1260), написанной на персидском языке, по истории газневидов и гуридов. Этот компилятивный труд, составленный по более ранним источникам, многие из которых не сохранились, ценен несколькими очерками о племенном делении и языковом составе тюркских народностей, населявших

⁹⁸ Ауфи. Джавами ал-хикайт ва лавами ар-ривайт. Рук. ГПБ (ПНС-232); Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Тексты. Ч. 1. С. 83—101.

⁹⁹ Шихаб ад-дин Мухаммед ан-Насави. Жизнеописание султана Джалал ад-дина Манкбурны. — Баку, 1973.

Среднеазиатский регион в XII в. Значительное внимание в нем уделяется истории карахытаев и монголов, в связи с которыми неоднократно также упоминаются кыпчаки, канглы, имени и другие племена тюрков¹⁰⁰.

Начиная с XIII в., получает развитие космографическая литература, интересующаяся разного рода экзотикой и чудесами. Прямым последователем ал-Идриси является арабский географ Ибн Саид (1214—1274 или 1286). Его сочинения «Книга о географии семи климатов» («Китаб джаграфия фил-акалим ас-саба») и «Книга распространения земли в долготу и ширину» («Китаб баст ал-ард фи-тулуха ва-л-ард») дают сведения об исторической географии Казахстана, Поволжья и Средней Азии вплоть до середины XIII в., о расселении кыпчаков и родственных им племен куманов на территории Западного Казахстана¹⁰¹. Ибн Саид указывает, что в предгорьях Аскасия (Урала) обитали куманы. На незначительном удалении к юго-востоку от Аскасия находились горы Тагура (ср. ал-Хорезми), протянувшиеся в меридиональном направлении с севера на юг. «Там находилась столица куманов Кумания». Горы Тагура в соответствии с реальной географической схемой сопоставимы с Мугоджарскими горами. Судя по тексту сочинений Ибн Саида, горы Тагура (Мугоджары) являлись основной областью расселения куманов. Как явствует из данных указанных трудов, куманы расселялись в пространстве между северными приаральскими степями и предгорьями Южного Урала. К югу от них находились огузы, на западе — печенеги, на северо-западе — болгары, на северо-востоке — кыпчаки. Анализ текстологического и картографического материалов, относящихся к куманам, дает известное основание для датировки сведений средневековых авторов о них IX—X вв.

¹⁰⁰ Tabakat-i Nasiri: A General History of the Muhammadan Dynasties of Asia, including Hindustan, from A.H. 194 (810, A.D.), to A.H. 658 (1260, A.D.). — London, 1881. V. I—II; Index. — Calcutta, 1897; The Tabaqat-i Nasiri of Abou Omar Minhaj al-din Othman, ibn Siraj al-din al-Jawzjani. — Calcutta, 1864.

¹⁰¹ Ибн Саид ал-Магриби. Джуграфия. Рук. ИВ АН СССР (С. 591); Ибн Саид. Китаб баст ал-ард фи-т-тул ва-л-ард. — Тегеран, 1958; Бартольд В.В. География Ибн Саида. Соч. Т. VIII.

Особое место в группе источников по истории кочевых племен азиатских степей периода монгольского завоевания занимает фундаментальный исторический труд «Собрание летописей» («Джами ат-таварих»), созданный в 1310 г. при дворе монгольских правителей Ирана. Основным автором коллективного труда был Рашид ад-дин (1247—1318), мусульманин еврейского происхождения из Хамадана, врач, богослов и ученый, последние 20 лет своей жизни занимавший пост первого везира при ханах Газан-Махмуде и Олджайту (см. выше). Рашид ад-дин среди своих источников, из которых он брал сведения о тех или иных событиях, называет книги китайцев, индийцев, уйгуров и кыпчаков. Однако ни сами эти труды, ни их авторы не указываются. Сведения Рашид ад-дина о кыпчаках в основном связаны с историей монгольского завоевания. В сочинении имеется текст этимологической легенды о кыпчаках, имя которых связывается с дуплистым деревом¹⁰². Эти сведения впоследствии цитировались в разных вариантах многими другими авторами средневековья: Улугбеком (1394—1449), Али Йезди (ум. 1454), Мирхондом (1433—1498), Хондемиром (1474—1534), Маслах-ад-дин Лари (XVI), Абулгази (1603—1664) и др. Анализ сведений Рашид ад-дина о народах и племенах Центральной Азии еще далек от завершения.

Сирийский историк и географ Абу-л-Фида (1273—1331) является автором географического сочинения «Упорядочение стран» («Таквим'ал-булдан»), представляющего в целом компиляцию предшествующих авторов ал-Истахри, ал-Иариси, Ибн Саида. Вместе с тем оно вызывает интерес с точки зрения историко-географического изучения территории обитания кыпчаков и куманов. Абу-л-Фида отмечает пребывание куманов севернее Приаральских степей как

¹⁰² Рашид-ад-дин. Сборник летописей. — М.; Л., 1952. Т. 1, Кн. 1—2; М.; Л., 1960. Т. II; М.; Л., 1946. Т. III; К семантике имени Кыпчак, связанной с дуплистым деревом, см.: Кляшторный С.Г. Кыпчаки в рунических памятниках // *Turcologica*. — 1986. К восьмидесятилетию академика А.М. Кононова. — Л., 1986. — С. 153—164.

крайнюю западную ветвь кыпчакского объединения племен задолго до их переселения в Приазовские и Причерноморские степи в середине XI в. Любопытны сведения о познаниях куманами космоса, их религии: «Куманы занимаются астрологией, пользуются показаниями звезд и поклоняются им»¹⁰³.

Представителем персидской историографии при ильханах был Хамдаллах Казвини (1280—1350), происходящий из семьи наследственных финансовых чиновников. Казвини пользовался покровительством везира Рашид ад-дина. Его «Услада сердец» («Нузхат ал-кулуб») была написана в традиционном космографическом направлении, почти исключительно компилятивна, основана на трудах арабских и персидских географов классического периода; «Избранная история» («Тарих-и гузида») повествует о сотворении мира до 1329 г.¹⁰⁴ Исторические труды Казвини не лишены и оригинальности, содержат хоть и не многочисленные, но ценные сведения об изменениях в этническом составе в расселении кыпчаков в эпоху монгольского нашествия.

Необходимо указать, что монгольское нашествие приостановило политический рост кыпчаков в рамках их собственного государственного развития и прервало этнический процесс, ведущий к образованию народности феодальной эпохи. Большие группировки разгромленных монголами кыпчакских племен были вынуждены бежать в сопредельные страны. С 60-х гг. XII в. правящая династия Мамлюкского государства в Египте и Сирии была представлена в основном кыпчаками, выходцами из южнорусских и казахстанских степей. Мамлюкская эпоха выдвинула большое число летописцев, биографов, историков, филологов, в сочинениях которых, так или иначе, отражались различные

¹⁰³ Reinaud M., de Slane M. *Geographie d'Aboulfeda. Texte arabe.* — Paris, 1840. — P. 205.

¹⁰⁴ The geographical part of the *Nuzhat-al-Qulub* composed by Hamd-Allah Mustawfi of Qazwin in 740 (1340). — Leyden; London, 1915, 1919; Казвини. *Тарих-и гузиде.* — Терепан. 1339 х. (1960).

факты и явления этнического, социального и культурного плана. Установление дипломатических, торговых и военно-политических отношений с Золотой Ордой еще больше усилило взаимовлияние между мамлюками и Дашт-и Кыпчаком, откуда в Египет регулярно поступали рабы из покоренных монголами стран. Естественно, что вдали от родины окруженные иноязычной и иноэтнической средой кыпчаки стремились сохранить привычные традиции, обычаи и этнические черты, о чем со всей определенностью свидетельствуют дошедшие до нас письменные источники. Уже в третьей четверти XIII в. в Египте появляются труды по истории кыпчакской династии. Одним из них является биография султана кыпчакского происхождения Бей-барса ал-Бундукдари (1260—1277), написанная его секретарем Абд аз-Захиром (ум. 1293). Находясь на высоком придворном посту и имея доступ ко всем необходимым материалам и документам, Абд аз-Захир в своем биографическом сочинении «Видный сад в жизнеописании ал-Малик аз-Захира» («Ар-Рауд аз-Захир фи сират ал-Малик аз-Захир») приводит сведения о взаимоотношениях мамлюков с Золотой Ордой. В нем дается краткий дорожник от Крыма до Итиля, содержатся этнографические сведения о племенном составе населения Крыма, где в то время проживало довольно много выходцев из Дашт-и Кыпчака, сообщается о религиозной и идеологической ситуации в Золотой Орде¹⁰⁵.

Один из самых приближенных лиц мамлюкских султанов Бейбарс ал-Мансури (ум. 1325) был автором солидного труда по истории ислама «Сливки размышления по истории хиджры» («Зубдат ал-фикра фи тарих ал-хиджра»), в котором были описаны события с 622-го по 1324 г., собраны ценные сведения о составе кыпчаков и историко-этнографические материалы о них.

---

¹⁰⁵ Тизенгаузен В.Г. Сб. материалов. Т 1. — С. 46—64.

Современником Бейбарса ал-Мансури был ан-Нувайри (1279—1332), перу которого принадлежит большой энциклопедический свод «Предел желаний относительно дисциплин адаба» («Нихаят ал-араб фи фунун ал-адаб»), в котором он попытался обобщить имеющиеся сведения гуманитарного характера. Историко-географическая часть труда ан-Нувайри в основном компилятивна. Оригинальный характер носят лишь хроники последних лет. Значительный интерес представляет краткое описание страны кыпчаков, сообщение о междоусобицах среди отдельных кыпчакских родов. Особенно важен список кыпчакских племен, отличный от приведенного ад-Димашки. Этнический состав кыпчаков, согласно данным ан-Нувайри, следующий: тугсоба, ийта, бурджугли, ал-барли, кангаругли, анджагали, дурут, кулабаугли, джартан, карабуркли, кутан. В труде ан-Нувайри отмечается, что этническая ситуация отражала реалию, соответствующую западной части кыпчакского объединения. Современные исследователи допускают ошибку, когда используют в своих трудах безоговорочно сведения ан-Нувайри для характеристики этнического облика кыпчаков, обитавших в регионе Казахстана и Средней Азии. Имеется также небольшая информация о духовной культуре кыпчаков после монгольского завоевания¹⁰⁶.

С многотомной энциклопедией ан-Нувайри соперничает по содержанию и объему не менее внушительный труд под названием «Пути взоров по владениям городов» («Масалик ал-абсар фи мамалик ал-амсар»), принадлежащий уроженцу Дамаска ал-Умари (1301—1349). Встречающиеся в его исторических разделах описания последствий монгольского нашествия позволяют пополнить сведения о жизни народов Средней Азии, Поволжья и Кавказа, о городах и торговых путях в странах тюрков, о расселении и этнографических особенностях кыпчаков. Ценна констатация ал-Умари процесса

---

¹⁰⁶ Ан-Нувайри. Нихаят ал-араб фи фунун ал-адаб. — Каир, 1923—1926. Т. I—XII; Тизенгаузен В.Г. Сб. материалов. Т. I. — С. 128—171.

ассимиляции татаро-монголов в кыпчакской среде. В этом отношении весьма показательно свидетельство ал-Умари о населении Восточного Дашт-и Кыпчака: «В древности это государство было страной кыпчаков, но, когда им завладели татары, то кыпчаки сделались их подданными. Потом они смешались и породнились с ними и земля одержала верх над природными расовыми качествами их, и все они (татары) стали точно кыпчаки, как будто они одного с ними рода, от того, что монголы поселились на земле кыпчаков, вступили в брак с ними и остались жить на земле их (кыпчаков)¹⁰⁷. Этот исторический факт указывает на то, что в конце XIII — начале XIV в. исторически сложившаяся кыпчакская этническая общность проявилась вновь, одержав верх над монгольской традицией. Однако в дальнейшем, в отличие от домонгольского периода, развитие исторического процесса в кыпчакском обществе пошло не по линии их собственного этнического оформления, а потекло по руслу раздробления, участия их в образовании целого ряда новых тюркоязычных этнических общностей и государств.

Другими аутентичными источниками являются лингвистические труды, в которых часто приводятся с арабским толкованием или в прямом переводе многие кыпчакские термины и лексические обороты, отражающие хозяйственные, социальные, этнические и культурно-бытовые реалии, существовавшие в ту эпоху в кыпчакской общетюркской среде. Из произведений этого круга можно отметить словарь «Книга собрания толковых слов тюркских, неарабских, монгольских и персидских» («Китаб маджму тарджуман тюрки ва аджами ва мугули ва фариси»), составленный в 1245 г. в Египте. В основу его положен кыпчакский язык, приводится также лексический материал из туркменского языка¹⁰⁸.

¹⁰⁷ Тизенгаузен В.Г. Сб. материалов. Т. I. — С. 540—542.

¹⁰⁸ Ein Türkisch-arabisch glossar. — Leiden: Brill, 1894; Курышжанов А.К. Исследование по лексике старокыпчакского письменного памятника XIII в. «Тюркско-арабского словаря». — Алма-Ата: Наука, 1970.

В XIV в. в Египте появляются двуязычные арабо-тюркские (кыпчакские) словари. Среди них следует выделить труд Абу Хаяна (1256—1345) «Книга постижений языка тюрков» («Китаб ал-идрак ли-лисан ал-атрак»), составленный в 1313 г., и сочинение Джамал ад-дин ат-Турки «Достаточное для желающего познать языки тюрков и кыпчаков» («Булгат ал-муштак фи лугат ат-турк ва-л-кыфчак»). Важно отметить, что у обоих авторов в качестве основного источника упоминается сочинение «Яркие лучи» («Ал-Анвар ал-мудия») Ала-дин Байлик ал-Кыфчаки. Как видно по Нисбе Байлика, он был кыпчаком¹⁰⁹.

Важные сведения о характере этнического состава Мамлюкского государства, в том числе кыпчаков, по данным антропологии, приводят целый ряд арабоязычных авторов мамлюкской эпохи: Ибн ал-Фувати (ум. 1323), ас-Сукаи (1264—1324), ад-Давадари (ум. 1325), Мугултай (ум. 1371), Ибн Касир (1299—1373), Ибн Сасри (ум. 1397). Значительный фактический материал о связях султанов Мамлюкского государства с ханами Золотой Орды, о кочевниках Дешт-и Кыпчака в свете их этнической, политической и духовной культуры можно почерпнуть в трудах Ибн ал-Фурата (1334—1405), ал-Калкашанди (1355—1418), ал-Макризиди (1364—1442), Ибн Тагриберди (1411—1465), Ибн Ияса (1448—1524) и др.

Одним из важных источников по истории кыпчаков следует считать путевые заметки знаменитого путешественника магрибинца Ибн Баттуты (1304—1377), объехавшего почти весь обитаемый мусульманский мир — от Волжской Булгарии до Индонезии и побывавшего даже в Китае. Описание путешествия Ибн Баттуты «Подарок созерцающим о диковинках городов и чудесах путешествий» («Тухфат ан-нуззар

---

¹⁰⁹ Abu Hayyan. Kitab al-idrak li-lisan al-at-rak. — Istanbul, 1931; Zajaczkowski A. Vocabulaire arabe-kiptchak de l'epoque de l'Etat Mamelouk, Bulgat al-mustaq fi lugat at-turk wa-l-qifzaq. — Warszawa, 1945.

фи гараиб ал-амсар ва аджаиб ал-асфар») фактически не является его сочинением, а представляет литературную обработку его рассказов, сделанную в 1356 г. ал-Калби. Неоцененное значение имеют приведенные в «Тухфат» подробности поездок Ибн Баттуты в Южную Россию, Волжскую Булгарию и Золотую Орду через Крым и оттуда в Хиву, Бухару и Афганистан. Особенно ценны картины повседневного быта в Золотой Орде, сведения о социальном устройстве, хозяйстве кыпчаков, их этнические характеристики, описания степных поселений и городов и многое другое, касающееся истории тюркских народов¹¹⁰.

Автором нескольких сочинений по истории и географии Мавераннахра и Среднего Востока, созданных при дворе тимуридских правителей Шахруха и Улугбека, является Хафиз-и Абру (ум. 1430). Он родился в Герате, образование получил в Хамадане. Труды Хафиз-и Абру высоко оцениваются современными востоковедами как первоклассные источники по истории эпохи первых Тимуридов. Многие части сочинения Хафиз-и Абру компилятивны, но в них заключены отрывки из многих ранних произведений, до нас не дошедших. В работах Хафиз-и Абру имеются также сведения о политической истории и расселении кыпчаков¹¹¹.

Из источников второй половины XV — начала XVI в. представляют интерес труды гератских историков Мирхонда и Хондемира. Мирхонд (1433—1498) происходил из семейства сеидов Бухары. Большую часть своей жизни провел в Герате. Алишер Навои был вдохновителем создания исторического сочинения Мирхонда «Сад чистоты» в жизнеописании пророков, царей и халифов» («Раузат ас-сафа фи сират ал-амбия ва-л-мулюк ва-л-хулафа»). Следуя в основном историческим

¹¹⁰ Voyages d'Ibn Batoutah. Texte arabe. — Paris, 1853—1858. Т. I—IV; Тизенгаузен В.Г. Сб. материалов. Т. I. — С. 278; The Travels of Ibn Battuta A.D. 1325—1354. — Cambridge, 1958, 1961 (HS, 2d series. CX). Vol. I—II.

¹¹¹ Хафиз-и Абру (Географические сочинения). Рук. ГПБ Дорн 290; Хафиз-и Абру. Зубдат ат-таварих. Рук. ГПБ (ПНС-57).

данном сочинения Рашид ад-дина, автор приводит и новые факты, в том числе о расселении кыпчаков в предмонгольское и более позднее время. Кроме того, специальный раздел в этом сочинении посвящен кыпчакским ханам¹¹².

Литературная деятельность Хондемира (1474—1534) началась в Герате, откуда он переселился в Кандагар, а потом отправился в Индию ко двору знаменитого Захир ад-дина Бабура — основателя империи Великих Моголов. Труд Хондемира «Краткая суть известий о жизненных обстоятельствах лучших людей» («Хулусат ал-ахбар фи баян ахвал ал-ахьяр») был посвящен наставнику и покровителю автора Алишеру Навои. Кроме сочинения своего деда Мирхонда, являющегося главным источником его работы, Хондемир использовал и другие труды своих предшественников. Имеют значение исторические факты из жизни среднеазиатских и иранских династий монголов и Тимуридов, в которых часто встречается упоминание о кыпчаках¹¹³.

Неоценимым источником для изучения различных проблем истории тюркских народов Центральной Азии считается сочинение хивинского хана Абулгази (1603—1665) по «Генеалогии тюрков» («Шаджара-и турк») и по «Генеалогии туркмен» («Шаджара-и таракима»). Абулгази хорошо знал арабский, персидский и монгольский языки, был весьма начитан. В генеалогических трудах Абулгази содержатся многочисленные и нередко важные сведения по этнографии, социальной истории и расселению кыпчаков до и после монгольского нашествия. Немалый интерес вызывают подробности о военной организации в тюркском обществе, имеющие традиционный характер и, несмотря на свою ретроспективность, объясняющие социально-политическую структуру кыпчаков-кочевников предшествующей эпохи¹¹⁴.

---

¹¹² Мирхонд. Тарих раудат ас-сафа. — Тегеран, 1339 (х). (1960). Т. 1—7.

¹¹³ Хондемир. Тарих хабиб ас-сияр. — Тегеран, 1333 (х). (1954). Т. 1—4.

¹¹⁴ Histoire des Mogols et des Tatares par Aboul-Ghazi Behadur Khan. Т. 1. Text. — St. Pbg, 1871; Т. II. Trad. St.-Pbg, 1874; Кононов А.Н. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази хана хивинского. — М.; Л., 1958

Еще одним автором тюркского происхождения, писавшим о событиях в кипчакских степях после монгольского нашествия, был историк Кадыр Али Джалаири (1530—1605). Джалаири был образованным человеком, знал несколько языков, долгое время исполнял обязанности воспитателя царевичей из чингисидов. Основным первоисточником для сочинения «Собрание историй» («Джами ат-таварих») Джалаири послужил одноименный исторический свод Рашид ад-дина¹¹⁵. Однако некоторые данные, имеющие немаловажное значение и для раннемонгольского периода применительно к истории кипчаков и всего Степного региона в целом, почерпнуты из каких-то других, неизвестных нам источников. По крайней мере, сведения о границах и владельцах степных уделов Ак-Орды и Кок-Орды, рассказ Джалаири о взаимоотношениях кипчаков с ногаями в XIV в. при Узбек-хане и другие подробности выглядят независимыми. Приводимые Джалаири локализации племен кипчаков дают представление об этнической карте Центрального и Западного Казахстана в период между нашествием Чингис-хана и распадом Золотой Орды.

Свой вклад в изучение кипчаков внесли лингвисты. Немецкий тюрколог Э. Щюц исходил из того, что в большинстве современных кипчакских языков можно обнаружить значительное число слов с начальным звуком *д*. Щюц предполагает, что эта группа слов является заимствованием из огузских языков. Кроме турецкого, тюркские языки огузской группы фактически превратились в смежные с кипчакскими языками. В кумыкском языке присутствуют элементы азербайджанского, а в каракалпакском — туркменского. Вопрос состоит в том, насколько глубокого было влияние огузских языков с исторической и лингвистической точек зрения. В советское время

---

¹¹⁵ Кадыр Али Джалаири. Джами ат-таварих. Рук. научной библиотеки Казанского государственного университета (Т. 40, 5028); Сборник летописей. Текст. Библиотека восточных историков. — Казань, 1854. Т. 2. Ч. 1.

К. Менгес высказал предположение, что огузские начальные звонкие звуки относятся к элементам прототюркского и алтайского языков. Для решения проблемы Щюц предложил подходить к ней в диахроническом и синхроническом аспектах. Основным источником информации для проведения исследования послужили «Кодекс Куманикус», кипчакский язык армян XVI—XVII вв., а также караимский язык XIV в. Щюц выдвинул предположение, что слова с начальным *д* попали в средневековый кипчакский язык через чагатайский. Менгес, в свою очередь, предложил систематизацию этих слов, что вывело его к трем группам: 1) заимствования с ориентацией на огузские языки; 2) элементы звукоподражающих слов; 3) слова, начальные которых все еще проблематичны. Менгес называет эти языки «арало-кипчакскими». В целом исследования Щюца и Менгеса приводят к мысли, что в кипчакских языках слов звукоподражательного происхождения значительно больше, чем в других, что дает прекрасную с точки зрения истории возможность проследить каждое слово с учетом фонетических характеристик и семантических цепочек (Schütz, 1972).

Фактически, «Кодекс Куманикус» — лексико-графический источник казахского литературного языка. В ряде исследований дается краткое описание рукописи, написанной в XIII—XIX вв. Полный текст этого памятника с введением, примечаниями, приложением и исправлениями был опубликован в 1890 г. в Будапеште Г. Кууном. По содержанию, графическим и языковым особенностям рукопись традиционно делится на две части — итальянскую и немецкую, написанные в разное время и в разных местах. Похоже, что неизвестный автор первой части хорошо знал латинский язык и несколько хуже персидский и куманско-кипчакский. Материалы двух этих языков он мог получить из других источников, но такие данные не установлены. Однако неизвестный автор смог подготовить и написать словарь трех языков.

Первая часть «Кодекса» была написана с целью научить вести переговоры, разговаривать с представителями другого народа. Кипчакские слова здесь представлены в ответах на вопросы *анау не? мынау не? мынанын, аты не?* В качестве примера автор приводит слова, передающие названия частей человеческого тела. Для облегчения изучения куманского языка здесь же даются элементы практических указаний. Особенно это практикуется во второй части «Кодекса».

Анализ текста, его размещение, подача материала, формы исправления, редактирования и дополнения материала приводят исследователей к выводу, что рукописи «Кодекса» состоят из четырех частей: 1) трехязычный словарь (1 часть), 2) религиозные тексты (2 часть), 3) словники из различных слов, списки отдельных слов, собрание отдельных слов и словосочетаний (в 2-х частях), 4) очерки или образцы особенностей грамматики куманского языка.

Армяно-кипчакский язык представляет собой один из кипчакско-половецких языков крымского ареала, известный по письменным памятникам, составленным представителями армянских колоний на территории современных Украины, Молдавии и Румынии. Изучение этих памятников ведется в нескольких направлениях — выявление и описание материалов, публикация текстов и исследование структурных особенностей армяно-кипчакского языка в плане саморазвития и контактов с другими языками.

Памятники, составленные в XVI—XVII вв. представителями армянских колоний на территории современных Украины, Молдавии и Румынии, назывались армяно-кипчакскими. Сами же представители составляли многочисленную этнографическую группу армян-кипчакофонов. В основном эти памятники составлялись в Каменец-Подольске и во Львове. До нас дошли работы, написанные в период между 20-ми годами XVI в. и концом XVII в. По жанру и стилю ученые делят их на пять групп: историческая хроника (ежегодник),

судебные и административно-правовые документы, филологические сознания, различные религиозные трактаты и художественные сочинения.

«Слово мудрого Хикара» — единственный известный памятник того периода, относящийся к художественно-дидактическому жанру и впервые переведенный на французский язык в 1964 г. Ж. Дени и Э. Трьярским на основе венского оригинала, который хранится в библиотеке мхитаристов под № 468. Объем рукописи — 16 страниц по 27—30 строк, всего 470 строк. Кем и когда была написана рукопись, неизвестно. В 1894 г. рукопись перевезли из Львова в Вену¹¹⁶.

Исследование языка армяно-кипчакских памятников ведется в нескольких аспектах. В плане лексики и лексикографии изучение исконно тюркской лексики способствует составлению армяно-кипчакского словаря. Фразеология и синтаксис анализируются с точки зрения интерференции и конвергенции в условиях славянского окружения. Анализируя письмо и звуковой состав «Слова мудрого Хакира», исследователи утверждают, что здесь, как и в других памятниках армяно-кипчакского языка, применяется армянское письмо в его западном варианте с противоположным по сравнению с восточным типом обозначением глухих и звонких.

В основе лексики анализируемого памятника лежат слова кипчакской группы современных тюркских языков, в том числе и казахского. Наряду с исконно тюркскими, есть заимствования из монгольского, армянского и славянского языков, а также арабо-иранские заимствования. Последние имеют место во всех письменных кипчакских памятниках, которые были созданы в Средние века на территории Золотой Орды и Египта.

---

¹¹⁶ См.: Кудасов С.Ж. Армян жазулы кыпшак ескерткіші «Дана Хикар созын» тілі. (Язык армянописьменного кыпчакского памятника «Слово мудрого Хикара»). — Алматы: Ғылым, 1990. — 120 б.

Статья известного венгерского тюрколога Л. Лигети посвящена исследованию общих проблем *Codex Cumanicus* (СС) — свода законов команского языка. В своем анализе он опирается на издание Г. Кууна, опубликовавшего более ста лет назад полный текст СС с большим введением, примечаниями, приложением и исправлениями. Отмечается, что публикация Кууна вызвала в научном мире много споров, что повлекло за собой появление новых научных исследований. Однако, несмотря на обилие работ, касающихся СС, ряд проблем остается нерешенным¹¹⁷.

В работе Лигети делается попытка осветить наиболее общие вопросы, связанные с СС. В ее основу, кроме книги Кууна, легли труды ведущих ученых-востоковедов Г. Дьерфи, А. Габен, Д. Дрюль, А. Бодроглигети и др. Ученый отмечает огромную заслугу Кууна, книга которого, несмотря на некоторые недостатки, представляет собой значительный шаг вперед по сравнению с первоначальным изданием СС Ю. Клапрота.

Долгое время СС считался одной из книг Ф. Петрарки и назывался «Кодексом Петрарки». Тщательный анализ содержания СС показал ошибочность такого вывода. Исследователь останавливается на следующих вопросах: хронологические рамки написания СС, место его происхождения, авторство, грамматический и лексический анализ языка. Установлено, что СС имел две части: «итальянскую» и «германскую», причем обе были написаны в разное время и в разных местах. Предполагается, что первая часть была написана в 1294 г., причем первая ее копия — в 1303 г., а вторая — в 1330 г. Написание «германской» части СС точно не датировано. Считается, что она была создана между 1340-м и 1356 г.

По поводу места происхождения СС имеются различные точки зрения. Так, некоторые ученые полагают, что пер-

---

¹¹⁷ Ligeti L. Prolegomena to the Codex Cumanicus. — Acta Orientalia Hungaricae. — Budapest, 1981. Т. 35. Fasc. I. Pp. 1—54.

вая часть была составлена в Крыму, другие уточняют его и называют непосредственным местом написания Солхат, третьи считают, что она была составлена в Генуе. Место происхождения второй, германской, части не выяснено. По предположению А. Габен, она была написана монахами францисканского монастыря в Южной России. Идею о том, что автором СС был монах, Лигети отвергает, так как в тексте нет признаков, доказывающих это. Им подчеркивается, что СС служил в основном для выполнения светских, а не религиозных целей, хотя вторая часть по назначению была религиозной.

Далее следует описание торговой деятельности итальянских колоний на побережье Чёрного моря. Отмечается большая роль генуэзцев и венецианцев в торговых связях с этим регионом. Дается описание торговых путей, связей итальянских колоний с Золотой Ордой, которая была главным торговым партнером генуэзцев и венецианцев. Различные торговые соглашения, описанные в СС, свидетельствуют о том, что итальянцы использовали команский язык не только для коммерческих целей, но и для дипломатических контактов.

Значительная часть работы Лигети была посвящена структуре построения СС, лексическому и грамматическому анализу его текста. Рассмотрев латинский материал, персидские диалекты, Лигети переходит к исследованию тюркского материала СС. Он отмечает, что команские диалекты СС стоят в центре внимания ученых. Из СС следует, что имелось два команских диалекта, причем первый был распространен на территории итальянских поселений, а второй — среди францисканских миссионеров. Более тщательное исследование второй части СС даст, по мнению автора, новую информацию о команском материале Кодекса. СС содержит много слов неизвестного происхождения, имеются заимствования монгольского и даже кавказского происхождения.

Проанализировав обе части СС, Лигети предположил, что в написании СС участвовали итальянские колонисты, францисканские монахи, знающие латинский язык, клерикальные и светские лица германского происхождения. В статье приводятся многочисленные примеры и сравнения различных древних и современных языков. Отмечается, что исследование СС содержит много гипотез и предположений, но не дает определенных ответов.

В ряде исследований делаются попытки дать комплексный анализ и обобщающую оценку всей средневековой тюркской литературы. Так, итальянский тюрколог А. Бодроглигети в своей статье показывает основные черты развития классической тюркской литературы¹¹⁸. Обращаясь к истории ее возникновения, автор отмечает, что в VIII в. и позже в центральноазиатской тюркской литературе прослеживается стремление противопоставить тюрков арабам и персам, мусульман-сунитов — шиитам. Ставились две цели: создать культурный оплот против арабизации и персидского влияния, а также развить свои культурные ценности и передать их тюркскому обществу. Борьба за сохранение мусульманского тюркского равенства и постоянный поиск общечеловеческих ценностей дали классической центральноазиатской тюркской литературе долгую жизнь и сделали ее хранилищем тюркского культурного наследия.

В его работе анализируется ряд подобных вопросов, включая все литературные жанры периода XII—XIX вв., на основании чего были выявлены особенности классической центральноазиатской тюркской литературы. По мнению автора, всего их девять:

1. Чисто исламская направленность: авторы религиозных и светских произведений придерживались исламского миро-

---

¹¹⁸ Bodrogligeti A. The relevance of classical Central Asian turkic literature to the understandings of the cultural heritag of the turks of Central Asia // Besinci milletler arasi turkoloji kongresi. — Istanbul, 1985. C. I. S. 171—176.

воззрения, стандартной мусульманской позиции, используя словарный состав ислама. Ислам в Центральной Азии имел уникальные черты, которые прямо или косвенно отразились и в литературных произведениях. Эти специфические черты должны быть, по мнению автора, описаны, их необходимо изучать и учитывать при анализе классических литературных произведений. Первые классические тюркские произведения — «Кутадгу Билик» и «Диван Луга'т ат Тюрк» показывают, что народная литература, определяемая как ученая литература, получила развитие у уйгуров, была богатой по содержанию и культивировалась на высоком уровне.

2. Тесная взаимосвязь с фольклором, их взаимовлияние: поговорки, идиомы, доисламские поэтические формы проникли во все литературные жанры, элементы классической литературы (тексты, терминология) встречаются во всех сферах центральноазиатского фольклора.

3. Использование при написании стихов и трактатов только арабского и персидского языков.

4. Дидактизм всех произведений. Наряду со специфическими (религиозные учебники, трактаты, проповеди, сочинения), в других жанрах (панегирик, лирический, эпический) показывались определенные дидактические тоны. Последние широко варьируют: от назиданий до строгой критики. Сатира как популярный жанр появляется на последней ступени развития дидактической литературы.

5. Заметное влияние арабской и персидской литературы: лингвистические или просодические элементы, тексты или жанры заимствовались до тех пор, пока это не стало неотъемлемой частью произведений тюркских авторов. Прогрессивная восприимчивость в сфере поэтического способа выражения играла важную роль в оформлении классической тюркской грамматики и пополнении ее словаря.

6. Постоянное обновление идей и литературных форм. Социально-культурный аспект этой литературы и ее тесные

узы с фольклором стали одним из факторов, которые сделали такие инновации возможными.

7. Самосохранение, несмотря на влияние более высоко-развитых культур, литературные и языковые заимствования: твердая народная основа (местные диалекты, массивные тюркские сообщества), богатая фольклорная традиция, на которую опиралась эта литература, способствовали ее самоутверждению.

8. Выразительность и яркое содержание за счет богатства тюркского словаря, многообразия идиом и силы грамматического выражения.

9. Широкий спектр стилистических и эстетических уровней, большое разнообразие жанров. Однако с точки зрения содержания и функции эта литература составляет однородное единство.

Автор отмечает влияние классической тюркской литературы на культурное развитие современных центральноазиатских тюркских народов. Классические литературные произведения являются ценными первичными источниками для изучения многих сторон истории Центральной Азии; религиозной, социальной, политической, литературной и языковой.

В статье болгарского тюрколога М. Молловой «По поводу нескольких загадок Кодекса Куманикуса» излагаются результаты исследований, посвященных разбору нескольких загадок, встречающихся в Кодексе Куманикуса. Не располагая всей литературой по данному вопросу, автор использовала в своей работе три документальных труда. Вслед за А. Тице, который сравнил куманские загадки с современными загадками тюркских народов, автор также использовал в работе традиционный метод сопоставления. В данном случае сопоставлялись куманские загадки с загадками балканских татар, имеющих богатые фольклорные традиции. Автор допускает наличие в куманских словах долгих гласных (узких и ши-

роких) звуков, хотя в оригинале они написаны как простые гласные¹¹⁹.

Статья известного румынского тюрколога В. Дримбы «К вопросу о датировании первой части *Codex Cumanicus*» состоит из двух разделов. В первом изложены мнения исследователей, занимавшихся вопросами истории *Codex Cumanicus* (СС), о времени написания первой его части, во втором — авторская точка зрения на данную проблему¹²⁰.

Впервые СС был описан Г.Ф. Томасини. Все, кто впоследствии знакомился непосредственно с рукописью — А. Дзанетти, создавший первый систематический каталог СС в библиотеке Марчана, Г. Куун, автор первого полного издания рукописи, К. Грэнбек, Д. Дёрфи и др. — единодушны в том, что первая обработка материала для чтения СС относится к 1303 г.

Так как речь идет, главным образом, о начале XIV в., О. Блау и К. Сейлменн отмечают, что лингвистический материал СС относится фактически к XIII в. Полемизуя с Сейлменном, Б. Банг отрицает возможность возникновения СС в XIII в., хотя его позиция, по мнению автора, не лишена отдельных противоречий. Концепция Банга о принадлежности СС (или, по крайней мере, первой его части) к XIV в., основанная на одном лишь факте — дате его первоначального написания — принята несколькими учеными.

Промежуточная точка зрения, базирующаяся исключительно на лингвистическом чутье и поддерживающая эту дату, была выражена В. Бартольдод. На его взгляд, СС «представляет собой важный памятник практического востоковедения XIII—XIV вв.» (с. 389).

Полемика между Бангом и Сейлменном определила развитие дальнейших исследований истории СС. Приняв точку зрения Сейлменна, А.Н. Самойлович отрицает возмож-

---

¹¹⁹ Mollova M. Sur quelques devinettes du Codex Cumanicus. — *Studia et acta Orientalia*. — Bucarest. — 1980. V, X. Pp. 103—116.

¹²⁰ Drimba V. Sur la datation de la premiere parti du Codex Cumanicus // *Oriens*. — Leiden, 1980. Vol. 27—28. Pp. 388—404.

ность датирования СС 1303 г. Его заключение основано на том, что название месяцев, в соответствии с христианским и мусульманским календарями, было установлено в 1294 г., т.е. на девять лет раньше того времени, когда составление первой части СС должно было начаться. Позже С.Е. Малов, сделав некоторые уточнения, приблизил на год к 1303 г. дату, предложенную Самойловичем, и назвал 1295 г. Впоследствии мнение Самойловича и Белова поддержали Т. Мензель и А. Джафероглу. Среди тех, кто, как и В. Бартольд, относит СС к памятникам XIII—XIV вв., автор называет Т. Ковальского, Ю. Бенцинга и казахстанских тюркологов С. Кенесбаева и А. Курышжанова.

В. Дримбой тоже рассматривается вопрос о копии и редакторском оригинале СС, также вызвавший много споров среди исследователей. Наиболее четкой представляется автору мысль Д. Расовского, что СС является неудачной копией оригинала. Исправив множество ошибок, допущенных при переписке первой части СС, и опираясь на результаты исследований А. Самойловича, он пришел к выводу, что необходимо рассматривать переписчика этой части «просто как писаря, а не автора Кодекса, более того, как писаря не совсем образованного, плохо знавшего персидский и куманский языки» (с. 393). Что касается копии оригинала, то она сделана в 1303 г.

Большое внимание исследователем уделено трудам венгерского ученого Д. Дьёрфи, западногерманского тюрколога А. ф. Габен и итальянского ученого, бывшего директора библиотеки Марчана П. Дзордзанелло. Проведенные специальные текстологические исследования позволили Дзордзанелло утверждать, что составление СС началось в 1330 г.

Изложенный выше материал о датировании первой части *Codex Cumanicus* позволяет румынскому ученому сделать вывод о правильности и неоспоримости 1330 г. как даты со-

ставления первой части СС. Это подтверждают палеографические данные, полученные Дзордзанелло, а также многие генуэзские и средневековые документы. 1303 г. — как дата его написания должна быть, по мнению этого автора, полностью исключена из всех дискуссий, касающихся вопросов истории СС.

Крупнейшими обобщающими трудами в советской и казахстанской историографии являются работы С.А. Плетнёвой и С.М. Ахинжанова.

Так, С. Плетнёва в своей монографии «Половцы» сосредоточилась в основном на изучении кипчаков/половцев Восточной Европы. Ее исследование базируется в основном на русских летописях¹²¹.

Наш соотечественник и коллега С. Ахинжанов (1939—1991) в своем фундаментальном, одновременно историческом, источниковедческом и историографическом труде «Кыпчаки в истории средневекового Казахстана» (перв. изд. — 1989 г.) обобщил огромные массивы письменных источников, а также использовал археологические данные (по своей основной специальности Сержан Мусатаевич был археологом, ставшим впоследствии медиевистом). До настоящего времени, на наш взгляд, это наиболее полный труд по данной проблематике не только в отечественной историографии, но и в целом в мировом востоковедении¹²².

§ 5. Чагатайские исследования

Особое место в тюркологии и источниковедении истории Центральной Азии занимают чагатайские исследования. Как известно, данный язык относится к важнейшему литературному тюркскому языку, на котором были написаны много-

---

¹²¹ См.: Плетнёва С.А. Половцы. — М.: Наука, 1990. — 208 с.

¹²² Ахинжанов С.М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. — Алматы: Ғылым, 1999. — 296 с.

численные и разнообразные литературные и исторические памятники. В мировой историографии существуют три подробных научных описания этого языка: «Восточно-тюркская грамматика исламского литературного языка Средней Азии» К. Брокельмана (1954), «Грамматика староузбекского языка» А.М. Щербакова (1962) и «Руководство по изучению чагатайского языка» Я. Екмана (1966). Долгое время считалось, что нет необходимости в специальных справочных и грамматических изданиях по чагатайскому языку, так как знание османского языка позволяло без особого труда читать и работать с чагатайскими текстами. Считается, что в истории чагатайского языка существуют два периода: доклассический (1400—1465) и классический (1465—1600). После 1600 г. чагатайский язык претерпел ряд изменений, которые в конечном счете привели к возникновению современного узбекского языка (**Eckmann, 1966**).

Заметный вклад в изучение прошлого народов Средней Азии и Казахстана по материалам письменных (в т.ч. и чагатайских) источников внес А. Вамбери. Наибольшее научное значение имеют его труды по чагатайскому и уйгурскому языкам, по тюрко-татарской и финно-угорской лексикографии. А. Вамбери оказал влияние на формирование некоторых крупных европейских ориенталистов, в частности на его соотечественника профессора И. Гольдциера (1850—1921).

Источники и литература к главам I и II

Allsen Th.T. *Mongol Imperialism: the Policies of the Great Qan Möngke in China, Russia and the Islamic Lands.* — Berkley: University of California Press, 1987.

Atsiz B., Kissling H. *Sammlung türkischer Redensarten.* — Wiesbaden: Otto Harrasowitz, 1974.

Bacon E. *A Study of Social Structure in Eurasia.* — New York: Viking Fund Publications in Anthropology, 1958. N 25.

Boratav P.N. (ed.) *Philologiae Turcicae Fundamenta.* — Wiesbaden: Franz Steiner, 1964.

Boyle J.A. (ed.) *Ala al-Din Ata Malik Juveini. The History of the World Conqueror.* Trans. by J.A. Boyle. 2 vols. — Manchester: Manchester University Press, 1958.

Boyle J.A. *Juveyni and Rashid Rashid al-Din as Sources on the History of the Mongols // Historians of the Middle East / Ed. by B. Lewis and P.M. Holt.* — London, 1962. Pp. 117—137.

Boukhari. *Histoire de l'Asie Centrale. 1740—1818.* Par Mir Abdoul Kerim Boukhari, texte persian et traduction par Ch. Schefer. 2 vols. — Paris: Leroux, 1876.

Cagatay S., Tezcan S. *Das uigurische Insadi-Sutra.* — Berlin, 1974. — 107 S.

Chadwick N., Zhirmunsky V. *Oral Epics of Central Asia.* — Cambridge: Cambridge University, 1969. — 366 p.

Chavannes E. *Documents sur les Tou-kiue (Tures) occidentaux.* — St.Petersbourg, 1900.

Clauson G. *The Origin of the turkic "runic" Alphabet // Acta Orientalia.* — Copenhagen, 1970. Vol. 32. Pp. 51—76.

Clauson G. *An Etimological Dictionary of Prethirteenth Century Turkish.* — Oxford: Clarendon Press, 1972. — XXVIII + 989 pp.

Coon C. *Caravan: the Story of the Middle East.* — Huntington; New York: R. Krieger Publishing, 1976 (1951).

Czegledi K. On the Numeral Composition of the Ancient Turkish Tribal Confederations // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1972. T. 25. Fasc. 1—3. Pp. 276—281.

Czegledi K. Gardizi on the History of Central Asia (746—760 A.D.) // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1973. T. XXVII. Fas. 3. Pp. 257—267.

Dankoff R. Kashgari on the Beliefs and Superstitions of the Turks // *Journal of the American Oriental Society*. — Baltimore, 1975. Vol. 95. N 1. Pp. 68—80.

Dawson C. (ed.) *The Mongol Mission*. Translation of a nun Stanbrook Abbey / Ed. and Introduction by. C. Dawson. — London; New York: Sheed and Ward, 1955.

Dörfer G. Zu türkischen mana “mir”, sana “dir” // *Central Asiatic Journal*. 1977. Vol. XXI. N 3-4. S. 208—219.

Eckmann J. *The Chagatay Manual*. — The Hague: Mouton (Bloomington: Indiana University Press), 1966. — XII + 340 pp.

Erdal M. The Chronological Classification of old Turkish Texts // *Central Asiatic Journal*. 1979. Vol. XXIII. N 3-4. Pp. 151—175.

Ecsedy H., Pinks E. Die Uiguren von Kan-chu in der frühen Sung-Zeit (960—1028) // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1970. T. XXIII. Fas. 1. Pp. 131—133.

Ecsedy H. Tribe and tribal Society in the 6th Century Turk Empire // *Acta Orientalia Hungaricae*. 1972. T. 25. Fasc. 1—3. Pp. 245—262.

Frye R. *The History of Bukhara*. Trans from Narshakhi by R.N. Frye. — Cambridge (Mass.): The Medieval Academy of America, 1954. — 178 p.

Gabain A.M. von Historisches aus den Turfan-Handschriften // *Acta Orientalia* (Copenhagen). 1970. Bd. 32. S. 115—124.

Gabain A.M. von *Das Leben im uigurischen Königreich von Qočo (850—1250)*. — Wiesbaden: Otto Harrasowitz, 1973. 251 S.

Gibb H.A.R. *Tha Arab Conquests in Central Asia*. — London: The Royal Asiatic Society, 1923. — 102 p.

Golden P.B. Imperial Ideology and the Sources of Political Unity amongst the Pre-Cinggisid Nomads of Western Eurasia // *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. 1982. Vol. II. Pp. 37—76.

Golden P.B. An Introduction to the History of the Turkic Peoples: Ethnogenesis and State Formation in Medieval and Early Modern Eurasia and the Middle East. — Wiesbaden: Otto Harrasowitz, 1992.

Halperin C.I. Russia and the Golden Horde: the Mongol Impact on medieval Russian History. — Bloomington: Indiana University Press, 1987.

Halperin C.I. The Tatar Yoke. — Columbus (OH): Slavica Publishers, 1986.

Hamilton J.R. Les ouïghours à l'époque des Cinq Dynasties d'après les documents chinois. — Paris: Hachette, 1955.

Hamilton J.R. Manuscrits ouïgours de Town-Houang. Le conte bouddique du bon et du mauvais prince en version ouïgours. Mission Paul Pelliot Documents conservés. — Paris: La Bibliothèque Nationale-III, 1973. — 204 p.

Hamp E.P. The Altaic Non-Obstruents // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. 1974. Vol. 37. Pp. 672—674.

Hanisch E. Die Geheime Geschichte der Mongolen. 2 Aufl. — Leipzig, 1948.

Hazai G., Zieme P. Zu einigen Fragen der Bearbeitung türkischer Sprachdenkmäler // *Acta Orientalia*. — Copenhagen, 1970. Vol. XXXII. S. 125—140.

Hazai G. Die Turfantexte und ihre Erforschungen // *Das Altertum*. 1974. Bd. 20. H. 4. S. 230—236.

Hermanns M. Die Nomaden von Tibet. — Vienna: Verlag Herold, 1949.

Hirth F. The Story of Chang K'ien, China's pioneer in Western Asia // *Journal of the American Oriental Society*. Vol. 37. N 2. Pp. 89—152.

Hovdhaugen E. The Relationship between the two Orkhon Onscriptions // *Acta Orientalia*. — Copenhagen, 1974. Vol. 36. Pp. 55—83.

Ibn-Battuta. Travels in Asia and Africa. 1325—1354. Translated and selected by H.A.R. Gibb / Ed. by E.D. Ross. — London, 1929.

Johanson L. Zum Präsens der nordwestlichen und mittela-siatischen Türksprachen // *Acta Orientalia*. — Copenhagen, 1976. Vol. 37. S. 57—72.

Johanson L. Die Ersetzung der türklischen t-Kausativa // *Orientalia Suecana*. — Uppsala, 1976—1977. Vol. 25. Pp. 106—133.

Khazanov A. Nomads and the Outside World. — Cambridge: Cambridge University Press, 1984 (2nd ed. Madison: University of Wisconsin Press, 1994).

Krader L. Formation of the State. — Englewood Cliffs: Prentice Hall, 1968.

Krader L. Pastoral Nomadism in Eurasia: as Evolution and as History // *Proceedings VIII ICAES*. Vol. III. — Tokyo: Science Council of Japan, 1970. Pp. 321—323.

Krader L. The Asiatic Mode of Production. Assen: Van Gorcum, 1975.

Krusche R. Die Nomaden in Geschichte und Gegenwart. — Berlin: Akademie-Verlag, 1981.

Lattimore O. Inner Asian Frontier of China. — New York: American Geographical Society, 1940 (Boston: Beacon Press, 1967).

Lattimore O. The Geography of Chingis Khan // *The Geographical Journal*. 1963. Vol. CXXIX. Pt. 1. Pp. 1—7.

Lattimore O. On some questions of periodisation in nomadic history // *Role of the Nomadic Peoples in the Civilizations of Central Asia*. — Ulan Bator: UNESCO, 1974. Pp. 171—173.

Laude-Cirtautas I. On necessitative and related Forms in the Turkic Languages // *Central Asiatic Journal*. — Wiesbaden, 1978. Vol. 22. Pp. 44—70.

Leowe M. Records of the Han Administration. Vol. I—II. — Cambridge: Cambridge University Press, 1967.

Liu Ma-tsai. Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'u-küe). Bücher I—II (Göttinger Asiatische Forschungen. Bd. X). — Wiesbaden: Otto Harrasowitz, 1958.

Mackerras C. The Uighur Empire (744—840) according to the T'ang Dynastic Histories. — Canberra: Australian National University, 1968. XIII + 187 pp., 6 maps.

Manz B.F. The Rise and Rule of Tamerlane. — Cambridge: Cambridge University Press, 1989.

Martin H.D. The Rise of Chingis Khan and his Conquest of North China. — Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1950.

Mau-Tsa Liu. Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'u-küe). 2 Bde. — Wiesbaden: Otto Harrasowitz, 1958.

Menges K. Etymologika. Einige slavische und andere westliche Lehnbeziehungen des Türkischen // Rocznik orientalistyczny. — Warszawa, 1978. T. 40. Z. 1. S. 9—19.

Minorski V. Hudud al-Alam. — London, 1947.

Morgan D. The Mongols. — Oxford: Basil Blackwell, 1986.

Mühlfried F., Sokolovsliz S. (eds.) Exploring the edge of empire: Soviet era anthropology in the Caucasus and Central Asia. — Berlin, Zürich: Lit Verlag, 2011. — 337 p.

Münkler M. Marco Polo. Leben und Legende. — München: C.N. Beck, 1998. — 125 S.

Naumova O. Evolution and Nomadic Culture under Modern Conditions: Traditions and Innovations in Kazakh Culture // Seaman G., Marks D. (eds.) Rulers from the Steppe: State Formation on the Eurasian Periphery. — Los Angeles: Ethnographic Press, 1991. Pp. 291—307.

Pinks E. Die Uiguren von Kan-chou in der frühen Sung-Zeit (960—1028).

Planhol X. de Les fondements géographiques de l'histoire de l'Islam. — Paris: Flammarion, 1968.

Poppe N. *Studies of Turkic Loan Words in Russian*. — Wiesbaden: Harrasowitz, 1971. — 70 p. (*Asiatische Forschungen*. Bd. 34).

Poppe N. *A New Symposium on the Altaic Theory* // *Central Asiatic Journal*. 1972. Vol. XVI. N 1. Pp. 37—58.

Poppe N. *On some Altaic Case Forms* // *Central Asiatic Journal*. 1977. Vol. XXI. N 1. Pp. 55—74.

Röhrborn K. *Uigurisches Wörterbuch. Sprachmaterial der vorislamischen Texte aus Zentralasien*. — Wiesbaden, 1977. — VII + 72 S.

Roux J.P. *Recherche des survivances pré-islamiques dans les textes turcs musulmans: Le Kitab-i-Dede Qórquq* // *Journal Asiatique*. 1976. N 1-2. Pp. 35—55.

Scheinhardt H. *Über einige Fragen bei der syntaktischen Klassifikation türksprachlichen Ortsnamen* // *Central Asiatic Journal*. 1979. Vol. XXIII. N 3-4. S. 279—287.

Schütz E. *Remarks on Initial d- in Kipchak Languages* // *Acta Orientalis Academiae Scientiarum Hungariae*. — Budapest, 1972. T. 25. Fasc. 1—3. Pp. 369—381.

Schütz E. *Remarks on Altaic Personal Pronouns* // *Acta Orientalis Academiae Scientiarum Hungariae*. — Budapest, 1974. T. 28. Fasc. 1. Pp. 139—1145.

Seaman G., Marks D. (eds.) *Rulers from the Steppe: State Formation on the Eurasian Periphery*. — Los Angeles: Ethnographic Press, 1991.

Sertkaya O.F. *The first Line of the Tonyukuk Monument* // *Central Asiatic Journal*. — Wiesbaden, 1979. Vol. XXIII. N 3-4. Pp. 288—291.

Sinor D. *Inner Asia: History, Civilization, Languages. A Syllabus*. — Bloomington: Indiana University Press, 1969 (third reprinting — 1987). — XXII + 261 pp. (*Uralic and Altaic Series* — 96).

Sourdel D., Sourdel J. *La civilisation de l'Islam classique*. — Paris: Arthaud, 1968.

Spooner B. *The Cultural Ecology of Pastoral Nomads. An Addison — Wesley Module in Anthropology.* 1973. N 45.

Tekin T. *Türk dilleri silesi // Türk dili.* — Ankara, 1978. C. 37. Y. 27. N 318. S. 178—183.

Tezcan S. *Das uigurische Insadi-Sutra.* — Berlin, 1974. 107 S.

Tezkan S. *Tonyukuk yazitinda birkac düzeltme // Türkdili arasturmalari yilligi. Belleten.* 1975—1976. — Ankara, 1976. S. 173—181.

Tryjarski E., Hamilton J. *L'inscription turque rounique de Khutuk-ula // Journal Asiatique.* 1975. Pp. 171—182.

Upton C. *Nomadism, identity and the politics of conservation // Central Asian Survey.* — Oxford, 2010. Vol. 29. N 3. Pp. 305—319.

Vennker W. (Hrsg.) *Volsepen der uralischen und altaischen Völker.* — Wiesbaden: Otto Harrasowitz, 1968 (Ural-Altäische Bibliothek. Bd. XVI).

Vietze H.P., Zenker L., Warnke I. *Rückläufiges Wörterbuch der türkischen Sprache.* — Leipzig, 1975.

Waldron A. *The Great Wall of China: from History to Myth.* — Cambridge: Cambridge University Press, 1990.

Watson B. *Records of the Grand Historian of China. Translated from the Shih chi of Ssu-ma Ch'ien. Vols. I—II.* — New York: Columbia University Press, 1961.

Weissleder W. (ed.) *The Nomadic Alternative. Modes and Models of Interaction in the African-Asian Deserts and Steppes.* — The Hague: Mouton, 1978.

Wünsterfeld F. (Hrsg.) *Ibn Coteiba's Handbuch der Geschichte.* — Göttingen, 1850.

Yule H., Cordier H. *The Book of Sir Marco Polo the Venetian.* 2 vols. 3 ed. — London, 1921.

Zajaczkowski A. *Das Verhältnis des nomadischen Bevölkerung zu den sesshaften Bodenbauern in der Kiptschakischen Steppe (Dest-i Kipcak) bis zum 15. Jahrhundert // Das Verhältnis von Bodenbauern und*

Viehzüchtern in historischer Sicht. — Berlin: Akademie Verlag, 1968. S. 229—233.

Zieme P. Beiträge zur Erforschung des X'astvanift // Mitteilungen des Instituts für Orienrforschung. — Berlin, 1966. Bd. 12. H. 4. S. 351—378.

Zieme P. Ein manichaisch-türkisches Gedicht // Türkdili arasturmalari yilligi. Belleten. 1968 (Ankara). S. 39—44.

Zieme P. Neue Funde zur Geschichte der Türken in der Mongolei // Das Altertum. — Berlin, 1972. Bd. 18. H. 4. S. 255—258.

Zieme P. Zur buddhistischen Stabreimdichtung der alten Uiguren // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 1975. T. XXIX. Fas. 2. Pp. 187—211.

Zieme P. Zur Lexikographie des Alttürkischen // Orientalische Literaturzeitung. — Berlin, 1978. Jg. 73. Hf. 4. S. 325—330.

Глава III. Империи степей

Как отмечалось выше, проблему «империй степей» в мировой науке первым на высоком академическом уровне поставил выдающийся французский исследователь Рене Груссе. Ученый исходил из того постулата, что «великое варварство внезапно вторглось в область развитых исторических цивилизаций и в течение нескольких месяцев превратило римский, иранский или китайский мир в груды руин. Проблема варваров должна ставиться точно. Классический мир сталкивался с множеством варваров, так их определяли оседлые соседи.

Существование скотоводческого и охотничьего общества рядом с оседлым сельским хозяйством, или, если представить иначе, развитие процветающих сельскохозяйственных обществ в условиях контакта с людьми, все еще находящимися на пастушеской стадии и постоянно испытывающих потрясающую нужду, присущую степной жизни во время засухи, представляло не только яркий экономический, но и социальный контраст, который был даже более жестоким. Периодические набеги кочевников на культивируемые земли определялись законами природы. Следует добавить, что и тюрки, и монголы, будучи умными, уравновешенными, практичными людьми, обученными грубой реальностью их окружения, были, тем не менее, созданы для правления. Когда оседлые и часто упадочные общества становились объектом их нападения, кочевники входили в город и в течение первых часов боя, без всяких особых трудностей занимали место правителей, которых они только что разбили.

Был ли возможен окончательный результат — постоянное примирение между степью и городом? Никоим образом. Непокколебимые безжалостные законы человеческой географии продолжали действовать¹²³. Внутренняя история степей

¹²³ Цит. по: Груссе Р. Империя степей. История Центральной Азии (с древности до XIII в.). Учебное пособие. — Алматы: Санат, 2003. — С. 7—10.

состоит из того, заключал Груссе, что орды тюркомонголов сталкивались одна с другой из-за лучших пастбищ и бесконечных миграций от пастбища к пастбищу, происходящих в основном из-за нужд стада. Первостепенным фактором в человеческой истории является давление, оказанное этими номадами на цивилизованные империи Юга, давление, постоянно повторяющееся до того момента, когда был осуществлен захват этих империй. Происхождение кочевых империй диктовалось условиями, превалировавшими в их родных степях.

Таким образом, Р. Груссе во главу угла при разгадке феномена кочевых империй ставил природно-климатический фактор. Однако при более внимательном прочтении его работ выясняется, что это был бы слишком упрощенный подход.

§ 1. Гунны и их преемники

Гуннов, безусловно, можно охарактеризовать как первых создателей «империи степей». Их место в истории чрезвычайно значительно. Вызванные ими процессы привели не только к созданию первой гигантской империи на территории Центральной Евразии, недолговечной по своему характеру, но главное — привели в действие механизмы массового перемещения народов и племен от Тихого до Атлантического океана, повлекли за собой уничтожение старых и возникновение новых государств. Выход гуннов на историческую арену знаменовал собой смену цивилизаций и начало нового исторического периода как в Центральной Евразии, так и в Западной Европе.

Предыстория гуннов восходит к истории хуннской державы, первой из кочевых империй Центральной Азии. Благодаря тому, что история хунну известна нам в основном по китайским источникам, она предстает перед нами как история ханьско-хуннских отношений. Для древних китайцев но-

мады являлись постоянной болезненной проблемой, с которой они были вынуждены бороться на протяжении столетий. У Поднебесной было два выхода. Первый путь — военное противостояние. Венцом этой стратегии стало строительство императором Цинь Шихуанди Великой Китайской стены, авантюристической акции, которая обескровила страну и привела к падению династии Цинь. Новая династия Хань разработала новый метод нейтрализации кочевников. Он был предложен советником императора Лю Цзином и получил название «пяти искушений» (*хэцинь*). Данная остроумная коварная концепция была по-своему остроумной и состояла из пяти элементов: 1) дать кочевникам дорогие ткани и колесницы, чтобы испортить им глаза; 2) дать им вкусную пищу, чтобы закрыть их рты; 3) усладить номадов музыкой, чтобы закрыть им уши; 4) построить им величественные здания и подарить рабов, чтобы успокоить их; 5) преподнести богатые дары и оказать особое внимание тем племенам, которые примут китайский протекторат. Советский/российский историк Н. Крадин¹²⁴ и американский Т. Барфилд пишут еще об одном средстве, о котором не упоминают китайские хроники. Это было спаивание полудивилизованных народов на окраинах Китая (**Barfield, 1992, pp. 47, 81**).

По разным оценкам (по Л. Гумилёву), номады к северу от Китая насчитывали максимально до 1,5 млн чел., население же Ханьской империи составляло почти 60 млн чел. Однако на протяжении трех столетий хунны успешно противостояли Поднебесной и эксплуатировали Китай. Не последнее слово в историографии, посвященной этой проблеме, принадлежит американскому ученому Т. Барфилду (Гл. II. § 1 наст. ч.). Он выделяет четыре этапа в отношениях хунну с китайцами. На первом этапе (200—133 гг. до н.э.) для вымогания все большей дани хунну чередовали войну и набеги с периода-

---

¹²⁴ Крадин Н.Н. Кочевники и земледельческий мир: хуннская модель в исторической перспективе // Восток 2000/Oriens. — N 3. — С. 6.

ми мирного сосуществования. Китайцы упорно не шли на открытие рынков на границе, и шаньюй регулярно отдал приказ о возобновлении набегов. В 133 г. до н.э. император У-ди спровоцировал пограничный конфликт. При этом императоре начинается второй этап (129—58 гг. до н.э.), когда он отказывается от стратегии «пяти искушений» в пользу активной экспансии на север. Опыт военной кампании 129—119 гг. до н.э. показал, что в степной войне номады обладают неоспоримыми преимуществами. Единственным достижением стратегии У-ди было усиление ханьских позиций в Западном крае. Так, был заложен плацдарм для прибыльной трансконтинентальной торговли шелком, а также для политического давления на кочевников Внутренней Азии.

Но завоевание степи было невозможно по четырем причинам: 1) отсутствие внезапности со стороны китайской армии делало любой набег бесполезным; кочевники уходили вместе с семьями, имуществом и скотом дальше в степь; китайским фуражирам доставались только тучные, но бесполезные пастбища; 2) степи не были пригодны для земледельческого ведения хозяйства; сколько бы побед не одерживала ханьская армия, она все равно была вынуждена покинуть эти территории; 3) подготовка глубоких рейдов в степь требовала больших финансовых затрат; необходимо было обеспечить армию большим количеством лошадей и провианта, а солдат обучить стрельбе из луков на скаку, причем сделать все в конспирации; 4) в степной войне хунну имели ряд тактических и военно-технических преимуществ, главным из которых был хуннско-парфянский лук, а также превосходство в кавалерии.

Третий этап длился примерно с 53 г. до н.э. по 10 г. н.э. Тогда хуннский шаньюй Хуханье стал вассалом Ханьской империи. Причиной этого был глубокий внутривнутриполитический кризис в хуннском обществе, война за власть, междоусобицы. Официальная политика *хэцинь* была заменена си-

стемой даннических отношений; хунну обязались признать сюзеренитет Хань и платить дань. Но ответные дары китайцев зачастую превосходили хуннскую дань. Это была все та же замаскированная система дистанционной эксплуатации, считает Барфилд. Четвертый и последний этап (9—48) похож на первый: набеги чередовались с мирными договорами, в Китае начались волнения и восстание «краснобровых», кочевники грабили пограничное население и вмешивались во внутренние дела Китая. Набеги продолжались вплоть до разделения Китайской империи на Северную и Южную в 48 г.

В наибольшей степени источники по истории гуннов были собраны и систематизированы немецким ученым Ф. Альтхаймом (Ч. I. Гл. III.) в его пятитомной «Истории гуннов» (**Altheim, 1959—1962**). Создавая свой действительно гигантский труд о гуннах, Альтхайм привлек все существующие источники, в первую очередь письменные (римские, византийские, ближневосточные и др.), а также археологические находки. Большое место в этой работе занимает материал из сравнительного языкознания. Для истории Центральной Азии исследование Альтхайма представляет интерес тем, что он пытается провести параллели между гуннами и тюрками. Так, этот автор находит и указывает на связь между звериным стилем и шаманизмом гуннов и тюрков, а также на гомогенное родство гуннских и древнетюркских рунических надписей. В качестве прямого наследника гуннской цивилизации Альхайм видит Хазарский каганат. Основной вывод первого тома работы Альтхайма, посвященного пребыванию гуннов в Азии, сводится к тому, что именно гунны являются материальными, духовными и лингвистическими предшественниками центрально- и североазиатских кочевников (**Altheim, 1959—1962, pp. 360—371**).

Крупным исследователем гуннской эпохи был также американский О. Менхен-Хельфен, известный, помимо серии ра-

бот о различиях между сюнну, хунну и гуннами (**Maenchen-Helfen, 1944—1945; 1955**), обобщающей монографией «Мир гуннов» (**Maenchen-Helfen, 1973**).

Д. Синор в своей книге «Внутренняя Азия» пишет, что со времен скифов гунны стали первым центральноевразийским народом, который потряс воображение европейцев. Гунны были олицетворением того, что потом назвали «Великим переселением народов» (*Völkerwanderung*). Впервые имя *гун* упоминается у Птолемея во II в.; с IV в. гунны уже постоянно упоминаются в византийских, а затем латинских хрониках. Синор отмечает, что происхождение гуннов является чрезвычайно интригующим вопросом в истории. Аммиан Марселиний (332—400) стал родоначальником в европейской историографии сюжета о том, что гунны пришли с севера, «от замерзшего моря». В другой форме этот сюжет повторяется у Иордана: гунны произошли от смешения пришедших в Скифию скандинавов. Синор приводит, но полностью не разделяет распространенную теорию, что гунны являются потомками хун-ну (**Maenchen-Helfe, 1944—1945**). Синор резонно отмечает, что после разгрома в 155 г. северных хун-ну они исчезают с поля зрения на целых два столетия; что касается южных хун-ну, то они были полностью ассимилированы Китаем. Маловероятно, что северные хун-ну могли вдруг возродиться под именем гуннов, хотя с лингвистической и географической точек зрения такая концепция представляется очень заманчивой (**Sinor, 1969, pp. 134—135**).

Крупным политическим событием того времени стал разгром гуннами государства восточных готов Эрманариха (ок. 370), которое простиралось от Дона до Днестра, охватывая все Северное Причерноморье. Сражения между гуннами и готами и между ними и Восточно- и Западно-Римской империями растянулись на несколько десятилетий. Историк Олимпиодор участвовал в византийском посольстве в 412 г. в столицу гуннов, которая предположительно находилась вос-

точнее Дона. Таким образом, в начале V в. гунны уже представляли собой важный элемент международной политики той эпохи. Около 420 г. они вторглись под началом Басиша и Курсиша через Кавказ в Персию, откуда были вынуждены отступить, встретив серьезное сопротивление. Святой Иероним описал вторжение гуннов в Малую Азию; это первое описание тактики кочевников, позволявшей им неожиданно атаковать противника и быстрыми маршами преодолевать большие расстояния. В этом источнике на латинском языке зафиксированы также нравы и обычаи гуннов так, как они представлялись «цивилизованным» жителям Византии (**Thompson, 1948, p. 27**). В дальнейшем такие описания в идентичных выражениях изображали всех кочевников, вторгавшихся в Европу.

К 409 г. гунны овладели Паннонией (Венгрией), установили там свою администрацию и стали готовить плацдарм для вторжения в Римскую империю. С Византией существовало некое подобие мира, согласно которому Константинополь платил гуннам с 422 г. ежегодно 350 фунтов золота. В это время они активно вмешивались во внутренние дела Рима, их влияние пытался ограничить Аэций, «последний великий римлянин». В 434 г. умер властитель (восточных) гуннов Руа, которому наследовали два его племянника — Бледа и Аттила. С последним связана новая страница в истории гуннов и в истории Евразии. Синор считает, что все три имени явно не алтайского происхождения, вероятно готского. Относительно гуннского языка можно предполагать, что это был тюркский язык с сильными элементами монгольского. Однако Синор считает ненаучным видеть в тех гуннах, которые вторглись в Европу, тюрко-монголов (**Sinor, 1969, p. 137**). Главным препятствием установить истину остается недостаток источников, как письменных, так и материальных.

В 445 г. Аттила устранил Бледу, став единоличным правителем. Можно предполагать, добавляет Синор, что гуннская

иерархия базировалась на принципе старшинства, так как Бледа на правах старшего владел Восточным, т.е. основным, улусом. Вполне вероятно, что позиция Бледы была *первым среди равных* в иерархии среди других гуннских властителей. Однако уже при Аттиле система правления резко унифицируется и персонализируется в одном лице, более напоминая систему *каганата* тюрок и монголов. Историк Приск, цитируемый Иорданом, оставил описание Аттилы, «бича божьего»; это уникальное и в то же время типичное для последующей европейской традиции описание «варваров». Согласно Приску, Аттила представляется как политический и физический монстр, что вполне коррелирует с представлениями потрясенных гуннским вторжением жителей Европы (Mierow, 1915, p. 102).

В 435 г. Бледа и Аттила добились крупного дипломатического успеха, заключив с императором Восточно-Римской империи Феодосием т.н. Маргский договор, который позволил гуннам избежать войны на два фронта и сосредоточить все силы для вторжения в Западно-Римскую империю. В 437 г. гунны атаковали Бургундию в районе сегодняшнего Майнца. Эти события нашли позднее отражение, пишет Синор, в германском и скандинавском эпосе, где фигура Аттилы осталась в качестве *Эдды*. Вторжения гуннов повторились и в 443 и 447 г. Одновременно гунны были вынуждены вести военные действия на севере, против Византии и Персии на Кавказе в римской провинции Армения. В 451 г. началось новое, наиболее грандиозное вторжение Аттилы в Западную Европу. Его армия к этому времени состояла не только из гуннов и других кочевников Евразии, но и германцев, галлов и др. Гунны избегали штурмовать хорошо укрепленные города, такие как Париж и Орлеан. Этот поход закончился катастрофическим для гуннов поражением на Каталаунских полях, однако Аэций позволил из соображений сохранения баланса сил между варварами уйти гуннам из Галлии. В 453 г. Аттила

умер (**Harmatta, 1952**). Описание его похорон дает историкам повод проводить параллели между обрядами гуннов и других народов Центральной Евразии, что позволяет говорить, как считает Синор, об их несомненном центральноазиатском/евразийском происхождении. С точки зрения военной стратегии тактика Аттилы носила в большей степени германский, а не тюрко-монгольский характер. Синор считает, что Аттилу ни в коем случае нельзя считать военным гением, каким был Чингис-хан или Субудай-багатур. После смерти Аттилы его эфемерная империя сразу же распалась, гунны потеряли Венгрию и стали служить в армиях Восточно- и Западно-Римской империй. В Азии гунны были быстро ассимилированы другими кочевыми федерациями. Но после них, пишет Синор, осталась легенда, которая живет до сих пор, в том числе и в венгерском фольклоре (**Sinor, 1969, p. 143**).

Французский историк Люсьен Мюссе встроил историю народов Центральной Евразии в свою широкопанорамную картину в книге «Варварские нашествия на Европу: волна вторая» (**Musset, 1956**)¹²⁵. Л. Мюссе посвящает свой труд не менее значительным событиям, в ходе которых Европа претерпела важные социальные и экономические изменения, а ее политическая карта приобрела совершенно иной вид. Речь идет о проникновении в VIII—X вв. в Европу различных народов — викингов, сарацин, славян — и зарождении новых государств, которые плотным кольцом окружили уже сформировавшиеся к этому времени в Западной Европе варварские королевства. В ходе этого процесса, по большей части сопровождавшегося насилием и разрушением, эконо-

---

¹²⁵ Отметим, что Л. Мюссе не являлся востоковедом. Начав свое преподавание в 1943 г., Мюссе в 1954 г. попал в Канский университет, где в 1972 г. получил звание профессора. Но к этому времени он уже опубликовал в 1951 г. свою первую книгу «Скандинавские народы в Средние века». В 1965 г. появляется его труд «Введение в рунологию», где автор еще раз показал себя тщательным и вдумчивым исследователем. Вслед за этими работами последовал длинный ряд книг и статей (чьё число достигает 298), среди которых можно назвать «Ковер из Байе», «Нормандцы, Гастингс и скандинавский мир», «Римская Нормандия», издание актов Вильгельма Завоевателя и др. Но все они, так или иначе, затрагивают основной предмет исследования автора — мир Скандинавии и Нормандии.

мическая, общественная, культурная жизнь Запада резко изменилась. Старые институты были сметены с лица земли, и захватчики, часто в сотрудничестве со своими жертвами, создали новые принципы существования. В различных местах взаимодействие нападавших и населения Западной Европы строилось по-разному: как показывает Л. Мюссе, вторжения извне далеко не всегда имели только негативные последствия¹²⁶.

Исследуя возникновение новых государств в Восточной Европе — Руси, Польши, Венгрии, автор с благодарностью упоминает, что именно на долю этих народов выпала тяжелая участь защитить Европу от третьей волны нашествий — вторжения татаро-монголов в XIII в. В своей книге Л. Мюссе очищает историю нашествий VIII—X вв. от многочисленных штампов и наслоений, часто приводивших к их однобокому восприятию.

По мнению Мюссе, второй подъем завоеваний не столь радикально отличается от первого, как можно было бы предположить (первой волне завоеваний Мюссе посвятил более раннюю книгу — «Варварские нашествия на Европу. Германский натиск»). Разумеется, у исламского и славянского феноменов практически не было прецедентов. Однако процесс, который вывел на арену мадьяр, а затем вслед за ними хазар, печенегов и куманов (половцев), идентичен тому, который пятью веками раньше воодушевлял гуннов так же, как и другие степные народы; все — социологическая мотивация, военная тактика, экономические характеристики, вплоть до пункта назначения — Паннонского бассейна, — демонстрирует поразительное сходство.

Каждый агрессор, замечает Мюссе, следовал своему собственному ритму. В течение всего периода на заднем плане продолжались два процесса: затопление Восточной Европы

¹²⁶ Мюссе Л. Варварские нашествия на Западную Европу. Вторая волна. Пер. с франц. Саниной А.П. — СПб.: Евразия, 2001. — 352 с.

славянским приливом, который на первых порах, до начала VIII в., разливался пространственно, а затем вглубь, образуя все более и более густую заселенность; и биение прибоя, бросавшего на запад степных конников. Что касается последнего, то он не закончился в XI в.: если говорить только о латинской Европе, то, чтобы этот поток полностью иссяк, еще нужно было дожидаться монгольского нашествия во времена Людовика Святого, а в Восточной Европе визиты азиатских кочевников не прекращались до XVIII в. (калмыки).

Мюссе рисует следующую картину: «Начиная с IV в., евразийская степь превратилась в огромный коридор, по которому в своем движении на запад проносились дикие кочевники. Вслед за гуннами в Паннонию пришли авары и мгновенно обосновались там. Однако набегали все новые волны, и VII в. не ознаменовался подлинным затишьем. Натиск прибоя, бившегося в самые двери средиземноморского мира, не ослабевал. Сначала это были народы тюркской группы, болгары и хазары, не дерзнувшие продвинуться слишком далеко на запад; они остановились на берегах Чёрного моря и основали две могущественные империи, культурное значение которых, по своей величине, было необычным для данной среды. Затем, в тот момент, когда эти народы осели, на сцену выступили мадьяры, принадлежавшие к финно-угорской группе, пришедшие, скорее, с севера, чем с востока, но, несмотря на это, в совершенстве освоившие степной образ жизни. В течение приблизительно полувека они прошли через всю Европу, пользуясь смятением, уже посеянным там викингами и сарацинами. Когда же венгры, в свою очередь, остепенились, Запад смог перевести дух. У ворот Европы ожидали своей очереди другие тюркские народы, печенеги и куманы, однако они не смогли проникнуть достаточно далеко: их история имела лишь локальное значение, ограниченное территорией Причерноморья. Так, в преддверии монгольского нашествия XIII в., окончатель-

но исчерпала себя вторая мощная волна движения, приведшего степных кочевников на Запад»¹²⁷.

Мюссе начинает повествование о роли евразийских кочевников с болгар. История болгар в его трактовке распадается на несколько периодов, между которыми не всегда легко обнаружить связь. С V до начала VII в. это всего лишь малоизвестный степной народ где-то на заднем плане. В VII—XI вв. первая Болгарская империя на севере Балканского полуострова становится одним из наиболее значительных европейских государств; около 1019 г. его уничтожают византийцы. После интервала более века длиной, в конце XII столетия, возникает вторая Болгарская империя и существует вплоть до османского завоевания XIV в. Но за это время все уже стало иным — язык, религия, политическая структура. О некоторой преемственности свидетельствует лишь сохранение названия народа.

В своей исходной («протоболгарской») форме болгарский народ принадлежал к тюркской группе; по-видимому, он был очень близок к утигурам и кутригурам, двум племенам, обитавшим на Дону около 500 г.; нет сомнения, что он унаследовал от них некоторые свои составные элементы. Возможно, что кое-чем он был обязан и гуннам, рассеявшимся и утратившим свое этническое название столь скоро после смерти Аттилы; во всяком случае, болгарская традиция включает в перечень своих ханов одного из сыновей Аттилы. После 502 г. начинается затишье, хотя греческие источники еще время от времени упоминают о болгарских пленниках или наемниках.

То немногое, что нам известно о происхождении болгар, проистекает либо из лингвистических документов (несколько тюркских слов в греческих текстах), либо из любопытного списка правителей, интерпретация которого встречается с немалыми трудностями (он претендует на то, чтобы охватывать

¹²⁷ Мюссе Л. Варварские нашествия на Западную Европу. Вторая волна... С. 20.

период со II по VIII в.). Однако этого достаточно, чтобы с относительной уверенностью классифицировать протоболгарский язык и обнаружить достаточно оригинальную культуру. Список ханов доказывает, что этническое сознание болгар имело более древние и прочные корни, чем у большинства степных народов. Внушительные царские надписи языческого периода свидетельствуют об уровне представлений, напоминающем знаменитые «рунические» надписи тюрков из долины реки Орхон VII в.; они предоставляют замечательно развитый набор терминов социальной и военной иерархии. Его элементы, несомненно, свидетельствуют о долговременном характере политических учреждений у болгар.

Около конца VI или начала VII в. болгарская экспансия возобновилась. Одна группа — «черные болгары» — начала движение на восток и закрепилась в степях Кубани; другие углубились на север, остановившись в бассейне Камы, на границе тайги, и еще в XIII в. мы встречаем упоминания о существовании здесь «Великой Булгарии». В конце концов, эти элементы, покоренные монголами и исламизированные, смешались с другими тюркскими народами Поволжья. Небольшой отряд направился на запад, принял участие в покорении Италии лангобардами и осел в районе Беневента, где упоминания о нем встречаются вплоть до IX в. Однако большая часть этого народа обосновалась в низовьях Дуная и вернулась к мысли об экспансии в направлении Балкан. При императоре Ираклии они осадили Фессалоники и Константинополь в союзе с аварами и славянами.

Именно в это время на сцене появляется истинный основоположник политического могущества болгар — хан Кубрат. Ему приписывают три фундаментальных решения: освобождение от сюзеренитета авар, союз со славянами, соглашение (сопровожаемое символическим и несколько преждевременным крещением) с греками. Скоро натиск хазар сделал невозможным дальнейшее обитание болгар на терри-

тории к северу от Дуная. Около 680 г. сын Кубрата Аспарух, опрокинув остатки византийских гарнизонов, повел свой народ на южный берег реки. На территории, где он закрепился, древней Мезии, уже давно забыли о римском устройстве и церковной иерархии; население, достаточно немногочисленное, по-видимому, было славянским: такова отправная точка симбиоза, приведшего в будущем к полной славянизации болгар.

На завоеванной территории, продолжает Мюссе, которую Константин IV Погонат вынужден был официально уступить им в 681 г., ханы очень скоро создали настоящее государство. Сам верховный хан (в надписях «каннас убиге»), чья власть происходила от Бога (речь идет не о христианском Боге, а о небесном Божестве палеотюрков), размещает свою резиденцию в Плиске (в настоящее время Абоба, недалеко от Шумена) в огромном лагере размером 3 на 5 км, где он строит укрепленный дворец с тронным залом; в IX в. появляются второстепенные резиденции в Тутракане на Дунае и, особенно, в Преславе, к юго-востоку от Плиски. Дворец этот возводится руками многочисленных пленников, они же выбивают исторические надписи на разговорном греческом, не чуждом эпического вдохновения, вперемешку с тюркскими словами, высекают грандиозные каменные рельефы, изображающие хана верхом на коне, пронзающего хищников. Все это напоминает иранский мир, скорее, царский двор Ктесифона, нежели Византии. Хан стоял во главе целой придворной иерархии, носившей достаточно загадочные для нас тюркские титулы: багатур, таркан, кавкан затем следовала военная знать (которую греческие надписи обозначают термином «боляры», что представляется идентичным русскому «бояре»), подразделяющаяся на три класса. Замечательная организованность и дисциплинированность, по-видимому, являлись отличительным признаком болгар.

Выделить этапы славянизации болгар на основании лишь греческих источников трудно. Ханы носили тюркские имена вплоть до Персиана (831—852), имевшего также и славянское имя Маламир, и до этого же времени исключительно тюркскими остаются «варварские» слова, встречающиеся в греческих надписях. Только в X в. доля славянских слов становится внушительной. Но, несмотря на то, что тюркское наречие отходит на второй план, болгарское государство остается многоязычным: крупные меньшинства говорят на греческом и латыни (валахи), а в более поздний период необходимо учитывать и куманские (стало быть, снова тюркские), и даже армянские элементы.

Должно быть, делает заключение историк, империя Аспаруха и Тервела не выдавалась на юг дальше Балканского хребта; прибрежный регион, к северу от Бургаса, подчинился ей (за исключением портов) в начале VIII в. Эти границы удовлетворяли болгар приблизительно до середины VIII в. Важное изменение произошло тогда, когда в 864 г. хан Борис вместе со своим народом принял крещение. В последний период своей истории, при Самуиле, Болгарская империя уже не имела ничего общего с Тюркским ханством в Плиске. Ее центр тяжести переместился к западу, в верхнюю Македонию, в окрестности Орхида и Пресна.

За болгарами, продолжает Мюссе, последовали хазары, другой тюркский народ, который, обойдя Каспийское море с севера, к концу VII столетия занял позицию на нижней Волге. В противоположность всем предшественникам, они не стали двигаться дальше. Между тайгой, Кавказом, Доном и рекой Урал они основали государство, которое в течение трех веков сохраняло удивительную стабильность.

Из всех степных народов этот, безусловно, наименее типичный. Амплитуда его миграций очень незначительна, склонность к оседлой жизни проявилась весьма рано; влечение к караванной торговле и городам скоро одержало верх над

привычкой к кочевому скотоводству. Если в течение VII в. хазары — это дикие кочевники, частые союзники Византии в борьбе против мусульман, то в VIII в. мы можем наблюдать у них появление крупных торговых городов. По описаниям арабских путешественников, они состояли из еврейских, христианских и мусульманских кварталов, управляемых независимо друг от друга, по восточному образцу; главными были Итиль, недалеко от Астрахани, на пересечении путей Иран — Русь, Византия — Центральная Азия, Хамлидж, стоявший севернее на Волге, Самандар — на побережье Каспия и прекрасная крепость Саркел, построенная на Дону на византийский манер для защиты от венгров.

Хазарское государство принадлежало к восточному типу, считает ученый, однако оно обладало уникальной структурой. Во главе его стояли два правителя, один из которых назывался *каганом*, а другой — *бегом*; финансовая и военная организация отличалась высоким уровнем развития. Несомненно, что тюркский элемент играл там лишь роль правящего слоя, господствовавшего над чрезвычайно разношерстным населением (кавказцы, иранцы, финно-угры и др.). Основное своеобразие этого государства было связано с религиозным строем: хазары — это единственный народ в истории, который около конца VIII в. в массовом порядке, однако не полностью, обратился в иудаизм; чуть позже меньшинство примкнуло к исламу.

Оставшись в изоляции из-за своей иудейской веры, хазарское государство в конце IX в. оказалось в критической ситуации: на восточной границе появилась новая волна тюрков, печенегов и, двигаясь с востока на запад, пересекла ее, в то время как русичи, вышедшие из тайги, начали продвижение с севера на юг с целью достичь Чёрного моря. Наконец, в 963 г. великий князь Киевский Святослав уничтожил Саркел, а в 968 г. истребил последние остатки хазар — не слишком благородный поступок, основным результатом которого стало то,

что вместо мирного торгового государства Киевская Русь по всей своей южной границе вошла в соприкосновение с необузданным и жестоким племенем печенегов. Таким образом, гибель Хазарской империи совпала с прибытием новой волны степных народов. Предполагается, что первое русское государство позаимствовало у нее некоторые политические идеи, и, в частности, титул кагана, который часто носили его князья. Таково оказалось единственное прочное наследство, оставленное этим народом.

Особое внимание Мюссе уделяет венграм — единственному кочевому народу, интегрировавшемуся в европейскую цивилизацию. После того как болгары переправились через Дунай, мир степи, казалось, успокоился. Идущие в нем процессы перестали привлекать внимание Запада, после того как в 796 г. Карл Великий расправился с аварами. Началось даже обратное завоевание Паннонии оседлыми народами: стремясь занять пустующую территорию, германские элементы двигались на северо-запад, а славянские — преимущественно на север (Великая Моравия, Моймира и Ростислава в середине IX в.) и юг (Хорватия). В 850 г. архиепископ Зальцбурга заложил церковь к северу от озера Балатон, и в это же время там, от имени германских Каролингов, шло внедрение зачатков управления. Но в 895 г., спустя одно поколение, через Карпаты переправились передовые отряды нового кочевых народа — и мадьяры почти мгновенно смели все, что было сделано в течение века. В течение шестидесяти лет они наводили ужас на континентальную Европу, а затем осели в ее центральной части. Волна кочевников, начало которой они ознаменовали, не спадала еще долгое время: печенеги, гузы (огузы) и куманы следовали друг за другом одними и теми же путями, однако венгры стали щитом между ними и латинской Европой.

История венгров представляет собой лишь одно звено длинной цепи, но отличается явным своеобразием. Это единственный случай нашествия, виновниками которого были

представители финно-угорской группы, единственный случай, прямые последствия которого ощущаются еще и в наши дни, наконец, единственный, со времен Аттилы, случай, когда Запад испытал столь глубокое потрясение.

По очевидным причинам ни один степной народ не привлек такого внимания к изучению своего происхождения, как венгры. Подобно всем остальным кочующим группам, которые смогли добиться успеха, мадьяры сформировались в результате добавления различных страт к более гомогенному первичному ядру. Ядро это, определенно, было угорским, т.е. оно восходило к этнической ветви, очень близкой к финской; самыми прямыми родственными узлами венгерский язык связан с двумя диалектами восточной части России, на которых говорят вогулы и остяки. Должно быть, древнейшая территория обитания венгров находилась в среднем течении реки Камы, левого притока Волги; вероятно, там они занимались разведением оленей до тех пор, пока на рубеже нашей эры не предпочли им лошадь. Чуть позже, как свидетельствуют некоторые лексические заимствования, они вошли в контакт со степняками иранской группы, особенно с аланами. Затем они долгое время находились в общении с тюркскими племенами. Название «венгры», под которым этот народ сделался известным христианскому миру, обязано своим появлением бесспорному факту слияния мадьяров с оногурами. У других тюрков, близких к чувашам, мадьяры позаимствовали порядка девяти процентов своего словаря, причем почти вся эта лексика имеет отношение к сельскому хозяйству и животноводству, а также многие личные имена. Во времена завоеваний некоторые венгерские племена обозначались тюркскими наименованиями. Тем не менее не похоже, чтобы в результате смешения с тюрками видоизменился физический тип венгров, который всегда оставался отчетливо европейским.

Около VII или VIII в. мадьяры покинули Прикамье и переместились на земли восточной Украины, между Волгой и

Донцом, ведя все более и более кочевой образ жизни, который придавал этому сложному по составу народу глубокое единство. В 889 г. на мадьяр Украины обрушились удары печенегов, и они рассеялись. Основная группа избрала своим королем Арпада и вскоре направилась к Паннонии, в которую вторглась в 895 г., перейдя Карпаты, несомненно, сразу через северо-восточный и юго-западный проходы. В это движение был вовлечен и тюркский клан каваров.

Мюссе обращает внимание на тот факт, что проблема происхождения венгров усложняется еще и существованием «Великой Венгрии», располагавшейся на Волге и говорившей на мадьярском языке, которую в 1235 г., незадолго до того как она рухнула под ударами монголов, обнаружили доминиканские миссионеры. Безусловно, речь идет об ответвлении венгерского народа, которое в VII или VIII в. отказалось продолжить миграцию на юго-запад.

Переход через Карпаты не был бездумным поступком загнанного в тупик племени. В значительной мере это был результат ловкой политики греческого императора Льва VI. Находясь под угрозой со стороны болгарского хана Симеона, он искал способ напасть на него с тыла. Посол Никита Склир убедил мадьярских королей Арпада и Курсана взять эту роль на себя. В Паннонии мадьяры быстро вынудили не слишком многочисленное население, которое занимало эту равнину, сняться с насиженных мест. Великая Моравия рухнула. Оставив за собой скотоводство и пастбища, венгерские племена оставили жить, главным образом, в горных регионах и в наполовину рабском состоянии некоторые оседлые народы. Каждое племя имело своего выборного вождя, потомки Арпада обладали лишь достаточно неопределенным главенством. Руководство военными экспедициями принадлежало собранию воинов и вождям, которых оно назначало.

Мадьяры быстро осознали, что их новые земли представляют собой исключительно удобный перекресток всевоз-

можных путей, что позволяло им выбрать в качестве объекта своих вторжений почти любое государство Европы, и не наудачу, а пользуясь его минутной слабостью, о которой они всегда бывали прекрасно осведомлены (их жертвы были уверены, что их предавали). Все государства, расположенные в пределах досягаемости из Паннонской равнины, поочередно «принимали» у себя мадьярских всадников. Не привлекали их лишь лесистые регионы Севера.

В целом, между 899 и 955 г., венгры предприняли 33 похода на Запад, достигая таких удаленных пунктов, как Бремен (915), Орлеан (937), Манд (924) или Отранто (947). Разграблен был весь континент, за исключением Испании и приатлантических регионов, уже изрядно обобраных викингами. Больше всего венгров привлекали две страны: Бавария, куда они совершили одиннадцать походов, и Ломбардия, где их видели тринадцать раз; но даже далекая Апулия удостоилась их посещения трижды.

Быстро, с безукоризненной систематичностью, свидетельствующей о соответствии между средствами и целью, венгерская кавалерия каждую весну отправляется в поход, как только травы становится достаточно для коней. На десять или двенадцать лет едва ли приходится хоть один год передышки. Что бы ни утверждали некоторые современные венгерские историки, во всем этом не было ни общего плана, ни особых политических мотивов, но лишь замечательное умение извлекать выгоду из местных обстоятельств. С годами эти походы становились все более и более далекими, так как близлежащие страны, слишком разоренные, доставляли все меньше и меньше добычи. К концу этого периода венгры иногда зимовали во вражеской стране, как, например, в 937—938 гг. в Центральной Италии, или начинали свои операции еще до наступления весны.

Уподобление гуннам вызывало у мадьяров большую гордость: в XII, XIII вв. они воспользовались им, чтобы обога-

тить свою национальную историю древним прошлым, которого ей недоставало. Венгры почти не встречали отпора. Для этого требовалась конница, такая же стремительная, как у них, а каролингская система мобилизации была тяжеловесной и медлительной.

Венгерская угроза была одним из основных факторов увеличения количества укрепленных городов и замков в Южной Германии и Северной Италии. Очень ограниченные в пространстве и времени, очень несогласованные венгерские набеги не произвели результатов, сопоставимых с теми, которыми увенчались походы викингов, заключает французский историк.

Вероятно, натиск венгров стал ослабевать в середине X в.: шел процесс оседания на земле, выгодность экспедиций снижалась, по всей Австрии, преграждая дунайский маршрут, разместились крупные германские гарнизоны; мадьярские всадники потерпели несколько поражений, например, в 938 г. в Саксонии и в 948 г. в Баварии; в 950 г. германцам впервые удалось проникнуть в Паннонию и жестоко отомстить венграм, дойдя до Тиссы и захватив богатую добычу, женщин и детей. Но, разумеется, всех этих факторов было бы недостаточно, чтобы заставить венгров «остепениться», если бы не решающая победа при Лехфельде, недалеко от Аугсбурга, которую в 955 г. одержал над ними Оттон I — одно из наиболее важных событий европейской истории.

Победа при Лехфельде одним ударом положила конец венгерским набегам на Запад. Имели место и другие успехи, второстепенного значения, но только на Балканах. До самого появления монголов, т.е. в течение приблизительно трех веков, латинский христианский мир смог забыть об угрозе со стороны степных народов. Венгры пришли к оседлости, но минуло еще около века, прежде чем этот процесс завершился. Вероятно, из-за нескончаемых войн и финальных поражений прослойка воинов тюрков (или тюркизированных позднее)

поредела, освободив тем самым место для более мирных скотоводов, которые по своему происхождению оставались наиболее близкими к финнам.

Еще с середины X в. среди венгров имелось какое-то количество христиан, крестившихся в частном порядке под влиянием Византии или немногих моравских церквей, которые уцелели на севере этой страны; с другой стороны, возросло количество пленных христиан. Катастрофический исход кампании 955 г. должен был убедить мадьярскую аристократию в бессилии их древней религии, о которой науке почти ничего не известно.

После смерти Стефана (1038) вся Западная Венгрия, возникшая на месте Римской Паннонии, начала приобщаться к европейской цивилизации; в соответствии с каролингской моделью король разделил страну на графства, в которых снова стали постепенно появляться города. Землям к востоку от Дуная и, главным образом, в бассейне Тиссы удавалось с большим трудом следовать по этому пути, и они долгое время оставались прибежищем кочевого образа жизни.

После своего обращения в христианство Венгрия перестала быть отрицательным полюсом Европы. Когда около 1020 г., после уничтожения первой Болгарской империи, византийская реконкиста достигла окрестностей Белграда и Дуная, появилась возможность проложить через Паннонскую равнину трансевропейский маршрут с северо-запада на юго-восток. По нему тотчас же потянулся поток латинских паломников, направлявшихся на Восток. Впервые со времен появления авар регион среднего течения Дуная снова стал одним из оживленных дорожных перекрестков.

Переход племени мадьяров к оседлому образу жизни содействовал полному видоизменению облика Центральной Европы. Южные славяне были окончательно отделены от северных и западных. Связь между осколками балканской и адриатической части римского мира (фриульцы, далматы,

аромуны, валахи, румыны) была полностью прервана. Юго-восточная Германия переживала стремительный подъем. Несмотря на обращение в христианство, Венгрия по своему языку и культуре осталась страной, отрезанной от остальной Европы¹²⁸.

Последней, третьей, «подволной» второй волны нашествия евразийских степняков Мюссе считает печенегов и куманов (которых ученый не идентифицирует с кипчаками). Печенеги (для греков — пацинаки) появились на горизонте христианского мира около 880 г. в степи между реками Урал и Волга; вероятно, пришли они из лесостепных областей Севера; во всяком случае, они были тюрками. Под напором других тюркских племен, волжских хазар и гузов, они начали перемещение на Запад, которое первоначально привело их на Украину. Чтобы освободить там для себя место, им пришлось вытеснить оттуда мадьяров вначале в Румынию, а затем в Паннонию. Таким образом, около конца IX в. территория их кочевий лежит между устьем Дуная и нижней Волгой; приблизительно до 950 г. они занимают преимущественно восточную часть; затем их центр тяготения перемещается к западу, в район между Чёрным морем и зарождающимся Киевским государством, куда их оттеснили вновь прибывшие тюрки и куманы.

В течение X в. печенеги были одним из главных объектов деятельности византийской дипломатии. Будучи поочередно союзниками и противниками мадьяр, болгар и русов, они то открывали, то закрывали перед киевскими князьями путь к нижнему Днепру и прибыльным набегам на Византию. Став в XI в., после уничтожения Болгарии, непосредственными и опасными соседями Византийской империи, они оказались в фокусе всевозможных маневров, направленных на то, чтобы заставить их рухнуть, осесть или принять христианство. В первых годах XI в. некоторые из них ушли в Венгрию.

---

¹²⁸ Мюссе Л. Варварские нашествия на Западную Европу. Вторая волна... С. 27—41.

Другие, более многочисленные, нанялись на службу к грекам и венграм. Гузы, следовавшие позади них, скоро оттеснили их с Украины в Молдавию, а затем на север Болгарии. Последний контакт печенегов с Киевом имел место в 1036 г.; впоследствии они безнадежно селятся выкроить себе место на Балканах, терпят крах и после середины XI в. рассеиваются.

В 1064 г. гузы, шедшие по пятам печенегов, переправились через нижний Дунай и устремились в Македонию; после того как они были разбиты, часть их утвердилась на Балканах, а остальные отправились в Анатолию на службу в византийской армии. Их появление было не более чем мимолетным эпизодом. Иначе обстояло дело с пришедшими им на смену куманами (по-русски — *половцы*) — последним степным народом, появившимся до монгольского нашествия. Это была очень смешанная публика; говоря на тюркском языке, они, по видимому, были блондинами с голубыми глазами. Придя из Центральной Азии в начале XI в., они кочевали в Поднепровье и после 1080 г. установили свое господство над всеми землями между Карпатами и озером Балхаш. Дальше они не продвинулись до самого монгольского нашествия, которое уничтожило их в 1239 г. Для византийцев они были неудобными соседями, которые в конце XI в. совершили несколько походов на Фракию, а для венгров — естественными союзниками. В XIII в. их осколки рассеялись по Венгрии и Болгарии, однако большая часть смешалась с новыми степными народами, в особенности с кипчаками.

Их главная историческая роль состояла в окончательном закрытии южных подступов к Киевской Руси, однако они также имели определенное значение в качестве торговых посредников между Европой и Азией. В XIII в. в странах Причерноморья куманский был языком делового общения и с легкой руки миссионеров даже чуть не обрел письменность. Но для полного развития Кумании не хватило времени. Заметная часть побежденных в 1239 г. закончила свой путь в качестве рабов в

Италии и Египте (мамлюки) или наемных солдат на службе у никейских императоров и второй Болгарской империи.

Обустройство куманов в Венгрии при Беле IV имело место в центральной части, Альфельде, между Дунаем и Тиссой. Автономные районы Великой и Малой Кумании существовали вплоть до 1848 г. Таким образом, заключает Мюссе, до самых времен Людовика Святого степной мир на восточных подходах к Европе оставался беспокойным, образуя непрерывную цепь практически от Аттилы до Чингис-хана и способствуя сохранению у венгров в большей степени, чем у болгар, памяти о своем кочевническом происхождении.

Окончательный вывод Л. Мюссе, возведенный в ранг концепции, выглядит следующим образом: «Мы видим, в какой степени Европа еще и сегодня носит на себе отпечаток этого великого творческого периода: X и XI вв., несомненно, породили на этом континенте столько же государств, сколько XIX и XX вв. В тех очень гибких рамках, которые им предлагал тогдашний христианский мир, они могли очень быстро приобрести статус полного равенства со старыми королевствами. Для этого им хватило искреннего и почти повсеместного принятия христианства, установления более или менее правильной епископской иерархии и нескольких центральных институтов — монеты, государственной канцелярии, некоторых высших должностных лиц и зачатков урбанистической структуры. Редко когда древние народы с такой готовностью делились с вновь прибывшими своими привилегиями. Можно полагать, что это великодушие в конечном счете было лучшим противодействием возможному возобновлению опасности вторжений. И фактически именно эти молодые государства, родившиеся в этот период, приняли на себя и смягчили потрясение от следующего нашествия — монгольского — в XIII в.

Эти поздние вторжения стали условием внутреннего обновления, которое является связующим звеном между «ранним» и «поздним» средневековьем. Разрушение единства на

Западе, достаточно искусственно воссозданного каролингскими правителями, позволило каждому региону следовать собственному пути, идет ли речь об институтах, искусстве или языке. В атмосфере свободы, порожденной разрушением старых структур, необходимость восстановления руин становилась источником глобальных проектов. Среди тех, кто этой возможностью воспользовался, были строители церквей и реформаторы монастырской жизни. Равным образом требовалось заложить основы нового политического строя. Наконец, некоторые семена, пережившие разрушение каролингского мира, получили для своего развития свободную почву: этим объясняется зарождение феодального общества», — заключает историк¹²⁹.

Как видим, теория Л. Мюссе, изложенная в данной монографии, весьма удобна для объяснения многих процессов европейской истории. Однако она совершенно бесполезна для понимания процессов, протекавших в Центральной Евразии. Впрочем, Мюссе и не ставил перед собой такой цели, будучи европейским медиевистом.

Некоторые предположения и утверждения венгерского тюрколога П. Голдена вызвали интерес к истории, этногенезу и языку хазар, и большую исследовательскую работу в этом направлении проделал П. Голден, используя все известные к тому времени историко-филологические источники.

Три главы первого тома его «Историко-филологического исследования по происхождению хазар» посвящены истории хазар и Хазарского каганата, их взаимосвязям с гуннами, огузами, савирами, аvaraми, голубыми (восточными) тюрками, волжскими болгарами, теориям этногенеза хазар. Четвертая глава включает список хазарских слов, взятых из арабских,

¹²⁹ Мюссе Л. Варварские нашествия на Западную Европу. Вторая волна... С. 287

византийских, армянских, грузинских, древнееврейских и персидских источников; список слов возможного хазарского происхождения; сведения о народах, связанных с Хазарским каганатом: волжских болгар, савирах и северокавказских гуннах¹³⁰.

В отличие от П. Голдена, относящего хазар к тюркам на том основании, что, находясь в Монголии под властью восточных тюрков, они имели одинаковую с ними социально-политическую организацию и попали на Запад вместе с другими тюркскими народами, немецкий ученый К. Менгес считает этот вопрос спорным (не исключая, однако, его вероятности), поскольку нет убедительного доказательства принадлежности хазарского языка к тюркским. По мнению К. Менгеса, хазары могли быть и монголоязычным народом. Что касается социально-политической организации, то у кочевых племен она часто заимствовалась подчиненными у господствующих. Гипотеза о принадлежности хазар к тюркоязычным народам опровергается, считает К. Менгес, тем, что П. Голден относит к тюркам также гуннов и авар (жуань-жуаней). А это исключено или маловероятно. К тюркским народам венгерский ученый относит и савиров, что пока не подтверждается лингвистическими данными. Если этническая принадлежность гуннов и савиров еще спорна, то относительно авар Менгес придерживается гипотезы об их монголоязычности. Автор отвергает тезис Д. Данлопа об уйгурском происхождении хазар. В своих рассуждениях рецензент опирается на этимологический анализ этнонимов, топонимов и заимствований¹³¹.

В 1956 г. была издана книга А. Лекока, одного из руководителей четвертой немецкой экспедиции (1913—1914) в Турфан, «Восточный Туркестан: страна и люди». Общение с населени-

---

¹³⁰ Golden P.B. *Khazar studies. An historico-philological Inquiry into the Origin of the Khazars.* — Budapest, 1980. V. 1. — 291 p.; V. 2. — 277 p.

¹³¹ Menges K.H. // *Central Asiatic Journal.* — Wiesbaden, 1986. V. 30. N 1-2. P. 55—77.

ем Восточного Туркестана позволило А. Лекоку выделить три его типа: европейский, иранский и восточно-азиатский.

Первые два встречаются чаще на западе Восточного Туркестана, а последний — на востоке. Распространен также смешанный тип. Все они подробно охарактеризованы в публикации Лекока. Так, например, дано обстоятельное описание быта и хозяйства доланов, которые имели незначительные особенности в обычаях, внешнем облике, языке. Огромный интерес вызовет у этнографов и искусствоведов описание религиозных праздников, танцев, игр, музыкальных инструментов и т.д. В книге приведены тексты сказок, рассказов, песен, записанные у местного населения.

Основное содержание книги посвящено описанию хода исследования древних храмов и пещер и анализу найденных там находок. Так, в поселении Кызыл была обследована пещера, в которой обнаружено множество настенных фресок, выполненных прекрасными красками и изображающих сцены из жизни Будды. Анализ этих картин, как отмечает Лекок, указывает на их сходство с эллинистическим искусством; изображение оружия в сценах с всадниками напоминает персидско-скифскую форму¹³².

Востоковед из Чикагского университета показал роль тангутов в разрушении сложившихся торговых связей Китая с уйгурскими княжествами Восточного Туркестана и изоляции последнего от Центральной Азии в IX—XII вв. Став военно-политической силой в Азии после участия совместно с уйгурами в подавлении крестьянского восстания под руководством Хуан Чао (874—884) и создав в конце X в. империю Си-Ся, тангуты в течение нескольких столетий играли важную роль на северо-западе Китая¹³³.

¹³² Le Coq A. von. Von Land und Leuten in Qsttürkrestan. — Berlin, 1981. 183 S.

¹³³ Kwanten L. The role of the Tangut in Chinese-Inner Asian relations // Acta Orientalia Hungarica. — Copenhagen, 1978. T. 39. Pp. 191—198.

Раздираемый внутренними противоречиями Китай конца эпохи Тан и Пяти династий (IX—X), которому приходилось к тому же бороться с киданями на севере и уйгурами на северо-западе, не мог помешать усилению мощи тангутов. В начале X в. тангуты стали угрожать китайско-уйгурской торговле. В результате их нападений проходивший через провинцию Ганьсу торговый путь стал небезопасным: к середине X в. китайцам и уйгурам пришлось прибегнуть к военной силе и помощи восточных тибетцев для его защиты.

Возникновение государства Си-Ся имело серьезные последствия не только для сунского Китая, но и для киданей, уйгуров и восточных тибетцев. Установив дружеские отношения с киданями, тангуты обратили свои взоры на союз восточно-тибетских племен и уйгурские княжества Восточного Туркестана. Они полностью перерезали торговый путь в Ганьсу. Китайцам и уйгурам пришлось перенести его к югу, в район Амдо-Кукунор. Это заставило сунский Китай изменить свою политику по отношению к восточным тибетцам с целью привлечь их на свою сторону. Однако, поскольку тибетцы сами могли поставить под угрозу торговлю Китая с уйгурами, китайские правители не были заинтересованы в их усилении. Сея раздор между восточно-тибетскими племенами, китайцы стремились таким образом их ослабить. Тем не менее, оказавшись в начале XI в. полностью отрезанными от Центральной Азии и Восточного Туркестана, сунский Китай вынужден был идти на союз с тибетцами.

Это послужило для тангутов поводом начать военные действия против тибетцев в целях захвата территории, по которой пролегал новый торговый путь. Потерпев поражение от тибетцев, тангуты обратились против уйгуров Ганьчжоу и Сачжоу, чтобы таким образом установить контроль над китайско-уйгурской торговлей. Им сопутствовал успех, что имело серьезные последствия для Китая. Торговля с уйгурами оказалась подорванной, и сам Китай оказался под угро-

зой. Чтобы сохранить торговые связи с Кучей и Восточным Тибетом, китайские правители вновь обратились за помощью к тибетцам. В результате их посредничества военные действия между Китаем и Си-Ся прекратились. Однако после более чем 20-летнего перемирия тангуты все же установили в 1038 г. контроль над южным торговым путем, и на этом их экспансия прекратилась.

Но изоляция Китая от Центральной Азии продолжала усиливаться, и к началу XII в. контакты практически прекратились. Лишь изредка в китайских источниках встречаются сообщения о посольствах из Центральной Азии. Разгром империи киданей чжурчженями еще более усугубил эту изоляцию, потому что отношения между чжурчженями и тангутами были еще более дружественными, чем между киданями и тангутами. Одним из последствий установленного тангутами контроля над торговыми путями, соединявшими Китай с Центральной Азией, явилось то, что Китай оказался в неведении относительно тех важных изменений в этом регионе, с которыми связано появление на политической арене монголов.

§ 2. Монголы

Монгольский период в истории кочевых цивилизаций является наиболее изученным в мировой историографии, и одновременно это наиболее блестящая эпоха в истории кочевников Евразии, которые коллективными усилиями создали невиданную до них по размерам, могуществу и влиянию империю в истории человечества. До сих пор не ослабевает интерес к изучению феномена Монгольской империи, которая стала географическим прообразом других колоссальных по территории образований Евразии (Российской империи и СССР, причем последний с учетом своих вассалов и союзников по социалистическому лагерю буквально повторял

географическую конфигурацию Монгольской державы в период расцвета). История Казахстана естественным образом связана с этим периодом.

В христианском мире один из первых слухов о монголах передает армянский историк Киракос Гандзакец: в 1220 г. «нежданно-негаданно появилось огромное множество войск в полном снаряжении и, пройдя быстрым ходом через Дербентские ворота, пришло в Агванк, чтобы оттуда проникнуть в Армению и Грузию. И все, что встречалось им в пути, — людей, скот и вплоть до собак даже — они предавали мечу». Стремительное вторжение на Кавказ было лишь разведывательным рейдом двух отрядов (туменов) под руководством прославленных полководцев Чингис-хана — Субедея и Джебе.

Киракос Гандзакец был не единственным автором, кто критически отнесся к первым известиям о монголах. Многие современники событий оценивали слухи о монголах как ложные, в частности арабский историк Ибн аль-Асир, писавший со слов очевидцев о монгольском нашествии на государство хорезмшаха. Сообщение русских послов о первом появлении неизвестного азиатского народа на границах Руси в 1223 г. облетело все русские княжества и в том же году достигло западноевропейских стран.

В «Истории французского королевства» при описании событий 1236 г. говорится о страхе, вызванном во Франции известиями о татарах (HRF. Т. XXVI. Pp. 604—605). В той же хронике приводится обращение к Людовику IX магистра тамплиеров Понса де Обон, указывающего, что, если татары не будут сокрушены, ничто их не остановит на пути к Франции. Апокалиптический сценарий нашествия, созданный интеллектуалами XIII в., преследовал единственную цель — найти место монголам в христианской картине мира. И в результате проявление неизвестной и враждебной силы получило не только объяснение, но и оправдание.

Разрыв традиционных торговых связей между Востоком и Западом, непобедимость монголов и, казалось, сбывшиеся пророчества о конце света вселяли ужас в сердца европейской элиты. Возможно, стремление справиться каким-то образом с волной страха объяснит скрытые причины первых дипломатических посольств из Европы к великому хану монголов. Впервые Евразийский континент ощутил себя единой целостностью, и для Запада стало жизненно важной потребностью узнать реальности Востока.

Миссией, открывшей Азию Европе, стало посольство, направленное к монголам Папой Иннокентием IV в 1245 г. (см. выше). Посол францисканец Иоанн де Плано Карпини и его спутник брат Бенедикт Поляк достигли монгольской кочевой столицы Сира Орда, близ Каракорума, южнее озера Байкал, и по возвращении описали свое путешествие. Сочинение брата Иоанна было названо им «Книга о Тартарах». Это повествование сохранилось до наших дней в двенадцати рукописях XIII и XIV вв. и представляет уникальное свидетельство европейца о культуре и обычаях монголов и иных азиатских народов. Отчет брата Бенедикта лег в основу «Истории Тартар» брата Ц. де Бридиа (сохранился в рукописи XV в.).

Истинной целью их странствия был сбор достоверных сведений. Миссия выполнила свою «терапевтическую» роль. В год возвращения миссии европейцы открыли для себя новый неизведанный континент и множество новых народов — китайцев, тибетцев, уйгуров, киргизов, найманов. Благодаря свежим известиям францисканцев монголы будут вписаны в круг культурных народов, с которыми возможно не только общение, но и заимствование множества их достижений. Потрясение, вызванное вторжением монголов, сменится пристальным интересом к истории степной азиатской империи, и папская курия начнет скрупулезный сбор сведений, чтобы следить за малейшими нюансами политики новых властелинов мира. Аналогичная работа по сбору всевозможных

сведений о европейцах велась и в канцелярии великого хана монголов. Это одна из самых неизвестных страниц в истории контактов Востока и Запада в Средние века.

В середине XIII в. сочинение брата Иоанна почти целиком включается в знаменитую историческую энциклопедию Винченца из Бове. Начиная с XIII в., Европа каждое столетие посылала своих гонцов в глубины Азии, и эта традиция не утратила своего значения до Нового времени. Средневековые сообщества периодически испытывали потребность знать, что творится за гранью освоенного ими пространства.

Во второй половине XX в. существовала научная концепция, призванная объяснить восхождение Чингис-хана и создание им огромной державы; это т.н. теория «смягчения социальных противоречий». Согласно этой теории, Чингис-хан, объединив все монгольские племена и прекратив междуусобные войны, а также запретив свободное передвижение ойратов от одного нойона к другому и наложив на них новые тяжелые подати для содержания своего вновь образованного государства, был вынужден для удовлетворения многочисленных интересов знати и простых пастухов предпринять свои грандиозные завоевания сначала в Китае, затем выступить против мусульманских стран. Нетрудно заметить, что данная теория эклектично включает в себя компоненты других концепций (см. § 1), в том числе марксистскую точку зрения о классовом факторе, теорию пополнения экстенсивной скотоводческой экономики, роли великой личности и в некоторой степени гумилёвскую концепцию пассионарности. Авторы книги «Хозяева степей» Б. Брентъес и Л. Альбаум считают, что главной причиной, послужившей созданию централизованного монгольского государства, было обострение социально-экономической ситуации в степи: монгольские племена вступили во второй половине XII в. в открытое противоборство между собой за пастбища, скот и контроль над географическими коммуникациями (**Brentjes, Albaum, 1986, S. 67**).

Д. Синор в своей «Внутренней Азии» подробно излагает историю происхождения Чингис-хана, опираясь, в свою очередь, на классические источники и принятые в западном востоковедении концепции. Как считает Синор, Чингис-хан родился в 1167 г. на берегах монгольской реки Онон¹³⁴. Его отцом был Есугей-Багатур, племянник Кутулы, последнего хана первого объединенного Монгольского государства. Чингис-хан родился во время победоносного похода его отца против татар, разгромившего их предводителя Темучина. Это же имя получил мальчик, который еще в детстве потерял отца, а вместе с ним и право на владение улусом. Большие последствия имело пленение Темучина, захват его невесты Бёрте (из племени конрат) меркитами, союз Темучина с другими вождями Тогрилом и Джамукой и триумфальное освобождение Бёрте. Эта история, изложенная в «Сокровенном сказании монголов», всей своей сюжетной структурой повторяет традиционную схему алтайских мифических преданий, связанных с происхождением и возвышением того или иного народа, апеллирующего к легендарному предку. Однако в данном случае ряд фактов указывает на то, что эта схема легла на реальные события. Вскоре после освобождения Бёрте родила сына, которого Темучин признал, но никогда не любил, а впоследствии лишил престола и даже, вероятно, приказал казнить. Это был Джучи-хан, отец Бату, создателя Золотой Орды.

Вскоре Темучин уничтожил своих союзников (Тогрил был к тому же его *аньда* — названный брат) и на съезде союзных племен был избран единственным правителем всех племен монголов под именем Чингис-хан. До сих пор не ясна этимология данного слова, является ли оно именем собственным

¹³⁴ Согласно новейшим исследованиям, местом рождения Чингис-хана можно считать бассейн реки Амур (на правом берегу Онона), входящий сегодня в состав Читинской области. В XII в. эта территория (Делюн-Булдак) входила в район кочевий племенного союза монголов-тайджуитов, к которому принадлежали кияты — племя Чингис-хана. В Монголии установилась точка зрения, что родиной Чингис-хана является область Хэнтэй на востоке страны, где установлен памятник. Дата рождения Чингис-хана также колеблется от 1155 до 1162 г.

или титулом. Около 1199 г. были подчинены найманы в Западной Монголии, а в 1202—1203 гг. были разгромлены бывшие союзники Чингис-хана керейты. К 1206 г. все племена были подчинены Чингис-хану или изгнаны из Монголии, и после этого на общемонгольском курултае Чингис-хан провозглашается верховным правителем монгольского государства (**Sinor, 1969, pp. 159—162**).

Как пишет Д. Синор, «вероятно, Чингис-хан рассматривал курултай на Ононе как зенит своей жизни. С этой точки начала свой отсчет серия завоеваний, которые привели к созданию величайшей империи, которую когда-либо видел мир» (**Sinor, 1969, p. 163**). Б. Брентъес и Л. Альбаум пишут, что монголы при Чингис-хане совершили переход к новому типу феодализма, который базировался на абсолютной власти знати, подкреплявшейся, в свою очередь, террористическими методами поддержания дисциплины и повиновения (**Brentjes, Albaum, 1986, S. 68**). Эти же авторы отмечают небывалую даже по тем временам жестокость, которую монголы проявили при завоевании Китая. Китайский поход монголов стал своего рода генеральной репетицией, в ходе которой они отработали свои методы устрашения, порабощения населения, захвата добычи и перенятия тактики и военно-технических достижений поверженного противника. Все это монголами было успешно использовано при завоевании мусульманского Востока.

Н.Н. Крадин отмечает, что образ власти Чингис-хана в историографии нередко рассматривался через призму однополярного взгляда. При этом преобладали либо прагматические (марксистские интерпретации, личная жестокость и коварство и т.д.), либо метафизические (гениальные способности) оценки¹³⁵. По мнению исследователя, более многогранную кар-

---

¹³⁵ Примером апологетической литературы, посвященной Чингис-хану и созданной им империи, является книга Эренжена Хара-Давана, впервые изданная в Белграде в 1929 г., представителя первой волны российской эмиграции. Данную работу высоко ценил Л. Гумилёв. — См.: Хара-Даван Э. Чингис-хан как полководец. Культурно-исторический очерк Монгольской империи XII—XIV вв. — Алма-Ата: КРАМДС-Ахмед Яссау, 1992. — 272 с.

тину организации власти в Монгольской империи при Чингис-хане дает антропологическое направление. Н.Н. Крадин, в частности, указывает на самые важные компоненты власти вождей и правителей ранних государств: «управленческие и редистрибутивные обязанности», «контроль над продуктивными ресурсами», обменом и торговлей, ремесленным производством, а также идеология, военные функции и т.д. (с. 264).

Применительно к истории возвышения Чингис-хана и возникновения обширной монгольской политики выводы Крадина (Ч. II. Гл. II. § 1.) дали возможность пересмотреть факторы и механизмы формирования власти в Монгольской империи, оценить ее характер в период правления Чингис-хана, выявить пути становления государственности. Критически оценивая мнение сторонников существования государства у монголов в начале XIII в., автор указал на две главные причины такой аберрации. Во-первых, иллюзию государственной организации у монголов в начале XIII в. создавали китайские хроники, в которых «мир степных кочевников» интерпретировался в понятиях «бюрократического общества» (монгольские чиновники, титулы, налоги и т.д.). Во-вторых, оценка системы управления Монгольской империей во многом зависит от понимания термина «государство». В частности, Крадин приводит пример его трактовки в политических науках как сочетание четырех признаков: территория, население, правительство, суверенитет. Исходя из этого, государством следует считать не только Монгольскую империю начала XIII в., но и многие менее сложные с точки зрения организации власти сообщества.

В отношении структур власти Монгольской империи Крадин провел исследование в двух направлениях. Характеризуя государственность в рамках первого из них, он исходил из функциональной деятельности лиц, занятых в управлении. По его мнению, только наличие «специальных функционеров, выполняющих обязанности в какой-то одной области

управления», может служить «универсальным критерием государственного общества». В контексте данного подхода он проанализировал состав и функции представителей окружения Чингис-хана, показав крайнюю малочисленность «управленцев» и частое отсутствие у них строгой специализации, что позволило ему сделать вывод об отсутствии государственности у монголов при Чингис-хане.

Второе направление исследований политических структур Монгольской империи при Чингис-хане было связано с понятием «раннее государство». Крадин показал, что некоторые признаки раннего государства вполне отчетливо проявляются в управленческой практике Монгольской империи уже в 1206 г. (внеклановая администрация, судьи). Однако он считает, что при Чингис-хане не было кодифицированного правового свода (Великая Яса таковой не является), регулярных выплат «функционерам», налогов и гражданской администрации. Тем самым более комплексное, чем в рамках первого направления, исследование также показало отсутствие при Чингис-хане большинства институтов даже ранней государственности. Поэтому исследователь предложил определять Монгольскую империю начала XIII в. как суперсложное вожжество и выделил несколько факторов, обеспечивших его переход в середине XIII в. к государству.

Синор предлагает рассматривать по отдельности походы и завоевания монголов в Китае и на Западе, так как они имели каждый свои исторические последствия. Завоевание Китая не было завершено при жизни Чингис-хана, но уже в 1211—1215 гг. монголы подчинили себе Северный Китай в ходе кампании против династии Чинь. В 1231 г. монголы вторглись в Корею, поскольку она реально создавала угрозу монгольскому владычеству в Северном Китае, и в течение нескольких месяцев подчинили себе эту страну и изгнали правившую там династию Корё (она вернулась в страну только в 1259 г., признав сюзеренитет монголов). В дальнейшем

между монголами и корейцами сложились мирные отношения, и при Хубилае в 1274 и 1281 г. монголы использовали Корею как базу для вторжения в Японию. Эта экспедиция завершилась неудачей по чистой случайности: шквальный ветер помешал высадке монгольских войск, названный в Японии *камикадзе*. Однако монголы использовали суда, построенные корейцами. В 1279 г. монголы установили в Китае новую династию Юань, правившую там до 1368 г. Монголы внесли свой вклад в расширение Поднебесной империи: они первыми присоединили к Китаю провинцию Юнань и вторглись во Вьетнам и Бирму, что позволило в дальнейшем другим китайским династиям претендовать на эти страны. Монгольские вторжения в Индокитай имели после себя далеко идущие последствия, разрушив прежние образования и приведя к появлению новых наций и новых этнорелигиозных идентичностей, что, впрочем, характерно не только для Юго-Восточной Азии, но и для всех территорий, по которым прошли монгольские завоеватели. Монголы превратили огромную территорию в пространство, где ломались прежние барьеры между цивилизациями и шло интенсивное смешение самых различных элементов культур разных народов — элементов административных, военно-технологических, сельскохозяйственных, этнических, религиозных, торговых, ремесленных, а также письменности, языков и мировоззрения (Sinor, 1969, p. 167).

В 1218 г. после разгрома каракитаев монголы вплотную подошли к Хорезму, где правил хорезмшах Мухаммед II. Как пишет Синор, они предприняли грандиозную провокацию с целью втягивания мусульманского государства в войну. Речь идет о присылке послов с оскорбительным посланием от Чингис-хана в адрес хорезмшаха и о событиях в Отраре. Ни храбрость отдельных командиров вроде сына хорезмшаха Джелаль ад-дина, ни героическое сопротивление некоторых городов вроде Ургенча не смогли остановить натиск монголь-

ской армии, возглавляемой гениальными Субудай-Багатуром и Джэбэ-Нойоном. Хорезмшах окончил бесславно свои дни на острове в Каспийском море, а монголы вторглись в Иран. Б. Брентъес и Л. Альбаум отмечают, что ряд территорий, граничащих с Хорезмом, были завоеваны монголами безболезненно. Таким способом они под руководством Джебе овладели в 1217 г. Семиречьем и Кашгарией, где местное оседлое население, угнетаемое найманами, встретило монголов, как освободителей (**Brentjes, Albaum, 1986, S. 71**). Эти авторы считают, что местом, где войска хорезмшаха и монголов впервые вошли в соприкосновение в 1215 г., были тургайские степи. Во время похода на Хорезм монгольская армия вместе с присоединившимися к ним уйгурами, карлуками и войсками из Алмалыка (т.е. из Семиречья?) насчитывала от 150 000 до 200 000. Им противостояла более многочисленная армия самой крупной в то время державы исламского мира.

Однако силы Хорезма были раздроблены на отдельные гарнизоны и отряды, что сыграло в конечном счете роковую роль, как и перманентное отсутствие воли к сопротивлению, которое демонстрировали руководство во главе с хорезмшахом, профессиональные военные и мирное население. Монголы практически полностью уничтожили города Бухару и Самарканд вместе с населением. Такая же участь постигла города Тус, Касвин, Мерв, Бамьян, Нишапур и всю провинцию Хорасан, которые обезлюдели и были превращены фактически в пустыню. Б. Брентъес и Л. Альбаум считают, что монгольское завоевание самым роковым образом сказалось на будущем экономическом развитии Туркестана. Были окончательно подорваны развитые системы ирригации и землепользования, которые уже никогда не были восстановлены в прежнем виде, а главное — при разделе Хорезма Трансоксиания досталась четвертому сыну Чингис-хана — Толую и была тем самым изолирована от южных провинций бывшей Хорезмской державы (**Brentjes, Albaum, 1986, S. 72**).

В 1219 г. крестоносцы взяли Дамьетту, и на фоне успехов монголов в Средней Азии казалось, что власть ислама может вскоре рухнуть. Но Субудай и Джэбэ вместо того, чтобы идти на Багдад, как сделали бы современные генералы, с некоторой иронией пишет Синор, повернули на север и через Кавказ устремились в западную оконечность Дешт-и Кипчака — Северное Причерноморье и донские степи. После рагрома 31 мая 1223 г. объединенного русско-кипчакского войска на Калке Субудай и Джэбэ неожиданно повернули на восток и вернулись через Персию к основной армии Чингис-хана.

Чингис-хан провел свою последнюю зиму 1222—1223 гг. в Самарканде, где его посетил, помимо прочих, китайский монах-мыслитель Чан-чунь, оставивший живописное описание великого завоевателя и разоренной Средней Азии (Waley, 1931). После смерти Чингис-хана трон перешел к его третьему сыну Угедю (1229—1241). Походы на Запад при Угедее были лучше подготовлены, чем первая экспедиция, и завершились завоеванием Руси в 1236—1237 гг. и 1240 г. Падение Киева, считает Синор, было историческим событием эпохального значения. Вместе с Киевом погибла цивилизация, ориентированная на Византию; возрождение Московской Руси было процессом становления новой, «монголизированной» цивилизации. Кампания по завоеванию Венгрии была разработана мастерски с точки зрения стратегии. Правый фланг монгольской армии после оккупации Киева обрушился на Польшу и с северо-запада вторгся в Венгрию; левый фланг двумя колоннами атаковал Трансильванию с востока и юго-востока. Центральный корпус под командованием Бату-хана вторгся в Венгрию с северо-востока через перевал Верецке, который 350 лет назад использовали сами мадьяры при вторжении в Европу. Корпус во главе с Бату-ханом разгромил венгерскую армию, в составе которой сражались остатки кипчаков Котяна. Венгрия лежала в руинах; Европа в страхе ожидала неминуемого продвижения монголов к

Атлантике; Папа Иннокентий IV взывал к организации крестового похода против «татар». Неожиданно и по неизвестным причинам, пишет Синор, монголы в спешном порядке покинули Европу в 1242 г. и повернули на Восток (**Sinor, 1969, p. 172**).

Эти события сопровождались смертью великого кагана Угедея в 1241 г., неопределенностью в престолонаследии (Гуюк взшел на трон только в 1246 г.), недолгим правлением Гуюг-хана (1246—1248) и затем вновь неопределенностью. В периоды 1241—1246 и 1248—1251 гг. великой империей правили женщины, вдовы великих каганов — Торегене и Огул Каймыш. Эти события частично описаны францисканским монахом Иоанном (Плано Капини) во время его миссии по поручению Папы Римского ко двору кагана в 1245—1247 гг. (**Dawson, 1966**). Как отмечает Синор, в этот период важные процессы проходили в Западном улусе, укреплялось новое государственное образование — Золотая Орда, во главе которой стоял Бату-хан, а затем Берке (1257—1267). Фигура последнего выделяется тем, что он первым из всех монгольских правителей принял ислам. Одновременно монголы в Золотой Орде тюркизировались самым активным образом.

При третьем великом кагане Мунке, ставленнике Бату-хана (1251—1259), монголы взяли Багдад и фактически уничтожили Халифат. И хотя Мунке явно симпатизировал христианству, мотивы наступления монголов на Ближнем Востоке носили стратегический характер. Правившие в Китае Хубилай и в Иране Хулагу не оспаривали верховное главенство Мунке. Участник новой европейской миссии 1253—1255 гг. францисканский монах фриар Вильгельм Рубрук отразил эти события в своих описаниях, где фигурируют Бату и Мунке (**Dawson, 1966**). Свидетельства Рубрука ценны особенно тем, что в них отразились политические реалии огромной империи, которая в те годы еще по-настоящему была единым государством, «созданным благодаря невероятным по-

литическим и человеческим достижениям этого выдающегося народа» (Sinor, 1969, pp. 173—174).

Е.И. Кычанов (Санкт-Петербург) предлежил свою интерпретацию истинных причин или мотивов западного похода монголов. Основной причиной был якобы монголо-кипчакский антагонизм. Он отмечает, что значительная часть исследователей разделяет мнение о том, что в эпоху империи Тан (VII—IX) монголы были частью племен шивэй, живших в северо-западной части Маньчжурии и в районах к югу от верхнего и среднего течения реки Амур. В X в. под вольным или невольным покровительством киданей монголы освоили половину Халхи, войдя в конфликтное соприкосновение с татарами.

Продвигаясь на запад, монголы вступали в контакт с тюркоязычным населением. Подлинная природа этих контактов неизвестна; очевидно, они были и мирными, и немирными. Если обратиться к эпохе молодости Темучжина, т.е. ко второй половине XII в., то и для этого времени нельзя определенно утверждать: были ли тюркоязычными или монголоязычными другие крупные, кроме татар, этносы Халха-Монголии — керейты и найманы. Единственное, в чем можно не сомневаться, так это в столкновениях и вражде монголов с различными тюркоязычными этносами (о монголо-татарской вражде хорошо известно). Эти столкновения в известной степени стали давней причиной не столь доброжелательных отношений монголов с тюрками и последующей откровенной вражды Чингис-хана с кипчаками-половцами.

Что касается походов монголов на Запад, то дальнейшее и ближнее окружение Темучжина никогда не было исключительно монгольским. И в движении монголов в западном направлении всегда участвовали представители иной, чем монголы, этнической принадлежности. Походу Чингисидов на Запад предшествовало завоевание государства хорезмшаха, осуществленное лично Чингис-ханом. После этих

походов на стороне монголов также оказалось немало ино-племенников.

Причиной, по которой монгольские армии вышли за пределы Центральной Азии, послужило не только преследование хорезм-шаха Мухаммеда, но и давняя вражда монголов с соседними кочевыми народами, прежде всего с кипчаками. Известно, что в молодые годы Чингис-хану досаждали меркиты. В 1219 г. меркиты были разгромлены армией под командованием Субутай-багатура. Ходу, правитель меркитов, бежал к кипчакам. Правитель кипчаков Инасы принял его. Чингис потребовал выдачи Ходу. В 1223 г. Субутай и Чжэбе были отправлены преследовать кипчаков. Кипчаки запросили помощи у русских князей. Как известно, многие русские князья пришли им на помощь. В битве при реке Калке объединенные силы половцев и русских были разгромлены. Интересно, что в следующем 1224 г. Субутай был назначен тысячником корпуса, сформированного из бывших врагов монголов — меркитов, найманов, керейтов и кипчаков. Нет сомнения, считает Кычанов, что русско-половецкие связи были для монголов естественным поводом для походов на Русь. Это предположение отчасти подтверждают и русские летописи.

К. Комаров отмечает, что нашествие Батыя оказало глубокое влияние на исторические судьбы Русской земли. Несмотря на накопленный к настоящему времени обширный материал по истории связанных с этим событий, в освещении некоторых вопросов остается много неясностей, спорных суждений, а иногда и превратных представлений. Положение усугубляется появлением множества околонучной и даже антинаучной литературы, претендующей на открытие неких тайн, злонамеренно скрывааемых от народа официальной наукой. Наиболее надежным источником знаний об этом периоде в истории Руси остаются ранние летописи, составленные вскоре или некоторое время спустя

после нашествия: Лаврентьевская, Ипатьевская и Новгородская первая летопись (НПЛ) старшего и младшего изводов. В Лаврентьевской и НПЛ тексты о нашествии Батыя имеют вид вставных «Повестей», обособленных в летописном окружении.

География походов Батыя зимой 1237—1238 гг. показывает, что все его усилия были направлены исключительно на разгром и покорение Владимиро-Суздальского княжества, в то время сильнейшего на Руси. Рязань и Муром лежали на пути к Владимиру и подлежали покорению в первую очередь. Батый полностью выполнил поставленную задачу. Монголы действовали планомерно и осмотрительно. При отходе в степь они миновали без боя все встречавшиеся на пути города. Среди главных причин жестокого поражения Руси обычно указывают на раздробленность государства и княжескую междоусобицу. На этом фоне ярко проявились военные таланты татаро-монголов. Западный поход был завещан им Чингис-ханом. У них были испытанные в деле полководцы, в том числе прославленный Субудай бахадур, во главе воинского объединения был поставлен Бату, которому остальные должны были повиноваться беспрекословно. Поход был тщательно спланирован. У Батыя выдвинулись свои талантливые полководцы, в том числе Бурундай.

Превосходное вооружение и оснащение татаро-монгольской армии для конного боя дополнялись превосходством над русским дружинным войском в организованности, дисциплине и руководстве. Командиры всегда действовали по единому плану и стремились к единой цели даже тогда, когда разделялась на тумены с ограниченными задачами. Ко времени похода на Русь татаро-монголы приобрели богатый опыт осады и взятия укрепленных городов, получили в свое распоряжение осадную технику вместе с обслуживающим персоналом из пленных специалистов по всем ремеслам и

технике, набранным во всех завоеванных государствах, — заключает К. Комаров¹³⁶.

Чингис-хан выделил в удел старшему сыну Джучи западные земли до тех мест, куда ступит копыто монгольского коня. Но решение о походе на Запад, за пределы Центральной Азии, было принято после смерти Чингис-хана в 1227 г. Судя по тексту «Юань-ши», это случилось в правление Угедея на двух курултаях — в 1234 и 1235 г. В 1234 г., когда окончательно погибло чжурчжэньское государство Цзинь, у монголов были высвобождены некоторые силы и обеспечен в известной мере тыл. В 1234 г. приказ от Угедея выступить в западный поход получили Бату (Батый) и Субудай-багатур. Бату как сын Джучи был наследником Джучиева улуса. В 1234 г. были в живых два сына Чингиса — Угедей и Чагатай. В борьбу за власть, за Чингисово наследие постепенно включались внуки — Бату, Гукж, Мункэ, Бури и др. И Угедей отправил их всех в западный поход, как писали китайцы, «более чем за десять тысяч ли». При этом Бату и Мункэ открыто враждовали с Гуюком и Бури. Таким образом, поход на Запад решал и некоторые внутренние проблемы монгольского двора.

И в этот раз армии монгольских принцев и Субутая в первую очередь обрушились на кипчаков. В хронике царствования Мункэ достаточно подробно рассказывается о поимке предводителя одной из кипчакских групп, Бачиманя. Преследуемый монголами Бачимань, как и хорезм-шах Мухаммед до него, бежал на остров в Каспийском море. Однако в дальнейшем часть кипчаков шла вместе с монголами против половцев и русских. Таким образом, в завоевательных походах Чингис-хана участвовало множество племен и народов. Этот факт был отмечен средневековыми наблюдателями (в частности, францисканцем братом Бенедиктом Поляком, Фомой Сплитским), которые подметили в политике Чингис-хана

---

¹³⁶ Комаров К.И. О нашествии Батыея на Северо-Восточную Русь в 1237—1238 гг. // Вопросы истории. — 2012. — N 10. — С. 87—96.

одну особенность — всегда присоединять к себе побежденных, чтобы доблестью большей силы превосходить другие земли. Иные из побежденных военачальников, прославившиеся в западном походе, были представлены Чингис-хану и получили звание «полководца, покорителя западных стран».

На Волжскую Булгарию и Рязанское княжество шла не просто монгольская армия, а армия, состоявшая из монголов, китайцев, киданей, тангутов, кипчаков, канглы и целого ряда других народов. Из материалов «Юань-ши» следует, что в объединении Монголии под властью Чингис-хана, в войнах Чингис-хана после провозглашения его таковым, в завоевательных походах его потомков самое активное участие принимали представители разных народов. Говоря о походе на Запад, неизвестно точно о соотносительности руководящего монгольского начала с вольными и невольными союзниками монголов. Но в любом случае это была хорошо организованная и дисциплинированная многоязычная лавина, которая катилась с востока на запад. В полиэтничности монгольской армии, в том, что подчинившихся гнали на подчинение других, был секрет того, что немногочисленные монголы за сравнительно короткий срок сумели завоевать половину известного им мира. Но в этом была и их слабость. Монгольские отряды и их лидеры, оседая на чужих землях, в иноэтничной среде, как правило, утрачивали свою веру, свой язык и свои обычаи. Монголия же осталась страной монголов с малочисленным населением, удивляя историков тем, как такое незначительное число монголов смогло завоевать Китай, Центральную Азию, часть Ближнего Востока и Восточную Европу¹³⁷.

Во второй половине XIII в. геополитика на пространствах Евразии стала определяться новым фактором — распадом

¹³⁷ Кычанов Е.И. О некоторых обстоятельствах похода монголов на Запад (по материалам «Юань-ши») // Тюркологический сборник — 2001: Золотая Орда и ее наследие. — Т. 98. Редкол.: С.Г. Кляшторный (пред.) и др. — М.: Вост. лит., 2002. — С. 75—83.

Монгольской державы и соперничеством между ее компонентами — в первую очередь между Золотой Ордой и Ираном, где правили ильханы. С 1243 г. монголы установили свой сюзеренитет над сельджуками в Анатолии. Константинополь оказался в перекрестье политических интересов и стратегического соперничества между франками и тюрками, тюрками и монголами, Золотой Ордой и Ираном. После того, как в 1277 г. султан египетских мамлюков Бейбарс остановил армию монгольского ильхана Абага, стало ясно, что монголы уже не могут вести борьбу по всем азимутам. При наследнике Берке Мунгке-Тимуре (1267—1280) Золотая Орда вступила в открытое противостояние с Ираном и оказала поддержку египетским мамлюкам. Синор считает, что тюркское население Золотой Орды оказало решающее влияние на антимонгольскую и антииранскую ориентацию этого государства, которое все более становилось центром тюркского мира Евразии. Чтобы предотвратить возвращение Малой Азии в руки тюрок, иранские ильханы Абага и Аргун и Запад в лице Папы, английского короля Эдуарда I и французского Филиппа Красивого в 1284—1291 гг. пошли на создание стратегического альянса против мамлюков. В 1287—1288 гг. несторианец Раббан Саума из Пекина совершил визит в Европу по поручению Аргуна и имел переговоры с указанными монархами в Париже и Бордо и с Папой Николаем IV в Риме.

Здесь следует сказать об отражении в источниках роли тюрок в монгольскую эпоху. В период правления монгольских завоевателей (XIII—XIV) в странах, вошедших в состав империи Чингис-хана и его преемников (Китае, Иране, Средней Азии и Восточной Европе), большую роль играли тюрки, которые были привлечены монголами к управлению. Сохраняя за собой верховный контроль, монголы создали своеобразный, «многонациональный по своему кадровому составу механизм угнетения и управления, отве-

чающий традиционным формам государственного управления и идеологии завоеванных стран. Наряду с монголами, чингисиды везде опирались на иноплеменников, этнически чуждых местному населению, при этом особая роль отводилась тюркам.

Тюркские кочевники сыграли немаловажную роль в истории Китая, Ирана, Средней Азии и Руси. Как свидетельствуют разноязычные источники, в первую очередь перско-арабоязычные¹³⁸ и китайские¹³⁹, огромные территории современного Казахстана накануне монгольского нашествия в начале XIII в. занимали племена кыпчаков, канглы, карлуков и найманов. Причем район их расселения охватывал и другие территории. Так, кыпчаки занимали южно-русские степи и степи Северного Кавказа, немало их вместе с канглы было в Хорезме. Карлуки, обитая на землях преимущественно Восточного и Юго-Восточного Казахстана, жили также в Средней Азии и Восточном Туркестане. Найманы, кроме Восточного Казахстана и Горного Алтая, занимали земли Северо-Западной Монголии от верховьев Селенги и Орхона до Тарбагатай. Киреиты обитали в Северной Монголии, в бассейне реки Толы и районе среднего течения реки Орхон.

Южными соседями найманов и киреитов были уйгуры, создавшие в Восточном Туркестане Турфанское княжество. Самыми малочисленными из тюркских племен Центральной Азии были онгуты, кочевавшие на землях Южной Монголии в непосредственной близости от Китая¹⁴⁰. Кроме уйгуров, создавших в Восточном Туркестане государство с оседло-земледельческим укладом хозяйства, отмечались и общества кочевых тюрков — кыпчаков, канглы, карлуков, найманов, ки-

¹³⁸ Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. — СПб., 1884. Т. 1. Извлечения из сочинений арабских; М.; Л., 1941. Т. 2. Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузеном и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.А. Волиным.

¹³⁹ Шаоминь Кэ. Синь Юань-ши (Новая история династии Юань) // Цуншу-цзичен, эрши-уши. — Шанхай, 1938. Т. 8.; Юань-ши (История монгольской династии Юань) // Соинь-бонабэнь, эрши-сыши. — Пекин-Шанхай, 1958.

¹⁴⁰ Мункуев И.Ц. Китайский источник о первых монгольских ханах. — М., 1965.

реитов, онгутов, которые сохраняли и воспроизводили многие обычаи патриархального уклада. Они также вступили в этап утверждения и развития ранних государственных отношений, начали формироваться ханские роды, возник институт наследственной передачи власти, что является характерными чертами ранних форм государства.

Первоначальные завоевания монголов за пределами Коренного Юрта, собственно Монголии, насильственное присоединение тюркских народов Южной и Западной Сибири, Казахстана, Восточного Туркестана носили завуалированный характер, сопровождалось использованием лозунга объединения «народов, живущих за войлочными стенами», т.е. пропагандой мнимого единства всех кочевников Центральной Азии. Чингис-хан стремился придать внешнеполитическим кампаниям, походам и договорам видимость традиционной консолидации кочевых народов в единую империю. Данная политика «объединения» дипломатическими средствами с целью обращения тюрков в монгольское подданство привела к заключению «союзных отношений» (сопровождавшихся династийными браками) с Уйгурским Турфанским княжеством, с Семиреченским и Ферганским княжествами карлуков в 1211 г., с Онгутским улусом и некоторыми племенами кыпчаков и канглы, кочевья которых располагались на Алтае и в Восточном Казахстане¹⁴¹.

Наиболее тяжелый удар был нанесен найманам и киреитам, а также кыпчакам и канглы, обитавшим в Южном и Западном Казахстане, Хорезме, в южно-русских и степях Северного Кавказа, оказавших упорное сопротивление монгольским завоевателям в союзе с Хорезмом, Русью, асами — жителями Северного Кавказа¹⁴². Об этом независимо друг

---

¹⁴¹ Трепавлов В.В. Южносибирские территории в составе государства монгольских феодалов XIII в. (Политико-правовой статус населения Тувы и Алтайя. Вопросы истории Горного Алтая). — Горно-Алтайск, 1987.

¹⁴² Ахинжанов С.М. Об этническом составе кыпчаков средневекового Казахстана // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. — Алма-Ата, 1976; Кадырбаев А.Ш. Асы в Китае при правлении монгольской династии Юань // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока: XX годичная научная сессия ЛОИВ АН СССР. — М., 1984.

от друга сообщают персо-арабоязычные, китайские, монгольские, русские и западноевропейские источники. Свою роль в победе монголов сыграла их пропаганда тюрко-монгольского единства как средства раскола противостоящим им сил. Форма отношений с «присоединившимися» тюркскими ханами — прямое участие их в войнах на стороне монголов. Уйгуры, курлуки, онгуты и та часть кыпчаков и канглы, найманов и киреитов, которые починились Чингис-хану без сопротивления, но под угрозой завоевания, также понесли серьезные потери, приняв активное участие в завоевательных походах монголов против других народов. По этой причине немало тюрок оказалось в Китае и Иране, где им было суждено оставить свой след в истории и культуре стран в эпоху монгольского владычества.

Созданию нового «Тюрко-Монгольского каганата», каковым пытались представить Монгольскую империю идеологи завоеваний, сопутствовало и историческое обоснование владычества Чингисидов над своим и покоренными народами. Доктрина верховной власти в Монгольской империи сложилась в основном на базе древнетюркской концепции.

Во-первых, были восстановлены тюркский титул «каган» и полная формула каганской титулатуры, отражающая сакральную связь правителя с Небом (Тэнгри). Конструкция полного титула, а также представления о движении каганской харизмы от Неба через Мать-землю к земному избраннику, о действиях монарха как исполнителя воли и носителя благодати божественных сил полностью совпадали с воззрениями правителей тюркских каганатов VI—IX вв. Во-вторых, роль, место и функции кагана в государстве и мире понимались монголами так же, как их предшественниками — создателями Тюркской империи. В-третьих, эти идеологические традиции дополнялись порядком исполнения важнейших дворцо-

вых ритуалов, детально совпадавших с древнетюркскими¹⁴³. К тому же несовершенство монгольской государственности на раннем этапе становления империи Чингис-хана требовало обращения к опыту кочевых соседей и предшественников, привлечения консультантов-иностранцев — в первую очередь тюрок, обладающих таким опытом. Роль тюрок в монгольских государствах XIII—XIV вв. обусловилась и тем, что на формы монгольской государственности заметное влияние оказали древнетюркские и идентичный им в административном плане Уйгурский каганаты VI—IX вв.

После начала процесса распада Монгольской империи в 1259 г. Хулагу-хан (1256—1265) самовольно создал новое монгольское государство. Именно в это время монголы начали активно привлекать к управлению Ираном чужеземные элементы, в частности тюрок, некоторые из которых (например, уйгуры) имели и традицию оседлой государственности. Ильханы (особенно первые — Хулагу, Абага, Аргун) оказывали предпочтение представителям немусульманских религиозных меньшинств — христианам, буддистам, шаманистам, к числу которых в основном принадлежали тюрки — уйгуры, кирейты, онгуты. Необходимо отметить, что часть кирейтов поселилась при Хулагуидах в Азербайджане. Кирейты, а также онгуты вместе с другими составляли значительную часть войска ильханов, а их эмиры-военачальники оказывали немалое влияние на политику монгольского двора.

Еще более весомой была роль тюрок в Золотой Орде и Чагатайском улусе, где монголов было мало, да и та область, в которой они выбирали себе кочевья, была ограничена. Монголы на западных окраинах огромной империи Чингис-хана, вошедших в состав Золотой Орды и Чагатайского улуса, смешались с местным тюркским кочевым населением — в

---

¹⁴³ Трепавлов В.В., Овчинников Б.Б. К вопросу о древнетюркском наследии в Монгольской империи XIII в.: Тезисы конференции аспирантов и молодых научных сотрудников. — М., 1983. Т. 2.

основном кыпчаками, восприняв их обычаи и язык. Здесь монголы не образовали компактного массива населения, где бы сохранились их традиции, язык, обычаи и нравы. Рассредоточенные на обширных просторах Восточной Европы, Казахстана и Средней Азии члены правящих домов Чингисидов и их окружение из числа монгольской аристократии быстро теряли свои этнические черты, о чем свидетельствует арабский автор XIV в. ал-Омари. Хотя самая высокая аристократия, анский дом, члены царствующей фамилии, крупные кочевые феодалы помнили и гордились своим монгольским происхождением, даже будучи в значительной степени тюркизированы. Они составляли небольшой процент населения Золотой Орды и Чагатайского улуса.

Выдвижение тюрков на главные роли в системе монгольского государства в Китае происходит после создания в 1271 г. империи Юань (монгольского государства в Китае) при правлении ее основателя Хубилай-хана (1260—1294). Население империи Юань тогда разделялось на четыре сословия по этническому принципу: монголы; сэму или сэжэнь — выходцы из стран, лежащих к западу от Китая, в том числе тюркуйгуры, кыпчаки, канглы, карлуки, найманы, кирейты, онгуты; кидани, чжурчжэни, корейцы; китайцы из северных провинций Китая; китайцы из южных провинций, образовавшие наиболее неравноправную и самую многочисленную часть населения страны. Именно в этот период преемники Чингисхана особенно остро столкнулись с дилеммой, касающейся принципов организации управления завоеванными территориями. Формирование административного аппарата могло опираться либо на кадры китайских чиновников, либо на управителей из числа иноземных для Китая народов, так как сами монголы не имели достаточного опыта гражданского управления. Возобладала вторая тенденция, и поэтому роль «сэму» оказалась особенно значительной. Этому способствовало и то обстоятельство, что в борьбе с сепаратистски-

ми устремлениями части монгольской аристократии, оспаривавшей каганский юаньский трон, императоры династии Юань находили в «сэму» опору как своей личной власти, так и проведению политики централизации. Не связанные местными и родственными узами иноплеменники «сэму» зависели, прежде всего, от монгольских юаньских императоров и, как правило, проводили ту политику, которая формировалась при монгольском дворе. Наиболее влиятельной группой «сэму» являлись тюрки-уйгуры, кыпчаки, канглы, карлуки, найманы, кирейты, онгуты. При этом уйгуры составляли самую многочисленную группировку «сэму».

Кипчаки, канглы, карлуки составляли опору для монгольских императоров также, прежде всего, в военном отношении. Согласно «Юань-ши», в 1286 г. по приказу Хубилай-хана в империи Юань была сформирована императорская кыпчакская гвардия, усиленная в 1291 г. Также были сформированы подразделения гвардии из канглы, карлуков и других «сэму». В Монголию и Китай переселилась и часть карлуков. Имеются сведения о карлукских тысячах в составе монгольских войск на территории Китая. В биографии Тутуха говорится об учреждении управления темников карлукских войск в юаньском Китае.

Концептуальную разработку истории монгольских завоеваний представил английский ученый Ю. Филлипс (Гл. II. § 2) в своих книгах «Царственные орды: кочевые народы степей» и, особенно, в монографии «Монголы» (**Phillips, 1965; Phillips, 1969**)¹⁴⁴. Историю монгольской империи Филлипс видит состоящей из четырех периодов, каждому из которых посвящен раздел его книги. В первом разделе автор рассматривает монголов и монгольское общество в начале XII в. как

---

¹⁴⁴ Филлипс Э.Д. Монголы. Основатели империи Великих ханов. Пер. с англ. О.И. Перфильева. — М.: ЗАО Центрполиграф: ООО «Внешторгпресс», 2003. — 174 с.

носителей кочевой традиции степи. Вторая часть его книги посвящена собственно истории завоеваний при Чингис-хане, его карьере и созданию единого монгольского государства. В третьей части Филлипс рассматривает ситуацию в монгольском государстве при ближайших преемниках Чингис-хана — Угедее, Гуюке и Мунке. И, наконец, последняя часть посвящена развитию государств-наследников Монгольской империи — Китая при Юанях, Ирана при ильханах, Средней Азии при чагатаидах и Золотой Орды. Филлипс лаконичен в своей характеристике Чингис-хана: «Чингис-хан по масштабам своей личности и содеянного равен Александру Македонскому и Наполеону; в ходе своих завоеваний он применял методы, которые до него использовал Аттила, а после него — Тимур. Его армии не были многочисленны, а победы его войску обеспечивала высокая мобильность» (Phillips, 1969, p. 67).

Ю. Филлипс подчеркивает грандиозный характер этого исторического феномена: «Театр действия описываемых событий велик, поскольку в XIII и XIV в. монгольские войска вели войны в различных уголках мира, от Маньчжурии до Палестины и от Явы до восточной Германии. И при этом они почти не пользовались кораблями, если не считать тихоокеанского побережья Азии. Во время пика их могущества в XIII в. перемены в одной части света быстро отзывались в другой — и это за долго до изобретения современных средств связи. Их систему коммуникации можно отнести к замечательным достижениям. Нужно должное внимание уделить их войскам, дисциплине, стратегии и тактике, оружию и снаряжению воинов. Наиболее значительные шаги монголы сделали в области ведения войны; их влияние на оседлых жителей завоеванных территорий не столь велико, хотя поначалу монгольское нашествие казалось ужасной катастрофой. Но в общемировом масштабе их давление ощутимо. Монголы не были ни первыми, ни последними кочевниками, стремившимися завоевать цивилизо-

ванные страны, но именно они предприняли самую решительную попытку навязать свою власть всем остальным народам. После их неудачи кочевничество перестало быть серьезной альтернативой оседлому образу жизни не только правителей, но и большей части населения».

Исследователь останавливается на источниковой базе предмета: «Уже второе поколение завоевателей оставило свои собственные письменные источники. Согласно стандартам современной науки, историю монголов невозможно серьезно изучать не только без общего знания истории, этнологии и географии, но также и без учета документов, написанных на монгольском, китайском, японском, бирманском, турецком, персидском, армянском, грузинском, сирийском, греческом, арабском, русском, латинском, французском и итальянском языках в их средневековых формах. Конечно, не найдется такого ученого, который в совершенстве владел бы всеми этими языками. Поэтому исследователю приходится полагаться на переводы и комментарии. Помимо письменных источников, ценные сведения представляют археология и произведения искусства.

Кое-какие сведения историки получают во время раскопок поселений в Крыму, на месте Старого и Нового Сараев (столиц Золотой Орды на Волге), а также Каракорума в Монголии. Раскопки в издавна густонаселенных городах Китая и Ирана не дают особо много находок именно монгольского периода, но, по крайней мере, в Китае найдено несколько надписей, уточняющих образ жизни высокопоставленных монгольских чиновников. В разных частях Азии находят довольно большое количество различных монгольских монет. Китайские, индийские и тем более персидские картины и миниатюры точно передают внешний вид монгольской одежды и доспехов, изображают военные лагеря монголов и их жизнь при дворе. Временами среди европейских и японских произведений искусства также встречаются изображения монголов.

Относительно социальной организации монголов Филлипс отмечал, что «Чингис-хан преобразовал увеличившееся монгольское государство по феодальному образцу под своим началом и началом своих родичей. Все племенные отношения были отменены, за исключением тех случаев, когда они совпадали с новым порядком. Основным принципом организации стал принцип деления на «десятки», и он действовал как во время войны, так и во время мира. В «Тайной истории» приведены обширные списки командиров «десятков тысяч» и «тысяч», назначенных из воинов, лично доказавших свою преданность правителю. Все эти командиры, «нойоны» или «берки», возглавлявшие отряд войск, руководили своими подчиненными и в мирное время. Термин «нойон» — не воинское звание, а скорее общий титул крупного феодального владыки. Командующий десятком тысяч назывался «тумен», тысячей — «минган», сотней — «джегун» и десятком — «арбан». Любой человек обязательно находился в подчинении у нойона, а нижестоящий нойон подчинялся вышестоящему нойону. Покидать одного нойона и переходить к другому запрещалось под страхом смертной казни. основополагающим принципом монгольского общества была жесткая зависимость каждого его члена от начальников. Никто не смел покинуть место, куда его поставил начальник, и никто не имел права сменить работу без непосредственного приказа.

По мнению английского историка С. Уокера, Чингис-хан был величайшей личностью в истории Азии. Эта точка зрения изложена в его книге «Чингиз-хан» (1939, предварительно 1932—1933), в которой история жизни Покорителя Вселенной и монгольских завоеваний рассматривается с точки зрения их значения для развития военного искусства (Walker, 1939). По мнению Уокера, в основе военного успеха монголов лежал симбиоз монгольского воина, неприхотли-

вого, выносливого и прекрасно ориентирующегося на местности, с монгольской лошадейю — мощного орудия войны и передвижения. Он писал: «Можно сказать определенно, никогда еще цивилизация не порождала столь мощной и устойчивой связи между лошадейю и человеком и столь важного военного фактора, как фактор монгольского воина-всадника, определившего на последующие столетия облик Азии. Совершенно очевидно, что при наличии подобного материала рано или поздно должен был появиться вождь, способный его контролировать и использовать в своих целях, что неминуемо должно было привести в XIII в. к серьезным последствиям для стран цивилизованного мира»¹⁴⁵.

Этот автор отмечает еще одну особенность монгольского войска. «В то время как в других странах, — пишет С. Уокер, — войска требовали плату за службу, монгол, вместо получения таковой, сам платил ежегодно жалованье своему полководцу в виде налога на лошадей и скот. От этого не избавлял его даже уход на военную службу». В данном случае Уокер возвращает нас к дискуссии, поставленной марксистскими учеными о т.н. «кочевом феодализме». То, о чем пишет английский историк, чрезвычайно напоминает феодальную ренту в ее классическом виде, только без европейской привязанности к феодеу. Его роль играют принадлежность монгола к роду, а при Чингис-хане — к соответствующей военной единице. Строгий запрет Чингис-хана на прием на службу людей, принадлежавших чужому племени или другому войску, означал не что иное, как прекрепление некогда свободного общинника к своему сеньору, т.е. крепостное право. С учетом военных обязанностей монголов эти отношения между рядовыми воинами и вышестоящими лидерами могут показаться более напоминающими ничем неограниченный деспотизм. Однако за фасадом ярко выраженного рабского

---

¹⁴⁵ Цитируется по русскому изданию: Уолкер С.С. Чингиз-хан. Пер. А.И. Глебова-Богомолова. — Ростов н/Д.: Феникс, 1998. — С. 35.

состояния простых монголов стояла жестокая необходимость, продиктованная природной средой, необходимостью выживания и экстенсивным характером кочевой экономики.

К числу военных преимуществ армии Чингис-хана С. Уокер относит тот факт, что, раз отдав приказ, тот оставлял своих подчиненных один на один с поставленной перед ними задачей. В рамках полученной им стратегической задачи монгольский полководец был волен принимать любые необходимые для ее исполнения решения. Но самым поразительным с точки зрения военного искусства С. Уокер считает введение Чингис-ханом системы коллективного командования и то, как и с какой легкостью и эффективностью эта система работала. Это можно объяснить только колоссальным авторитетом «великого и неповторимого», личной харизмой «потрясателя Вселенной». В основе победоносной тактики монгольской армии лежала железная дисциплина, которая подразумевала, что каждый воин, каждая сотня знали, как действовать в любой момент сражения. При необходимости монголы отступали вплоть до нескольких дней (битва при Калке), но в решающий момент возвращались с тем, чтобы нанести смертельный и неотразимый удар. При этом, как правило, использовался широкий охват с флангов и заход в тыл противника. Монголы даже позволяли противнику оказывать давление на свой центр. В этом был риск, но стремительность и мобильность всегда уберегали их от катастрофы¹⁴⁶.

Для историков долго было непонятно, как мог потерпеть поражение Хорезм с его почти полумиллионной армией. В вину хорезмшаху Мухаммеду ставилось то, что слабым звеном его стратегии была слишком большая разбросанность и разобщенность его сил. Однако военный опыт хорезмшаха, отмечает С. Уокер, основывался на глубоком знании поведе-

¹⁴⁶ Цитируется по русскому изданию: Уолкер С.С. Чингиз-хан... С. 45.

ния в войне тюркских кочевников Кызыл-Кумов, и этот опыт подсказывал ему, что монголы, подобно тюркским степнякам, будут совершенно беспомощны перед стенами укрепленных городов. Они ничего не знали о китайских инженерах и их осадных орудиях. Еще одной характерной чертой тактики монголов была способность концентрировать свои войска перед решительным сражением.

Отдельную главу С. Уокер посвятил экспедиции Джебе-нойона и Субудай-багатура на Запад, названной им «великом походом», блестящей военной операцией, подобной которой не было ни до, ни после, вершиной монгольской тактики и стратегии, самым ярким проявлением военного гения Джебе и Субудая. Причиной экспедиции был приказ Чингис-хана преследовать хорезмшаха Мухаммеда. В ходе этого похода Субудай и Джебе разрушили, захватили и рагромили несколько десятков городов и крепостей, несколько народов и царств, захватили огромную военную добычу. Фактически это была в то же время блестяще проведенная разведывательная операция. В ее результате монголы ясно представляли, с кем им придется иметь дело в следующем походе на Запад. С. Уокер обращает внимание читателей на различия в психологии монголов и их противников. Невозможность понять мотивы и психологию этих кочевников стоила в конечном счете хорезмшаху царства и головы, а жителям многих городов, начиная с Бухары, свободы, имущества и самой жизни. Например, во время экспедиции на Запад монголы осадили Рей, крупнейший город в северо-западном Иране. Им открыли ворота сторонники одного из соперничающих направлений ислама с условием, что монголы перебьют их религиозных конкурентов. Монголы, не вникая в суть религиозных разногласий, охотно пошли на это требование и уничтожили всех обитателей города — как представителей лояльной секты, так и остальных, как суннитов, так и шиитов, формально выполнив обещание. Это было яркое проявление политики и

психологии монголов, использовавших предателей в своих целях, а затем жестоко каравших их.

Приказ о преследовании хорезмшаха был, как считает Уокер, частью общего стратегического замысла Чингисхана, понимавшего, что в любом автократическом государстве, и особенно в государстве, недавно образованном, каким была империя хорезмшаха, личность правителя является краеугольным камнем и основой его сопротивления противнику. Отдав этот приказ, он лишал Мухаммеда времени, столь необходимого для организации отпора агрессорам. Джебе и Субудай не только выполнили этот приказ, но и перевыполнили его, посеяв страх и панику среди населения Ирана. Таким образом, монголы меньше чем за год преодолели реку Или, прошли Кызыл-Кумы, Великую соляную пустыню (Центральный Иран), преодолели Ала-Тау и другие горы Центральной Азии, Каратаг и Паропамиз, Атрек и Эльбрус. Разгром Ирана проложил им дорогу на Кавказ, победы в Грузии и над аланами и осетинами обеспечили им выход в причерноморские степи. Затем последовали разгром кипчаков и их союзников русских на Калке. Конечным пунктом движения на Запад стал Крым, где они сожгли Судак и вместе с ним генуэзскую торговую факторию. Затем они двинулись в северном направлении и обрушились на Волжскую Булгарию. Падение Булгарии, отмечает Уокер, привело к прекращению торговли мехами и меховыми изделиями, которая держалась на булгарах, основных поставщиках мехов. Джебе и Субудай соединились с Чингисханом только летом 1223 г. на территории современной Кызылординской области к северу от Сыр-Дарьи. С. Уокер утверждает, что после этого Чингисхан потерял Джебе, умершего от старости. Однако известно, что тот был моложе Субудая. Дальнейшая судьба Джебе в любом случае неясна и он исчезает из источников. Именно Субудай-багатуру выпала главная тяжесть реализации планов Чингис-

хана по завоеванию «вечерних стран», на него в трудную минуту должны были полагаться его дети и дети его детей.

С. Уокер пишет, что в Китае, где Чингис-хан назначил правителем Мухули, он впервые столкнулся с проблемой, что делать с завоеванной страной. Раньше монголы решали вопрос просто по принципу, нет противника, нет проблемы. Так они уничтожили меркитов и многих других соперников за жизненное пространство и власть в Монголии. Ничего подобного нельзя было помыслить в отношении мириадов китайцев. Провинции, опустошенные в 1214 г., весной 1217 г. уже ожили. Чингис-хан знал только — завоеванные территории следовало удержать любой ценой. В ходе регулярных боевых рейдов Мухули понял, что он должен не убивать, а умиротворять противника.

Одним из последствий нашествия монголов в Среднюю Азию, имевшим глубокое историческое значение, пишет Уокер, стало паническое бегство маленького тюркского племени, веками обитавшего в оазисах неподалеку от Мерва, которое бежало через Мазандаран и южный Азербайджан и укрылось в Армении. Когда монголы через восемь лет опустошили и эту страну, это племя бежало дальше на запад. Его вождь Эригрул умер в неизвестности, а его сын Осман стал основателем государства, получившего в дальнейшем название Османского, а его народы — османов. Через столетия перед этим государством, Турецкой империей, в ужасе трепетали Восток и Запад¹⁴⁷.

Последней кампанией Чингис-хана был поход против царя тангутов, который зарекомендовал себя как неуклонный противник монголов и не слишком верный союзник. Чингис-хана в походе сопровождал сын Туле (Тулуй), а Джагатай повел войско из Монголии на юг через завоеванные территории Китая. С. Уокер отмечает, что Тангутское царство состояло

---

¹⁴⁷ Цитируется по русскому изданию: Уолкер С.С. Чингиз-хан... С. 191.

сплошь из одних укреплений, особенно в той части, которая представляла собой узкую полоску вдоль Хуанхэ и являлась связующей Великого Шелкового пути. Даже крестьянские дома и постоялые дома имели крепостные укрепления и башни. Между первым и последним походом Чингис-хана, т.е. 1208-м и 1226 г., лежал период приобретения опыта взятия любых укреплений. Если в 1208 г. армия Чингис-хана так и не смогла взять крепость Цзяюйгуань — традиционные ворота в древний Китай, то в последнем походе она смела крепость с лица земли, даже не заметив ее. В 1227 г. Чингис-хана не стало, но это не отразилось на кампании против тангутов. Буквально через несколько дней после его смерти столица Тангутского царства сдалась, а его правитель отправился почетным пленником в Монголию.

Говоря об историческом значении деяний Чингис-хана для самого монгольского народа, Уокер отмечает, что для памяти великого завоевателя роковым оказался буддизм, покоривший в XVI столетии Монголию. Некогда свирепые кочевники превратились в послушных рабов буддистского духовенства. Буддизм сделал все, чтобы стереть из исторической памяти монголов предания об их великом прошлом. Монголы совершают паломничество к могиле святого именно там, где рождаются Онон, Тола и Керулен, но не знают его имени. Но это не может быть никто иной, кроме их величайшего полководца, делает вывод автор. Добавим от себя, что носителями исторических традиций Чингис-хана стали казахи, адаптировавшие у себя его «Ясу» и до сих пор сохраняющие традиции чингисизма, а также помнящие его потомков — торе.

Осмысливая феномен военного гения Чингис-хана, Уокер ставит его на голову выше всех великих полководцев прошлого. Только Тимур, «железный хромец», мог быть поставлен вровень с «Потрясателем Вселенной», хотя по иронии судьбы именно ему выпала историческая задача сокрушить остат-

ки Монгольской империи. Потомок Чингис-хана жил при его дворе в качестве безропотной марионетки и на правах прихлебателя. Целая плеяда блестящих командиров служила Чингисхану, и она вполне сравнима с наполеоновскими маршалами. Это были Мухули, Джебе, Бала-нойон, его сыновья — Тулу, Джучи, Угедей, Джагатай и, наконец, самый великий из всех — Субудай. Некоторые исследователи именно им приписывают успехи победы Чингис-хана. Но Уокер придерживается точки зрения, что именно Чингис-хан и его военный гений были основной причиной монгольских побед. Он нес всю ответственность за принятие решений, отдавал приказы и ставил стратегические задачи. К числу наиболее выдающихся примеров монгольского военного искусства Уокер относит атаку Джебе под Тбилиси на арьергард грузинской армии, решающий удар Субудая под венгерским городом Сайо в 1242 г. и марш самого Чингис-хана на Бухару. Однако если удары его полководцев завершали битву, то его удар завершил целую кампанию. Там, где его полководцы думали о тысячах людей, размещенных на одной квадратной миле сражения, разум Чингис-хана охватывал сразу целые армии, действующие на просторах огромной империи.

В заключение своей книги С. Уокер выделяет наиболее важное из опыта военных кампаний монголов. В кампаниях против Северного Китая в 1211—1214 гг. действовали два фактора: слабая боеспособность китайских войск, позволившая монголам пойти на риск решиться на глубокие рейды в тылы врага. Второй фактор — отсутствие всяких коммуникаций, что стало уникальной ситуацией в военной истории, притом что монголам удалось сохранить боеспособность армии. Свою роль сыграли непревзойденные маневренность и мобильность монголов. В кампании против Хорезма 1220 г. принцип мобильности против неприступности был доведен до совершенства. Важно то, что противником монголов на этот раз были не китайцы, а не менее воинственные тюрки.

Однако главной причиной поражения Хорезма Уокер считает не пресловутую медлительность Мухаммеда, а его чрезвычайно невыгодное географическое положение. Его стратегия по размещению гарнизонов была, в сущности, верной и единственно возможной, но он не учел способности монголов брать любые города и слабый военный дух осажденных гарнизонов. Падение Бухары означало конец войны. Уокер считает, что если бы тюрки во главе с Мухаммедом дали решительное сражение под Бухарой, то это означало бы прекращение монгольского движения на Запад и от разрушений были бы спасены многие центры цивилизации в Персии, на Ближнем Востоке, на Руси и в Восточной Европе. Но Средняя Азия, т.е. Хорезм, все равно была обречена на истребление и разрушение самой географией, военной тактикой монголов, не позволявшей им оставлять что-либо в районе боевых действий, т.е. приговорена к упадку самой историей. Уокер считает, что с задачей, которую поставила перед хорезмшахом Мухаммедом история и с которой он не справился, справился Тимур, остановивший кочевников тем, что он смело атаковал их там, где бы он их не встретил. Тем самым Тимур предотвратил возможную катастрофу, по масштабам сравнимую с монгольским катаклизмом.

В кампании против тангутов (1226—1227) Чингис-хан довел стратегию использования преимуществ маневренности и мобильности монгольских войск до совершенства. Это имело своим следствием тактику постоянного нанесения ударов по наиболее слабым пунктам обороны противника, что было бы невозможно без трех факторов: неуязвимости собственных баз, надежности линий коммуникаций и маневренности. Все это, по мнению британца Уокера, напоминает действия военно-морского флота. Держава, обладающая господством на морях, всегда направляет действия своего флота на самые удаленные территории и избегает атак против главных центров концентрации вражеских сил, т.е., считает Уокер, Мон-

голия времен Чингис-хана и Англия эпохи противоборства с Францией опирались на одинаковые принципы, подразумевавшие неприступность своих баз, безопасность и надежность коммуникаций и высокую маневренность.

Но маневренность, отличавшая монголов, т.е. способность быть в нужном месте в нужное время, была обязана своей эффективностью только благодаря военной разведке, созданной великом ханом. В двух случаях монголы потерпели поражение: Джучи подле Караку в 1218 г., когда его войско после победы над меркитами внезапно атаковал хорезмшах Мухаммед, и удар армии Шиги Хутуху под Перваном в 1221 г., нанесенный тому Джелаль эд-Дином. В первом случае Джучи послал разведку вперед, полагая, что после уничтожения меркитов ему ничего не угрожает. Во втором случае молодому хорезмскому султану удалось уничтожить передовой отряд монголов под Бамианом и застать врасплох основные силы монголов. И в том, и в другом случае монгольские войска шли без прикрытия разведывательного экрана. В монгольскую эпоху, обращает внимание Уокер, в военных стратегиях стран мира оборона преобладала над наступлением. Во всем, буквально во всем — в вопросах стратегии, тактики и даже быта (неприхотливости людей и лошадей), монгольские воины своим мужеством, инициативой, стойкостью превосходили противников. Они разрушили старые каноны войны и физически уничтожили представителей старой военной школы. Но стратегия монголов, рассчитанная на пренебрежение основными центрами вражеского сопротивления и нанесение последовательных более мелких ударов по слабым местам обороны противника, хотя и более продолжительная во времени, не могла длиться вечно, если речь шла о завершении войны и полной победы над врагом. Таким образом, в исторической перспективе и, особенно, после появления огнестрельного оружия и регулярных армий у оседлых государств кочевники с их военной стратегией были обречены.

Чингис-хан, заключает свое исследование Уокер, применял стратегию западных армий 1914—1918 гг., т.е., прежде всего, наносил сильные концентрированные удары по стратегически важным пунктам, пробивая брешы в обороне и туда направляя атаку. Этот метод пришел на смену стратегии широко-масштабного и долговременного опустошения театра боевых действий, что делало сопротивление гарнизонов посреди выжженной и разоренной страны совершенно бессмысленным. Этот в некотором роде психологический метод был испробован монголами в Китае и стал удобен тем, что представлял собой простой и дешевый способ завоевания территорий, которые еще при этом сразу же превращались в удобные пастбища для монгольской конницы, т.е. достигалась конечная, как тогда казалось монголам, цель — отвоевание жизненного пространства и использование его для нужд скотоводства.

Д.М. Тимохин изучил проблему взаимоотношения кочевых и оседлых народов, входивших в состав государства Хорезмшахов-Ануштегинидов, на основании сведений из арабо-персидских источников эпохи монгольского нашествия. Исследование противоречий между кочевыми и оседлыми народами позволило автору не только пролить свет на причины падения этого государства под натиском монгольских завоевателей.

По мнению исследователя, в период становления государства Хорезмшахов-Ануштегинидов и их борьбы за независимость от Сельджуков происходит и миграция кочевых тюркских племен на территорию Хорезма. В процессе разрастания государства все более явным становится разделение его населения на оседлых жителей крупных городов и их округ и на кочевые тюркские племена. Безусловно, существование в рамках хорезмийского государства большого количества кочевников не могло не привести к конфликтам, а также к своего рода их противостоянию с оседлым ираноязычным населением. Контакты оседлого иранского населения и кочевых племен, в

том числе и тюрок, имеют давнюю историю, в которой хорезмийский период является лишь одним из этапов, но именно при Хорезмшахах-Ануштегинидах тюрки начинают занимать особое положение в структуре иранского общества.

Активная миграция кочевников-тюрок на территорию Средней Азии приобрела масштабный характер в XI—XII вв., зачастую на службу к государям они поступали целыми племенами. Население Хорезма в конце XII — начале XIII в. было пестрым и состояло из большого числа иранских и тюркских этносов, в том числе оседлых и кочевых племен, еще не сложившихся в отдельные народности. Вражда между ними, особенно между оседлыми иранцами и кочевыми тюрками, временами принимала достаточно острые формы, что объяснялось неравным положением этих народов: ираноязычное, коренное население большей части территории государства Хорезмшахов к XIII в. в массе были податным населением (*райаты*). Тюрки же составляли в этом государстве слой военной знати и имели значительные земельные владения (*икта*). В основном тюрками комплектовались армии хорезмшахов, особенно это становится заметным в правление Текиша и Ала ад-Дина Мухаммада, а также из них состоял практически весь офицерский состав.

Тюркские племена активно использовались не только хорезмшахами, но и другими правителями в различных конфликтах на территории Средней Азии. Военной поддержкой таких племен было легко заручиться, используя финансовые рычаги, иначе говоря, правители нанимали тюрок на время проведения какой-либо военной кампании. Подобная ситуация закладывала своеобразную бомбу под здание государства Хорезмшахов-Ануштегинидов: тюрки воспринимались местным населением как чужие и враги. Соответственно, те силы, которые им противостояли, рассматривались в качестве освободителей и поддержка им со стороны податного населения была обеспечена. Это нашло

яркое отражение на страницах источников, написанных персидскими авторами.

У Хорезмшаха Ала ад-Дина Мухаммада накануне войны с монголами не было опоры на местах, а тем более в только что завоеванных территориях. Уничтожая местных владык, Хорезмшах заботился о прочности своей власти в этих областях, однако, оставляя на их месте тюркских эмиров, он мог рассчитывать на подчинение лишь в мирное время, так как во время войны местное население неохотно подчинялось чужеземным правителям и видело в любом новом завоевателе своего освободителя. Так было в то время, когда Чингис-хан вторгся во владения Кушлу-хана Найманского, так было и во многих других случаях. Тюрки занимали высокое положение в хорезмийском обществе и в основном ими комплектовалась армия и офицерский состав. В источниках практически нет упоминаний о том, чтобы тюркские командиры сдавались в плен сами и сдавали монголам города. Более того, зачастую городские ворота перед монголами открывало именно оседлое иранское население.

Кроме того, у Джувейни находится целый ряд описаний того, как после взятия городов монголы разделяли население на ираноязычных и тюрков. Если участь первых могла быть различной, то вторых безжалостно убивали. Массовая резня тюрков имела место при взятии большинства городов Средней Азии, при этом зачастую были убиты все тюрки мужского пола, что говорит о сознательном истреблении целого народа. Поскольку тюрки были воинами Хорезмшаха и именно они оказали основное сопротивление захватчикам, то их истребление могло быть продиктовано военными целями. Но нельзя забывать, что разногласия внутри хорезмийского общества привели к тому, что ираноязычное население смотрело на любую силу, противостоящую тюркам, как на освободителей. Безусловно, разведка Чингис-хана, великолепно зарекомендовавшая себя во время среднеазиатской

кампании, информировала об этом своего повелителя. В результате было решено сыграть на противоречиях и, уничтожив тюрок, привлечь на свою сторону оседлое ираноязычное население Средней Азии.

Традиция, установленная ан-Насави и Джувейни, согласно которой тюркские кочевники причислялись к «чужим» для мусульманского оседлого населения, получила дальнейшее развитие, в особенности после того, как монгольские правители Средней Азии в начале XIV в. приняли ислам.

Таким образом, автор делает ряд выводов. Во-первых, межэтнические конфликты в Хорезмийской империи накануне монгольского нашествия не просто имели место, но и были настолько острыми, что послужили одной из основных причин разгрома этого государства монголами. Основой конфликта послужило сосуществование в рамках одного государства двух разных типов культур: кочевой и оседлой. Верховная власть в Хорезмийской империи не только не делала попыток решить данный конфликт, но и еще больше усугубила его, принимая на службу все новые и новые кочевые тюркские племена.

Во-вторых, упомянутый конфликт не только не затих перед лицом общего врага, монголов, но и разгорелся с новой силой, в результате чего все попытки сопротивления были сведены на нет именно по причине раздоров между кочевым и оседлым населением. В результате этого конфликта были нередки случаи того, что местное оседлое население сдавало города Средней Азии монголам, в то время как отчаянно защищали эти города и самих себя тюрки-кочевники, лишь совсем недавно ставшие частью среднеазиатского общества. Во многих населенных пунктах монголы были встречены как освободители ираноязычным населением и оставались в этом статусе вплоть до начала зверств в отношении этого населения.

В-третьих, арабо-иранские историки той эпохи, такие как ан-Насави и Джувейни, формируют в своих исторических

сочинениях образ тюрков, который может быть приравнен к образу «другого». Данная тенденция имеет продолжение и в более поздних исторических сочинениях, принадлежащих перу арабо-персидских авторов и посвященных монгольской эпохе. Таким образом, формируется не вполне верное представление об этносе, который вставал на защиту хорезмийского государства и отчаянно сражался против монгольских завоевателей. При этом в других государственных образованиях, таких как государство мамлюков в Египте, культивируется другое восприятие тюркских кочевников в связи с тем, что именно тюрки управляли этим государством¹⁴⁸.

Ю. Филлипс пишет, что после поразительных побед Чингис-хана история монголов утратила импульс, и ни один из его преемников не мог похвастаться особо выдающимися достижениями в области войны и государственной политики. Однако на протяжении долгих десятков лет Монгольская империя великих ханов продолжала оставаться уникальным явлением на территории почти всей Азии. Своим преемником Чингис-хан назначил Угэдея во многом потому, что тот хорошо понимал людей и был дружелюбно к ним настроен, а это помогало добиться благорасположения со стороны тех, кому предстояло поддерживать систему управления.

А.Г. Юрченко (Санкт-Петербург) обращает внимание на следующую особенность монгольской государственности. Как он пишет, любая империя есть сумма парадоксов, поскольку на едином политическом пространстве соприкасаются разные культурные традиции. Один из самых ярких примеров встречи таких традиций в Монгольской империи — обряд коленопреклонения. Введенная в 1230 г. при монгольском дворе китайская церемония приветствия великого хана предусматривала опускание на оба колена. Эта церемо-

¹⁴⁸ Тимохин Д.М. Кочевые и оседлые народы государства Хорезмшахов в период монгольского нашествия // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность (ИВ РАН). — 2008. — N 2. — С. 11—17.

ния окажется неприемлемой для дипломатов и правителей христианского мира, вынужденных по тем или иным причинам встречаться и вести переговоры с монгольскими ханами и нойонами. Для христиан преклонение на оба колена было исполнено глубокого религиозного смысла, что практически исключало перевод сакрального жеста в сферу придворного этикета. В империи был провозглашен и действовал принцип толерантности, т.е. веротерпимость была возведена в ранг закона. Этот факт отмечен в XIII в. представителями всех мировых религий. Как писал Марко Поло, каждый может свободно распоряжаться своей душой, ибо монголы не заботятся о том, какому Богу поклоняются в подвластных им землях, лишь бы сохранялась верность и покорность хану¹⁴⁹.

В 1271 г., когда было официально объявлено о начале династии Юань, Хубилай ввел новый порядок, разработанный Яо Шу и называвшийся «государственным порядком». Армию поделили на две группы: «сувэй», в которую входили лучшие монгольские войска и иноземная стража дворца и столиц провинций; и «чэньшу» — войска провинций и границ под командованием монголов, наблюдавших также за порядком.

Филлипс невысоко оценивает результаты правления династии Юань. По его мнению, период Юань не сравнится даже с периодом Сун. До некоторой степени китайцы выиграли, вступив в непосредственный контакт с персами, хотя их влияние на культуру Ирана было несравнимо большим. Кое-что китайская наука заимствовала у мусульман, особенно в области астрономии. В других отношениях китайская культура не испытала особого влияния со стороны других культур, поскольку она издавна была самодостаточной.

Начиная со смерти Мункэ, монголы в Иране следовали своим собственным путем, хотя и продолжали взаимодей-

---

¹⁴⁹ Юрченко А.Г. Золотая статуя Чингис-хана (русские и латинские известия) // Тюркологический сборник. — М.: Наука, 1986. — С. 246—259.

ствовать со своими собратьями в Центральной Азии и русских степях. Военачальники Хулагу сосредоточили монгольские силы в Северной Месопотамии и далее до Кавказа. Илханы, или «послушные ханы», как их называли, потому что формально они подчинялись великому хану, стали правителями Ирана, страны с хорошо укрепленной границей по Евфрату, Кавказу и Аму-Дарье. Их соседи относились к ним враждебно, открыто или тайно, и единственной их опорой был Хубилай. Так продолжалось все правление Хулагу. Ему и его преемникам приходилось постоянно отражать нападения ханов Золотой Орды и мамлюков с запада и правителей улуса Джагатай с востока.

Теоретически правителями считались ханы и знатные монголы, собиравшиеся на курултай, но гражданскими делами на местах заведовали визири, как и в других мусульманских странах. Наследника трона часто посылали управлять Хорасаном, при необходимости с помощью атабега, которые помогали ему, если наследник был слишком юн, а также с помощью эмиров, которые командовали войсками, охранявшими район Аму-Дарьи. Правителей провинций в основном заботили внутренние дела, в том числе и поддержание порядка. Вне Ирана монголы, как правило, занимали руководящие посты в армии, оставляя гражданское правление в руках местных жителей.

Центральная канцелярия была организована по примеру канцелярии великих ханов, но в ней, что естественно, служило гораздо больше мусульманских чиновников. Главный контроль над доходами и расходами государства осуществлял «сахиб-и-диван», или великий визирь, а в более поздние времена — два визиря. Этот визирь также заведовал почтовой службой, строительством общественных зданий, чеканкой монет и регистрацией земельных сделок. В качестве денег ходили золотой динар и серебряный дирхам, унаследованные от Арабского халифата и сильно различавшиеся по весу

и чистоте. Налоги взимались по системе великого хана, в том числе налог на скот, на землю, на продажу и подушный налог. Сборщиков налогов, часто продажных и жадных, сопровождала вооруженная охрана. На косвенно зависимых территориях налоги собирали баскаки, передававшие часть собранных средств на поддержание почтовой службы и войск.

В религиозном вопросе Хулагу не был таким терпимым, как большинство других монгольских ханов. Он открыто не преследовал и не оскорблял мусульман, но ему не нравился ислам, против которого он так долго сражался, и он не мог принять его в качестве государственной религии. Религиозная политика при ильханах имела особое значение. Изначально монголы были врагами ислама, но впоследствии и они стали правителями, мало чем отличающимися от других. Абака запретил монголам, занимавшим руководящие посты, переходить в ислам, и всячески содействовал распространению буддизма.

В основном наблюдался упадок, приостановленный на время при Газане — самом могущественном правителе после Хулагу; после него государство ильханов опять начало разлагаться и в конце концов прекратило свое существование. Во внешней политике наблюдались повторяемые от правления к правлению события; ильханы пытались расширить свое влияние, чему противились их враги, часто действовавшие сообща.

Что касается внутренней политики, отмечает Филлиппс, то здесь ильханам приходилось сталкиваться с многочисленными трудностями. Газана можно назвать вторым основателем династии. При нем правящий дом стал независимым от великого хана. В честь этого он ввел новое летоисчисление, которое должно было существовать наряду с мусульманским. Благодаря жестоким казням ему удалось остановить гражданскую войну. Были введены новые деньги, система мер и весов, а также система налогов. Оплата и содержание армии

также проводились теперь по новому образцу, были реформированы средства сообщения.

Власть монгольских ильханов в Иране была серьезно подорвана принявшим буддизм Аргуном, сделавшим попытку распространить его в своих владениях в качестве официальной религии. При его преемнике Гуюк-хату (1291—1295) религиозная и экономическая ситуация в Иране еще более обострилась. Следующий правитель Газан (1295—1304) понял, что местное население рассматривает монголов как чужаков, и принял ислам. Таким образом, во всех основных частях Монгольской империи происходил неизбежный процесс ассимиляции завоевателей через религию и язык: китаизация потомков Хубилая в Китае, иранизация ильханов в Персии и тюркизация Золотой Орды, которая произошла самыми быстрыми темпами. Но в Золотой Орде уже с конца XIII и особенно с начала XIV в. действовал такой мощный фактор, как существование Московской Руси, взявшей на себя от монголов частично функции администрации и налогообложения на территории русских княжеств. При хане Узбеке (1313—1341) Золотая Орда находилась в апогее своего развития, институализировавшись в рамках исламской цивилизации. Стратегическим партнером Сарая выступила Генуэзская республика, получившая значительные торговые привилегии в Крыму, в то время как Венецианская республика играла похожую роль в политических отношениях с ильханами, что еще больше усиливало соперничество между двумя монгольскими государствами.

Филлипс заключает: «Несмотря на свое инородное происхождение и на недостаточно эффективную власть, ильханы способствовали развитию персидской культуры. Кроме своего языка, они говорили и писали по-турецки, по-персидски и иногда по-арабски. Достойны упоминания их постройки, в том числе обсерватория в Мараге. Во время их правления возник и развился новый стиль изобразительного искусства,

который под влиянием уйгурского и дальневосточного искусств сменил прежний персо-арабский».

В первой половине XIV в. Иран при монгольских властителях переживал культурный подъем. «История завоевателя Вселенной» Рашид ад-Дина остается не только величайшим историческим памятником, но и свидетельством достигнутого при хулагидах уровня развития Ирана и отношения к наукам и искусствам, так же как и творчество Джувейни, Руми и Саади (**Boyle, 1968**). При Абу Саиде (1316—1335) государство ильханов столкнулось с внутренними междоусобицами. Этим воспользовался Джанибек (1342—1357), который распространил власть Золотой Орды к югу от Кавказа. В 1357 г. он захватил Тебриз, где вскоре умер, вероятно от чумы, которая распространялась в это время по Среднему и Ближнему Востоку на своем пути в Европу. Официальной датой прекращения существования Монгольской империи Б. Брентъес и Л. Альбаум предлагают считать 1368 г., когда власть монголов в Китае была свергнута и им на смену пришла династия Мин (**Brentjes, Albaum, 1986, S. 73**).

Во второй половине XIV в. Золотая Орда теряет свои доминирующие позиции в Восточной Европе. Для того чтобы противостоять усилению Москвы, Золотая Орда была вынуждена пойти на союз с Литвой, однако великий князь Дмитрий Донской успел разгромить силы Мамая на Куликовом поле 8 сентября 1380 г. до их соединения с Ягайло. На некоторое время Золотой Орде удалось восстановить свое могущество при Тохтамышше, но тем более ужасным был последующий разгром (**Sinor, 1969, p. 179**). Этот автор считает, что Тохтамыш был способен стать величайшим властителем Золотой Орды; его политический горизонт простирался от Балтийского моря до Египта и Ирана. Он установил дружественные отношения с Польшей и Литвой, стремился создать союз с египетскими мамлюками и устранить стратегическую угрозу Орде со стороны Туркестана (Самарканда) и Ирана,

которые попали под власть Тимура. Первым шагом в этом направлении было подчинение Белой Орды в низовьях Сыр-Дарьи. В 1382 г. он восстановил власть над Москвой. Однако его стратегической ошибкой была поддержка Тамерлана, или Тимура, с которым он пришел в столкновение из-за Кавказа. В 1395 г. он был разгромлен последним и потерял контроль над Ордой, а власть перешла к нечингизиду, как и его покровитель Тимур, Эдиге. Смерть этого фактического правителя Западного улуса бывшей Монгольской державы в 1419 г. стала началом конца Золотой орды. На обломках созданного Бату-ханом государства возникли Крымское, Казанское и Астраханское ханства.

Основателем сепаратного Крымского ханства и династии Гиреев, владевших Крымом до 1783 г., стал Хаджи Гирей (ок. 1441—1466). Вся история этого государства и династии Гиреев была историей балансирования между Османской империей и Россией, где Крым играл своего рода роль буфера. Наивысшей точкой в истории Крымского ханства был период правления Менги Гирея (1469—1475 и 1475—1515), несмотря на то, что при нем Крым признал сюзеренитет Стамбула. При Менги Гирее Крым избавился от влияния генуэзцев и присоединил бывшую столицу Золотой Орды Сарай в 1502 г. Этот момент считается официальным завершением истории Золотой Орды, от которой еще ранее отпало Казанское ханство, а в 1438 г. появилось т.н. Великая Орда. Крымские власти рассматривали себя в качестве законных преемников Золотой Орды и тем самым ее правопреемниками в отношении Руси. Продолжением этой традиции стало вынужденное согласие Ивана Грозного, не способного защитить Москву от Девлет Гирея I, платить дань Крыму. Эта дань выплачивалась вплоть до 1681 г., символизируя вассальное положение московских царей в отношении крымских ханов и турецкого султана. Д. Синор считает, что главной причиной гармоничного сосуществования Крымского ханства и Турции была

языковая общность. Ослабление Великой Порты, начавшееся в конце XVI в., резко уменьшило шансы Крымского ханства сопротивляться давлению со стороны Русского государства.

Оценивая историческую роль Крымского ханства, Синор делает вывод, что в течение более чем двух столетий оно играло выдающуюся роль в международных отношениях в Восточной Европе. Крымская конница широко и эффективно использовалась Турцией и Польшей против России, Швеции, германских государств и Венгрии. Но крымские ханы были не только правителями солдат, но и покровителями наук и искусств. Керим Гирей, приказавший перевести «Тартюфа» Мольера на крымско-тюркский язык, сочетал в себе признаки как восточного деспота, так и просвещенного правителя в стиле Екатерины Великой и Фридриха Второго (**Sinor, 1969, p. 184**).

Казанское ханство возникло в результате междуусобиц внутри Золотой Орды в середине XV в. Официальной датой институализации Казани можно считать 1445 г. Казанское ханство было многонациональным государством, в котором жили не только тюркофоны, но и финно-угорские народы (черемы и мордва), а монгольский элемент к этому времени полностью растворился в тюркской среде. Казанское ханство с 1445-го до 1487 г. поддерживало дружеские отношения с Крымским ханством и Турцией. Однако остается непонятным, размышляет Синор, почему они позволили попасть Казанскому ханству в орбиту русского влияния и впоследствии быть завоеванным русскими. Согласно источникам, внутри казанской элиты боролись два лагеря — промосковский и прокрымский. Представитель прокрымского лагеря Сахиб Гирей стал в 1521 г. казанским ханом и признал сюзеренитет Стамбула. Однако население Казани враждебно относилось к крымской армии, и с третьей попытки армия Ивана Грозного захватила столицу ханства в 1552 г. Это было, как отмечает Синор, событие величайшего значения в русской

истории. В 1556 г. Иван Грозный подчинил Астраханское ханство, возникшее девятнадцать лет назад при хане Касыме (1466—1490). Астрахань имела большое экономическое значение как важный транзитный пункт на Волге. Синор считает, что эти государства — наследники Золотой Орды имели мало шансов на выживание. Последний властитель Астрахани Дервиш Али был лишь номинальным владыкой, «марионеткой в руках русского царя» (Sinor, 1969, p. 186).

Филлипс считает, что на долю улуса Джагатая выпало гораздо больше неприятностей и беспокойств, чем на долю какой-либо другой части Монгольской империи. Это случилось не только из-за того, что его окружали более могущественные и влиятельные соперники, но и из-за разительного контраста между оседлым мусульманским населением в западной части и кочевниками в остальных районах. Фактически его подстерегала та же нестабильность, что до него была характерной чертой государства хорезмшахов и каракиданей. На западе, в пустыне, находились бассейны рек Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи, хотя в нижнем течении они принадлежали улусу Джучи.

Там были такие великие города, как Бухара и Самарканд, выстроенные заново после разрушения. В восточной части, за исключением обработанных земель реки Или, Семиречья и оазиса в бассейне реки Тарим, раскинулись степи, подходящие для кочевого скотоводства. Орда Джагатая и его непосредственных преемников в течение года переезжала по плодородной долине Или в зависимости от сезона.

Джагатай отличался среди остальных монголов суровостью и непоколебимостью. Он был настроен резко против ислама, но покровительствовал христианству и буддизму. Джагатай сместил Махмуда Ялавача, но назначил сына Махмуда, Масуд-бека, управляющим сельскохозяйственными землями Средней Азии от Уйгурии до Хорезма, каковые обязанности тот исполнял, несмотря на смену ханов, вплоть до 1289 г.

После смерти Джагатая правил его внук Кара Хулагу, пока великий хан не поставил вместо него Есу Мункэ, сына Джагатая. Но когда великим ханом стал Мункэ, он вновь поставил правителем этого улуса Кара Хулагу, потому что Есу Мункэ выступил против него на стороне сыновей Угэдея. В то же время великий хан сместил всех военачальников, которые были его врагами, и занял своими личными войсками всю территорию между Каракорумом и Бишбалыком.

Кара Хулагу умер, оставив улус без собственного хана. После смерти Мункэ Арик Богэ послал сюда другого внука Джагатая, Алгуя, чтобы тот занял улус для него. Алгуй взял руководство на себя, но не стал передавать улус Арику Богэ. Тогда Арик Богэ пошел на Алгуя войной, но не мог добиться победы, пока Алгуя не покинули его военачальники, а самому ему ничего не оставалось, как подчиниться Хубилаю.

Хубилай признал Алгуя ханом улуса Джагатая. Но его не признавали золотоордынский хан Берке и Кайду, большой враг Хубилая, располагавшийся на северо-востоке. Алгуй умер в 1265 г., и его сменил Мубарак-шах, сын Кара Хулагу, принявший ислам. Поскольку смена ханов произошла без ведома Хубилая, великий хан послал двоюродного брата Мубарака, Борака, чтобы тот сместил своего родственника. Бораку это удалось, но он сам без ведома Хубилая объявил себя ханом. Хубилай послал войско, которое было разбито. Тем временем Кайду, наследник Угэдея, захватил Семиречье. В 1269 г. Борак и Кайду договорились о том, что старшим правителем будет Кайду.

После этого Кайду стал вести себя в Средней Азии так, как будто он великий хан, по очереди сражаясь против Хубилая, ильханов и даже против Золотой Орды, тем самым усугубляя процесс раскола Монгольской империи. Сын Кайду, Чапар, не смог удержать власть, и более авторитетным правителем стал Тува из рода Джагатая. После смерти Тувы власть захватил его сын Копек, хотя ханом назначили другого сына, Эсена Богэ.

Правители из рода Джагатая вернули себе большую часть земель, захваченных Кайдунцами, но авторитет Эсена Богэ пошатнулся из-за не очень удачных войн против Юаней и ильханов, к которым перешел его наследник Ясавур. Следующим ханом стал Копек. Он и его преемники постепенно все больше интересовались своими мусульманскими владениями.

Брат Копека, Тармаширин, принял ислам, и в 1334 г. его свергли восставшие монголы. Среди поздних правителей Дженкши и Есун Тимур более благосклонно относились к своим подданным-монголам и проживали в Алмалыке на реке Или. Они также хорошо приняли католических миссионеров. Есуна Тимура сменил ревностный мусульманин Али-Султан, преследовавший христиан. Ханам продолжали становиться представители рода Джагатая, несмотря на соперников из числа мусульман, тюрков и монголов, но их власть уменьшалась. После 1360 г. джагатайских ханов сверг Тимур, монгол не из рода Чингис-хана, после чего началась история очередной великой империи. Но поскольку свои походы Тимур предпринимал в основном против Западной Азии и Индии и умер до того, как смог повернуть на восток для завоевания Китая, род Джагатаев в восточной части его империи некоторое время сохранялся.

Филлиппс заключает: после падения династии Юань первые императоры из династии Мин охотно принимали в ряды своих войск пленных или сдавшихся монголов. Они по возможности старались оставлять их в тех же войсках, где они служили и раньше, и даже сохраняли за ними руководящие посты, если они не были слишком высокими. Судя по всему, эти монголы вместе с членами своих семей образовывали особые военные поселения. На северной границе были расположены заставы из монголов, перешедших на сторону правящей династии из степи.

Эти иммигранты шли из обедневшей и страдавшей от междоусобиц Монголии, где ханы-чингисиды постепенно

теряли влияние, а местные правители объявляли о своей независимости и вели войны. Вместе с тем все опасались нашествия китайской армии. Военную мощь монголов, начиная с XV в., сдерживало огнестрельное оружие в руках китайцев и русских. Находясь в отдаленных районах северной Центральной Азии, они не могли приобрести или изготовлять новые типы оружия. В этом отношении им повезло куда меньше, чем туркам, которые в то время, когда распалась Золотая Орда, стали ведущей военной силой в Западной Азии и Восточной Европе.

Другой причиной упадка их военной доблести можно назвать обращение в буддизм ламаистского толка. Вместо того чтобы становиться воинами, многие монголы становились ламами. Такова история Монголии до тех времен, когда они оказались буквально зажатыми между последней китайской императорской династией Цин и Российской империей, т.е. между двумя активно наступающими силами, чего раньше никогда не было. Тогда же кочевники перестали представлять угрозу для оседлой цивилизации.

Ближайшая аналогия — победоносное распространение ислама, также посредством армий кочевников, обладающих фанатической преданностью своей идее и превосходной дисциплиной. Но все же у арабов была религия, создавшая особую цивилизацию, которую не смогли разрушить даже монголы и которая надолго пережила власть монголов. Поэтому роль войск Чингис-хана несравнима с ролью приверженцев ислама, и они не знаменовали собой наступление новой эры в истории человечества. В наши дни монголы не забыли величие своих предков, но у них теперь иные заботы и они не хотят, чтобы их воспринимали наследниками воинственных варваров, — заключает Филлипс.

Монгольская эпоха стала фундаментом для создания т.н. евразийской теории Г. Вернадским, знаменитым ученым-

естествоиспытателем, профессором Йельского университета. Эта концепция была изложена им в третьем томе его «Истории России» (1953), который посвящен татаро-монгольскому периоду (XIII—XV). В этом фундаментальном исследовании, основанном на превосходном знании источников русской дореволюционной, советской и западной литературы, оригинально трактуется влияние монгольского, или монголо-тюркского правления на формирование российского государства. Суть концепции Вернадского лежит в признании за монголами приоритета в создании евразийской исторической общности. Автор сформулировал основные аспекты воздействия монголов на государственность, экономику, социальные отношения и культуру завоеванных русских княжеств. Вернадский исходит из того, что во время монгольского нашествия были уничтожены городские демократические институты Восточной Руси, которые процветали в Киевский период. Сотрудничество между монголами и князьями против политического института вече в городах привело, согласно Вернадскому, к формированию на Руси нового, более авторитарного и деспотического типа правления, которое было адекватно ордынской форме государственности. Однако Орда, отмечает Вернадский, упорно сопротивлялась укреплению какого-либо княжества, и только чрезвычайные обстоятельства заставили Тохтамыша, а затем его преемников согласиться на территориальное увеличение Московского княжества.

Другим важным для укрепления российской государственности шагом, делает вывод автор, было признание монголами династических прав русских князей (Рюриковичей, Гедиминовичей и др.) согласно принципу одного правящего дома. Оно подкреплялось ханским пожалованием (ярлыком) и облегчило признание русскими монгольского сюзеренитета. Кроме того, ханы обладали верховной судебной властью над русскими княжествами; Русская Православная Церковь

была защищена ханским ярлыком от любых посягательств на ее права и привилегии. Все эти элементы политической жизни Орды и Руси постепенно, как кирпичики, сложились в фундамент того, что Вернадский называет «евразийской общностью». После ослабления Орды естественной стала большая автономизация русских земель, однако русские князья посчитали удобной для себя монгольскую систему управления и оставили ее без изменений. На основе монгольских принципов была создана в конце XIV — начале XV в. великокняжеская система налогообложения и организация армии (Vernadsky, 1953).

Представляют интерес работы о внутреннем устройстве и функционировании государственного аппарата в ядре Монгольской империи. Дж. Бойл на основе тщательного анализа источников (Джувейни, Рашид ад-Дина, Плано Корпини и Гийома де Рубрука) дал схему ежегодных передвижений ставки великого кагана Угедея и описал ханские охотничьи угодья, его дворцы и поместья. В начале весны ханский двор еще находился в Каракоруме, откуда потом направлялся к озерам Орхона, которые славились обилием водоплавающей дичи. В июне хан Угедей возвращался в Каракорум, откуда потом откочевывал в места восточнее горной гряды Урмегету между Орхоном и Хогшинголом. Почти весь осенний и зимний периоды Угедей путешествовал со своей ставкой по территории, лежащей к северу от Онжина, его зимней резиденции и в охотничьих угодьях на алтайском Гоби. Наконец, к исходу зимы ханский двор возвращался в летнюю резиденцию в Каракоруме. Обилие географических и этнографических названий, дающихся в персидской, тюркской и китайской интерпретациях, позволяет представить сложную систему внутрисосударственных отношений в период расцвета монгольской державы во всей ее полноте (Boyle, 1972).

Возвратиться к причинам неожиданного с традиционной научной точки зрения нашествия монголов заставляет статья Г. Дженкинса, который поставил задачу дать естественнонаучное обоснование теории, объясняющей этот феномен климатическими условиями. Автор отмечает, что мнения историков различны. Одни находят причину в «психологическом взрыве» наподобие религиозного фанатизма арабов в VIII в., в превосходстве военной структуры, в технике перевозок и снабжения, другие — в превосходстве монгольской конницы и т.д. Но ни одна из этих теорий, считает автор, не может объяснить первопричины массового переселения народов. Г. Дженкинс высказывается в пользу теории, выдвинутой Э. Хантингтоном и О. Латтимором. Суть ее состоит в том, что изменение климатических условий (похолодание и засуха) вынудили многочисленные кочевые племена искать новые благоприятные земли путем завоевания чужих территорий и вытеснения других народов. Исторические свидетельства, считает этот автор, говорят в пользу данной концепции.

Дженкинс построил графическую таблицу с метеорологическими данными в условиях Монголии с 1175-го по 1260 г. Эти данные автор делит на четыре категории: 1) сведения о Норвежской снеговой границе, охватывающие период приблизительно с 5000 г. до н.э. и до настоящего времени; 2) гляциометрическое описание Исландских, Швейцарских ледовых полей и ледовых полей Аляски с 1500 г. до н.э. и до наших дней; 3) выборка фактов по письменным источникам и местным географическим справочникам Северного Китая о погодных условиях в данном районе; 4) сообщения о климатических изменениях на северо-востоке и на севере Центральной России в период с 850-го по 1700 г. Анализируя эти данные, Дженкинс делает два основных вывода: 1. На территории Монголии с XII по XIII в. наблюдалось резкое изменение климата, повлекшее за собой похолодание и засуху. 2. Перемена погоды способствовала окончанию между-

усобных войн и кровной мести среди монгольских племен и ускорила процесс их объединения под единой властью Чингис-хана. В то же время Дженкинс отмечает в своей статье, что прокомментированная им концепция не является абсолютной единственно правильной при объяснении истории монгольских завоеваний. Климатический фактор он предлагает рассматривать как один из обоснованных доводов наравне с другими (**Jenkins, 1974, p. 226**).

§ 3. Золотая Орда и ее наследники

Одним из основных источников по истории Золотой Орды является энциклопедический труд ал-Калкашанди. Средневековый египетский ученый, автор последней большой энциклопедии мамлюкской эпохи Шихаб ад-Дин Абу-л-Аббас Ахмад ибн Али ал-Калкашанди (1355—1418) был широко известен в мусульманском мире на протяжении столетий. Европейские ученые достаточно близко познакомились с основным литературным трудом его жизни в XIX в. В 1879 г. содержание его энциклопедии было суммарно изложено немецким арабистом Г.Ф. Вюстенфельдом. В 1884 г. извлечения из энциклопедии ал-Калкашанди, относящиеся к Золотой Орде, были напечатаны по-арабски и в переводе на русский язык востоковедом В.Г. Тизенгаузенем (**Тизенгаузен, с. 395—416**)¹⁵⁰.

Только в 1913—1919 гг. стараниями египетского ученого Ахмеда Зеки в Каире была полностью опубликована 14-томная энциклопедия ал-Калкашанди под названием «Субх ал-аша фи синаат ал-инша» («Заря для подслеповатого в искусстве писания»). Следствием этого издания явилась монография (1928) шведского арабиста В. Бьёркмана о труде

---

¹⁵⁰ См.: Григорьев А.П., Фролова О.Б. Географическое описание Золотой Орды в энциклопедии ал-Калкашанди // Тюркологический сборник. — М.: Наука, 1986. — С. 261—280.

ал-Калкашанди. Она и по сей день сохраняет свое значение надежного ключа к всестороннему анализу произведения ал-Калкашанди.

В своем построении энциклопедия распадается на десять больших отделов, неравномерных по величине и не совпадающих с разделением по томам. Работу над своим трудом ал-Калкашанди начал в 1389 г., а 14-й том закончил в 1412 г. Отдельные вставки он продолжал делать до самой смерти. Географические сведения разнообразного характера встречаются во всем произведении ал-Калкашанди. Второй отдел его труда, занимающий 3—5-й тома, посвящен им целиком. Он представляет собой, в сущности, самостоятельный историко-географический очерк, центром которого является мамлюкский Египет, и все изложение как бы концентрируется вокруг него. Первое место среди стран, не подчиненных мамлюкам, отводится «землям Чингис-хана», т.е. монгольским владениям, с разделением их на две большие группы — Иран и Туран. Вторую группу автор делит на три части, причисляя к первой Мавераннахр и Туркестан, ко второй — Хорезм и Кипчак, к третьей — владения великого монгольского хана.

Вторая часть Турана названа ал-Калкашанди государством Хорезм и Кипчак. Именно эта часть представляет собой географическое описание территории государственного образования, получившего в современной науке наименование Золотая Орда. Труд ал-Калкашанди в целом и интересующее нас описание в частности — это, конечно, компиляция, но компиляция широкого размаха. Что касается описания территорий Золотой Орды, то здесь ал-Калкашанди использовал, прежде всего, работы своих знаменитых предшественников, писавших в XIV в. На первом месте следует назвать труды ал-Умари (1301—1349). Его 32-томная энциклопедия «Ма-салик ал-абсар фи мамалик ал-амсар» («Пути взоров по государствам крупных центров») и сочинение «ат-Тариф би-л-мусталах аш-шариф» («Ознакомление с принятым вы-

соким стилем») служат костяком для всего описания ал-Калкашанди.

Общее название описания ал-Калкашанди: «О части второй государства Туран — [государстве] Хорезм и Кипчак». Иными словами, собственно Золотую Орду автор называет двойным именем — Хорезм и Кипчак. Это наименование представляется более глубоким по содержанию, чем его осознал сам составитель энциклопедии. Дело в том, что в Золотой Орде, так же как и в Монгольской империи XIII в., в целом государственное административное деление повторяло традиционное деление монгольской армии на центр и два крыла (Трепавлов, с. 96—102). Центр, возглавляемый ханом-Чингисидом, управлял крыльями, предводителями которых являлись наиболее авторитетные родовые князья-нечингисиды.

При ханской ставке в центре значилось правительство, включавшее четырех князей-нечингисидов, называемых в Орде карачеями. Двое из них были главами правого и левого крыла. Естественной границей между территориями расселения крыльев в Золотой Орде и одновременно ее центром служила река Волга, на берегах которой в середине XIV в. располагались исторически сложившиеся ханские резиденции — Сарай и Новый Сарай. Территория расселения племен правого крыла, вследствие принятой у монголов ориентации на юг, простиралась на запад от Волги. Ее экономическим центром и ставкой главы правого крыла был город Крым (Старый Крым).

Персидский поэт и путешественник Насир-и Хусрау (1003—1088) в своей «Сафар-наме» («Книге путешествия») первым в истории обозначил бескрайние степи, по которым от Алтая до Волги кочевали племена кипчаков, термином «Дешт-и Кипчак» — «Кипчакская степь». Так было в середине XI в. Через столетия кипчаки мигрировали на запад — за Волгу. Русские письменные источники знали кипчаков только под именем половцев. Причерноморские степи стали

Половецким полем русских летописей. В начале XIV в. персидский историк и географ Хамдаллах Казвини (ок. 1281—1349) объявил миру, что волжско-донские степные просторы, ранее называвшиеся Хазарской степью, давно уже стали Дешт-и Кипчаком (**Кляшторный, Султанов, с. 130—132**). Именно половцев-кипчаков завоевали кочевники монголы в XIII в., распределив степные племена по крыльям. В XIV в. произошел процесс языковой ассимиляции монголов, поселившихся на тюркских землях. Кипчакская степь еще на несколько столетий сохранила свое название.

Земли ордынских племен левого крыла раскинулись далеко на восток от Волги. Их экономическим центром и ставкой главы левого крыла являлся город Ургенч (Куня-Ургенч) в Хорезме. Так и случилось, что двусоставное государство дома Джучи получило в восточных источниках наименование Хорезм и Кипчак.

Обозначив таким образом основное название своего описания Золотой Орды, ал-Калкашанди обращается к будущим читателям с кратким, но достаточно информативным вступительным словом. В нем дается общая характеристика страны с точки зрения ее потенциального торгового партнерства с мамлюкским Египтом. Ее население в целом также рассматривается в плане возможного использования его в качестве военных союзников. Затем столь же кратко сообщается о непрекращающемся «древнем союзе и доброй дружбе» между владыками обоих государств от начала 60-х гг. XIII в. «и до последнего времени». Тут же автор приводит пример пика в развитии мамлюкско-ордынских дипломатических связей в правление Узбека — династийный брак мамлюкского султана в 1320 г.

Описание ал-Калкашанди подразделяется на восемь неравных по величине сводов. За вступительным словом следует «Свод первый, повествующий о границах и протяженности этого государства». Он вдвое превышает по своему

объему вступление и содержит данные из трудов ал-Умари, Ибн Хаукала и ал-Мухаллаби о крайних пределах Золотой Орды. Территория страны представляется ал-Калкашанди в виде широкой полосы. Он дает понятие о ее длине с запада на восток (также и с востока на запад) и ширине с севера на юг (также и с юга на север). Длина и ширина страны определяются путевыми мерами — числом месяцев, за которые торговый караван пройдет то или иное расстояние. В других случаях те же параметры определяются лишь указаниями крайних пунктов, хорошо известных средневековым арабским купцам, но не всегда знакомых сегодняшнему исследователю. Так, крайним западным пределом страны называется Стамбульское море. Судя по контексту, речь идет о целой водной системе, омывающей полуостров Малая Азия с севера и северо-запада, — проливе Босфор, Мраморном море и проливе Дарданеллы. Средиземное море называется Румским морем.

«Свод второй, повествующий о включенных в него известных округах», по объему превосходит все остальные своды, вместе взятые. Объясняется это, прежде всего, тем, что он состоит из отдельных рассказов о десяти известных составителю летописи округах (иклим). Как правило, отмеченные ал-Калкашанди округа полностью соответствуют военно-административным единицам Золотой Орды, которые управлялись темниками (командирами 10-тысячных отрядов) и назывались ордынцами тюменами, а русскими — тьмами. Несомненно, тюменами были округа Хорезм, Крым, Азов, Черкес, Булгар и Ас. Что касается округов Хазар и Улак, то включение их в административное деление Золотой Орды второй половины XIV в. представляется явным историческим анахронизмом. Округ Дешт-и Кипчак, обозначенный ал-Калкашанди как управленческий центр государства, ордынцами, видимо, так не назывался и включал в себя несколько тюменов. Округ Рус — весьма расплывчатое обозна-

чение всех древнерусских земель, которые подразделялись на десятки княжеств. Каждое княжество однозначно воспринималось ордынцами как тюмен. Но ал-Калкашанди и его арабоязычные предшественники об этом не ведали.

Рассказ об округах начинается с пространного описания Хорезма. Здесь составитель энциклопедии привлек свидетельства практически всех авторов, труды которых послужили ему источниками для географического описания Золотой Орды. Так, ал-Калкашанди аккуратно цитирует ал-Умари, Абу-л-Фида, Йакута, Ибн ал-Асира, ас-Самани, ал-Бируни, Ибн Хаукала, ал-Мухаллаби, Птолемея и неведомый нам труд «Музил ал-иртийаб». Изложение строится по схеме: название округа, его арабское написание, его местоположение и пределы, его столичные и другие города, написание их названий, географические координаты в градусах долготы и широты, местоположение, краткие исторические и военные характеристики, достопримечательности, упоминания о соседних городах и странах.

Описание второго округа Дешт-и Кипчак по объему на треть уступает первому. Но дело не только в этом. В рассказе об округе ал-Калкашанди ссылается на труды лишь двух авторов — ал-Умари и Абу-л-Фида. Оказывается, что названные авторы знали о Дешт-и Кипчаке крайне мало. Практически о пределах округа и других его населенных пунктах, кроме столицы, в описании ничего нет. Содержание рассказа о нем ограничивается некоторыми свидетельствами очевидцев о Сарае и рядом этнографических наблюдений о тюрках, составлявших основную массу населения округа. Добрую половину рассказа занимает восторженный панегирик автора тюркам Дешт-и Кипчака, внесшим действительно выдающийся вклад в историю Египта, начиная со времен айюбидского правителя ал-Малика ас-Салиха Наджм ад-Дина Аййуба (1239, 1245—1249) и кончая началом правления мамлюкского султана аз-Закира Сайф ад-Дина Баркука (1382—1389).

Название третьего округа — «страна Хазар», или Хазария, воссоздано ал-Калкашанди по позднейшим обработкам трудов ас-Самани и Птолемея. «Округ четвертый — Крым» — типичный ордынский тюмен, о котором средневековые арабские авторы были прекрасно осведомлены, ибо мамлюкский Египет со времени создания Золотой Орды поддерживал разного рода контакты, прежде всего, с Крымом. При его описании составитель энциклопедии ссылается только на Абу-л-Фида и Ибн Сайда, и все равно его очерк получился весьма информативным. Правда, ал-Калкашанди практически ничего не знает о границах округа. Отметим еще, что Чёрное море называется здесь Крымским морем. Представляет интерес замечание ал-Калкашанди о населении города Судака как о «смеси народов и религий» и об истоках христианства в нем. Материалы о христианстве кипчаков-половцев Судака в XIII—XIV вв. сохранились в рукописных заметках XII—XV вв., сделанных на полях греческого синаксаря XII в.

«Округ пятый — край Азова» составляет в описании ал-Калкашанди лишь четвертую часть от рассказа об округе четвертом. Составитель ссылается только на сведения Абул-Фида. По существу, здесь дается характеристика двух городов округа — Азова и Керчи. Информация о последнем особенно важна. В современной научной литературе указания на то, что Керчь административно входила в Азовский тюмен, отсутствуют.

«Округ шестой — страна Черкес», или Черкесия, занимает в описании ал-Калкашанди вдвое меньше места, чем рассказ об округе пятом. Письменным источником для составителя послужила «Летопись» Абу-л-Фида. При описании округа не отмечено ни границ, ни населенных пунктов, лишь несколько слов сказано о его населении — черкесах.

«Округ седьмой — страна Булгар», или Булгария, по занимаемому в описании ал-Калкашанди месту может сравниться

со вторым и четвертым округами. Составитель ссылается на свидетельства у ал-Умари (в двух трудах его), Абу-л-Фида, ал-Масуди и Птолемея. После прочтения рассказа становится очевидным, что ал-Калкашанди посвятил описанию ордынского тюмена Булгар, т.е. Волжской Булгарии, не более трети заявленного места. Собственно, он рассказал только о местоположении города Булгара и передал легендарные известия о соотношении дня и ночи в тех краях.

Оставшиеся две трети рассказа ал-Калкашанди отвел повествованию о начале дипломатических связей Египта с объединенным государством Сербии и балканской Болгарии (которое было создано в 1330 г. и фактически распалось в 1356 г.) и установлении вассальной зависимости второго от первого.

«Округ восьмой — страна Улак», или Валахия, описывается ал-Калкашанди на основании свидетельств Абу-л-Фида и Птолемея. Историческая область нынешней Румынии княжество Валахия действительно образовалось в качестве отдельного государства около 1324 г. Однако составитель описания говорит здесь не о ней, а о Болгарии с ее исторической столицей Тырново и жителями «бургалами». Среди других городов округа назван городок Исакча, расположенный в нижнем течении Дуная, на правом его берегу (в 30 км западнее Тулчи). В XIV в. город входил в состав самостоятельного болгарского княжества Добруджи, территория которого в XI—XII вв. находилась под властью Византии.

«Округ девятый — страна Ас», или Алания, представлял собой ордынский тюмен на западе Крымского полуострова. Составитель руководствовался при его описании только свидетельствами Абу-л-Фида.

«Округ десятый — страна Рус», естественно, привлечет внимание отечественных историков. Составитель использовал здесь свидетельства ал-Умари и обоих трудов Абу-л-Фида, из которых явствует, что известные им арабские куп-

цы, торговавшие с мусульманскими округами Золотой Орды, о пределах страны Рус и ее обитателях имели самое общее представление. На территории страны не назван ни один город.

Единственное подлинно великое озеро, отмеченное ал-Калкашанди в Золотой Орде, — Хорезмское (Аральское море). Оно было давно известно восточным авторам. Потому и его краткое описание не страдает заметными неточностями.

«Свод четвертый — о путях, ведущих в это государство» — вчетверо меньше по объему, чем третий. Его источниками для составителя являются труды ал-Умари и Абу-л-Фида. Вначале ал-Калкашанди прослеживает путь по суше от южной границы Хорезма до Сарая, а затем — путь по морю от египетских портов Александрии и Дамииетты — через Средиземное море, систему проливов, Чёрное и Азовское моря — до Азова.

«Свод шестой — относительно денежного обращения и цен», составленный на основании материалов названного труда ал-Умари, по объему вдвое больше свода пятого, а по содержанию полностью соответствует своему названию. Составитель начинает с указания на то, что серебряные монеты Золотой Орды имеют одинаковое хождение и на территории хулагуидского Ирана. Дело в том, что в правление монгольского ильхана Махмуда Газана (1295—1304) в Иране была проведена денежная реформа. Вместо разнообразных денег, чеканившихся в различных областях, была введена единая для всего государства серебряная монетная система. Денежной единицей являлся дирхем. Шесть дирхемов составляли динар. Эта единая монетная система оказалась настолько удобной, что вскоре была введена и в других государствах Чингисидов — в Золотой Орде и Чагатайском улусе.

«Свод седьмой — относительно известий о владыках этого государства» — в три с половиной раза превышает по объ-

ему свод шестой. Вначале ал-Калкашанди дает в нем исторический очерк округа Хорезм до монгольского нашествия. В очерке перечислены верховные владыки и их непосредственные представители на территории Хорезма — наместники. Список имен открывают Газневиды Иамин ад-Даула Махмуд (998—1030), Шихаб ад-Даула Масуд I (1031—1041) и их наместники — хорезмшахи Харун ибн Алтунташ (1032—1034) и Исма-ил Хандан ибн Алтунташ (1034—1041). Список венчает имя огузского правителя города Дженда Шах-Малика ибн Али, захватившего Хорезм в 1041 г.

Затем рассказывается о новых верховных правителях Хорезма — Сельджукидах из Великих Сельджуков. Приводятся имена: Рукн ад-Дунйа ва-д-Дин Тогрул I (1038—1063), Рукн ад-Дин Баркйарук (1094—1105), Муизз ад-Дин Санджар (1097—1157). После них перечисляются хорезмшахи: Ануштегин Гарачаи (ок. 1077—1097), Ала ад-Дин Атсыз (1127—1156), Иль-Арслан (1156—1172), Ала ад-Дин Текиш (1172), Султан-шах ибн Иль-Арслан (1172—1193) и Ала ад-Дин Мухаммад (1200—1220).

Покончив с рассказом о предыстории Золотой Орды, ал-Калкашанди приступает к обстоятельному повествованию о правлении ханов-Чингисидов. Только теперь составитель начинает аккуратно указывать на источники своих сведений. Ими оказались летопись Ибн Халдуна, оба труда ал-Умари и анонимное продолжение исторического сочинения Ибн ал-Асира.

Представив последовательный ряд ордынских ханов от Джучи до Токты, составитель прерывает свое изложение рассказом о том, как тот же ряд ханов выглядит в летописи Ибн Халдуна. Последний доводит хронологию событий до смерти Токтамышша от руки Тимура. Ал-Калкашанди довольно резко высказывается против слов Ибн Халдуна о победе Тимура над Токтамышем и смерти его от руки Тимура.

Имена ордынских ханов в энциклопедии ал-Калкашанди зачастую искажены. Правильное написание монгольских и

тюркских имен этих ханов восстановить не так-то просто. Общепринятого их написания в науке до сих пор не существует. Итоговый список имен ордынских ханов, названных ал-Калкашанди: Багу (1227—1255), Сартак (1255—1256), Берке (1258—1266), Менгу-Тимур (1267—1280), Тодан-Менгу (1280—1287), Толебуга (1287—1291), Токта (1291—1312), Узбек (1313—1341), Джани-бек (1342—1357), Бердибек (1357—1359), Абдаллах (1361—1370), Эль-бек (1373—1374), Урус (1374—1375), Каганбек (1375—1377), Токтамыш (1378—1395).

Как известно, этот список не является полным. Годы, отмеченные нами в скобках после имени Уруса, являются не годами его правления в целом, а лишь временем пребывания этого хана Восточной Орды в Поволжье. Составитель включил в число ордынских ханов троих сановников, которые ханами не были и быть ими не могли, ибо по своему рождению не принадлежали к Чингисидам. Кутлуг-Тимур (ум. 1335), женатый на сестре Токты, занимал при хане пост беклербека. При Узбеке он сохранял этот пост до 1321 г., когда был переведен в наместники Хорезма. Мамай (ум. 1380) являлся зятем Бердибека, а с 1362 г. фактически возглавлял созданную им Мамаеву Орду, формально будучи лишь беклербеком при подставных ханах из рода Узбека, первым из которых числился Абдаллах. Салчи-Черкес (или Черкесбек) — личность весьма загадочная. Не являясь Чингисидом, он все-таки чеканил от своего имени медную монету в Хаджитархане (Астрахани) незадолго до утверждения в Сарае Токтамышша.

Вторую половину седьмого свода ал-Калкашанди посвящает рассказу об утверждении в Золотой Орде ислама от времени Берке до Узбека. При этом он отмечает частый отход последующих ордынских ханов от основ шариата в сторону следования Ясе Чингис-хана. Специальное место отводится внутренней политике ханов в отношении иноязычных под-

данных — черкесов, русов и асов. Раздел о внешней политике посвящен взаимоотношениям Золотой Орды с Византией.

Заключительный «Свод восьмой — относительно размеров воинства этого государства, устройства его управления, размеров жалования, назначаемого [его воинам], и [формы] их одежды» уже в пространном заголовке полностью раскрывает свое содержание. Передается это содержание в соответствующих четырех подразделах. В качестве единственного источника своих сведений ал-Калкашанди называет энциклопедию ал-Умари. Составитель дает понять, что число воинов ордынской армии настолько велико, что не поддается никакому учету. Причем ордынские всадники были прекрасно обеспечены заводными лошадьми, людской обслугой и продовольствием.

Управление страной базировалось на необходимом числе князей-военачальников, соответствующих законам и штате государственных служащих. Чиновники, названные ал-Калкашанди эмиром улуса и везиром, являлись, как уже сказано, высшими должностными лицами в правительстве при хане — беклербеком (или улугбеком) и везиром. Первый из них распоряжался всеми делами, касавшимися ордынской армии, и командовал войсками правого и левого крыла, а второй ведал государственной казной, вопросами внешних сношений и комплектовал штат государственных служащих. Оба этих сановника уступали в своих властных функциях таковым же в правительстве хулагуидского Ирана. Впрочем, по словам ал-Калкашанди, и сам ордынский хан не мог сравниться с хулагуидским ильханом по части доходности и благоустроенности своих земель. Зато жены ордынских ханов, удивлялся мусульманский автор, принимают самое активное участие в делах управления. В этом отношении супруги хулагуидских правителей уступали ордынским.

Завершается свод коротким рассказом об ордынском воинском облачении. На этом и заканчивается компактное опи-

сание Золотой Орды в энциклопедии ал-Калкашанди. По своему содержанию это описание далеко выходит за рамки только географического. В нем немало сведений исторических, этнографических и мн.др. И все же оно, прежде всего, географическое, выполненное, как мы теперь бы сказали, «кабинетным ученым» на основании письменных свидетельств его предшественников, сведения которых, уходя иногда в глубь веков, не выходили за рамки XIV в.

Ю. Филлипс в своей книге посвящает специальную главу Золотой Орде. Сменив своего отца Джучи, в качестве кипчакского хана Бату унаследовал обширные владения, простиравшиеся от Арала до Восточной Европы. К моменту его смерти в результате всех военных походов западная граница проходила от устья Дуная на север через Карпаты до Холма (совр. Хелм в Польше) и Люблина, а затем на северо-восток до Финского залива и Ладожского озера. Неопределенная северная граница пролегла вдоль лесов, пока он не присоединил верховья Оби. Восточная граница шла на юг от Оби через Иртыш до низовий Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи. Южная граница шла от Аму-Дарьи на запад до берега Каспийского моря залива Кара-Богаз-Гол, а от западного берега Каспия от Терека на юг и затем на север до Чёрного моря.

Не все эти территории подчинялись непосредственно хану. За линией от Нижнего Новгорода до точки к югу от Львова располагались владения русских князей; в северном Хорезме часто бывали свои управляющие, а Кавказ едва признавал его главенство. Некоторое влияние хан оказывал и на Болгарию.

Таким образом, улус Бату охватывал большую часть плодородных степей, столь желанных для кочевников, но, за исключением Хорезма и русских княжеств, в нем не было больших городов и обрабатываемых земель. В этом отноше-

нии он походил на улус Джагатая и отличался от империи Юань и государства ильханов. Среди кочевников было гораздо больше тюрков, чем монголов, и говорили они тоже, соответственно, на тюркском языке, хотя монгольский язык использовался для официальных целей, например для ханских «ярлыков». Впоследствии русские стали называть всех кочевников «татарами», поэтому многие авторы называют монголов в России «татарами». Кочевая орда Бату и его преемников располагалась в низовьях Волги, но постоянной столицей считался город Старый Сарай, или Сарай-Бату, на Волге, который сменил Новый Сарай, или Сарай-Берке, выше по течению. Эти города были построены татарами, управлялись ими и зависели исключительно от татар.

Азиатскими территориями управлял старший брат Бату Орда, которому подчинялись другие братья, Шибан и Тоган Тэмур, а после — их наследники. О них мало что известно, за исключением тех моментов, когда они вмешивались в распри русских князей. Итальянские торговые поселения в крымских Кафе (совр. Феодосия), Судаке и Керчи продолжали принадлежать генуэзцам и венецианцам. Им была предоставлена некоторая независимость в обмен на услуги. Итальянцы проживали также и в Сарае.

Среди русских княжеств Бату подчинил себе Смоленское, Черниговское, Северское, Переяславль-Новое, Муромское, Рязанское и Ростово-Суздальское на востоке; на западе — Новгородское, Полоцкое, Волынское, Галицкое, Киевское и Минское. При дворе князей находились «даругачи» или «баскаки» — политические представители монголо-татар и сборщики дани. Сначала для сбора дани татары посылали мусульман из Хорезма, но потом заменили их, поскольку тех ненавидели.

Осуществляя общее руководство над завоеванными землями, татары следили за тем, чтобы русские князья продолжали ссориться между собой и не заключали союзов. Одному из князей жаловался титул великого князя, и его татары в

любой момент могли отобрать и передать другому. Интересы князей и бояр отличались от интересов крестьян и горожан, и иногда правители даже стремились выслужиться перед татарами, если их власть не была слишком обременительной. Гораздо чаще сопротивление татарам оказывали непривилегированные классы.

Пристально следить за отношениями с русскими князьями и их соперниками, великими князьями литовскими, татарам приходилось еще и потому, что они не получали никакой поддержки со стороны своих сородичей в Азии. Отношения с другими монгольскими государствами были не так важны, за исключением непрекращающейся вражды с ильханами и (позже) нашествия Тимура со стороны бывшего Джагатайского улуса. Время от времени татарские ханы заключали союз с мамлюкскими султанами Египта против ильханов.

После того как в 1255 г. в Старом Сарае умер Бату, а затем — один за другим его преемники — Сартаха и Улагчи, Мункэ назначил правителем Золотой Орды Берке, брата Бату (Золотой Ордой ее обычно называют потому, что у Бату был позолоченный шатер с золотой вышивкой).

Материальные памятники Золотой Орды известны по находкам в древних татарских городах, таких как Сарай-Бату, Сарай-Берке, и ряде крымских поселений. Своим богатством они были обязаны торговле, дани и труду пленников. Более всего по средневековым описаниям и современным раскопкам известен Сарай-Берке. Предполагается, что некогда его население превышало 100 000 жителей.

Сарай-Берке был построен без стен, посреди солончака. На его территории располагалось искусственное озеро, заполняемое водой из Волги. Воду из реки, так же как и в Каракоруме, использовали для питьевого запаса и для приведения в действие различных механизмов. Резиденцией хана служил величественный дворец, над которым сиял золотой полумесяц ислама. На нескольких улицах и на пяти рынках

толпились люди, но в остальном между кирпичными и деревянными домами почти не было проходов или садов. Кроме 13 больших мечетей, имелось множество малых. Город населяли монголы, аланы, кипчаки, черкесы, русские, византийцы, итальянцы и др. У каждого народа был свой рынок. Приезжавшие купцы и другие иностранцы селились в особых кварталах, окруженных стенами.

В одной части города, площадью 450 м², археологи обнаружили остатки кирпичей, керамических изделий, шкур, тканей, оружия, орудий труда, медные кубки и подсвечники, черепицы, гвозди и иглы; также остатки фруктов и овощей, кофе, квасцов, селитры и других веществ. Все они были повреждены в ходе осады города войсками Тимура и последующих разграбления и пожаров, но кое-что сохранилось. Стиль сохранившихся гончарных изделий и архитектурных деталей походит на стиль таких же предметов из Хорезма, хотя иногда заметно влияние Китая, Византии и даже египетских мамлюков.

Классическим считается книга двух выдающихся советских историков — академиков Б.Д. Грекова (1882—1953) и А.Ю. Якубовского (1886—1953) «Золотая орда и ее падение» (1950). Несмотря на то, что впервые книга увидела свет в 1950 г. и не избежала идеологических установок того времени, многие положения этого труда остаются актуальными и по сей день¹⁵¹.

Исследователи заключили, что в результате монгольских походов на огромной территории Дешт-и-Кыпчак и ряда смежных с ним областей образовалось большое государство, именуемое в восточных источниках Улусом Джучи, или Синой Ордой. В русских летописях государство это называется Золотой Ордой, хотя до сих пор не выяснено, как и почему возникло это последнее название. В русской исторической

¹⁵¹ Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. — М.: Богородский печатник, 1998. — 368 с.

литературе просто установился термин «Золотая Орда», встречающийся в летописях и других русских источниках. Термин этот отсутствует в источниках арабских, заключающих в себе обильные сведения о татарской державе в Восточной Европе. В персидских источниках термин «Золотая Орда» встречается крайне редко.

В мусульманских источниках (арабских, персидских, тюркских) имеются три термина — «Улус Джучи», «Кок-Орда» и «Ак-Орда», каждый из которых или совпадает с Золотой Ордой, или является ее частью, или перекрывает ее. Трудно установить точные границы Улуса Джучи, особенно по линии обширных степей, составлявших основную часть джучиева юрта. На северо-востоке в состав Золотой Орды входил Булгар с его областью, на севере граница проходила по русским княжествам, на юге Золотая Орда владела, с одной стороны, Крымом с его приморскими городами, с другой — Кавказом до Дербенда, а иногда и до Баку, также северным Хорезмом с городом Ургенчем, на западе — степями от Днестра и дальше, а на востоке — до Западной Сибири и до низовьев Сыр-Дарьи.

По мнению авторов, золотоордынские ханы, начиная с Бату, фактического основателя нового монгольского государства, прекрасно сознавали, что представляет собой в экономическом отношении тот юго-восток Европы, куда они пришли в качестве завоевателей и организаторов нового государства. Бату принимал участие во всех главных военных предприятиях монголов (татар), отправляя свои отряды на помощь основному войску и рассчитывая, конечно, получить свою долю добычи. Кочевой феодал, шаманист по своим воззрениям, с точки зрения горожанина-мусульманина, человек совсем некультурный Бату не растерялся в сложной обстановке молодого государства, выросшего из монгольского завоевания юго-восточной Европы. Опираясь на своих советников, в числе которых было немало мусульманских купцов,

Бату сразу же взял жесткий курс, главной целью которого являлось получение максимальных доходов путем жесточайших форм феодальной эксплуатации.

Бату-хан много сделал, чтобы вернуть всем завоеванным областям былую торговую жизнь, которая так резко оборвалась в связи с опустошением в результате монгольского завоевания. И во всем этом Бату много проявил жестокого умения и дальновидности. При Бату сношения Золотой Орды с центром Монгольской империи были вполне налажены. Начиная со времени Угэдея (1229—1241), по всей Монгольской империи нормально действовала общеимперская почта.

Как отмечают исследователи, по окончании войны в Иране между двумя монгольскими ханскими домами — Джучидами и Хулагидами — началась распря. Предметом распри был вопрос об Азербайджане. На почве длительной и упорной борьбы Берке-хана с Хулагу и Абагой и выросли интенсивные дипломатические сношения между Золотой Ордой и отдаленным Египтом, находившимся со второй половины XIII и в XIV в. под властью мамлюкских султанов. Несмотря на все трудности, именно на начало XIV в. падает подъем производительных сил Золотой Орды. К этому времени государственные и общественные порядки оформились в военно-феодальную систему. Кочевники, кочевое хозяйство, кочевой быт играли в жизни Золотой Орды огромную роль.

По примеру организации войска Чингис-хана и у золотоордынских ханов была, по-видимому, гвардия, главным образом из феодально-аристократической верхушки (преимущественно молодежь), называвшаяся «кэшик». Держа в своих руках командные места в войске, которое состояло из феодально зависимого же кочевого и полукочевого населения Дешт-и-Кыпчак, феодалы Улуса Джучи могли чувствовать себя фактически хозяевами государства и в случае расхождения с политикой своего хана противопоставлять ему свою твердую волю. При такой своей военной силе они не

могли не придать и всему государству Золотой Орды военно-феодалного характера. И это тем более верно, что Золотая Орда непрерывно вела военные действия то против своих соседей, а то и просто против некоторых нойонов или эмиров: например, длительная борьба во второй половине XIII в. золотоордынских ханов против знаменитого темника Ногая.

Как отмечали авторы, война, набеги, грабежи, сбор дани — одна из очень важных сторон жизни Золотоордынского государства. Для верхов общества это один из наиболее легких способов наживы и накопления сокровищ. Достаточно сказать, что добыча, которую войска золотоордынских ханов захватывали во время набегов, исчислялась по тому времени огромными суммами. Добычу составляли не только ткани, серебряная утварь, деньги, меха, хлеб, оружие, но и люди, которых можно обратить в рабов, а потом продать на рынках или использовать в качестве рабочей силы. Как и в других восточных странах эпохи феодализма, у монголов при захвате добычи существовал строгий порядок распределения ее.

Золотая Орда, как и другие монгольские улусы, свою центральную и областную власть строила на сочетании монгольских обычаев и административной практики покоренной страны. Характерно, что поступления, взимавшиеся с определенной области, а иногда и подвластной страны, часто сдавались на откуп отдельным купцам, а иногда, по-видимому, и купеческим компаниям. При монголах, в частности в Золотой Орде, ханской властью раздавалось огромное количество земель с сидевшими на них крестьянами, причем в ряде случаев дарственные ярлыки сопровождались ярлыками тарханскими, т.е. грамотами, освобождавшими население данной земли от всех или большинства повинностей в пользу государства и тем самым предоставлявшими большую часть прибавочного продукта непосредственного производителя в пользу феодального владельца.

В административной и политической жизни Золотой Орды издавалось много правительственных повелений — указов общегосударственного и частного характера. Указы эти в монгольское время именовались на территории всех монгольских государств ярлыками.

В Золотой Орде не было единого народа. Были покоренные народы и были пришельцы-кочевники — татары, их завоеватели и угнетатели. Следовательно, на территории Золотой Орды не могло быть единой культуры. Огромное значение в духовной жизни монголов XIII в. имели представления, связанные с загробной жизнью и погребальными обрядами. Как бы ни были велики успехи ислама при Узбек-хане, они не выходили за пределы городской жизни и феодальной верхушки степи.

Высшей точкой военного могущества Золотой Орды было время Узбек-хана (1312—1342), чья власть была одинаково авторитетна на всех землях его обширных владений. Первые признаки упадка появились уже при Джанибек-хане (1342—1357). Ак-Орда, т.е. Белая Орда, являвшаяся с военной точки зрения левым крылом войска Улуса Джучи, в русских источниках именуется Синею Ордой. Трудно точно установить границы Ак-Орды. В Дешт-и-Кыпчак, в том числе и в степях Ак-Орды, основную массу кочевого населения составляли кыпчакские племена. Монголы не внесли коренных изменений в этнический состав кыпчаков, напротив, монголы сами подверглись отюречению; на примере двух больших монгольских племен — кунгратов и мангытов, которые стали впоследствии называться ногаями.

Падение Золотой Орды ученые связывают с походами Тимура. У арабских и персидских историков конца XIV и первой половины XV в. имеются указания, что Тимур разграбил Крым и Кафу. Тимур сжег Сарай, что стало началом полного заката Золотой Орды. Такой же тяжелой участи подверглись поволжские города Увек и Астрахань (Хаджи Тархан). Если

ко всем этим фактам прибавить еще совершенно варварское уничтожение в 1388 г. одного из лучших городов средневекового Востока, столицы Хорезма — Ургенча, игравшего огромную роль в караванной торговле, которую вела Восточная Европа со Средней Азией и Китаем через Золотую Орду, то картина станет совершенно ясной. Тимур стремился к максимальному подрыву караванной торговли между Европой и Китаем через Крым, Нижнее Поволжье и Хорезм. После поражения Тохтамыша начался резкий упадок рынков и ремесленного производства во всем этом обширном и недавно еще богатом крае.

Книга английского медиевиста Чарльза И. Гальперина «Русь и Золотая Орда: вклад монголов в средневековую русскую историю» (1987) вызвала в свое время разноречивый отклик как среди специалистов по средневековой истории, так и в кругах, увлекающихся чтением литературы о прошлом. Интерес, прежде всего, подогревался неординарным подходом к проблеме, обусловленным коренной ломкой старых представлений о почти трехсотлетнем доминировании монгольской модели государственного правления на пространных Евразии. Автор отказался от ортодоксального осмысления одного из самых долговременных периодов передела мира по параметрам истоков и причин имперских захватов, а также их последствий с точки зрения дальнейшего развития. Как независимый исследователь, свободный от «пытки патриотической критикой», Гальперин в сопоставительном ряду анализирует как первоисточники древнерусской литературы, так и обширный массив трудов востоковедов золотоордынского периода с позиции корреляции между укреплением державы монголов и социально-политической эволюцией ее провинций, абсолютно отвергая расистский концепт в отношении «варваров-кочевников». Используя метод сравнительного сопоставления, а также лингвистического анализа, Гальперин дает исчерпывающую картину функциональным

возможностям «идеологии умолчания», используемой еще средневековыми летописцами.

Вот как излагает Гальперин «русскую теорию» монгольского правления. Он пишет, что Монгольское завоевание и последовавшие за ним годы угнетения породили весьма щекотливую проблему для христианских авторов и интеллектуалов России. Нестандартность межгосударственных и зачастую деловых сношений Руси с ненавистными религиозными врагами и до этого создавали, конечно, определенные трудности для восточных славян, в течение многих веков торговавших, заключавших браки и союзы со степными визави. Русские летописцы долгое время учились обходить стороной рискованные по своим последствиям умозаключения по поводу сложившейся ситуации с помощью идеологии умолчания, как это делали в подобных обстоятельствах христианские и мусульманские ученые мужи по всему периметру средневековых этнорелигиозных границ. С осуществлением же монгольского завоевания русские столкнулись с новой и гораздо большей угрозой религиозным и интеллектуальным основам их культуры: они, опора и представители непобедимого Бога, скоротечно и без проблем были покорены языческими ордами, мощь которых на обозримое будущее казалась непреодолимой. Решение этой второй интеллектуальной проблемы со стороны русских исходит из тех же подходов, что и при решении первой задачи (**Halperin, 1967**).

Поскольку истоки русско-монгольских контактов восходят к периоду Киевской Руси, необходимо не упускать из внимания и вопрос о том, как в целом русская ментальность воспринимала связи со своими давними соседями-степняками. Со времен принятия восточными славянами христианства, их летописцы стали избегать упоминаний в своих хрониках о сотрудничестве с кочевыми племенами печенегов или половцев, об отношении к ним и даже информации о маршрутах

их продвижения. Вместо этого шло описание только военной истории, битв и походов, которые представлялись скорее как религиозные, а не политические конфликты.

Подобное пренебрежение к признанию фактов сотрудничества и идеализация противоречий на религиозной почве дали русским возможность выработать литературную этику, которая стала охранной грамотой христианских идеологических основ их общества. Данная традиция была уже усвоена полностью и повсеместно к тому времени, когда первый монгольский конник появился на горизонте.

К несчастью, замечает автор, когда русские летописцы XIII в. внезапно столкнулись с ошеломляющим обстоятельством полной победы монголов, это доставшееся им киевское наследие уже не отвечало на злобу дня. Киевская модель давала возможность обходить сложные и двусмысленные вопросы скептиков, однако она была уже не способна противостоять открытому вторжению. В русской истории подобное полное и долговременное порабощение было таким же беспрецедентным, каким сокрушительным стала и идеологическая разобщенность.

Итак, отношение русских к монгольскому завоеванию выходило из общего ряда. Русские книжечки, религиозные служители и интеллектуальные слои русского общества на первых порах отвергли трудно воспринимаемый факт полного поражения. Они обошли страшный смысл монгольского владычества путем нежелания трактовать русско-татарские отношения в понятиях суверенности, что, по существу, означало категорическое отрицание факта покорения Руси.

Описание в русских летописях монгольского возвращения и кампаний 1237—1240 гг. более чем откровенно; монголы пришли и жестоко подавили сопротивление Владимиро-Суздальской Руси. Когда в данных описаниях повествуется о том, как монголы взяли город или провинцию, то употребляемые в них глаголы звучат, как взяли и пленили. Русские

летописцы киевского периода использовали данные глагольные формы при составлении хроник о грабежах со стороны кочевников той поры. Опираясь на аналогичные термины, которые были в ходу у их предков, например, при описании разграбления кочевниками Киева, когда захватчики возвратились в степь, хронисты монгольской эпохи стали преподносить события своего времени в аналогичной манере. Эти глаголы продолжали присутствовать в хрониках до середины XVI в., демонстрируя тем самым то, что представления хронистов с киевского периода не изменились.

Поскольку средневековые русские летописцы отрицали завоевание, они не могли прославлять и освобождение. События 1237—1240 гг. трактовались не более как крупное военное поражение и, таким образом, постепенное высвобождение Руси от татарского владычества могло быть объяснено в терминологии простых военных побед. Летописцы XIV—XV вв., прославлявшие успехи Руси, вынуждены были делать то же самое, так как были ограничены словарем XIII в. Тем не менее постепенно новые подходы и переосмысление прошлого стали проникать в литературную профессиональную этику. Победа Дмитрия Донского над эмиром Мамаем на Куликовом поле в 1380 г. традиционно считается самой почитаемой русской попыткой сбросить татарское иго, однако литературные труды современников вовсе не отображали данное событие подобным образом, — считает Гальперин.

Реакция русских интеллектуалов на монгольское правление была как многосложной, так и неоднозначной, о чем со всей очевидностью свидетельствуют источники того времени. Авторы, как правило, не ограничивали себя отказом осуждать татар, однако держали себя в определенных пределах при описании монгольской жестокости, представляя ее как эпизоды продолжающейся религиозной войны.

Следуя логике своей концепции, британский ученый приходит к выводу, что прошлое России и ее особый статус в

Золотой Орде дают объяснение, почему русские не признавали завоевания и не толковали его как крайнюю степень божественного недовольства, как это делали другие христиане. Россия не была напрямую частью улуса и татары позволяли русским князьям оставаться на троне. В действительности лишь незначительная часть монголов могла иметь постоянное место жительства в русской лесной зоне. И, как следствие, это явилось благоприятным условием для выработки уникальной русской идеологии умолчания. В противном же случае монголы ввели бы свои регулярные войска в города или сменили бы князей на монгольских правителей.

Помимо этого, Русь уже имела долгий исторический опыт общения со степными народами. В конечном счете монголы были такими же кочевниками-скотоводами, как половцы и их предшественники, жили в той же степи и по многим областям жизнедеятельности контактировали с русскими. Неоднозначный статус Руси в составе Золотой Орды, отсутствие режима постоянного пребывания монгольских войск, а также наследие контактов со степными кочевниками еще с киевского периода — все это в сумме дало русским возможность избежать как глубокого переосмысления, так и предания широкой огласке характера взаимоотношений между Русью и монголами. Два момента способствовали этому: правление Русью вне ее пределов, а также господствовавшая киевская идеологическая традиция¹⁵².

Ленинградские ученые Ю.В. Кривошеев, Р.А. Соколов изучали проблему взаимоотношений русской церкви и ордынских властей (вторая половина XIII — первая четверть XIV в.). Авторы ставят под сомнение распространенный тезис о том, что признание стабилизации положения церкви пришло с установлением зависимости от Орды. Льготы, данные русским клирикам ханской властью, как полагали

---

¹⁵² См. также: Тюркологический сборник — 2001: Золотая Орда и ее наследие. Т. 98. Редкол.: С.Г. Кляшторный (пред.) и др. — М.: Вост. лит., 2002. — 302 с.

многие российские и советские ученые, позволили создать мощную материальную базу для обеспечения высокого экономического и политического положения церкви в будущем. По их мнению, такая ситуация резко контрастировала с состоянием других общественных институтов и слоев населения в монгольский период. Авторам представляется, что далеко не со всеми выводами подобного рода можно согласиться.

Церковь, как и другие общественные институты древнерусских княжеств, безусловно, серьезно пострадала в результате монгольского разорения. Это отражают источники. Из рассмотренного нами материала можно сделать общий вывод, что и в период т.н. монгольского ига церковная жизнь на Руси не угасала. Продолжался рост монастырей: известно, что за двести лет ига их стало в два раза больше, чем было. Но основная часть обителей была основана не в первое столетие монгольского периода, а позже. Ханскими льготами нельзя, на их взгляд, объяснять рост монастырей, так как хотя по их числу монгольский период превосходит два предыдущих века русской истории, но зато сильно уступает последующему времени. Авторы считают, что ордынцы не мешали и не помогали развитию иноческих обителей (свои льготы церкви они перекрывали разорениями во время набегов). Зависимость церкви от ордынских властей не устранила для нее зависимости от общины¹⁵³.

Английский ученый Дж. Э. Бойл (Кембридж) исследовал титулатуру основателя Золотой Орды Бату-хана¹⁵⁴. Он пришел к выводу, что распространенный титул Бату «Саин-хан» — эпитет, означающий не «добрый» или «умный», а просто «покойный».

¹⁵³ Кривошеев Ю.В., Соколов Р.А. Русская церковь и ордынские власти (вторая половина XIII — первая четверть XIV в.) // Тюркологический сборник — 2001: Золотая Орда и ее наследие. Т. 98. Редкол.: С.Г. Кляшторный (пред.) и др. — М.: Вост. лит., 2002. — С. 156—186.

¹⁵⁴ Boyle J.A. The Posthumous Title of Batu Khan // Proceedings of the IXth Meeting of the Permanent International Altaistic Conference. — Naples, 1970. Pp. 67—70.

М.Г. Крамаровский (Санкт-Петербург) исследовал изображения небесных светил на золотоордынских пайцзах и пришел к выводу, что они имеют фольклорную основу, восходящую ко времени создания единого монгольского государства на рубеже XII—XIII вв. Харизма Чингис-хана занимала одно из центральных мест в историческом сознании монголов. Забота ханов Золотой Орды о легитимности собственной власти привела их к стягиванию харизмы великого предка к собственному имени. Появление Чингисовых символов на распорядительных документах должно быть расценено как свидетельство собственной слабости золотоордынских ханов. Но вместе с тем именно благодаря этому качеству произошло утверждение «говорящих знаков» золотоордынских пайцз. Этот язык образов для подавляющего большинства населения Золотой Орды оказался более доступен, чем уйгурское письмо текстов грозных предостережений¹⁵⁵.

Оценивая наследие Золотой Орды, Е. Кычанов пишет, что основанное Батыем государство Золотая Орда было полиэтничным. Однако постепенно усилились роль и влияние того кипчакско-половецкого этноса, тех половцев и прочих тюркских народов, которых монголы поначалу преследовали, но которые, оказавшись в большом числе и ведя похожее кочевое хозяйство, в конечном счете ассимилировали монголов. На территории Среднего Поволжья, на базе коренного для региона финно-угорского населения, тюркоязычного болгарского этноса, этноса кипчакско-половецкого, не исключая и других тюркоязычных и иноязычных групп населения государства Батые и его преемников, стал формироваться будущий татарский этнос. Этнической консолидации способствовала исламизация. В Русской земле противостояние кочевого и оседлого населения было осложнено еще и про-

---

¹⁵⁵ Крамаровский М.Г. Символы власти у ранних монголов. Золотоордынские пайцзы как феномен официальной культуры // Тюркологический сборник — 2001: Золотая Орда и ее наследие. — М.: Вост. лит., 2002. — С. 212—224.

тивостоянием исламского и христианского миров. Процесс тюркизации финно-угров — мордвы, марийцев-черемисов, вотяков-удмуртов продолжался не только в годы существования Казанского ханства, но даже и после того, как оно было присоединено к Московскому государству. Так создавался многочисленный и активный татарский этнос, у которого с древними татарами из далекого юго-восточного угла Монголии нет и не было ничего общего, кроме названия¹⁵⁶.

Проблемой этнической истории Золотой Орды занимался М. Усманов (Казань). Он предполагает, что в улусе Джучи, или Золотой Орде, как стали именовать державу Джучидов начиная с XVI столетия, процесс растворения монголов в тюркской среде отличался особой интенсивностью. По завершении западной кампании 1236—1243 гг. последовало возвращение значительной части монгольских армий под предводительством Гуюка и Мункэ в Центральную Азию. Оставшаяся же в степной зоне Восточной Европы армия Бату-хана на протяжении нескольких поколений подвергалась ассимиляции в тюркоязычной среде Дешт-и Кипчака. Это обстоятельство было отмечено современниками. Если довериться сообщению ал-Умари, то следует признать, что процесс растворения монголов в кипчакской среде завершился к середине XIV в.

«Механизм» включения тюркского населения евразийских степей в состав армий Джучи и Бату-хана работал благодаря особенностям системы господства/подчинения в кочевых сообществах. В любых обществах, независимо от их социального строя, существовали различные, иногда свойственные только им, формы зависимости между представителями разных групп; родоплеменные вожди находились в той или иной степени «в кровном родстве» со всем

¹⁵⁶ Кычанов Е.И. О некоторых обстоятельствах похода монголов на Запад (по материалам «Юань-ши») // Тюркологический сборник — 2001: Золотая Орда и ее наследие. Т. 98. Редкол.: С.Г. Кляшторный (пред.) и др. — М.: Вост. лит., 2002. — С. 82.

племенем. Все это, вместе взятое, создавало и укрепляло идею единства всего племени со своими вождями, со своей аристократией. Поэтому, как правило, племя следовало за своим вождем. У кочевников признание родоплеменным вождем зависимости от другого, более могущественного предводителя влекло за собой подчинение всего рода, всего племени новому верховному вождю, что приобретало обычно массовый характер.

Этот своеобразный «механизм» способствовал относительно легкому и быстрому включению тюрок кипчакских степей в состав войск Джучи и Бату-хана. Именно такой мощный рычаг стал также основной и решающей причиной сравнительно быстрой ассимиляции монголов на западе их великой империи. В конечном же счете своеобразии системы господства/подчинения у кочевников стало причиной как быстрого образования, так и быстрого распада кочевых империй Евразии.

Уклад жизни, бытовые условия, социальное развитие монголов и тюрок Дешт-и Кипчака в это время находились примерно на одинаковом уровне. Более того, монголы, активно освоившие опыт, накопленный в сфере управления империей, оказались на более высоком уровне, чем разобщенные турки кипчакских степей. Автор делает вывод, что если для хана Берке и его окружения тюркский язык был вполне доступен, то для последующих джучидов он стал еще более близким, возможно родным. И это подтверждается почти документально¹⁵⁷.

К числу государств — наследников Золотой Орды следует отнести и Астраханское ханство. И.В. Зайцев (Москва)

---

¹⁵⁷ Усманов М.А. Об особенностях раннего этапа этнической истории улуса Джучи // Тюркологический сборник — 2001: Золотая Орда и ее наследие. — М.: Вост. лит., 2002. — С. 101—109.

отмечал, что просуществовавшее более полувека в низовьях Волги Астраханское ханство имело много общего с другими государственными образованиями, также отколовшимися от Золотой Орды (Казанское, Крымское, Сибирское ханства, Ногайская Орда). Общими были традиции государственного устройства и управления, религия и культура, близки были эти государства друг другу в этническом и языковом отношениях. В Казанском, Крымском и Астраханском ханствах правили представители одного рода — Джучидов, потомков сына Чингис-хана Джучи. Однако каждое из этих государств обладало специфическими чертами. Это касалось особенностей хозяйственного уклада, образа жизни, состава населения¹⁵⁸.

Первым обратился к специальному изучению истории государства в Астрахани Х. Ховорс (Хоуорт). «Среди осколков Золотой Орды Астраханское ханство имело все основания, чтобы считаться законным наследником ее древнего могущества. В действительности это и была Золотая Орда со значительно уменьшившейся территорией, ограниченная современными (Ховорсу) Астраханским и Кавказским губернаторствами, но она была под властью князей того же рода и, очевидно, контролировала каспийскую торговлю. Вполне возможно, что после смерти Кучук Мухаммеда два его сына — Махмуд-хан и Ахмед-хан как-то разделили Орду между собой, и частью Махмуд-хана оказалась нижняя Волга» (**Howorth, p. 349**). Почти вся последующая научная (и ненаучная) литература, касающаяся Астраханского ханства, являлась, по сути, развитием (или повторением) этих положений британского востоковеда.

В сочинении Масуда б. Османа Кухистани «Тарих-и Абу-л-Хайрхани» описывается сражение основателя государства кочевых узбеков Шибанида Абу-л-Хайра с некими ханами Ахмедом и Махмудом, «которые были из падиша-

¹⁵⁸ Зайцев И.В. Образование Астраханского ханства // Тюркологический сборник — 2001: Золотая Орда и ее наследие. Т. 98. Редкол.: С.Г. Кляшторный (пред.) и др. — М.: Вост. лит., 2002. — С. 32—62.

хов потомства Джучи» и, «подняв знамя мятежа и бунта, встали на путь непокорности и непослушания» Абу-л-Хайру.

После смерти отца сыновья Кучук-Мухаммеда, Ахмед и Махмуд, начали борьбу за власть. До 1465 г. русские летописи не упоминают об Ахмеде как о хане Большой Орды; Махмуд же в последний раз в качестве хана Большой Орды упомянут в 1465 г., когда, идя походом на Русь, был разбит крымским ханом Хаджи-Гиреем. Неудача Махмуда, видимо, позволила Ахмеду перехватить инициативу и овладеть властью в Большой Орде.

В 1492 г. коалиция ногайских мурз во главе с ханами Ибаком и Мамуком предпринимает поход на город. Из письма Ивану III, доставленному в Москву в октябре 1492 г., крымского хана Менгли-Гирея следует, что Астрахань не противопоставлена в письме Большой Орде, а выступает как ее часть. Астрахань была в то время частью «Наманганского юрта». Данное название неоднократно упоминается в документах крымско-московской и ногайско-московской дипломатической переписки. Можно сделать вывод, отмечает И. Зайцев, что некий «юрт», располагавшийся между Московским великим княжеством и государством сибирских Шибанидов, носил имена Туга-Темира и Намангана.

В Москве прекрасно знали о преемственности власти между Большой Ордой и Астраханским ханством. Об этом свидетельствует т.н. родословная татарских царей, опубликованная по двум спискам (Синодальному и архива МИД) в 1851 г. Видимо, к 1502 г. и относится образование Астраханского ханства — наследника разгромленной объединенными усилиями Менгли-Гирея и Ивана III Большой Орды. Сам термин «астраханский царь» появляется в материалах несостоявшегося посольства Ивана III к Менгли-Гирею от февраля 1503 г. Именно в начале XVI в. в Москве начинают расценивать Астрахань как самостоятельное государство.

В результате своих исследований И. Зайцев приходит к следующим выводам: говорить о создании Астраханского ханства в 50—60-е гг. XV в. (1459, 1466 и др.) неправомерно. В 50—70-х гг. XV в. город представлял собой один из центров Большой Орды. Не ранее начала 80-х гг. в Астрахань после разгрома Сарая перемещается столица Большой Орды. Город продолжал оставаться ею до разгрома Большой Орды в 1502 г. крымским ханом Менгли-Гиреем.

Не ранее 1502 г. Астрахань становится политической наследницей разгромленной Большой Орды. При этом не происходит ни смены династии, ни изменения внутреннего строя государства: старая столица Большой Орды становится столицей Астраханского ханства. Возможно, что единственным изменением в этом континуитете власти стало изменение границ: можно предположить, что Астраханское ханство было несколько меньше по территории.

Как следует из источников, о самостоятельном существовании Астрахани как отдельного государственного образования можно говорить лишь со времени не ранее 1502 г., т.е. со времени разгрома Большой Орды Менгли-Гиреем. До этого Астрахань представляла собой часть юрта Большой Орды и не выступала как самостоятельное государство, обладающее собственным правящим домом, границами, проводящее самостоятельную внутреннюю и внешнюю политику.

Одной из наследниц Золотой Орды, наряду с Казанским, Астраханским и Крымским ханствами, была Ногайская Орда. Как писал советский/российский исследователь В. Трепавлов¹⁵⁹, в истории некоторых народов Евразии существовал т.н. ногайский период. В качестве научного термина это понятие фигурирует в историографии башкир и каракалпаков;

¹⁵⁹ См.: Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. — М.: Восточная литература, 2001. — 752 с.

фольклорные памятники казахов и киргизов также связывают «героический век» с эпохой господства ногаев (ногайлы). Данное терминологическое явление служит отголоском событий XV—XVII вв., когда средневековый народ ногаев и его политическое образование Ногайская Орда занимали территорию степного пояса Восточной Европы и Казахстана. С Ногайской Ордой и выходцами из нее соприкасались и отчасти ассимилировались предки казахов и киргизов, татар казанских и крымских, сибирских и астраханских, башкир и каракалпаков, туркмен и калмыков, донских и уральских казаков, а также многих народов Северного Кавказа. Влияние ногаев на соседей можно свести к трем аспектам — политическому, этническому и культурному.

Ногайская держава доминировала и являлась одним из безусловных гегемонов Восточной Евразии сравнительно непродолжительный срок — в конце XV и первой половине XVI в. Однако ее политическое воздействие на соседей началось раньше и продолжалось после этого периода. Влияние ощущалось, прежде всего, в татарских ханствах — таких же, как Ногайская Орда, наследниках и «осколках» Золотой Орды. «Эдигу уругу мангыты», правящий клан ногаев, занимали ведущее положение среди золотоордынской нечин-гисидской знати в XV в. Поэтому, когда государство Джучидов распалось, потомки мангытского беклербека Эдиге тоже заняли посты беклербеков в наследных Юртах. Правда, в Крыму и Казани эта должность существовала лишь формально, но в Большой Орде и иногда в Астрахани мангытский беклербек являлся действительным соправителем монарха.

После разгрома крымцами Большой Орды в начале XVI в. большая часть живших там мангытов переселилась в крымские владения, заняв кочевья между Перекопом и Днепром. Основная же масса мангытов и ассоциированных с ними племен-элей (т.е. ногаи) сконцентрировалась в междуречье Волги — Яика — Эмбы и образовала Ногайскую Орду. Отноше-

ния новой державы с крымскими ханами-Гиреями складывались непростые, часто враждебные. Тем не менее нередко были переходы ногайских улусов из-за Волги на Крымскую сторону. Эти миграции увеличивали число ногаев в государстве Гиреев. К середине XVI в. клан Мангыт (Мансур-улы) стал одним из четырех знатнейших и наиболее влиятельных в Крыму; в конце того же столетия конница ханства состояла уже в основном из ногаев. В 1570-х гг. там была учреждена заимствованная из Ногайской Орды должность нурадина — второго после калги наследника престола (в крымской интерпретации).

Близкое соседство позволяло ногаям влиять на внутреннее положение Казанского, Астраханского и Сибирского юртов, сажая на троны своих ставленников. По некоторым источникам, эти государства были обязаны отчислять определенные платежи правителям Ногайской Орды. Еще более непосредственному и интенсивному воздействию южных кочевников подвергались башкирские племена — подданные мангытских биев.

Восточными соседями Ногайской Орды были Казахское ханство и ханства Средней Азии. Отношения ногаев с казахскими династиями тоже развивались сложно, между ними случались жестокие войны. В первой четверти XVI в. хан Касим завоевал все степи за Волгой, но во второй четверти произошла ногайская «реконкиста» и Казахское ханство превратилось в вассала ногаев. Узбекские же государства служили преимущественно приютом для беженцев из ногайской державы — биев и мирз, потерпевших неудачу в междоусобной борьбе.

Политическое влияние ногаев на Россию было ограниченным как из-за религиозного (ислам) и экономического (кочевое скотоводство) барьеров, так и по причине отдаленности. Лишь со второй половины XVI в. в Московское царство стали переселяться мирзы; некоторые из них положили начало

княжеским фамилиям (Кутумовы, Урусовы, Юсуповы и др.). Ногайские отряды нередко действовали в составе русских армий в Ливонской войне и позже в кампаниях против поляков, немцев и шведов.

В результате драматических событий XVI—XVII вв. группы жителей Ногайской Орды расселились широко за пределами своей степной державы и вступили в активное этническое взаимодействие с окрестными народами. В фольклоре каракалпаков — народа, некогда вышедшего из Ногайской Орды, сохранились многочисленные воспоминания о пребывании их в составе страны Ногайлы; о ногайско-каракалпакской этноисторической общности свидетельствуют и близкие соответствия в названиях родоплеменных подразделений. Народ *ногай* фигурирует в героическом эпосе киргизов «Манас» как дружественный киргизам, составляющий с ними единое владение, улус; именно из ногоев происходил сам богатырь Манас.

Вследствие двух больших волн переселений в XVI в. ногайский элемент закрепился и в составе казахского этноса. Особенно заметно было его присутствие на западе Казахстана, где до начала XX в. сохранялись группы ногай и мангытай. Несомненным стимулом для ассимиляции послужило и то, что казахский Младший жуз целиком расположился на бывшей территории Ногайской Орды. Еще более были распространены группы с названием «ногай» среди башкир, особенно юго-восточных. Есть свидетельства о проживании ногаев на землях Сибирского юрта.

Инфильтрация ногаев повсеместно влекла за собой увеличение монголоидности в облике населения, количества кипчакских элементов в языке, кочевых черт в культуре. Таким образом, носители этнонима «ногай» проникли в состав почти всех окрестных народов. Не случайно соседи расценивали ногаев как полиэтническую общность, а этим этнонимом называли представителей разных этносов. Ногаями именовали

северную группу крымских татар, населявшую степи вне полуострова; для казахов нугай — это башкиры и поволжские татары; для башкир и казахов в прошлом ногай — сибирские татары.

Весьма существенным оказалось воздействие ногаев на материальную и духовную культуру сопредельных стран. Уже в XVI в. жители Ногайской Орды стали для земледельческих народов своеобразным эталоном степных кочевников, скотоводов и конных воинов. Именно оттуда получала основной фонд своей конницы, в частности, Россия: почти ежегодно огромные табуны пригонялись с юго-востока в Москву и Казань. Не будет преувеличением утверждать, что русская дворянская кавалерия в XVI—XVII вв. в большинстве своем формировалась из ногайских лошадей. Соответственно, и амуниция всадника (седло, стремяна, аркан, саадак, плеть-нагайка, боевой нож) заимствовалась из того же источника.

Ногаи прививали навыки обращения не только с лошадьми, но и с другим скотом, а также культуру его разведения. В ходе своих миграций ногаи несли и некоторые элементы духовной культуры. Литературный язык тюрки Дешт-и Кипчака воспринимался османами как ногайский; калмыки использовали арабское («ногайское», как формулировали в Польском приказе) письмо в сношениях с Москвой.

У тюркских народов Евразии (ногайцев, татар, башкир, казахов, каракалпаков и др.) сложился общий пласт героического эпоса, т.н. ногайский цикл, повествующий об Эдиге и его потомках. Сама фигура родоначальника мангытских биев Эдиге была сакрализована казахами и каракалпаками, которые почитали его как покровителя лошадей.

Рассмотрение различных форм влияния ногаев на народы Евразии показывает, что самым ранним было политическое воздействие. Оно достигло кульминации в XV—XVI вв., в эпоху существования Ногайской Орды. Вторым по значи-

мости в тот период было влияние культурное. После распада ногайской державы в первой трети XVII в., когда ногаи расселились по всем направлениям от своего изначального Мангытского юрта, их политическая роль резко снизилась. Но это расселение привело к значительному усилению ногайского этнического влияния и влияния ногайской культуры на соседей. Исторические и этнографические материалы свидетельствуют, что на протяжении последних пяти столетий ногайский народ внес значительный вклад в историю и цивилизацию Евразии (**Трепавлов, 2001, с. 648—652**).

Долгое время европейские и американские исследователи кочевых народов уделяли вниманием Ногайскую Орду. Связанные с ней сюжеты появлялись обычно в компилятивных работах, где пересказывались книги, статьи и публикации источников в переводах на западные языки. Крупнейшей из таких компиляций была четырехтомная «История монголов» Х. Ховорса, впервые изданная в 1876—1927 гг. (**Howorth, 1965**). Не зная восточных языков, автор скомпоновал в соответствующем разделе все доступные ему сведения из Н.М. Карамзина, Й. Хаммер-Пургштала, других историков, европейских переводов и пересказов мусульманских сочинений и изложил историю ногаев, которую представлял себе весьма смутно. Однако еще долго книга Х. Ховорса являлась для европейских читателей одним из основных пособий по истории Дешт-и Кипчака.

В то же время на Западе шла работа над переводами и публикациями восточных источников, имеющих отношение к нашей теме. Отметим работы польских историков по крымским письменным памятникам (**Зайончковский, 1969; Putaski, 1881; Zajaczkowsky, 1966**). Большое значение для изучения тюркских Юртов XV—XVI вв. имели многолетние разыскания в турецких архивах, предпринятые А. Беннигсенем, его учениками и коллегами. Серия их публикаций помогла тем исследователям, которые не имеют доступа к документам султанской канцелярии или не читают на турецком языке.

Что касается турецкой историографии, то она привлекает рядом разработок, связанных с османской политикой на юге Восточной Европы, в Северном Причерноморье. Благодаря усилиям нескольких поколений ученых, скопился обширный материал для анализа и исследований по истории Ногайской Орды. При этом лишь в единичных монографических трудах ногаи выступали как центральный объект изучения. У большинства авторов они являлись лишь фоном для основной темы — истории России, Казанского или Крымского ханства, Турции.

Этнополитическая общность ногаев сформировалась во второй половине XV в. в окружении исламизирующихся тюркских народов Дешт-и Кипчака по соседству с мусульманскими владениями Средней Азии и Поволжья и иногда в борьбе с ними. Держава ногаев вступала в активные отношения с узбекскими ханствами Хорезма и Мавераннахра (междуречья Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи), с казахами, Крымом, Казанью, Турцией. Источники, которые создавались на территории этих стран, отразили многочисленные аспекты как внутренней истории ногаев, так и их внешней политики. Ногайская Орда образовалась на развалинах Золотой Орды и представляла собой один из ее «осколков». Поэтому восточные источники, отразившие события последнего столетия существования империи Джучидов, могут помочь при выяснении обстоятельств появления в заволжских степях ногаев и их правящего эля — мангытов, биографии родоначальника ногайской знати Эдиге.

Традиционно одним из высших достижений мусульманской средневековой историографии считается «Джами ат-таварих» (Сборник летописей) иранского государственного деятеля и писателя Рашид ад-Дина Фазлаллаха ибн Абу-л-Хайра Хамадани (1247—1318). Она рассказывает о событиях до 1303—1304 гг. Поэтому понятно, что о ногаях там ничего не сказано. Однако Рашид ад-Дин немало места отвел монголам-мангутам, которые дали имя мангытскому элю, показал

их отношения с Чингис-ханом, их место в генеалогии монгольских племен, в иерархической структуре империи (**Рашид ад-Дин, 1952**).

Предыстория и история собственно ногаев отображена в письменных памятниках, созданных не ранее последней четверти XV в. Из арабских хронистов подробнее прочих рассказал о жизненном пути и обстоятельствах кончины Эдиге Ибн Арабшах (1388—1450). Его сочинение «Аджаиб ал-макдур фи ахбар Тимур» («Чудеса предопределения в сведениях о Тимуре») посвящено, прежде всего, жизнеописанию знаменитого чагатайского эмира. Поскольку Тимур в 1370-х гг. приютил при своем дворе Эдиге, то арабский историк счел уместным поведать об отношениях последнего с золотоордынским ханом Тохтамышем, его бегстве в Мавераннахр, возвращении в Дешт-и Кипчак, обретении верховной власти в Золотой Орде и утрате ее. Это произведение Ибн Арабшаха публиковалось в оригинале четырежды — в Лейдене, Лейвардене, Калькутте и Каире.

Некоторые подробности биографии мангытского беклербека содержатся также в трудах арабских — по большей части египетских — хронистов. Более полно они отражались в среднеазиатской исторической литературе. В 1401—1402 гг. престарелый Тимур поручил хронисту Низам ад-Дину Абд ал-Васи Шами (ум. 1431) изложить историю своего правления. На основании официальных хроник и, вероятно, рассказов очевидцев вскоре была составлена на фарси «Зафар-наме» («Книга побед»). Это было первое полное описание всей деятельности грозного завоевателя. Среди прочих сюжетов Шами затронул отношения Тимура с Эдиге, а также отношения последнего с джучидскими правителями.

Сочинения Шами, Йазди, Самарканди и Натанзи относятся к т.н. тимуридскому кругу источников. Косвенно связана с этим кругом ранняя историография государства Великих Моголов, основанного Тимуридом Захир ад-Дином Мухам-

медом Бабуром (1483—1530). Сам создатель Могольской империи обладал литературным дарованием, одним из проявлений которого стала книга «Бабур-наме» («Записки Бабура»), написанная на староузбекском языке (чагатайском тюрки). Там приводится характеристика Казахского ханства времен царствования Касима (начало XVI в.), который временно захватил все ногайские кочевья к востоку от Волги; есть упоминание о мангытах в составе узбекской армии Мухаммеда Шейбани, вытеснившего Бабура из Мавераннахра.

В государстве Великих Моголов (а до этого в Кашгаре) жил администратор и военачальник Мухам мед-Хайд ар б. Мухам мед-Хусейн-гурган Дуглат (1499—1500—1551). В 1540-х гг. он закончил «Тарих-и Рашиди» («Историю Рашида», т.е. Абд ар-Рашида б. Султан-Сайда — правителя, которому посвящалось сочинение) на фарси. Мухам-мед-Хайдар привел данные о казахско-ногайских отношениях в 1520-х гг., о войне 1522 г. между казахами и ногаями, о поражении казахов, об откочевке их на юго-восток.

К северу от державы Тимуридов в XV в. располагались кочевья Синей Орды Улуса Джучи, объединенные ханом Абу-л-Хайром в т.н. государство кочевых узбеков. Его историография представлена хроникой «Тарих-и Абу-л-Хайр-хани» («История Абу-л-Хайр-хана»), написанной в 1540-х гг. секретарем сына и внука Абу-л-Хайра Масудом б. Османом Кухистани. Большая часть книги является компиляцией из трудов других авторов, но заключение оригинально и включает в себя известия о правлении Гази б. Эдиге в Мангытском юрте, о союзе между внуком Эдиге Ваккасом и Абу-л-Хайром.

Внук Абу-л-Хайра Мухаммед Шейбани вытеснил Тимуридов из Средней Азии и в начале XVI в. завоевал Мавераннахр. Там воцарились узбекские ханы и начала создаваться литература, которая постепенно составила шейбанидский круг источников. Главным ее произведением считается анонимный труд «Таварих-и гузида-йи нусрат-наме» («Избран-

ные истории из Книги побед»), иногда приписываемый самому Шейбани-хану (1451—1510).

Сочинение «Таварих-и гузида» послужило образцом для шейбанидской историографии как по содержанию, так и по композиции. Отголоски древних преданий и не дошедших до нас хроник звучат в сочинении придворного шейбанидского историка XVI в. Утемиш-Хаджи б. Мауланы Мухаммеда Дост-и «Тарих-и Дост-султан» («История Дост-султана») 1550 г. Оно было переведено В.П. Юдиным и посмертно опубликовано в Алма-Ате под названием «Чингиз-наме».

К династии Шейбанидов принадлежал хивинский хан и историк Абу-л-Гази Бахадур б. Араб-Мухаммед (1603—1664). Известны два его крупных сочинения — «Шаджарайи тюрк» («Родословная тюрков») и «Шаджарайи таракима» («Родословная туркмен»), написанные в 1659—1664 гг. Первое рассказывает, в частности, о мангутах в Монголии, во многом повторяя Рашид ад-Дина; приводится информация о происхождении Эдиге, его службе у золотоордынских ханов — Тохтамыша и Тимур-Кутлуга; уникальными являются известия о борьбе Мусы б. Ваккаса за власть в Дешт-и Кипчаке в середине XV в. и о набегах ногаев (мангытов) на Мангышлак в конце XVI в. Второе включает краткие сведения о родоплеменной принадлежности Эдиге, о формировании этнической карты Дешт-и Кипчака после монгольского завоевания, о переходе владычества там поочередно к Джучидам, ногаям, калмыкам.

Бухарская династия Аштарханидов, сменившая в конце XVI в. Шейбанидов, тут же обзавелась собственной историографией. Из источников аштарханидского круга привлекает внимание книга «Бахр ал-асрар фи манакиб ал-ахйар» («Море тайн относительно доблестей благородных») путешественника и писателя Махмуда б. Эмир-Вали (ум. серед. XVII), созданная в 1634—1640 гг. по поручению одного из ханов. Во многом следуя шейбанидским хроникам, автор

рассказывает об участии мангытов в усобицах после смерти Абу-л-Хайра и раскрывает роль в этих коллизиях бия Мусы б. Ваккаса.

В разное время в разных областях Средней Азии жили и творили историки, не принадлежавшие ни к одной из названных выше школ. Одним из таковых был Сайф ад-Дин Шах-Аббас Ахсикенти, живший в первой половине XVI в. в Фергане. Перу его и его сына Нур (Науруз)-Мухаммеда принадлежит тюркоязычное жизнеописание ферганских шейхов «Маджму ат-таварих» («Собрание историй»). Оно включает много легендарных сюжетов, поэтому пользоваться этим сочинением следует с предельной осторожностью.

Средневековая историография татарских ханств Поволжья и Сибири почти не сохранилась. К ней может быть отнесено лишь несколько произведений, наиболее значительное из которых — «Джами ат-таварих» («Сборник летописей») Кадыр Али-бека б. Хошум-бека Джалаира. Сначала он состоял на службе у сибирского хана Кучума, затем был взят в плен русскими и в конце концов обосновался в Касимовском царстве. При дворе касимовского хана Ураз-Мухаммеда в 1602 г. Кадыр Али-бек написал свой исторический трактат. «Джами ат-таварих» состоит из сокращенного пересказа одноименного труда Рашид ад-Дина и оригинальной части, включающей несколько глав (*дастанов*). Хроника ценна тем, что доносит местную, татарско-ногайскую, версию относительно недавних событий в Дешт-и Кипчаке XV—XVI вв.

На другом краю Дешт-и Кипчака располагался Крымский юрт. Его правители-Гиреи имели сложные, часто враждебные отношения с Ногайской Ордой. Формально она не граничила с их государством, но порой вступала в военные конфликты или же, напротив, пыталась наладить сотрудничество. Писатели, работавшие в Бахчисарае, конечно, обращали внимание на восточных кочевников, но, как правило, только в связи с историей своей страны.

Исторических сочинений, созданных в Крымском ханстве, известно немного. Важнейшее из них — «Тарих-и Сахиб-Гирей-хан» («История Сахиб-Гирей-хана»). Оно составлено в 1550-х гг. придворным историком этого монарха Мухаммедом Нидаи Кайсуни-заде по прозвищу Реммал-Ходжа. К ногаям имеет касательство описание борьбы мангытского Баки-бека с Гиреями, статуса и расселения мангытов в крымских владениях в первой половине XVI в., разгрома Сахиб-Гиреем ногайской конницы у Перекопа.

В середине XVII в. Абдулла Челеби Ризван Паша-заде написал «Таварих-и Дешт-и Кипчак» («Летописи Дешт-и Кипчака»), представляющие собой краткую хронику правления крымских ханов до 1637 г. Для истории Ногайской Орды здесь интересны упоминания о войне Мухаммед-Гирея I с нею в 1523 г., о ногаях на Северном Кавказе в 1630-х гг. «Таварих-и Дешт-и Кипчак» изучались А. Зайончковским и были изданы им в Варшаве с французским переводом (**Зайончковский, 1969; Zajaczkowsky, 1966**).

Приблизительно в середине XVIII в. крымский историк Саид-Мухаммед Риза создал «Ас-саб ас-сийар фи ахбар-и мулук-и татар» («Семь планет в известиях о татарских царях») — описание царствования семи ханов в период с 1445-го по 1745 г. Здесь также рассказывается о проблемах, которые более всего волновали знать полуострова в связи с ногаями (расселение и статус мангытов в Юрте, события 1523 г., убийство хана Ислам-Гирея Баки-беком, политика Сахиб-Гирея по седентаризации кочевников, пришедших в его владения из-за Волги).

Крымская дипломатическая переписка с Москвой сохранилась, как и ногайская, в значительном объеме. Из произведений османской средневековой историографии можно отметить «Сеяхат-наме» («Книгу путешествия») Эвлии Челеби б. Дервиша Мухаммеда Зилли (1611—1683), который в течение 1640—1666 гг. семь раз посещал территории Молдавии,

Украины, Крыма, Северного Кавказа и Поволжья. Он описывает буджакских и кубанских ногаев, расселение их среди горских народов, образ жизни и отношения с соседними властителями, в том числе с калмыцкими.

Большую ценность имеют источники, оставленные калмыками — подразделением западных монголов-ойратов, переселившимся в Поволжье в первой половине XVII в. Хроника, сочиненные в ставках ханов и нойонов, описывали, в частности, занятие калмыками степей Волго-Яицкого междуречья, вытеснение оттуда и частичное подчинение ногаев — прежних властителей этой территории. Исходным моментом пребывания калмыков на их новой родине историки считали выход на Волгу и разгром на ее берегах ногаев в 1628 г.

Наблюдатели из европейских стран не посвятили ногаям ни одного специального сочинения. Этот народ и его кочевая империя оставались на периферии внимания западных современников. Они вспоминали и писали о ногаях, главным образом, в связи с Россией или же по ходу описания маршрута путешествия, если случалось проезжать через степи. По достоверности и полноте информации источники, вышедшие из-под пера европейцев, делятся на путевые записки и воспоминания людей, лично посетивших татарские ханства; мемуары тех, кто побывал в России в составе посольств или торговых миссий; сочинения иностранцев на русской службе; наконец, работы авторов, никогда не ездивших ни в Россию, ни в Дешт и получавших информацию из вторых рук.

В 1394 г. в турецкий плен попал баварский солдат Иоганн Шильтбергер (1380 — не ранее 1438). В течение последующих тридцати трех лет он вместе со своими хозяевами побывал во многих странах, в том числе и в Золотой Орде, а в 1427 г. бежал на родину, где описал свои странствия.

О карьере и могуществе Эдиге слышал и другой европеец — Руи Гонсалес де Клавихо (ум. 1412), посол кастильского короля Генриха III к Тимуру в 1403—1406 гг. Находясь в Са-

марканде, он узнал о союзе мангытского вельможи с владыкой Мавераннахра и их позднейшем разрыве. Клавихо дает краткую, но яркую характеристику военной мощи Золотой Орды под началом Эдиге и не оставляет сомнений в ведущей роли последнего в царстве Джучидов того времени (**Клавихо, 1990**).

Поколение сыновей Эдиге застал венецианский дипломат Иосафат Барбаро (1413—1494), который в 1436 г. посетил город Тану на Дону и в 1473—1479 гг. — Персию. В конце 1480-х — начале 1490-х гг. он изложил подробности своих странствий в книге *Quivi comenciano le cose vedulte et aldite per mi, losapath Barbara, citadin de Venetia, in do viazi che Jo hoffatti — uno ala Tana et uno in Persia*, обычно сокращенно называемой «Путешествие в Тану и Персию».

Следующим достойным упоминания западным эмиссаром был Мартин Броневский (ум. нач. XVII), направленный в 1578 г. польским королем Стефаном Баторием в Крым к хану Мухаммед-Гирею II. Броневский прожил в Крымском юрте более девяти месяцев и по возвращении описал свои впечатления о тамошних делах в сочинении *Tartariae Descriptio* («Описание Татари»). В частности, он показал роль ногаев в крымских династических распрях XVI в. и характер отношений Бахчисарая с Ногайской Ордой.

Монах-доминиканец Жан де Люк (Джованни Лукка) в середине 1620-х гг. объехал Причерноморье Крымского полуострова, Северный Кавказ и Закавказье. В повествовании о своем путешествии (оригинальное название неизвестно, подлинник утерян) он описал расселение, занятия и образ жизни ногаев, подчинявшихся Гиреям, а также буджакцев (**Люк, 1879**). Коллега де Люка по ордену Эмиддио Дортелли д'Асколи в тот же период наблюдал жизнь Крыма изнутри, так как более чем на десятилетие осел там. По возвращении в Италию, на основании личных наблюдений и расспросов, в 1634 г. он составил *Descriptione del Mar Negro e della Tartaria*

(«Описание Чёрного моря и Татарии»), где поделился сведениями о мятеже мангытского лидера Хантимура против бахчисарайских монархов и вообще о политической роли ногаев в ханстве, отобразил их этнографические особенности.

Приблизительно в то время, когда д'Асколи покинул Причерноморье, туда явился французский инженер Гильом де Боплан (ок. 1600—1673), нанятый польским правительством для возведения крепостей на Южной Украине. Он занимался делами фортификации восемнадцать лет (1630—1648) по поручению своего патрона, короля Сигизмунда III, вернулся во Францию и приступил к работе над сочинением *Description d'Ukraine* («Описание Украины»). Во время жизни в степях Боплан сталкивался в основном с ногами Буджака и отвел им немало страниц в своем труде. Данное сочинение является одним из основных источников для изучения занятий, экономики, общественных отношений у этой части большого ногайского мира; кроме того, автор высказал наблюдения о статусе ногайской знати в Крымском ханстве.

С конца XV столетия Россия, только что освободившаяся от ордынского ига, стала остро интересоваться своих западных соседей. Уважения и внимания (не всегда дружелюбного) к ней добавила череда победоносных войн Ивана III с Великим княжеством Литовским. В Москву потянулись посланцы из европейских столиц, в том числе из столицы Священной Римской империи — Вены. В 1517 и 1526 г. великокняжеский двор посетил немецкий барон Сигизмунд Герберштейн (1486—1566). Он не только выполнял дипломатические поручения императора Максимилиана I и эрцгерцога Фердинанда, но и старался собрать для них предельно точные, объективные и полные сведения о «загадочной» Московии. Высокое качество добытой информации, наблюдательность и эрудиция Герберштейна превратили его труд *Rerum Moscoviticarum* («Записки о московитских делах») в один из основных источников как по России того периода, так и по сопредельным с ней наро-

дам. Именно Герберштейну принадлежит детальное описание внутренней структуры Ногайской Орды, ее деления на крылья и улусы, что очень сложно определить по материалам дипломатической переписки.

Задачи, сходные с поставленными перед Герберштейном, были поручены посланцу Максимилиана I Франческо да Колло. В 1518 г. он явился в русскую столицу с формальной целью примирения многолетних противников — Василия III и польско-литовского короля Сигизмунда I. Прожив полгода в Москве, да Колло отбыл в Европу и вскоре представил своему сюзерену сочинение *Relatione sulla Moscovia* («Донесение о Московии») — сводку собранных им во время миссии сведений о России и ее соседях. Ногаям там посвящены лаконичные пассажи об их многочисленности и воинственности, о выплате им дани окрестными правителями во избежание ногайских набегов.

В середине XVI в. начались активные дипломатические и торговые контакты Московской Руси с Англией. После первого британского визитера — капитана Ричарда Ченслера (серед. 1550-х гг.) — в течение нескольких десятилетий Московию посетила целая плеяда смелых, любознательных и целеустремленных англичан, разведывавших возможности русского рынка и маршруты в Персию и Индию. Выделим среди них Энтони Дженкинсона (ум. ок. 1611), который четырежды приезжал в Россию, а в 1558—1559-м и 1562—1564 гг. проделал путь от Москвы до Мавераннахра и Персии, отразив его в своем произведении *Voyage* («Путешествие»). Следуя по Волге мимо ногайских кочевий, он живо интересовался состоянием тамошнего населения.

Статус ногаев по отношению к России, их политическая независимость во второй половине XVI в. ярко предстают в труде шведского дипломата и историка Петра Петрея де Ерлезунды (1570—1622). Он неоднократно посещал Москву, начиная с 1601 г. Для цельности своего

рассказа о Московии он попытался описать народы, с нею соседствующие.

Последние годы существования Большой Ногайской Орды застал немецкий ученый и путешественник Адам Оларий (Эльшлегер, 1603—1671), посетивший Россию в составе шлезвиг-гольштейнского посольства в Москву в 1633—1634 гг. и в Персию в 1635—1639 гг. Его сочинение *Vermehrte Moscovitische und Persianische Reisebeschreibung* («Описание путешествия в Московию и Персию») в целом основывается на собственных наблюдениях.

Те иноземцы, что находились на царской службе, были, конечно, более осведомлены о степных делах. Однако в их сочинениях основной упор делался на внутрироссийские проблемы, и данных о ногаях, по сравнению с отчетами и воспоминаниями заезжих послов и купцов, там очень немного.

За внутренним состоянием Московского государства наблюдали европейские политики, чувствовавшие, что на востоке Европы появляется новая мощная держава. Первоначально они с трудом отличали Русь, недавнюю ордынскую данницу, от татарских ханств. В Ногайской Орде европейцы практически не бывали и узнавали о ней от своих русских или татарских собеседников. Неверно понятая информация и периодические миграции заволжских кочевников могли искажать картографический облик Орды.

В связи с ногайским вопросом В. Трепавлов затрагивает историю города Сарайчук. Как он отмечает, средневековый город Сарайчук (Сарайчик) располагался на правом берегу реки Яик (Урал), в 60 км от ее устья, в урочище, ограниченном с востока Яиком, с запада — его протокой Сарачинкой. Ныне эта местность относится к Махамбетовскому району Атырауской области Казахстана; там находится село Сарайчиковское. Окрестности являют характерный для Западного Казахстана ландшафт — засушливую пустынную степь. До золотоордынских времен о Сарайчуке нет упоминаний.

Однако по отдельным признакам можно предполагать, что какое-то поселение в этом месте существовало еще до монгольского нашествия¹⁶⁰.

Раннесредневековая история региона затронута в хронике «Джахан-наме» османского автора XVII в. Хаджи Халифы. Он пишет, что у устья реки Яик (Джанку) есть город Свандж (или Сваих), который ранее был столицей куманов, а затем был отстроен и заселен ногаями, чьи «ханы» ныне живут там (DeWeese, с. 197, 198). Д. Девиз полагает, что Сарайчук являлся доисламским культурным центром Дешт-и Кипчака. Исследователи, изучавшие историю кипчаков IX—XII вв., приходили к выводу о том, что поселение на Яике служило центром правого крыла Дешта (центром левого был Сыгнак на Сыр-Дарье). В то же время есть некоторые данные о принадлежности края к зоне расселения древнебашкирских племен. Эта зона достигала бассейнов рек Большого и Малого Узней, Чагана, Чижинских разливов.

Но пока в историографии безраздельно господствует мнение о начале существования Сарайчука в золотоордынскую эпоху. Информация по этому поводу ничтожна, и время появления города фактически обосновывается домыслами. Его относят ко второй половине XIII в. и приписывают то Бату (ссылаясь на сочинения хивинского правителя и историка XVII в. Абу-л-Гази), то его братьям Берке или Шибану, то сыну Шибана Бахадуру. Г.А. Федоров-Давыдов считает, что город был заложен на пустом месте, наподобие многих других городов Золотой Орды.

Восточные источники впервые упоминают о Сарайчуке в начале правления Берке (вторая половина 1250-х гг.). По Абу-л-Гази, он обратился там в ислам; а по Утемиш-хаджи, Берке проезжал через него по пути из Ургенча на свою коронацию в волжский Сарай ал-Махруса. В 1333 г. город посетил

---

¹⁶⁰ Трепавлов В.В. Сарайчук: переправа, некрополь, столица, развалины // Тюркологический сборник. — М.: Наука, 1986. — С. 225—244.

арабский путешественник Ибн Баттута, описавший большой понтонный мост через реку и келью почитаемого дервиша. Пять лет спустя через эти места следовал в Хорезм очередной католический миссионер. В последней трети XIV в. Сарайчук переходил от Шибанидов к потомкам сыновей Джучи Орду-Эджена и Тукай-Тимура и вновь к Шибанидам. Арабский хронист XV в. Ибн Арабшах приводит его в перечне городов, разрушенных Тимуром во время одного из нашествий на улус Джучи.

Вскоре после ухода чагатайских армий из Дешта Сарайчук оказался в центре Мангытского юрта Эдиге (Едигея), ядра будущей Ногайской Орды. Однако, несмотря на подчиненность мангытам, единственная крупная экономическая цитадель центрального Дешта продолжала формально считаться достоянием Джучидов левого крыла, и казахские ханы-Джучиды стремились к обладанию городом. В нем находились ставки Джанибека, Бурундука и Касима, а затем и усыпальницы первого и последнего из них. Сын Касима и внук Джанибека, хан Хакк-Назар, в 1550-х гг. называл Сарайчук своим юртом, да и сами ногайские мирзы расценивали его как «Янибеков царев юрт».

Историки обычно видят в Сарайчуке зимнюю резиденцию ногайского правителя-бия. Городская жизнь в ней единодушно признается примитивной, сведенной к незначительной торговле, функционированию некоторых административных учреждений, тюрьмы и кладбища. Некоторые считают Сарайчук XV—XVI вв. захудалым и полуразрушенным или вовсе лежавшим в руинах после похода Тимура. По убеждению местных казаков, городская жизнь в Сарайчуке в древности была связана исключительно с «ордой татарской». Следовательно, верховные ногайские государи в самом деле базировались в Сарайчуке. Но использовали ли его только в зимнее время, неясно.

Сарайчуку золотоордынской эпохи современные авторы дают разные оценки: от третьего по величине после двух Са-

раев города улуса Джучи до заштатной торговой фактории. Столь же различны трактовки его и применительно к ногайскому периоду. Но крымский автор XVII в. Абдулла б. Ризван, описывая в XVII в. Дешт-и Кипчак, ставил Сарайчук в один ряд с такими столицами, как Бахчисарай, Казань и Хаджи-Тархан. И, как в любом ордынском и послеордынском городе, там функционировала муниципальная администрация.

Расположение на старом торговом пути неминуемо придавало ногайской столице роль важнейшего транзитного звена в международном обмене. Даже во время жестоких междоусобиц среди ногаев купцы из Сарайчука приезжали в Астрахань и сходились там с торговцами из Шемахи, Дербента и Ургенча. Купцы, ремесленники и хлебопашцы составляли постоянное население города — Сарайчуковского улуса. Они являлись ясачными плательщиками бия, и в этом заключались их функция и предназначение в Ногайской Орде. К мобилизациям в ополчение их, по всей видимости, не привлекали, оставляя заниматься хозяйством.

Историки давно отметили выдающуюся сакральную роль Сарайчука для рода Джучидов как местоположения их фамильных гробниц. Там восходили на престол Золотой Орды Джанибек, Бердибек и, может быть, Узбек. Да и само имя местности — «Малый Дворец» — вызывает в памяти практику возведения дворцеобразной постройки над могилой правителя. Не менее значимой оказалась традиционно священная погребальная местность и для ногаев, которые поклонялись ханским мавзолеям. Ясно, что подобный ритуальный ранг Сарайчука, как и его положение стольного города Орды, побуждал ногаев лелеять планы его возрождения после 1581 г. Насколько можно судить по Ногайским делам, царь не стал финансировать строительство города на Яике. А сами кочевники едва ли могли осилить это грандиозное предприятие.

Но, как бы то ни было, формально сарайчуковская округа продолжала считаться административным и сакральным

центром Мангытской империи, и там оставалось постоянное население. В последнем десятилетии XVI в. повелитель Бухары решил сменить политику по отношению к мангытским мирзам (убеждая своего вассала, свергнутого казаками сибирского хана Кучума, жить в мире с мирзами). Но одновременно он продолжал разрабатывать планы экспансии в Северный Прикаспий. Эта трансформация неожиданно совпала с нарастанием антироссийских настроений среди Больших Ногаев.

Москву удалось убедить в отсутствии опасности, и Казачий городок был снесен; русское войско ушло восвояси. Явно наметился бухарско-ногайский союз. Он уже начинал приобретать зримые формы: Абдулла пообещал отстроить Сарайчук.

Перспектива оказаться зажатыми между двумя врагами, отмечает Трепавлов, привела в ужас казахов. Опасения казахов оказались напрасными. Большую Ногайскую Орду охватила смута, а Абдулла II вскоре умер. Но еще долго «призрак» Сарайчука присутствовал в русско-бухарских отношениях. Ханы Бухары в XVII в. видели в новопостроенном Яицком городке (Гурьеве) потенциальную угрозу для себя со стороны России, хотя при этом оборот товаров между двумя государствами все увеличивался. И бывший Сарайчук виделся узбекским политикам как удобное место для сосредоточения торговли с русскими.

Существовали ли в Ногайской Орде другие города? — задается вопросом исследователь. Историки отвечают на этот вопрос однозначно отрицательно. Аристократия из ногайского эпоса проживает, как правило, в крепостях и в укрепленных ставках (ордах) под охраной внутренней и внешней стражи.

Однако мы не можем отрицать очевидный факт: у жителей Ногайской Орды совершенно отсутствовали навыки градостроения. Сарайчук, как и почти все известные золотоор-

дынские города, был построен в традициях среднеазиатской мусульманской архитектуры. Эти традиции были ногами утрачены. Чужеземцы-«наймиты», которые строили для них дворцы и мавзолеи, были приверженцами строительных канонов Мавераннахра. Строительная квалификация развивалась у позднейших ногайцев, главным образом, при обустройстве не городских, а сельских поселений, полуоседлых аулов.

Место ногайской столицы и джучидско-мангытский некрополь продолжали почитаться у местных тюркских кочевников и в дальнейшем. Их неоднократно описывали на протяжении последних двух столетий как составители общих исторических очерков Западно-Казахстанского края и Башкирии. Сарайчук располагался в треугольнике, образуемом главным руслом Яика и его протокой Сарачинкой, которые давали ему естественную защиту с востока и запада. С юга и севера его защищали крепостные стены, со временем приобретшие вид земляного вала. У некоторых наблюдателей сложилось впечатление, будто фортификационные сооружения окольцовывали город полностью. Остатки внешних укреплений сохранялись до 1850—1860-х гг. В 1824 г. А.И. Левшин еще мог видеть главный въезд в крепость, отмеченный двумя треугольными бастионами.

Половодья, колебания русла Урала неумолимо разрушали остатки ногайской столицы. Не меньший ущерб нанесла хозяйственная деятельность казаков, которые, начиная с XVIII в., разбирали древние сооружения для использования больших и прочных старых кирпичей в собственных постройках. В отдельных казацких домах полы выстилались именно этим материалом. Огромное количество кирпича было вывезено для строительства Гурьевской крепости.

Таким образом, заключает В. Трепавлов, источниковая база по истории ногаев и Ногайской Орды довольно обширна и разнообразна. Материалы, происходящие из разных стран и

написанные на разных языках в течение XV—XVIII вв., позволяют осветить все стороны жизни этой кочевой империи (Трепавлов, 2011, с. 22—48).

* * *

Таким образом, монгольское завоевание Центральной Азии и Казахстана так же, как и других стран, сопровождалось массовой гибелью кочевого населения — найманов, киреитов, кыпчаков и канглы, оказавших упорное сопротивление захватчикам. Карлуки, онгуты, уйгуры и та часть кыпчаков, канглы, найманов и киреитов, которые подчинились монголам без сопротивления, но под угрозой завоевания, также понесли серьезные потери в результате тотальной мобилизации из людских и экономических ресурсов в угоду экспансионистским устремлениям монгольской знати. Они приняли активное участие в завоевательных войнах Чингисхана и его преемников. Кыпчаки, канглы, карлуки, уйгуры, кайманы, киреиты, онгуты, участвуя в монгольских завоевательных войнах и оставаясь в завоеванных государствах в качестве монгольских управляющих, их военной и полицейской силы, как правило, не возвращались в родные места, а рассеивались и ассимилировались с местными жителями. Этому способствовала политика монгольских завоевателей, которые покорили такие страны с вековыми культурными традициями и развитым земледелием, как держава хорезмшахов, государство тангутов Сися, империя чжурчжэней Нзинь, китайская империя Сун.

Поскольку монголы стояли на более низкой ступени развития, они вынуждены были привлекать к управлению завоеванными странами представителей покоренных ими народов, которые уже имели соответствующий опыт, чтобы в монгольском государственном аппарате каждой из стран участвовали чужеземные элементы. Привлечению тюрок (уйгуров, кыпчаков, канглы, кайманов, киреитов, онгутов,

карлуков) на монгольскую службу способствовало и то обстоятельство, что они еще в домонгольский период стояли во главе местных государств с оседлоземледельческим укладом в различных районах Средней Азии.

Аналогичная политика велась монголами и в других завоеванных странах, например в Иране и на Ближнем Востоке, входивших в состав монгольского государства ильханов Хулагуидов, а также на Руси, находившейся в подчинении Золотой Орды. Правители этих монгольских государств активно привлекали к управлению выходцев из других стран, среди которых тюрки играли заметную роль.

Что касается Золотой Орды и Чагатайского улуса, то монгольское правящее меньшинство постепенно тюркизировалось в массе близкого по хозяйственному укладу тюркского кочевого населения. Таким образом, монгольские завоеватели повсюду создавали полиэтничный аппарат управления. Завоеванные народы угнетал и эксплуатировал класс завоевателей, состоящий не только из монголов, но и находившихся на монгольской службе выходцев из других этносов, среди которых была весьма заметна роль тюрков. Этому способствовало и то обстоятельство, что монгольская традиция государственности сложилась в основном на базе древнетюркской концепции. Однако их роль при монголах была неодинакова в различных странах. В Золотой Орде монголы были ассимилированы тюркским местным населением, а держава Батые послужила источником для образования после распада Золотой Орды таких тюркских государств, как Ногайская Орда, Казанское, Астраханское, Казахское и Крымское ханства.

Тем не менее, как свидетельствует история, тюрки сыграли заметную роль в политической и культурной жизни Китая, Средней Азии и Восточной Европы в эпоху монгольского владычества.

§ 4. Тимур и тимуриды

Ю. Филлипс в своей книге так описывает историческую роль Тимура: «Хотя Тимур и его непосредственные преемники происходили из монголов и помнили традиции Чингис-хана, они все же принадлежат совсем к иному миру. Тимур основал свое государство по большей части на остатках государств чингисидов, воюя с последними джагатай-ханами за Среднюю Азию и Тохтамышем за улус Джучи. Он, подобно многим монголам за пределами Монголии, говорил на тюркском языке, жил в Средней Азии и столицей своей сделал Самарканд. Именно отсюда, а не из Монголии он руководил завоеванием мира, причем не как враг ислама, а как ревностный мусульманин, желавший распространять свою веру любыми путями».

К 1335 г. династия ильханов в Иране фактически прекратила свое существование. Вакуум власти стал заполняться различными эпигонскими, эфемерными династиями, пытавшимися устроить свой контроль над различными частями владений улуса Хулагу. Ослабление Ирана совпало с усилением Турана, как поэтически в иранской поэзии были названы тюркские владения в Средней Азии, т.е. улус Чагатая. В 1266 г. после смерти Хулагу здесь возникло независимое государство во главе с Барак-ханом (1266—1271). При нем и его преемнике Кебеке (1318—1326), несмотря на то что оба еще не были мусульманами, исламский характер нового государства усиливается, что следует из нумизматических находок, относящихся к этому периоду. Во второй половине XIV в. власть в Трансоксиании приобретают *эмиры*, главы родов, в то время как титул *хан* носили только потомки Чингис-хана. Один из таких эмиров из рода барлас по имени Тимур, к которому позднее прибавилась приставка — *ленг* (хромой), взял власть в улусе Чагатая при номинальных владыках Союргатмыше и Махмуде, присвоив себе титул султана.

Д. Синор пишет, что армия Тимура была преимущественно тюркской, сочетая в себе традиции монгольского и мусульманского войска. Тимур начал с нападения на Хорасан и Восточную Персию. Затем в 1391 г. Тимур предпринял поход в Кипчакскую степь, где в 1385 г. вошел в столкновение со своим бывшим протеже Тохтамышем. Эти походы имели не столь значительные геостратегические последствия, как походы Тимура в Индию и Турцию. В августе 1398 г. Тимур в возрасте 62 лет оставил Кабул и отправился на завоевание Индийского Султаната, в котором правила династия туглуков. В начале 1399 г. Тимур захватил Дели, в марте пересек Инд. После его похода власть туглуков в Северной Индии была подорвана. В 1400 г. Тимур двинул свои войска на запад и в том же году оккупировал Алеппо и Дамаск, а годом позднее — Багдад. Столкновение между «железным хромцом» и турецким султаном Баязидом, прозванным «удар грома», стало неизбежным. Баязид сам был прекрасным бойцом, унаследовав власть от погибшего во время знаменитого сражения на Косовом поле отца Мурада I против сербов. В 1402 г. в сражении у Анкары султан Баязид погиб, а турецкая армия была разбита. Константинополь и Венгрия были на время спасены от угрозы турецкого завоевания. Д. Синор не исключает, что действия Тимура объективно являлись продолжением стратегического альянса Запада с монголами против турецкой экспансии (**Sinor, 1969, p. 190**). Тимур установил контакты с королем Франции и Кастилии — Карлом VI и Генрихом III. На эту мысль наталкивают такие источники, как письма Р. Госалеса де Клавихо, находившегося при дворе Тимура в Самарканде с 1403-го по 1406 г. Остались также воспоминания немца Иоганна Шильтбергера, который был пленником как Баязида, так и Тимура (**Clavijo, 1928; Telfer, 1879**).

Из воспоминаний европейцев следует, что к тому времени Тимур уже был больным и старым человеком, однако полон новыми идеями — завоевать Китай. Таким образом, Тимур

действительно стремился восстановить Монгольскую империю в ее прежних границах, а себя, по-видимому, он рассматривал в качестве преемника «Потрясателя Вселенной». Но во время похода на Китай Тимур умер близ Отрара 19 января 1405 г. С исторической перспективы, пишет Синор, имя Тимура стало синонимом полного разрушения и бессмысленной жестокости. Однако, считает этот автор, Тимур не совершал ничего такого, что бы не делал любой другой завоеватель в эту эпоху. А в наше время — время Хиросимы, напалма, ковровых бомбардировок и использования дефолианта¹⁶¹, с иронией отмечает автор, Тимур мог бы считаться сотрудником Красного Креста. По стандартам своего времени Тимур был человеком культурным; он владел тюркским и персидским языками и был покровителем наук и искусств. Как писал английский исследователь Э. Браун об эпохе Тимура, «трудно было бы еще назвать такой период в истории длиной в семьдесят лет (1335—1405), который породил столько замечательных поэтов, галактику талантов, среди которых великий Хафиз — одна из многих ярчайших звезд» (**Browne, 1964, p. 207**). Тимур стремился сделать свой любимый город — Самарканд величайшим городом в мире. Синор считает, что Тимура нельзя однозначно рисовать темными или светлыми красками, Тимур был, прежде всего, сыном своего времени и родоначальником новой эпохи в истории Центральной Азии.

Б. Брентъес и Л. Альбаум называют Самарканд в своей книге «Хозяева степей» метрополией Средней Азии, каким он стал при Тимуре. Фигуру самого «железного хромца» они относят к плеяде выдающихся полководцев, выдвигаемых степными народами в течение многих столетий и даже тысячелетий, таких как Мао-Тунь, Аттила и Чингис-хан. Все они вошли в историю как великие завоеватели, но имя Тимура в наибольшей степени ассоциируется с ужасами безжалостно-

¹⁶¹ Д. Синор писал свою книгу в разгар войны во Вьетнаме.

го разрушения и тотального разрушения (**Brentjes, Albaum, 1986, S. 81**). Эти авторы связывают возвышение Тимура с той политической обстановкой, которая сложилась в улусе Чагатай в середине XIV в. Фактически он распался на два ханства, из которых одно, шаманистическое по характеру с центром на Иссык-Куле, противостояло другому — более исламизированному в Трансоксиании. Властитель этого ханства Казан (1343—1346) был свергнут тюркской знатью во главе со своим предводителем Казганом, который посадил в качестве номинального властителя одного из чингисидов. Новый эмир мечтал о создании новой империи, но был убит в 1357 г. в результате попытки переворота. Против его сына Мирзы Абдаллы восстало племя Барлас во главе с Хаджи-Барласом. В 1360—1361 гг. племенной союз возглавил сын Есен-Букаша Туглуг-Тимур, который стал главным противником племянника изгнанного властителя Кеша Тимура. Последний поначалу был советником при дворе чингисидов, но после победы над Туглуг-Тимуром превратился в полновластного властителя. Во время этих сражений он был ранен в бедро и с тех пор получил прозвище «ленг» — хромым. Так и вошел в историю как Тимурленг, или Тамерлан.

10 апреля 1370 г. Тимур был провозглашен полновластным эмиром, правителем, при котором формально царствовали три чингисида до 1402 г. Характеризуя империю Тимура, авторы обращают внимание на тот факт, что она была своеобразным образованием с тюрко-персидской культурой, тюрко-монгольским правом и могуло- (т.е. языческо) исламской религией. Формально в империи Тимура действовала Яса Чингис-хана, на деле — шариатское право. По оценкам этих авторов, походы Тимура в Индию, Иран, Ирак, на Кавказ, на Волгу и в Могулистан стоили человечеству от четырех до шести миллионов жизней. Были разгромлены государство османов, Делийский султанат, Золотая Орда и Могулистанское ханство, но никаких новых государственных и

экономических структур взамен не было создано. После Тимура остались только руины, пишут эти авторы. Он семь раз завоевывал Илиталь, три раза вторгался в Хорезм и Персию и дважды — в волжские земли. То, что не разрушили монголы, dokonчили его войска. Эти авторы приводят следующие факты: в Хиве с 1360 г. правила суфийская династия, которая в 1372—1379 гг. воевала с Тимуром. После его победы все население Ургенча было полностью вырезано (**Brentjes, Albaum, 1986, S. 82**).

Тимур покончил с политическим наследием монголов в Центральной Азии, что происходило одновременно с крушением монгольского владычества в Китае. Женясь на монгольской принцессе, чтобы придать своей власти больше легитимности, он в то же время предпринимал опустошительные походы против монголов в северо-восточном направлении, вплоть до Чёрного Иртыша. В 1381—1383 гг. Тимур полностью разрушил Хорасан, его города и ирригационные системы. С тех пор и до наших дней эта территория представляет собой пустыню. В 1385—1386 гг. после завоевания Тимуром Астерабада бесчисленное количество армян и иракцев было уничтожено завоевателями. В 1387 г. после падения Исфохана были обезглавлены 70 000 жителей. Из Шираза были вывезены в Самарканд все ремесленники. Аналогичные акции по принципу выжженной земли и тотального устрашения Тимур осуществлял в Багдаде в 1393 г., в 1394-м — в Курдистане и Армении. На Кавказ армия Тимура вторгалась в общей сложности пять раз — с 1395-го по 1403 г. Наиболее чудовищным было взятие Багдада в 1401 г., когда в один день 10 июля было уничтожено и казнено 90 000 человек, разрушены все дома и даже мечети, а армия Тимура увела в качестве добычи всех ремесленников и ученых.

Тимур проводил также операции на северо-западном направлении. В 1376 г. он помог хану Тохтамышу в период его похода против т.н. Белой Орды. В 1380 г. Тохтамыш объеди-

нил Золотую и Белую Орды со столицей в Сарае, восстановил господство над русскими землями в 1383 г. и сжег Москву. После этого Тохтамыш считал себя достаточно сильным, чтобы начать борьбу против Тимура. Линия фронта простиралась от Кавказа до Ферганы. Войска Тохтамыша с помощью русских вспомогательных отрядов в 1387—1388 гг. предприняли наступление против Ходжента и Бухары, однако оно было безуспешно. В 1391 г. Тимур за четыре месяца оттеснил Тохтамыша от Яссы (Туркестан) до Самары, подверг разрушению волжские города, но не оккупировал. В 1394—1395 гг. Тохтамыш вновь предпринял наступление на Тимура, на этот раз с помощью мамлюков, что привело к появлению армии последнего в Астрахани, на Тереке и на Дону. Во время этой экспедиции были разрушены генуэзские и венецианские колонии на Чёрном море, а все христиане обращены в рабство. Тем самым был нанесен серьезный удар по всей европейской торговле на Востоке, а Передняя Азия и Восточная Европа жили в ожидании неминуемого вторжения.

В 1393 г. Тимур предпринял поход на Дели. Перед решающей битвой он приказал казнить 100 000 пленных, не желая оставлять у себя в тылу потенциального врага. После падения столицы султаната ее ждала та же судьба, что и другие поверженные столицы: население было истреблено, за исключением ремесленников, которые были отправлены в Самарканд. В результате этого похода Тимур получил в виде трофея 120 боевых слонов и использовал их через два года против мамлюков в битве под Алеппо. Через несколько недель после победы при Алеппо пал Дамаск (14 декабря 1400 г.), частично сожженный победителями. В огне погибла знаменитая мечеть умайядов, вместе с нашедшими под ее крышей убежище тысячами беженцев. Вновь в качестве добычи все лучшие ремесленники были отправлены в столицу Тимура. И, наконец, в завершение этого похода 20 июля 1402 г. Тимур встретился с армией турецкого султана Бая-

зида у Анкары. Как отмечают авторы, это была крупнейшая битва в истории: около миллиона бойцов с обеих сторон сошлись в настоящем сражении. Баязид, до того удачливый завоеватель Константинополя и Балкан, проиграл сражение в результате перехода на сторону Тимура основной массы турецких (тюркских?) войск. Только 10 000 янычаров и сербов оставались с султаном до конца. Поражение под Анкарой имело своим результатом временное ослабление Османской империи: родосские рыцари захватили Смирну, а Византия получила надежду на восстановление. Однако Тимур не планировал окончательного разгрома османов, он был поглощен идеей похода на Китай. У Отрара было собрано огромное войско для китайского похода, но 19 января 1405 г. в возрасте 71 года великий завоеватель неожиданно умер.

Б. Брентъес и Л. Альбаум пишут, что можно, конечно, философствовать и гадать, что бы произошло, если бы Тимур не умер. Смог бы он повторить, как Чингис-хан и Хубилай, которые имели дело с раздробленной государственностью династии Сун, их пример, имея своим противником еще молодое и сильное государство новой династии Мин, управлявшееся энергичным императором Юн-ло (1403—1424)? Одно не вызывает сомнений, отмечают эти авторы, что Тимур, если бы не завоевал Китай, то подверг бы его безжалостному разрушению, как он это делал со всеми завоеванными странами и столицами, исходя из своего глубокого убеждения, что только Самарканд достоин существования как столица мира и его империи. Остальной мир он мог видеть только в руинах (**Brentjes, Albaum, 1986, S. 83**).

В 1958 г. тайваньский историк Шу Ю-ху в своей биографии известного китайского мореплавателя адмирала Чжэн Хэ, совершившего в эпоху поздней династии Мин семь экспедиций в Южную Азию, Индию, Африку и Персидский залив, высказал гипотезу, что целью этих экспедиций было заключение

Китаем военно-политического союза с мусульманскими властителями против Тимура. И хотя опасность вторжения Тимура в Поднебесную действительно существовала, итальянский исследователь М. Россابي подверг в 1973 г. критике интерпретацию китайского ученого, доказав, что историческая реальность и дипломатические отношения той эпохи не позволяли заключения реального союза в силу географических и других факторов (**Rossabi, 1973, p. 136**).

После смерти Тимура вновь был применен принцип, в соответствии с которым создавались и делились огромные кочевые империи. Как писал Д. Синор, «они становились личной собственностью завоевателя, который мог по своему личному усмотрению разделить ее между своими естественными наследниками или же отдать предпочтение одному из них, игнорируя права старшего» (**Sinor, 1969, p. 193**). Так действовал Чингис-хан, отдав Центральный улус третьему сыну — Угедю. Выбор Тимура остановился на его четвертом сыне — Шахрухе (1407—1447). То, о чем мечтал Тимур в отношении Самарканда, было сделано Шахрухом и его женой Гаухар-Шад в Герате, который они украсили замечательными творениями архитектуры, многие из которых сохранились до настоящего времени¹⁶². В отличие от отца Шахрух установил мирные дипломатические отношения с Китаем. Но в то же время, несмотря на свою мирную натуру, этот тимурид оказался удачным полководцем; в его правление влияние державы Тимура было распространено за пределы Азербайджана. Кроме того, Синор характеризует Шахруха как человека, хорошо разбиравшегося в людях и прекрасно образованного, как и все принцы при дворе Тимура, в отличие от их коллег в Европе в эту эпоху.

Б. Брентъес и Л. Альбаум пишут, что время правления Шахруха было периодом расцвета торговли. Это подтверж-

---

¹⁶² Если бы они не были уничтожены в ходе длящейся уже двадцать лет войны в Афганистане, о чем не мог подозревать Д. Синор в 1969 г., когда завершал свой великолепный «Силлабус» о Внутренней Азии, которому мы здесь следуем.

дает относящийся к 1441 г. манускрипт «Солнце искусства государственного подсчета», согласно которому некий ширазский купец следовал в 1438 г. через Герат и Ургенч в Сарай на Волге. Этот пример, подчеркивают авторы, дает наглядное описание торговли не только в Средней Азии, но и воссоздает механизм функционирования всей системы восточной торговли в Средние века. Караван покинул Шираз 24 июня 1438 г. в составе десяти верблюдов с товарами стоимостью 30 000 динаров. Половину этих денег внес губернатор провинции с гарантией получить их до 14 августа 1440 г. Другие 50 процентов внес частный банкир Хаджи Камаль ад-Дин Хусейн, которому была дана гарантия возвращения его денег к 16 июня 1440 г. Каждый вексель был внесен в официальный регистр. Оба заимодавца рассчитывали на стопроцентную прибыль, так как караван-баши должен был заработать по меньшей мере 90 000 динаров, из которых он рассчитывал на туковую же прибыль, как и хозяева капиталов. Источник дает полное описание предназначенных для продажи товаров, среди которых жемчуг, амбра, алоэ, перец, инжир, мускатные орехи, эбонитовое дерево и индиго — всего на сумму 21 857,33 динара. Вес груза составил 1,5 т. Расходы путешествия до Сарая оценивались в 3 395 динаров; остаток служил в качестве резерва. В Герате и Ургенче были проданы жемчуг и ряд других товаров на 5 929 динаров. Затем караван в составе уже 14 грузовых и 6 верховых и везущих провиант верблюдов двинулся к Каспийскому морю. В Сарае купец получил за свой товар 31 500 динаров. Здесь он приобрел для обратного пути товаров на сумму 46 922 динара, в которые входили китайский шелк и другие ткани, русский лен и шерстяные ткани. На обратном пути в Герат купец продал часть товаров на сумму 57 000 динаров и обменял шелк на меха и шерсть на сумму 48 000 динаров. К концу путешествия его капитал достиг суммы 128 969,33 динара, т.е. был учетверен. После расчетов с заимодавцами он получил прибыль в раз-

мере 68 969,33 динара. Расходы за два года составили в полтора раза меньше суммы основного капитала, но прибыль достигла 430 процентов. Это оправдывало риск потерять все во время торговой экспедиции, так как купец гарантировал полный возврат капитала, взятого в займы. Этот купец, как и все его коллеги по сословию, рассчитывал на безопасность путей, которую могло в то время гарантировать государство тимуридов. Однако к описываемому моменту распад империи, созданной Тимуром, уже начался (**Brentjes, Albaum, 1986, S. 83—85**).

Его сын, знаменитый ученый Улугбек, длительное время правил от имени отца в Трансоксиании (1409—1446), но его верховное правление над всей империей длилось недолго (1447—1449). Улугбек был ослеплен и убит собственным сыном, а империя распалась на несколько частей. Характерно, что в то время, как тимуриды правили реально, официально сюзеренами считались потомки Чингис-хана, которых держали при дворе в Самарканде как символ легитимности. Эта ситуация имела место за несколько столетий во франкском государстве при Каролингах, а затем через двести лет повторилась в Японии при сёгунах.

При Улугбеке Самарканд превратился в подлинный центр наук и искусств не только регионального, но и общемирового значения, оставшись в истории как один из величайших центров мусульманской цивилизации. Фигура самого Улугбека как правителя и ученого также является своего рода уникальной для той эпохи и для всей Центральной Евразии. После его трагической смерти внук Тимура Абу Саид установил свою власть сначала в Самарканде (1452), а затем в Герате (1459). Ему не удалось собрать империю деда в полном объеме, но он был последним из его потомков, чья власть не носила локальный характер. Наследственная тяга тимуридов к прекрасному проявилась еще при одном его потомке — султане Хусейне Байкаре (1469—1506), который в еще

большей степени, чем Шахрух, умел подбирать соратников, демонстрировал сибаритские наклонности и создал такую атмосферу при дворе, которая исключала интриги и благоприятствовала талантливым людям. Среди его окружения следует назвать, считает Синор, в первую очередь Алишера Навои (1440—1501), великого поэта и создателя литературного тюркского языка — чагатайского. Синор сравнивает роль Навои с вкладом Данте в создание литературного итальянского языка.

Шахрух, Улугбек и Хусейн Байкара отличались от великих завоевателей Чингис-хана и Тимура не только любовью к знаниям и искусству; у государств, которые они возглавляли, не было главного в фундаменте, необходимого для существования великих степных империй тюрков и монголов, — кочевого общества с его простой экстенсивной экономикой, требовавшей постоянного расширения. Но они смогли обеспечить своим владениям, основу которых составляли города-государства в оазисах Средней Азии, стабильность и относительное мирное существование. В этом они были, конечно, нетипичными фигурами для средневековой истории Центральной Евразии. Это стабильное существование было прервано кочевой узбекской конфедерацией, которая при Мухаммеде Шейбани завоевала Бухару и Самарканд в 1500 г. Шейбаниды правили Трансоксианией до 1599 г., а Иран отложился под династией Сефевидов (1502—1736). Таким образом, заключает Синор, Иран и Туран вновь разъединились. Б. Шпулер считает это частью более глобального процесса: Османская империя, сефевидский Иран и империя Великих Моголов превратились в эффективный барьер против экспансии кочевников Центральной Евразии, историческая роль которых уже состоялась (Spuler, 1960). К этому историческому противостоянию вскоре присоединилась Россия, и с XVI в. кочевники переходят к обороне от наступающей на них оседлой цивилизации, вооруженной огнестрельным оружием и все более

превосходящей кочевников своим технологическим уровнем развития.

Большой интерес представляет поход Тимура против Тохтамышша в 1391 г. Поход этот был уже в науке предметом описания со стороны французского ученого М. Шармуа. Когда М. Шармуа писал свою работу на французском языке, в его распоряжении были сочинения Шереф-ад-дина Али Иезди и Абд-ар-Реззака Самарканди. Свой поход против Тохтамышша Тимур начал зимой 1390—1391 гг. Выступив из Самарканда, он перешел Сыр-Дарью по переброшенному через реку мосту и направился в Ташкент. Здесь, расположившись со своим войском в местности между Паренном и Чинасом, Тимур и провел зиму.

Когда Тимур прибыл в местность Кара-Саман (в районе Отрара), к нему явились послы от Тохтамышша. Пока Тимур был занят завоеваниями в Иране, Тохтамышш делал все, чтобы навредить ему, вплоть до похода в Мавераннахр и ограбления его городов. Теперь же, когда Тимур выступил против Тохтамышша с огромными силами, последний испугался и решил отложить генеральное столкновение до более благоприятного времени. 12 мая 1391 г. Тимур выслал авангард под командой своего внука, мирзы Мухаммед-султана Бахадура. Задачей авангарда было найти вражеские силы.

Через некоторое время авангард дошел до реки Тобола в Западной Сибири, перешел ее и увидел много костров, но следов войска не нашел, сколько мирза Мухаммед-султан ни высылал сторожевых отрядов. Пока авангард в районе реки Тобола занимался поисками, подошли главные силы с Тимуром во главе. Тимур отдал приказ перейти Тобол в убеждении, что противника надо искать в этом направлении. Была выслана разведка во главе с испытанным эмиром Шейх-Давудом. Разведка эта добыла полезные сведения, и Тимур решил, что нужно двигаться в сторону реки Яика (Урала). 18 апреля 1391 г. он сам лично стал приводить в боевой по-

рядок свою огромную армию, разделив ее на семь кулов, независимых друг от друга, но подчиненных ему (Тимуру) боевых корпусов. Знаменитое сражение произошло в местности Кундурча или Кундузча в долине одноименной речки Кундурча, притока Черемшана, ныне в Куйбышевской области.

В источниках сражение это подробно описано. Сражение было кровопролитным, шло напряженно, с переменным успехом на отдельных участках, но кончилось полным разгромом Тохтамышша. Победа Тимура над Тохтамышем в долине Кундурчи дала огромную добычу. Возвращаясь назад, Тимур перешел вброд реку Яик и вышел к Саурану, откуда направился на Отрар и затем в Самарканд, свою столицу. По словам Шереф-ад-дина Али Йезди, весь поход 1391 г. продолжался 11 месяцев¹⁶³.

Вклад тимуридской эпохи в развитие мировой цивилизации неоднократно изучался на международных конференциях. Наиболее значительные среди них — «Международный симпозиум по искусству в Средней Азии в тимуридский период» (1969), а также международная конференция «Эмир Тимур и его место в мировой истории» (1996), организованные под эгидой ЮНЕСКО. Большой интерес представляют материалы последней конференции, на которой иностранные (не представители науки СНГ) исследователи представлены в значительном количестве. Все доклады, посвященные Тимуру и его эпохе, можно разбить на четыре группы: 1) Тимур как военачальник и геополитик; внешняя политика и отношения державы Тимура с другими государствами; 2) внутреннее устройство империи Тимура и административные реформы; 3) культура в эпоху Тимура и его преемников; культурно-религиозные процессы в государстве

¹⁶³ Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. — С. 252—266.

Тимура; 4) источники и историография по истории тимуридской эпохи.

Центральным докладом по первой проблеме можно назвать работу американского востоковеда Р. Нельсона «Тимур как военный стратег и геополитик». Автор подчеркнул, что он сделал попытку дать современную интерпретацию исторической фигуре Тимура. Нельсон считает, что Тимур как полководец стоит особняком от других великих военачальников. Особо бросается в глаза его личная храбрость и энергия, которую он проявлял даже в немолодом возрасте (в 70 лет он разбил Баязида, а умер при подготовке похода на Китай, которым, конечно, намеревался руководить лично). Тимур был мастером маневра, считает американский исследователь. Он блестяще проявил этот талант в сражениях против Тохтамыша. Наполеон и гитлеровская армия, сражавшиеся в этих же местах, не смогли достичь должного уровня и потерпели поражение в отличие от Тимура. Марш-броски на дальние расстояния и переходы в сотни и тысячи миль по завоеванным территориям были непременным атрибутом его военного искусства. Тимур применял в качестве психологического оружия то, что в XX в. называли «тотальной войной». В качестве великого стратега Тимур, как никто другой, понимал значение коалиций и умел добиваться целей без сражений, когда это было возможно, как это было при взятии Карши. Тимур был способен адаптироваться к новым военным технологиям: в Индии он разработал тактику борьбы со слонами, а позже включил их в состав своих сил. Наконец, он обладал способностью быть в нужном месте в нужное время (**Amir Temur, 1996, pp. 20—21**).

В отношении военно-политической концепции Тимура Нельсон пишет, что применительно к нему справедливо было бы применить перефразированное известное выражение Клаузевица: у Тимура политика была продолжени-

ем войны, но другими средствами. Американский историк считает, что Тимур был «завоевателем, но не императором». Некоторые города он завоевывал по два, три и даже четыре раза. Для него было важно передвигаться через территорию, а не контролировать ее. В этом плане следует различать «территориальную» политику от геополитики. Для первой характерно стремление удержать завоеванную территорию и управлять ею. Это в большей степени взгляд западной цивилизации на проблему. Геополитика подразумевает не столько прямое контролирование территории, а контроль над путями и коммуникациями, создание групповых альянсов, миграцию и другие способы создавать центры силы. Для кочевников было характерно именно такое понимание геополитических задач. Это бы восточное понимание вопроса! Тимур как великий политик и стратег сочетал в себе оба понимания проблемы — кочевое и оседлое, монгольское, тюркское и персидское, восточное и западное.

Нельсон подчеркивает, что лейтмотивом великой стратегии Тимура было постоянное состояние завоевания. Прежде чем перейти к масштабным завоеваниям, Тимур осуществил первую и неотложную задачу — усилил свою легитимность в глазах кочевых племен; для этого он прибег к монгольской символике, стал эмиром при Чагатаидах и всячески раздувал версию о своем монгольском происхождении. Все стало частью его стратегии по созданию альянсов — сначала на племенном, затем на региональном уровне. Таким образом, считает Нельсон, Тимур блестяще маневрировал не только на поле боя, но и в политике и дипломатии. Он мог неожиданно прервать кампанию и повернуть на сто восемьдесят градусов, при том что главная цель оставалась всегда в центре его внимания. Так произошло, когда он неожиданно прекратил борьбу против Баязида и приступил к разрушению Багдада и Дамаска. Тем самым он предотвратил возникновение опасной для себя коалиции между Баязидом и мамлюками. Срав-

нивая его с Чингис-ханом, автор отмечает, что Тимур был не абстрактным стратегом, а оперативным реалистом, подводящим под свою веру в победу конкретные планы.

Р. Нельсон делает интересный вывод, резюмируя историческое значение фигуры Тамерлана: он был первым великим завоевателем, соединившим воедино природную дикую храбрость кочевников с верой в ислам и его предназначение. Таким образом, его можно рассматривать в качестве предтечи современного «столкновения цивилизаций». С точки зрения изменения баланса сил в Азии Тимур свел на нет или серьезно ослабил такие державы средневековья, как Золотая Орда, Персия, Делийский султанат, Турецкая империя, и устранил вечную угрозу Китаю со стороны монголов. Практически он сделал то же самое и для Московии, позволив разгромом Золотой Орды ей встать на ноги и окрепнуть. Таким образом, заключает Нельсон, Тимур был фигурой таких масштабов, которых было мало в истории и которые вряд ли появятся (**Amir Temur, 1996, pp. 21—26**).

Турецкий исследователь И. Тоган рассматривает появление государства Тимура в контексте одного общего процесса, охватившего тюркский и исламский мир Евразии в XIV—XV вв., — соперничество различных родов и племен за доминирование в регионе. Настоящий процесс кристаллизовался с приходом к власти в Средней Азии рода Барлас во главе с Тамерланом и Османов в передней Азии. Эти события оставили свои следы в культурно-исторической традиции тюркского мира в виде чагатайской и османской культур (**Amir Temur, 1996, pp. 14—15**). Пакистанский ученый Ф.А. Дуррани видит в Тимуре продолжателя дела Чингис-хана, с одной стороны, а с другой — создателя величайшей исламской империи, величайшего мусульманского полководца. Дуррани особенно подчеркивает роль Тимура в распространении и укреплении ислама, как это было, например, на Кавказе с лезгинами. Выдающимся актом, считает пакистанский исследователь, было

строительство Тимуром мечети на могиле Ходжи Ахмеда Яссави. Дуррани обращает внимание на тот факт, что династия тимуридов, потомков Бабура, просуществовала в Индии до 1875 г. (**Amir Timur, 1996, pp. 34—36**).

Доклад американской исследовательницы тимуридской эпохи Б.Ф. Манс посвящен одной из самых интересных страниц в истории завоевательных походов «великого хромца», непосредственно затрагивающих историю Казахстана, — противостоянию Тимура и Золотой Орды. Б. Манс называет эту борьбу «дуэлью за восстановление Монгольской империи». Исследовательница подходит к проблеме, опираясь на сравнительный сюжетный анализ источников по истории Тимура. В основной своей массе известные европейским историкам источники персидского происхождения, и они мало внимания уделяют степным кампаниям самаркандского властителя. Однако если обратиться к аутентичным центрально-азиатским источникам, например к краткой истории Тимура, написанной его внуком Искандер Султаном, то история его походов предстает в несколько ином свете: Тимур вел борьбу за восстановление под своим началом монгольской державы. Не только улусы чагатаидов и ильханов интересовали его; он был намерен присоединить к своей империи все владения, оставленные Чингис-ханом своим сыновьям и внукам, т.е. потомкам Джучи, Угедея, Чагатая и Толу.

Характерно, что Тимур вел свою кампанию в Иране в монгольской традиции, провозгласив целью восстановление монгольского контроля над Ираном. Вмешавшись в борьбу между Тохтамышем и Урус-ханом на стороне первого, Тимур сделал в 1376—1376 гг. заявку на контроль над Синей Ордой, которая юридически считалась принадлежащей к улусу Джучи. В 1385 г., комментирует Манс, в борьбе за Тебриз встретились два претендента на восстановление Монгольской империи. Один из них принадлежал по рождению к чингисидам и по праву был ханом главного среди всех чин-

гисидских улусов. Другой вышел из младшей аристократии, правил посредством подставного хана, но для собственной победы привлек все ресурсы своей богатой в сельскохозяйственном и в плане городской экономики страны. Тимур смог победить Тохтамыша, используя борьбу за власть в Золотой Орде и противопоставляя ему других чингисидов — Туглука и Едигея. В итоге Тамерлан смог посадить на трон Туглука. Однако в 1393 г. Тохтамыш вернул себе власть практически на всей территории улуса Джучи. Тохтамыш планировал сразиться со своим соперником на Кавказе, но Тимур нанес удар непосредственно в сердце Золотой Орды — на Волге, подвергнув разрушению все городские центры кочевников. От этого удара Золотая Орда уже смогла оправиться. Манс подчеркивает, что целью Тимура было именно разрушение соперничающей державы, а не ее аннексия. Тимур не оставил гарнизонов в захваченных городах и, по-видимому, примирился с мыслью, что ему не удастся контролировать огромные степные пространства.

Однако, отмечает Манс, это не означало падения интереса Тимура к другим частям Монгольской империи. В 1398 г. Тимур со всевозможными почестями принял у себя находящегося в изгнании представителя монгольской северной династии Юань, претендента на китайский престол. Тот находился с ним до самых последних дней Тимура, которые, как известно, оборвались во время подготовки похода на Китай. Б. Манс считает, что, несмотря на тот факт, что с политической точки зрения единство бывшей Монгольской империи было утеряно безвозвратно, идеологическое пространство еще сохраняло свою инерцию. Тохтамыш и Тимур жили представлениями о чингисидской легитимности в рамках единой монгольской державы (**Amir Temur, 1996, pp. 56—62; Manz, 1989**). Свои идеи американская исследовательница развивает также и в других трудах («Восхождение и правление Тамерлана», 1989).

Другой важной проблемой, фигурирующей в зарубежных исследованиях о Тимуре и его эпохе, является его внутренняя политика и устройство созданного им из стольких разнородных частей государства. Этой теме, в частности, был посвящен доклад германского ученого Б.Г. Фрагнера. Рассматривая механизм управления в канцелярии Тимура, Фрагнер пришел к выводу, что бюрократическая система и идеология управления при Тимуре испытали равное влияние двух традиций — монгольской и исламской. Управление осуществлялось при помощи указов; согласно исламской традиции, это были фирманы (фарманы), маншуры и тауфики (таукики). Языками указов в государстве Тимура были монгольский, персидский и тюркский, т.е. языки основных улусов империи — монголо-китайского, ильханов и Золотой Орды. По мнению Фрагнера, тот факт, что нет ни одного документа на чагатайском, является подтверждением мысли, что империя Тимура мыслилась, прежде всего, как наследница монгольской. Конечно, Тимур никогда не объявлял себя прямым наследником дела Чингис-хана, но в своих фирманах он ясно давал понять, что является реальным правителем его империи. Для того чтобы подчеркнуть его легитимность, канцелярия Тимура изобрела специальную формулу интитуляции эмира — сарнама, которая приравнивала его к ханам чингисова дома.

Характерно, что, несмотря на враждебность туркменских ханов в Западном Иране и Восточной Анатолии к Тимур и его государству, они адаптировали и использовали вплоть до начала XVI в. его модель легитимности, которая в равной мере опиралась на монгольскую и мусульманскую традиции посредством фирманов. Главной мыслью немецкого ученого является идея о том, что тимуридская традиция управления при помощи фирманов сохранилась в последующих государствах на территории Средней Азии и Ирана: у сафавидов в Персии, шейбанидов и аштарханидов в Мавереннахре,

хивинских ханов, магытской династии в Бухаре, у кокандских ханов и частично у Великих Моголов в Индии. Фрагнер предлагает для огромного пространства от Анатолии до Индии и Кашгара *модель императора*, в которой идеально комбинировались бы исламские и монгольские представления об «идеальном правителе» и которая удачно легла бы на политическую реальность империи Тимура. Таким образом, модель идеального правителя просуществовала на обломках империи Тимура в период с XV по XIX в. (**Amir Temur, 1996, pp. 11—13**).

Проблеме структуры государства Тимура посвящен также доклад патриарха востоковедения и тюркологии О. Прицак¹⁶⁴. Он считает, что империя Тимура, вышедшая из улуса Чагатая, была последней великой евразийской степной империей тюрко-монгольской эры. По аналогии с первыми тюркскими империями (550—840) она включала в себя как кочевые народы, так и оседлые регионы. Но, в отличие от них, государство Тимура адаптировало такую важную идеологическую деталь оседлой цивилизации, как религию (ислам). Для обретения монгольской легитимности Тимур пошел по следам своего противника эмира Хусейна — главы племени Караунас, который был женат на дочери номинального правителя (чингисида хана Казана) Сарай Малик-ханум и правил от его имени как *гюрген*, т.е. зять. После смерти Хусейна Тимур женился на его вдове и обрел этот титул. Титул эмира прочно указывал на исламскую легитимность «железного хромца». Тот факт, что он как эмир правил от имени чингисидов Суюргатмыша (1370—1388) и его сына Султан Махмуд-хана (1388—1402) и следовал Ясе Чингис-хана, придавал его правлению легитимность с точки зрения монгольской традиции. Но одновременно Тимур объявил, что следует шариату

---

¹⁶⁴ Долгое время мы идентифицировали Омельяна Прицака как западногерманского ученого, что было справедливо, так как он сложился и в течение десятилетий работал в ФРГ, научным языком его публикаций был немецкий. После крушения СССР О. Прицак живет и работает на Украине.

и рассматривает себя как защитника мусульманского духовенства, особенно дервишей.

Непосредственно механизм управления при Тимуре функционировал на основе существования двух параллельных структур: с одной стороны, для чагатайской части империи существовал тюрко-монгольский диван и военное министерство — *диван-и бузург*; с другой стороны, был параллельный диван, укомплектованный иранскими чиновниками и осуществлявший деятельность на персидском языке. Основной целью персоязычной канцелярии был сбор налогов с оседлого населения империи. В центре государственной системы у Тимура была армия. Если в ранних тюркских государствах доминировала формула конфедерации, а каган был *primus inter pares* (первым среди равных), то при Чингис-хане самостоятельность племенных вождей была существенно ограничена. Тимур вообще упразднил конфедеративные начала у кочевников, превратив все племена в машину для завоеваний. Кроме того, Тимур держал под своим неусыпным контролем местные оседлые династии, смещая неугодных и расставляя послушных. В отношении предпочтительности монгольского или исламского закона, Прицак считает, что Тимур в затруднительных и противоречивых случаях следовал монгольской Ясе, но тот факт, что он выбрал столицей центр оседлого региона — Самарканд, указывал на эволюцию его империи в сторону исламской земледельческой цивилизации, что и произошло при его преемниках (**Amir Temur, 1996, pp. 15—17**).

Оценивая культурное наследие тимуридской эпохи, европейские и восточные ученые демонстрируют порой прямо противоположный подход. Для иранских историков главным было то духовное влияние, которое испытало государство Тимура от мира ислама и в первую очередь от иранской цивилизации (**Amir Temur, 1996, p. 13**). Пакистанский ученый Р. Ислам в центр своего доклада поставил изучение суфизма

с момента его зарождения в XIV в., т.е. при Тимуре. Этот ученый считает, что родоначальники суфизма — Саид Амир Кулал и Хаджа Баха уд-дин Накшбанд (1318—1388) имели возможность непосредственно контактировать с великим завоевателем и оказывать на него духовное влияние. Основной мыслью пакистанского ученого является идея, что при Тимуре в Бухарско-балхском регионе произошла эволюция индо-иранских концепций суфизма *узлат* (удаление от мира) и *футух* (сосуществование со светским миром) к концепции *сухбат* (активное существование в обществе). Это привело к активному взаимодействию религии и власти при Тимуре и вывело суфизм на авансцену ислама как ведущего духовного течения, что было невозможно без помощи мощной государственной машины Тимура. Собственно говоря, история знаменитого комплекса Ходжи Ахмета Ясави на территории Казахстана только подтверждает данную мысль (**Amir Temur, 1996, pp. 45—47**).

Американская исследовательница Дж. Э. Гросс также придерживается этой точки зрения в своем докладе «Внешние отношения среднеазиатского ордена Накшбандия в поздний тимуридский период». Она считает, что в этот период Накшбандия получил беспрецедентную государственную поддержку, привлек большое количество учеников и получил доступ к местной экономике, что произошло при главе ордена Хаджа Убайдулла Ахраре. Суфийский орден смог установить интеррегиональную систему влияния далеко за пределами Бухары, которая характеризовалась политической властью на местах, экономическим контролем и культурным влиянием. При Ахраре, по мнению большинства исследователей суфизма, сложилась наступательная идеология суфизма, оформленная в виде концепции *халват дар анджуман*, т.е. разрешающая мирскую деятельность шейхов ради реализации высших целей ордена.

Эта концепция нашла выражение при поздних тимуридах в виде экспансии суфийских общин как социоэкономических и культурно-идеологических единиц из своих основных центров в Герате и Самарканде по всей Средней Азии и в Индию. Экономической основой влияния Накшбандия стали многочисленные вакуфы, получаемые отделениями ордена благодаря мощному персональному влиянию своих шейхов на светских правителей. Суфийские ордена сохраняли свое влияние на Великих Моголов вплоть до XVI и даже XVII в. В Самарканде влияние и богатство семьи Ахрара, т.е. Накшбандия, исчезли с приходом шейбанидов, и в конце XVI в. доминирующей суфийской организацией стала семья Джуйбари. Власть и влияние семей осуществлялось посредством сети медресе; Ахрары имели ее в Бухаре, Самарканде, Ташкенте и Кабуле. Тем самым история Накшбандия неотделима в своих истоках от истории государства Тимура, которое дало ему возможность для политического и философского становления и идеологической экспансии (**Amir Temur, 1996, pp. 28—34; Gaborieau, Popovic, Zarccone, 1990**).

Тему суфизма при Тимуре продолжил другой американский исследователь Д. Девиз в своем докладе «Суфийские сообщества Ясави в тимуридскую эру». Девиз считает, что внимательное изучение истории этого направления в суфизме позволит пролить свет не только на историю суфизма, но и на социально-политическую ситуацию в империи Тимура в целом. Девиз пришел к выводу, что, в отличие от других орденов, «ясавизм» не принял четко выраженную форму ордена, хотя среди его последователей были как оседлые жители, так и кочевники. Совершенно ясным представляется, что существовало соперничество между суфийскими организациями Ясави, Накшбандия и Ходжагани. Чтобы устоять, Ясави был вынужден отойти от своей первоначальной аморфной модели и адаптировать принцип других орденов — *сильсия*, наследование. До этого организационно и структурно Яса-

ви базировался на идее ученичества. Девиз рассматривает историю Ясави на трех уровнях. Первый уровень вытекал из взаимоотношений Ясави с другими суфийскими шейхами. При выдающейся фигуре раннего ясавизма Исмаил Ата это течение беспрепятственно распространялось на север — в степях Дешт-и-Кипчак. На юге в центрах оседлой жизни деятельность Ясави наталкивалась на враждебность со стороны Накшбандия и Ходжагани. В дальнейшем ясавизм как исполнение культа принял форму поклонения святым местам (*хазрет*, или *уваиси*), причем даже больше не в степной зоне, а в оазисах Зерафшанской долины.

На втором уровне Девиз рассматривает политическую роль суфийских общин. Он считает, что имела место конфронтация между суфиями (инноваторами и мюридами, как характеризует их источник) и тюрками (плохими мусульманами). Суфийские авторитеты рассматривали Тимура в этом ракурсе — в качестве величайшего военного и политического потенциала тюрков. По мнению Девиза, опирающегося на свидетельство Навои, переплетение политических связей между тюркской элитой — военной и гражданской администрацией было весьма тесным, принимавшим формально схему ученичества (*мюридлык*), но в реальности — форму протекции или арбитража. Тем самым суфийские ордена постепенно нашли свою политическую и социальную нишу: место между угнетаемым народом и правителями, своего рода социального амортизатора в постмонгольскую эру.

Третий и последний уровень, на котором выступали в истории суфии, стала их роль в исламизации региона и политических последствиях этого процесса. Исламизация имела два аспекта: распространение ислама среди кочевых племен Мавереннахра и Хорасана; приобщение к религии представителей правящего дома чингисидов и племенную элиту. Главной теологической дилеммой, мучившей шейхов суфизма в XIV в., была необходимость проповедовать пра-

вителям, применявшим в своей политической практике насилие, причем зачастую в чудовищных размерах. Более того, как отмечает Девиз, для некоторых последователей суфизма вопрос стоял несколько в другой плоскости: не служить, а быть такими правителями. В целом для этой эпохи характерна дихотомия дервиш-принц, отражавшая сразу и проблему отношения с властью имущими, и мюридизма.

Исходя из того факта, что суфизм был преимущественно распространен в степной зоне среди кочевых племен, четко придерживавшихся принципа родовой структуры, Девиз предлагает искать в нем причины взаимосвязи между процессом исламизации и патерналистскими отношениями, которые связывали членов суфийского ордена с их шейхами: первые видели в них по инерции своих родовых авторитетов. В целом, считает Девиз, суфийские группы установили разветвленную сеть своих общин, как в оседлых районах, так и в кочевых, по всей Средней Азии, и эти суфийские коммуны играли очень важную роль в политической, социальной и, конечно, религиозной жизни региона в XIV—XV вв. Суфизм не был бы так успешен, если бы не совпал с процессом исламизации. Суфийские лидеры вполне искренне видели в тюрках и кочевниках «плохих мусульман», которыми необходимо управлять. Структурно и идеологически каждая суфийская община держалась на неограниченном авторитете местного шейха или семьи основателя общины¹⁶⁵. Для различных суфийских орденов было характерно соперничество, причем соперничающие группы апеллировали к «плохому качеству» адаптации ислама паствой своих соперников. Патернализм, являвшийся основой каждой суфийской общины, пережил тимуридскую эпоху и сохранился в Средней Азии в последующие столетия как элемент социальной структуры оседлого и кочевого населения (Amir Temur, 1996, pp. 36—44).

¹⁶⁵ Данная схема вызывает ассоциации с отношениями, которые в XX в. назовут «мафией».

О роли суфийских орденов в государстве Тимура пишет также японский исследователь К. Кубо. Он считает, что Тимур с уважением относился к исламскому клиру и оформил свои отношения с духовенством как с теологами, так и практиками, т.е. суфийскими шейхами на договорной основе, четко определявшей место религии в его государстве. Эта политика получила продолжение при преемниках Тимура (**Amir Temur, 1996, pp. 65—66**). Таким образом, можно говорить о неразрывности понятий «тимуриды» и «суфизм» как исторически гомогенного явления. Однако остается неясным, и зарубежные исследователи не дают ответа на этот вопрос: утвердился ли суфизм в государстве Тимура благодаря его помощи или же великий хромец поддерживал его, исходя из его социального и политического значения.

Последняя группа докладов посвящена источниковедению и историографии эпохи Тимура. Японский ученый Эйджи Мано подготовил исследование коллекции индексов «Бабур-нама». Его главная идея сводится к тому, что «Бабур-нама», являясь важным источником по истории Средней Азии, Афганистана и Индии, представляет в то же время памятник живого чагатайского языка (**Amir Temur, 1996, pp. 47—50**). Американский ученый Ш. Поллак показывает на примере Тимура, какую роль может сыграть историография для роста национального самосознания, в данном случае узбекского народа. Не являясь по своему происхождению даже тюрком (Тимур происходил из монгольского рода Барлас), а по языку, образу жизни находясь ближе к кочевым племенам степи, т.е. прямым предтечам казахов, Тимур усилиями историографии стал родоначальником узбекского народа. Поллак считает, что такой результат в развитии историографии вполне закономерен и обусловлен географическими, лингвистическими и историко-культурными факторами. Тимур и его империя идеально подходят для роли легендарного прародителя: центром его государства были оазисы Средней Азии, в боль-

шинстве своем лежащие сегодня на территории Узбекистана; чагатайский язык объявлен средневековой литературной формой узбекского; и самое главное, существенные различия между кочевыми и оседлыми народами как культурный, религиозный и социальный фактор должны выделить оседлый узбекский народ как прямого продолжателя дела Тимура (**Amir Temur, 1996, pp. 53—56**).

Любопытный анализ образа Тимура в арабских и персидских источниках дает египетский ученый М. ас-Саид Гамалидин. В исламской историографии сохранились две точки зрения на фигуру великого завоевателя. Согласно одной точки зрения, Тимур был правителем и полководцем, который наводил ужас на свое окружение и стремился достичь целей любой ценой. По другой традиции, Тимур предстает мудрым правителем, которому противны любые проявления зла и аморальности и который, благодаря своему невероятному военному гению, сумел одержать блестящие и вполне заслуженные победы. Также отмечается вклад эмира в развитие наук, искусств и архитектуры. Такая двойственность в образе Тимура обнаруживается и при попытке идентифицировать его цивилизационное положение. С одной стороны, Тимур, безусловно, являлся продолжателем дела Чингис-хана и его империя была новым вариантом монгольской державы, но, с другой — его империя была выдающимся государственным образованием в рамках исламской цивилизации, а все достижения в различных областях культуры представляют собой плоды развития исламской культуры, пересаженной на почву Мавереннахра (**Amir Temur, 1996, pp. 68—69**).

Глава IV. Мировые религии и культуры в Центральной Азии

§ 1. Буддизм и христианство

Среднеазиатский регион издавна вызывает ассоциации как территория, принадлежащая исключительно к миру ислама, как один из исторических центров мусульманской цивилизации, давший миру блестящих представителей исламской культуры и оставивший непревзойденные памятники исламской архитектуры, а позднее — как передовой форпост «Дар уль-Ислама» во враждебном окружении «Дар уль-Харб». Однако зарубежные исследователи, в частности Д. Синор, подчеркивают, что Центральная Азия не всегда была исламской: кочевые сакские и тюркские племена долгое время были анималистами и тенгрианцами; помимо языческих культов в регионе получили распространение буддизм и раннее христианство. Все это заставляет нас рассматривать Центральную Азию как исторически поликультурный и мультиконфессиональный регион.

Синор считает, что ни одна из мировых религий не оказала такого глубокого влияния на Центральную Евразию, как буддизм. Возникший около 500 г. до н.э. буддизм никогда не был религией миссионерской. В основе этого учения лежала вера в цикл перерождений, избежать которых можно было только путем достижения *нирваны*. За время своего существования буддизм пережил возникновение многих течений и школ внутри своей доктрины. Ранний буддизм базировался на вере в индивидуальное спасение — *хинаяну* (меньшее движение). В I в. до н.э. ей на смену пришла доктрина т.н. большего движения — *махаяна*, последователи которой решили оставаться на земле, чтобы нести просвещение и спасение (нирвану) как можно большему количеству людей. Именно это учение покинуло Индию и расцвело в соседних

регионах и, прежде всего, в Центральной Азии, которая стала цитаделью буддизма (Тибет). Проникновение буддизма началось в эпоху Кушанской империи из афганской провинции Гандхара. В первые столетия новой эры буддизм в форме хинаяны и махаяны становится абсолютно доминирующей религией в современном Синьцзяне.

В это же время буддизм получает распространение среди тюрков. Двор последнего великого кагана Топо был важным центром распространения новой религии. Прославленный индийский монах Джанагупта провел при его дворе с 575-го по 585 г., где организовал центр по переводу и каталогизированию буддистской литературы. Случалось, что в качестве переводчиков выступали владетельные особы, как, например, представитель одной из эфемерных династий, созданных в Китае кочевниками, император Ху Чу, который лично перевел на тюркский классический буддистский труд «Махапаринирвана сутра». Следует отметить, что западные тюрки были более открыты влиянию индийского буддизма. Считается, что они приняли буддизм от монаха Прабхакарамитры при хане Тун Шиху (618—630). Этот процесс ускорился оккупацией тюрками древних буддистских центров в Гандхаре и Каписе (Sinor, 1969, pp. 219—220).

Й. Лаут отмечает, что ранняя история древнетюркского буддизма, благодаря открытию стелы в Бугуте (Монголия), была представлена в новом свете. Она, по мнению автора, проясняет существовавшее до сих пор мнение о том, что буддизм в первом государстве голубых тюрков был незначительным окраинным явлением и согдийское влияние на древнетюркский буддизм имело место только на западе¹⁶⁶.

Бугутская стела, содержащая одну из старейших надписей о тюрках, датируется, по всей вероятности, ранними 80-ми гг. VI тысячелетия, т.е. спустя тридцать лет после создания первого государства голубых тюрков.

¹⁶⁶ Laut Ü. Betrachtungen zur uigurischen «Maitrisimit». Ein präklassischer Text? // Besinci milletler arası türkölqögi kongresi. — Istanbul, 1985. С. 1. S. 171—176.

Известно, что к этому времени согдийцы имели свою торговлю вдоль Шелкового пути. Уже с V тысячелетия согдийские торговые колонии имелись на всех путях между Самаркандом и Китаем. И вполне естественно, пишет Лаут, что этот древний культурный народ оказал интеллектуальное и религиозное влияние на тюрков, среди которых они жили. Свидетельством этого влияния служит Бугутская стела. Согдийская часть надписи доказывает официальное употребление согдийского письма и языка в начале образования государства; поскольку уйгурское письмо (согдийский курсив) широко использовалось тюрками в следующем тысячелетии, то, по мнению автора, можно согласиться с Л. Базеном, который предполагает, что это было согдийское письмо, в котором отмечен тюркский язык.

Нельзя все же утверждать, что буддизм уже в это время пустил глубокие корни у тюрков, делает вывод Лаут. Однако это не противоречит и мнению Базена, что буддизм имел приверженцев среди властителей тюркского народа.

Если действительное значение буддизма для первого каганата полностью нельзя было объяснить, то значительное влияние согдийцев на тюрков очевидно. Если согдийцы были буддийскими наставниками тюрков задолго до того, как попали под религиозное влияние тохаров, возникает вопрос, можно ли обосновать этот вывод с помощью древнетюркских текстов.

Те древнетюркско-буддийские тексты, которые могут поддержать «согдийскую гипотезу», указывают, во-первых, на высокую долю согдийских заимствований, во-вторых, на орфографически-языковые черты старых сохранившихся древнетюркских рукописных свидетельств (черты п-диалекта), языка манихейских тюркских текстов, которые являются среднеиранскими с орфографически-языковыми особенностями языка, используемого тюрками ко времени этого контакта.

В области искусства, считает немецкий исследователь Б. Брентъес (**Brentjes, 1976**), до утверждения ислама наибольшее влияние в Центральной Азии оказали две религии — зороастризм (фрески Согдианы — Зерафшан и Ферганская долина) и буддизм (фрески Тохаристана — большая часть Таджикистана и Южного Узбекистана).

Относительно восточных тюрков свидетельства из орхонских надписей говорят, что они оставались «язычниками»: советник кагана Тюньюкук остерегает своего повелителя, чтобы он не строил храмов Будде и Лао-цзы, «поскольку их учения отвергают военное ремесло». Во второй половине IX в. буддизм становится доминирующей религией в уйгурском государстве Кочо. С этого периода сохранилось большое количество буддистских текстов на различных тюркских диалектах. Монголы отличались, как известно, чрезвычайной веротерпимостью и предоставляли буддизму одинаковые шансы в соревновании с другими религиями. В Китае и Персии монгольская элита приняла буддизм, а при Хубилае (1260—1294) тибетская версия буддизма (ламаизм) получает быстрое распространение. И если в Китае буддизм утверждается в качестве государственной религии, то в Иране попытки ильханов навязать его в качестве официальной доктрины терпят неудачу, и с Газана (1295—1304) ислам возвращает себе господствующие позиции (**Gabain, 1961**).

Д. Синор пишет, что почти на три столетия существование буддизма в Центральной Евразии замирает. Он возрождается только во второй половине XVI в. в виде т.н. *желтой секты*. Ее появление стало результатом реформы, проведенной в Тибете при Цон-ха-па (1357—1419), который апеллировал к возвращению к основам махаяны. В 1577 г. его наследник получил в Монголии от Алтан-хана титул *далай-ламы*, который сохраняется до сих пор его преемником в изгнании. Синор считает этот факт важным подтверждением того, что между Монголией и Тибетом существовало религиозное сотрудни-

чество. Вся эта ситуация, на наш взгляд, весьма напоминает отношения западноевропейских монархов с Римом в раннее средневековье: духовный лидер освящает своим авторитетом власть мирского монарха, которая, в свою очередь, является реальным гарантом существования общепризнанного религиозного центра, поддерживая его в качестве религиозного арбитра.

Активное утверждение буддизма среди монголов в качестве официальной религии имело, как резонно отмечает Синор, удивительно удачные для историков последствия: при Лигдан-хане (1604—1634) в огромном количестве на монгольский язык переводятся все основные буддистские каноны. К середине XVIII в. в Монголии уже имелись две больших коллекции буддистских канонов — Канджур и Танджур — 108 и 226 томов соответственно. Ламаизм получил распространение среди бурятов с 1712 г., когда к бурятам прибыли 150 лам. Русские власти не препятствовали распространению буддизма, но стремились не допустить усиления иностранного влияния в Восточной Сибири. В 1764 г. Екатерина II разрешила создать автокефальную бурятскую буддистскую религиозную организацию во главе с собственным ламой. Калмыки на Волге продолжали признавать верховенство тибетского далай-ламы. Синор отмечает, что после Второй мировой войны часть калмыков оказалась в Соединенных Штатах и осела в Нью-Джерси и Пенсильвании, основав тем самым еще одну самостоятельную буддистскую общину в США (Sinor, 1969, p. 223).

Роль христианства в истории Центральной Евразии, как считает Синор, совершенно особенная. Несмотря на тот факт, что оно является мировой религией, его место и влияние на историю этого региона, как и в Азии в целом, незначительно, если сравнивать это влияние категориями цивилизационными. Это тем более парадоксально, что христианство выросло из Азии и его корни, безусловно, восточные. Единственным

исключением среди народов Центральной Евразии представляют собой венгры, полностью адаптировавшие в себе западную модель и ставшие частью христианской цивилизации. В целом христианство в Центральной Евразии вызывало негативные ассоциации, так как ассоциировалось с колониальной экспансией. Это в первую очередь относится к Восточно-христианской (Православной) церкви. Вместе с несторианством и Римско-католической церковью они представляют собой три последовательные волны, три попытки утвердить эту мировую религию в Центральной Евразии.

Как известно, несторианство откололось от Западной (Католической) церкви в 431 г. на Эфесском соборе, после чего получило чрезвычайное распространение в Персии. В 631 г. несторианские миссионеры достигли Китая. В течение следующих столетий несторианство получило большое распространение в Центральной Азии. Официальным языком этой религии был сирийский, однако в Восточном Туркестане сохранились религиозные тексты на древнеуйгурском языке. В качестве примера широкого распространения несторианства среди тюрок Синор приводит находку в долине реки Чу близ города Токмака в Киргизии. Это надгробные стеллы с надписями религиозного содержания, относящиеся к периоду между 1186-м и 1345 г. Большинство из шестисот камней содержат надписи на сирийском языке, но встречаются и тюркские (**Thaker, 1967**). Долгое время несторианство развивалось обособленно от остального христианства, но при монголах эти контакты усилились. Как отмечалось выше, многие из представителей монгольской верхушки были несторианцами или имели жен — несторианок. Наиболее ярким примером была жена Хулагу-хана, покорителя Багдада. Однако при Тимуре несторианство навсегда исчезает с исторической и культурной арены Центральной Евразии (**Sinor, 1969, p. 227**).

Этот автор пишет, что на протяжении многих столетий на просторах Центральной Евразии шла острая конкурентная

борьба между Византийской и Римской церквями за распространение своего влияния среди кочевников. Однако ни та, ни другая не могла похвалиться особо выдающимися успехами в этой области. Принятие кочевниками христианства носило спорадический характер, начиная с гуннов и заканчивая кипчаками и печенегами, которые в XI—XIII вв. селились на землях христианских князей. Единственным исключением остались венгры-мадьяры, которые перешли в христианство в 1000 г., прочно впитали его в свою культуру и на ее основе сложились как нация и действительно стали частью западного мира.

Активность Римской церкви на Востоке связана с деятельностью таких монашеских орденов, как францисканский и доминиканский. Ордена, или братства, стали инструментом для установления прямых контактов между Западом и Востоком. Особенно их роль возросла в начале XIII в. В доколумбову эпоху именно католические ордена сыграли выдающуюся роль в открытии европейцами для себя внешнего мира. К этой категории Синор относит миссии Плато де Карпини и Вильгельма де Рубрука. К концу XIV в. францисканцы создали три викариата: Северотатарский, Восточнотатарский и Катайский (китайский). Влияние францисканцев было также сильным в Крыму, известном тогда как Газария. Примером активной деятельности этого ордена в Золотой Орде является также создание в Сарае епископства. Наибольшим успехом францисканцев стало обращение в 1311 г. Тохтай-хана (1291—1312) в католицизм. При нем католицизм получил некоторое распространение в кипчакской степи (**Pelliot, 1930**).

Но наибольшее влияние с точки зрения исторической перспективы имел китайский викариат. Посланец Папы Николая IV Джованни Монте Карвино с 1294-го по 1304 г. возглавлял архиепископство в Пекине, или Ханбалыке, как называли его монголы. При Монте Карвино были переведены Новый Завет и Псалтырь на монгольский язык. По некоторым источ-

никам, ему удалось также обратить племя онгутов из несторианства в католицизм. До сих пор сохранились остатки построенной им церкви в Олон-сюме. Падение династии Юань в Китае и исламизация Средней Азии полностью остановили распространение католицизма в Центральной Евразии. Монгольские ильханы Хулагу, Аргун и Олджейту в Иране также одно время благоприятствовали католицизму. В 1318 г. в Персии было создано архиепископство под патронажем доминиканского ордена. Их заслугой стало обращение к Римской церкви различных сект и течений в Малой Азии и на Кавказе. Доминиканец Фома Манказола Пьяченца стал первым и последним епископом в Самарканде в 1326 г. (Sinor, 1969, p. 229).

Византийская, или Православная, церковь имеет совершенно особые традиции и историю своего распространения в Центральной Евразии. В VI в. христианство в греческой форме получает распространение у кочевых гуннов и болгар. Однако новые возможности Православная церковь открыла для себя с присоединением Киева к монгольским владениям. В православие удалось обратить ряд финно-угорских племен на Волге. Завоевание Казанского ханства в 1552 г. стало одновременно началом экспансии православного христианства на территории, где уже доминировал ислам. Распространение православия рассматривалось как укрепление и консолидация царской власти. В течение долгого времени переход в православие из духовных соображений был чрезвычайно редким явлением. В начале XVIII в. при Филотее Лещинском, когда переход в православие давал освобождение от налогов, оно утвердилось в Западной Сибири. Центрами православного миссионерства были многочисленные монастыри, разбросанные на огромной территории как символ духовного, политического и экономического присутствия России. В XVII—XIX вв. от православия откалываются различные течения, или секты, которые также вносят свою леп-

ту в распространение христианства в Сибири и на Дальнем Востоке. Как только правительственное давление ослабевало, новообращенные возвращались в ислам или к своим языческим культам.

Безусловно, что христианство потерпело поражение в соревновании с другими религиями в Центральной Евразии. Синор считает, что этот факт нельзя объяснить влиянием какого-либо одного фактора. Главной причиной неуспеха христианства Синор считает тот свободный дух, который всегда господствовал в степях и на обширных пространствах Центральной Евразии и который был враждебен любой религии, претендовавшей на исключительность. Эту истину сформулировал великий каган Мунке, обращаясь к Рубруку: «Мы, монголы, верим в то, что существует только один бог, ради которого мы живем и умираем и для которого мы держим открытым свои сердца... Но если бог дал разные пальцы на руке, то также и дал он людям различные пути к себе. Вам, христианам, он дал священные скрижали, но вы не живете по ним. Нам он дал предсказателей, и мы делаем то, что они нам советуют и живем в мире» (Sinor, 1969, pp. 231—232).

В связи с речью Мунке необходимо сделать отступление в освещении роли автохтонных религий в истории Центральной Евразии. В отличие от мировых религий, а также истории развития мировоззрения на Западе, которое предполагало попытки научного или хотя бы метафизического объяснения природы мира, опираясь на авторитет религии, верования в Центральной Евразии носили отвлеченный, поэтико-философский или сугубо практический характер. Для них было характерно отсутствие письменных заветов, зависимость от устной традиции, отсутствие авторитетного религиозного института. Все это обусловило тот факт, что носители этих воззрений были более либеральны в конфессиональном отношении. В политическом плане верования не сыграли никакой роли при образовании великих кочевых империй.

Большинство народов Центральной Евразии признавали существование единого божественного начала, известного у тюрков и монголов как Тенгри/Тенир (небо). С небом связывались победы и поражения в войнах, к нему апеллировали при принятии решений. Кроме того, средневековые жители степей населяли окружающий мир духами или одушевляли предметы и животных. Техникой общения с потусторонними силами был т.н. шаманизм. Синор не считает шаманизм религией, он видит скорее в этом «технику экстаза»

(Sinor, 1969, p. 241; Eliade, 1964). Шаманизм остался важной частью духовной культуры народов Центральной Евразии. Ближайшим аналогом центральноазиатского шаманизма Синор называет аналогичные обряды у североамериканских индейцев. Время от времени шаманы приобретали политическую власть в кочевом обществе, как это было с шаманом Теб-тенгери при дворе Чингис-хана, однако эта власть носила исключительно персональный характер и никогда не институализировалась. После принятия тюрками ислама, монголами — буддизма, а якутами — православия шаманизм всегда оставался важным элементом повседневной духовной культуры этих народов.

Отдельной проблемой стоит вопрос о т.н. тюркском манихействе (о котором сообщали папские легаты в составе миссии В. Рубрука). Эту проблему поднимал казахстанский ученый Ю.А. Зуев¹⁶⁷.

§ 2. Исламология и изучение мусульманской цивилизации в Средней Азии

Д. Синор в своей книге «Внутренняя Азия», оценивая роль ислама, пишет, что перед всеми мировыми религиями ислам получил преимущество в распространении благодаря

¹⁶⁷ Зуев Ю.А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. — Алматы: Дайк-Пресс, 2002. — С. 179—261.

тому, что он был относительно прост по своей доктрине и доступен для практикования. Ислам принадлежит к немногим мировым религиям миссионерского характера и по степени своей экспансии уступает только католицизму. После смерти Пророка Мухаммеда, основателя ислама, в 632 г. новая религия стала распространяться чрезвычайно быстро благодаря арабским завоеваниям в Азии, Африке и Европе. Поступательное движение ислама делят на два периода: халифат Умайядов (661—750) и халифат Аббасидов (750—1258). В первые века своего существования ислам раскололся на два основных течения: шиизм и суннизм. Отличие между ними состоит в том, что шиизм базируется на убеждении, что преемниками Мухаммеда в качестве халифов могут быть только потомки Али, двоюродного брата Пророка. Суннизм предполагает выборность халифов как в прямом, так и в переносном смысле.

Арабы завоевали государство Сасанидов в Иране в 651 г. и тем самым вплотную придвинулись к Центральной Евразии. Синор отмечает, что арабы были благожелательно встречены местным населением в среднеазиатских владениях Ирана. В последующие столетия отношения между арабами и соседями носили преимущественно мирный характер. Арабы не использовали принуждение завоеванных народов для перехода в ислам. Но они продолжали настойчиво двигаться на восток, пока не вошли в соприкосновение с китайскими войсками. Решающее сражение произошло в 751 г. на реке Талас на юге современного Казахстана. И хотя арабы победили, пишет Синор, таласское сражение стало символом максимального продвижения китайцев на запад, а не арабов на восток (Sinor, 1969, p. 234).

Массовое обращение населения Средней Азии и тюрков-кочевников в ислам имело место при династии Саманидов (819—1004) в северо-восточной Персии. Саманидская экспансия распространилась на Хорасан, Трансоксианию, часть

Хорезма и дельту реки Аму-Дарья. Отсюда ислам распространялся далее на север — в степи Турана и на Волгу. В начале X в. волжские булгары стали мусульманами. Примерно в это время (или чуть позднее) ислам приняли восточные тюрки. В 955 г. в ислам перешел первый тюркский правитель — Бугра-хан Сатык из династии Караханидов. Центр нового мусульманского государства находился в Кашгаре. Распространение ислама среди кочевников, отмечает Синор, привело к появлению нового мистического учения — суфизма. В XI в. ислам глубоко проник в оазис таримского бассейна, все более вытесняя буддизм и манихейство.

Для Центральной Евразии решающей в ее цивилизационной судьбе стала не территориальная экспансия ислама, а наоборот — завоевание тюрками мусульманских территорий. Вехами на этом пути были завоевание турками-сельджуками Ирана и Анатолии в XI в., тюркская оккупация Багдада в 1055 г. и разгром тюрками Византии при Манзикерте в 1071 г. В эту четверть века все вышеназванные события придали воинствующему исламу тюркский характер. В эпоху крестовых походов постоянная необходимость обороняться от европейцев превратила тюрок в защитников ислама. Эта традиция прервалась только в 1924 г. после того, как Кемаль Ататюрк упразднил халифат. Именно тот факт, что тюрки взяли в свои руки судьбу ислама, предопределил их выживание и последующий политический рост в Монгольской империи. Известны два случая перехода монгольских ханов в ислам: в 1257—1266 гг. при Берке-хане в Золотой Орде, который адаптировал ислам исключительно в личном порядке, а при Узбек-хане (1313—1341) ислам превращается в официальную доктрину Орды и тем самым всего тюркского населения Центральной Азии; вторым прецедентом стал переход в ислам монгольских ильханов в Иране, завершившийся при Газан-хане (1295—1304). С этого времени, пишет Синор, ислам в персидском и тюркском мире стал фактором

такого значения, что уже ни одна религия не могла с успехом соперничать с ним¹⁶⁸.

Возникновению исламской цивилизации в Центральной Азии посвящена книга немецкого (ГДР) ученого Б. Брентьеса (Ч. I. Гл. III. § 1) «Хозяева степей» (в соавторстве с Л.И. Альбаумом). В качестве подзаголовка авторы выбрали сюжет «К истории и культуре среднеазиатских народов в исламское время», рассматривая тем самым историю региона через призму влияния ислама. Описывая политические отношения в эпоху, непосредственно предшествовавшую арабскому завоеванию Среднего Востока, авторы делают упор на политическое влияние тюрков на международные отношения той эпохи. Между 568-м и 630 г. происходила напряженная борьба между Персией и Византией за контроль над торговыми коммуникациями, связывающими Китай и Средиземноморье. В самый критический момент противостояния двух крупнейших государств той эпохи тюрки выступили на стороне Византии. Тюркские войска были переброшены из Афганистана и в 626 г. заняли кавказские провинции Ирана. Все это привело к поражению Персии в 629 г., которая не могла сопротивляться натиску нового противника — арабов. Авторы подчеркивают тот факт, что последний шахиншах Йездигерд III рассчитывал на помощь со стороны тюрков, но не получил ее и в 630 г. был убит, а Иран был оккупирован мусульманами (**Brentjes, Albaum, 1986, S. 15**).

Тюрки были вынуждены в это время защищаться от противника, наступавшего с востока — китайцев. К 640 г. китайцы заняли Турфан, в 648 г. — Кучу и в 650 г. с помощью уйгур разбили тюрков и заняли Семиречье. Сложился военно-политический союз персов и китайцев против наступавших в Центральную Азию арабов. Пероз, сын последнего шахиншаха, в 651 г. управлял Персией уже как наместник китайского императора.

---

¹⁶⁸ Мурата С., Читтик У. Мировоззрение ислама. — М.: Ладомир, 2014. — 640 с.

В дальнейшем, когда арабам удалось занять Трансоксианию, Пероз ушел в Китай, где стал командующим императорской гвардией, созданной, по-видимому, из кочевников Центральной Азии. Арабская экспансия сопровождалась переселением 50 000 мусульманских семей в Мерв и Бухару в 674 г. В эту эпоху оазисы Средней Азии представляли собой чересполосицу мелких феодальных владений и укреплений, принадлежавших различным *декханам*. Степные племена были отброшены арабами на север. В 682 г. тюркам под руководством Эльтэриша удалось возродить каганат. Его советник Тоньюкук, воспитанный в Китае, всячески препятствовал китаизации тюрков и способствовал воссозданию гигантского тюркского государства от Кореи до Аральского моря. Однако при его преемнике, обессмертившем себя в орхонской надписи, Китаю удалось вернуть Тибет и начать теснить тюрков. Китай продолжал поддерживать претензии Сасанидов на персидский престол до 707 г. с помощью внука последнего шахиншаха. В 705 г. арабы под руководством Кутайбы ибн Муслима возобновили наступление и заняли Тохаристан (Таджикистан) и окончательно изгнали Сасанидов. К 714 г. Средняя Азия стала окончательно арабской провинцией и уже навсегда попала в орбиту исламской цивилизации.

Из-за интриг и враждебности со стороны нового халифа Сулеймана Кутайба пал, а арабы потеряли эти владения на 25 лет. Властители Согдианы балансировали между мусульманами и китайцами. После разгрома Тюркского каганата в 741 г. согдийцы, постоянно ощущая враждебное давление со стороны китайцев и кочевников, были вынуждены пойти на заключение мира с арабами. С 740 г. арабы устанавливают контроль над регионом вплоть до Ферганы. В 747 г. началось восстание против правивших в Дамаске умайядов, и через три года Иранская империя восстанавливается под властью новой, уже мусульманской династии Аббасидов. Новая власть ставит целью вернуть контроль над Средней

Азией. В 751 г. армии арабов и китайцев в союзе с уйгурами и карлуками, причем последние взяли сторону мусульман, встречаются на реке Талас. Таласская битва имела не только такие долгосрочные последствия, как утверждение ислама в Центральной Азии и переход тюрок в веру Пророка Мухаммеда, но и более близкие результаты: из-за поражения в Китае началось восстание и гражданская война. Попавшие в плен 20 000 китайцев были расселены от Самарканда до Багдада, принеся с собой технику производства бумаги. Общая диспозиция кочевых союзов изменилась, приведя к движению киргизов, уйгуров и карлуков. В середине X в. западные тюркские племена приняли ислам и могли рассчитывать на помощь мусульманских армий в борьбе с другими племенами дальше на Востоке.

История вторжения арабов в Среднюю Азию изложена также в основных чертах в работе английского востоковеда Х. Гибба (Гл. III. § 2) в его книге «Арабские завоевания в Средней Азии». Большой интерес представляет обзор источников по истории данной проблемы (Гл. I. § 2). Гибб рассматривает историю арабского завоевания как состоящую из пяти фаз: 1) политический распад региона накануне появления арабов на Среднем Востоке; 2) первые рейды мусульман в регион; 3) завоевания Кутайбы; 4) контрнаступления тюрок; 5) арабская реконкиста Трансоксиании (**Gibb, 1923, pp. 1—88**).

Значительное место уделено становлению исламской цивилизации на пространствах Евразии после создания и в период существования Монгольской империи и ее государств-наследников, в первую очередь в улусе джучидов, в коллективной монографии «Очерки истории исламской цивилизации» (2008)¹⁶⁹.

---

¹⁶⁹ См.: Очерки истории исламской цивилизации. В 2-х т. Под общ. ред. Ю.М. Кобищанова. — М.: РОССПЭН, 2008. — 936 с.

§ 3. Роль суфизма в распространении и укреплении ислама

Суфизм и суфийская литература занимают видное место в средневековой истории и культуре народов Средней Азии и Казахстана. Влияние суфизма распространялось на многие сферы общественно-политической и духовной жизни народов региона и в определенные периоды вырастало до такой степени, что шейхи — главы суфийских братств — существенно влияли на политику среднеазиатских государств. Примером политического и экономического могущества среднеазиатского суфизма является деятельность Убайдуллы Хаджи Ахрара (1404—1490) — главы одного из дервишеских братств. Имея в своем распоряжении около 100 тысяч послушников, являясь крупнейшим феодалом своей эпохи, он в течение почти сорока лет определял политику тимуридского государства. С другой стороны, под влиянием суфизма оказывались многие выдающиеся деятели культуры среднеазиатского средневековья, такие как Алишер Навои, Абд ар-Рахман Джамии, Махтумкули и мн.др.

Подобная масштабная роль суфизма в регионе была определена деятельностью ранних суфиев, умело приспособивших это учение к специфическим условиям Средней Азии и Казахстана. Одним из наиболее известных ранних представителей суфизма являлся Ходжа Ахмед Ясави, деятельность которого протекала в городе Ясы (Туркестане) на территории нынешней Южно-Казахстанской области. Он был основоположником одного из наиболее популярных суфийских течений в Казахстане, Средней Азии — ясавизма, что ощущалось на огромной территории: от Восточного Туркестана до Поволжья и Турции. До сих пор еще в отдельных уголках этого ареала сохранились почитатели учения Ясави, приезжающие на поклонение к мечети Ходжи Ахмеда в городе Туркестане.

Огромная роль в деле распространения идей туркестанского шейха принадлежит сборнику мистических стихов-изречений под названием «Диван Хикмат» или просто «Хикмат» («Сборник премудростей»), который поклонниками учения целиком приписывается Ясави. Для рядовых мусульман Казахстана, Средней Азии и Поволжья «Диван Хикмат» стал в средневековье не менее почитаемым источником, чем Коран.

Большое значение суфизма как цементирующей и миссионерской силы ислама на всем обширном пространстве Центральной Азии и Среднего Востока описано в книге шведских востоковедов «Ислам вне арабского мира». Авторы подробно останавливаются на доктринальной особенности ислама, которая в корне отличает его от других родственных монотеистических религий и которая заключается в том, что в нем отсутствует идея о Конце и первородном грехе. Ислам по своей сути, т.е. концепция Бога (Аллаха), является оптимистичной религией, утверждающей, что человек есть лучшее создание Творца. Зло, в конце концов, будет уничтожено, а пока оно существует, разум должен контролировать желания. Ислам призывает жить в гармонии с природой, являющейся творением Бога, всемогущего и мудрого. Таким образом, идея единого и уникального божества, пронизывающая ислам и не делающая различия между духовным и недуховным, между религией и политикой, между душой и телом, в идеале предлагает своим последователям превратить всю свою жизнь в служение и поклонение Богу.

Юридической базой ислама является *шариат* — свод правил и законов, базирующихся на Коране и Сунне. В дальнейшем принципы аналогии и консенсуса в трактовке законоположений ислама различными школами привели к появлению *иджтихада* — интерпретаций, позволявших более гибко трактовать основные положения ислама. Наиболее распространенными кораническими школами являются появивши-

еся в конце VIII — начале IX в. школа Малики (Северная и Западная Африка), ханафийская школа (Турция, Центральная Азия и Индия), школа аль-шафии (Египет). Между этими тремя школами различия несущественны. Особняком от них стоит школа Ханбал, доминирующая на Арабском полуострове. В юридической системе ислама большое место занимает понятие умма, которое подразумевает сообщество верующих. Умма не является структурированной организацией и может подразумевать мусульманские общины от уровня одного поселения до всемирного масштаба. С точки зрения наследования изначальное исламское право не позволяло отдельным индивидуумам аккумулировать в своих руках собственность; это стало возможным после появления юридического института вакфа, или вакуфа, т.е. религиозной собственности, которая в дальнейшем эволюционировала в разные формы государственного, феодального и частного землевладения.

Теология ислама позволяла трактовать понятия мусульман и немусульман в различные эпохи самым широким образом, зачастую парадоксальным с точки зрения европейской теологии. Центральным пунктом исламской теологии является взаимоотношение ислама с другими религиями. Наиболее важным с этой точки зрения является положение о том, что среди последователей других религий могут быть люди, «живущие по исламу». Далее, иудеев и христиан ислам рассматривает как «людей книги», т.е. подчеркивается близкий характер этих вероучений, а последователи этих религий имеют право на защиту и покровительство со стороны мусульман и государств ислама. Ислам в исторической перспективе даже допускал в эту категорию народы, имевшие другие традиции святых книг, невосходящие к библейской, как, например, зороастризм. Однако учения, апеллировавшие к Корану, но отколовшиеся от основной традиции, жестоко преследовались — бахаиты в Иране и ахмадийя в Южной Азии. Таким образом, ислам, в отличие от христианства,

не знает понятия баптизма, протестантизма или какой-либо иной формы сектантства на уровне доктрины.

Однако логика исторического развития и неизбежной борьбы за власть среди преемников Мухаммеда привела к появлению двух основных направлений в исламе — суннизма и шиизма. Авторы достаточно подробно освещают историю возникновения этих соперничающих между собой течений, а вкратце суть различий между ними состоит в том, что сунниты признают Пророком исключительно Мухаммеда, руководством в исполнении веры — его сунну, а его преемниками — халифов, восходящих к Абу Бакру и Умару. Шииты рассматривают в качестве своих духовных лидеров имамов, первым среди которых был Али, зять Мухаммеда, а затем его сыновья — Хасан и Хусейн. Шииты находятся в ожидании нового мессии — махди, а до его прихода роль духовных лидеров играют имамы. Аятолла Хомейни, возглавивший исламскую революцию в Иране в 1979 г., также носил титул имама.

В свою очередь, от шиитов раскололись на две группы заидиты и исмаилиты. Первые после смерти сына Хусейна основали в Йемене государство, просуществовавшее до 1963 г. После смерти шестого имама Джафар аль-Садики в 765 г. последователи его старшего сына Исмаила основали течение исмаилитов, которое в настоящее время возглавляется живущим в Швейцарии Ага-ханом. Это течение представлено в первую очередь жителями Горного Бадахшана в Таджикистане. С теологической точки зрения шиитские представления о человеке более мрачные; большую роль шиизм отдает духовным лидерам, которым предстоит вывести своих последователей из мрака греховности и незнания, но эсхатология шиизма обещает надежды на грядущее светлое будущее.

Решающую роль в распространении ислама сыграла военная экспансия. Последователи Мухаммеда несли его учение на Запад вплоть до битвы при Пуатье во Франции (732), где они были остановлены Карлом Мартеллом, и на Восток,

до Малайзии, где предел их экспансии был положен Тихим Океаном. Выдающуюся роль в истории ислама сыграли тюркские народы, с помощью которых он утвердился на огромных пространствах Евразии — от Балкан до Северной Индии. Турецкие султаны были халифами вплоть до 1920-х гг., пока в Турции не была учреждена светская республика. Через Северную Африку ислам проник южнее Сахары и стал распространяться в Чёрной Африке. Авторы отмечают, что эпоха европейского колониализма парадоксальным образом способствовала распространению ислама: в Африке как организующей силы сопротивления, а в Новом Свете — через работорговлю, как религию, которую принесли с собой завезенные с Чёрного континента рабы (Westerlund, Svanberg, 1999, pp. 1—11).

Отдельный раздел книги посвящен феномену суфизма, происхождение которого авторы относят к неарабскому пространству исламского мира, в то же время вполне справедливо замечая, что уже в ранних посланиях Мухаммеда содержался существенный элемент мистицизма. Суфизм, по мнению авторов, являлся реакцией на роскошь и праздность мусульманских властителей после Мухаммеда. Этимология термина «суфизм» восходит к слову «суф» (простая шерстяная накидка, призванная символизировать аскетизм суфиев), что заставляет провести параллели с монашеством в христианстве. Также большое значение в суфизме играют *таваккул* (полное доверие к Богу) и *дхикр* (помяновение имени Бога и пассажей из Корана), при которых практикующий впадал в транс. Неотъемлемыми элементами суфийских сеансов были музыка и танцы. На начальной стадии развития суфии могли организовывать свои медитации где угодно, даже в мечетях.

Впервые противоречия между суфизмом и официальным исламом усилились в IX в. Суфии стремились установить повсюду свои структуры в виде монастырей, которые со временем начинали оказывать существенное политическое, эко-

номическое и финансовое влияние на окружающий мир. Суфийские ордены включили в свое учение основное положение шиизма о спасителе (махди). Активная пропаганда суфийских шейхов, которые перебирались из города в город и из страны в страну, эклектически включала в себя компоненты различных религий и пыталась трактовать в собственной интерпретации хадисы, что неизбежно вело их к конфронтации с официальным исламом. В X в. отношения между суфизмом и ортодоксальным суннизмом обострились настолько, что один из суфийских шейхов аль-Харадж был казнен. В XII в. суфизм окончательно структурировался из отдельных ассоциаций в хорошо организованную систему, что привело в следующем столетии к превращению его в массовое международное движение. Наиболее распространенной формой организации суфиев были ордена (тарика), а формой духовного влияния — религиозные послания (барака).

Внутренняя иерархия суфизма базировалась на подчинении наставникам — шейхам (пирам в Иране, марабутам в Северной Африке) учеников (мюридов, дервишей и факиров). Суфийское сообщество именовалось *ихван* и состояло из внутреннего, более близкого круга сподвижников (завия, в Персии — хандах). Наиболее крупными суфийскими орденами были Кадырийя и Ясавия; последний испытал значительное влияние других азиатских религий и даже шаманизма и был, в сущности, тюркским орденом. Орден Бекташийя, отколовшийся на ранней стадии от Ясавия, эклектически впитал в себя элементы христианства и шиизма. Другим крупным среднеазиатским орденом был Накшбандийя, основанный в XIV в. в Бухаре и отнесенный авторами к самому молодому и наиболее лояльному ортодоксальному исламу. Этот орден получил наибольшее распространение в Центральной и Южной Азии, а с недавних пор — и на Западе. На идеологию суфизма, как известно, большое влияние в свое время оказали контакты с индуизмом и другими элементами панте-

изма, против чего в XVII в. выступил видный представитель ордена Ахмад Сирхинди, который был убежден, что ислам и индуизм являются взаимоисключающими учениями.

По вопросу происхождения суфизма существует три основных точки зрения: одни ученые считают его порождением исламской догматики, специфическим развитием отдельных ее мистико-аскетических сторон; другие усматривают в суфизме своего рода ядро теории ислама, доступное немногим; третьи отрицают генетическую связь дервишизма с правоверием, считая его положения в корне противоречащими концепции ислама. Тем не менее большинство исследователей придерживается того мнения, что суфизм есть сложное, колоритное явление, но вместе с тем его истоки лежат в недрах исламской идеологии.

В эпоху первоначального распространения мусульманства выявилось, что его установкам присущи некоторые аскетические и мистические настроения. Подобные моменты в Коране стали особенно рельефными на фоне устремлений верхушки исламского духовенства к светской власти и обогащению. Происходившая в связи с этим яростная религиозно-политическая борьба породила расколы в исламе на суннизм и шиизм и подготовила почву для образования сект и течений, в том числе и суфизма.

Трагические кровопролития первых веков ислама, в которые было втянуто огромное число мусульман, порождают мистические настроения в обществе. Следует отметить, что, распространяясь в VII—VIII вв. на огромной территории, ислам испытывал влияние старых религий — иудаизма, зороастризма, христианства, манихейства, для которых элементы мистики и аскетизма в той или иной степени были характерны. Таким образом, с середины VIII в. в исламе начинает оформляться мистико-аскетическое учение суфизма, в основе которого лежали идеи мистического слияния с божеством, истинного богопознания, отказа от сложной внешней обрядности.

В суфизме начинают развиваться пантеистические идеи (бог — во всем мире, весь мир — проявление бога). Учение «суфизм» свое название получило от слова «суфи» — шерсть, верблюжья шерсть; грубая шерстяная одежда (власяница), так как приверженцы суфизма одевались в такое рубище, фактически не снимая его с тела.

Многие положения суфизма в основе противоречили догмам Корана: пантеизм суфиев исключал антропоморфное представление о боге, суфии предавали большое мистическое значение эпитетам бога в Коране и т.д. Ношение рубища (хырки) также не соответствовало духу мусульманства, поскольку противоречило предписаниям об омовении. Ввиду этого представители суфизма первоначально подверглись гонениям со стороны ортодоксального ислама. Так, в 922 г. зверски был сожжен на костре активный проповедник учения Мансур ал-Халладж. Однако впоследствии обе стороны путем взаимных уступок примирились, что являлось признаком силы и самостоятельности суфизма¹⁷⁰.

В IX—XI вв. происходит процесс оформления суфийской догматики и практики. На основе проповеди нестяжательства и бедности развилось учение *таваккул*, согласно которому верующий должен был уповать только на бога. В практике суфиев развиваются мистические обряды поминания бога — зикры (радения) с экстатическими плясками. Самое важное то, что в это время оформляется концепция о стадиях «духовного совершенства» суфия. Были приняты в основном четыре стадии: 1) шариат (общие предписания мусульманской религии); 2) тарикат — стадия аскетизма, начало непосредственного обучения суфизму; 3) марифат — стадия отрешения от чувственных желаний, глубокое постижение суфийской науки; 4) хакикат — высшая стадия, когда суфий находится в постоянном общении с богом.

---

¹⁷⁰ Бертельс Е.Э. Происхождение суфизма и зарождение суфийской литературы // Избр. труды. Т. 3. Суфизм и суфийская литература. — М., 1965.

В VIII—IX вв., наряду с суфиями-одиночками, не оставившими своих основных занятий ремеслом, торговлей и т.д., распространились нищенствующие суфии — дервиши. Отдельные их группы объединялись в общежития (монастыри) — ханака, во главе которых стояли духовные наставники — шейхи или ишаны. Они занимались суфийским обучением послушников — муридов. Первый такой монастырь возник в Дамаске в середине VIII в. В 815 г. возникает первый дервишеский монастырь на границах Средней Азии, в Хорасане¹⁷¹.

В XI в. разрозненные дервишеские обитатели стали объединяться в большие могущественные братства — ордены — со своими собственными доктринами суфизма, «святыми» основателями (эпонимами) и их преемниками — главными шейхами. Одной из отличительных черт этих орденов являлось применение двух различных видов зикров (радений); громкий (джакрийя) и молчаливый, «созерцательный» (хуфийя). В частности, интересующий нас орден Ясавийя практикует громкий зикр джакрийя с плясками. Таким образом, к XI в. дервишеские братства стали представлять потенциально серьезную опасность ортодоксальному исламу.

В городах Турции с XIII в. стало популярным учение ордена Мавлави, созданного поэтом Джалаль аль-Дином Руми — автором поэмы «Маснави», которую в дальнейшем стали называть «Кораном суфизма». Благодаря ученикам этого ордена, на Востоке суфийские танцы с впадением в транс стали называть «танцами дервишей». В Южной Азии большим влиянием пользовался основанный еще в XIII в. Муин аль-Дином Кристи орден Кристийя, чей расцвет пришелся на эпоху императора Акбара. В Африке долгое время прочные позиции занимали азиатские ордена — Кадырийя и Шадхили. Только в конце XVIII столетия в Фесе появился собственный североафриканский орден Тиджани, созданный Ахма-

¹⁷¹ Крымский А.Е. Очерк развития суфизма до конца III в. хиджры // Труды Восточной комиссии Императорского Московского археологического общества. — М., 1895. Т. II. Вып. 1.

дом аль-Тиджани. В целом, отмечают авторы, африканские суфийские ордена подверглись сильному влиянию местных верований. Здесь, как и повсюду, их открытость и гибкость существенно облегчали миссионерскую деятельность.

Со временем, благодаря завоеваниям и переселениям, суфийские ордена пришли в Европу. Во время господства Османской империи на Балканах утвердились несколько орденов, в первую очередь Бекташи. В течение последних десятилетий XX в. вместе с иммигрантами суфии проникли в Западную Европу. Так, Накшбандия стал очень популярен среди принявших ислам европейцев-интеллектуалов. Некоторые из них, как, например, британец Ришад Фэйлд, сами стали миссионерами и активными проповедниками суфизма (Westerlund, Svanberg, 1999, pp. 12—16).

В классической исламской культуре авторы книги выделяют два центра, внесших наиболее значительный вклад с точки зрения ее влияния на европейскую цивилизацию. Это были Багдад (примеч. с 763) и Кордова (с X). Главной заслугой мусульманских ученых было то, что они сохранили и перевели на арабский язык греческую философскую классику, которая после готского завоевания существовала в Египте и была переведена на сирийский язык. В Испании мусульманские ученые сотрудничали с еврейскими и христианскими богословами, врачами и философами, что оказало неоценимое позитивное влияние на становление научного знания и развитие науки в Западной Европе. Лидирующая роль арабского языка продолжалась, как считают авторы, примерно до XI в., после чего начался процесс размывания его роли как единственного и главного языка исламской цивилизации и вытеснения персидским. Синтез мусульманской и индийской культур привел к обогащению арабско-мусульманской, а через нее европейской культуры математическими знаниями. Исламская культура, которая была представлена выдающимися достижениями в области естественных наук,

филологии, истории и теологии, достигла своего пика в XIV столетии, после чего застыла и продолжала существовать в почти неизменном виде еще пять столетий. В колониальную эпоху европейцы столкнулись с исламской цивилизацией в таком виде, какой она была в эпоху крестовых походов.

На регламентацию социальных отношений в исламе определенное влияние оказали исторические факторы и патриархальное наследие доисламской эпохи. Это в первую очередь отразилось на положении женщин: Коран запретил практиковавшееся у арабов убийство новорожденных девочек, но, ввиду постоянных потерь среди мужского населения в ходе войн за веру, юридически узаконил полигамию. Однако в настоящее время многие мусульмане выступают против многоженства и апеллируют при этом к Корану, который, по их мнению, запрещает полигамию. В историческом контексте на отношения между полами в исламском обществе большое влияние оказали местные культуры, которые традиционно регулировались обычным правом — адатом.

Исторически отношения между исламом и европейским христианством были сложные и зачастую враждебные. Со времен крестовых походов и в период длительного соприкосновения ислама с христианством в Южной и Юго-Восточной Европе европейцам насаждался в пропагандистских целях негативный стереотип ислама. В колониальную эпоху окончательно сложилось представление об исламе как о «репрессивной» религии и культуре, которая тормозит развитие находящихся под его контролем территорий. Несомненно, под влиянием Запада среди мусульман в конце XIX — начале XX в. зародилось реформаторское движение: салафийя в Северной Африке, джадидизм в Турции, Иране и Туркестане, исламский социализм в послевоенном арабском мире. Все эти движения ставили целью приспособить ислам к современному миру и балансировали между исламским наследием и западным влиянием.

С целью удержания суфизма в лоне ислама знаменитый философ, богослов, суфий конца XI — начала XII в. Абу Хамид ал-Газали в труде «Ихйа' 'улум ад-дин» («Воскрешение наук о вере») предпринимает попытку подчинения в какой-то мере суфизма правящим кругам. Признавая сухой формализм мусульманской обрядности и чрезмерную «чувственность» суфизма, Газали предлагает «оживить богословие» посредством включения в правоверие ряда мистических элементов, но одновременно исключить из суфизма крайние экстатические моменты. Эксперимент, предложенный философом, вполне удался. Так возник ортодоксальный суфизм, приемлемый для верхушки духовенства. Примирение суфизма с правоверием открыло ему дорогу за пределы городов — в феодальные замки, сельскую общину и к кочевникам степи. Однако умеренный суфизм, главным образом, получил развитие в центральных странах Арабского халифата. На окраинах же мусульманского мира, в том числе и в Средней Азии, Южном Казахстане, продолжали функционировать крайние его формы. Крайние суфии-пантеисты и среди них Ахмед Ясави признавали возможность растворения субъекта в божестве на высших стадиях суфийского «пути познания».

Реформа Газали позволила суфизму проникнуть во многие сферы духовной жизни общества; элементы учения появляются во всех видах литературы. С особой силой суфийские элементы проникают в поэзию. В основе суфийской поэзии лежало первоначально практиковавшееся во время бесед шейхов пение стихов под музыку. Именно поэзию, ввиду ее духовности и силы воздействия на массы, выбрали ранние суфии с целью распространения своего учения. Для этой же цели суфии были вынуждены обратиться не к литературному арабскому языку, а к языку народному, к народной поэзии.

Историческое присутствие ислама в Центральной Азии авторы относят к VII в. как к наиболее ранней дате. Однако реально регион был исламизирован позже — в IX и XII в.,

причем многие доисламские культурные и религиозные традиции тюркских народов были сохранены. В истории центральноазиатского ислама авторы выделяют два основных течения — суфизм и джадидизм. Суфизм играл альтернативную роль социальной организации и формы местного сопротивления чужеродной гегемонии. Большую роль в распространении ислама сыграл именно суфизм. Через суфийских миссионеров ислам был внедрен среди казахов и киргизов в XV в. В дальнейшем суфизм сыграл важную роль в организации духовного и политического сопротивления русскому господству как в царское, так и в советское время. Наиболее старыми орденами в регионе были Яссауи (основан в середине XII в. Ахмедом Ясави, считающимся по традиции первым тюркским мистиком) и Накшбандийя (основан Баха аль-Дином Мухаммедом аль-Бухари в XIV в.).

Ко времени появления Ахмеда Ясави на исторической арене суфизм пустил в Средней Азии и Южном Казахстане определенные корни. Большую роль в пропаганде дервишизма здесь сыграли хорасанские шейхи XI—XII вв., такие как: Абу Сайд Мейхени (ум. 1049), Юсуф Хамадани (ум. 1140). Под непосредственным руководством этих шейхов воспитывались среднеазиатские суфии. Их ордены пользовались все большим влиянием в Средней Азии и Южном Казахстане. Популярным, в частности в XII в., был орден Кадирийя, основанный шейхом Абд ал-Кадиром Гиляни (ум. 1166). Многогранный по своей природе суфизм, в отличие от ортодоксального ислама, быстрее приспосабливался к среднеазиатской действительности, где были живучи доисламские пережитки. В лоне суфизма эти пережитки постоянно покрывались мусульманской оболочкой, теряли свою былую жизненность. Тем самым суфизм способствовал распространению ислама в Средней Азии.

Однако если в среднеазиатской, главным образом, городской среде процесс исламизации шел успешно, то среди бо-

лее северных тюрков-кочевников он проходил с трудом. В подобных случаях мусульманские лидеры дело распространения ислама в чуждой им среде перекладывали на плечи шейхов. Именно в XII в. в кочевой среде региона появилась группа суфиев-миссионеров, самым видным из которых являлся Ходжа Ахмед Ясави.

Достоверные биографические данные об Ахмеди Ясави весьма скудны и позволяют наметить лишь отдельные моменты его жизнедеятельности. Год рождения Ясави точно не известен. Некоторые исследователи, ссылаясь на соответствующие указания в «Диван Хикмате» о том, что Ахмед «покинул этот мир в 63-летнем возрасте», выводят год его рождения (опираясь на известную дату смерти 1166 г.) к 1105 г. или около этого. Место рождения Ясави также вызывает определенные споры. Согласно установившейся точке зрения, Ахмед происходил из города Ясы (Туркестан), отсюда его нисба — Ясави, т.е. «выходец из Ясы». Однако некоторые исследователи (П.П. Иванов), на основании данных средневекового источника «Рисали о Сайраме», считают родиной Ходжи Ахмеда Сайрам средневековый Испид-жаб, ныне поселок под Шымкентом¹⁷².

Очевидно, Ахмед Ясави был тюрк по происхождению. Согласно источникам, он в семилетнем возрасте обратил на себя внимание известного тюркского шейха Баб-Арслана — одного из зачинателей распространения ислама на Сыр-Дарье (мавзолей-мечеть, приписываемый ему в настоящее время, находится недалеко от городища Отрар). Последний занялся духовным воспитанием Ахмеда. После смерти учителя Ходжа Ахмед отправился в Бухару, где вступил в орден знаменитого среднеазиатского шейха Юсуфа Хамадани. Семнадцати лет, как указывается в одной из поздних версий «Дивана» Ясави, он вернулся в Туркестан. К этому време-

---

¹⁷² Иванов П.П. Сайрам (историко-археологический очерк) // Сборник Туркестанского восточного института в честь проф. А.Э. Шмидта. — Ташкент, 1923.

ни Ходжа Ахмед уже оформился как опытный проповедник ислама, суфизма, как поэт-мистик. Иначе невозможна была бы его исключительная популярность в тюркской среде. Этому способствовали знание в тонкостях суфийского учения, строгое исполнение его предписаний, доступное изложение народным языком (в стихах) его положений¹⁷³.

Таким образом, Ахмед Ясави сделался духовным главою местных тюркских племен, которые дали ему прозвище «Ата Ясави». Эта обстановка всеобщего почитания содействовала освящению личности Ясави, которая начала обрастать легендами. Туркестанский шейх якобы обучил чтению Корана пророка Сулеймана, экзаменовал на знание веры 99 тысяч шейхов и т.д.

В деятельности Ахмеда Ясави наиболее важным было создание им первого на границах с кочевыми тюркскими народностями суфийского ордена — Ясавийя (впоследствии орден также именовался Ходжагон или Джахрийя-и-Султаныйя). Отличительными особенностями ордена явилось то, что в нем впервые, возможно под влиянием шаманской практики тюркских народов, был введен громкий зикр и к нему были допущены женщины. Все это способствовало широкой этносоциальной основе распространения ясавизма в регионе.

На ранней стадии своего развития (конец XII — нач. XIII) ясавизм как течение среднеазиатского суфизма получает самостоятельное развитие. Особенной популярностью это учение пользуется среди кочевых масс. Некоторые демократические идеи ясавизма — проповедь аскетизма и нестяжательства, специфическая форма пропаганды его идей в форме народной тюркской поэзии способствовали чрезвычайной мобильности и широкому распространению ясавизма среди кочевых тюркских народов. Учение Ясави в средневековье получило рас-

¹⁷³ Пылев А.И. Ходжа Ахмад Ясави: суфийский поэт, его эпоха и творчество (опыт историко-культурного исследования). — Алматы, 1997.

пространение у казахов, кочевых узбеков, туркмен, каракалпаков и у поволжских народов.

Под влиянием идеи ясавизма в среднеазиатском обществе XIII и последующих веков получило широкое распространение суфийское течение Бахаутдина Накшбанди (1327—1389). Тарикат Накшбандийа в позднее средневековье захлестнул своим влиянием орден Ясавийа в городских районах его развития (видимо, и в области Туркестана). На это, в частности, указывает то, что в начале XX в. в малой мечети комплекса Ходжи Ахмеда Ясави проводились зикры местных дервишей Накшбандийа¹⁷⁴. С другой стороны, сама личность Ясави (не без оболочки идеализации) повлияла на распространение идей ясавизма в этом и других дервишеских орденах региона. Характерно, что во многих орденах (главы которых отнюдь не считали себя последователями туркестанского шейха) было распространено чтение стихов из «Дивана Хикмата».

В конце XIX — начале XX в. «Диван Хикмат» издавался неоднократно в Казани и Ташкенте; издания привлекались для исследования специалистами. В Казани произведение выходило под названием «Диван-и хикмат-н хазрат султан ал-арифин Ходжа Ахмед». Из ташкентских изданий наиболее популярным среди мусульман Средней Азии и Казахстана было издание Г.Х. Арифджанова арабским алфавитом на старотюркском языке.

Интересно указание на то, что в середине XIX в. у изголовья гробницы Ходжи Ахмеда показывали огромный фолиант — рукопись «Хикмата», написанную на коже газели. Размер ее равнялся одному метру длины и одному метру толщины. Во время завоевания Туркестана русскими войсками рукопись якобы была спрятана, а затем утеряна.

Одним из наиболее спорных является вопрос об авторстве «Хикмата». В народе, бесспорно, считалось и считается, что

---

¹⁷⁴ Алаев О. Кто такой Ясави? // Наука и религия. — 1976. — N 5.

автором «Дивана» является сам Ясави. Вместе с тем в «Хикмате» встречаются различные исторические несоответствия, вызывающие сомнение в том, что он (или же какая-то его часть) был составлен при жизни Ясави. Так, город Ясы зачастую именуется в «Хикмате» как Туркестан, хотя известно, что это название города появилось позднее эпохи Ясави. Изучая подобные «подозрительные» места в «Хикмате», исследователи пришли к выводу, что лишь небольшая часть позднего издания «Хикмата» принадлежит самому Ясави, многое в сборнике написано значительно после его смерти адептами учения.

Таким образом, новым в поэзии Ясави было применение им народного тюркского языка. Другим важным моментом, отличающим его поэзию, является то, что стихи Ясави «сохраняют народную силлабическую метрику и строфическое построение». До этого образцы среднеазиатской поэзии, в частности уйгурской караханидской поэзии, используют арабо-персидскую квантитативную систему аруза.

В «Диван Хикмате» всячески подчеркивается страстная преданность Ясави догматам ислама и тариката. Составители и переписчики приводят в пример верующим и муридам деятельность туркестанского шейха как борца за веру. Это, в свою очередь, способствовало тому, что имя суфия было окрашено ореолом святости и легендарности. Благодаря этому, верующие проникались глубочайшим уважением к «Хикмату», который целиком и полностью приписывался перу Ходжи Ахмеда, хотя большая их часть не читала этого произведения целиком. Нередко «Хикмат» становился известен в тех или иных районах в результате из устной произвольной передачи дервишей.

Произведения Ясави оказали определенное влияние на литературную традицию Средней Азии. Ввиду своей популярности среди широких масс, «Хикмат» Ясави оказал заметное влияние на последующую народную поэзию. Народ-

ные поэты видели в «Хикмате» не только суфийские умозрительные заключения, но и определенные лирические нотки. Так, под влиянием поэзии Ясави находился туркменский поэт Махтумкули.

Таким образом, деятельность Ходжи Ахмеда Ясави оказала серьезное влияние на общественно-политическую и культурную жизнь Казахстана и Средней Азии эпохи средневековья. Ясави был особенно популярен в тюркской кочевой среде. Замечательным свидетельством этого является сохранившийся до наших дней архитектурный мемориальный комплекс Ходжи Ахмеда Ясави в городе Туркестане. Основные постройки этого комплекса — грандиозный мавзолей-мечеть — были построены эмиром Тимуром над небольшим мавзолеем туркестанского шейха на рубеже XIV и XV в.

Таким образом, Тимур укрепил как свой авторитет, так и сделал «священным» образ Ахмеда Ясави. У мавзолея «Ата Ясави» желали быть похороненными не только рядовые мусульмане, служители культа, но и ханы, султаны, батыры. К середине XIX в. комплекс значительно разросся и включал в себя мавзолей-мечеть, шильдехану, мавзолей дочери Улугбека Рабии Султан-бегим, крепостную стену и многие другие сооружения, большинство из которых, к сожалению, не сохранились в первозданном виде¹⁷⁵.

После окончательного завоевания Россией Центральной Азии в регионе значительно усилилось европейское влияние,

---

¹⁷⁵ См.: Ахмеров П.Н. Описание печати Ахмеда Ясави // Изв. общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. — 1896. Т. 13. Вып. 6; Маллицкий Н.Г. Хазрет Султан (Ходжа Ахмед Ясави, Султан Арефин, туркестанский мистик и святой XII столетия) // Туркестанские ведомости. — 1906. — N 125; Новицкий Ю. Ходжа Султан Ахмед Ясави. Киргизская легенда // Туркестанские ведомости. — 1912. — N 58; Семенов А. Мечеть Ходжи-Ахмеда Есевского в городе Туркестане. Результаты осмотра в ноябре 1922 г. // Изв. Средазкомстариса. — 1926. Вып. 1; Гордлевский В.А. Ходжа Ахмед Ясави // Избр. соч. Т. III. История и культура. — М., 1962; Акишев К.А., Агеева Е.И. Древние памятники Казахстана. — Алма-Ата, 1958; Ходжа Ахмед Ясави (Библиографический указатель) [Нац. библ. РК; на каз. и рус. яз.]. — Алматы, 1994.

которое, в свою очередь, вызвало к жизни реформаторское движение в исламе, получившее название джадидизм. Импульсы джадидистского движения шли с Кавказа и Крыма. Свое название джадидизм получил от открытой крымским татаринном Исмаил-беем Гаспрали (1851—1914) школы «нового метода» — усул-у Джадид. Новое движение имело две стороны и преследовало две цели: с одной стороны, поднять образование мусульманского населения Российской империи на современный уровень и привести его к единым стандартам, с другой — объединить тюркские народы «от Босфора до Кашгара» на общей культурно-лингвистической основе, в том числе путем введения общетюркского алфавита. В дальнейшем борьба между джадидами и сторонниками старого метода — кадимами переросла в политическую плоскость. Большевики нашли среди джадидистской интеллигенции немало сторонников, а у басмачей во время гражданской войны был лозунг: смерть неверным и джадидам! Однако в дальнейшем выяснилось, что джадиды поддерживают националистические идеи, а не классовые, что привело к их отходу от мусульманского коммунизма (Westerlund, Svanberg, 1999, pp. 149—165).

В XVI в. Иран возник как региональная супердержава с шиитским исламом в качестве государственной религии. Эту роль Ирану попытались вернуть фундаменталисты в ходе исламской революции, однако, как и Турция, Иран вынужден был балансировать между персидским национализмом, пытаясь объединить вокруг себя на культурно-лингвистической основе суннитские Афганистан и Таджикистан, и ролью лидера шиитского ислама.

В книге Вестерлунда и Сванберга Иран, Афганистан и Таджикистан рассматриваются как единое культурно-историческое целое. Авторы считают, что это обширное персоязычное пространство со стомиллионным населением имеет и общую исламскую историю. Эти страны, в отличие от тюрк-

ских государств, характеризует, прежде всего, доминирование ислама в общественной жизни и культурных традициях. Ислам проник в персоязычный мир после разгрома арабами Сасанидской державы в 637—642 гг., однако реальная исламизация региона произошла после 750 г., когда аббасиды сменили умайядов в качестве лидеров и наследников халифата. Религиозное размежевание между суннитами и шиитами началось после утверждения в Иране тюрко-монгольских династий газневидов и ильханов, поддерживавших суннизм. В дальнейшем эта борьба продолжалась то в скрытой, то в открытой форме, пока на иранском престоле не утвердились сефевиды, ведущие, как ни парадоксально, свои корни от суннитского туркменского племени кызылбашей. Основным фактором, способствовавшим победе шиизма в Иране, была принадлежность лидеров племени к суфийским шейхам, в частности Исмаила, при котором шиизм стал государственной религией в Иране. В результате суфийские ордена суннитского толка были разгромлены, а Иран вошел в конфронтацию со своими суннитскими соседями, в первую очередь с Османской империей, а также с государством Шейбанидов и империей Великих Моголов.

Это привело к политической и экономической изоляции Центральной Азии и Афганистана от основной части халифата и всего исламского мира. Говоря современным языком, считают авторы, в Иране произошло формирование на базе религии «национального государства», структуры которого сохранились и по сей день. Для центральноазиатских эмиратов эта изоляция сыграла роковую роль и имела своим следствием, как не совсем обоснованно считают авторы, завоевание их Российской империей. Шиизм утвердился в Иране в качестве официальной доктрины в XVI—XVII вв., но на ритуальном уровне различия между суннитами и шиитами невелики. Представляет интерес тот факт, что шиитские теологи в Иране уже на ранней стадии раскололись на т.н.

традиционалистов (ахбари) и фундаменталистов (усули). В дальнейшем это противостояние переросло в политическую сферу: в конце XIX в. усули блокировались с либералами и секуляристами в борьбе с коррумпированным и беспомощным перед европейским империализмом режимом Хаджаров, однако оба течения преследовали противоположные цели (**Westerlund, Svanberg, 1999, pp. 166—190**).

Суфийские ордена проникли в Синьцзян из Средней Азии в начале XV в. Их влияние на дунган было замечено в конце XVII столетия. Суфийские институты экономического, социального, религиозного и политического характера получили название «менхуань». Среди уйгур сильные позиции занимал орден Накшбандийя, а среди дунган — Кадырийя. Орден Накшбандийя стремился к социальным реформам, что привело его к столкновению с маньчжурами. В дальнейшем от него откололась более радикальная ветвь — орден Джахирийя, призывающий к вооруженному сопротивлению Цинам и сыгравший ведущую роль во время восстания Якуб-бека в 1864—1877 гг. Орден Хуфийя, популярный в провинции Нинся, также не носил аполитичный характер и призывал своих последователей к активному духовному возрождению, что предполагало и более активную социальную позицию. Авторы считают, что суфийские ордена в Китае всегда были высоко организованы и имели широкую социальную базу, что позволяло им в моменты социальных и политических кризисов эффективно организовывать коллективное сопротивление мусульман. Именно благодаря существованию суфийских орденов было обеспечено экономическое и политическое выживание дунган и уйгур в рамках Китайской империи (**Westerlund, Svanberg, 1999, pp. 190—211**).

Ислам имеет в регионе Южной Азии прочные исторически корни. Планы по завоеванию Индии существовали уже при халифе Умар бин Хаттабе (634—644); при Умайядах (660—750) арабская армия вошла в соприкосновение с прави-

телями Синдха. Арабы завоевали Синдх и южный Пенджаб, которые в дальнейшем подчинились халифату в Дамаске, а затем Багдадскому. Однако более прочное закрепление ислама в Индии произошло, начиная с XI в., когда начался период постоянных вторжений тюркских и афганских завоевателей. В начале XIII столетия в руки мусульман перешел Дели. С этого момента ислам доминирует на Индийском субконтиненте, особенно на севере, северо-западе и северо-востоке. Последней и самой продолжительной мусульманской династией были представители Великих Моголов (1526—1857).

На севере Индии сложилась правящая мусульманская элита, состоявшая из тюрков, афганцев, персов и индусов, конвертировавшихся в ислам. Эта прослойка получила название *ашраф*. Простых мусульман называли *аам лог*. Однако мусульмане продолжали оставаться в меньшинстве; к моменту британского завоевания субконтинента только один из четырех жителей придерживался ислама. Социальная дифференциация среди мусульман внесла отпечаток на конфессиональную практику и лингвистическую ситуацию: элита пользовалась тюркским и персидским, а позднее урду, в то время как простое население продолжало разговаривать на своих наречиях, а в религиозной практике прибегала к элементам прежних местных верований. В юридической области формальной базой оставался шариат, однако в целом доминировал ортодоксальный ислам в форме улама.

В распространении ислама в Южной Азии выдающуюся роль сыграли суфийские ордена. Наиболее успешным среди них был орден Чисти (основан в начале XIII в. Муин аль-Дином Чисти), а также три других — Кадырийя, Сухравардийя и Накшбандийя. Консолидация власти мусульман в Индостане во многом стала возможной благодаря активности суфийских миссионеров. Чистийя опирался в повседневной практике на принципы улама; Сухравардийя пользовался поддержкой государственных институтов; Накшбандийя

строго следовал шариату, а наиболее либеральным являлся орден Кадырийя. После того, как европейцы окончательно захватили политическую власть в Индии, суфийские ордена здесь, в отличие от других регионов исламского мира, быстро деградировали. Существование последователей шиизма в Индии являлось следствием влияния и соседства с Персией. При императоре Акбаре (1556—1605) сложился симбиоз между официальным исламом и раджпутским вероучением, получившим название *Дин-и-Илахи* (Божественное вероучение). Его влияние выросло особенно сильно при императоре Джангире (1605—1627). Это вызвало резкий протест со стороны суфийских шейхов, представитель которых Шейх Ахмед Сирхинди, отражавший наиболее пуританское крыло накшбандиев, начал кампанию против отхода от стандартов ислама среди Моголов. При Аурангзебе (1658—1707) суннитский ислам полностью возобладал как политическая сила и официальное учение не только над индуизмом, но и над шиизмом. В дальнейшем суфии спровоцировали вторжение афганцев с целью укрепления позиций ислама, но следствием этой политики было только всеобщее ослабление империи Великих Моголов.

Перед лицом растущей угрозы со стороны англичан и ввиду чрезвычайного ослабления исламского государства Моголов их лидеры Шах Валиулла (1702—1763) и Сайид Ахмед Раи Барели (1786—1831) в качестве противовеса выбрали стратегию по усилению принципов улама, т.е. бескомпромиссного и ортодоксального ислама. Сайид Барели даже призвал верующих к джихаду, однако это не предотвратило падения могольского государства. Однако, чтобы побороть сопротивление в стране, европейцам понадобилось сто лет. В результате завоевания в индийском исламе утвердилась его экстремистская форма — ваххабизм, стремившийся к максимальной доктринальной и организационной консолидации мусульман. Лидером традиционалистов стал Ахмед Раза

Хан (1856—1921). После подавления т.н. восстания сипаев в 1857 г. британские власти обрушились в первую очередь на мусульманскую аристократию, лишив многих ее представителей жизни и имущества. Высшие эшелоны правящих классов, на которые опирались англичане, были рекрутированы из представителей высших индуистских каст.

Важным событием в истории индостанского ислама в колониальный период стало открытие в 1886 г. Мусульманской образовательной конференции представителем старой североиндийской мусульманской аристократии Сиром Сайидом Ахмед Ханом (1817—1898), а также специального колледжа в Алигархе, где мусульманская молодежь смогла получать классическое и реформированное образование. К этому периоду относится политический раскол между мусульманами и индусами, создавшими в 1885 г. Индийский национальный конгресс (ИНК). Сир Сайид Ахмед Хан и его сторонники дистанцировались от ИНК именно как от индуистской организации. Исламисты консолидировались вокруг созданного в Деобанде центра учения улама, затем вокруг партии Джамийат-и-Удама-и-Хинд (Партии исламских ученых Индии) и, наконец, создали в 1906 г. Мусульманскую лигу. После поражения Османской империи в Первой мировой войне индийские мусульмане были встревожены дальнейшей судьбой халифата и создали в 1919 г. т.н. Халифатский комитет (комитет по сохранению халифата), который пользовался поддержкой антиимпериалистов из числа индусов, в том числе Махатмы Ганди. После усиления репрессий со стороны колониальных властей в 1920-е гг. среди индийских мусульман стало популярным движение хиджрат (эмиграция). Молодежь эмигрировала в основном в Афганистан, а некоторые еще дальше — в Советскую Среднюю Азию, став затем пионерами коммунистического движения в Индии (**Westerlund, Svanberg, 1999, pp. 212—252**).

Для России ислам является, наряду с христианством и буддизмом, частью традиционного религиозного наследия.

Впервые ислам на территории современной России появился в середине VII в. вместе с арабами на Кавказе. Уже в VIII столетии большинство населения на территории современного Азербайджана и Дагестана исповедовало ислам. В Волжском регионе ислам представлен начиная с IX в. В течение всего средневековья мусульмане проникали на территории современных Польши, Литвы, Беларуси и Эстонии. Их потомки, проживающие в этих странах и сегодня, известны как «татары». В эпоху Золотой Орды большую роль в распространении ислама сыграли суфийские миссионеры, чьими усилиями были обращены в ислам племена степных регионов Южной России, Причерноморья и Каспийского моря. После завоевания Россией Казанского и других ханств на Востоке роль миссионеров перешла к татарским муллам, которые распространяли ислам по мере продвижения империи в глубь Сибири и Центральной Азии.

После ряда успешных войн с Турцией в XVII в. и завоевания Крымского ханства Россия начала проводить на завоеванных территориях политику, которую авторы сравнивают с «регулярными этническими чистками». Мусульманское население в массовом порядке эмигрировало в Османскую империю, а на освобожденные территории царские власти селили христиан. На Кавказе организацию сопротивления взял на себя суфийский орден Накшбандийя, к которому принадлежали такие лидеры, как шейхи Мансур (1780-е гг.) и Шамиль (1824—1859). Характерно, что российское правительство широко использовало ислам для укрепления своей власти; исламские организации подерживались и контролировались. Однако царский режим финансово и юридически поощрял и христианизацию мусульманского населения. Ответом на эту политику, которая приняла широкие масштабы при Александре III, стало движение джадидов как попытка модернизировать мусульманское сообщество. В 1905 г., когда в России была вве-

дена религиозная свобода, татары, насильно обращенные в православие, вновь конвертировались в ислам. Российский суфизм возник на основе ордена Накшабандийя, который проник в Татарстан в конце XVIII в. и на основе которого возникла его диссидентская ветвь — т.н. ваизовщина (по имени ее основателя Вахауддина Ваизова) (**Westerlund, Svanberg, 1999, pp. 402—419**).

Известный шведский востоковед Г. Ярринг, анализируя особенности жизни населения Восточного Туркестана, представленного дервишами и каландарами, связывал их феномен с суфизмом. Первые упоминания о дервишах и каландарах встречаются у Й. Вульфа, который в 1844 г. встретил в Бухаре дервиша из Яркенда и беседовал с ним на религиозные темы. Позже, в 1882 г., в Хиве Х. Ландсделл наблюдал шествие группы дервишей из Кашгара. Экспедиция Т. Форсайта в 1873 г. в Яркенд вызвала всеобщий интерес к Восточному Туркестану: к его географии, истории и культуре. После завершения миссии были опубликованы воспоминания ее участников, где также имелась информация о дервишах и каландарах. Более подробно, продолжает автор, дервиши и каландары описаны в трудах Р. Шоу. Приведенные в статье отрывки из этих описаний совпадают с описаниями предыдущих авторов. Отмечается, что термины «дервиш» и «каландар» носили религиозный оттенок. Некоторые авторы называют их аскетами, менестрелями и даже нищими.

Более исчерпывающие сведения о дервишах и каландарах даны, по мнению Ярринга, в трудах Х. Беллью и Д. Чапмана, членов миссии Форсайта. В фрагменте из их описания говорится, что в Восточном Туркестане имеется класс менестрелей и актеров, которые бродят по улицам, скитаясь с места на место, добывая средства для существования, — это каландары и дервиши, или бахчи. Первых исследователи относят к религиозным нищим и бродягам, которые ходят группами по пять или шесть человек, поют и танцуют на улицах, одеваются в гро-

тесную одежду, притворяясь безумными, с растрепанными волосами и заштопанной одеждой, с шапкой на голове из шкуры какого-нибудь дикого животного. Они всегда носят с собой деревянный посох или железный жезл с привязанной веревкой со стальными кольцами. Песни и танцы сопровождаются жестами при помощи этих палок. В другом сообщении отмечается, что иногда дервишей и каландаров нанимали для возглавления похоронных процессий и песнопений при панихидах.

В исследованиях К. Скрайна и П. Этертона отмечается связь нищих и каландаров с преступной деятельностью некоторой части населения. Обычно ими руководил китайский чиновник, который контролировал их преступную деятельность. Как считает Ярринг, нищие, описанные у Скрайна и Этертона, не относились к т.н. настоящим нищим, что подтверждается и уйгурскими источниками.

В своей книге о Китайском Туркестане французский исследователь Ф. Гренар посвятил небольшой отрывок дервишам и каландарам. Давая описание их деятельности, он особо выделяет танцы дервишей. Их отличает быстрый ритм и эмоциональность, сопровождение пения набожных гимнов под аккомпанемент музыкальных инструментов (сипая) наподобие мандолины. Следует отметить, что все представление длилось до полного изнеможения исполнителей.

Г. Ярринг подразделяет дервишей на несколько видов. Одних он называет «настоящими» — это святые или аскеты. Они живут обычно в пещерах, довольствуются скудной пищей, считая, что это от бога. Образ жизни другой группы несколько отличается: они живут и за счет милостыни. Третья разновидность дервишей одевается, как ишаны, суфи или монахи. Обычно они прославляют бога, участвуют в религиозных обрядах богатых слоев населения, представляя различные секты ислама¹⁷⁶.

---

¹⁷⁶ Jarring G. Dervish and qalandar // Sgripta minora. — Lund, 1987. Pp. 5—39.

Автором классического труда по проблеме суфизма считается английский востоковед Дж.С. Тримингэм (1904—1987), чье значительное и интересное исследование «Суфийские ордены в исламе» подводит к обширному лабиринту проблем. Автор впервые в исламоведении предпринял попытку рассмотреть и проанализировать в историко-хронологическом и диахроническом аспектах весьма важный социальный институт — мистические (суфийские) братства, возникшие в исламе в конце XII в. Глубокий и неординарный труд Дж.С. Тримингэма (который вместе с тем может служить справочным пособием) вышел в свет в 1971 г. и до сих пор сохраняет свое значение, оставаясь единственным в своем роде. Дж.С. Тримингэм поставил перед собой задачу на обширном материале, почерпнутом преимущественно из первоисточников, проследить общие закономерности и специфику процесса образования, развития и стагнации этого института в целом (доведя исследование до середины нашего столетия), а также выявить исторические и политические предпосылки, приведшие к его появлению в мире ислама. В тесной взаимосвязи с историей сложения отдельных мусульманских мистических братств прослеживается эволюция организационных основ братств, их иерархия, структура, разновидности общин и обитателей, механизм функционирования последних, обряды и ритуалы посвящения, частные системы и методы обучения практике мистического Пути познания, обязанности членов братств и т.п.

Таким образом, книга Дж.С. Тримингэма посвящена по преимуществу особенностям и характерным чертам практического (прагматического, или рефлекторного) суфизма, который функционально осуществлялся через братства, а не специфике суфизма интеллектуального, т.е. не его религиозно-философским и этико-моральным доктринам и положением. Разумеется, автор не оставляет без внимания и эти моменты. Философское учение теоретически обосновывало

цель постоянных устремлений мистика-суфия: достижение духовного «единства с божеством», тогда как прагматический мистицизм разрабатывал конкретные методы и приемы (психотренинг и т.п.), которые должны были способствовать достижению этой цели. Именно прагматический мистицизм Дж.С. Тримингэм вполне резонно характеризует как «практическую, в сущности, дисциплину» и как «организованное культивирование религиозного опыта, направленное на непосредственное интуитивное восприятие Единсущего».

Согласно автору, суфизм — это особое мистическое, религиозно-философское мировоззрение в рамках ислама, представители которого считают возможным через посредство личного психологического опыта непосредственное духовное общение (созерцание или соединение) человека с божеством. Оно достигается путем экстаза или внутреннего озарения. Таким образом, суфизм сформировал в недрах официальной религии новый пласт, целый блок нравственных и этических представлений, которые сначала были восприняты широчайшими народными массами, а затем осознаны ими как своя неотъемлемая собственность. Укрепление в общественном сознании суфийских идей обрекло на полную неудачу борьбу государственной теократической машины и нормативного богословия с суфизмом. Немалую роль в выживании суфизма сыграла и его удивительная социальная пластичность.

Следует отметить, что выход в свет «Суфийских орденов в исламе», с одной стороны, стимулировал в западном исламоведении тенденцию к углубленному и целенаправленному изучению роли суфийских братств (*турук*) в социальной, политической и экономической структуре общества как на средневековом мусульманском Востоке, так и в современных государствах, возникших в этом регионе. С другой стороны, выход книги совпал с подъемом интереса к активизации деятельности братств в современном мире в научных (а также политических) кругах.

Суфизм, распространенный в зоне к востоку от Сирийско-Египетского региона, т.е. в Иране, Средней Азии и Индии, рассмотрен более бегло. Это объясняется тем, что Дж.С. Тримингэм является специалистом по арабскому исламу, в основном по африканскому. Сведения же его о братстве накшбандийа, действовавшем в Мавераннахре и Восточном Туркестане, скудны, да еще при этом нуждаются в серьезных коррективах. Через всю книгу проходят ссылки автора на иракскую, басрийскую, месопотамскую, хорасанскую, среднеазиатскую традиции суфизма точно так же, как на тюркскую школу Ахмада Йасави (Ясави)¹⁷⁷.

Комплексный анализ суфизма в Центральной Азии был опубликован в сборнике, посвященном исламскому мистицизму в Центральной Азии и подготовленный по материалам работ малоизвестных широкому читателю ведущих специалистов западных центров востоковедения. Каждый из них представляет традиции своей школы востоковедения, свой взгляд на суфизм и свой метод его исследования, но всех их объединяет незаурядная востоковедная подготовка, знание, как минимум, пяти-шести языков (большинство владеет и русским), высокий профессионализм и широкий кругозор.

Уникальность данного сборника состоит в отражении последних направлений изучения центральноазиатского суфизма, в новизне подходов, основанных на критическом анализе всех доступных рукописных источников и опубликованных исследований, а также в современных полевых изысканиях некоторых авторов. Статьи сборника подобраны таким образом, чтобы читатель имел возможность самостоятельно увидеть эволюцию мистицизма в целом и суфийских братств (в первую очередь Накшбандийа и Йасавийа) в частности, начиная с домонгольского периода истории Центральной

---

¹⁷⁷ Тримингэм Дж.С. Суфийские ордены в исламе / Пер. с англ. А.А. Ставиской, под ред. и с предисл. О.Ф. Акимушкина. — М.: София, Гелиос, 2002. — 480 с.; Trimmingham, J. Spencer. The Sufi Orders in Islam. — Oxford, 1971.

Азии и заканчивая постсоветским периодом, погрузиться в мир ритуальной практики суфийских общин и проникнуться многовековыми традициями мистического пути, которые сохранились в Центральной Азии по сей день¹⁷⁸.

§ 4. Ислам в Средней Азии

Несмотря на утверждение ислама в Средней Азии, население часто поднимало восстания против арабских властителей. Выступления против Аббасидов, тем не менее, не принимали антимусульманский характер, подчеркивают авторы. В 780 г. арабское владычество в регионе пошатнулось после безуспешных первых попыток подавить восстание под руководством создателя новой секты Хашима ибн Хакима, причем тюрки проигнорировали просьбы Аббасидов о помощи. Соппротивление продолжалось вплоть до 783 г. После того как в 809 г. персидские войска свергли халифа аль-Амина и привели к власти аль-Мамуна, предводитель персидской армии иранец Тахир получил в награду Хорасан и Мерв. Его преемники воевали с эмиром Бухары за полный контроль над Трансоксианией. В результате этой борьбы бухарские эмиры к концу IX в. приобрели власть над Ираном и Средней Азией. Свое правление они осуществляли от имени халифов, утверждая тем самым в регионе исламскую легитимность. Бухара осталась в истории как олицетворение первой исламской цивилизации мирового уровня в Средней Азии. Авторы Брентъес и Альбаум приводят выдержки из источников и описаний, оставленных такими авторами, как Низам аль-Мульк и Мукаддаси, о Бухаре в X в. Этот город и государство, столицей которого он являлся, достигли высочайшего уровня экономического и политического развития в рамках

---

¹⁷⁸ Суфизм в Центральной Азии (зарубежные исследования): Сб. ст. памяти Фритца Майера (1912—1998) / Сост. и отв. редактор А.А. Хисматулин. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2001. — 394 с.

общемусульманского супергосударства — халифата. Бухара сосредоточила у себя крупные ремесленное и сельскохозяйственное производства, а также торговлю. Источники сообщают, что хорезмийские дыни доставлялись в снегу в Багдад, где продавались по 700 дирхемов за штуку (стоимость раба в то время составляла от 70 до 100 дирхемов). Эмират являлся главным поставщиком на рынки халифата текстиля, шелка, керамики и др. Товары из Бухары достигали Магриба и Испании (**Brentjes, Albaum, 1986, S. 19**).

В этот период саманидские серебряные монеты получают самое широкое распространение в Европе: только в Швеции их обнаружено 40 000 штук; вся чеканка в русских княжествах базировалась на арабских монетах из Средней Азии (с этого времени ведут свое происхождение рубль и копейка). Экономический подъем, пишут авторы, сопровождался культурным расцветом. Представителями новой персоязычной исламской культуры Среднего Востока выступают такие поэты, как Рудаки и Фирдоуси. Перу гениального Хакаима Фирдоуси принадлежит бессмертная поэма «Шах-наме» («Книга царей»), где впервые в поэтической форме была выведена извечная борьба между оазисом и степью, Ираном и Тураном. Однако по иронии судьбы Фирдоуси было суждено закончить великий иранский эпос только после падения государства Саманидов, находясь в плену у тюркского правителя Махмуда Газневи, который мало понимал в поэзии. При Аббасидах складывается т.н. новоперсидская поэзия. Представителями новой культуры становятся Аббас аль-Мервази, Хахим ас-Согди, Балами, аль-Бухари, аль-Бируни и ибн-Сина. Писавшие на новоперсидском или арабском языках и считавшие себя представителями арабской культуры эти ученые и поэты навсегда закрепили за Бухарой и Средней Азией славу культурной жемчужины исламской цивилизации в Средние века.

Блестящей цивилизации в Бухаре суждено было пасть из-за внутренних неурядиц и восстаний наемников в 944—947 гг.

Северная часть эмирата попала под власть карлуков, а Сыр-Дарья стала границей между новым каганатом и созданным в Афганистане военным государством под руководством вожака восставших наемников Алптекина. В первые века исламского влияния — с VIII по X, как считает Брентьес, сложились новые культурные формы, которые коснулись практически всех без исключения форм искусства. Это касается в первую очередь архитектуры.

Проникновение арабов в Среднюю Азию принесло новые формы в архитектуру, пишут Брентьес и Альбаум. В свое время среднеазиатское искусство, особенно в эпоху аббасидов, оказало заметное влияние на строительное искусство Передней Азии, Египта и Ирана, однако арабы застали его не в лучшие времена; в VIII в. были разрушены многие древние города, а после крушения Согда арабы сожгли Пянджикент и Варахшу, старую столицу Бухарского оазиса. С арабами пришла новая архитектура, призванная увековечить мощь новой мусульманской империи. Арабский географ и историк аль-Истахри оставил описание Мерва при Абу Муслиме. В новой среднеазиатской архитектуре причудливо перемешались старые традиции, восходящие еще к эллинизму, строительства дворцов и усыпальниц, которые были использованы при строительстве первого исламского мавзолея для халифа аль-Мунтасира в 862 г. в Самарре. Можно сказать, что многие архитектурные элементы, такие как роспись вязью, рундштат, геометрическая штукатурка и многие другие были забыты, а затем вместе с арабами вернулись в регион.

Градостроительство в Средней Азии, отмечают авторы, переживало изменения с каждым витком вторжений и завоеваний. Города перестраивались после очередного разрушения, и поэтому мало, что известно о городах на юге и в Зерафшане, однако, благодаря борьбе между саманидами и карлуками, города на Сыр-Дарье и в бассейне реки Чу обе-

злюдели и больше не заселялись в масштабах, которые потребовали бы радикального изменения городского плана. Это позволило сделать любопытные наблюдения на таких городищах, как Ак-Бешим в Киргизии и Ак-Су в Южном Казахстане. В первом, отмечают Брентъес и Альбаум, остались основания, разрушенных в X в. двух буддистских храмов и одной несторианской церкви, а во втором — остатки концентрических укреплений против кочевников с шириной до 5 км¹⁷⁹. Главной особенностью среднеазиатских городов этой эпохи является наличие внушительных укреплений против степняков, сравнительно большая площадь города, дворцы, мечети и минареты на территории рабата. В большом количестве остались культовые сооружения. Для сооружений этой эпохи характерно чрезвычайно тонкое развитие орнаментов, украшений, росписей, причем не только на фасадах и стенах зданий, но и вокруг окон и на специальных вставках, в нишах и т.д. Мусульманский характер искусства отразился и на керамике, металлических изделиях, текстиле и живописи. Однако в VIII—IX вв. еще чрезвычайно сильно согдийское влияние.

Экземпляры живописи этой эпохи остались потомкам благодаря разрушению монголами в 1250 г. городов в Восточном Туркестане в районе Тарима, сухому климату и заброшенности этих территорий. Эта живопись несет на себе следы многих культур: китайской, индийской, тибетской, иранской и согдийской; в ней смешались языки и шрифты многих народов. В уйгурскую эпоху Турфан становится главным поставщиком предметов искусства в Центральной Азии. В эпоху династии Тан центральноазиатское искусство

---

¹⁷⁹ Автор имел счастье дважды, в 1977 и 1979 г. участвовать в полевых раскопках на городище Ак-Су в рамках постоянной экспедиции исторического факультета КазГУ. Городище относится к эпохе караханидов, некоторые казахстанские ученые были даже склонны видеть в ней столицу государства Караханидов — Баласагун. Поражает разветвленная водопроводная сеть Ак-Су, растянувшаяся на десятки километров. Ее элементы можно увидеть в экспозиции Государственного исторического музея Казахстана в городе Алма-Ате.

оказывает заметное влияние на Китай. Авторы допускают возможность того, что ислам привел к уничтожению книжной и живописной традиции в Центральной Азии, которая смогла затем возродиться только на основе регенерации в XII—XIII вв. кочевой и восточно-туркестанской традиции, а в позднее средневековье — заимствований из монгольской и китайской традиции, которая удивительно точно повторяет турфанскую (**Brentjes, Albaum, 1986, S. 22—33**).

Новый этап в развитии среднеазиатской исламской цивилизации начался с приходом карлуков в 992 г., *аль-ханийя*, как называют их источники, т.е. «люди хана», кочевники. Главной причиной их победы над саманидами был переход на их сторону Совета ученых людей Бухары, которые в специальной фетве признали «их веру лучшей, а образ жизни правильным». (**Pritsak, 1951, S. 299**). Недовольство саманидами и их правлением было повсеместным, как описывает эту эпоху Абу ль-Хуссейн Хилаль ибн-аль-Мухаззин ас-Саби (ум. 1056). Новая династия, которую мы называем караханидами, была у власти в период с 840-го по 1212 г. Окончательно Бухарой удалось овладеть только Бугра-хакану (Абу Муса ибн-Сулейман аль-Хассан), перешедшему в ислам с согласия светской и духовной верхушки города в 992 г. До 1004 г. саманиды продолжали сражаться за восстановление своего государства. Основная борьба в XI столетии развернулась между караханидами и газневидами за обладание Хорезмом. В 1017—1018 гг. караханиды потерпели поражение от китаев, вторгшихся в Семиречье. В Бухаре воцарился туркменский предводитель Израиль ибн-Сельджук, и только с помощью газневидов его удалось вытеснить из Хорезма. В 1041—1042 гг. государство караханидов распадается на две части: восточную с центром в Фергане, охватывающую Семиречье и Кашгарию, и западную, включавшую Трансоксианию со столицей в Юзкенте, а затем в Самарканде.

В ходе сражений между караханидами и газневидами на среднеазиатской сцене возникает новый персонаж — тюрки-сельджуки, которые были вытеснены караханидами в Хорезм и которые использовались последними в его борьбе против газневидов. Как следует из источников, сельджуки были ветвью туркменского племени *огузов*, которые приняли самое активное участие в низвержении саманидов. В 1034 г. сельджуки освобождают и занимают Хорасан, где существовало brutальное правление газневидов с помощью наемной армии мамлюков при султанах Махмуде и Масуде (1030—1040). Террористические методы, с помощью которых правили газневиды в Хорасане, облегчили его завоевание сельджуками. В 1040 г. сельджуки одержали полную победу и султанат газневидов фактически перестал существовать. В 1043 г. тюрки захватывают Хорезм, а затем устремляются в Иран. Столицей нового государства становится Мерв. В 1045 г. сельджуки достигают Армении, в 1055 г. занимают Багдад, в 1071 г. наносят поражение Византии и занимают восточную часть Малой Азии и Ирак. В 1058 г. Рукн ад-Дин Абу Талиб Тугрул (1037—1063) короновался как «султан Востока и Запада» в противоположность западному кара-хану Абу Исхак Ибрагиму I, который именовал себя «властителем Востока и Китая». В 1076 г. сельджуки окончательно оседают в Малой Азии и основывают здесь в 1086 г. свое государство.

В создании функционирующего государства принял участие перс Низам аль-Мульк, назначенный великим визирем и использовавший в государственном строительстве опыт Ирана, Индии и Китая. На первом этапе его главной заботой были 400 000 вооруженных кочевников, которых было необходимо сократить до армии численностью 70 000 и расселить на полуострове. В новом государстве управляла иранская бюрократия, тюрки использовались для охраны внешних границ и ведения войн вовне. Лейб-гвардией султана были

1000 гулямов исключительно туркменского происхождения (**Brentjes, Albaum, 1986, S. 39—40**).

Мерв становится при сельджуках центром искусств и наук, расцветает градостроение несмотря на тот факт, что сами представители династии оставались неграмотными до самого ее падения. Выдающимся представителем поэзии той эпохи становится Омар-Хайям, пользовавшийся покровительством Малик-шаха. К этому созвездию имен относятся и другие персоязычные поэты и философы, прославившие Мерв и государство сельджуков — это Фахр ад-Дин Джурджани, Низами, а также ученый аль-Хазми Мерви, написавший для султана Санджара учебник по математике.

Но организованное Низамом аль-Мульком государство, прежде всего, оставалось машиной для завоеваний. При втором султанине Альп Арслане (1063—1072) возобновилась борьба за Хорезм. В борьбе против туркмен объединились караханиды и багдадский халиф. Ибрагим I и его сыну Насру I, вошедшему в историю как Шамс аль-Мульк (1068—1080), удалось отстоять от туркмен Фергану и Бухару. Характерно, что в эту эпоху караханиды делали упор на свою исламскую легитимность. Официально они именовались как «опора государства, глава правоверных и меч Пророка». Шамс аль-Мульк вошел в историю как крупнейший градостроитель, несмотря на то, что сам он продолжал жить в своей кочевой ставке близ Бухары. При нем был построен грандиозный караван-сарай Рабат-и Малик. При его наследнике Ахмаде I ибн аль-Хидре (1080/1081—1089) власть караханидов ослабла, и в дальнейшем сельджуки использовали их как своих вассалов в оккупированных Бухаре, Самарканде и Юзкенте. При Санджаре (1117—1157) власть караханов была окончательно упразднена, а последний представитель династии был похоронен в Мерве. В Трансоксиании продолжилась борьба различных претендентов между собой и против сельджуков, но Санджару удалось

посадить в Бухаре своего вассала Омара альс-Садра и удержать регион под контролем.

Рассуждая об исламском культурно-цивилизационном наследии, нельзя обойти вниманием вклад великих представителей Среднеазиатского региона, в частности аль-Фараби, отмечал американский ученый Э. Мюллер — специалист по средневековой арабской философии. Арабо-исламская философия давно привлекает внимание ученых, но до сих пор исследования в этой области не связывались с общественными противоречиями того времени и, как правило, ограничивались сопоставлением взглядов арабских философов с учениями древнегреческих мыслителей. Выявленные при этом расхождения часто интерпретировались как искажения философского наследия древних греков под влиянием ислама. На самом же деле, отмечает Э. Мюллер, в трудах арабских ученых находили отражение присущие их обществу социальные противоречия, а выработанное на основе древнегреческой философии мировоззрение они использовали как идейное оружие в социальной борьбе.

Показывая специфику становления ислама и арабской государственности, формирования мусульманского общества с его религиозно-идеологическими и политическими противоречиями и разногласиями, автор подчеркивает, что, подобно другим современным арабским мыслителям, аль-Фараби не участвовал в религиозных диспутах своего времени. Его философия опиралась скорее на древнегреческий рационализм, чем на ислам, хотя ученый не оставался в стороне от актуальных социально-политических проблем современности.

По словам Э. Мюллера, логика и политика, занимавшие центральное место в философии аль-Фараби, имели особое значение в социальном контексте мусульманского общества.

Мусульманский мыслитель первым полностью принял пантеизм, который, по мнению автора, является ключом к пониманию радикальной сущности философии аль-Фараби.

В решении социальных, политических и идеологических вопросов своего времени аль-Фараби опирался на логику Аристотеля и утверждал, что математика и логика являются необходимой предпосылкой изучения природы, метафизики или общества. Его взгляды на метафизику, включающие элементы неоплатонизма и стоицизма, восходят к Аристотелю, но при этом важно отметить, подчеркивает Э. Мюллер, что арабские философы не разграничивали четко материальное и духовное и методология изучения физических явлений была применима к исследованию метафизического (божественного). Таким образом, путем к познанию служили логика, разум, изучение законов природы. В этой философии не оставалось места для священного писания.

Критерием оценки деятельности правителей является соответствие не религиозным установкам, а разуму. Этим идеология аль-Фараби отличается от господствовавших в то время политических взглядов на государственную власть¹⁸⁰.

§ 5. Исламское культурное наследие в Центральной Азии

Несмотря на политические неудачи, отмечают авторы книги «Хозяева степей», государство караханидов оставило выдающийся след в культурной истории тюркских народов. Это относится как к многочисленным памятникам архитектуры, так и к литературному памятнику «Кутадгу билиг» («Благодатное знание») Юсуфа Хас Хаджиба Баласагунского. Это произведение было написано в стихотворной форме, строго в канонах существовавшего в ту эпоху повествовательного жанра мусульманской историографии и является, по мнению авторов, первым в истории исламско-тюркским текстом, образчиком классовой литературы, содержащим инструкции правящим слоям по удержанию

¹⁸⁰ Mueller E. Al-Farabi and his contemporary society // Archiv orientální. — Praha, 1985. T. 53. N 4. S. 355—364.

власти и управлению простым народом. Кроме того, труд аль-Баласагуни, так же как и «Диван лугат ат-тюрк» Махмуда Кашгарского, содержит чрезвычайно много сведений о социальной структуре тюркского общества, верованиях и политических событиях этого периода. Характерно, что Кашгар в XI в. остается центром исламской культуры, в то время как Баласагун выступает в качестве западной опоры восточно-азиатского массива кочевого культурного ареала. При китаих, завоевавших территории караханидов, отмечают авторы, усилилось культурно-социальное разделение на кочевников, которые составляли военную основу государства и являлись носителями государственности, и на оседлое население. Это разделение подкреплялось языковой отчужденностью (китаи говорили на алтайско-монгольском языке, а оседлое — на тюрко-персидском) и религиозной (оседлое население оставалось верным исламу, китаи — традиционным степным культам). Кроме того, китаи в культурном отношении были существенно синизированы. Тем не менее культ мертвых занимал значительное место в верованиях каракитаев. По-видимому, их правление замедлило процесс исламизации тюрков Центральной Азии (**Brentjes, Albaum, 1986, S. 44**).

В XII в. центральным пунктом политической картины региона остается борьба между хорезмшахами и сельджуками за господство в междуречье Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи. Чрезвычайное усиление Хорезма произошло при Текеше, который завоевал Иран и Багдад. Основой его войска и его империи было кипчакское войско, а кипчакская знать заняла ведущую политическую роль при дворе хорезмшахов. Другой характерной деталью этой эпохи авторы считают исламизацию среднеазиатского общества. Хорезм становится ведущей державой исламского мира, а его правители — претендентами на роль халифов. Сыну Текеша хорезмшаху Мухаммеду (1200—1220) пришлось вновь завоевывать многие

провинции, бороться с афганцами и кара-китаями, которых с 1206 г. теснили на запад монголы.

В XI—XII вв. носителями культурной традиции в Средней Азии были хорезмийцы и сельджуки. Культурный уровень в этот период был достаточно высок. В одном только Мерве существовало двенадцать библиотек; мировую известность имела библиотека Отрара. Однако последовавшие затем столетия войн, вторжений и междоусобиц сохранили для потомков только отдельные памятники материальной культуры, преимущественно архитектурные строения и керамику. К сожалению, от этой блестящей эпохи не осталось ни манускриптов, ни миниатюр. Авторы считают, что на искусство этого периода оказали влияние как культурные традиции, принесенные тюрками, так и расцвет культуры в Китае в эпоху Ляо. Причем этот процесс развивался на взаимной основе. Тем не менее доминирующей тенденцией в искусстве оставалось исламское.

Б. Брентъес и Л. Альбаум отмечают, что приемы и материалы, разработанные в эту эпоху, стали основой для последующего развития строительного искусства в Средней Азии. Среди материалов утвердились глина и дерево, распространилось покрытие глазурью, упрочилась определенная стилистика орнаментов, разумеется, на коранической основе с использованием флористических мотивов. Ряд строений этого периода (мавзолей Султан-Саадат в Термезе и караван-сарай Дай-Хатын в Туркменистане) несут в себе доисламские элементы. Совершенно новыми по характеру являются караханидские минареты с их галереями в верхней части (Калян-минарет и Вабкентская башня). В строительстве мечетей утвердилось терракотовая облицовка, унаследованная затем в архитектуре тимуридской эпохи. Типичным образчиком этого направления являются мечети в Мешед-и Мисриане. Мавзолей Санджара своей массивностью перекликается с аналогичными строениями последующих столетий в Север-

ной Индии и Иране при ильханах (**Brentjes, Albaum, 1986, S. 47—48**).

Целостным и типичным памятником градостроения этого периода остается Мерв и его древняя часть — Султан-кала. Она занимает 4 км², огражденная стеной высотой 15 м и рвом. Внутри стены находятся шахристан и дворец (арка). На севере и юге город прикрывается портами. В арке находятся собственно дворец и казармы, в центре шахристана — мавзолей Санджара и резервуар с водой (хауз), в восточной части города располагается много мавзолеев. Большинство городов и укреплений этого периода пережили перестройку в послемонгольскую эпоху, в результате чего мы имеем дело не с аутентичными памятниками. Это относится к памятникам Бухары и Самарканда; памятники на территории Киргизии не затронуты перестройкой, однако очень плохо сохранились (например, Сарыг близ Бишкека). В Узбекистане среди городов караханидской эпохи наиболее сохранившимся авторы считают Термез с его относящимися к 1073—1074 гг. цитаделью и двойной крепостной стеной шахристана. Жилые постройки этого периода свидетельствуют о насыщенности и развитости в материальном отношении жизни всех слоев населения: купцов, клера, знати и ремесленников. Большое распространение в эту эпоху приобретают караван-сарай, которые строятся не только как самостоятельные и хорошо защищенные укрепления, но и как самобытные архитектурные ансамбли. Наиболее известным является караван-сарай Рабат-и Малик на пути из Самарканда в Бухару. Караван-сарай сочетают в себе дворцовый стиль, имеют культовые сооружения, купальни и зачастую (Дайя-Хатын) выступают в качестве пограничных фортов. На территории Казахстана образец караван-сарая сохранился в Джамбуле (Таразе).

Мечети этого периода сохранились в большом количестве, особенно в оазисах Бухарского региона. Это чрезвычайно интересные с точки зрения нового слова в архитектуре строения,

особенно мечеть Диггарон в деревне Хазара. Это, как правило, квадратные строения с четырьмя массивными колоннами по углам. В дальнейшем они были достроены, но оригинальная основа с караханидского и хорезмского времени сохранилась. Другой тип культовых сооружений — мавзолеи — строились в эту эпоху по двум моделям: как порталные или центральные постройки. Наибольшее количество мавзолеев караханидского происхождения сохранилось на территории Казахстана. Это в первую очередь комплекс Бабаджи-хатун и Айша-биби и мавзолеев первого кара-хана (Насра ибн-Али — 1012—1013?). Оба комплекса относятся к 1152—1187 гг. Старейшим мавзолеем на территории Туркменистана, сердцевины домена сельджуков, является Астана-баба близ города Керки, который, возможно, является местом захоронения последнего саманида Мунтасира (1005). Другим хорошо сохранившимся мавзолеем является могила Шейха Абу-ль-Фазла — Серахс-баба (1023—1024). Самым впечатляющим по размерам мавзолеем эпохи может быть названо захоронение султана Санджара, общая высота которого когда-то достигала 38 м. Среди захоронений хорезмшахов наиболее впечатляющим остается мавзолеев Текеша. В этот период строились также двойные мавзолеи, как, например, захоронение в Кафирнигане. Некоторые минареты караханидской эпохи сохранились до настоящего времени без радикальных перестроек. Это башня Бурана в с. Токмак в Киргизии высотой 21,6 м. Однако классическим минаретом караханидского строительного искусства является минарет Кальян в Бухаре (1127) высотой 45,6 м с его капсулевидной формой и характерными галереями наверху.

Эпоха сельджуков характеризуется также многочисленными и разнообразными керамическими находками. Археологический материал из Мерва и Самарканда отличается высочайшим качеством исполнения и прекрасной сохранностью. На керамических изделиях фигурируют изображения

птиц, женских силуэтов, цветов, леопардов, а также геометрические рисунки. Своеобразной визитной карточкой эпохи является глазурирование поверхности на силикатной основе. С конца XI в. и, особенно, в XII в. широкое распространение получает штемпелевание керамических изделий. Штемпли изготавливались в форме тех же геометрических рисунков, надписей на арабском языке (в большинстве случаев — изречений из Корана), а также анималистических и мифологических изображений. На некоторых находках обнаруживаются буддистские мотивы. Металлические изделия несут отпечаток предшествующей согдийской эпохи, как, например, найденный в Баба-ата (Южный Казахстан) медальон, который сделан в форме спирали из изображений животных 12-летнего цикла. В качестве исходного материала иногда применялась кость, в частности при изготовлении шахматных фигур, которые изображали всадников, пеших воинов и зверей (**Brentjes, Albaum, 1986, S. 49—63**).

Особняком в эту эпоху стоит искусство кара-китаев, создавших империю от Аральского моря до Каньсу. Это искусство несет на себе отпечаток буддистского в идеологии и китайского по манере исполнения влияния. Однако визуальное представление о кара-китаях дают исключительно китайская настенная живопись и миниатюры эпохи династии Ляо (936—1122). Но в кара-китайских захоронениях находят сделанные в форме рыб и других животных амулеты, живо напоминающие сакское искусство в т.н. зверином стиле. Хотя кара-китаи использовали китайский шрифт, он нес у них принципиально иную функцию. В целом, считают авторы, китаизированное и связанное с древними кочевыми корнями искусство кара-китаев было предвестником новой культурной эпохи, носителями которой стали монголы.

С точки зрения сохранности памятников искусства походы монголов были настоящей катастрофой. Практически все памятники архитектуры из домонгольской эпохи не дошли

до историков в сохранности. Относительный расцвет искусства в Иране при ильханах или при дворе чагатаидов только дают приблизительное представление о том, что было потеряно в ходе завоеваний. Авторы отмечают, что искусство при чагатаидах в Средней Азии развивалось под сильным влиянием концепции искусства, сложившейся при Хубилай-хане и его преемниках в Китае. Она базировалась на китайской натурфилософии (Тао) и идее идентичности макро- и микрокосмоса. С другой стороны, на искусство Монгольской империи продолжали оказывать существенное влияние традиционные взгляды кочевников о ведущей роли животных в жизни человека. Для чагатайского искусства конца XIII — начала XIV в. также характерно изображение преимущественно людей и животных, которое несет в некоторой степени шаманистическую функцию и отпечаток буддистского, христианского и китайского влияния. Однако со временем, что особенно отчетливо демонстрируется на примере тебризской школы живописи при ильханах, исламские принципы возвращаются и доминирующим сюжетом становится ландшафт. Характерно, что эпоха XIII—XIV вв. в Средней Азии не оставила ни одной настенной картины или миниатюры (**Brentjes, Albaum, 1986, S. 74—76**).

Данные авторы отмечают, что памятников архитектуры эпохи, последовавшей за монгольским вторжением, осталось несколько больше, чем рисунков и настенной живописи, однако и они в большей степени были разрушены и стали известны в основном по описаниям, оставленным Ибн-Батуттой и другими авторами. К таким выдающимся памятникам следует отнести дворец могулистанского хана Кебека (1318—1326) в Несефе и резиденцию хана Казана в Карши (1346—1347). Оба здания были разрушены, так же как и прекрасная дворцовая мечеть в Самарканде, павшая жертвой восстания 1365 г. Особенностью постмонгольской эпохи является тот факт, что в этот период строились не только исламские, но и буддистские

культовые сооружения, как, например, монастырь в Мерве. В Бухаре сохранилась гробница святого Шейха Саиф ад-Дина Бохарси, одного из родоначальников учения Накшбандия, которая может быть отнесена к 1261 г. Ее отличительным признаком является двойной купол и т.н. прунктор. Орнамент чрезвычайно прост и одноцветен. Самым большим строительным сооружением этой эпохи является минарет, построенный во времена хана Узбека в Ургенче (современная высота — 62 м). В целом искусство этой эпохи преимущественно исламское по характеру, однако в Могулистане на территории современного Казахстана еще часто встречаются памятники, несущие на себе печать традиционного кочевого искусства и украшенные орнаментом с изображениями животных, и захоронения, декорированные изображениями оружия. Монгольская эпоха, считают Б. Брентъес и Л. Альбаум, послужила основой для последующего расцвета в Средней Азии искусства при тимуридах (**Brentjes, Albaum, 1986, S. 77—78**).

В своих оценках настоящей эпохи с точки зрения вклада в развитие исламской цивилизации эти авторы, безусловно, признают ее выдающееся значение: время Тимура и его наследников — это был период великих культурных достижений, пишут Б. Брентъес и Л. Альбаум. Произведения архитектуры, литературы, науки и живописи, продолжают они, возникли в таком большом количестве и величии, что мы зачастую забываем, сколько крови пролилось и страданий произошло ради их появления, когда жестокой рукой Тимура их создатели были посланы в Самарканд. Финансирование этого строительства стало возможно за счет безжалостного ограбления покоренных народов.

Авторы выделяют три фазы в развитии искусства тимуридской эпохи: это собственно правление Тимура, когда были заложены культурная, материальная и стилистическая основы; период Шахруха и Джаухар-шад, который называют тимуридским ренессансом; и заключительная фаза правле-

ния — Байкары, которое сравнивают с периодом барокко. При тимуридах окончательно выработался архитектурный и градостроительный стиль, встречающийся только в Средней Азии. Для него характерно развитое городское планирование, подразумевавшее строительство зданий под правительственные учреждения, главной мечети, отвод территорий под основные рынки; все это образовывало т.н. гиссар — городское ядро. Оно окружалось мощной городской стеной, и делалась попытка отчетливо прочертить главные улицы, но застройка городских кварталов происходила хаотично. Огромную роль в экономике, жизнеобеспечении и градостроении играли ирригационные сооружения: каналы, арыки, цистерны и подземные резервуары. Вокруг городского ядра группировались пригороды и поселения со своими собственными мечетями, летними дворцами, праздничными площадями и т.д. Все это подтверждает мысль о том, что в государстве тимуридов городское население играло большую роль.

Возведение таких монументальных сооружений требовало создания разветвленной системы и соответствующих организационных структур. Существовали специальные гильдии кирпичников, мастеров по дереву, штукатуров, столяров, декораторов и фресочников. Это нашло отражение в социальной структуре общества: согласно двенадцатиступенчатой системе градации населения, разработанной Тимуром, строители принадлежали к восьмой категории, ремесленники — к одиннадцатой. Национальный состав мастеров был достаточно пестрым: в Самарканде и в других городах Трансоксианиии работали хорезмийские, иракские, сирийские, персидские, азербайджанские мастера. Развитое градостроительное искусство этой эпохи доказывает достаточно высокий уровень науки в тимуридском обществе, особенно математических и физических знаний. Их применение касалось добавок в глазурь, которая и до наших дней не утратила своего блеска, специальных полихромных добавок (**Brentjes, Albaum, 1986, S. 88—89**).

В светской архитектуре выработалось два основных типа строительства дворцов: резиденции (Кук-сарай в Шахр-и-Сабе) и садовые дворцы. Для первых характерно наличие монументальных ворот, которые оставляли свободным путь от двора к залу приема гостей. Садовые дворцы, лежавшие, как правило, в пригородах, представляли собой куполообразные строения с ведущими наружу галереями. Значительную роль торговли в социальной жизни отражали многочисленные крупные строения: рыночные постройки, улицы с ремесленными рядами, лавками и караван-сараями, укрепленные форты на караванных путях, мосты, водные цистерны и резервуары для снега. В Шахр-и-Сабе сохранились остатки общественных купален с отопительной системой и канализацией, в Самарканде — т.н. термы Улугбека.

Мечети эпохи тимуридов классифицируются на небольшие общинные мечети, огромные пятничные мечети (джума-мечети) и главные мечети (джами). Кроме того, существовали праздничные мечети для отправления молитв и празднования во время и после Рамазана (т.н. намазга) и мечети, воздвигнутые в память об умерших на местах захоронений (хазрет). Классической и самой грандиозной постройкой религиозного характера является Регистан в Самарканде, состоящий из четырех, образующих квадрат, строений, включающих в себя центральную мечеть, максуру (куполообразное строение), четыре высоких минарета по углам, двор, учебные строения (медресе, лекционные залы, ханаки). Новинкой градостроения той эпохи стало возведение двух отделенных улицей и ориентированных друг на друга одинаковых зданий.

Тимур оставил в 1370 г. разрушенный еще войсками Чингис-хана старый Самарканд и построил новый город — Афрасиаб, окруженный 13-километровой стеной высотой 8 м с шестью воротами. Ведущие от ворот к центру основные улицы отделяли Регистан от цитадели (кала), дворцы в западной части города (Бустан-Сарай и Кук-Сарай) с арсеналом и мо-

нетным двором от восточной части с дворцом Баг-и Фируз; особняком лежали ремесленные кварталы. Авторы насчитывают 23 крупных объекта в Самарканде эпохи Тимура, которые составили его историческую и культурную сущность. Самым значительным строением в Самарканде авторы считают легендарную дворцовую мечеть Биби-Ханум. Среди медресе выделяются здания, построенные при Улугбеке в Бухаре (1417), Самарканде (1417—1420) и Гадждиване (1433). Крупнейшим мавзолеем, по всеобщему мнению, следует назвать Гур-эмир (1404) в Самарканде, воздвигнутый для принца Мухаммед-Султана, и где нашли упокоение останки Тимура и Улугбека. К числу строений, которые являются, безусловно, тимуридскими в культурно-историческом контексте, но несущими на себе влияние хорезмийской эпохи, авторы относят известный комплекс Хаджи-Ахмета Ясауи в Туркестане (1389—1399). Свое окончательное оформление Самарканд получил во время правления Улугбека. С именем этого просвещенного правителя авторы связывают возведение ряда научных объектов, в первую очередь обсерваторий, которые стали яркими деталями в культурном наследии тимуридов (**Brentjes, Albaum, 1986, S. 89—102**).

Невозможно представить центральноазиатский ландшафт без ирригационных систем. О них пишет немецкий автор Ю. Пауль. Большинство древних дамб и каналов датировать затруднительно, но очевидно, что создание устойчивой оросительной системы в регионе относится к древним, доисламским временам. Многочисленные завоевания приводили к разрушению прежних систем, но зачастую завоеватели приносили с собой новые методы и технологии. Так было до катастрофического по своим последствиям вторжения монголов, превративших Южный Казахстан и Мавереннахр в пустыню. Ю. Пауль отмечает, что в Средней Азии ирригационные сооружения являлись зачастую частью архитектурных ансамблей и несли другие функции, не связанные с соб-

ственно орошением. К таким сооружениям относятся Дамба Ханбанды (XI), мост в Чулпан-Ата близ Самарканда (1502). Своим появлением мощная с практической точки зрения и социально- и эстетически ориентированная ирригационная система обязана исламской эпохе (Paul, 1999).

В своей оценке культурного наследия тимуридов авторы считают, что оно испытало на себе влияние многих культур: китайской, монгольской, иранской, арабской и тюркской. В ней можно найти следы практически всех завоеванных великим Тимуром-Хромцом народов. К сожалению, почти не сохранились в физическом виде образцы живописи, о которых сообщается в письменных свидетельствах современников, особенно дворцовые росписи во дворцах в Герате и Самарканде, повествовавшие о военных походах в Индию и другие страны и содержавшие сцены охоты, портреты и жанровые иллюстрации. Именно в живописи, утверждают Б. Брентъес и Л. Альбаум, наиболее рельефно отразилось влияние других культур. Благодаря захваченным в походах живописцам, в Самарканде расцвело искусство книжных миниатюр. Так, в 1386 г. из Тебриза были депортированы в Самарканд Муин ад-Дин и его ученик Маулана Джафар Тебризи. В 1393 г. за ним последовал сын Муин ад-Дина — Абд аль-Хаджи, который работал в стиле багдадской школы джалаиридов. Экземпляры этой живописи сохранились в османских коллекциях, т.н. Альбомах Сарая. Также о его уровне можно судить по миниатюрам в рукописи «Гюлистан» (1486), которые являются копиями более раннего аутентичного труда. В 1437 г. по заказу Улугбека был создан астрологический труд Абд ар-Рахманом ас-Суфи. Миниатюры к этому труду несут явно выраженный отпечаток китайского влияния.

Большой интерес представляют миниатюры мастера Зия Калама, находящиеся в настоящее время в знаменитой ту-рецкой коллекции из дворца Топ-Капи, собранные там, по-видимому, во времена Мехмеда Завоевателя. Миниатюры в

сюжетном отношении делятся на две группы: изображающие демонов и кочевников. Первые несут на себе несомненный отпечаток китайского искусства живописи, а для вторых характерно детальное выписывание образов кочевников, что указывает, без сомнений, на тот факт, что автор был знаком с одеждой и повседневной жизнью степняков не понаслышке. Помимо этого, группа миниатюр отличается внутренней, не характерной для китайской живописи силой и далека от элегантности самаркандского двора. Несомненно, считают авторы, что работы Зия Калама и его школы представляют собой совершенно оригинальное и уникальное направление в азиатском средневековом искусстве на стыке китайской и исламской средневосточной традиций. С некоторой натяжкой можно провести параллели между этой живописью и отдельными экземплярами китайской миниатюры из коллекции Института искусства в Чикаго, относящимися к периоду Ляо. В США находятся также некоторые оригиналы из коллекции Топ-капи в Галерее Фрира в Вашингтоне. Это сцены из жизни номадов, в которых совершенно отсутствуют какие-либо исламские элементы, а в диких, полных экстаза сценах танцев легко угадываются шаманистские мотивы.

Авторы высказывают точку зрения, что этот номадистский стиль в искусстве тимуридов является отголоском и наследием более раннего сплава, который получился в результате завоевания китаями Китая при Ляо, затем их обоих — монголами. В Восточном Туркестане этот сплав в искусстве содержит в себе очевидное буддистское влияние. Однако было бы ошибкой искать корни этого искусства только в Ляо или китаях. По-видимому, он является частью более широкой формы мировоззрения, которую авторы называют «искусством народов Севера» и которое можно найти у монголов, корейцев и тоба. В целом было бы уместнее провести параллели между ним и натурфилософией таоизма. Но их отличает разнородная стилистика и технические средства исполнения.

Они характерны для другой, более дворцовой и более китаизированной школы живописи, которая находится где-то между Китаем и миром ислама. Она относится к 1440 г. В ней явно наблюдаются китайские элементы на общем раннеюридическом фоне. Такое смешение стилей характерно для эпохи Тимура с его завоеваниями и депортациями художников самых разных национальностей и, соответственно, разных школ, стилей и направлений, а также последующих десятилетий, когда еще были живы носители традиций. При Шахрухе живопись уже более иранизирована, как и вся культура его двора. В данном случае мы имеем дело с т.н. гератским стилем. В нем также ощущаются некоторые китайские мотивы, однако они не более чем легкая приправа к иранской, или ширазской, основе. Но в нем уже ощутимо собственное центральноазиатское начало. Это хорошо видно по многочисленным керамическим находкам из Нисы и Самарканда, благодаря которым можно сделать вывод, что т.н. стиль Зия Калама во многом обязан своим художественным находкам школе росписи по керамике. Металлических находок этого периода сохранилось немного. Одной из них является бронзовый браслет, находящийся в Петербурге, который носил сам Тимур и по которому можно судить об уровне искусства по металлу, по праву называвшегося лучшим в исламском мире. К выдающимся образцам работы по дереву авторы относят резные двери мавзолея хаджи Ахмета Яссави в Туркестане. Лучшие образцы работ по камню представлены в усыпальнице Гур-Эмир. При Улугбеке был создан шедевр — мраморный пульт для Корана. Авторы считают, что многие шедевры тимуридской эпохи еще ждут своего внимательного изучения, как, например, богатейшие росписи майоликой в Шах-и Зинда (**Brentjes, Albaum, 1986, S. 102—107**).

В искусстве Средней Азии в период с XVI по XX в. продолжали господствовать тенденции, заложенные еще в тимуридскую эпоху. Со временем все устойчивее начали про-

являться признаки стагнации. Архитектура ориентировалась на ставшие архаичными формы и методы XIV—XV вв., а искусство как таковое ориентировалось исключительно на украшение мечетей, минаретов и дворцов. Авторы книги «Хозяева степей» называют этот длительный период эпигонским. Тем не менее заслугой искусства этой эпохи стало гармоничное соединение старого и нового в единый ансамбль, примером которого является старая часть Бухары. Если архитектурным символом тимуридской эпохи был Самарканд, то в описываемый период таким символом становится Бухара. К шедеврам эпохи шейбанидов-меркитов относятся медресе Мир-и Араб (1535—1536), типичное для эпохи шейбанидов и построенное при Убайдулле-хане на средства от выкупа 3000 пленных иранских шиитов. К ним же относятся мечеть Кальян, ансамбль Чок-бакр, мечеть Ходжа Заин ад-Дина, мечеть Бальянанда, замок Накшбандия, медресе Абдулла-хана, ансамбль Льяби-хауз. В последний входит медресе Кукельташ (1568—1569), которое представляет собой в некотором роде типовой для шейбанидской эпохи проект, повторявшийся схематически во многих других строениях.

К мангитскому периоду относятся замок дервишей Диван-беки (1619—1620). Для этого и других архитектурных памятников мангитской эпохи характерно наличие обширных водоемов (хаузов), которые превращаются в важный элемент отдельных ансамблей и градостроения. Медресе Абд уль-Азиза (1651—1652) сохранило на мраморе имя своего создателя — мастера Мухаммеда Салиха. Несмотря на тот факт, что в эту эпоху политическим центром вновь становится Бухара, Самарканд сохраняет свое значение как центр строительного искусства. В это время современный вид приобретает главная достопримечательность Самарканда — Регистан. Несмотря на явное преобладание религиозных сооружений, от этой эпохи сохранились и строения светского характера, представляющие художественную ценность. К

ним относятся базары Бухары и остатки укреплений и бань (**Brentjes, Albaum, 1986, S. 117—128**).

Архитектура Средней Азии в XVIII—XIX вв. испытала влияние противоречивых тенденций. Строители обращаются к староперсидскому стилю; минареты занижаются, причем укорачиваются даже старые башни. Авторы разделяют архитектурные памятники этой эпохи на четыре группы.

1. *Бухарский Эмират*. В городах эмирата Бухаре, Ташкенте, Мерве и Ура-тубе сложился свой характерный стиль: квадратной формы мечети с куполами на углах, вмещающие обширные внутренние дворы. Мечети этого периода становятся все более похожими на парковые сооружения, что сближает их с дворцами. Последний летний дворец Бухарского эмира был построен в 1912—1914 гг., а последний минарет — в 1917 г. Являя собой свидетельство своеобразной среднеазиатской исламской архитектуры, они несут на себе отпечаток изящества, несвойственного традиционному стилю.

2. *Хивинское ханство*. В первой половине XIX в. ханство преодолело период застоя; внешняя и внутренняя торговля переживала подъем; успешные походы в Хорасан и Бухару принесли хивинским ханам новые богатства, позволившие украсить свою столицу. Главным архитектурным ансамблем ханства является старая часть Хивы — Ичан-кала. Она включает в себя 13 комплексов на квадрате площадью 400 м на 650 м с четырьмя воротами, каждое из которых представляет собой самостоятельное архитектурное произведение. К комплексам относятся медресе Мухаммад Амин-хана, медресе Ширгази-хана, дворец Таш-хаули, Ак-мечеть, мечеть и минарет Ислам-ходжа и др. Активное строительство в Хиве велось до 1850-х гг., а последний минарет был сооружен в 1910 г. к мечети Ислам-ходжа.

3. *Кокандское ханство*. Самые значительные памятники ханства сконцентрированы в Ферганской долине. Собственно кокандские памятники начали воздвигаться с середины

XVIII в. В качестве модели для подражания кокандские мастера использовали росписи со строений XI—XII вв. Характерным в этом смысле является Медресе-и Мир в Коканде. Дворцовая мечеть в Коканде напоминает некоторыми элементами здания в староперсидском стиле. Самым крупным памятником кокандской эпохи является новый дворец Худоярхана (1871), который со своими обширными парками и дворами может считаться типичным (и уникальным) сооружением кокандского стиля.

4. *Казахстан*. Памятники на территории Казахстана, относящиеся к позднему периоду, испытали на себе российское влияние. Это относится к крепости Ак-Мечеть в Кызылорде, которая напоминает укрепления, соорудившиеся царской армией. Постройки в сырдарьинских городах носят сильно выраженный среднеазиатский характер. На территории Казахстана мечети можно подразделить на три типа: мечети-мавзолеи, пятничные мечети и деревенские. Выделяются мечети в Чимкенте, Атабае, Семипалатинске, Сузаке и Каркаралинске. Культовые строения с функциями мечетей характерны для Джезказганской области (мавзолей Шизден, 1850). Мавзолеи из камня в Западном Казахстане восходят к средневековой традиции тюркских захоронений, например Сагана-Таны (**Brentjes, Albaum, 1986, S. 129—138**).

Архитектурное искусство XVI—XVII вв. опиралось на декоративное использование дерева, камня и мозаики. В целом оно оставалось со своим четко выраженным среднеазиатским характером и аутентичным своей традиции. Однако некоторые керамические изделия в Самарканде копировали образцы китайской живописи эпохи Мин. Оружие и произведения из металла этих столетий отличаются такими техническими и художественными характеристиками, которые в основном повторяются в оружейном деле до нашего времени. Эти изделия в большом количестве сохранились как подарки среднеазиатских ханов московским царям. Высокими

художественными достоинствами отличаются серебряные и медные монеты шейбанидов с их тонко выполненными надписями, печатью и орнаментальными символами.

Среди туркменского и узбекского населения сложилась блестящая текстильная техника производства ковров и изделий из шелка, хлопка и шерсти, приобретающая известность далеко за пределами Средней Азии. Туркменские ковры несут мотивы каждого из туркменских племен, что придает им ярко выраженную индивидуальность. К сожалению, сохранилось мало ювелирных изделий этой эпохи. По немногочисленным образцам можно судить, что особо популярны были тяжелые изделия из серебра с красными вкраплениями, которые производились еще в XIX в. На период с XVI по XVII в. приходится расцвет искусства миниатюры. Завоевание Герата и многочисленные персидско-узбекские войны привели к появлению в Бухаре и Самарканде большого количества художников. Создателем новой школы считается Мир Али аль-Хусаини, которого прозвали «королем каллиграфов». Его школа использовала традиции позднегератского тимуридского стиля, который приобрел в Средней Азии простоту, утратил многоцветие, а изображения стали исполняться в более маньеристской форме. Самые лучшие миниатюры относятся к периоду ханов Абд уль-Азиза и Яр Мохаммеда (1540—1557).

Помимо гератской тенденции, в среднеазиатской живописи прослеживается влияние искусства индийских моголов, как, например, в иллюстрациях к «Сафар-наме» (1620—1621). Английский исследователь Б. Робинсон, изучавший коллекцию персидских рукописей в Бодлейской библиотеке, доказал, что находящийся в Англии манускрипт «Бабур-наме» является копией, выполненной пером Мир Али аль-Хусаини 1567 г. Из 13 миниатюр семь явно представляют собой произведения в стиле дворцовой живописи Великих Моголов, а остальные относятся к бухарской школе. Другой

манускрипт «Тимур-наме», хранящийся в Британском музее, также совмещает в себе индо-могольские и среднеазиатские стилизации (**Robinson, 1958, p. 127**). Также известным представителем гератско-бухарской школы был Махмуд Музахиб, украсивший вместе с Мир Али рукопись Низами своей миниатюрой «Султан Санжар и старики». Некоторые произведения школы Музаххиба несут на себе отпечаток искусства сафавидов, как, например, иллюстрации к манускрипту Джамии «Салман и Абзал». Иллюстрации каллиграфа Масуд ибн-Османа Кухистани к «Истории Абу-л Хаира» (1540—1541), общим числом 28, созданные по заказу шейбанидского хана Абд уль-Латифа, содержат в себе явные монголо-тюркские элементы, трансформированные в духе гератской традиции. Миниатюры позднего шейбанидского периода представлены также в «Фатих-наме» анонимного автора (1502—1507). Мир Али аль-Хусаини оставил, помимо всего прочего, ряд блестящих миниатюр в рукописи с романтическим стихотворением Ассар «Михр-и Муштари» (1523), в Антологии (1529), в «Бустане» Саади (1524) и в одной безымянной рукописи Джамии (1523—1524).

Хорезмская школа не богата миниатюрами, однако ее достойным образом представляют 115 миниатюр Мохаммеда Мурада Самарканди, украсивших «Шах-наме» Фирдоуси в каллиграфическом исполнении мастера Хамадани. Для этой школы характерно смешение сафавидского и гератского стилей. Относительно расположения средневековых произведений живописи из Средней Азии авторы отмечают, что большинство их осталось на родине — в Ташкенте, но небольшие коллекции имеются также в музеях Лондона, Нью-Йорка и Лейпцига, а также в единичных и разрозненных манускриптах в других хранилищах мира.

Среднеазиатское живописное искусство позднего средневековья, если судить по дошедшим до нас памятникам, переживало упадок. Наиболее значительным явлением в этой

области была бухарская рукопись «Юсуф и Сулейка» (1615) с пятью миниатюрами и портретом Имама Кули-хана пера Ходжи Мухаммеда Муссавира. В XVIII и XIX в. живописцы в государствах Средней Азии подвергались все более растущим преследованиям со стороны клерикалов. Живопись в регионе как таковая практически исчезла. Большой урон понесли манускрипты, созданные и украшенные миниатюрами в более ранние периоды. Отдельные произведения в это время появлялись в регионах, которые раньше совершенно не были известны как центры живописии, как, например, на Памире и в Ферганской долине. В памирском регионе Дарвас в 1797—1798 гг. возникли два иллюстрированных манускрипта — «Диван» Бедиля и «Юсуф и Сулейка» Насима Харави. Последний манускрипт украшен крупными изображениями цветов, которые вызывают в памяти ассоциации с армянской иллюстративной традицией. Остальные работы сделаны в типичной персидской манере. Возникший в 1824 г. в Фергане манускрипт Алишера Навои сделан в почти детской манере рисования, что, очевидно, демонстрирует упадок некогда блестящей школы. Однако в XIX в. появляется направление, явно знакомое с европейской школой письма. К нему можно отнести мастера Ахмада Келле, использовавшего в своих картинах знание перспективы наряду с традиционными элементами. Помимо миниатюрной живописи, в Средней Азии сохранились памятники настенной живописи, как, например, чисто схематические декорации летнего дворца ханов в Бухаре (**Brentjes, Albaum, 1986, S. 138—140**).

Немецкий исследователь и редактор «Франкфуртер Альгемайне Цайтунг» Вольфганг Г. Лерх посвятил статью истории среднеазиатской персоязычной поэзии, которую он считает «вершиной человеческой культуры» (**Lerch, 1999**). По мнению Лерха, в междуречье Оксуса и Яксарга, т.е. Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи, в городах Бухаре и Самарканде — центрах Мавереннахра сложилась одна из величайших литературных

традиций в мировой культуре и один из центров классической исламской культуры. В этой поэзии с равным успехом можно найти элементы как персидской, так и тюркской культурной традиции. Автор считает, что письменная культура данной эпохи должна стать тем базисом, на котором новые независимые нации региона должны воссоздать свои культурные традиции. В этой связи Лерх выступает против утвердившегося представления о том, что номадическая культура Центральной Азии была преимущественно тюркоязычной, а городская — персидской. Обе литературы и язык, наряду с арабским, последовательно вносили свой вклад в синтез уникальной среднеазиатской культуры.

Началом процесса формирования этой культуры Лерх считает возникшее в X в. выделение из среднеиранского языка (*пехлеви*) новоперсидского языка фарси или дари. Центрами новой литературной среды стали города Исфахан, Шираз и Тебриз в Иране и Самарканд, Бухара, Мерв, Термез, Герат, Балх, Газни в Средней Азии. Сасаниды выступили своеобразными спонсорами западноиранской поэзии, в то время как Газневиды, начиная с Махмуда Газневи, поддерживали тюркоязычную литературу. Результатом этого удивительного соперничества стала знаменитая поэма Абул Касыма Мансура Фирдоуси (934—1020) «Шах-наме», в которой это соперничество отразилось как борьба между персидским Ираном и населенным тюрками Тураном. Поэма представляет собой написанный в перенятой от арабов манере стихосложения *мутакариб* гигантский по размерам эпос, который на многие столетия остался образцом и предметом для подражания последующими поколениями поэтов Ирана и Средней Азии. Структурно поэма состоит из двух: эпической и лирической частей. Схематически «Шах-наме» распадается на два направления и преследует две цели: 1) выразить панегирик современным автору правителям (Лерх отмечает, что, несмотря на повсеместно распространенный обычай держать

придворных поэтов, не все они и не всегда готовы были воспевать без всяких *если* и *но* своих деспотов); 2) второй целью Фирдоуси, которая угадывается как в эпической, так и в лирической части, было довести до читателей или слушателей мистическое послание, базировавшееся на учении Тасавуф.

Эта тенденция, которую многие считают влиянием суфизма, все более проявлялась после Фирдоуси. Она нашла выражение в поэмах Низами (1141—1209) «Лейла и Меджнун» и «Хосров и Ширин» и произведениях других представителей следующего поколения поэтов. Лерх считает, что этот процесс мог иметь взаимообратный характер: возникшая еще при Рудаки на рубеже IX и X в. анакреонтическая традиция в средневосточной поэзии, рассматривавшая вино как символ высшего знания и мистического экстаза (Омар Хайям), могла получить в дальнейшем суфийскую интерпретацию и принять мистический характер. В любом случае эта традиция характерна для большинства поэтов между Кавказом и Центральной Азией, считает Лерх, для пятисотлетнего периода с X до XVI в.

Среди огромного числа среднеазиатских поэтов Лерх выделяет нескольких, чье творчество обозначило определенные вехи и направления в истории поэзии региона. Это хорезмиец Рашид аль-Дин (ум. 1156), прозванный *авватом* (полевой мышью) за свою маленькую незаметную фигуру. При дворе сельджукских султанов Малик-шахе и Санжаре сияла звезда Амира Муиззи из Низы (ум. 1127). На творчество Камалы Ходжанди (ум. ок. 1400) оказало огромное влияние великого андалусийского суфия Ибн аль-Араби, чьи собрания стихов Ходжанди тематизировал и придал им пантеистическо-религиозное мировоззрение. Из многих великих поэтов Востока, отмечает Лерх, на Западе был широко популярен до последнего времени только один — создатель нового для того времени типа четверостиший, *рубайят*, известный в свое время астроном и математик Омар Хайям из Нишапура

(1048—1122). Хайям, родившийся в Хорасане, долгое время прожил в Самарканде, где завоевал славу одного из самых известных математиков ислама. Из большого числа поэтов, писавших в стиле рубайят, до потомков дошло имя только Хайяма, отмечает Лерх. В его поэзии самым причудливым образом смешались анакреонтика, мистическая, близкая к фаустовской чувствительность, склонность относиться к решению мировоззренческих проблем с помощью выработанного занятиями естественными науками философского скепсиса. Главный мотив его поэзии — суетность и временность существования, против которых человек может бороться только посредством жизненных удовольствий.

Со временем среди поэтов Средней Азии стали выделяться художники, которые хотя и блестяще владели персидским языком, но происходили из тюркских племен. Они владели, безусловно, к тому же и арабским как языком теологии и хадисов, и это знание всех трех основных языков мусульманского мира привело к своеобразному сплавлению стихосложения на основе трех культурных традиций. Лерх считает, что этот процесс начался не позже начала XV в. Но первым поэтом в Центральной Азии, который начал излагать учение суфизма в метрах традиционного тюркского стихосложения, был Хожда Ахмад Ясави с его «Собранием мудрости» (XII в.).

Помимо Ясави, автор выделяет на огромном пространстве между Кавказом и Трансоксианией три крупнейших литературных фигуры: Джами, Физули и Мир Алишера Навои, которые рассматриваются Лерхом в качестве первых национально образующих элементов будущих наций региона, стоявших у создания национальных языков, и которые поэтому заслужили, чтобы стоять в истории наравне с такими личностями, как Тимур и Чингис-хан. Немецкий автор считает Маулана Абд аль-Рахмана Джами (1414—1492) последним носителем классического поэтического фарси, а его творчество — последним выражением эпохи, когда персидский

господствовал на пространстве между Центральной Азией и Индией в качестве культурного моста между различными мусульманскими народами и династиями. Джами провел большую часть жизни в Герате, но его произведения читали от Трансоксиании до Стамбула. Джами был в равной мере эпиком и лириком, но его *магнум опус* — это эпос «Юсуф и Сулейка», пересказ популярной на Среднем Востоке истории любви. Джами внес также огромный вклад в историографию, создав «Нафат аль-унс» — своеобразную антологию биографий более чем шестисот исламских ученых и суфиев.

Физули (ум. 1566), или Мухаммад Ибн Сулейман, носит звание «короля поэтов» Азербайджана до сих пор. Главной заслугой Физули, считает Лерх, является тот факт, что этот поэт оставил после себя, помимо диванов на арабском и персидском языках, также еще один на азербайджанском (тюркском). К слову сказать, прожил свою жизнь Физули не на Кавказе, а в Багдаде, и придавал, как и все его современники, мало значения происхождению; главным этническим признаком той эпохи считалось быть мусульманином. Физули, как и многие его собратья по перу, обратился к бессмертному сюжету о Лейле и Меджнуне, этому напоминающему историю Ромео и Джульетты любовному эпосу Востока. В творчестве Физули нашли выражение в форме стихов вечные темы — любовь, вера, судьба, милость властителей. Лерх обращает внимание на его произведение «Жалоба», в котором Физули просит турецкого султана о протекции, после того как Сафавиды потеряли Багдад. Это стихотворение, считает немецкий исследователь, примечательно тем, что является первым и столь редким для восточной поэзии проявлением индивидуализма.

Мир Алишера Навои (1441—1501) по праву называют отцом восточно-тюркской поэзии. Современные таджики и узбеки, рекламируя Навои как родоначальника своих литератур, правы каждые по-своему. Навои с равным успехом пи-

сал как на восточно-персидском диалекте (таджикском), так и на чагатайском языке. Судьба Навои в своем роде уникальна; занимая пост визиря у тимурида Хусейна Байкары, Навои состоял в дружеской переписке с другим светилом — Джами, которому он посвятил немало теплых стихотворений. Но привлекает внимание общественная позиция Навои, которая отразилась в его стихах, дышащих мудростью и терпимостью. Навои выступает в качестве защитника неимущих и сторонника альтруистической этики.

На фоне пышной придворной поэзии персоязычных городов Средней Азии по соседству у кочевых тюркских племен существовала своя мощная эпическая устная литература, уходившая корнями в доисламские времена. Первым устным эпосом, исходившим из тюркской устной эпической традиции и записанным на бумагу, стал огузский эпос «Деде Коркут», который в одинаковой мере является любимым в Анкаре, Ашхабаде и Ташкенте, считает Лерх. На востоке тюркского мира возвышается другой гигантский памятник тюркской поэзии — киргизский эпос «Манас», состоящий из нескольких сот тысяч стихов. Казахи также рассматривают «Манас» как часть своего культурного и литературного наследия, и это не случайно, отмечает Лерх, поскольку киргизы и казахи долгое время жили в своеобразном культурном и языковом симбиозе. В «Манасе» нашли отражение древнейшие легенды центральноазиатских номадов, история их битв, повседневный быт, свадебные обычаи, социальная жизнь кочующих аулов между Алтаем и Иссык-Кулем (Lerch, 1999, S. 21).

Источники к Части II

Абу-л Фазл Аллами. Акбар-наме. — Самара: Издательский дом «Агни», 2003. — 400 с.

Абусейтова М.Х., Баранова Ю.Г. Письменные источники по истории и культуре Казахстана и Центральной Азии XIII—XVIII вв. (биобиблиографические обзоры). — Алматы: Дайк-Пресс, 2001. — 426 с.

Аджа'иб ад-дунья (чудеса мира). Критический текст, пер. с перс., введение, коммент. и указ. Л.П. Смирновой. — М., 1993 (Памятники письменности Востока. LXXXIII).

Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. Пер. с англ. Ю.В. Готье. — М., 1937.

Арабские, персидские и тюркские рукописи из собрания Фонда Марджани. Каталог выставки. Составители: Зайцев И.В., Ласикова Г.В., Филатова М. — М.: ВГБИЛ, 2013. — 43 с.

Армянские источники о монголах. Извлечения из рукописей XIII—XIV вв. Пер. с древнеарм., предисл. и примеч. А.Г. Галстяна. — М., 1962.

Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. Вступ. статья, подготовка текста, перевод и коммент. Е.Ч. Скржинской. — Л., 1971.

Бартольд В.В. Извлечение из сочинения Гардизи «Зайн-ал-ахбар» // Бартольд В.В. Сочинения. — М., 1973. — Т. VIII. — С. 23—62.

Березин И.Н. Ханские ярлыки. — Казань, 1851. Вып. II.

Библиотека восточных историков, издаваемая И. Березиным (Сборник летописей. Татарский текст с русским предисловием). — Казань, 1854. Т. II. Ч. 1.

Бузург ибн Шахрияр. Чудеса Индии. Пер. с араб. Р.Л. Эрлих. Под ред. И.Ю. Крачковского. — М., 1959.

Васильев Д.Д. Корпус тюркских рунических надписей Южной Сибири. Ч. 1. Древнетюркская эпиграфика Алтая. — Астана, 2013. — 268 с.

«Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях XI—XIII вв. / Пер. Л.П. Поповой, коммент. Н.И. Щавелевой. — М., 1987.

Вернадский Г.В. О составе Великой Ясы Чингис-хана. С приложением главы о Ясе из истории Джувейни в переводе В.Ф. Минорского. — Bruxelles, 1939.

Восемнадцать степных законов: Памятник монгольского права XVI—XVII вв. Монгольский текст, транслитерация монгольского текста. Перевод монгольского текста, комментарию и исследование А.Д. Насилова. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2002. — 160 с. (Серия «Orientalia»).

Временник императорского Московского общества истории и древностей российских. — М., 1851. Кн. 10.

Генрих Латвийский. Хроника Ливонии / Изд. С.А. Аннинский. — М.; Л., 1938.

Георгий Пахимер. История. О Михаиле и Андронике Палеологах; XIII книг. — СПб., 1862. Т. I: Царствование Михаила Палеолога, 1255—1282 / Пер. под ред. проф. В.Н. Карпова (Византийские историки, переведенные с греческого при СПб. Духовной Академии).

Герберштейн С. Записки о Московии / Пер. с нем. А.И. Малеина и А.В. Назаренко. Вступит. ст. А.Л. Хорошкевич. Под ред. В.Л. Янина. — М., 1988.

Гийасаддин Али. Дневник похода Тимура в Индию / Пер. с персид., предисл. и примеч. А.А. Семенова. — М., 1958.

Григор Акнерци. История монголов инока Магакии, XIII в. / Пер. и объяснения К.П. Патканова. — СПб., 1871.

Гусейнов Р.А. Сирийские источники XII—XIII вв. об Азербайджане. — Баку, 1960.

Далай Ч. Монголия в XIII—XIV вв. — М., 1984.

Демидчик В.П. «География» или «Памятники стран и предания о людях» Закарийа ал-Казвини. — Душанбе, 1977.

Дженкинсон. Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. / Пер. с англ. Ю.В. Готье. — М., 1937.

Древние авторы о Средней Азии. — Ташкент, 1940 (Хива. — М., 1840).

Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. — М.; Л., 1950.

Е Лун-ли. История государства киданей (Цидань го чжи) / Пер. с кит., введ., коммент. и прил. В.С. Таскина. — М., 1979.

Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII—XIV вв. — М., 1985.

Жуанвиль. Joinville. Histoire de Saint Louis. Texte original par Natalis de Waitly. — Paris, 1906 (Пер. со старофранц. Ю.П. Малинина и Г.Ф. Цибулько).

Иакинф. История первых четырех ханов из дома Чингисова. — СПб., 1829.

Ибн Хордадбех. Книга путей и стран / Пер. с араб., коммент., исслед. Н. Велихановой. — Баку, 1986.

Ибрагимов Н. Ибн-Баттута и его путешествия по Средней Азии. — М., 1988.

Иоганн Шильтбергер. Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 г. по 1427 г. / Пер. со старонем. Ф.К. Бруна. Изд., редакция и примеч. З.М. Буниятова. — Баку, 1984.

История ат-Табари. Избранные отрывки / Пер. с араб. В.И. Беляева. Дополнения к переводу О.Г. Большакова и А.Б. Халидова. — Ташкент, 1987.

История монголов по армянским источникам / Пер. и объяснения К.П. Патканова. — СПб., 1873. Вып. I (Извлечения из трудов Варлана, Стефана Орбелиана и конетабля Сембата).

Кафаров П. Си-ю-цзи или описание путешествия на Запад. — М., СПб., 1866. Т. 4.

Кара Д. Книги монгольских кочевников. — М., 1972.

Кафаров П. Старинное китайское сказание о Чингис-хане «Шэн-у цинь чжэн-лу» (Описание личных походов священновоинственного) / Пер. с предисл. и примеч. // Восточный сборник. — СПб., 1877. Т. 1.

Киракос Гандзакечи. История Армении / Пер. с древне-арм., предисл. и коммент. Л.А. Ханларян. — М., 1976 (Памятники письменности Востока. LIII).

Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. — М.: Наука, 1964. — 216 с.

Книга Марко Поло / Пер. И.П. Минаева; Ред. и примеч. И.П. Магидовича. — М., 1955.

Книга Марко Поло. Серия: Путешествия. Открытия. Приключения. — Алма-Ата: Наука, 1990. — 352 с.

Книга о лечебных веществах — Абу Рейхан Бируни. Избранные произведения. Т. IV: Фармакогнозия в медицине (Китаб ас-сайдана фи-т-тибб) / Исслед., перевод, примеч. и указ. У.И. Каримова. — Ташкент, 1973.

Ковалевский А.П. Книга Ахмеда ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Статьи, переводы и комментарии. — Харьков, 1956.

Козин С.А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием *Mongrol-un niḡusa tobci-gan*. Юань Чао би ши. Монгольский обыденный сборник. Введение, перевод, тексты, глосарии. — М.; Л., 1941. Т. I.

Коран. Пер. и коммент. И.Ю. Крачковского. Изд. 2-е. — М., 1986.

Котредев Н.В. Восток в записках европейского путешественника («Миллион») // Типология и взаимосвязи средневековых литератур Востока и Запада. — М., 1974.

Куник А.А. Выписки из Генриха Латышского о русских событиях 1221—1223 гг. // Уч. зап. Имп. Академии наук по I и III отделениям. — СПб., 1853. Т. II. Вып. 2.

Кычанов Е.М. Сведения в «Юань-ши» о переселениях киргизов в XIII в. // Изв. АН КиргССР. Серия обществ. наук. — Фрунзе, 1963. Т. 5, вып. 1.

Кычанов Е.И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. — М., 1997.

Лерберг. Исследования, служащие к объяснению древней русской истории. — Спб., 1819.

Литовская метрика. Отд. 1. Ч. 1. Книги записей. — Спб., 1910. Т. 1 (РИБ. Т. XXVII).

Лэн-Пуль С. Мусульманские династии. Хронологические и генеалогические таблицы с историческими сведениями / Пер. с англ. с примеч. и доп. В.В. Бартольда. — Спб., 1899.

Любопытнейшее путешествие монаха францисканского Ордена Жана дю План-Карпино, посланного в 1246 г. в достоинстве Легата и Посла от Иннокентия IV к татарам, им самим писанное и заключающее в себе достоверные известия о тогдашнем в Европе и Азии могуществе татар; об их одежде, пище и питии; о политическом и гражданском правлении; о образе богопочитания их; о поведении их на войне; об обрядах, наблюдаемых при свадьбах и погребениях, и о многих достопамятных происшествиях, касающихся до Российских великих князей. — М.: Типография Ридигера и Клаудия, 1800.

Малявкин А.Г. Материалы по истории уйгуров в IX—XII вв. — Новосибирск, 1975.

Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности: Тексты и исследования. — М.; Л., 1951.

Марко Поло. Книга Марко Поло / Пер. старофр. текста И.П. Минаева, ред. и вступ. ст. И.П. Магидовича. — М., 1956.

Материалы по истории каракалпаков. — М.; Л., 1935.

Материалы по истории кочевых народов в Китае III—V вв. Вып. 4. Ди и цяны / Пер. с кит., предисл. и коммент. В.С. Тапкина; отв. ред. С.В. Дмитриев. — М.: Вост. лит., 2012. — 496 с.

Матузова В.И. Английские средневековые источники. IX—XIII вв.: Тексты, пер., коммент. — М., 1979.

Меликишвили Г.А. Древневосточные материалы по истории народов Закавказья. — Тбилиси, 1954.

- Меховский Матвей. Трактат о двух Сарматиях. — М.; Л., 1936.
- Мецопский Фома. История Тимур-Ланка и его преемников / Пер. с древнеармянск. Т. Тер-Григоряна. — Баку, 1957.
- Минаев И.П. Путешествие Марко Поло / Пер. со старофр. текста; под ред. В.В. Бартольда. — Спб.: РГО, 1902.
- Мункуев Н.Ц. Китайский источник о первых монгольских ханах: Надгробная надпись на могиле Елюй Чу-цая / Пер. и исслед. — М., 1965.
- Мусабаев Г.Г. Некоторые сведения из жизни Махмуда Кашгарского // Исследования по тюркологии. — Алма-Ата: Наука, 1969.
- Мутинов А. Описание уйгурских летописей Института народов Азии АН СССР, ИНА. — М.: Наука, 1962. — 206 с.
- Мухаммед Юсуф Мунши. Муким-ханская история / Пер. с тадж., предисл., примеч. и указ. А.А. Семенова. — Ташкент, 1956.
- Мэн-да бэй-лу (Полное описание монголо-татар). Факсимиле ксилографа / Пер. с кит., введ., коммент. и приложения Н.Ц. Мункуева. — М., 1975 (Памятники письменности Востока. XXVI).
- Опись царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 г. — М., 1960.
- Памятники литературы Древней Руси. XI — начало XII в. — М., 1978.
- Памятники минувших поколений. — Абу Рейхан Бируни (973—1048). Избранные произведения. Т. I: Памятники минувших поколений / Пер. с араб., и примеч. А.М. Салье. — Ташкент, 1957.
- Письменные памятники Востока: Историко-филологические исследования. Ежегодник. 1973. — М., 1979.
- Повесть временных лет по Лаврентьевской летописи 1377 г. / Текст, пер. и подгот. текста Д.С. Лихачева, пер. Д.С. Лихачева и Б.А. Романова под ред. В.П. Адриановой-Перетц. — М.; Л., 1950. Ч. 1—2.

Понс де Обон. Савченко С.В. Письмо магистра тамплиеров к Людовику Св. о вторжении татар в Западную Европу // Университетские известия. — Киев, 1919. — N 1-4.

Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой. 1489—1508 гг. — М., 1984.

Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1489—1549. — Махачкала, 1995.

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей. — М., 1925—1962.

Путевые записки китайца Чжан Дэ Хой во время путешествия его в Монголию в первой половине XIII столетия // Записки Сибирского отдела имп. Русского географического общества. — Иркутск, 1867. Кн. IX—X.

Путешествие Абу Хамила ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131—1153 гг.). Публикация О.Г. Большакова, А.Л. Монгайта. — М., 1971.

Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Гильома де Рубрука. Серия: Путешествия. Открытия. Приключения. — Алматы: Ылым, 1993. — 248 с.

Пэн Да-я и Сюй-Тина. Хэй-да ши-люе (Краткие сведения о черных татарах) / Публ. и коммент. Линь Кюн-и и Н.Ц. Мункуева // Проблемы востоковедения. — М., 1960. — N 5.

Радойичич Г.С. Пандехово сказание 1259 г. (О Византии, татарах, куманах, русских, венграх, сербах, болгарях) / Пер. с серб. В.К. Петухова // ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы. — 1960. Т. 16.

Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. I. Кн. I / Пер. с перс. Л.А. Хетагурова. Ред. и примеч. А.А. Семенова; Т. I. Кн. 2 / Пер. с перс. О.И. Смирновой. Примеч. Б.И. Панкратова и О.И. Смирновой. Ред. А.А. Семенова. — М.; Л., 1952; Т. II / Пер. с перс. Ю.П. Верховского, примеч. Ю.П. Верховского и Б.И. Панкратова, ред. И.П. Петрушевского. — М.; Л., 1960; Т. III / Пер. с перс. А.К. Арендса под ред. А.А. Ромасквича, Е.Э. Бертельса и А.Ю. Якубовского. — М.; Л., 1946.

Рихард. Аннинский С.А. Известия венгерских миссионеров XIII—XIV вв. о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. — М.; Л., 1940. Т. 3.

Рубрук. Путешествие в восточные страны / Введение, пер. и примеч. А.И. Малеина, с приложением 8 рисунков, карты и указателей. — Спб., 1911.

Руи Гонсалес де Клавихо. Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура (1403—1406) / Пер. со староиспанск., пред. и коммент. И.С. Мироковой. — М., 1990.

Сагути Т. Монгорудзин сипай дзидай-но уйгуристан (Уйгуристан в эпоху монгольского владычества) // Сигаку дзас-си. — 1943. — Т. 54. — N 8-9.

Старинное китайское сказание о Чингис-хане Шэн-вучин-чжен-лу. Описание личных походов священно-воинственного / Пер. с предисл. и примеч. архим. Палладия // Восточный сборник. — Спб., 1877. Т. I.

Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I—II. Извлечения из сочинений арабских, собранные В.Г. Тизенгаузенем. — Спб., 1884; Т. II. Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузенем и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным. — М.; Л., 1941.

Собрание путешествий к татарам и другим восточным народам в XIII, XIV, XV столетиях. I. Плано Карпини. П. Асцелин. — Спб., 1825.

Страбон. География в 17 книгах / Пер., статья и коммент. Г.А. Стратановского; под общ. ред. С.Л. Утченко; ред. пер. О.О. Крюгер; репр. воспроизведение изд. 1964 г. — М., 1994.

Су Тяньцзюэ. Юань-чао мин-чэнь ши-люэ (Краткие биографии знаменитых чиновников династии Юань). — Пекин, 1962. Т. 2.

Таварих-и гузида — Нусрат-наме. — Ташкент, 1967.

Утемиш-хаджи. Чингис-наме / Факсимиле, пер., транскрипция, текстол. примеч., исследование В.П. Юдина.

Коммент. и указ. М.Х. Абусеитовой. — Алма-Ата: Наука, 1992.

Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. — М., 1973.

Феофилакт Симокатта. История / Пер. с греч. С.П. Кондратьева. — М., 1996.

Флетчер Дж. О государстве Русском. 1591 г. / Под ред. князя Н.В. Голицына. — СПб., 1911.

Фома Сплитский. История архиепископов Салоны и Сплита / Вступ. ст., пер. и коммент. О.А. Акимовой. — М., 1997.

Хань Жулинь. Юань-чао ши (История Юаньской династии). В 2-х т. — Нанкин, 1986.

Хождение за три моря Афанасия Никитина / Изд. подгот. Я.С. Лурье и Л.С. Семенов. — Л., 1986.

Цзинь-ши (История Цзинь) / Сост. То Кэ То и др. Сэбубэйяо. — Шанхай, 1930.

Цулая Г.В. Джелал ад-Дин в оценке грузинской летописной традиции // Летописи и хроники. 1980. — М., 1981.

Цулая Г.В. Грузинская книжная легенда о Чингис-хане // СЭ. — 1973. — N 5.

Чжур-чжэньское государство Цзинь и Центральная Азия (по цзиньским источникам). — М., 1976. Вып. 11.

Шервуд. Былые пути в Китай. П. Карпини, Рубруквис, Марко Поло, Одорик. — М., 1931.

Шихаб ад-Дин Мухаммад ан-Насави. Сират ас-султан Джалал ад-Дин Манкбурны (Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны) / Изд. критич. текста, пер. с араб., пред., коммент., примеч. и указатели З.М. Бунятова. — М., 1996 (Памятники письменности Востока. CVII).

Штылько А. Астраханская летопись. Исторические известия, события, постановления правительственных и других учреждений и факты из общественной жизни г. Астрахань с 1554-го по 1896 г. включительно. — Астрахань, 1898.

Эвлия Челеби. Книга путешествия (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII в.). Вып. 3: Земли Закавказья и сопредельных областей Малой Азии и Ирана. — М., 1983.

Эрдели И. Извлечения из Хроники венгерского Анонима (XII—XIII вв.) // Вопросы археологии Урала. — Свердловск, 1967. Вып. 7.

Юань-чао би-ши (Тайная история династии Юань). — Шанхай, 1936.

Юань-чао би-ши (Секретная история монголов), 15 цзюаней. Т. 1 / Текст, издание текста и предисловие Б.И. Панкратова. — М.: Наука, 1962 (Памятники литературы народов Востока).

Юань-ши (История династии Юань). Серия Соинь, бонабэнь, эр-ши-сы-ши (24 династийные истории). — Шанхай; Пекин, 1958.

Языков Д.И. Собрание путешествий к татарам и другим восточным народам в XIII, XIV, XV столетиях: 1. Плано Карпини; 2. Асцелин / Лат. текст, пер. и коммент. — СПб., 1825.

Якубовский А.Ю. Рассказ Ибн-ал-Биби о походе малоазийских турок на Судак, половцев и русских в начале XIII в. // Византийский временник. — Л., 1928. Т. XXV.

Ярлыкапов А.А. Библиографический указатель научной литературы по ногайцам. — Махачкала, 1998. — 96 с.

Aboul-Ghazi Behadour Khan. Histoire des Mogols et des Tatares. Publ. par P. Desmaisons. T. I: Texte. — St.-Petersbourg, 1871. — 239 p.

Bacon Roger The “Opus Majus” / Edited with Introduction and Analytical table by John Henry Bridges. — Oxford, 1900. V. I.

Beazley C.R. The texts and versions of John de Piano Carpini and William de Rubruquis. — London, 1903.

Beckingham C.F., Hamilton B. Prester John: the Mongols and the Ten Lost Tribes. — Aldershot, 1996.

Bergeron P. Voyages faites principalement en Asie dans les XII, XIII, XIV et XV siecles. — La. Haye, 1735, T. I.

Bezzola G.A. Die Mongolen in abendländischer Sicht (1220—1270). Ein Beitrag zur Frage der Volkerbegegnungen. — Bern; Munchen, 1974.

Bigalli D. I Tartari e l’ ‘Apocalisse. Ricerche sull’ escalologia in Adamo Marsh e Ruggero Bacone. — Firenze, 1971.

Blake P. and Frye R.N. History of the nation of the Archers (the Mongols) by Grigor of Akanc hitherto ascribed to Marak’ia, the monk / The Armenian Text Edited with an English Translation and Notes. Cleaves Fr.W. The mongolian names and terms in the “History of the nation of the archers”. — Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1954.

Brentjes B. Die Ahnen Dschingis-Chans. — Berlin, 1988.

Brincken, A.-D. v. den. Die “Nationes Christianorum Orientalium” im Verstandnis der lateinischen Historiographie von der Mitte des 12. bis in die zwcite Halfte des 14. Jahrhunderts. — Koln; Wen, 1973.

Bretschneider E.V. Mediaeval Researches from Eastern Asiatic Sources. 2 vols. — London, 1910.

Bridia C. de. Hystoria Tartarorum C. de Bridia monachi / Ed. et annot. A. Onnerfors. — Berlin, 1967.

Browne Ed. G. History of Persian Literature under Tartar Dominion. — Cambridge, 1920.

Campbell M. *The Witness and the Other World: Exotic European Travel Writing, 400—1600*. — Cornell University Press, 1988.

Dawson C. *The Mongol Mission. Narratives and Letters of the Franciscan Missionaries in Mongolia and China in the Thirteenth and Fourteenth Centuries*. — London and New York, 1955.

Der Hedwigs-Codex von 1353. Faksimile und Text, 2 Bde / Ed. W. Braunfels. — Berlin, 1972.

Die Mongolen in Asien und Europa. Hrsg. S. Conermann und J. Kusber. — Frankfurt am Main, 1997.

Dictionnaire historique de la papauté. Sous la direction de Philippe Levilain. — Paris: Fayard, 1994.

Discovering New Worlds. Essays on Medieval Exploration and Imagination / Ed. By S.D. Westrem. — New York; London, 1991.

D'Ohsson. *Histoire des Mongols depuis Tchinguiz khan jusqu' à Timour Bey ou Tamerlan. V. I—IV*. — La Haye et Amsterdam, 1834—1835.

Dorrie H. *Drei Texte zur Geschichte der Ungarn und Mongolen. Die Missionsreisen des fr. Julianus O.P. ins Uralgebiet (1234—1235) und nach Russland (1237) und der Bericht des Erzbischofs Peter über die Tarlaren // Nachrichten der Akademie der Wissenschaften in Göttingen. I. Philol.* — *Hist. Kl. Göttingen*, 1956. N 6. S. 125—202.

Firdaws al-iqbal: History of Khorezm by Shir Muhammad Mirab Munis and Muhammad Riza Mirab Agahi. Transl. and annot. by Yu. Bregel. — Leiden, Boston, Köln: Brill, 1999.

Frank A. *The Siberian Chronicles and the Taibughid Biys of Sibir'*. — Bloomington, 1994 (*Papers on Inner Asia*, N 27). — 26 p.

Fodor I. *Verecke hires utjan... A magyar nép ostortenete es a honfoglalás*. — Budapest, 1980.

Genghis Khan. The History of the World Conqueror by 'Ala-ad-Din 'Ata-Malik Juvaini. Transl. From the text of Mirza

Muhammad Qazvini by J.A. Boyle, with a new introduction and bibliography by D.O. Morgan. — Manchester, 1997.

Giovanni di Pian di Carpine. Storia dei Mongoli / Edizione critica del testo latino a cura di E. Menesto; traduzione italiana a cura di M.C. Lungarotti e note di P. Daffina; introduzione di L. Petech; studi storico-filologici di C. Leonardi, M.C. Lungarotti, E. Menesto. — Spoleto, 1989.

Gockenjan H., Sweeney J.R. (Hg.). Der Mongolensturm. Berichte von Augenzeugen und Zeitgenossen 1235—1250, übersetzt, eingeleitet und erläutert von H. Gockenjan und J.R. Sweeney. — Graz; Wien; Köln, 1985.

Goureff P. de. De la civilisation des tatares-nogays dans le midi de la Russie européenne. — Xarkof, 1816. — 124 p.

Gueret-Laferte M. Sur les Routes de l'Empire Mongol. Ordre et rhétorique des relations de voyage aux XIIIe et XIVe siècles. — Paris, 1994.

Guillaume de Rubrouck. Envoyé de Saint Louis, Voyage dans l'Empire Mongol (1253—1255). Traduction et commentaire de Claude et René Kappler. — Paris: Fayard, 1985.

Haidar M. The Tarikh-i Rashidi of Mirza Muhammad Haidar Dughlat: A History of the Moghuls of Central Asia. An English version / Ed., commentary, notes by N. Elias; transl. by E. Denison Ross. — L.; N.Y., 1895. — 687 p.

Hambis L. Le chapitre CVII du Yuan-che: Les généalogies impériales mongoles dans l'histoire chinoise officielle de la dynastie mongole. — Leiden; Brill, 1945.

Herbst H. Der Bericht des Franziskaners Wilhelm de Rubruk über seine Reise in das Innere Asiens in den Jahren 1253—1255. Erste vollständige Übersetzung aus dem Lateinischen. — Leipzig, 1925.

Honorius Augustodunensis. Imago mundi. V. I. J. Flint // Archives d'Histoire Doctrinale et Littéraire du Moyen Âge. — Paris, 1982. T. 52. Pp. 7—153.

Ibn Batoutah. Voyages d'Ibn Batoutah. Texte arabe, accompagnée d'une traduction par C. Defremery et B.R. Sanguinetti. T. 3. — P., 1874. — 502 p.

Johann de Piano Carpini, Geschichte der Mongoien und Reisebericht 1245—1247. Übersetzt und erläutert von Dr. Friedrich Risch. — Leipzig, 1930.

Jean de Plan Carpini. Histoire des Mongols. Traduit et annoté par J. Becquet et par L. Hambis. — Paris: Fayard, 1965.

Johann de Piano Carpini. Geschichte der Mongolen und Reisebericht 1245—1247. Übersetzt und erläutert von F. Risen. — Leipzig, 1930.

Johannes von Piano Carpini, Kunde von den Mongolen: 1245—1247. Übersetzt, eingeleitet und erläutert von F. Schmie-der. — Sigmaringen, 1997.

Kahizyhki S. Dawni Mongoiowie. — Warszawa, 1983.

Kappler C. Monstres, demons et merveilles a la fin du Moyen age. — Paris, 1980.

Klopprogge A. Ursprung und Ausprägung des abendländischen Mongolenbildes im 13. Jahrhundert: ein Versuch zur Ideengeschichte des Mittelalters. — Wiesbaden: Harrasowitz, 1993.

Knefelkamp U. Die Suche nach dem Reich des Priesterkönigs Johannes. Dargestellt anhand von Reiseberichten und anderen ethnographischen Quellen des 12. bis 17. Jahrhunderts. — Freiburg, 1985.

Komroff M. Contemporaries of Marco Polo, consisting of the Travel Records to the Eastern Parts of the World of William Rubruk (1253—1255), the Journey of John of Pian de Carpini (1245—1247), the Journal of Friar Odoric (1318—1330) and the Oriental Travels of Benjamin of Tudela (1160—1173). — New York, 1928.

Kurat A.N. Topkapi Sarayi Muzesi Arsjvindeki Altm Ordu, Kinm ve Turkistan Hanlanna Ait Yarlik ve Bitikler. — Istanbul, 1940.

Le Khanat de Crimee dans les archives du Musée du palais de Topkapi. — P., 1978.

Lemerrier-Quellejay Ch. Le paix mongole. Joug tatar ou paix mongole? — Paris: Fayard, 1970.

Ligeti L. Die Herkunft der Volksnamens kirgis // Korosi Csoma Archivum I. — Leiden, 1967.

Lupprian K.E. Die Beziehungen der Papste zu islamischen und mongolischen Herrschern im 13. Jahrhundert anhand ihres Brierwechsels. Studi e Testi 291. Citta del Vaticano, 1981.

Martin H.D. The Rise of Chingis Khan and his Conquest of North China. — Baltimore, 1950.

Martin F.R. The Miniature Paintings and Painters of Persia India and Turkey from the 8-th to the 18-th century. — London, 1912. V. II.

Meng-Ta Pei-lu und Hei-Ta shih-luen. Chinesische Gesandtenberichte über die frühen Mongolen 1221 und 1237, übersetzung kommentiert von Olbricht P. und Pinks E. — Wiesbaden: Otto Harrasowitz, 1980.

Moilat M. Voyageurs du XIIIe au XVIe siecle. — Paris: Fayard, 1984.

Moravcsik G. Die byzantinischen Quellen der ungarischen Geschichte. — Budapest, 1934.

Morgan D.O. The Mongols. — Oxford: Oxford University Press, 1986.

Mostaert A., Cleaves F.W. Trois documents mongols des Archives Secretes Vaticanes // Harvard Journal of Asiatic Studies. Harvard, 1952. Vol. 15.

Mostaert A., Cleaves F.W. Les lettres de 1289, et 1305 des ilkhan Aryun et Oljeitu a Philippe le Bel. — Cambridge, Massachusetts, 1962.

Olschki L. Marco Polo's Asia. An Introduction to His "Description of the World" called "Il Milione". Trans, from the italian by J.A. Scott. — Berkeley and Los Angeles, 1960.

Pelliot P. Les Mongols et la Papauté. Documents nouveaux edites, traduits et commentes par M. Paul Pelliot, avec la collaboration de M.M. Borghezio, Masse et Tisserant // Revue

de I Orient Chretien. 3e serie 3. — Paris, 1922—1923. Vol. 23; 1924. Vol. 24; 1931—1932. 8. Vol. 28.

Pelliot P. Notes sur l'histoire de la Horde d'Or. — Paris: Fayard, 1949.

Pelliot P. Notes on Marco Polo. — Paris: Fayard, 1959, vol. 1; 1963, vol. 2.

Pelliot P. Recherches sur les Chretiens d'Asie Centrale et d'Extreme-Orient, opera postuma publicata a cura di J. Dauviltiere et L. Hambis. — Paris: Fayard, 1973.

Pulle G. Viaggio a' Tartari di fratre Giovanni da Pian del Carpine (Historia Mongalorum). — Milano, 1929. (Viaggi e Scoperte di Navigatori ed Esploratori Italiani 5).

Rachewiltz I. de. Papal Envoys to the Great Khans. — London, 1971.

Rachewiltz I. de. Prester John and Europe's Discovery of East Asia. — Canberra, 1972.

Ratchnevsky P. Uber den mongolischen Kult am Hofe der Grosskhane in China / L. Ligeti (ed.). Mongolian Studies. — Budapest, 1970.

Ratchnevsky P. Cinggis-Khan. Sein Leben und Wirken. — Wiesbaden: Harrasowitz, 1983.

Relatio Fr. Benedicti Potoni — Sinica Franciscana, vol. I: Itinera et relationes Fratrum Minorum saeculi XIII et XIV. Collegit, ad fidem codicum redegit et adnotavit P. Anasladius Van Den Wyngaert O.F.M. — Quaracchi-Firenze, 1929. S. 135—143.

Richard J. Croises, missionnaires et voyageurs. Les perspectives orientales du monde latin medieval. — London, 1983 (Collected Studies Series 182).

Rockhill W.W. The Journey of William of Rubruck to the Eastern parts of the World 1253—1255 as narrated by himself, with two accounts of the earlier journey of John of Plan de Carpine / translated from the Latin, and edited with an Introductory Notice. — London: The Hakluyt Society, 1900.

Rossabi M. Khubilai Khan: His Life and Times. Berkeley, Los Angeles, London, 1988.

Roux J.-P. La mort chez les peuples altaïques anciens et médiévaux. — Paris, 1963.

Roux J.-P. Les explorateurs au Moyen-Âge. — Paris, 1985.

Roux J.-P. Histoire de l'Empire mongol. — Paris, 1993.

Ryccardus de S. Germano. Chronica zu 1223 / Ed. C.A. Garufi. — Bologna, 1936—1938 (L.A. Muratori. Rerum Italicarum Scriptores. 2. Aufl., Bd. VII, 2).

Salimbenae de Adam. Chronica. Herausgegeben Osw. Holder-Egger. — Hanover und Leipzig, 1905—1913 (Monumenta Germanica. Histor. Inscriptores. XXII).

Schwarz H.G. (ed.). Studies on Mongolia: Proceedings of the First North American Conference on Mongolian Studies. — Bellingham, Washington, 1979.

Simon de Saint-Quentin. Histoire des Tartares. Publiée par J. Richard. — P., 1965. (Documents relatifs à l'histoire des croisades publiés par l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres, VIII).

Simonut N. Il metodo d'evangelizzazione dei Francescani tra Musulmani e Mongoli nei secoli XIII—XIV. — Milano, 1947.

Sinica Franciscana. Vol. I; Itinera et relationes Fratrum Minorum saeculi XIII et XIV. Collegit, ad fidem codicum redegit et adnotavit P. Anastasius Van Den Wyngaert O.F.M. Quaracchi. — Firenze, 1929.

Saeculi Majoris Vincentii Burgundi praesulis Belvancensis ordinis praedicatorum. Tomus quartus. Qui Speculum Historiale inscribitur. — Venise, 1591.

The History and the Life of Chinggis Khan (The Secret History of the Mongols). Transl. and annot. by Urgunge Onon. — Leiden, New York, København, Köln: Brill, 1990. — 202 p.

The History of the World-Conqueror by 'Ala ad-Din 'Ata-Malik Juvaini. Trans. J.A. Boyle. — Manchester, 1958. 2 vols.

The journey of William of Rubruck to the eastern parts of the world, 1253—1255. Trans. and ed. W.W. Rockhill. — London, 1900.

The Mission of friar William of Rubruck. His journey to the court of the Great Khan Mongke 1253—1255. Tr. by P. Jackson; Introduction, notes and appendices by P. Jackson with D. Morgan. — London, 1990.

The Vinland Map and the Tartar Relation. By R.A. Skelton, Th.E. Marston, and G.D. Painter, for the Yale University Library, with a foreword by A.O. Vietor. — New Haven; London, 1965.

Topkapi. Sarayi-Museum. Manuskripte. Hrsg. und erweitert von J.M. Rogers. — Tokyo (farbteil), Lausanne (text). 1986.

Weiers M. (Hrsg.). Die Mongolen. Beiträge zu ihrer Geschichte und Kultur. — Darmstadt, 1986.

Wittfogel K.A., Feng Chia-sheng. History of Chinese society: Liao (907—1125). — Philadelphia, 1949.

Wyngaert van den Anastasius. Itinera et relationes Fratrum Minorum saec., XIII et XIV. — Firenze: Sinica Franciscana, 1929. V. I.

Yule H. The Book of Ser Marco Polo / Third edition revised by H. Cordier. — London, 1903.

Yule Henri. Cathay and the Way Thither, being a collection of mediaeval notices of China. — London: Edition by H. Cordier, 1866. V. II. (London: Hakluyt Society, 1913—1916. V. IV).

Zajęzdzkowsky A. La chronique des steppes kiptchak. Ed. crit avec la trad. française du XVIIIe siècle. — Warszawa, 1966 — 180 S.

Zalewska-Lorkiewicz K. Ilustrowane mappae mundi jako obraz świata. Średniowiecze i początek okresu nowożytnego. — Warszawa, 1997.

Литература к Части II

Алишев С.Х. Завоевание татар Русским государством // *Материалы по истории татарского народа*. — Казань, 1995.

Алишев С.Х. Казань и Москва: межгосударственные отношения в XV—XVI вв. — Казань, 1995.

Арзютов Н. Золотая Орда. — Саратов, 1930.

Арсланов Л.Ш., Викторин В.М. Астраханские татары. История и этнический состав населения Астраханской области // *Материалы по истории татарского народа*. — Казань, 1995.

Ахмедов Б.А. Государство кочевых узбеков. — М., 1965.

Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. — СПб., 1863.

Верейн Л.Е. Присоединение Нижнего Поволжья к Русскому государству: Начало строительства русской Астрахани. — Астрахань, 1958.

Губайдуллин Г.С. История татар. — М., 1994.

Горский А.А. Москва и Орда. — М., 2000.

Греков И.Б. Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV—XVI вв. — М., 1963.

Григорьев В.В. Россия и Азия. — СПб., 1876.

Груссе Р. Империя степей. Аттила, Чингис-хан, Тамерлан / Пер. с франц. Х.К. Хамраева. Сост. Б.М. Сужиков. — Алматы: Санат, 2005. Т. I. — 286 с.; Т. II. — 336 с.

Зарубежная тюркология. Вып. 1: Древние тюркские языки и литература. — М.: Наука, 1986. — 390 с.

Зуев Ю.А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. — Алматы: Дайк-Пресс, 2002. — 338 с.

Иванов П.П. Очерки по истории Средней Азии (XVI — середина XIX в.). — М., 1958.

История Сибири. — Л., 1968. Т. 1: Древняя Сибирь.

Карамзин Н.М. История государства Российского. — СПб., 1817.

- Каргалов В.В. Конец ордынского ига. — М., 1980.
- Каштанов С.М. Социально-политическая история России конца XV — первой половины XVI в. — М., 1967.
- Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Казахстан: летопись трех тысячелетий. — А.-А., 1992.
- Кочекаев Б.-А.Б. Ногайско-русские отношения в XV—XVIII вв. — А.-А., 1988.
- Нестеров А.Г. Государства Шейбанидов и Тайбугидов в Западной Сибири в XIV—XVII вв.: археология и история. — М., 1988.
- Очерки истории Ставропольского края (с древнейших времен до 1917 г.). — Ставрополь, 1986. Т. I.
- Очерки по истории Волгоградского края. — Волгоград, 1974.
- Пирлинг П. Россия и Восток. — СПб., 1892.
- Похлебкин В.В. Все ханы Золотой Орды. 1236—1481: Хронологическая таблица (история исследования). — М., 1999.
- Природа и история Астраханского края. — Астрахань, 1996.
- Рогожин Н.М. Посольские книги России конца XV — начала XVI в. — М., 1994.
- Рычков П. Введение к астраханской топографии. — М., 1774.
- Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. — Уфа, 1999.
- Савельев П.С. Монеты ханов джучидские, джагатайские, джелаиридские и другие, обращавшиеся в Золотой Орде в эпоху Тохтамыша // Записки Императорского Археологического общества. — СПб., 1865. Т. XII.
- Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды // На стыке континентов и цивилизаций: Из опыта образования и распада империй X—XVI вв. — М., 1996.
- Семенов А.А. К вопросу о происхождении и составе узбеков Шейбани-хана // Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии. — Сталинабад, 1954. Вып. 1.

Семенов Л.С. Путешествие Афанасия Никитина. — М., 1980.

Семенов А.А. Шейбани-хан и завоевание империи Тимуридов // Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии. — Сталинабад, 1951. Вып. 1.

Султанов Т.Н. Правители первого Казахского государства (1470—1718). — Алматы, 1993.

Татаро-монголы в Азии и Европе. — М., 1970.

Толстов С.П. Древний Хорезм. — М., 1948.

Фирсов Н.Н. Чтения по истории Среднего и Нижнего Поволжья. — Казань, 1920.

Чвырь Л.А. Уйгуры Восточного Туркестана и соседние народы в конце XIX — начале XX в. — М.: Наука, 1990. — 301 с.

Чхао Чху-Ченг. Распад Монгольской империи: основные причины (опыт анализа источников и научной литературы). — Казань: АКД, 1995.

Юдин В.П. Центральная Азия в XIV—XVIII вв. глазами востоковеда. — Алматы: Дайк-Пресс, 2001. — 384 с.

Altheim F. Geschichte der Hunnen. 5 Bände. — Berlin: Walter de Gruyter, 1959—1962. I. Band Von den Anfängen bis zum Einbruch in Europa. 1959. 463 S.

Amir Temur 660. The Materials of the International Conference “Amir Temur and His Place in the World History”. 23—26 October 1996. — Tashkent: UNESCO, 1996. — 130 p.

Artamonov M.I. Khazar-festningen Sarkel // Viking (Oslo) 1955. Vol. XIX. Pp. 99—120.

Aslanapa O. Türkische Miniaturmalerei am Hofe Mehmet des Eroberers in Istanbul // *Ars Orientalis*. 1954. Bd. 1. S. 77—84.

Babinger F. Beiträge zur Frühgeschichte der Türkenherrschaft in Rumelien (14—15. Jahrhundert) // *Südosteuropäischen Arbeiten* (Brünn, München, Wien). 1944. Bd. 34.

Barfield T. The Hsiung-nu Imperial Confederacy: Organization and Foreign Policy // *Journal of Asian Studies*. 1981. Vol. XLI. N 1.

Barfield T. *The Perilous Frontier: Nomadic Empires and China, 221 BC to AD 1757*. — Cambridge, 1992.

Barthold W. *Zur Geschichte des Christentums in Mittelasien bis zur mongolischen Eroberung*. — Tübingen, Leipzig, 1901.

Bartold V.V. *Four Studies on the History of Central Asia*. Vol. I—III. Trans. from Russian by V. and T. Minorsky. — Leiden: Brill, 1956—1962.

Bawden C.R. *The Mongol Chronicle Altan Tobci*. — Wiesbaden: Otto Harrasowitz, 1955.

Beasley W.G., Pulleyblank E.G. (eds.) *Historians of China and Japan*. — Oxford: Oxford University Press, 1961.

Becker C. *Vom Werden und Wesen der islamischen Welt*. — Leipzig, 1924.

Beveridge E.S. *The Babur-nama in English*. Vols. I—II. — London, 1922.

Bosworth C.E. *The Ghaznevids*. — Edinburg, 1963.

Boyle J.A. (ed.) *Ala al-Din Ata Malik Juveini. The History of the World Conqueror*. Trans. by J.A. Boyle. 2 vols. — Manchester: Manchester University Press, 1958.

Boyle J.A. (ed.) *The Cambridge History of Islam. Vol. V: The Saljuq and Mongol Periods.* — Cambridge: Cambridge University Press, 1968.

Boyle J.A. *The Seasonal Residences of the Great Khan Ögedei // Central Asiatic Journal.* 1972. Vol. 16. N 2. Pp.125—131.

Brentjes B., Albaum L.I. *Herren der Steppe. Zur Geschichte und Kultur mittelasiatischer Völker in islamischer Zeit.* — Berlin: Deutscher Verlag der Wissenschaft, 1986. — 192 S. (3. Auflage).

Brentjes B. *Kunst in Zentralasien. Sogdische und tocharische Wandmalereien // Das Altertum.* — Berlin, 1976. Bd. 22. H. 2. S. 69—80.

Brentjes B. *Zur frühen Kunst der Nomadenvölker Zentralasiens. Überlegungen und Hypothesen // Asien, Afrika, Latin-Amerika.* — Berlin, 1974. Bd. 2. Hf. 4. S. 614—622.

Bretschneider E. *Medieval Researches from Eastern Asiatic Sources. Vols. I—II.* — London, 1910.

Briggs A. *Timurid Carpets // Ars Islamica.* 1946. Vols. XI—XII. Pp. 146—158.

Brockelmann C. *Altturkestanische Volkspoesie // Asia Major. Hirth's Anniversary Volume, 1923 (Introductory Volume, Leipzig, London, 1922).* S. 1—22; Vol. II. 1922. S. 110—124.

Brockelmann C. *Geschichte der Islamischen Völker und Staaten.* 2 Aufl. — München, Berlin, 1943.

Brockelmann C. *Volkskundliches aus Altturkestan // Asia Minor.* 1925. Vol. II. S. 110—124.

Browne E.G. *A Literary History of Persia. Vol. III: The Tatar Domination, 1265—1502.* — Cambridge: Cambridge University Press, 1964 (1928).

Cahen C. *La première pénétration turque en Asie Mineure // Byzantion.* 1948. Vol. 18.

Cahun L. *Intriduction à l'histoire de l'Asie: Turcs et Mongols des origines à 1450.* — Paris, 1896.

Carrington Goodrich L. *Westerners and Central Asian in Zuan China // Oriente Poliano.* — Roma: Instituto per il Medio ed Estremo Oriente, 1957. Pp. 1—21.

Christensen A.L. *Iran sous les Sassanides.* — Kopenhagen, 1944.

Clauson G. *The Origin of the Turkic 'runic' Alphabet // Acta Orientalis.* — Copenhagen, 1970. Vol. 32. Pp. 51—76.

Clavijo R.G. *Embassy to Tamerlane, 1403—1406.* Trans. by Guy Le Strange. — London, 1928.

Cohn-Wiener E. *Die Ruinen der Seldschukenstadt von Merw und das Mausoleum Sultan Sandschars // Jahrbuch der Asiatischen Kunst.* Bd. II. — Leipzig, 1925. S. 114—122.

Courant M.L. *Asie Centrale au XVIIe siècle: empire Kalmouk ou empire Mantchou?* — Lyon, 1912.

Creswell K.A.C. *A Short Account of Early Muslim Architecture.* — Harmondsworth, 1958.

Czegledi K. *On the Numeral Composition of the Ancient Turkish Tribal Confederations // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungariae.* 1972. T. 25. Fasc. 1—3. Pp. 276—281.

Dawson C. (ed.) *Mission to Asia. Narratives and Letters of the Franciscan Missionaries in Mingolia and China in the 13th and 14th Centuries.* — London: Harper Torchbook, 1966.

DeWeese D. *Islamization and Native Religion in the Golden Horde: Baba Tiikles and Conversion to Islam in Historical and Epic Tradition.* — University Park, Pennsylvania, 1994. 656 p.

Díószegi V. (ed.) *Popular Beliefs and Folklore Tradition in Siberia.* — Bloomington: Indiana University Press, 1968 (Uralic and Altaic Series. Vol. 57).

Doerfer G. *Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen. I.* — Wiesbaden, 1963.

Drehm C. *Asiatische Reiterspiele.* — Berlin, 1942.

Dunlop S.M. *The History of the Jewish Khazars.* — Princeton: Princeton University Press, 1954.

Dvornik F. *Les Slaves, Byzance et Rome au IXe siècle.* — Paris, 1926.

Dvornik F. *The Slavs. Their early History and Civilization.* — Boston, 1956.

Eliade M. *Sahamism. Archaic Techniques of Ecstasy.* — New York: Pantheon Books, 1964 (Bollingen Series. Vol. LXXVI).

Elias N., Denison Ross E. *A History of the Moghuls of Central Asia.* — London, 1898 (Reprint: New York: Praeger, 1970).

Escedy H. *Trade-and-War Relations between the Turks and China in the Half of the 6th Century // Acta Orientalia Hungaricae.* 1968. T. 21. Fasc. 1—2. Pp. 131—180.

Escedy H. *Tribe and Empire, Tribe and Society in the Turk Age // Acta Orientalia Hungaricae.* 1977. T. 31. Fasc. 1. Pp. 3—15.

Escedy H. *Tribe and tribal Society in the 6th Century Turk Empire // Acta Orientalia Hungaricae.* 1972. T. 25. Fasc. 1—3. Pp. 245—262.

Ferdinandy M. de. *Die Nordeurasiatische Reitervölker und der Westen bis zum Mongolensturm // Historia Mundi. Bd. 5.* — Bern, 1956. S. 175—223.

Frye R.N. *The Heritage of Persia.* — London: Weidenfeld and Nicolson, 1962.

Gabain A. v. *Das Leben im Uigurischen Königreich von Qoco (850—1250).* — Wiesbaden: Otto Harrasowitz, 1973.

Gabain A. v. *Das uigurische Königreich von Chotscho, 850—1250 // Sitzungsberichte der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin.* 1961. N 5.

Gabain A. v. *Der Buddhismus in Zentralasien // Handbuch der Orientalistik. Hrsg. von B. Spuler.* — Köln, Leiden: Brill, 1961. Bd. 8. Teil 2. S. 496—514.

Gaborieau M., Popovic A., Zarccone Th. (eds.) *Nakshbandis.* — Paris, Istanbul, 1990.

Gibb H.A.R. *Mohammedanism: an Historical Survey.* — Oxford: Oxford University Press, 1962.

- Gibb H.A.R. *The Arab Conquests in Central Asia*. — London: The Royal Asiatic Society, 1923. — 102 p.
- Giraud R. *L'empire des Turcs célestes: les règnes d'Elterich, Qapghan et Bilgä, 680—734*. — Paris, 1960.
- Gray B. *Persische Malerei*. — Genf, 1961.
- Grekov D.D. *La Horde d'Or*. — Paris, 1939.
- Groenbeck K. *The Steppe Region in World History // Acta Orientalia*. 3 Pts. 1958—1960.
- Groenbeck K. *Türkisch Sprachbau*. — Kopenhagen, 1936.
- Groot J.J.M. de. *Die Hunnen der vorchristlichen Zeit*. Bd. 1. — Berlin, Leipzig, 1921.
- Grousset R. *Conqueror of the World*. — New York: The Orion Press, 1966.
- Grousset R. *Die Steppenvölker*. — München, 1970.
- Grube E. *Welt des Islams // Schätze der Weltkunst*. Bd 7. — Gütersloh, 1968.
- Grünert H., König W. *Die Nomadenviehzucht als wirtschaftlich-kultureller Typ // Ethnographisch-Archäologische Zeitschrift (Berlin, DDR)*. 1974. Jg. 15. H. 3. S. 453—468.
- Grünwedel A. *Altbuddistische Kultstätten in Chinesisch-Turkestan*. — Berlin, 1912.
- Halperin Ch.J. *Russia and the Golden Horde: The Mongol Impact on Medieval Russian History*. — London, 1987.
- Hanisch E. *Die Kulturpolitik des mongolischen Weltreiches*. — Berlin, 1943.
- Hamilson J.R. *Les ouighours à l'époque des cinq dynasties (907 à 960)*. — Paris, 1955.
- Hanisch E. *Die Geheime Geschichte der Mongolen*. 2 Aufl. — Leipzig, 1948.
- Harmatta J. *The Dissolution of the Hun Empire*. Pt. I: *Hun Society in the Age of Attila // Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1952. Vol. II. Fasc. 4. Pp. 277—304.
- Hartwig W.A. *Die "Spezifik" der gesellschaftlichen Organisation der Nomadenviehsücher // Ethnographisch-Archäologische Zeitschrift (Berlin, DDR)*. 1974. Jg. 15. H. 4. S. 621—627.

Haussig H.W. Awaren, Shuan-Shuan und Hephtaliten // Handbuch der Orientalistik. Bd. I. V. 5. — Leiden, Köln, 1966, S. 106—122.

Henning W.B. The Date of the Sogdian Ancient Letters // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. 1948. Vol. 12. Pp. 601—615.

Hensel W. Methodes et perspectives de recherches sur les centers ruraux et urbains chez les Slaves (VIIe—XIIIe s.). — Varsovie, 1962.

Hookham H. Tamburlaine, the Conqueror. — London: Hodder and Stoughton, 1962.

Houtsma M.Th. Ein alttürkische Gedicht // Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. 1889. Bd. 43. S. 68—89.

Howorth H.H. History of the Mongols: From the 9th to the 19-th Century. Pt. 1. — N.Y., 1965. — 771 p.; Pt. 2. — N.Y., 1965. — 1121 p.

Hulsewe A.F.P. China in Central Asia, the Early Stage: 125 BC — AD 23. — Leiden: Brill, 1979.

Ipsiroglu M.S. Malerei der Mongolen. — München, 1965.

Ischboldin B. Essays on Tatar History. — New Delhi, 1963.

Jagchid S.J., Symens V.J. Peace, War and Trade along the the Great Wall: Nomadic-Chinese Interaction through Two Millennia. — Bloomington: Indiana University Press, 1989.

Jenkins G. A Note on climatic Cycles and the Rise of Genghis Khan // Central Asiatic Journal. 1974. Vol. XVIII. N 2. Pp. 217—226.

Jettmar K. Les plus anciennes civilisations d'éleveurs des steppes d'Asie Centrale // Journal of the World History. 1954. Vol. I. Pp. 760—778.

Jettmar K. Die frühen Steppenvölker. Der euroasiatische Tierstiel. — Baden-Baden: Holle, 1964. — 275 S.

Jettmar K. Metallurgy in early Steppes // Artibus Asiae. 1971. Vol. 33. Pt. 1—2. Pp. 5—16.

Jorga N. Geschichte des Osmanischen Reiches. — Gotha, 1909. Bd. 2 (bis 1538).

Kostrzewski J. Les origines de la civilization polonaise. Prehistoire et protohistoire. — Paris, 1949.

Krader L. Ecology of Central Asian Pastoralism // Southwestern Journal of Anthropology. 1955. Vol. 12. N 4. Pp. 301—326.

Krader L. The Ecology of Nomadic Pastoralism // International Social Science Journal. 1959. Vol. XI. N 4. Pp. 499—510.

Krader L. The Origin of the State among the Nomades of Asia // Die Nomaden in Geschichte und Gegenwart. — Berlin, 1981. S. 71—82.

Kraft E.S. Zum Dsungarenkrieg im 18. Jahrhundert. Berichte des Generals Funinngga. — Leipzig, 1953.

Krueger J.R. Sagang Sechen. History of the Eastern Mongols. — Bloomington, 1967 (The Mongolia Society Occasional Papers, N 2).

Kurat A.N. IV—XVIII Yuzyillarda Karadeniz Kuzeyindeki Turk Kavimleri ve Devletleri. — Ankara, 1972.

Lane-Poole S. The Coinage of Bukhara // Catalogue of Oriental Coins in the British Museum. Vol. VII. — London, 1882.

Langworth Ph. The Cossacs. — L., 1969. — 409 p.

László G. Études archéologique sur l'histoire de la société des Avars // Archaeologia Hungarica. S. N. 1955. Vol. XXXIV.

László G. Steppenvölker und Germanen. — Berlin, 1971.

Le Coq A. v. Chotscho. — Berlin, 1913.

Le Coq A. v. Auf Hellas Spuren in Ostturkestan. — Leipzig, 1926.

Le Coq A. v. Die buddistische Spätantike in Mittelasien. Bde. I—VI. — Berlin, 1922—1928.

Le Coq A. v. Buried Treasures of Chinese Turkestan. An Account of the activities of the Second and Third German Turfan Expeditions. — London, 1928.

Leowe H.M. The Seljuqs // Cambridge Medieval History. Vol. 4. — Cambridge, 1923. Pp. 299—317.

Lerch W.G. Bucharas Gärten und die Haine Samarkands: Mittelalterliche Dichtung in Zentralasien als Gipfel menschlicher Kultur // *Oxus*. 1999. N 3. S. 18—21.

Liu Mau-Tsai. Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'u-küe). Bd. I—II. — Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1958.

Luttich R. Ungarnzüge in Europa im 10. Jh. — Berlin, 1910.

Macartney C.A. Studies on the earliest Hungarian historical sources, Budapest, 1938.

Macartney C.A. The Magyars in the Ninth Century. — Cambridge, 1930.

Maenchen-Helfen O. Huns and Hsiung-nu // *Byzantion*. 1944—1945. Vol. XVII. Pp. 222—243.

Mackerras C. The Uighur Empire (744—840), according to the T'ang Dynastic Histories. — Canberra: The Australian National University, 1968 (Centre of Oriental Studies: Occasional Papers N 8).

Maenchen-Helfen O. Pseudo-Huns // *Central Asiatic Journal*. 1955. Vol. I. Pp. 101—106.

Maenchen-Helfen O. The World of the Hunns. — Los Angeles, London, 1973.

Manz B.F. Tamerlane and the Symbolism of Sovereignty // *Iranian Studies*. Vol. XXI. N 1-2. Pp. 105—122.

Manz B.F. The Rise and Rule of Tamerlane. — Cambridge, 1989. — 238 p.

Martin F.R. The Miniature Painting and Painters of Persia, India and Turkey. — London, 1912.

Martin J. Medieval Russia. 980—1584. — Cambridge, 1995.

McGovern W.M. The Early Empires of Central Asia. — Durham: University of North Carolina Press, 1939. — 329 p.

Meister P.W. Edelmetallarbeiten der Mongolzeit // *Ostasiatische Zeitschrift*. 1939. NF Bd. 14. S. 209—213.

Mierow Ch.C. The Gothic History of Jordanes — Princeton: Princeton University Press, 1915 (Barnes and Nobles, 1960).

Minns E.H. Scythians and Greeks, a Survey of Ancient History and Archaeology on the North Coast of the Euxine from the Danube to the Caucasus. — Cambridge: Cambridge University Press, 1913.

Moor E. Die Ausbildung des urungarischen Volkes im Lichte der Laut- und Wortgeschichte // *Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae*, VI—X, 1956—1960.

Musset L. Les invasions: le second assaut contre l'Europe chretienne. — Paris: Presses Universitaires de France, 1965.

Nagel T. Timur der Eroberer und die islamische Welt des späten Mittelalters. — München: C.N. Beck, 1993. — 533 S.

Nagrodzka-Majchrzyk T. Geneza miast u dawnych ludow tureckich (VII—XII w.). — Wrocław: PAN, 1978. — 168 S.

Needham J. Central Asia and the History of Science and Technology // *Journal of Royal Central Asiatic Society*. 1950. Pp. 139—141.

Niederle L. Manuel de l'Antiquite slave. — Paris, 1923—1926. 1—2 T.

Oberhammer E. Die Türken und das osmanische Reich. — Leipzig, Berlin, 1917.

Paul J. Wenn Das Wasser nicht vom Himmel kommt // *Oxus*. 1992. N 2. S. 10—13.

Pelliot P. Christianity in Central Asia in the Middle Ages // *Journal of the Central Asian Society (London)*. 1930. Vol. XVII, pp. 301—312.

Pelliot P., Hambis L. Histoire des capmagnes de Gengis Khan. — Leiden: Brill, 1951.

Phillips E.D. The Mongols. — London: Thames and Hudson, 1969. — 208 p.

Phillips E.D. The Royal Hordes. Nomad Peoples of the Steppes. — New York, London: McGraw-Hill, 1965. — 144 p.

Pinks E. Die Uiguren von Kan-chou in der früheren Sung-Zeit (960—1028). — Wiesbaden: O. Harrasowitz, 1966.

Podhorodecki L. Chanał krymski i jego stosunki z Polską w XV—XVIII w. — Warszawa, 1987.

Pohl W. Die Awaren. Ein Steppenvolk in Mitteleuropa: 567—822. — München: C.H. Beck, 1988. — 529 S.

Poppe N. Introduction to Altaic Linguistics. — Wiesbaden: Harrasowitz, 1965. — 212 p.

Pritsak O. Al-i Burkhan // Der Islam. Bd. 20. — Berlin, 1952. S. 89—96.

Pritsak O. Die bulgarische Fürstenliste und die Sprache der Protobulgaren — Wiesbaden, 1955.

Pritsak O. Die Karachaniden // Der Islam. Bd. 31. T. I. — Berlin, 1953. S. 17—68.

Pritsak O. Karachanidische Streitfragen // Oriens (Leiden). 1950. Bd. 3. S. 209—228.

Pritsak O. Stammesname und Titulaturen der altaistischen Völker // Ural-Altäische Jahrbücher (Wiesbaden). 1952. Bd. I. S. 49—104.

Pritsak O. Von den Karluk zu den Karachaniden // Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft (Wiesbaden). 1951. Bd. 101 (NF 26). S. 270—300.

Radloff W. (Hrsg.) Das Kutadgu Bilik des Jusuf Chass-Hadschib aus Balasagun. Bde. I—II. — St. Petersburg, 1891—1910.

Rice T.T. Ancient Art of Central Asia. — New York: Praeger, 1965.

Richardson H. Tibet and His History. — London, 1962.

Robinson B.W. A Descriptive Catalogue of the Persian Paintings in the Bodleian Library. — Oxford, 1958.

Rossabi M. Cheng Ho and Timur: Any Relations // Oriens Extremus. 1973. 20 Jg. H. 2. Pp. 129—136.

Rossabi M. Ming China and Turfan: 1406—1517 // Central Asiatic Journal. 1972. Vol. XVI. N 3. Pp. 206—225.

Rowley G. Principles of Chinese Paintings. — Princeton, 1959.

Runciman S. A History of the First Bulgarian Empire. — London, 1930.

Sachau E. Zur Geschichte und Chronologie von Khwarizm // Sitzungsberichte der philosophisch-historischen Klasse der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften (Wien). 1873. Jg. 73. S. 421—505.

Silberschmidt M. Das orientalische Problem zur Zeit der Entstehung des türkischen Reiches nach venezianischen Quellen. Ein Beitrag zur Geschichte Venegigs zu Byzanz, Ungarn, Genua und zum Reiche von Kiptschak (1381—1400). — Leipzig, Berlin, 1923.

Sinor D. Autour d'une migration de peuples au V-e siècle // Journal Asiatique. 1946—1947. Vol. CCXXXV. Pp. 1—77.

Sinor D. Horse and Pasture in Inner Asian History // Oriens Extremus (Wiesbaden). 1972. 19 Jg. H. 1—2. Pp. 171—183.

Sinor D. Inner Asia: History, Civilization, Languages. A Syllabus. — Bloomington: Indiana University Press, 1969 (third reprinting — 1987). — XXII + 261 pp. (Uralic and Altaic Series — 96).

Sinor D. On Turkish Buddhism in Central Asia // Korosi Szoma-Archivum. 1939. Suppl. Vol. 1—5. Pp. 392—396.

Sinor D. The Historical Role of the Turk Empire // Journal of the World History. 1953. Vol. I. Pp. 427—434.

Sinor D. The Outlines of Hungarian History // Journal of the World History. 1958. Vol. IV. N 3. Pp. 513—540.

Sinor D. The outlines of Hungarian Prehistory // Cahiers d'Histoire Mondiale. 1958. Vol. IV. Pp. 513—540.

Smith J.M. Mongol and Nomadic Taxation // Harvard Journal of Asiatic Studies. 1970. Vol. 30. Pp. 46—85.

Spuler B. Die Goldene Horde. Die Mongolen in Rußland. 1223—1502. — Wiesbaden: Otto Harrasowitz, 1965 (2. Herausgaben).

Spuler B. Die Mongolen in Iran. — Leipzig, 1939.

Spuler B. Geschichte Mittelasiens seit dem Auftreten der Türken // Handbuch der Orientalistik. Bd. I. V. 5. — Leiden, Köln, 1966. S. 123—165.

Spuler B. Iran in frühislamischer Zeit. — Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1952.

Spuler B. Les mongols dans l'histoire. — Paris: Hachette, 1961.

Spuler B. The Muslim World. A Historical Survey. Pt. II: The Mongol Period. — Leiden: Brill, 1960.

Stein R. La civilisation tibétaine. — Paris, 1962.

Szinnyei J. Die Herkunft der Ungarn, ihre Sprache und Urkultur. 2 Ausgabe. — Berlin, 1923.

Tarn W.W. The Greeks in Bactria and India. — Cambridge: Cambridge University Press, 1951 (1966).

Tauer F. (ed.) Nizam al-Din Shami. Histoire des conquêtes de Tamerlan intitulée Zafarnama par Nizamuddin Sami. Vols. 1—2. — Prague, 1937—1956.

Telfer J.B. The Bondage and Travels of Johann Schiltberger, a Native of Bavaria, in Europa, Asia and Africa, 1396—1424. — London, 1879 (Hakluyt Society Series I. Vol. LVIII).

Thaker T.W. A Nestorian Gravestone from Central Asia in the Gulbenkian Museum, Durham University // Durham University Journal. 1967. March. Pp. 94—107.

Thapar R. A History of India. — London: Pelican Book, 1966.

Thompson E.A. A History of Attila and the Huns. — Oxford: Oxford University Press, 1948.

Togan A.Z.V. Temurs Osteuropapolitik // Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. 1958. Bd. 108. S. 295—296.

Toynbee A.J. A Study of History. Abridgement of Vols. I—VI. — London: Oxford University Press, 1949.

Vámbery H. (Übers. und Hrsg.) Die Scheibaniade. Ein Özbekisches Heldengedicht in 76 Gesängen. — Wien, 1885.

Veenker W. (Hrsg.) Volksepen der uralischen und Altaivölker // Ural-Altäische Bibliothek (Wiesbaden). 1968. Bd. XVI.

Vernadsky G. The Mongols and Russia. — Yale. Yale University Press, 1953. 473 p.

- Vernadsky G. *The Origins of Russia*. — Oxford, 1959.
- Vladimirtsov B. Y. *Le régime social des Mongols: le féodalisme nomade*. — Paris, 1948.
- Waley A. *The Secret History of the Mongols and Other Pieces*. — New York: Barnes and Noble, 1966.
- Waley A. *The Travels of an Alchemist*. — London: Routledge, 1931.
- Walker C.C. *Jenghis Khan*. — London, 1939.
- Watson W. *Cultural Frontiers in ancient East Asia*. — Endinburgh, 1971.
- Watson B. *Records of the Grand Historian of China*. Translated from the *Shih chi* of Ssu-ma Ch'ien. Vols. I—II. — New York: Columbia University Press, 1961.
- Werner E. *Zwei Bemerkungen zum Nomadenwesen // Ethnographisch-Archäologische Zeitschrift*. — Berlin, DDR, 1976. Jg. 17. H. 2. S. 295—302.
- Westerlund D., Svanberg I. (Eds.) *Islam Outside the Arab World*. — Richmond: Curzon Press, 1999. — XII + 488 pp.
- Wittek P. *Deux chapitres de l'histoire des Turcs de Rom // Byzantion*. 1936. Vol. 11.
- Wolff R.L. *The Second Bulgarian Empire. Its origin and history // Speculum*. 1949. Vol. XXIV. Pp. 167—196.
- Woods J.E. *Temur's Genealogy // Mazzaouli M.M., Moreen V.B. (eds.) Intellectual Studies on Islam. Essays Written in Honour of M.B. Dockson*. — Salt Lake City, 1990. Pp. 85—126.
- Zieme P. *Die Uiguren und ihre Beziehungen zu China // Central Asiatic Journal*. 1973. Vol. 17. N 2-4. Pp. 282—293.

Қазақстан Республикасының Президенті жанындағы Қазақстан стратегиялық зерттеулер институты туралы ақпарат

Қазақстан Республикасы Президентінің жанындағы Қазақстан стратегиялық зерттеулер институты (ҚСЗИ) Қазақстан Республикасы Президентінің 1993 жылғы 16 маусымдағы Жарлығымен құрылған.

Қазақстан Республикасы Президентінің жанындағы Қазақстан стратегиялық зерттеулер институтының құрылған күнінен бастап оның негізгі мақсаты — мемлекеттік ғылыми-зерттеу мекемесі ретінде Қазақстан Президентінің және елдің басқарушы органдарының қызметін ғылыми-талдаулармен қамтамасыз ету.

Осы уақыт барысында ҚСЗИ жоғарыкәсіпті ғылыми-талдау орталығына айналды. Бүгінгі таңда институтта алты ғылым докторы, он ғылым кандидаттары, PhD, саясаттану, тарих, экономика, әлеуметтану салаларының мамандары қызмет атқарады.

ҚСЗИ өзінің 22 жылдық қызметі барысында институт сарапшыларының қатысуымен халықаралық қатынас, ғаламдық және аймақтық қауіпсіздік мәселелері бойынша 250-ден астам кітап басып шығарған. Институт үш мерзімді ғылыми-сараптамалық журнал басып шығаруда: «Қоғам және Дәуір» тоқсандық ғылыми-сараптамалық журналы, «Қазақстан-Спектр» тоқсандық ғылыми журналы және «Central Asia's Affairs» тоқсандық сараптамалық журналы (ағылшын тілінде).

Бұл басылымдарда сыртқы және ішкі саясат, халықаралық қатынастар, ұлттық қауіпсіздік, Қазақстан Республикасының әлеуметтік және экономикалық саясаты мәселелері жарық көреді, сондай-ақ материалдарды өзінің www.kisi.kz сайтында жариялайды. ҚСЗИ-дың жеке сайты үш тілде: қазақ, орыс

және ағылшын тілдерінде ұсынылған. Институт өзінің негізгі зерттеу бағыттары бойынша семинарлар, ғылыми конференциялар, «дөңгелек үстелдер», халықаралық форумдар өткізеді. ҚСЗИ өткізетін ғылыми форумдардың ішінде шетелдік сарапшылардың ерекше қызығушылықтарын тудыратыны — 2003 жылдан дәстүрлі өтіп келе жатқан, Орталық Азиядағы ынтымақтастық пен қауіпсіздік мәселелеріне арналған Алматы конференциясы. ҚСЗИ-дың ғылыми басқосуларына Қазақстаннан ғана емес, сонымен қатар, Орталық Азия елдерінің, АҚШ-тың, Германияның, Жапонияның, Иранның, Қытайдың, Пәкістанның, Ресейдің, Түркияның, Үндістанның, Францияның және басқа да мемлекеттердің ғалымдары белсене қатысуда.

ҚСЗИ негізінде Қазақстанның жетекші жоғарғы оқу орындарының студенттері мен шетелдік сарапшылар үнемі тәжірибеден өтіп отырады.

Бүгінгі таңда институтта қызметкерлердің кәсіби және ғылыми өсулері үшін барлық қажетті жағдайлар жасалынған. ҚСЗИ туралы толық ақпаратты төмендегі мекен-жайдан алуға болады:

Қазақстан Республикасы, 010000, Астана,
Бейбітшілік көшесі, 4
Тел.: +7 (7172) 75-20-20
Факс: +7 (7172) 75-20-21
E-mail: office@kisi.kz
www.kisi.kz

Информация о Казахстанском институте стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан

Казахстанский институт стратегических исследований (КИСИ) при Президенте Республики Казахстан был создан Указом Президента Республики Казахстан 16 июня 1993 г.

С момента своего возникновения основной задачей Казахстанского института стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан как государственного научно-исследовательского учреждения является научно-аналитическое обеспечение деятельности Президента Казахстана, руководящих органов страны.

За это время КИСИ превратился в высокопрофессиональный научно-аналитический центр. В настоящее время в институте работают шесть докторов наук, десять кандидатов наук, PhD, специалисты в области политологии, истории, экономики, социологии.

За 22 года деятельности в институте было издано более 250 книг по международным отношениям, проблемам глобальной и региональной безопасности. В КИСИ издаются три журнала: «Қоғам және Дәуір» (на казахском языке), «Казахстан-Спектр» (на русском языке), «Central Asia's Affairs» (на английском языке). Институт располагает собственным сайтом на трех языках: казахском, русском и английском.

В КИСИ ежегодно проводится большое количество международных научных конференций, семинаров, круглых столов.

Особый интерес у экспертов вызывают ежегодные конференции КИСИ, проводимые с 2003 г. и посвященные проблемам безопасности и сотрудничества в Центральной Азии.

В научных форумах КИСИ принимают участие не только эксперты из Казахстана и стран Центральной Азии, но и

ученые из Германии, Индии, Ирана, Китая, Пакистана, России, США, Турции, Франции, Японии и др.

На базе КИСИ постоянно проходят стажировку и преддипломную практику студенты ведущих казахстанских высших учебных заведений, а также зарубежные эксперты.

В настоящее время в институте созданы необходимые условия для профессионального и научного роста сотрудников. Более подробную информацию о КИСИ можно получить по адресу:

Республика Казахстан, 010000, Астана,

ул. Бейбитшилик, 4

Тел.: +7 (7172) 75-20-20

Факс: +7 (7172) 75-20-21

E-mail: office@kisi.kz

www.kisi.kz

About the Kazakhstan Institute for Strategic Studies Under the President of the Republic of Kazakhstan

The Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan (KazISS) was established on June 16, 1993 by the Decree of the President of the Republic of Kazakhstan.

Since its foundation the mission of the KazISS as the national research institution is to provide analytical support to the President of the Republic of Kazakhstan, and public administration agencies of Kazakhstan.

The KazISS enjoys a reputation of the leading think tank of Kazakhstan as it employs a highly professional pool of experts; at present it includes six doctors and ten candidates of sciences and PHDs, who specialize in political science, history, economics and sociology.

During the twenty-two years of functioning the KazISS have published more than 250 books on international relations, global and regional security. The Institute publishes three journals: the *Kogam zhane Dayir* in Kazakh, the *Kazakhstan-Spectrum* in Russian and the *Central Asia's Affairs* in English. The KazISS has a trilingual website; in Kazakh, Russian, English.

The KazISS holds a great number of international conferences, seminars and round tables, including the Annual Conferences (regularly held since 2003) participated by the experts from Kazakhstan, Central Asia as well as Russia, China, Germany, France, India, Iran, Turkey, Pakistan, Japan, the USA and other countries.

The KazISS is the basis for the professional practice work for the students of the leading Kazakhstan universities and for the fellowships for both Kazakhstan's and foreign researchers.

Contact us for any further information:

4, Beybitshilik St.

Astana, 010000

Republic of Kazakhstan

Tel: +7 (717) 75-20-20

Fax.: +7 (717) 75-20-21

E-mail: office@kisi.kz

www.kisi.kz

Для заметок

Для заметок

Монография

Мурат Турарович Лаумулин

**ИСТОРИЯ КАЗАХСТАНА И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
В МИРОВОЙ ОРИЕНТАЛИСТИКЕ**

(к 550-летию Казахского ханства)

Часть II

**Древняя и средневековая история
Центральной Евразии
в трудах зарубежных востоковедов**

Редактор-корректор **Н.И. Шестакова**

Дизайн обложки **И.В. Новицкий**

Верстка **Е.В. Тушкова**

Подписано в печать 28.12.2015. Формат 60х90 1/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Печ. л. 37.

Тираж 500 экз.

Казахстанский институт стратегических исследований
при Президенте Республики Казахстан
010000, г. Астана, ул. Бейбитшилик, 4.

Отпечатано в типографии ООО «КРОИВА»
г. Алматы, ул. Ч. Валиханова, д. 115.